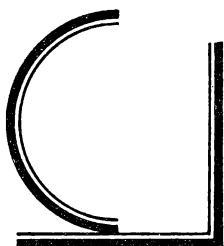

И. В. ГЕТЕ
Ф. ШИЛЛЕР

ПЕРЕПИСКА

ИСТОРИЯ
ЭСТЕТИКИ
В ПАМЯТНИКАХ
И ДОКУМЕНТАХ

И.-В. Гете
Ф. Шиллер

ПЕРЕПИСКА

В 2-х ТОМАХ

ТОМ I

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1988

Редакционная
коллегия

Председатель

М. Ф. ОВСЯННИКОВ

А. А. АНИКСТ

К. М. ДОЛГОВ

А. Я. ЗИСЬ

А. Ф. ЛОСЕВ

А. В. НОВИКОВ

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

В. П. ШЕСТАКОВ

Вступительная статья
А. А. АНИКСТА

Перевод с немецкого
и комментариев
И. Е. БАБАНОВА

Рецензент —
П. М. КАРП

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. АНИКСТ.
ТВОРЧЕСКИЙ СОЮЗ ГЕТЕ И ШИЛЛЕРА
И ЭСТЕТИКА ВЕЙМАРСКОГО КЛАССИЦИЗМА

7

1794 год

40

1795 год

78

1796 год

167

1797 год

305

КОММЕНТАРИЙ

474

ТВОРЧЕСКИЙ СОЮЗ ГЕТЕ И ШИЛЛЕРА И ЭСТЕТИКА ВЕЙМАРСКОГО КЛАССИЦИЗМА

1.

Переписка Шиллера и Гете — замечательное явление духовной культуры. Это памятник беспримечательной дружбы двух художественных гениев — случай до крайности редкий в истории литературы и искусства. В разные эпохи появлялись пары титанов, но они творили не сходясь, а иногда даже оказывались в прямом конфликте. Вражда разделяла Микеланджело и Леонардо да Винчи. Резкими были антагонизмы Вольтера и Руссо. Не сходились Диккенс и Теккерея. Обособленными были пути Толстого и Достоевского. А с Гете и Шиллером произошло нечто необыкновенное — их связала подлинная дружба. Отношения между ними запечатлелись в тысяче писем, которыми они обменялись на протяжении более десяти лет.

Значение переписки Шиллера и Гете не ограничивается тем, что в ней отразились взаимное доброжелательство и духовная близость двух гениев поэзии. Личное занимает сравнительно мало места в их письмах. Больше говорится о литературно-издательских заботах. Но главное место в переписке заняли творческие вопросы. Письма Шиллера и Гете — сокровищница художественной и теоретической мысли, по праву занявшая видное место в истории эстетики и теории литературы.

Далеко не все гении искусства оставили такое богатое теоретическое наследие, как Гете и Шиллер. Художники-мыслители, они много размышляли о вопросах литературы и искусства и создали значительные теоретические сочинения. В XVIII веке эстетика, поэтика разных видов литературы, теория искусства получили большую разработку в странах Западной Европы. Шефтсбери, Юм, Бёрк в Англии, Вольтер, Дидро, Руссо во Франции, Вико в Италии, Винкельман, Лессинг, Гердер в Германии не только обогатили теорию художественного творчества, но и привили интерес к ней в широких кругах интеллигенции. В Германии, вступившей в полосу замечательного развития философии, вопросы художественной культуры привлекали особое внимание. Уже французские просветители — и среди них в первую очередь Руссо — связали вопросы искусства с социальными проблемами. В Германии также рассматривали искусство и духовную культуру как часть социаль-

ной проблематики. Вико, как известно, дал мощный толчок теории цивилизации, указав, что каждой ее ступени присущи как определенные формы государственного и общественного строя, так и особые качества духовной культуры. Немецкие теоретики искусства развили эту идею, и для Шиллера она стала одним из стержней его социальной и эстетической мысли.

В письмах обоих корифеев немецкой литературы отражена литературная, художественная и театральная жизнь Германии на рубеже XVIII — XIX веков. Многие факты, которых писатели касаются в письмах, привязаны к определенному времени и имеют значение лишь для истории немецкой культуры, но суждения, высказываемые при этом Гете и Шиллером, представляют не только исторический интерес. В сущности, в такого рода замечаниях обоих отражается их позиция в целом, и поэтому частные, казалось бы, факты связаны с эстетикой и взглядами обоих поэтов на искусство.

Естественно, что письма, написанные Гете, — важные явления его творческой биографии, как и письма Шиллера — документы, неразрывно связанные с эпохой творческой зрелости его как драматурга и мыслителя. Но обязательно надо повторить, что, хотя каждый из корреспондентов выражает свою индивидуальность, взятые вместе, письма их примечательны как проявление взаимодействия двух художественных гениев. Это придает переписке Шиллера и Гете своего рода драматизм.

Сближение Гете и Шиллера имело важное значение для творчества обоих. Они встретились в пору кризиса, имевшего у каждого из них свои причины. Обмен мыслями, творческими замыслами, обсуждение произведений в процессе их создания послужили мощным стимулом для творческой деятельности как Гете, так и Шиллера. Их дружба обогатила мировую литературу замечательными творениями.

2.

Элементарная истина о том, что мышление и творчество писателей во многом обусловлено общественно-политическими условиями их времени, весьма наглядно подтверждается судьбами Гете и Шиллера. Им суждено было жить и творить в такую пору, о которой Ф. Энгельс не обинуясь сказал, что то была «позорная в политическом и социальном отношении эпоха» *. И он же беспощадно охарактеризовал то, в чем именно было несчастье Германии в пору жизни Гете и Шиллера: «Это была одна отвратительная гниющая и разлагающаяся масса. Никто не чувствовал себя хорошо. Ремесло, торговля, промышленность и зем-

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 562.

леделие страны были доведены до самых ничтожных размеров. Крестьяне, ремесленники и предприниматели страдали вдвойне — от паразитического правительства и от плохого состояния дел. Дворянство и князья находили, что, хотя они и выжимали все соки из своих подчиненных, их доходы не могли поспевать за их растущими расходами. Все было скверно, и во всей стране господствовало общее недовольство. Ни образования, ни средств воздействия на сознание масс, ни свободы печати, ни общественного мнения, не было даже сколько-нибудь значительной торговли с другими странами — ничего кроме подлости и себялюбия; весь народ был проникнут низким, раболепным, жалким торгашеским духом. Все прогнило, расшаталось, готово было рухнуть, и нельзя было даже надеяться на благотворную перемену, потому что нация не имела в себе силы даже для того, чтобы убрать разлагающийся труп отживших учреждений» *. Страна была раздроблена на бесчисленные мелкие княжества, между которыми стояли таможенные перегородки. Разделение нации на три сотни независимых государств препятствовало объединению сил, противостоявших прогнившему феодальному режиму. А такие силы были. В среде мыслящей буржуазной интеллигенции находились люди, выражавшие недовольство народных масс.

На почве этого недовольства развилось немецкое просветительство, впитывавшее освободительные идеи, которые веяли из более развитых в экономическом отношении стран — Англии и Франции. В 1770-е годы в среде передовых людей возникло движение протеста против невыносимых социально-политических условий, известное в истории под названием «Бури и натиска». Идейными вождями движения были И.-Г. Гердер и молодой Вольфганг Гете. Возмущение господствующим режимом получило особенно сильное выражение в драме Гете «Гец фон Берлихинген» (1773) и в его же романе «Страдания юного Вертера» (1774). Но ни эти произведения, ни сочинения других примыкавших к бунтарскому движению писателей не дошли до народа, не вызвали сколько-нибудь действенного отклика. Причина заключалась в слабости немецкой буржуазии. Здесь опять уместно сослаться на Ф. Энгельса, который писал: «...немецкие буржуа знали, что Германия — это только навозная куча, но им было удобно в этом навозе, потому что сами они были навозом и потому что окружающий навоз согревал их. А рабочему люду жилось не хуже, чем сейчас, за исключением крестьян, которые в большинстве своем были крепостными и ничего не могли сделать без поддержки горожан, так как среди них постоянно были расквартированы наемные войска, грозившие затопить в крови всякую попытку к восстанию» **.

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 561—562.

** Там же, с. 561.

Деятели «Бури и натиска» вскоре поняли бесплодность попыток разбудить народ и подвинуть его к решительным действиям. И первым, кто почувствовал это, был Гете. Тогда-то произошло его сближение с владельцем небольшого герцогства Карлом Августом Саксен-Веймарским. Создатель «Геца» и «Вертера» стал, по сути дела, министром этого маленького государства, надеясь произвести хоть там реформы, которые облегчили бы положение местных жителей. Десять лет посвятил Гете многообразной деятельности практического характера, но вскоре убедился, что и она не приносит желанного результата. Тогда он решил на новую перемену в своей жизни — вернуться к чисто художественной деятельности. С этой целью он уехал в Италию, где занимался искусством и завершил ряд произведений, начатых в Веймаре.

Поняв, что ожидать революции в Германии не приходится, Гете, однако, не отказался от своих прогрессивных идеалов. Он по-прежнему желает облегчения участи народных масс, надеется на установление более справедливых порядков в обществе, но рассчитывает на то, что перемены будут произведены сверху — просвещенным монархом. Поняв безнадежность решительных перемен, Гете проникается убеждением, что социальный прогресс может быть достигнут в Германии только путем постепенных реформ.

В этом Гете следует не только печальным выводам из фактического положения в Германии, но и из соображений общепhilosophического характера. В Веймаре поэт начинает всерьез заниматься естественными науками и наблюдениями над явлениями природы. Изучая растения и животных, он приходит к выводу, что всякое развитие есть результат медленных и постепенных изменений. А так как человек часть природы, то, полагает теперь Гете, развитие его жизни подчиняется тому же закону постепенности, и этому же подчинено развитие человеческого общества в целом.

Изменились в веймарский период и взгляды Гете на искусство. Поэт «Бури и натиска» отвергал всякие правила художественного творчества, утвержденные рационалистической эстетикой и поэтикой XVII и первой половины XVIII века. «Вольной» была форма драмы, созданной молодым Гете, вольной была и форма его прославленного романа. Гете, пришедший к тому, что нельзя насильственно менять существующие государственные и социальные формы, проникается убеждением, что и в искусстве нельзя отвергать сложившуюся традицию.

Начиная с эпохи Возрождения европейский гуманизм утверждает высшей художественной нормой античный идеал. Еще до отъезда в Италию Гете все больше склоняется к тому, чтобы возродить в своем творчестве художественные формы, завещанные античностью. Во время пребывания в Италии Гете окончательно утверждает в этом намерении. Памятники искусства Древней Греции и Рима становятся

теперь для Гете высшим образцом и художественной нормой. Читая «Одиссею» на фоне итальянской природы, Гете критически пересматривает свои прежние художественные принципы. Это видно из его письма Гердеру из Неаполя (1787): «Древние изображали жизнь, мы обычно изображаем эффект. Они описывали ужасное, мы ужасно описываем, они — приятное, мы приятно и т. д. Отсюда — вся преувеличенность, манерность, вся фальшивая грация, вся напыщенность. Ибо, стремясь к эффектной работе и работая на эффект, все время думаешь, что ты его не достиг» *. Гете особенно привлекает в Гомере естественность, чистота и задушевность, поразительная натуральность.

Молодой Гете, Гете-штюрмер, видел основу искусства в характерности. В Италии он отвергает этот принцип во имя гармонии и красоты. Это со всей ясностью сказалось в изменении стиля гетевских драм. Уже в «Эгмонте» проза становится ритмической, а «Ифигению в Тавриде», «Торквато Тассо» Гете пишет пятистопным ямбом. В этих произведениях, обнародованных по возвращении из Италии, перед читателями предстал новый Гете, совершенно непохожий на создателя «Геца фон Берлихингена» и «Страданий юного Вертера». То был умиротворенный Гете, поэт, утвердивший в немецкой литературе новый, «классический» стиль. Собственно, именно с этих произведений начинается то, что впоследствии получило название веймарского классицизма.

Теоретическим манифестом нового направления в творчестве Гете явилась его статья «Простое подражание природе, манера, стиль» (1789). В период «Бури и натиска» в эстетике Гете были сильны элементы субъективизма. Штюрмерский гений имел право на полную свободу творчества. Теперь, считает Гете, подобно тому как личность должна принять нормы существующего общественного порядка, так художник должен подчиниться объективным законам искусства, высшие образцы которого дала античность. Простое подражание природе, натуральность художественного изображения, стремящегося к чисто внешнему правдоподобию, — это, в глазах Гете, низшая ступень искусства. Манерой Гете называет такое творчество, в котором жизненные явления сильно окрашены индивидуальностью художника. Эта ступень выше простого подражания природе, но идеальной формой искусства является та, в которой есть стиль, как его понимает Гете. У него стиль не означает присущую данному художнику особую манеру выражения. Стиль в понимании Гете зиждется прежде всего на постижении сущности явлений. Иначе говоря, художник должен начать с осмысления сущности своего объекта. Творчество начинается, таким образом, с мыслительного процесса. «Если простое подражание зиждется на спокойном утверждении сущего, на любовном созерцании его,

* Гете И.-В. Собр. соч. в 10-ти т., т. 9. М., 1975—1980, с. 159. Ниже ссылки на издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

манера — на восприятии явлений подвижной и одаренной душой, то стиль покоится на глубочайших твердых познаниях, на самом существе вещей, поскольку нам дано его распознать в зримых и осязаемых образах» (10, 28).

Не случайно Гете-поэт занимается в эти годы наблюдениями над природой. Это один из его путей постижения сущности явлений. Сам Гете, в отличие от многих современников, отнюдь не видел в естественных занятиях отклонения от художественной деятельности. Искусство для Гете важнейшее средство познания жизни. Поэт и художник не просто копируют природу; они воплощают в своих произведениях свое понимание жизни.

Для выявления сути того или иного объекта необходимо отвлечься от всего внешнего, случайного, поверхностного и найти стержень, основу данного рода явлений. Примерно так рассуждал Гете. Наблюдая растения, он приходит к выводу, будто изначально существовало некое прарастение, из которого развились все остальные виды растительного мира. И совсем не случайно мысли об этом следуют в письме к Гердеру, цитированном выше, непосредственно после рассуждения о художественных достоинствах «Одиссеи» в сравнении с поэзией нового времени: «...я близок к разгадыванию тайны размножения и строения растений, и (...) это очень просто — проще не придумаешь, — писал Гете. — Под здешним небом можно наблюдать правильно и точно. Главное — начало всех начал — я знаю теперь отчетливо и бесспорно; остальное уже вижу в целом, только некоторые пункты еще надо сделать определеннее. Прарастение станет удивительнейшим созданием на свете, сама природа позавидует мне за него. С этой моделью и ключом к ней станет возможно до бесконечности придумывать растения, вполне последовательные, иными словами, которые если и не существуют, то безусловно могли бы существовать и, не будучи поэтическими или живописными видениями и тенями, обладать внутренней правдой и необходимостью. Этот же закон сделается применимым ко всему живому» (9, 159).

Гете ищет корней жизни, основ ее развития. Когда-то он с таким же пылом оповестил Гердера об открытии межчелюстной кости. С таким же энтузиазмом будет он впоследствии утверждать свою теорию цвета, опровергая оптику Ньютона. Горячее, глубоко взволнованное отношение к естественнонаучным занятиям — не прихоть поэта, а выражение его стремления познать те истины, в которых отказывала людям тогдашняя наука. Гете не «придумал» Фауста. Фаустовское начало присуще его ищущей натуре, не удовлетворяющейся плоскими и поверхностными решениями коренных проблем бытия. Научное знание, ведущее к постижению природы, стало такой же потребностью для Гете, как и поэтическое творчество.

Как ни прекрасно было пребывание в Италии, Гете вернулся в Веймар. Его ожидал здесь холодный прием. Подруга первых десяти лет веймарской жизни Гете Шарлотта фон Штейн была глубоко оскорблена тем, что причину своего отъезда в Италию Гете скрыл даже от нее. Ему самому серое немецкое небо показалось неприветливым после знойного юга. Отход от дел, связанных с управлением герцогством, тоже оборвал некоторые связи. Мелочные интересы Веймара показались еще ничтожнее по сравнению с космическим размахом мысли Гете, в котором снова пробудилось фаустовское начало.

Неожиданное событие привело к еще большему отчуждению Гете от придворного общества. Событием этим стала связь Гете с Христианой Вульпиус, двадцатитрехлетней работницей цветочной фабрики. Питая отвращение к церкви и церковному браку, Гете не оформил своих отношений с Христианой. Высший свет Веймара был возмущен поведением поэта, поправшего все «приличия». Гете еще больше отдалился от своего веймарского окружения. Его все чаще тянуло в университетский город Иену, где он общался с цветом тогдашней профессуры, которую опекал по официальной обязанности.

Появление в печати произведений, завершенных в Италии, — «Эгмонта», «Ифигении в Тавриде», «Торквато Тассо», фрагмента первой части «Фауста» — было сравнительно холодно встречено читателями. Не того ждали от автора «Гецца» и «Вертера». Новые творения Гете показались слишком уравновешенными и холодными. Широкая публика не поняла перемен, происшедших в творческом сознании Гете. Таково было его положение в период, предшествовавший сближению с Шиллером.

3.

Еще до отъезда Гете в Италию Шиллер завоевал широкую известность своими первыми драмами — «Разбойники» (1781), «Заговор Фиеско в Генуе» (1783), «Коварство и любовь» (1784). Пафос свободолюбия сразу же привлек к Шиллеру симпатии всех, кто томился в условиях мелкокняжеского феодального гнета. Обличение его с особенной силой прозвучало в «Коварстве и любви», «первой немецкой политически тенденциозной драме» * (Ф. Энгельс). Получилось так, что после того, как движение «Бури и натиска» распалось, его боевой бунтарский дух снова ожил в пьесах молодого Шиллера. Но именно потому, что Гете пережил мучительный для него процесс преодоления бунтарских настроений, творчество Шиллера вызвало резко неприязненное его отношение. Трудно сказать, насколько был знаком с произведе-

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 333.

дениями Шиллера старший поэт. Едва ли знал он о том, что Шиллер, создав свои революционные драмы, также увидел бесплодность стремлений пробудить в народе деятельный протест против социальной несправедливости. Ему тоже пришлось убедиться в отсутствии перспективы революции в Германии. Гете, как мы знаем, после отхода от «Бури и натиска» попытался хоть частично осуществить свои идеалы при помощи герцога Карла Августа. Шиллер тоже склонялся к идее просвещенного монарха, что получило выражение в его драме «Дон Карлос» (1787). Но для Гете он по-прежнему оставался автором «Разбойников».

Шиллер в поисках надежного пристанища появился в июле 1787 года в Веймаре. Через год с небольшим, в сентябре 1788-го, Шиллер встретился с Гете, незадолго до этого вернувшимся из Италии. Гете был еще полон впечатлений о пребывании там и живо рассказывал об этом.

«Наше знакомство свершилось быстро и без малейшего принуждения,— писал Шиллер своему другу Готфриду Кёрнеру.— Однако общество было слишком большое, и все слишком ревниво стремились привлечь к себе его внимание» *. Заклучая описание встречи, Шиллер делал такие выводы: «В общем, мое исключительно высокое мнение о нем после этого личного знакомства не изменилось, но я сомневаюсь в том, чтобы мы с ним когда-либо очень сблизились. Многое, что мне еще интересно, чего я еще желаю и на что надеюсь, для него пройденный этап. Он так опередил меня (не столько годами, сколько жизненным опытом и работой над собой), что нам никогда больше не встретиться в пути. И вся его натура с самого начала была наделена иными задатками, чем моя, его мир — не мой мир, наши представления кажутся существенно различными. Все же на одной такой встрече нельзя строить надежные и глубокие выводы. Время покажет, что из этого выйдет» (7, 170).

Действительно, прошло несколько лет, прежде чем произошло сближение обоих поэтов. Гете, однако, принял участие в судьбе Шиллера. При его содействии Шиллер, после издания первой части труда «История отпадения Нидерландов от испанского владычества» (1788) сразу приобретший славу замечательного историка, получил кафедру истории в Йенском университете. Заработок был небольшим, Шиллер вынужден был ходатайствовать о помощи, и — опять при содействии Гете — герцог Веймарский назначил Шиллеру скромную пенсию (200 талеров в год). Впоследствии Шиллеру помогли покровители из Дании — принц

* Шиллер Ф. Собр. соч. в 7-ми т., т. 7. М., 1957, с. 169. Далее ссылки на сочинения и письма Шиллера даются по этому изданию в тексте с указанием тома и страницы.

Августенбургский и министр финансов Шиммельман, назначив ему пособие в три тысячи талеров на три года (с 1791 г.).

Несмотря на открывшийся туберкулез, Шиллер работает с огромной энергией: пишет «Историю Тридцатилетней войны» (1791—1793), изучает философию Канта, углубленно занимается проблемами эстетики. На время поэтическое творчество отходит на второй план. Это естественно, если принять во внимание, что Шиллер переживает глубокий духовный кризис, вызванный отсутствием перспектив на перемены в социальной жизни Германии. Ему необходимо найти новую опору для дальнейшей деятельности. Он ищет ее в истории и философии. Но так как Шиллер остается в душе прежде всего художником, то глобальные проблемы бытия нужны ему для решения глубоко личного вопроса — как творить дальше. Отсюда интерес к эстетике.

В истории Шиллера интересовали драматические периоды, полные напряженной борьбы, и в первую очередь такие, когда определялась судьба наций. Нидерландская революция привлекла его внимание тем, что в ней особенно ярко проявилась активность народа. В предисловии к «Истории отпадения Нидерландов...» Шиллер подчеркивал, что это историческое событие вызвано отнюдь не выдающейся активностью каких-либо примечательных личностей, а именно борьбой всей нации. Перед умственным взором Шиллера в процессе создания этого труда витал образ народной массы, оказавшейся способной сплотиться для освободительной войны против своих угнетателей. Именно поэтому, мысленно сравнивая жителей Нидерландов с населением раздробленной Германии, Шиллер обратился затем к истории Тридцатилетней войны, этому, как выразился Ф. Энгельс, «национальному несчастью»; укоренившаяся в итоге войны раздробленность страны надолго задержала ее экономическое развитие, обусловила слабость немецкой буржуазии.

Точно так же вопросы философии интересовали Шиллера не абстрактно, а в связи с нравственным развитием человечества. К ним, образуя единый комплекс, примыкали и проблемы эстетики.

В таком широком плане протекала духовная деятельность Шиллера, мучительно раздумывавшего над судьбами своего народа в условиях жесточайшего безвременья.

Не так шла жизнь за пределами Германии, в соседней Франции. Здесь вспыхнула наконец давно назревшая буржуазная революция. Сначала она была встречена передовыми людьми Германии с большим воодушевлением. Отсталая Германия была буквально потрясена, когда в ночь с 4 на 5 августа Национальное собрание Франции приняло решение об отмене основных феодальных порядков — крепостного права, цеховых установлений, феодальных поборов, купли должностей. Но если начальные стадии революции были сравнительно мир-

ными, то уничтожение монархии привело к усилению сопротивления старого господствующего класса, а это в свою очередь вызвало отпор буржуазии и народа. Классовая борьба приняла ожесточенный характер. Эмигрировавшие дворяне в союзе с феодальными князьями Германии организовали военный поход против молодой республики. Революция ответила массовым террором.

Когда события приняли такой оборот, отношение немецкой интеллигенции к Франции изменилось. Лишь немногие, наиболее демократичные деятели остались приверженцами республиканских идей. Гете и Шиллер примкнули к тем, кто решительно отверг плебейские методы расправы со сторонниками прежнего господствующего класса во Франции. Их отношение к Французской революции точно определил Г. Лукач. «Влияние общего положения немецкой буржуазии, столь слабой в экономическом и политическом отношениях и вместе с тем уже как бы созревшей для преобладающей роли в идеологической жизни общества, породило то направление буржуазных идеологов, наиболее выдающимися представителями которого стали Гете и Шиллер. Это направление стремилось к слиянию культурной верхушки буржуазии и дворянства на основе постепенной демократизации социально-политической жизни Германии. В известном смысле можно сказать, что оно стремилось к социальным результатам 1789 года, но без революции. Это направление немецких идеологов отклоняет революционный метод, особенно же мобилизацию пролетарских и полупролетарских общественных слоев для осуществления целей буржуазной революции. Одновременно оно стремится утвердить экономическое и политическое содержание принципов 1789 года, оно проповедует постепенное устранение феодализма в Германии под общим руководством наиболее развитой в культурном отношении части буржуазии и перешедшей на позиции буржуазного строя, добровольно отказавшейся от феодальных привилегий части дворянства» *.

К этой позиции оба поэта пришли самостоятельно, каждый своим путем, и такова была идеологическая основа их союза, возникшего в 1794 году. Сторонники социального прогресса, они оба оказались вынуждены жить в условиях, когда для преобразований в Германии не было реальных предпосылок. Отсюда — их мучительные поиски выхода из безнадежной ситуации. Отсюда — противоречия в их теоретических построениях и творчестве.

* Лукач Г. Шиллер и Гете в их переписке.— В кн.: Гете и Шиллер. Переписка. Т. 1. М.— Л., 1937 с. VII—VIII.

4.

Гете признавался, что даже после того, как Шиллер поселился в Веймаре, он избегал его. Когда Шиллер переехал в Иену, Гете, часто бывавший там, тоже не встречался с ним. Не замечал Гете и тех сочинений Шиллера, в которых сказывались перемены, происшедшие в его взглядах. А если замечал, то относился к ним предвзято, как, например, к статье Шиллера «О грации и достоинстве» (1793). Гете увидел в ней всего лишь попытку приложения нравственной философии Канта к области искусства. К тому же, как показалось Гете, Шиллер позволил себе «резкие выпады» против него (9, 432—433). Между тем на самом деле Шиллер выступал здесь не против Гете, а против Канта. «Самостоятельное отношение Шиллера к Канту,— писал В. Ф. Асмус,— сказалось не только в том, что Шиллер усвоил в эстетике Канта *сильнейшую* ее сторону — взгляд на искусство как на деятельность, поднимающуюся посредством формы до выражения *идей*. Самостоятельность Шиллера обнаружилась еще ярче там, где Шиллер уже не *интерпретирует* Канта, а *отступает* от него, возражает Канту, *преодолеывает* Канта. Полемизируя с Кантом, Шиллер движется от Канта к Гете и даже к Гегелю, от идеализма субъективного к объективному, от метафизики к диалектике, от эстетической теории познания к эстетике как средству разрешения противоречий культуры и истории» *. Необходимым условием морального поведения Кант считал подавление чувственной стороны природы человека. Об этом и спорил Шиллер с Кантом в статье «О грации и достоинстве», не понравившейся Гете. Между тем Шиллер со всей прямоотой заявил: «В нравственной философии Канта идея долга выражена с жестокостью, отпугивающей всех граций и способной легко соблазнить слабый ум к поискам морального совершенства на путях мрачного и монашеского аскетизма» (6, 146). Кант разрывал долг и наслаждение. Дуализм философии великого мыслителя сказался и в этом. Шиллер же в полном согласии со своей гуманистической философией исходил из единства человеческой природы. «...Как ни противоположны друг другу действия по склонности и по долгу в объективном смысле,— считает Шиллер,— в субъективном вовсе не так, и человек не только может, но и должен связать удовольствие с долгом; он должен повиноваться своему разуму с радостью. Его чувственная природа присоединена к чисто духовной не для того, чтобы он сбрасывал с себя первую как бремя или как грубую оболочку, нет, для того, чтобы глубочайшим образом сочетать ее с своим высшим я. Уже тем, что природа создала его разумно чувственным существом, то есть человеком, она вменила ему в

* Асмус В. Ф. Шиллер как философ и эстетик.— В кн.: Шиллер Ф. Собр. соч., т. 6. М., 1957, с. 701—702.

обязанность не разделять того, что она соединила в чистейших проявлениях своей божественной стихии, не оставлять позади себя чувственную сторону и не основывать торжества одного начала на подавлении другого» (6, 146). Гете не отнесся к статье Шиллера с должным вниманием, иначе он должен был бы заметить, что в таком гармоническом понимании природы человека Шиллер приближался к его взглядам. Но Гете продолжал видеть в Шиллере своего антипода и считал, что «о сближении нечего было и думать» (9, 433). Тем не менее оно произошло, и об этом Гете рассказал в автобиографической заметке, многозначительно названной им «Счастлирое событие» (1818).

В Иене было организовано Общество естествоиспытателей. «Я обычно присутствовал на заседаниях этого Общества,— повествует Гете.— Однажды я встретил там Шиллера; случилось так, что мы вышли одновременно, завязался разговор...» (9, 433). Шиллер высказал мнение по поводу только что услышанного доклада, что «расчлененный подход к природе не может завлечь дилетанта», каковым, по-видимому, он считал себя.

«Я отвечал,— продолжает Гете,— что он и посвященного, пожалуй, оттолкнет, а ведь к природе можно подойти и по-другому, не расчленяя ее, не рассматривая отдельные ее куски, но попытаться, живую и действенную, представить ее себе, идя отдельно к отдельным частям. Он пожелал точнее узнать, что я под этим подразумеваю, но своих сомнений не скрыл и не верил, что это утверждение я основываю на собственном опыте.

Мы дошли до его дома, наша беседа заставила меня войти. Я быстро посвятил его в свои мысли о метаморфозе растений и несколькими характерными штрихами набросал для него символическое растение. Он слушал и всматривался в мой рисунок с большим вниманием, проявляя недюжинную способность все схватывать на лету, но когда я кончил говорить, покачал головою и сказал: это не опыт — идея. Я оторопел, признаться, несколько раздосадованный, ибо пункт, который нас разделял, здесь непреложно обозначился. Утверждение в «Грации и достоинстве» снова пришло мне на ум. Старый гнев во мне уже закипал, но я взял себя в руки и ответил: мне-де очень приятно слышать, что у меня есть идеи, о которых я даже не подозревал и которые вижу собственными глазами» (9, 433—434).

Через несколько дней после этой встречи Гете написал приятельнице Шиллера Шарлотте фон Кальб: «Шиллер стал любезнее и доверчивее к нам, веймарцам, что меня радует, так как я надеюсь почерпнуть много хорошего из общения с ним» *. Наконец, уже после смерти Шиллера, Гете записал в своих «Анналах», что год 1794-й был для мира

* Гете И.-В. Собр. соч. в 13-ти т., т. 13. М., 1949. с. 57.

и для него лично весьма тяжелым. Жива была память о казнях Людовика XVI, Марии-Антуанетты, принцессы Елизаветы; в духовной жизни Германии росли противоречия между различными течениями мысли, что Гете обозначил как аристократическую анархию; отметил он и разногласия в научной среде, связанные для него лично с его естественнонаучными занятиями. «В этом напоре противоречий все мои желания и надежды превзошли внезапно возникшие отношения с Шиллером,— пишет Гете.— Начиная с первого сближения это привело к безостановочному философскому развитию и эстетической деятельности» *.

Шиллер задумал как раз в это время издавать журнал «Оры» с целью объединить лучшие духовные силы Германии. Он пригласил Гете участвовать в нем. Тот охотно согласился. Начавшееся сближение быстро перешло в близкие отношения после исторического письма Шиллера от 23 августа 1794 года. В нем Шиллер обрисовал Гете свое понимание его личности. Гете недаром ответил на него словами, что лучшего подарка к своему дню рождения (28 августа) он не мог получить. Надо признать, что среди многочисленных характеристик Гете эта одна из самых проникновенных. Шиллер тогда еще мало что знал о Гете-человеке, но как истинный художник он определил характер Гете по его произведениям, обнаруженным к тому времени. И само суждение Шиллера о Гете основано на том, к чему Гете пришел в свой послебунтарский веймарский период, точнее даже период «послеитальянский». Это тот Гете, который обрел внутреннюю гармонию, хотя, как мы знаем, внешне гармоничный Гете оставался полным противоречий, испытывал мучительные кризисы, но умело скрывал их за «олимпийством», которое ему с некоторого времени стали приписывать.

Шиллер понял самое существенное в мирозерцании Гете — его восприятие природы как цельности, стремление постичь ее законы из нее самой. Понял он и основу метода познания Гете: «Вы берете всю природу в целом, чтобы пролить свет на частное, во всеобщности явлений природы Вы ищете основу для объяснения индивида. Шаг за шагом восходите Вы от простейшей организации ко все более усложненным, чтобы под конец вывести генезис самой сложной организации, человека, из элементов всего мироздания». Шиллер был первым, кто понял природу Гете как мыслителя. И он же отметил две стороны Гете-поэта, которые он определил как противоборство немецкого и греческого духа, иначе говоря субъективного, романтического и объективного, греческого начала.

* *Goethe. Poetische Werke. Berliner Ausgabe. Bd 16. Berlin — Weimar, 1973, S. 33.*

Вместе с тем Шиллер ясно очертил различие между собой и Гете. Гете — натура интуитивная, сам же Шиллер натура рефлектирующая, спекулятивная. Свойственное Гете непосредственное постижение явлений имеет преимущество перед спекулятивным мышлением. Если философия расчленяет явления, то Гете как гений «под неосознанным, но безошибочным влиянием чистого разума связует явления с объективными законами».

В заключение Шиллер расширяет это положение, утверждая, будто в Гете есть «прекраснейшая согласованность <...> философского инстинкта с чистейшими выводами спекулятивного разума». На самом деле он, скорее, имеет в виду желательность такого сочетания. Все его дальнейшее рассуждение о достоинствах философской интуиции, с одной стороны, и спекулятивного разума — с другой, является не чем иным, как выражением той взаимной пользы, которую оба могут принести друг другу.

Письмо Шиллера заслуживает пристального внимания, ибо поэт со свойственной ему гениальной прозорливостью определил самое главное в творческом мышлении каждого из них. Корень всех противоречий между ними был именно в разности их натур. Сентиментальные попытки представить дружбу Шиллера и Гете как некий безоблачный союз, основанный на единомыслии, искажает подлинный характер их отношений.

Встретились два гения, две высокоразвитые индивидуальности, жизненный путь которых был различен, как различен был их эмоциональный и интеллектуальный мир. Гении всегда исключительны. Ожидать слияния их безнадежно. У Шиллера был интимный друг — Иоганн Готфрид Кёрнер, человек умный, одаренный, способный понимать Шиллера и жить его интересами, о чем свидетельствует их переписка. Такого всесторонне понимающего его друга у Гете не было. Ближайшим к нему человеком в послейтальянские годы был художник и искусствовед Генрих Мейер. Они были единомышленниками в понимании искусства, Гете к тому же переложил на него управление своим хозяйством. Иными были отношения между Гете и Шиллером. Это был контакт двух великих умов, каждый из них научился понимать и ценить самостоятельность другого. Объединяло их сознание значительности развиваемой ими деятельности для культуры их народа.

После того как Гете увидел, насколько глубоко понимает его Шиллер, он пригласил к себе поэта и они провели вместе две недели, ежедневно беседуя по многу часов. Не сохранилось никаких сведений о содержании этих бесед. Но из переписки Гете и Шиллера явствует, что они пришли к согласию относительно реального положения Германии, состояния народа, духовного и культурного уровня нации. Очевидно, что они определили для себя необходимость максимального использования своих сил для воздействия на умы современников.

Переписка Гете и Шиллера лишь внешним образом касается их личной жизни. Краткие сообщения о состоянии здоровья их самих и членов их семей лишены интимной окраски. Более того, известно, что Шиллер, чья жена была светской женщиной, не мог примириться с плебейской подругой Гете. Но Гете не имел в виду сближения «домами». Даже форма обращения между поэтами была вполне формальной, несколько не похожая на дружеские «ты» между Шиллером и Кёрнером или Гете и Мейером.

Шиллера и Гете объединяли интеллектуальные интересы. Только их умы были вровень в литературе тогдашней Германии. В ряде вопросов они были единомышленниками. В других случаях их удовлетворяло понимание взглядов другого, при сохранении своей позиции и творческой самостоятельности. Несогласие отнюдь не порождало враждебности. Для каждого из них было ценно именно то, что другой имел свои мысли, и в этом заключалось взаимное духовное обогащение.

Гете отнюдь не настаивал на том, что отношения между ним и Шиллером были идиллическими. Их дружба началась со спора, что важнее — опыт или идея. «Он отвечал мне как образованный кантианец, — вспоминал Гете, — а поскольку я упорствовал в своем реализме, то и дело возникали поводы для пылких возражений; итак, мы сражались, не жалея сил, потом наступало перемирие; ни один из нас не мог считать себя победителем, так как каждый был уверен, что его одолеть невозможно. (...) Итак, несмотря на никогда до конца не утихавший спор: Объект или Субъект, — мы скрепили союз, длившийся всю нашу жизнь и принесший много доброго и нам и другим» (9, 434).

5.

«Великое счастье, что у меня был рядом Шиллер, — сказал Гете Эккерману 7 октября 1827 года, — ибо при всем различии наших натур, устремления наши были едины, и это делало нашу связь столь неразрывной, что, по существу говоря, один не мог жить без другого»*.

В чем же состояло единство стремлений обоих поэтов?

В том, чтобы поднять духовный уровень народа до той ступени, когда стремление к свободе проникнет в сознание если не всех, то большинства. Здесь уместно выразить свое несогласие с мнением по этому вопросу, высказанным Г. Лукачем. «В центре совместной работы Гете и Шиллера стояло стремление создать классическое искусство на почве буржуазного общества, — писал он. — Им обоим было совершенно ясно, что творческие идеалы, к которым они стремились, являются

* Эккерман И.-П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981, с. 546.

выражением их великого времени, их революционной эпохи» *. Венгерский мыслитель подчеркивает, что союз Гете и Шиллера возник в 1794 году, то есть тогда, когда после Термидора закончилась демократическая фаза Французской революции и обнажился буржуазный характер нового порядка. Однако едва ли в Германии могли вполне ясно представить себе ситуацию, сложившуюся к тому времени во Франции. Но суть даже не в этом, а в том, что в самой Германии социально-политические основы феодального строя не изменились. До буржуазного переворота было еще очень далеко. Историческая ситуация была такова, что, имея перед глазами опыт уже утвердившегося господства буржуазии в Англии и начало капиталистических порядков во Франции, немецкая нация все еще оставалась в тисках феодального строя. Парадоксальным было также то, что, когда Европа вступила в военную борьбу с буржуазной республикой, немецкая буржуазия оказалась вынужденной воевать против своих потенциальных освободителей. Не случайно и Гете, сопровождая своего герцога, оказался в войсках, сражавшихся против Французской революционной армии.

Короче говоря, для передовых слоев немецкого общества основной оставалась задача уничтожения феодально-крепостнических порядков. Ни Гете, ни Шиллер в пору их сближения не занимались прямо политическими вопросами; Гете был погружен в науку, Шиллер — в философию. Встреча напомнила каждому из них их подлинное призвание — поэзию. Именно в искусстве и через него для них открылась возможность возврата к их идеалу свободы. Сформулировал это Шиллер в своих «Письмах об эстетическом воспитании человека» (1793—1795). Начав это сочинение до встречи с Гете, Шиллер завершил его и опубликовал, когда их союз был заключен.

Шиллер весьма точно определяет ситуацию, сложившуюся в современном мире, подчеркивая кризис феодализма и начавшуюся борьбу против него. «...Человек пробудился от долгой беспечности и самообмана, и упорное большинство требует восстановления своих неотъемлемых прав. Однако он не только требует их. По сю и по ту сторону он восстает, чтобы насильно взять то, в чем, по его мнению, ему несправедливо отказывают. Здание естественного государства колеблется, его прогнивший фундамент оседает, и, кажется, явилась физическая возможность возвести закон на трон, уважать, наконец, человека как самоцель и сделать свободу истинной основой политического союза. Тщетная надежда! Недостает моральной возможности, и благоприятный миг встречает невосприимчивое поколение» (6, 261).

Нас не должно смущать, что, правильно обрисовывая реальную ситуацию, Шиллер оценивает ее как идеалист. Такое сочетание было

* Лукач Г. Указ. соч., с. XI.

вообще характерно для его понимания истории. Идеалистический подход выражен у Шиллера и в том, как он характеризует современное поколение. «Человек отражается в своих поступках,— пишет он.— Какой же облик является в драме нынешнего времени? Здесь (в революционной Франции 1793 года.— А. А.) одичание, там (в отсталой, бездеятельной Германии.— А. А.) расслабление: две крайности человеческого упадка, и обе соединены в *одном* промежутке времени» (6, 261). Отрицательное отношение Шиллера к революции ясно выражено в утверждении: «Разнузданное общество, вместо того, чтобы стремиться вверх к органической жизни, катится обратно в царство стихийных сил» (6, 262).

Как наследник просветителей, Шиллер убежден, что причина бед «не в вещах», а в «душах человеческих» (6, 273). А путь к уму ведет через сердце. «Всякое улучшение в политической сфере должно исходить из облагорожения характера, но как же характеру облагородиться под влиянием варварского государственного строя? Ради этой цели нужно найти орудие, которого у государства нет, и открыть для этого источники, которые сохранили бы, при всей политической испорченности, свою чистоту и прозрачность (<...>). Это орудие — искусство, эти источники открываются в его бессмертных образцах» (6, 275). А «для решения на опыте указанной политической проблемы нужно пойти по пути эстетики, ибо,— как говорит Шиллер в самом начале «Писем»,— путь к свободе ведет только через красоту» (6, 254).

Такова принципиальная основа союза Гете и Шиллера. Шиллер убедил Гете в необходимости возврата к художественному творчеству, имея в виду именно эту высокую цель — воспитать в народе чувство красоты и через него — стремление к освобождению от пут феодального рабства.

Все остальное в их совместной деятельности было производным от этой главной цели.

Несомненно, что программа, сформулированная Шиллером, была идеалистической. Оба поэта выросли в школе Просвещения и сохранили просветительский принцип — «идеи правят миром». Исторический опыт показывает, что путь к свободе определяется экономическими и социальными закономерностями. Но идеологическая деятельность отнюдь не является бесплодной. Стремление к свободе, пронизывающее произведения Гете и Шиллера, сыграло свою роль в духовном развитии немецкого народа и его освободительных движениях. Идеалы гуманизма, воплощенные в великих творениях обоих поэтов, сохраняют свое значение и поныне.

То, что Шиллер и Гете оказались вынужденными ограничиться сферой идей и проблемами духовного развития, явилось для обоих глубочайшей трагедией. Безвременье, окружавшее их, было тягостным. Надо

признать, что в тяжелых условиях гнета и рабства они проявили великое мужество, найдя выход в творчестве и теоретической деятельности, проникнутых стремлением возбудить в людях жажду иной, лучшей жизни.

6.

Верные традициям гуманизма, Шиллер и Гете связывали волновавшие их вопросы социальной жизни с проблемой человека. Слабость буржуазии, отсутствие воли к борьбе в народе они считали следствием не только общественно-политических условий, но и бедности духа своих современников. Проблема характера занимала поэтому большое место в творчестве обоих поэтов. Гете развивал эту тему в образах сильного Геца и слабого Вертера, могучего Эгмонта и пошлой массы нидерландцев, витающего в облаках Тассо и житейски мудрого Антонио. Воля, направленная на добро или зло, борьба ради себя или других, чувство бессилия перед произволом представлены в образах шиллеровских Карла и Франца Моор, Фиеско, Джанеттино Дория и Веррины, Фердинанда и Вурма, Филиппа II, Дон Карлоса и маркиза Позы.

Свой человеческий идеал просветители XVIII века воплотили в образах античных героев, какими их изображали историки, поэты и ваятели. Винкельман в своей «Истории искусства древности» (1764) утверждал, что причиной расцвета искусства у греков была свобода в управлении и государственном устройстве. «Из свободы вырос, подобно благородной ветви из здорового ствола, образ мыслей греков. (...) Образ мыслей свободных греков должен был отличаться от понятий подчиненных народов» *. Все поколение немецких писателей и мыслителей второй половины XVIII века было твердо убеждено в этом. В послештюрмерский период Гете проникается мыслью, что задачей искусства является возрождение античного идеала. Хорошо известно его мнение о Гомере. Ряд произведений, завершенных в Италии, свидетельствует о том, что Гете стремился воплотить этот идеал в собственном творчестве.

Отказавшись от бунта, Шиллер пришел к тому же. Уже в 1788 году он создает программное стихотворение «Боги Греции», где воспекает античность как счастливейшую пору человечества. Поэт восклицает:

«Где ты, светлый мир? Вернись, воскресни,
Дня земного ласковый расцвет!» (1, 158).

В поэме «Художники» (1789) Шиллер мечтает о слиянии истины и красоты. Наконец, в «Письмах об эстетическом воспитании человека» древнегреческая цивилизация воспета как высшая форма человеческого

* Винкельман И.-И. История искусства древности. М., 1933, с. 123.

общежития. «Обладая равно полнотой формы и полнотой содержания, равно мыслители и художники, равно нежные и энергичные,— вот они перед нами, объединяющие в чудной человечности юность воображения и зрелость разума» (6, 263—264). И далее: «Греческий образец человечества представлял собой, бесспорно, высшую точку развития...» (6, 268). Шиллер понимает, что на этой точке человечество не могло остановиться. Но дальнейшее развитие цивилизации привело к разложению цельности человека: «...мы не только видим отдельных субъектов, но целые классы людей, в коих развита только часть их способностей, а другие способности, словно в захиревших растениях, можно найти лишь в виде слабого намека» (6, 264). Несмотря на незрелость социального развития Германии, Шиллер с гениальной прозорливостью постиг калечащее влияние капиталистического производства на человеческую личность. Ни Шиллер, ни Гете не желали мириться с этим. Мечтая о возрождении цельности человека, они, конечно, идеализировали античную цивилизацию, игнорировали ее рабовладельческую основу. Для них важна была не социология, а гуманистический идеал целостного, всесторонне развитого, мужественного и свободного человека.

Так возникает культ античности, составляющий один из краеугольных пунктов веймарского классицизма, утверждаемого Гете и Шиллером. Переписка свидетельствует о том огромном месте, какое в мыслях обоих поэтов занимала духовная культура, искусство и поэзия Древней Греции. Оба опираются на литературную традицию античности и утверждают необходимость четкого разграничения жанров. Шиллер в статье «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795—1796) подробно разбирает своеобразие сатиры, элегической поэзии и идиллии, попутно касаясь других литературных видов. Большое место в переписке занимает обсуждение различий между драмой и эпосом, и итог размышлений обоих Гете формулирует в статье «Об эпической и драматической поэзии», написанной в 1797 году, но опубликованной лишь тридцать лет спустя. Хотя речь идет о формулировании законов жанра для современной литературы, основным материалом рассуждения являются творения античных авторов.

Не только теория, но и художественная деятельность обоих поэтов отражает их убеждение в необходимости возрождения форм и приемов античной поэзии — как лирической, так и драматической.

Первым стал на этот путь Гете еще до встречи с Шиллером. По возвращении из Италии он создает «Римские элегии» (1788—1790, изд. 1795 г.), написанные элегическими двустихиями, «Венецианские эпиграммы» (1791, изд. 1795), затем, уже в годы дружбы с Шиллером, появляются «Алексис и Дора» (1796), «Новый Павсий и его цветочница» (1797) и другие стихотворения и поэмы, в которых принцип композиции, темы, версификация отражают прямое влияние античных образцов. Более того,

взявшись возродить средневековый животный эпос, своего «Рейнеке-Лиса» (1793) Гете пишет гекзаметром. Наконец, поэму на современный сюжет «Герман и Доротея» (1794) он тоже облекает в эту форму. Уже в годы дружбы с Шиллером в связи с размышлениями о природе эпической поэмы, отраженными в переписке поэтов, Гете задумывает продолжение «Илиады» — «Ахиллеиду» (1799), но, написав 651 строку, оставляет замысел незавершенным.

Шиллер тоже обратился к античности до встречи с Гете, но, если не считать отдельных проявлений этого, настоящее увлечение античной тематикой начинается у него с 1795 года, когда он создает лирические стихотворения, написанные элегическим дистихом или гекзаметром, — «Танец», «Гений», «Прогулка», «Помпея и Геркуланум», «Два пола», «Счастье», «Философы»; эллинизмом проникнуты также «Поэзия жизни», «Власть песнопения», «Мечты» и много других творений. Среди них выделяется программное стихотворение «Идеал и жизнь» (1795) — поэтическое выражение эстетических взглядов Шиллера. Он видит глубочайший конфликт между действительностью и возвышенными понятиями о том, какую она должна быть. Шиллер воспевает высокую ценность искусства, возмещающего людям то, в чем им отказывает жизнь:

«Лишь в высоких образах искусства
Гармоничны бури чувства,
Боль не ранит сердца никому,
Не смутят покой ничьи рыдания,
Скорбь ни в ком не вызовет страдания —
Дух противоборствует ему» (1, 192)

(пер. В. Лезика).

Здесь в стихах выражено то, что Шиллер утверждал в статье «О причине наслаждения, доставляемого трагическими предметами» (1791). Красота утоляет боль, смягчает страдания. Не только по личной склонности, но также из соображений принципиальных Шиллер культивирует жанр трагедии, изучает ее античные образцы и сообщает Гете о том, что задумал трагедию наподобие «Эдипа-царя» Софокла (2 октября 1797 г.). Это «Мессинская невеста», законченная лишь в 1803 году. Как известно, Шиллер осуществил в ней смелый эксперимент — восстановил хор в трагедии.

Есть много других примеров прямого использования античных форм Гете и Шиллером. Все, созданное в этом духе, составляет то, что в точном смысле можно называть произведениями веймарского классицизма.

Но суть веймарского классицизма отнюдь не ограничивается подражанием античности. Нравственный идеал, лежащий в основе творчества поэтов, также отражает их преклонение перед классической древностью. И Гете и Шиллер создают образы не обязательно великих, но зато

цельных людей. Образы людей мелких, пошлых не присущи творениям периода веймарского классицизма, если они и выводятся, то лишь затем, чтобы подчеркнуть цельность героев. Шиллер в особенности любил героев возвышенных. Макс Пикколомини, Мария Стюарт, Жанна д'Арк, Вильгельм Телль и доблестные швейцарцы воплощают гуманистический идеал Шиллера.

Гете, в свое время создавший титанические образы Геца, Прометея, Эгмонта, в послештюрмерский период упорно работает над тем, чтобы сделать выразителями подлинной человечности людей «среднего» состояния. Таков его Вильгельм Мейстер. Ко времени сближения с Шиллером роман «Годы учения Вильгельма Мейстера» был уже в значительной степени написан. Гете передает новому другу рукопись романа уже в декабре 1794 года, и с этого времени Шиллер в своих письмах всесторонне обсуждает «Годы учения Вильгельма Мейстера». Сразу же восторженно отнесясь к роману, Шиллер, однако, через некоторое время начинает делать критические замечания. Он находит, что в пятой книге слишком много внимания уделено вопросам профессионального актерского мастерства (15 июня 1795 г.); указывает на то, что шестая книга («Признания прекрасной души») задерживает развитие действия (17 августа 1795 г.). В июне — июле 1796 года, получив последнюю (восьмую) книгу романа, Шиллер в целой серии писем подробно анализирует рукопись. Разбор Шиллера отнюдь не был только актом критики. В обсуждении теоретических и литературных вопросов неизменно сказывается различие двух поэтических натур, творческих личностей.

Весьма показательно в этом отношении письмо Шиллера от 7 января 1795 года, в котором он говорит, что уже начало «Годов учения» вызвало у него ощущение «духовного и физического здоровья», и противопоставляет дальше атмосферу романа, где все «радостно, живо, гармонично и человечески правдиво», сфере философии, в которую он был так погружен и где «все так строго, сурово, абстрактно и предельно неестественно». Гете всегда оставался на твердой почве действительности, тогда как Шиллера — особенно в первую половину 1790-х годов — тянуло в сферу философских абстракций.

В письмах, подводивших итог романа, необходимо подчеркнуть важное суждение Шиллера о герое: «Вильгельм обрел прекрасную позицию человека, одинаково далекого от *фантазирования* и от *филистерства*» (3 июля 1796 г.). Шиллер определяет жизненную позицию, к которой Гете привел героя, как реализм.

Речь идет не о художественном направлении, обозначаемом этим термином, а о жизнеотношении в целом. И здесь нельзя не вспомнить, что уже с самого начала, определив коренное различие между натурой Гете и своей в письме от 23 августа 1794 года, Шиллер затем развил

целую концепцию, имеющую глубокий смысл в плане социальной и духовной культуры. В статье «О наивной и сентиментальной поэзии» (1794—1796) Шиллер противопоставляет два типа художественного творчества, тесно связывая их с определенным состоянием цивилизации. Древнему искусству в эпоху близости человека к природе было свойственно непосредственное — и объективное — воспроизведение ее. На более поздней ступени цивилизации возникает поэзия «сентиментальная», в которой отражается распад органической связи человека с природой; возникает противоречие между миром как он есть и личностью, причем мир этот уже не обладает той идеальной гармонией, которая была присуща древности.

С одной стороны, концепция Шиллера коренится в руссоистском противопоставлении естественного состояния и цивилизации, с другой — она возводит в принцип как нечто вечное противоположность двух человеческих типов, двух отношений к миру. Давно уже было замечено, что, противопоставляя эти два типа поэзии и, соответственно, поэтов, Шиллер развил то определение различия между характерами своим и Гете, которое он констатировал в начале их сближения. Как тогда, так и теперь он подчеркивает преимущества наивной поэзии по сравнению с сентиментальной, но находит недостаток не только в последней, ибо и наивный взгляд на действительность по-своему неполноценен. Если близость к действительности и является достоинством наивной поэзии, то, с другой стороны, реальность бывает пошлой и наивному поэту следует ее остерегаться. Моральная низость тоже явление природы, но она не истинная природа человека, которая «не может не быть благородной» (6, 450). Тут и вступает в свои права поэзия сентиментальная. «Поэтический гений должен силой своей свободной деятельности подняться над всякой случайной ограниченностью, неизбежно связанной с каждым определенным состоянием, чтобы стремиться к человеческой природе в ее высших возможностях...» (6, 455). При этом, правда, возникает другая опасность — отвлечься от человеческой природы и впасть в нежизненную идеализацию, ложные преувеличения.

За различиями поэтического творчества скрывается различие нравственной природы человека. Не только в поэзии, но и в жизни существуют два типа — реалист и идеалист. Из подробного раскрытия этих двух категорий выделяются следующие положения, выдвигаемые Шиллером: «Реалист спросит, для чего может пойти то или иное на благо, и будет оценивать вещи по их полезности; идеалист спросит, есть ли это благо, и будет оценивать вещи по их достоинству. (...) Реалист старается осчастливить то, что любит, идеалист — облагородить. Поэтому реалист в своих политических тенденциях преследует как цель благосостояние, хотя бы ценой известного ущерба для моральной самостоятельности народа, а идеалист имеет в виду прежде всего свободу,

рискуя для нее и благосостоянием. Высшая цель первого — независимое положение, высшая цель второго — независимость от всякого положения, и это характерное различие можно проследить во всем мышлении и деятельности обоих» (6, 472). Шиллер считает, что ни реалист, ни идеалист не отвечают идеалу цельной человечности. «Идеалист, правда, более благородное, но зато несравненно менее совершенное существо; реалист же обычно кажется менее благородным, но зато гораздо более совершенным, — ибо проявление великой мощи уже заключает в себе благородство, но совершенство заключается в выдержанном единстве целого, а также в реальном деянии» (6, 476). Все эти рассуждения уводят нас далеко от сопоставления личностей Шиллера и Гете, хотя начало было положено различию между ними. Отзывы обоих друг о друге, высказанные третьим лицам, не дают оснований применять к ним те характеристики реалиста и идеалиста, которые Шиллер дал в статье «О наивной и сентиментальной поэзии», но они чрезвычайно важны для понимания персонажей драм Шиллера.

Здесь нет возможности в полной мере рассмотреть, насколько концепция Шиллера применима к методу изображения характеров в творчестве Гете. Можно, однако, заметить, что образы Фауста и Мефистофеля также отчасти подходят под определения идеалиста и реалиста. И, что несомненно, это применимость к Фаусту замечания Шиллера: «Судьба идеалиста не так хороша. Мало того, что он часто бывает в разладе со счастьем, потому что не заботится о том, чтобы не упустить благоприятный случай, — он бывает в разладе и с самим собой; его не могут удовлетворить ни его знания, ни его деятельность; то, чего он требует от себя, есть бесконечное, — но ограниченным является все, что он совершает» (6, 472).

Отзывы Гете о статье Шиллера (29 ноября 1795 г.; 13 декабря 1795 г.) довольно уклончивы, а к заключительной части у него были претензии, в переписке оставшиеся невысказанными. Тем не менее общая позиция поэтов остается неизменной: создание современного искусства согласно высшим художественным принципам античности, глубокое раскрытие сущности жизни и утверждение гуманистического идеала цельного человека.

Третьим неизменным принципом веймарской классической эстетики было творчество по законам красоты. И Шиллер в ряде работ («Письма об эстетическом воспитании человека», «О необходимых пределах применения художественных форм», «О нравственной пользе эстетических нравов»), и Гете («О правде и правдоподобию в искусстве», «Введение в «Прописи», «Коллекционер и его близкие» и др.) постоянно утверждали идеал прекрасного как основу поэзии и искусства. Переписка отражает эту проблематику не только в теоретическом плане, но и в конкретном обсуждении поэтами их замыслов.

Утверждение эстетического идеала веймарского классицизма наталкивалось на непонимание в кругах образованных людей, несмотря на то, что авторитет Гете и Шиллера был чрезвычайно велик. Журнал «Оры», издание которого было задумано Шиллером для объединения интеллектуальных сил Германии (в условиях раздробленности страны, о чем не следует забывать), для повышения духовной и эстетической культуры общества, оказался нежизнеспособным, несмотря на огромную энергию, вложенную поэтом в это предприятие. Журнал просуществовал лишь три года — с 1795-го по 1797-й. Столь же кратким было и издание затеянного Гете журнала, посвященного искусству, — «Пропилеи» (1798—1800). Идеи Гете и Шиллера не получили поддержки в косных кругах образованного общества. Не приходится отрицать, что стремление обоих поэтов возродить в современных условиях античные художественные формы было утопическим. Но они обращались не только к античной тематике. Гете выступил с романом о немецкой жизни — «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795—1796). 1797 год ознаменовался созданием ряда прекрасных баллад обоих поэтов, опубликованных в «Альманахе Муз»; среди них — «Кладоискатель», «Коринфская невеста», «Бог и баядера», «Ученик чародея» Гете, «Поликратов перстень», «Ивиковы журавли», «Кубок», «Рыцарь Тогенбург» Шиллера.

Атмосфера этих лет предопределила многочисленные выпады Шиллера против пошлости современной литературы в статье «О наивной и сентиментальной поэзии». Но еще больше этих выпадов мы находим в переписке Гете и Шиллера, задумавших большой поход против посредственности и вульгарности в современной литературе и общественной жизни. Инициатором кампании был Гете. Шиллер поддержал идею. Они писали эпиграммы на своих противников. Шум, вызванный в литературном мире сатирическими выступлениями поэтов, стал оборачиваться против них. Враги брали числом, и Шиллер решил, что публикацию «Ксений», как называлась обширная серия эпиграмм, следует прекратить.

Этот эпизод литературной и журналистской деятельности обоих поэтов занял у них много времени и сил.

7.

Если для Шиллера эстетика представляла самостоятельный интерес, то для Гете она была лишь лабораторией поэтического творчества. Шиллер в последнее десятилетие жизни тоже все больше переходил к художественной практике.

Оба поэта неоднократно отмечают в переписке взаимную пользу, которую они получали от общения. После кризиса, пережитого каждым в отдельности, они, вступив в союз, почувствовали прилив новых

творческих сил. В дружеском общении с Шиллером Гете завершает «Годы учения Вильгельма Мейстера», и тот же Шиллер в июльских письмах 1796 года ставит вопрос о продолжении романа. Гете откликается 12 июля 1796 года и выражает желание «посоветоваться» с Шиллером относительно возможного продолжения романа. Нельзя не отметить внимательное отношение Гете к критическим замечаниям Шиллера и его желание сделать необходимые исправления.

Шиллер понимал, что в концепции романа Гете ничего менять не будет, но обращал его взгляд на детали, требовавшие исправления. Обсуждение различий между эпосом и драмой получает отражение в рассуждении Шиллера о том, что «Годы учения» по форме приближаются к эпосе. Интересно отметить, что «идеалист» Шиллер упрекает Гете в непоследовательности, проявляющейся в том, что в роман, полный реализма, введено слишком много «фантастической машинерии», тогда как, по мнению Шиллера, именно этот роман «может обойтись без помощи чудесного и неожиданного» (8 июля 1796 г.).

Роман дал повод и для критики социальной тенденции, ясно выраженной Гете в рассуждении героя относительно преимуществ, которыми обладает дворянин по сравнению с бюргером. Речь идет не столько о социальных привилегиях, сколько о том, что «в Германии только дворянину доступно некое всестороннее (...) всецело личное развитие», «меж тем как бюргеру более всего приличествует ясное и молчаливое сознание поставленных ему пределов» (6, 237). Вильгельм признается, что его влечет именно к тому гармоническому развитию природных свойств, в котором ему отказано его бюргерским происхождением. Осуществить это желание Вильгельм Мейстер может, только став актером. Он не хочет пошлого бюргерского существования, не может иметь дворянских привилегий, и лишь вне официально признанных сословий феодального общества он получает возможность быть такою же «полноценной личностью, как и представитель высшего класса» (6, 238).

Но Шиллер с его непокорной натурой заметил в поведении Вильгельма не только желание быть аристократом по духу, но также и стремление к личному сближению с членами высшего сословия. Поэтому, как он пишет 5 июля 1796 года, его радует свидетельство чувства собственного достоинства у Вильгельма. Но брак героя с дворянкой Наталией, по мнению Шиллера, таит опасность: Вильгельм «живо ощущает превосходство знати и испытывает искреннее недоверие к себе и к своему сословию, и поэтому кажется не вполне подготовленным к тому, чтобы сохранить в этих обстоятельствах полную свободу...». Шиллер предвидел, что демократически настроенные читатели будут недовольны тем, что «роман, где нет ровно ничего «санкюлотского», где, напротив, некоторые места могут быть истолкованы как апология аристократии, завершается тремя браками, причем все три — неравные».

Гете сначала оставил замечание Шиллера без внимания, но автор «Коварства и любви» вернулся к этому вопросу (9 июля 1796 г.) и предложил «компромисс»: пусть граф, которого Шиллер именуется «церемониймейстером романа», в конце восьмой книги «своим уважительным отношением и определенным рода обхождением» возвысит Вильгельма над его сословным положением и этим как бы дарует ему недостающий дворянский титул. Это пожелание Гете выполнил.

Но у Шиллера была еще одна претензия: «Как вышло так, что вы смогли воспитать и полностью сформировать человека, ни разу не столкнувшись с теми потребностями, удовлетворить которые способна только философия?» Шиллер даже предлагал Гете воспользоваться для романа идеями, высказанными в стихотворении «Идеал и жизнь» и в «Письмах об эстетическом воспитании человека», изложив их, разумеется, в его, гетевском стиле. На это Гете не пошел. Но совсем без внимания предложение Шиллера не осталось. Четверть века спустя, принявшись наконец за продолжение романа и создавая «Годы странствий Вильгельма Мейстера», Гете с избытком наполнил роман философией, причем весьма подробно изложил свой вариант эстетического воспитания, в частности в описании «Педагогической провинции».

Со своей стороны Гете уделил много внимания балладе Шиллера «Ивиковы журавли». В первоначальном варианте баллада была типичным явлением сентиментальной поэзии (в шиллеровском понимании термина). Поэта увлекла идея возмездия, настигающего преступника. Гете прочитал балладу как «реалист», хорошо знавший природу. Свои замечания Шиллеру он начал с указания на то, что журавли летают стаями, а затем отметил другие его неточности (22 июля 1797 г.). Шиллер чистосердечно признался: «Я вновь отчетливо ощутил, насколько важны непосредственные знания и опыт и для поэтического замысла. Мне журавли известны лишь по нескольким притчам, для которых они послужили поводом, и этот недостаток непосредственного созерцания помешал мне заметить, как прекрасно можно использовать это явление природы. Я постараюсь придать этим журавлям, которые являются ведь воплощением рока, большую широту и значимость» (30 августа 1797 г.). В детальном разборе баллады со всей ясностью сказались различия поэтического метода Гете и Шиллера.

Как они сами неоднократно отмечали, оба оказывались в выигрыше от откровенной критики, даже если и не приходили к полному согласию.

Шиллеру принадлежит поистине историческая заслуга: он побудил Гете взяться за завершение первой части «Фауста». Как известно, замысел великого творения возник у Гете еще в молодости, и первый вариант трагедии, так называемый «Пра-Фауст» (1774—1775), был проникнут настроениями «Бури и натиска». Гете продолжил работу над

произведением более чем десять лет спустя в Италии, где написал ряд сцен, значительно обогативших сюжет. На фоне гармонических форм античной архитектуры и скульптур, под южным небом Гете остро почувствовал контраст между классическими художественными формами и мрачным северным колоритом легенды. В пору формирования эстетики веймарского классицизма этот контраст был виден обоим поэтам. Их волновала проблема — как сочетать античность и средневековье в одном произведении, как применить античные художественные формы к материалу нового времени.

Шиллер был знаком с «Фаустом» в виде того краткого фрагмента, который Гете опубликовал в 1790 году. Фабула здесь обрывалась на сцене «Собор», где злой дух нашептывал молящейся Гретхен о неизбежной каре за ее грех. Гете попросил Шиллера высказать мнение о том, как он себе мыслит дальнейшее развитие сюжета. Тот продолжал настойчиво проводить взятую им в отношении Гете линию: «Сама природа сюжета приведет Вас к его философскому истолкованию, как бы Вы ни уклонялись от этого, и воображение здесь должно будет приспособиться к служению некоей рациональной идее» (23 июня 1797 г.). Гете согласился: «Мы, надо думать, не разойдемся во взглядах на это произведение» (24 июня 1797 г.).

Друзья не раз беседовали о «Фаусте», и Шиллер высказал ряд мыслей, совпавших с замыслом Гете, — они помогают нам понять некоторые сложные стороны трагедии. Шиллер указал на то, что сюжет обретает «символическую значимость» (23 июня 1797 г.). Весьма точно и его замечание «о двойственности человеческой природы и о тщетном стремлении соединить в человеке божественное и природное начала».

Очень глубоко замечание Шиллера о борьбе разума и рассудка в столкновениях между Фаустом и Мефистофелем: «Дьявол благодаря своему реализму прав с позиций разума. Фауст же оправдан перед сердцем. Порою кажется, однако, будто они меняются ролями и дьявол в споре с Фаустом берет рассудок под свою защиту» (26 июня 1796 г.).

Как помнит читатель, действие первой части «Фауста» остается в сфере личной жизни героя, пребывающего, как принято говорить, в «малом мире». Шиллер намечает важную эволюцию сюжета: «Фауста следует, на мой взгляд, ввести в сферу деятельной жизни» (26 июня 1796 г.). Он предвидит, что это потребует «слишком большой обстоятельности и широты». Действительно, в рамки первой части все это не вместились, но Гете, и сам думавший так, осуществил замысел, написав вторую часть трагедии, изображающей выход героя в «большой мир».

Значительное место в переписке уделено творческой работе Шиллера над его трилогией «Валленштейн», «Марией Стюарт», а также «Орлеанской девой», «Мессинской невестой» и «Вильгельмом Теллем». Особенно много написано Шиллером о «Валленштейне».

Очень важные соображения о замысле этой драмы Шиллер высказал Вильгельму фон Гумбольдту, общему другу его и Гете, приверженцу идей классицизма. Он писал 23 апреля 1796 года: «Все, что я говорил в последней статье о реализме, в высшей степени верно для Валленштейна. В нем нет никакого благородства, ни в одном житейском поступке он не проявляет величия; в нем мало достоинств, и все же я надеюсь, следуя по чисто реалистическому пути, создать характер драматически сильный и заключающий в себе подлинно жизненный принцип. Прежде я старался, например в Позе и Карлосе, заменить недостающую правду прекрасным идеалом, теперь в Валленштейне я хочу за отсутствующий идеал (сентиментальный) вознаградить голой правдой».

Задача будет тем труднее и, следовательно, тем интереснее, что подлинному реализму нужен успех, в котором идеалистический характер не нуждается. Но успех, к несчастью, против Валленштейна, и требуется искусство, чтобы поддержать последнего на должной высоте. Дело его морально низко, а физически оно терпит крушение. Он не велик в частностях, в целом же идет к своей цели. Он всего ждет от действия, а оно ему не удастся. Он не может, как сделал бы идеалист, замкнуться в себе и вознестись над материей, напротив, он желает подчинить себе материю и не достигает этого» (7, 391).

Шиллер усложнил себе задачу еще тем, что под влиянием изучения античной трагедии решил ввести в «Валленштейна» мотив рока, судьбы. Этому служит вера полководца в астрологию. Но стремление к объективности побудило Шиллера показать реальные причины гибели Валленштейна. Теория трагедии тут не сходилась с реальной трактовкой сюжета, и это вызывало у Шиллера сожаление. Получилось так: «Судьба в собственном смысле этого слова слишком уж мало значит здесь, а ошибки самого героя — слишком много. Однако меня при этом утешает до некоторой степени пример Макбета, где судьба гораздо менее повинна в гибели человека, чем он сам» (28 ноября 1796 г.).

Духовная перестройка, происходившая в Шиллере, особенно проявилась в отказе от выражения своих взглядов на действительность устами наиболее симпатичного автору героя — от того, что К. Маркс определил как превращение индивидуумов «в простые рупоры духа времени» * и что характерно для бунтарских пьес молодого Шиллера, а также для «Дон Карлоса», трагедии наиболее показательной в этом смысле. Отказаться от этого призывал Гете. И вот Шиллер пишет ему (28 ноября 1796 г.) по поводу своей работы над «Валленштейном»: «Что же касается того, в каком духе я теперь работаю, то Вы, вероятно, будете довольны мною. Мне вполне удастся держать материал за пределами моего собственного Я и давать лишь изображение предмета. Я мог

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 484.

бы даже сказать, что сюжет меня совершенно не интересует; я никогда еще не соединял в себе такой холодности к своему предмету с таким теплым чувством к работе. Как к главному персонажу, так и к большинству второстепенных я и в самом деле подхожу до сих пор лишь с пристрастием художника; только ко второму по значению персонажу, к молодому Пикколомини, я испытываю личное пристрастие, однако от этого целое скорее должно выиграть, нежели проиграть».

Этапы работы над «Валленштейном» подробно прослежены в переписке. О других пьесах Шиллера мы узнаем из нее меньше. Со временем обмен большими письмами уступает место кратким запискам, что отчасти было вызвано переездом Шиллера в Веймар.

Отвергая метод непосредственного высказывания авторских мыслей через героев, Шиллер и Гете отнюдь не отказывались от воспитательных задач искусства, только понимали они их теперь иначе. Согласно общей программе веймарского классицизма Шиллер в статье «О нравственной пользе эстетических нравов» (1796) утверждает, что «живое и чистое чувство прекрасного (...) оказывает благотворное влияние на нравственную жизнь» (6, 478). Достигается это не прямой апелляцией к разуму. Важнейшую роль играет вкус, который, однако, может способствовать лишь моральности поведения, но сам ничего нравственного не создает. Иначе говоря, оба поэта далеко ушли от наивного просветительского взгляда на искусство как средство прямой пропаганды. Есть люди, вообще лишенные эстетического чувства, и тщетно рассчитывать на то, что их можно «воспитать» средствами искусства. Но есть люди эстетически утонченные, и для них вкус — путь к гармонии. «Вкус требует умеренности и пристойности, он отвергает все, что нескладно, грубо, насильственно (...). Все материальные склонности и грубые страсти, столь упорно, бурно и часто противодействующие добру, изгоняются вкусом из души, и на их месте в ней расцветают благородные и нежные склонности, которые связаны с порядком, гармонией и совершенством и которые, не будучи, правда, добродетелью, имеют ту же цель, что и она» (6, 481—482). В пору ужасающего безвременья, лишенные надежд на социальное преобразование немецкого общества, Гете и Шиллер поставили перед собой задачу создания прекрасного искусства. Этой благородной цели они посвятили все свое творчество и действительно создали неумирающие произведения искусства. Высокая классика Гете и Шиллера, по общему признанию, является одним из вершинных явлений немецкой поэзии и духовной культуры.

8.

При всех различиях в философии, эстетике и поэтике как революционно-бунтарское движение «Бури и натиска», так и веймарский классицизм, стремившийся к гармонии и порядку, оставались в кровном

родстве с антифеодалным направлением немецкого Просвещения.

Однако именно в период расцвета веймарского классицизма в Германии появилось движение, подвергшее критике самые основы просветительской идеологии. Оно возникло в непосредственной близости к Гете и Шиллеру — в кругах интеллектуалов, так или иначе связанных с Иенским университетом. Соответственно оно получило название иенского романтизма.

Главные деятели этого направления философ Фридрих Вильгельм Шеллинг, литераторы Август Вильгельм Шлегель, его младший брат Фридрих и некоторые другие сначала искали близости Гете и Шиллера, а затем отошли от них, все более открыто становясь в оппозицию к веймарскому классицизму.

Одно время Гете с сочувствием относился к философским идеям Шеллинга, находя с ним общее в утверждении органической целостности мира. Фридрих Шлегель разделял поначалу культ античности. Гете поддерживал молодых литераторов, ставил их пьесы в веймарском театре, а Шиллер помещал их статьи в своем журнале «Оры». Фридрих Шлегель высоко оценил «Годы учения Вильгельма Мейстера», напечатав подробный разбор романа, правда, толкуя его не столько в гетевском духе, сколько в соответствии со своей складывающейся романтической эстетикой. А в «Фрагментах» (1798) он так превознес творение Гете: «Французская революция, «Наукоучение» Фихте и «Мейстер» Гете — величайшие тенденции эпохи»*. Комплимент, однако, был основан на своеобразном понимании романа, расходившемся с замыслом Гете. Французская революция и философия Фихте были для Шлегеля утверждением освобождения личности от всяких оков, тогда как Гете приводил своего героя к осознанию его долга как индивида перед обществом.

Гете в большей степени, а Шиллер в меньшей сохраняли личные отношения с деятелями иенского романтизма, но идейные расхождения все более усиливались. Когда прекратил существование журнал Шиллера «Оры», братья А.-В. и Ф. Шлегель стали издавать свой журнал «Атенеи», тоже просуществовавший недолго (1798—1800). Напечатанные в первом номере «Фрагменты» Фридриха Шлегеля явились манифестом нового, романтического направления. Прочитав «Фрагменты», Шиллер сразу написал Гете: «Эта нескромная, категоричная, язвительная и односторонняя манера причиняет мне чисто физические страдания» (23 июля 1798 г.).

Гете иначе отнесся к декларациям Ф. Шлегеля. Он считал, что «Фрагментам» нельзя отказать ни в серьезности, ни в глубине. В его глазах они были противовесом той пошлости и посредственности, про-

* Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. М., 1983, с. 300.

тив которых он и Шиллер боролись в своих «Ксениях». Шиллер же возразил, что образ действия братьев Шлегель скорее замедлит, чем приблизит наступление эпохи, когда публика приобретет вкус к добру и справедливости (27 июня 1798 г.).

Но по отношению к поэтике романтизма Гете и Шиллер были единомышленны. В то время как они теоретически разрабатывали и практически осуществляли строгое разграничение жанров, Ф. Шлегель противопоставлял им стремление «объединить все обособленные роды поэзии» *, смешивать и сливать поэзию и прозу, сочетать в одном произведении различные эмоциональные стихии.

В том же 1798 году, когда начинает выходить в свет «Атеней», Гете предпринимает издание журнала, посвященного искусству, — «Пропилеи». В программном «Введении» он утверждает совершенно противоположный принцип: «Долг, заслуга и достоинство истинного художника (...) уметь проводить границу между той областью искусства, в которой он работает, и всеми остальными (...), воздвигать любое искусство, любой его жанр на собственной его основе и по мере возможности изолировать каждую художественную область» (10, 41). Об этом же идет речь и в письмах Шиллеру. Отметим, что и разработка отличий эпоса от драмы, которую производили в то время Шиллер и Гете, также была в резком контрасте с возникавшей поэтикой романтизма.

Появление романа Ф. Шлегеля «Люцинда» (1799) дало повод Шиллеру показать, как сказались в художественном творчестве теоретические принципы иенского романтизма. Ему не нравятся «вечная бесформенность и фрагментарность», смешение разнородных эмоциональных стихий — «соединение способности к пылкой беспредельной любви с необыкновенным остроумием» (19 июня 1799 г.).

Здесь уместно задаться вопросом: кто прав в этом эстетическом споре? Несомненно, что в художественном отношении драмы Шиллера — «Валленштейн», «Мария Стюарт», «Орлеанская дева», «Вильгельм Тель» — выше романа Ф. Шлегеля. Но исторически иенский романтизм знаменовал начало новой эпохи европейской литературы, когда стала ясна иллюзорность просветительских идеалов и возникла потребность в искусстве, отражающем новую реальность. Путь к этому прокладывали романтики.

Заметим, что в более поздние годы, уже после смерти Шиллера, отношение Гете к романтикам освободилось от ригоризма и он стал думать о сближении классиков и романтиков **. Но в конце XVIII и начале XIX века противоположность двух направлений возрастала.

* Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1, с. 294.

** См. статью: Классики и романтики Италии в ожесточенной борьбе (1820). — В кн.: Гете И.-В. Об искусстве. М., 1975, с. 441—448.

Хотя Шиллер до конца дней оставался противником иенских романтиков, необходимо отметить следующий историко-литературный парадокс. Творчество Шиллера, его «Разбойники», баллады, «Мария Стюарт», «Орлеанская дева» были восприняты как произведения романтические. Они оказали большое влияние на формирование романтизма во Франции, России и других странах. Шиллера долго было принято считать романтиком. И он им был, если считать «романтическими» героев и героинь, воплощавших возвышенную любовь, идеальные стремления, жажду свободы и борьбу за нее. На фоне прозаической действительности идеалы мужества и героизма, выраженные в балладах «Кубок», «Перчатка», «Бой с драконом» и др., также дали основание причислять Шиллера к романтикам.

Добавим, что и «Фауст» Гете, вышедший уже после смерти Шиллера, в 1808 году, также понимался как произведение романтическое. Основанием для этого служила не только фантастика легенды о маге и чернокнижнике, но и неудовлетворенность героя действительностью.

9.

Мы сосредоточили свое внимание на некоторых вопросах эстетики и литературы. Но ими не ограничивается тематика писем Гете и Шиллера. В письмах Гете не раз затрагиваются вопросы науки и в особенности теория цвета, над разработкой которой он трудился много лет. Шиллера постоянно занимали философские проблемы. Сверх этого оба они были озабочены их издательскими делами, в частности редакционной работой по «Орам» и «Пропилеям». Гете привлек внимание Шиллера к изобразительному искусству. Неизменным был интерес обоих к театральным делам. Постановки пьес Шиллера в веймарском театре, переводы Шекспира и французских драматургов, привлечение молодых авторов, обсуждение режиссерских проблем, актерского исполнения — все это освещено в переписке и представляет по-своему немалый интерес.

Широта кругозора обоих поэтов, глубина мысли поразительны. Они отнюдь не замыкались в «башне из слоновой кости». За всеми проблемами, служившими предметом переписки, явно видна величайшая забота о культуре народа и его благосостоянии. В их письмах нет показного демократизма. Наоборот, подчас оба поэта сурово судят о действительном положении духовной культуры в стране. Тем активнее работала их мысль над решением задачи духовного подъема нации. Не льстить народу, а помочь ему подняться на более высокую степень культуры — такова была их цель.

Переписка является замечательным человеческим документом. С чувством глубокого восхищения следишь за обменом мыслями двух интеллектуальных титанов. Как щедрты они в раскрытии того, что их

волнует, как спешат поделиться друг с другом своими мыслями, на каком высоком уровне судят о собственном творчестве, как честны перед искусством! Конечно, все это естественно для истинных художников. Но в произведениях работа их мысли часто скрыта от читателей. Здесь же перед нами раскрывается лаборатория творчества двух великих поэтов, и это не менее ценно само по себе, чем те важные идеи, которыми обменивались Гете и Шиллер. Мнений, высказанных ими, нельзя понять в полной мере, не обращаясь к их произведениям. А наше понимание их творений в свою очередь обогащается от знакомства с мыслями, высказанными в письмах, кстати, отнюдь не предназначавшихся для обнародования. Когда Гете впоследствии опубликовал переписку, он, видимо, предполагал, что и эта книга, как и созданные Гете в поздние годы автобиографические произведения, будет служить духовному воспитанию общества. Эту задачу переписка Гете и Шиллера продолжает выполнять и теперь. Она явление высокого духовного благородства, это не только собрание ценных суждений по вопросам эстетики, но и само по себе выдающееся произведение двух великих умов.

А. А. Аникст

1. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Ваше высокопревосходительство,
глубокоуважаемый господин тайный советник!

В прилагаемом листке содержится просьба одного безгранично уважающего Вас общества почтить журнал, о котором идет речь, своим сотрудничеством, относительно значимости и ценности коего в нашей среде возможно лишь одно мнение. Согласие Вашего высокопревосходительства поддержать это начинание своим участием будет решающим для его подлинного успеха, и мы с величайшей готовностью подчинимся всем условиям, на каких Вам угодно будет дать свое согласие.

Здесь, в Иене, ко мне присоединились для издания этого журнала господа Фихте, Вольтман и фон Гумбольдт, и поскольку, в силу необходимости, решение обо всех присылаемых рукописях должно выноситься узким кругом лиц, входящих в редакционный комитет, то Вы, Ваше высокопревосходительство, бесконечно обязали бы нас, позволив время от времени предлагать Вам для отзыва ту или иную из поступивших рукописей. Чем значительнее и ближе будет участие, коим Вы почтите наше начинание, тем выше окажется ценность последнего для тех читателей, чье одобрение для нас наиболее важно. С глубоким уважением остаюсь

Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга и ревностнейший почитатель

Ф. Шиллер

Иена, 13 июня 1794 года.

2. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ваше превосходительство,

Вы открываете передо мной вдвойне приятную перспективу — как в отношении самого журнала, который Вы

намереваетесь издавать, так и в отношении сотрудничества, к которому Вы меня приглашаете. Я с радостью и от всего сердца прикну к Вашему обществу.

Если среди моих ненапечатанных вещей найдется пригодная для подобного издания, я охотно передам ее Вам; а вместе с тем близкое общение с такими замечательными людьми, как учредители этого журнала, даст, конечно, живительный толчок многому из того, что задержалось у меня на полпути.

Весьма интересной будет уже сама беседа, посвященная согласованию принципов оценки присылаемых рукописей, а также заботам о содержании и оформлении журнала с тем, чтобы он выделялся среди других и смог бы просуществовать по крайней мере несколько лет благодаря своим достоинствам.

В надежде обсудить это при скорой встрече посылаю наилучшие пожелания Вам и Вашим уважаемым сотрудникам.

Гете

Веймар, 24 июня 1794 года.

3. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

С благодарностью возвращаю Вам трактат Шохера¹; то, что я в нем понимаю, мне очень нравится; остальное он, надо полагать, разъяснит со временем.

Одновременно посылаю Вам книги Дидро² и Морица³ в надежде сделать мою посылку полезной и приятной.

Сохраните дружескую память обо мне и будьте уверены, что я живо радуюсь возможности чаще обмениваться мыслями с Вами. Передайте от меня поклон Вашему кружку. Мне неожиданно приходится ехать по долгу службы в Дессау, и это послужит препятствием скорому свиданию с моими иенскими друзьями.

Гете

Веймар, 25 июля 1794 года.

4. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 23 августа 1794 года.

Мне сообщили вчера приятное известие о том, что Вы наконец вернулись из путешествия¹. Таким образом, у нас вновь есть надежда в недалеком будущем увидеть Вас в Иене, чего я со своей стороны желаю от всей души.

Недавние беседы с Вами привели в движение весь круг моих идей, ибо Вы затронули один предмет, живо занимающий меня в продолжение нескольких лет. Постигание Вашего духа (именно так должен я назвать общее воздействие на меня Ваших идей) озарило неожиданным светом многое из того, в чем я никак не мог достичь полного согласия с самим собой. Многим из моих спекулятивных идей недоставало объекта, материальной опоры, а Вы навели меня на верный след. Ваш взор наблюдателя, столь безмятежно и ясно устремляющийся к явлениям, неизменно уберегает Вас от заблуждений, в которые легко впадают как спекулятивное мышление, так и прихотливое, лишь себе самому повинующееся воображение. В верности Вашей интуиции заключено все, чего домогается анализ (и притом с большей полнотой), и Ваше собственное богатство скрыто от Вас только потому, что заключено в Вас как нечто цельное: ведь мы, к сожалению, знаем лишь то, что расчленяем. Дух такого рода, как Ваш, редко сознает, как глубоко он проникает и как мало у него причин заимствовать что-либо у философии, которая, напротив, сама могла бы учиться у него. Философия способна лишь расчленять то, что ей дают; давать же — дело не аналитика, а гения, который под неосознанным, но безошибочным влиянием чистого разума связует явления с объективными законами.

Давно уже, хотя и с некоторого отдаления, слежу я за движением Вашего духа и, наблюдая путь, который Вы предназначали себе, вновь и вновь испытываю восхищение. Вы ищете законы природы, но ищете их на том труднейшем пути, на который остерегся бы вступить человек с меньшими силами. Вы берете всю природу в целом, чтобы пролить свет на частное, во всеобщности явлений природы Вы ищете основу для объяснения индивида. Шаг за шагом восходите Вы от простейшей организации ко все более и более усложненному, чтобы под конец вывести генезис самой сложной организации, человека, из элементов всего мироздания. И оттого, что Вы словно бы повторяете акт творения вслед за природой, Вы проникаете в ее сокровенный механизм. Это — великая и поистине героическая идея, которая в должной мере показывает, каким прекрасным единством скрепляет Ваш дух все богатство Ваших представлений. Вы никогда не могли надеяться на то, что Вашей жизни хватит для достижения

подобной цели, но даже лишь начать прокладывать такой путь гораздо важнее, нежели завершить любой другой; и Вы сделали свой выбор подобно Ахиллу в «Илиаде», выбирающему между Фтией и бессмертием². Если бы Вы родились греком или хотя бы итальянцем и Вас с колыбели окружала бы ни с чем не сравнимая природа и идеализирующее искусство, то путь Ваш оказался бы несравненно более коротким, а может быть, — и вообще излишним. Уже при первичном созерцании явлений Вы восприняли бы форму необходимого и с первыми же Вашими опытами в Вас развился бы большой стиль. Но поскольку Вы родились немцем, поскольку Ваш греческий дух был заброшен в этот северный мир, то у Вас не оставалось иного выбора, как либо самому стать северным художником, либо с помощью силы мышления возместить своему воображению то, чего не предоставила ему действительность, и благодаря этому словно бы изнутри и рациональным путем породить некую Грецию. В том периоде жизни, когда душа творит свой внутренний мир из внешнего, будучи окружена несовершенными образами, Вы успели проникнуться дикой северной природой, однако Ваш победоносный гений, возвысившийся над материалом, обнаружил этот недостаток изнутри и удостоверился в нем благодаря знакомству с греческой природой извне. И тогда Вам пришлось исправлять уже навязанную Вашему воображению старую и худшую природу в соответствии с тем образцом, который выработал для себя Ваш созидательный дух, а это, разумеется, могло произойти не иначе, как в согласии с определенными руководящими идеями. Однако это логическое устремление, неизбежное для духа в состоянии рефлексии, отнюдь не совместимо с эстетическим устремлением, благодаря которому только и может творить дух. Таким образом, у Вас было одной работой больше, ибо как только Вы переходили от созерцания к абстракции, Вам тотчас же приходилось вновь возвращать идеи к их интуитивному истоку и превращать мысли в чувства, поскольку гений может творить лишь с помощью последних.

Приблизительно так представляю я себе движение Вашего духа, и прав ли я — судить лучше всего Вам. И все же существует нечто, едва ли осознаваемое Вами (ибо гений всегда является величайшей тайной для самого себя), и это — прекраснейшая согласованность Вашего

философского инстинкта с чистейшими выводами спекулятивного разума. Правда, с первого взгляда может показаться, будто нет более разительного противоречия, чем противоречие между спекулятивным духом, основывающимся на единстве, и интуитивным, основывающимся на многообразии. Но коль скоро целомудренное и постоянное чувство влечет спекулятивный дух к опыту, а самодеятельное свободное мышление влечет интуитивный дух к закону, то не исключено, что оба они встретятся на середине этого пути. Правда, интуитивный дух имеет дело только с индивидами, а спекулятивный — только с категориями. Однако если интуитивный дух гениален, если он ищет в эмпирическом черты необходимости, то хотя он и будет всегда порождать индивидов, но индивидов, отмеченных печатью категорий; если же спекулятивный дух гениален, если он, не отказываясь от опыта, в то же время возвысится над ним, то хотя он и будет всегда порождать лишь категории, но категории жизнеспособные и надежно связанные с действительными объектами.

Но я вижу, что готов написать вместо письма целый трактат,— извините это тем живейшим интересом, которым я полон к этому предмету; и если Вы не узнаете себя в этом зеркале, все же, очень прошу Вас, не избегайте его.

Небольшое сочинение Морица, которое господин фон Гумбольдт просит позволения задержать еще на несколько дней, я прочел с большим интересом и обязан ему некоторыми весьма поучительными мыслями. Поистине радостно дать себе ясный отчет в инстинктивном образе действий, который так легко может завести на ложный путь, и, таким образом, поверить чувства законами. Когда следишь за идеями Морица, то постепенно обнаруживаешь, как сквозь анархию языка проглядывает прекрасная упорядоченность, и хотя при этом отчетливо постигаешь несовершенство и ограниченность нашего языка, однако убеждаешься и в его силе и узнаешь, как и для чего надлежит пользоваться им.

Произведение Дидро, особенно его первая часть, весьма занимательно и для подобного предмета изложено с поистине поучительной благопристойностью. И эту книгу я прошу позволения задержать здесь еще на несколько дней.

Было бы все же хорошо поскорее пустить в ход новый

журнал, и так как Вам, быть может, приятно будет открыть его первый номер, то я возьму на себя смелость спросить Вас: не согласитесь ли Вы печатать здесь свой роман³ по частям? Я счел бы проявлением большого благоволения с Вашей стороны, если бы Вы известили меня, дадите ли Вы это произведение в наш журнал, и если да, то как скоро. Мои друзья и моя жена вверяют себя Вашему благосклонному вниманию, я же остаюсь с глубоким уважением

Ваш покорнейший слуга

Ф. Шиллер

5. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ко дню моего рождения, приходящемуся на эту неделю¹, я не мог бы получить более приятного подарка; чем Ваше письмо, в котором Вы дружеской рукой подводите итог моему существованию и побуждаете меня к более ревностному и деятельному применению моих сил.

Чистое наслаждение и истинная польза могут быть только взаимными, и я рад случаю развить Вашу мысль, сказав о том, что беседа с Вами многое дала мне, что я веду с тех пор отсчет новой эпохе и как я доволен тем, что продолжал свой путь, не дожидаясь особых поощрений, ибо теперь мне представляется, что после столь неожиданной встречи нам предстоит идти вместе. Я всегда умел ценить ту честную и столь редкую серьезность, которая проявляется во всем, что бы Вы ни писали или делали, а теперь могу притязать на то, что узнаю от Вас самих о движении Вашего духа, особенно за последние годы. Чем яснее мы взаимно уточним пределы, достигнутые нами в настоящее время, тем беспрепятственнее сможем работать вместе в дальнейшем.

Я с радостью буду сообщать Вам обо всем, что затрагивает меня и происходит во мне. Ведь я очень живо ощущаю то, что мои начинания далеко превосходят меру человеческих сил и отпущенные им земные сроки, и поэтому хотел бы передать Вам многое на сохранение с тем, чтобы не только сберечь, но и оживить его.

Каким значительным преимуществом окажется для меня Ваше участие, Вы скоро увидите сами, когда при более близком знакомстве обнаружите во мне некую тьму и колебания, над которыми я не властен, хотя весьма

отчетливо осознаю их. Впрочем, подобные явления вообще свойственны нашей природе, которой мы, однако, охотно предоставляем управлять нами, если только она не становится слишком уж деспотичной.

Надеюсь, что вскоре проведу у Вас некоторое время, и тогда мы сможем переговорить о многом.

К сожалению, за несколько недель до Вашего предложения я отдал мой роман *Унгеру*², и первые отпечатанные листы уже у меня в руках. За последнее время я не раз думал о том, что он был бы вполне пригоден для журнала; сейчас у меня это единственная вещь, которая обладает достаточным объемом и является своего рода проблематической композицией из тех, что любят наши добрые немцы.

Я пошлю Вам первую книгу, как только у меня соберутся все пробные листы. Сочинение это написано так давно, что я, по сути дела, являюсь теперь лишь его издателем.

Если среди моих идей найдется что-либо, отвечающее нашим целям, мы легко могли бы договориться о наиболее приемлемой форме, а выполнение не заставило бы себя ждать.

Будьте здоровы и вспоминайте меня в Вашем кругу.

Гете

Эттерсбург, 27 августа 1794 года.

6. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Прилагаемые листки¹ я осмеливаюсь послать лишь другу, относительно которого могу надеяться, что он пойдет мне навстречу. Перечитывая их сейчас, я кажусь себе тем мальчиком, который затеял перелить океан в ямку. И все же позвольте мне и впредь посылать Вам подобные экспромты: они будут возбуждать и оживлять наши беседы и давать им определенное направление. Будьте здоровы.

Гете

Веймар, 30 августа 1794 года.

7. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 31 августа 1794 года

По возвращении из Вейсенфельса, где у меня было свидание с моим дрезденским другом Кёрнером¹, я полу-

чил Ваше предпоследнее письмо, содержание которого оказалось для меня вдвойне радостным. Ибо я усмотрел из него, что мои представления о Вашей сущности совпали с Вашими собственными ощущениями и что откровенность, с которой я дал высказаться своему сердцу, не вызвала у Вас недовольства. Наше позднее и в то же время пробуждающее у меня столько прекрасных надежд знакомство вновь служит для меня подтверждением тому, насколько лучше порою отдаться на волю случая, чем пытаться с излишним рвением предвосхитить его. Хотя я всегда испытывал горячее желание вступить с Вами в более тесные отношения, чем те, которые возможны между духом писателя и его внимательнейшим читателем, однако теперь я вполне осознаю, что столь различные пути, которыми шли Вы и я, могли свести нас к обоюдной пользе лишь сейчас, но никак не ранее. И именно теперь я могу надеяться, что сколько бы ни осталось нам этого пути, мы пройдем его сообща и к тому же окажемся в наибольшем выигрыше, ибо последние попутчики в столь длительном путешествии особенно много могут поведать друг другу.

Не ждите от меня существенного обилия идей; именно это я найду у Вас. Мои потребности и стремления заключаются в том, чтобы из малого сделать многое, и когда Вы при случае удостоверитесь поближе в моей бедности во всем том, что принято называть благоприобретенными знаниями, то, быть может, найдете, что мне удалось добиться этого в некоторых произведениях. Круг моих идей невелик, но именно поэтому я пробегаю его быстрее и чаще, и именно поэтому я могу лучше использовать малое свое достояние и порождать в области формы то многообразие, которого недостает содержанию. Вы стремитесь упростить огромный мир своих идей, я же ищу разнообразия для своих малых владений. Вам приходится управлять целым царством, а мне — лишь относительно многочисленным семейством понятий, которое я от души хотел бы расширить, превратив его в небольшой мир.

Дух Ваш действует в высшей степени интуитивно, и все силы Вашего мышления словно бы сопряжены с воображением как общим их представителем. По существу, это — наивысшее, что может сделать из себя человек, когда ему удастся обобщить свои воззрения и возвести

в закон свои ощущения. К этому стремитесь Вы, и каких высот Вы уже при этом достигли! *Мой* разум, скорее, склонен к символизированию, и вот я, как своего рода андрогин, колеблюсь между понятием и созерцанием, между законом и ощущением, между техническими навыками и гением. Именно это и придавало мне, особенно на первых порах, несколько неуклюжий облик как в сфере спекулятивного мышления, так и в поэзии; ибо обычно поэт торопил меня там, где я должен философствовать, а философский дух — там, где я должен был выступать как поэт. И теперь еще довольно часто случается, что мое воображение препятствует созданию абстракций, а холодный рассудок — созданию поэтических образов. Если я сумею овладеть обеими этими силами настолько, что смогу беспрепятственно устанавливать для них границы, то меня еще ждет счастливый удел; однако, к сожалению, после того, как я начал по-настоящему сознавать свои душевные силы и использовать их, болезнь угрожает разрушить силы физические. Едва ли у меня достанет сил на то, чтобы завершить в себе великую и всестороннюю духовную революцию, однако я сделаю все, что смогу, и когда под конец здание рухнет, то, быть может, спасу от пожара то, что достойно сохранения.

Вы выразили пожелание, чтобы я говорил о себе, и я пользуюсь этим дозволением. С доверием делаю Вам свои признания и смею надеяться на то, что Вы примете их с любовью.

Сегодня воздержусь от детального обсуждения Вашей статьи, сразу же определяющей самое плодотворное направление для наших бесед об этом предмете. Мои собственные изыскания, шедшие иным путем, привели меня к довольно схожим выводам, и в прилагаемых заметках² Вы, быть может, обнаружите идеи, которые согласуются с Вашими. Они были набросаны полтора года назад, и это обстоятельство, равно как и случайность повода к их возникновению (ибо они предназначались для одного моего снисходительного друга), может служить некоторым извинением необработанности их формы. Разумеется, с тех пор я добился лучшего обоснования и большей определенности этих идей, благодаря чему они, смею думать, окажутся несравненно ближе к Вашим.

Я могу лишь бесконечно сожалеть о том, что «Вильгельм Мейстер» потерян для нашего журнала. В то же время я надеюсь, что Ваш плодотворный дух и Ваше дружеское попечение о нашем начинании даруют нам нечто в возмещение этой потери, отчего друзья Вашего гения выиграют вдвойне. В прилагаемом номере «Галии» Вы найдете некоторые мысли Кёрнера о декламации³, которые не вызовут у Вас недовольства. Все наши уверяют себя Вашему благосклонному вниманию, я же остаюсь с самым сердечным уважением

Ваш Шиллер

8. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я с большим удовольствием прочел присланные Вами рукописи, равно как и фрагмент из «Развития идеи возвышенного»¹, и снова убедился при этом, что мы не только интересуемся одними и теми же предметами, но и по большей части сходимся в способе их рассмотрения. Наши мнения, как я вижу, совпадают по всем важнейшим пунктам; что же касается различий в позициях, в способах сочетания мыслей и их выражения, то они свидетельствуют о богатстве объекта и о разнообразии соприкасающихся с ним субъектов. Теперь же я попросил бы Вас постепенно сообщать мне все, что Вы написали и отдали в печать относительно этого предмета, дабы я мог, не теряя времени, наверстать упущенное.

Наряду с этим я хотел бы сделать Вам одно предложение. На следующей неделе двор отправляется в Эйзенах, и в продолжение четырнадцати дней я буду так одинок и независим, как едва ли смогу рассчитывать в ближайшем будущем. Не желаете ли посетить меня в это время? Остановиться и жить у меня? Вы могли бы спокойно заниматься здесь какой угодно работой. Мы побеседовали бы с Вами в часы досуга, повидали бы друзей, наиболее близких нам по образу мыслей, и расстались бы, проведя время не без пользы. Вы устроились бы у меня в соответствии с Вашими вкусами и привычками и жили бы совершенно как у себя дома. А я бы смог благодаря этому показать Вам важнейшие из моих коллекций, и между нами возникли бы многие связующие нити. Начиная с 14 числа Вы найдете меня свободным

и готовым принять Вас. До той поры я откладываю многое из того, что хотел бы сказать, а пока желаю Вам полного благополучия.

Вы, вероятно, видели уже «Хариту» Рамдора²? Я пробовал постичь эту книгу всеми природными и искусственными органами моего существа, но не нашел еще ни одной страницы, которая запала бы в меня.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашим.

Гете

Веймар, 4 сентября 1794 года.

9. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 7 сентября 1794 года

С радостью принимаю я Ваше любезное приглашение приехать в Веймар, но только настоятельно прошу Вас ни в коей мере не считаться со мной в Вашем домашнем распорядке. К сожалению, спазмы, не дающие мне покоя по ночам, вынуждают меня обычно отдавать все утро сну, да и вообще самочувствие мое никогда не бывает настолько хорошим, чтобы я и в течение дня мог твердо рассчитывать на какой-то *определенный* час. Вы позволите мне, следовательно, смотреть на себя в Вашем доме как на совершенно постороннего человека, на которого не обращают внимания и который, обособляясь от других, избегает тем самым неудобства поставить их в зависимость от своего здоровья. Порядок, столь благодетельный для всякого другого человека, оборачивается для меня опаснейшим врагом: если я *должен* сделать нечто определенное в назначенное время, то могу быть уверенным, что это окажется для меня невозможным.

Простите мне эти предварительные условия, которые я вынужден оговорить для того, чтобы сделать хоть сколько-нибудь возможным мое пребывание у Вас. Я прошу лишь о прискорбной свободе чувствовать себя больным в Вашем доме.

Я уже намеревался предложить Вам погостить у меня, когда получил Ваше приглашение. Моя жена уехала с ребенком на три недели в Рудольштадт, чтобы уберечься от оспы, которую господин фон Гумбольдт распорядился привить своему младшенькому. Я нахожусь в полном одиночестве и мог бы предоставить Вам удобное

жилище. Я редко вижу с кем-нибудь, кроме Гумбольдта, и давно уже никакая метафизика не переступала моего порога.

С «Харитой» Рамдора у меня произошло нечто странное. Перелистав ее в первый раз, я пришел в ужас от дурацкого стиля и чудовищной философии автора и тут же отослал его произведение назад книгопродавцу. Но когда впоследствии я нашел в одном ученом журнале отрывки из сочинения Рамдора о нидерландской школе¹, то проникся к нему большим доверием и снова взялся за «Хариту», которая оказалась отнюдь не бесполезной для меня. Разумеется, то, что он говорит об ощущениях, вкусе и красоте в общем, совершенно неудовлетворительно; все это — подлинно философия барона, чтоб не сказать хуже. Однако эмпирическая часть книги, в которой он ведет речь о характерных особенностях различных искусств и определяет область и границы для каждого из них, кажется мне вполне приемлемой. Чувствуется, что здесь он в своей сфере и что благодаря длительному пребыванию среди произведений искусства он обрел далеко не заурядную изошренность вкуса. Здесь, в этой части, говорит человек сведущий, суждения которого оказываются если не решающими, то достаточно весомыми. Вполне возможно, однако, что ценность, которой эта книга по необходимости обладает для меня, совершенно ничтожна для Вас, ибо тот опыт, на котором основывается автор, для Вас уже не нов и Вам решительно нечего почерпнуть из него. Именно то, что Вы искали, ему совершенно не удалось, а в том, что у него удачно, Вы не нуждаетесь. Буду весьма удивлен, если кантианцы не тронут его, а противники этой философии не попытаются усилить свою партию его особой.

Поскольку Вам довелось уже прочитать тот отрывок из моей статьи о возвышенном, то я прилагаю к письму ее начало²; Вы найдете здесь, быть может, некоторые мысли, позволяющие в какой-то мере прояснить вопрос об эстетическом выражении страстей. Прежние мои статьи на эстетические темы не настолько удовлетворяют меня сейчас, чтобы предлагать их Вашему вниманию, а более поздние, еще не напечатанные, я привезу с собой. Быть может, Вас заинтересует моя рецензия на стихотворения Маттиссона³, которая появится на этой неделе во «Всеобщей литературной газете». Из-за анархии, по-прежнему

господствующей в сфере поэтической критики, и из-за полного отсутствия объективных законов вкуса критик постоянно оказывается в весьма затруднительном положении в тех случаях, когда он пытается подкрепить свои суждения ссылкой на некие основополагающие принципы, ибо нет никакого свода законов, к которому он мог бы апеллировать. Если он хочет быть честным, то должен либо молчать, либо (что тоже не всегда приятно) выступать одновременно в роли и законодателя, и судьи. Я в этой рецензии избрал второй путь, а насколько обоснованно или удачно, об этом более всего желал бы услышать от Вас.

Только что получил рецензию и прилагаю ее.

Ф. Шиллер

10. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Благодарю Вас за согласие приехать ко мне. Вас ждет полная свобода в выборе образа жизни, соответствующего Вашим привычкам. Будьте так добры известить меня о дне Вашего приезда, чтобы я мог подготовиться.

Быть может, господин фон Гумбольдт навестит нас как-нибудь; быть может, я уеду из Веймара вместе с Вами. Впрочем, предоставим решать все это гению дня. Если у Вас есть «Харита», захватите ее с собой.

Несколько прекрасных пейзажей, только что полученных из Неаполя, будут способствовать нашей беседе об этом предмете.

Будьте здоровы и засвидетельствуйте мое почтение Вашим.

Гете

Веймар, 10 сентября 1794 года.

Только что получил несколько экземпляров английской «Ифигении»¹; прилагаю один из них.

11. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 12 сентября 1794 года

Вы предоставили мне назначить день, начиная с 14-го. Таким образом, я приеду к Вам, с Вашего позволения, в воскресенье после полудня, поскольку хотел бы лишиться как можно меньше радостей, которые Вы готовите мне. Господин фон Гумбольдт, которого чрезвычайно

обрадовало Ваше приглашение, приедет вместе со мной, чтобы провести с Вами несколько часов.

Рамдор был здесь несколько дней тому назад; возможно, он появился и у Вас. По его словам, он трудится сейчас над книгой о любви¹, в которой будет доказано, что чистая любовь существовала лишь у греков. Свои идеи о красоте он черпает на довольно большой глубине, поскольку подкрепляет свои тезисы ссылками на плотское влечение.

Английская «Ифигения» очень меня порадовала. Сколько могу судить, этот чужеземный наряд ей к лицу, что служит также живейшим напоминанием о близком родстве обоих языков.

Фридрих Якоби² выразил желание сотрудничать в «Орах», и это приятным образом расширяет наш круг. Он очень интересен мне как личность, хотя должен признать, что я никак не могу свыкнуться с его произведениями.

«Хариту» здесь нигде не достать, но я привезу трактат Маймона об идее красоты³, заслуживающий внимания.

Моя жена просит меня передать Вам ее заверения в искренних дружеских чувствах. Я посылаю ей английскую «Ифигению», которая доставит ей большое удовольствие.

Шиллер

12. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 29 сентября 1794 года

Итак, я снова здесь¹, но мыслями по-прежнему нахожусь в Веймаре. Понадобится время, чтобы разобраться во всех идеях, которые Вы пробудили во мне; однако ни одна из них, надеюсь, не будет утрачена. Я задался целью посвятить эти четырнадцать дней исключительно тому, чтобы получить от Вас столько, сколько позволит моя восприимчивость; время покажет, взойдет ли во мне этот посев.

По возвращении я нашел письмо от издателя наших «Ор», который исполнен пылкой решимости поскорее приступить к этому великому делу. Я намеренно еще раз обрисовал ему все трудности и все возможные опасности этого начинания, чтобы побудить его как можно более обдуманно приступить к этому шагу. Однако он, взвесив все обстоятельства, находит, что не может быть

предприятия более многообещающего, и твердо рассчитывает на свои силы. Мы можем положиться на его неутомимую энергию в распространении журнала, равно как и на пунктуальность в расчетах с авторами.

Он выражает желание, чтобы мы предоставили совещательный голос в нашей редакции его компаньону, одному молодому ученому. Я не могу ставить ему в вину то, что он хотел бы иметь доброго друга в сенате, которому предстоит распорядиться его кошельком. К тому же этот молодой человек, по фамилии Цан, принадлежит к торговой компании в Кальве, которая опекает фирму Котты и которая настолько солидна, что при финансовых затруднениях в Вюртемберге не раз уже рассчитывали на ее кредит. Поэтому я полагаю, что было бы весьма разумно как можно ближе привлечь этого человека к интересам нашего начинания, а следовательно, и предоставить ему совещательный голос в нашем комитете. Ввиду того что это касается дела, предназначенного *ad acta* *, то прошу Вас подписаться на прилагаемом документе, если Вы согласны с его содержанием.

Поскольку я собираюсь в ближайшие дни написать господину Аренсу, то не откажите мне в любезности сообщить его адрес. Вы сказали на днях, что предполагаете просить господина Гирта² в Риме сообщать нам о новостях художественной жизни Италии. Конечно, это было бы полезно, и я прошу Вас при случае подумать об этом.

Сегодня так душно, что я вынужден ограничиться этими редакционными делами. Как я слышал, господин фон Рамдор не слишком хорошо отзывался здесь о том приеме, который он встретил у Вас в Дрездене. Он настолько признан здесь знатоком искусства, что Лодер повел его к столяру, чтобы осмотреть совершенно обыкновенный комод, делающийся по его заказу.

Шиллер

13. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Теперь, драгоценнейший мой друг, мы знаем благодаря нашей двухнедельной конференции, что мы с Вами согласны в принципиальных вопросах и что сферы наших

* для приобщения к делам (*латин.*).

чувств, мыслей и действий частью совпадают, частью соприкасаются; из этого может проистечь много хорошего для нас обоих. Я продолжаю думать об «Орах» и уже начал работать для них; особенно меня занимает мысль о тех средствах и масках, с помощью которых и под которыми мы многое смогли бы подsunуть публике. У меня нет никаких возражений против принятия господина Цана, но так как я хотел бы, чтобы Вы один подписывали все исходящие бумаги, то сообщаю о своем согласии на отдельном листе для приобщения к делам.

Будьте здоровы и не забывайте совсем о моем диетическом совете. Я надеюсь послать Вам вскоре что-нибудь и жду от Вас импульса, чтобы написать о том или ином предмете.

Г.

Веймар, 1 октября 1794 года.

Ваше письмо непременно дойдет до господина Аренса, если Вы просто укажете в адресе «архитектор»; он достаточно известен в Гамбурге.

О Гирте и Альбрехте¹ я не забуду. Поблагодарите господина фон Гумбольдта за рецензию на «Вольдемара»²; я только что прочел ее с величайшим интересом.

14. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Так как «Спасенная Венеция»¹ будет дана не в будущую субботу, а лишь во вторник, и так как она отнюдь не столь значительна, чтобы привлечь Вас сюда, то я хотел бы предоставить Вам решать — не пожелаете ли Вы приехать с Вашей милой супругой 18-го, когда мы даем «Дон Карлоса»? Даже если исполнение и не очень удовлетворит Вас, то все же можно было бы воспользоваться этим случаем, чтобы во имя известной цели² наиболее точным образом оценить таланты наших актеров. Будьте здоровы и не забывайте меня.

Г.

Веймар, 8 октября 1794 года.

15. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 8 октября 1794 года

Простите, что я так замешкался с письмом, которым должна была начаться наша корреспонденция¹. Некоторые безотлагательные дела, связанные с «Литературной

газетой» и «Талией»², которые необходимо было завершить до этого, задержали его вопреки моим желаниям и намерениям.

Отныне от Вас зависит, будет ли продолжена тропа, на которую я здесь вступаю. Мне представлялось необходимым, чтобы мы, поскольку нам в дальнейшем довольно часто придется возвращаться к этому, уточнили бы в самом начале наши представления о сущности прекрасного.

Я привел в относительный порядок наши дела с надворным советником Шютцом³. Основное и, по существу, единственное затруднение состоит в значительном увеличении расходов для редакторов, коль скоро они вынуждены будут двенадцать раз в году рецензировать один и тот же журнал, тогда как достаточно одной-единственной рецензии. Но это, вероятно, можно было бы уладить таким образом, что издатель «Ор» возьмет на себя половину расходов. Подобное решение, надо надеяться, позволит также заткнуть рот прочим издателям журналов, которые могли бы потребовать столь же благосклонного отношения к себе.

С нетерпением жду Вашего романа, с которым Вы хотели меня познакомить. Шютц предложил мне процензировать эту часть⁴, и я склонен выполнить его просьбу — в особенности потому, что мне не хотелось бы увидеть роман попавшим в чужие руки.

Гумбольдты и моя жена посылают Вам дружеский поклон, я же неразлучен с Вами во всем, что во мне живет и мыслит.

Ш.

16. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 17 октября 1794 года

Если я смогу положиться на мое здоровье, вновь расстроенное из-за дурной погоды, то завтра после полудня приеду с женой в Веймар; однако прошу Вас в общем-то не ждать меня, поскольку пока что это маловероятно.

Я занят теперь переработкой моих писем к принцу Августенбургскому¹, так как решил поместить их начало в первом номере «Ор». Надеюсь, что смогу послать их Вам в будущий вторник. Затем первой моей заботой будет

продолжение недавно затронутой темы, которую я прервал на сомнительном месте. Элегий и посланий² ждем с великим нетерпением.

Все здесь посылают Вам наилучшие пожелания.

Шиллер

17. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Быть может, Вы остались бы в какой-то степени довольны исполнением «Дон Карлоса», если бы мы имели удовольствие видеть Вас здесь; обращайтесь же хоть изредка Ваши мысли в сторону «Мальтийских рыцарей».

К концу этой недели я, вероятно, смогу послать Вам элегии; они уже частично переписаны, и только несколько непокорных стихов кое-где еще задерживают меня.

Вы получите также несколько страниц¹ в ответ на Ваше первое письмо; я уже продиктовал их, однако кое-что должен переписать заново. Я чувствую себя весьма странно, когда мне приходится теоретизировать.

Вспоминайте меня в Вашем кругу.

Не откажите в любезности уделить четверть часа господину Гернингу, который передаст Вам это письмо.

Будьте здоровы.

Гете

Веймар, 16 [19] октября 1794 года.

18. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

[черновой набросок; между 8 и 19 октября 1794 г.]

Ваше письмо еще больше укрепило во мне убеждение, оставшееся у меня после нашего собеседования, а именно убеждение в том, что мы испытываем одинаковый интерес к принципиально важным вопросам и что мы, подходя к ним с совершенно разных сторон, встречаемся тем не менее на некоей прямой линии и можем беседовать о них ко взаимному удовольствию.

Большая часть Вашего письма не только содержит мои мысли и воззрения: они к тому же развиты здесь таким образом, каким едва ли сумел бы я сделать. Характеристика обоих путей, избранных для нашего исследования, предупреждение о двойной опасности, пример с портретом и то, что непосредственно следует за ним,— все это изложено так, что я мог бы подписаться под каждым словом и выражением; мысль о том, что идеальный образ ни о

чем не должен напоминать, представляется мне весьма плодотворной, а попытка установить то, что может, с одной стороны, умалить или уничтожить красоту объекта, а с другой — помешать наблюдателю, представляется мне весьма целесообразной. Но когда Вы далее выдвигаете мысли, кажущиеся еретическими: мысли о том, что определенность несовместима с красотой и что свобода и определенность являются необходимыми предпосылками не красоты, но нашего наслаждения ею — здесь я должен подождать, пока Вы не разрешите мне эту загадку, хотя из того, что содержится между обоими этими тезисами, я приблизительно могу догадаться, какой путь Вам хотелось бы избрать.

Позвольте мне, напротив, со своей стороны оставаться в той сфере, которую я изучаю и исследую; позвольте мне исходить, как я всегда это делаю, преимущественно из скульптуры и живописи, задавая вопрос о том, что же именно должен делать художник для того, чтобы в результате его многообразных отдельных усилий зритель увидел наконец законченное целое и воскликнул: «Это прекрасно!»

Поскольку мы оба признаем, что предмет, о котором мы недавно беседовали, нам не известен или по крайней мере известен недостаточно ясно и определенно и что мы пока еще доискиваемся до его сути; поскольку каждый из нас собирается не поучать другого, а оказывать ему помощь и предостерегать, если тот, как это, к сожалению, обычно происходит, окажется слишком односторонним, то позвольте мне полностью оставить в стороне совершенные произведения искусства; давайте попытаемся вначале уяснить, как мы создаем хороших художников, и подождем, пока среди них не обнаружится гений, который самостоятельно усовершенствует себя; давайте проследим за тем, как неосознанно происходит создание произведения и как прекраснейшее творение искусства, точно прекрасное творение природы, возникает словно бы благодаря неизъяснимому чуду.

Позвольте мне пользоваться в моих последующих объяснениях словом «искусство», хотя я всегда подразумеваю под этим лишь изобразительное искусство, по преимуществу скульптуру и живопись; само собой разумеется, что некоторые положения здесь подойдут и для других искусств, а некоторые для всех вообще. И позвольте

мне напомнить еще об одном, до некоторой степени само собой разумеющемся обстоятельстве: речь здесь идет не о том, чтобы говорить новые и неизвестные или неслышанные вещи, а о том, чтобы представить известное и давно испытанное так, как оно сложилось в нашей душе.

Желая на первых порах лишь создать хороших художников, мы предполагаем наличие у наших учеников средних природных данных: глаза, отчетливо видящего предметы, души, склонной любить их, механического стремления руки словно бы непосредственно воспроизвести в каком-либо материале то, что воспринимает глаз. Теперь зададим себе вопрос: как предполагаем мы совершенствовать их с тем, чтобы они впоследствии смогли бы благодаря самостоятельному развитию превзойти наши ожидания?

Леонардо да Винчи начинает свое сочинение об изобразительном искусстве следующими удивительными словами: если ученик усовершенствовался в перспективе и анатомии, то пусть поищет себе учителя.

Позвольте мне соответственно допустить, что наши ученики уже умеют довольно сносно воспроизводить увиденное ими; распределим их тогда по разным классам и посмотрим, чему мы должны их там учить; будем строги и не переведем никого из них на следующую ступень до тех пор, пока он сам не заслужит и не завоеует ее. Художники, слишком быстро и без должной подготовки продвинувшиеся к вершинам искусства, подобны людям, которых слишком быстро вознесло счастье: они не умеют приноровиться к своему положению и редко могут добиться большего, нежели поверхностного применения того, что им дано от природы.

19. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 20 октября 1794 года

Итак, я приступаю к танцу Ор — и посылаю Вам ту часть моих писем к принцу, которая предназначена для первого номера. Очевидно, Ваши и мои работы заполняют его до последней страницы¹. Быть может, нам удастся получить для первого же номера небольшую статью Гердера, что было бы мне весьма приятно. Во всяком случае, в этом номере Вы обнаружите достаточное разнообразие если не авторов, то материалов.

Мой дебют в «Орах» ни в коей мере не является

captatio benevolentiae * у публики. Однако я не смог бы обойтись с ней более бережно и уверен, что в данном случае Вы согласны со мной. Хотелось бы, чтобы Вы были согласны со мной и во всем остальном, ибо должен признаться, что в этих письмах выражены мои искренние глубокие убеждения. Я никогда не брался за перо для участия в политических распрях, и то, что сказано об этом предмете в письмах, сказано лишь для того, чтобы никогда более к нему не возвращаться; однако полагаю, что изложенное здесь исповедание веры не так уж неуместно. Как ни различны инструменты, которыми Вы и я воспринимаем мир, как ни различно наступательное и оборонительное оружие, которым мы пользуемся, я все же уверен, что мы стремимся к одной и той же основной цели. Вы обнаружите в этих письмах свой портрет, под которым я охотно подписал бы Ваше имя, если бы мне не претило предвосхищать чувства мыслящих читателей. Любой из тех, чьи суждения имеют для Вас цену, непременно узнает Вас, ибо я чувствую, что портрет хорошо схвачен и довольно удачно выполнен.

Я был бы очень рад, если бы у Вас нашлось время поскорее прочесть рукопись, а затем переслать ее Гердеру, которого я об этом предупрежу; согласно нашему уставу, она должна пройти через многие руки до отправки издателю, а ведь мы хотим как можно скорее приступить к печатанию «Ор».

Вы, вероятно, уже знаете, что Энгель сложил с себя обязанности театрального директора в Берлине и живет теперь в Штеттине, совершенно не у дел. Из ежегодного жалованья в 1500 талеров ему не оставлено ничего. Как я слышал, он с усердием взялся теперь за перо; мне он обещал в ближайшие дни прислать какую-нибудь статью.

Относительно «Альманаха Муз»², о котором я недавно рассказывал Вам в Веймаре, я заключил форменный договор с одним евреем-книгопродавцем; он выйдет в свет к будущей осенней ярмарке. Я очень рассчитываю на Вашу доброту и надеюсь, что Вы не оставите меня без поддержки. Предприятие это с деловой стороны самым незначительным образом увеличит бремя моего труда, а для экономических моих целей оно подходит тем удачнее,

* попыткой снискать благоволение (латин.).

что я могу заниматься им и при слабом состоянии здоровья, обеспечивая тем самым себе независимость.

С большим нетерпением ожидаю всего того, что обещает мне Ваше последнее письмо.

Все мы вверяем себя Вашему благосклонному вниманию.

Шиллер

20. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Присланную мне рукопись я прочитал тотчас же и с большим удовольствием; я проглотил ее залпом. Как изысканный и отвечающий нашей природе напиток, который легко проскальзывает внутрь и уже на языке обнаруживает свое целительное воздействие на нервную систему, так были приятны и благотворны для меня эти письма, — да и как могло быть иначе, коль скоро я нашел здесь изложенным в такой связной и благородной форме то, что давно уже считал верным; то, чем отчасти жил, отчасти стремился жить? Мейер¹ также испытывает большую радость благодаря этим письмам, и его ясный, неподкупный взгляд послужил для меня надежным ручательством. Мое умиротворенное состояние чуть было не нарушила прилагаемая записка Гердера², который пытается обвинить нас в односторонности из-за того, что мы увлекаемся такого рода идеями. Но поскольку в царстве явлений ничто вообще не следует воспринимать буквально, и к тому же здесь всегда может послужить достаточным утешением то обстоятельство, что ты ошибаешься вместе с некоторыми искушенными людьми (и притом ошибаешься скорее на пользу, чем во вред себе и своим современникам), будем поэтому и впредь жить и действовать спокойно и непоколебимо — и добиваться некой целостности для нашего бытия и стремлений с тем, чтобы наш фрагментарный труд обрел хоть какую-то законченность. Ваши письма я задержу на несколько дней, чтобы еще раз насладиться ими вместе с Мейером.

Прилагаю к сему элегии. Я хотел бы, чтобы Вы не выпускали их из рук, а прочитали бы вслух тем, кому предстоит еще высказаться относительно их приемлемости для журнала. После этого прошу вернуть их мне, поскольку я, возможно, кое-что еще в них отретуширую.

Если у Вас найдутся какие-нибудь замечания, сообщите их мне, пожалуйста.

«Послание» переписывается и вскоре будет отправлено вместе с кое-какой мелочью; затем мне придется сделать некоторый перерыв, так как третья книга романа требует моего внимания. У меня все еще нет пробных листов первой книги; как только я получу их, они окажутся у Вас.

По поводу альманаха могу предложить Вам вот что: не включить ли в него где-нибудь в середине или в конце книжечку эпиграмм³? Взятые в отдельности, они ничего не стоят; однако мы смогли бы, пожалуй, выбрать из нескольких сотен эпиграмм, пусть незначительных подчас, некоторое количество таких, которые связаны между собой и образуют целое. В следующий раз, когда мы встретимся, Вы увидите весь этот легкомысленный выводок в одном гнезде.

Будьте здоровы и позвольте мне чувствовать себя причисленным к Вашему кругу.

Гете

Веймар, 26 октября 1794 года

Напишите мне непременно, чего бы Вы еще желали от меня для «Ор» и *когда* Вам это понадобится. Второе послание также будет закончено в первый же час доброго расположения духа.

21. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 28 октября 1794 года

То, что Вы согласны с моими идеями и довольны их изложением, немало радует меня и служит весьма необходимым поощрением для продолжения того пути, на который я вступил. Хотя предметы, о которых можно судить в сфере чистого разума или которые выдаются за таковые, должны были бы достаточно прочно покоиться на глубоких и объективных основах и заключать в себе самих критерий истины, однако соответствующей философии пока еще не существует, а моя еще далека от этого. И наконец: ведь главное здесь основывается на свидетельстве ощущений и поэтому нуждается в субъективной санкции, которую может предоставить лишь согласие непредвзятых умов. Мнение Мейера в данном случае весьма важно и ценно: оно компенсирует несогла-

сие Гердера, который, как видно, не может простить мне моих кантианских убеждений. Я и не жду от противников новой философии той терпимости, какую следовало бы выказывать по отношению к любой другой системе, не кажущейся тебе особенно убедительной; ибо Кантова философия сама не отличается терпимостью в главных своих пунктах и слишком ригористична для того, чтобы можно было бы заключить какой-либо компромисс с нею. Но это, на мой взгляд, делает ей честь, ибо доказывает, насколько она несовместима с произволом. От такой философии не отделаешься, просто покачав головой. Она строит свою систему в открытой, ясной и доступной сфере исследования, никогда не гонится за призраками и ничего не оставляет на долю индивидуального чувства; однако в свою очередь она желает, чтобы с нею обходились так, как она обходится со своими соседями, и следует простить ей то, что она считается только с обоснованными доводами. Меня несколько не страшит мысль о том, что закон изменения, не щадящий ни одно человеческое или божественное создание, разрушит формы этой философии так же, как любой другой; однако основам ее не приходится опасаться подобной участи, ибо с тех пор, как возник род человеческий и существует разум, их втихомолку признавали и в общем-то поступали в соответствии с ними.

С философией нашего друга Фихте дело обстоит иначе. Уже в его собственном стане зашевелились сильные противники, которые не замедлят заявить во всеуслышание, что все вытекает из субъективного спинозизма. Он уговорил одного из своих старых университетских друзей, некоего Вейсхуна, перебраться сюда, надеясь, по-видимому, усилить с его помощью свои позиции. Однако тот — судя по всему тому, что я о нем слышал, отменный философский ум — уже пробил, по своему собственному мнению, брешь в системе Фихте и собирается писать против него. Согласно устным высказываниям Фихте (ибо в книге его¹ об этом еще не было речи), само Я также создано своими собственными представлениями, и вся реальность вообще заключена только в Я. Мир для него — лишь мяч, который Я бросило и при рефлексии ловит снова!! Таким образом, он действительно провозгласил свою божественность, как мы недавно и предсказывали.

За элегии все мы Вам чрезвычайно благодарны. В них царят теплота, нежность и тот истинный и сильный поэтический дух, который столь чудесно оказывает благотворное воздействие на человека, в особенности на фоне порождений нынешнего поэтического мира. Это подлинное проявление прекрасного поэтического гения. Я очень сожалею об отсутствии в них некоторых мелких деталей, хотя и понимаю, что ими необходимо было пожертвовать. Некоторые места вызывают у меня сомнения, и я отмечу их, когда буду возвращать рукопись.

Поскольку Вы призываете меня сказать Вам, что я хотел бы получить от Вас для первых номеров журнала, то я напомню Вам о Вашей идее обработать новеллу Боккаччо о честном прокураторе². Я всегда готов предпочесть изображение исследованию, а в данном случае тем более, что в первых трех номерах «Ор» слишком уж много философии, а поэтических произведений мало. Если бы не это обстоятельство, я напомнил бы Вам о статье, посвященной пейзажной живописи³. Согласно существующему ныне распорядку в начале января должен быть разослан третий номер «Ор». Я теперь рассчитываю, что в первом номере будут Ваши элегии и первое послание, во втором — второе послание и то, что Вы, быть может, пришлете еще на этой неделе, а в третьем — новое послание и Ваша новелла из Боккаччо; таким образом, ценность каждого из этих трех номеров вполне очевидна.

Ваше любезное предложение относительно эпиграмм сулит значительнейшую пользу для альманаха. Нужно будет еще обсудить, каким образом осуществить это так, чтобы не разрознить их. Быть может, стоило бы объединить их в нескольких разделах, каждый из которых был бы совершенно самостоятельным.

Я рад был услышать, что профессор Мейер снова в Веймаре, и прошу Вас как можно скорее познакомить нас. Быть может, он решится на краткое путешествие сюда, а чтобы поездка оказалась не совсем бесполезной для него как художника, то я покажу ему бюст работы одного немецкого скульптора⁴: произведение, которому, как мне кажется, можно не опасаться взгляда подлинного знатока. Быть может, господин Мейер решится уже этой зимой написать что-нибудь для «Ор».

К «Мальтийцам» я, конечно, приступлю, как только

закончу мои «Письма» (из которых Вы прочитали лишь треть) и еще один маленький опыт о наивном⁵; все это, однако, займет остаток года. Таким образом, я не могу обещать закончить эту вещь ко дню рождения герцогини⁶, но к концу зимы надеюсь все же справиться с нею. Я говорю сейчас как здоровый и крепкий человек, распоряжающийся своим временем; однако при выполнении этих замыслов мое Не-Я еще напомнит о себе.

Храните нас в Вашей благосклонной памяти. Вы живы в нашей.

Шиллер

22. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Возвращаю с благодарностью Ваши «Письма». В первый раз я прочитал их лишь как созерцатель — и при этом обнаружил *значительное*, я мог бы даже сказать, почти *полное* соответствие моему образу мыслей. Во второй же раз я читал их с практической целью, тщательно следя за тем, не найду ли я здесь нечто такое, что могло бы побудить меня как человека действующего отклониться от своего пути; однако и тут я обнаружил для себя лишь поддержку и ободрение, так что мы можем свободно довериться этой гармонии и порадоваться ей.

Прилагаю мое первое послание и кое-какую мелочь. Второе послание я заканчиваю; рассказ, по-видимому, будет готов к концу года, а с ним, надо надеяться, и третье послание¹.

Прилагаемое письмо Маймона вместе с его статьей² будут Вам интересны. Не выпускайте их из рук. Возможно, я вскоре навещу Вас вместе с Мейером. Будьте здоровы.

Гете

Веймар, 28 октября 1794 года.

23. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Завтра утром, около 10 часов, я предполагаю приехать вместе с Мейером в Иену¹ и провести несколько приятных дней в Вашем обществе. Надеюсь застать Вас совершенно здоровым.

Г.

Веймар, 1 ноября 1794 года.

24. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 16 ноября 1794 года

Эта отвратительная погода, замкнувшая все мои органы чувств, совершенно лишила меня на прошлой неделе восприимчивости ко всему тому, что называется жизнью,— и теперь, когда я вновь прихожу в себя после этой духовной дремоты, мне кажется, будто я опять встречаюсь с Вами после долгого промежутка времени. Всей душой я стремлюсь к дружескому общению с Вами. Для того чтобы у Вас было нечто, напоминающее порой обо мне, уделите прилагаемому изображению¹ какое-нибудь место в Вашем доме: любое, какое пожелаете, только не то, где Вы погребли портрет Рейнгольда.

Согласно Вашему желанию возвращаю с глубокой благодарностью элегии, а также книгу Штольберга². Первая партия рукописей для «Ор» отправлена позавчера издателю. Я написал ему, что оставшуюся часть первого номера он получит через две недели.

Комедию «Вдова»³, которую Вы в прошлый раз захватили с собой, прошу вернуть мне на две недели. Она будет напечатана в «Талии», вместе с которой Вы ее и получите потом, если расположены воспользоваться ею.

С нетерпением ожидал я на этой неделе рукопись Мейера⁴. Не напомните ли Вы ему обо мне? Господин фон Гумбольдт в будущую субботу едет в Эрфурт.

Все мы вверяем себя Вашему дружескому вниманию.

Шиллер

25. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю при сем рукопись¹; надеюсь, что мне удалось соблюсти должную меру и подобающий тон. Прошу Вас поскорее вернуть ее мне, поскольку кое-где она еще нуждается в нескольких мазках кисти для того, чтобы определенные места получили надлежащее освещение. Если я смогу подготовить второе послание и первый рассказ для второго номера, то дадим их, а элегии прибережем для третьего; если же это не получится, пустим элегии раньше. После того тяжкого бремени, которым ложится на плечи такой псевдоэпос, как роман, я испытываю сильное влечение к небольшим рассказам.

Унгер, у которого, по-видимому, иногда голова идет кругом от дел, присылает мне конец первой книги и за-

бывает середину². Как только придут шесть недостающих листов, я вышлю Вам этот пролог.

Господин фон Гумбольдт недавно прибыл сюда на эстетико-критическую сессию³; не знаю, насколько она была для него интересной.

Мне очень хочется узнать, как обстоит дело с Вашими работами, а еще больше — прочесть что-либо из законченного.

Вы, разумеется, будете получать пробные листы нашего ежесечасника, чтобы мы смогли раньше, чем публика, познакомиться с его физиономией?

Будьте здоровы. У меня снова накопилось множество вещей, о которых я хотел бы побеседовать с Вами.

Г.

Веймар, 27 ноября 1794 года. Вечер.

26. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 29 ноября 1794 года

Вы приятно поразили меня неожиданно быстрой присылкой вступления к Вашим рассказам, и я вдвойне благодарен Вам за это. На мой взгляд, оно послужит весьма целесообразным введением ко всему последующему; особенно удачным кажется мне разрешение спорного вопроса. Жаль только, что читатель получает на первых порах слишком мало для того, чтобы составить общее представление обо всем произведении, и поэтому не сможет надлежащим образом судить об отношении сказанного здесь к целому. По этой причине было бы желательно поместить тут же первый рассказ. Однако мне не хотелось бы оказаться нескромным в своих желаниях и дать Вам повод смотреть на сотрудничество в «Орах» как на своего рода *opus* *. Поэтому я подавляю это желание и ограничиваюсь заверением в том, что если бы Вы смогли выполнить его, не обременив себя, то сделали бы мне великий подарок.

По моим примерным расчетам (а я подсчитал слова на нескольких страницах) в рукописи не более двух с половиной печатных листов; так что нам все еще предстоит заполнить целый лист. Если никак не удастся сделать это иначе, то я справлюсь с этим седьмым листом, поместив здесь *motseau* ** из истории Нидерландов¹,

* бремя, тягостная обязанность (латин.).

** отрывок (франц.).

имеющий самостоятельный интерес: краткое описание осады Антверпена при Филиппе II, во время которой произошло немало примечательных событий. Эта работа не потребует от меня особых усилий, и к тому же благодаря ей окажется достигнутой та побочная цель, что уже в первом номере будет представлена историческая сфера. Само собой разумеется, что к подобным *expediens* * не придется прибегать даже и в первом номере, коль скоро появится надежда получить побольше Ваших рассказов. Правда, задержки с выходом в свет на неделю этого первого номера избежать не удастся, однако беда не так уж велика, и мы, вероятно, сможем исправить дело тем, что второй номер появится ровно через неделю.

Поскольку в обращении к публике² я собираюсь указать на наше целомудрие в политике, то прошу Вас подумать, не будет ли часть читателей (и притом не самая малочисленная) недовольна теми словами, которые Вы вкладываете в уста тайному советнику³? Хотя здесь говорит не автор, а один из собеседников, однако преимущество оказывается на его стороне, а нам следует опасаться скорее того, что *кажется*, чем того, что *есть* на самом деле. Это замечание исходит от редактора. В качестве простого читателя я бы изыскал возможность вернуть тайного советника и оставить его в нашем обществе после того, как вспыльчивый Карл признаёт свою вину. Я защитил бы также старого священника от его безжалостной противницы, слишком уж досаждающей ему.

По некоторым деталям (в особенности по известной обстоятельности рассказа в начале) я могу, как мне кажется, заключить, что Вы намерены вызвать у читателя предположение, будто речь здесь идет о событиях, происходивших в действительности. Поскольку Вы и так на протяжении всех рассказов часто будете вводить в игру страсть к толкованиям, то, вероятно, неплохо было бы начать именно с этого и, таким образом, сделать проблематичными сами средства. Прошу Вас, отнеситесь снисходительно и к моей собственной страсти к толкованиям.

Пробные листы «Ор» должны высылаться мне еженедельно; все же я сомневаюсь в том, что мы сможем получить первый лист раньше, чем через две недели. Глупость господина Унгера чрезвычайно раздосадовала

* средствам (латин.).

меня, так как я с нетерпением жажду познакомиться с этим произведением. Но с не меньшей жадой стремлюсь я прочитать еще не напечатанные отрывки из Вашего «Фауста», ибо, признаюсь Вам, для меня все прочитанное из этого произведения⁴ — торс Геракла. В этих сценах властвуют сила и изобилие гения, со всей очевидностью являющих подлинного мастера, и мне хотелось бы как можно глубже проникнуть в ту великую и отважную натуру, которой все там дышит.

Господин фон Гумбольдт шлет Вам наилучшие пожелания; он все еще полон впечатлением, произведенным на него Вашей манерой читать Гомера, и возбудил у всех нас такое желание послушать Вас, что если Вы снова приедете к нам на несколько дней, мы не оставим Вас в покое до тех пор, пока Вы не устроите подобное заседание и у нас.

Мои «Эстетические письма» подвигались до сих пор очень медленно; однако этого требовало дело, и я могу лишь надеяться, что здание покоится на хорошем фундаменте. Если бы не упомянутая небольшая историческая работа, я мог бы, вероятно, в течение восьми-десяти дней представить Вам новую партию.

Все наши вверяют себя Вашему дружескому вниманию.

Весь Ваш

Шиллер

27. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Меня очень радует, что Вы довольны моим прологом в целом и основной его идеей; однако, кроме него, я ничего не смогу дать для первого номера. Я хочу еще раз пройтись по нему, пустить тайного советника и Луизу под сурдинку и, быть может, еще придать Карлу forte, — тогда, надо полагать, все встанет на свое место. Ваша историческая статья, несомненно, окажется полезной для журнала, сообщив первому номеру желательное разнообразие. Ко второму номеру я надеюсь приготовить рассказ, вообще же намереваюсь действовать подобно сказочнице из «Тысячи и одной ночи». Я радуюсь возможности тотчас же воспользоваться Вашими замечаниями и вдохнуть тем самым новую жизнь в эту композицию. Надеюсь на такое же благодеяние и для романа. Не заставляйте меня также долго ждать продолжения Ваших «Писем».

Из «Фауста» я сейчас ничего не могу послать Вам: я не решаюсь развязать пакет, в котором он заключен. Я не смог бы переписывать, не перерабатывая, а на это у меня недостает мужества. Если что-нибудь и заставит меня заняться этим в будущем, то, несомненно, одно лишь Ваше участие.

То, что господин фон Гумбольдт доволен нашими гомеровскими беседами, очень меня успокаивает, так как я решился на это не без опасений. Совместное наслаждение таит в себе многие радости, однако его слишком часто расстраивает несходство участников. До сих пор добрый гений оберегал наши часы. И в самом деле было бы прекрасно, если бы мы смогли как-нибудь вместе наслаждаться некоторыми книгами.

Будьте здоровы и позвольте мне мысленно пребывать вблизи от Вас и Ваших.

Гете

Веймар, 2 декабря 1794 года.

28. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 3 декабря 1794 года

Я только что получил письмо от Котты, в котором он выражает желание разослать подписчикам первый номер «Ор» еще до конца этого месяца и обещает сделать это, если в рукописях не будет недостатка; поэтому прошу Вас прислать мне, если можно, рассказы к пятнице, когда я смогу отправить их. Письма находятся в пути неделю, на печатание же оставшейся части первого номера и на ее брошюровку понадобится еще вдвое больше времени. Предвижу, к сожалению, что моя историческая статья не будет готова к этому номеру, поскольку недомогание отняло у меня два дня, да и на обращение к публике уйдет, должно быть, еще несколько дней. Однако я надеюсь, что само это обращение, которое будет напечатано в приложении к первому номеру, в известной мере послужит восполнением пробела.

Поскольку почта уходит сейчас, то у меня остается лишь время поблагодарить Вас от всего сердца за ту благосклонность, с которой Вы отнеслись к моим замечаниям, и за все то, что еще содержится в Вашем письме.

Шиллер

29. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Прилагаю к сему рукопись; я поработал над ней столько, сколько позволило время, но, быть может, Вы или господин фон Гумбольдт еще раз посмотрите ее.

Я вычеркнул заключительный эпизод, так как мне пришло в голову, что здесь, пожалуй, было бы уместно добавить кое-что. Если это будет готово раньше, чем Ваше объявление, то их можно было бы отправить вместе. Напишите только мне с обратной почтой: известно ли Вам что-нибудь относительно той *мистификации с призраком*, которая случилась много лет назад с *мадемуазель Клерон*¹? И не была ли эта сказочка уже напечатана в каком-нибудь журнале? Если нет, то я бы еще успел подготовить ее и мы бы начали как раз с *невероятного*, что тотчас вызвало бы бесконечное доверие к нам. Мне хотелось бы все же, чтобы первый номер вышел в свет с полным грузом. Вы могли бы справиться об истории с Клерон у каких-нибудь усердных читателей журналов или обратиться с запросом к библиотекарю Фойгту², который должен был бы знать подобные вещи.

Будьте здоровы и старайтесь сохранять бодрость. Только бы физические недомогания не мешали так часто Вашей прекрасной духовной деятельности!

Гете

Веймар, 5 декабря 1794 года.

30. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 6 декабря 1794 года

Едва поднявшись с постели, я, к великой моей радости и успокоению, получил Ваш пакет. С сегодняшнего дня начну усердно разузнавать об истории с призраком. Я ничего о ней не читал и не слышал.

Фихте обещал в недельный срок представить для первого номера еще одну, четвертую статью¹, так как в его бумагах имеются все нужные материалы. Груз, таким образом, окажется полным, а поскольку здесь будет идти еще и обращение, то мы даже укомплектуемся сверх меры. Если Вы между тем успеете закончить продолжение «Бесед» во время печатания первого номера, то наборщик тотчас же займется вторым. Для него, я полагаю, достаточно будет Вашего второго послания, продолжения «Бесед», продолжения моих «Писем» и истории осады Антверпена.

Котте очень уж хочется, чтобы под некоторыми статьями были напечатаны имена авторов². Мне кажется, что исполнить его желание можно было бы с *тем ограничением*, что неподписанными останутся те статьи, авторы которых не захотят быть тотчас же названными. Под Вашими элегиями, относительно которых и без того не ошибется никакой читатель (разве что начисто лишенный здравого смысла), подпись, разумеется, не нужна. Если Вам угодно, чтобы под «Беседами» Ваше имя либо вовсе не было названо, либо было обозначено простым Г., то будьте добры сообщить мне об этом в ближайшем письме. Да и к тому же имена будут лишь значиться в оглавлении, а не стоять под статьями.

Что же касается рецензий на журнал в «Литературной газете», то дело теперь улажено следующим образом: обстоятельная рецензия будет помещаться там раз в три месяца. Однако о первом номере читателей подробно уведомят уже в первую неделю января. Расходы на рецензии несет Котта, а рецензентами будут члены нашего товарищества. Мы, следовательно, можем быть сколь угодно многоречивыми и, думаю, не станем хвалить друг друга за скуку, так как публике следует представлять все в определенном свете.

Здоровье мое сегодня совершенно наладилось вновь, и я тотчас же принимаюсь за обращение.

Весь Ваш

Шиллер

31. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Наконец-то появилась первая книга о Вильгельме-ученике, который, уж не знаю каким образом, присвоил себе имя мастера¹. К сожалению, Вы увидите обе первые книги только после того, как типографский металл придаст им нерушимую форму; тем не менее скажите мне откровенно Ваше мнение, скажите мне, чего здесь следует желать и ожидать. Следующие книги Вы увидите еще в податливой рукописи и, надеюсь, не откажете мне в дружеском совете.

Я собираюсь продолжить не спеша работу над «Беседами», однако прежде всего хочу закончить второе послание. Надеюсь, что все пойдет легко и хорошо,— стоит только приняться за дело.

Котта, пожалуй, прав, требуя *имен*: он знает публику, которая больше смотрит на ярлык, чем на содержание. Поэтому я хотел бы предоставить остальным сотрудникам полную свободу в том, что касается их статей, и лишь относительно моих вынужден просить, чтобы они *все без исключения* печатались анонимно: единственно так я смогу свободно и с удовольствием принимать участие в Вашем журнале при всех прочих моих делах.

Не будете ли Вы так добры отчеркнуть карандашом те места в романе, где заметите опечатки или еще что-нибудь в этом роде?

Я радуюсь возможности опять прочесть в скором времени что-либо из Ваших вещей, а в особенности тому, что после Нового года смогу, вероятно, ненадолго повидаться с Вами.

Мейер шлет Вам множество поклонов, я же вверяю себя Вашему вниманию.

G.

Веймар, 6 декабря 1794 года.

32. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 9 декабря 1794 года

С истинно отрадным чувством я прочитал, я одним залпом проглотил первую книгу «Вильгельма Мейстера»; я обязан ей таким наслаждением, какого давно уже не испытывал, а если и испытывал, то лишь благодаря Вам. Меня чрезвычайно огорчило бы, если бы я вынужден был приписать недоверие, с которым Вы отзываетесь об этом замечательном творении Вашего духа, какой-либо другой причине, помимо тех высоких требований, которые Ваш дух неизменно предъявляет самому себе. Ибо я не нахожу здесь ничего такого, что не находилось бы в прекраснейшей гармонии с пленительным целым. Не ждите от меня сегодня обстоятельного отзыва. «Оры», извещение о них, а также почтовый день — все это отвлекает меня настолько, что я едва ли смогу сосредоточиться на этом должным образом. Если бы мне позволено было задержать здесь листы еще на некоторое время, то я попытался бы, улучив время, предугадать что-либо относительно дальнейшего хода событий и развития характеров. Господин фон Гумбольдт также испытал подлинное наслаждение благодаря этому роману, и он, так же как и я, считает,

что Ваш дух проявился здесь во всей своей мужественной юности, спокойной силе и творческом изобилии. Подобное впечатление окажется, несомненно, всеобщим. Все в этом произведении находится в такой простой и прекрасной взаимной связи, и в немногом здесь выражено столь многое! Признаюсь, я побаивался вначале, что из-за долгого промежутка между первым наброском и окончательной редакцией здесь проявится некоторая неоднородность — хотя бы из-за разницы в возрасте. Но ни малейшего следа этого не заметно. Смелые поэтические эпизоды, которые, подобно одиночным молниям, вырываются из общего спокойного потока, производят превосходное впечатление, возвышают и наполняют душу. Не хочу ничего говорить сегодня о прекрасных характеристиках, равно как и о живой, предельно осязаемой природе, запечатленной во всех описаниях (что вообще присуще каждому Вашему творению). О верности картин *театрального быта и любовных интриг* я могу судить с большой компетентностью, поскольку знаком со всем этим лучше, чем следовало бы желать. Апология торговли великолепна и исполнена глубокого смысла. Но то, что Вы наряду с этим сумели с известной честью обосновать склонности главного героя, представляет собой, несомненно, отнюдь не пустячную победу, которую форма одержала над материей. Однако мне вовсе не следовало бы углубляться в существо дела, так как в настоящую минуту я не в состоянии заниматься этим.

На Ваше и все наши имена я наложил у Котты запрет, и ему придется, хоть и с ворчанием, подчиниться. К великому моему облегчению, я закончил сегодня обращение к публике; оно будет помещено в «Листке объявлений» при «Литературной газете». Ваше обещание приехать сюда после Рождества на некоторое время очень утешает меня и позволяет несколько бодрее смотреть на приближение тоскливой зимы, которая никогда не была мне другом.

Мне пока еще ничего не удалось узнать об истории, касающейся мадемуазель Клерон. Однако я жду кое-каких известий на этот счет. Моя жена напоминает, что слышала когда-то, будто в Байрейте, в открытой галерее одного древнего здания, являлись старые маркграфы и приносили какие-то пророчества. Гуфеланд (юрист)¹, который, как тот добрый приятель, умеет обычно порассказать

de rebus omnibus et de quibusdam aliis *, не смог ничего сообщить мне об этом.

Все наши шлют Вам свои наилучшие пожелания и радуются Вашему обещанию приехать.

Шиллер

33. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вы очень обрадовали меня, хорошо отозвавшись о первой книге моего романа. После тех необычных превратностей судьбы, которые испытало это произведение изнутри и извне, неудивительным было бы, если бы я с ним окончательно запутался. Под конец я решил просто держаться своей идеи и буду очень рад, если она выведет меня из этого лабиринта.

Держите у себя первую книгу сколь угодно долго; тем временем появится вторая, а третью Вы прочтете в рукописи — и, таким образом, у Вас окажется больше оснований для суждения. Желая, чтобы Ваше удовольствие не уменьшалось, а увеличивалось с каждой последующей книгой. Располагая Вашим мнением, а также мнением господина фон Гумбольдта, я тем усерднее и неутомимее буду продолжать работу.

Соккрытие имен авторов, которые тем не менее следовало бы назвать в обращении к публике, в отдельных случаях, конечно, усилит интерес; были бы только сами статьи интересны.

Относительно истории с Клерон я теперь успокоился и прошу больше ничего о ней не говорить до тех пор, пока мы ее не произведем на свет.

Будьте здоровы. Надеюсь, что буду иметь счастье начать новый год в Вашем обществе.

Г.

Веймар, 10 декабря 1794 года.

34. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 22 декабря 1794 года

Вот наконец перед Вами некое наглядное воплощение «Ор»¹; хотелось бы, чтобы оно Вам понравилось. Набор получился несколько тесным, отчего публика выиграет больше, чем мы. Однако в дальнейшем, особенно при

* обо всем и еще кое о чем (латин.).

печатании поэтических произведений, можно будет провести соответствующее изменение и разместиться поудобнее. Поскольку это самое начало, меня не беспокоит, что большие статьи словно бы подгоняются друг к другу. Я позабочусь и о том, чтобы Котта каким-нибудь образом возместил ущерб тем из нас, кто вносит *большую* лепту и для кого, стало быть, уплотнение набора в общем-то имеет определенное значение. И так уже в нашем контракте оговорено условие, что он обязан доплатить нам после того, как разойдутся две тысячи экземпляров; однако и помимо этого он должен будет кое-что сделать для нас.

Надеюсь, что Вы не найдете никаких опечаток. Я по крайней мере не заметил ни одной. Шрифт и формат придают книге солидный и добротный вид и весьма выгодно выделяют ее среди прочих журналов. И бумага плотна и, по-видимому, действительно рассчитана на долговечность.

Котта осаждает меня просьбами относительно рукописей для второго номера; поэтому ходатайствую о втором послании.

Эти листы прошу вернуть мне, так как надворный советник Шютц, который будет рецензировать первый номер, хотел бы знакомиться с ним по частям, отдельными листами. Я заказал также образец обложки и получу его в течение недели.

Сердечно радуюсь Вашему скорому возвращению в Иену. Госпожа фон Кальб уже несколько дней как здесь.

Шиллер

35. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Листы вернутся тотчас же. Набор и бумага производят хорошее впечатление, особенно в прозаических текстах. Гекзаметры из-за различия в наборе строк — то цельных, то в разбивку — утрачивают свой ритм для глаза.

Наше заявление относительно гонорара следует, я думаю, отложить до тех пор, пока не выйдет первый номер, а тогда уже сделать свой расчет и выставить свои условия, потому что, разумеется, предоставлять господину Котте измерять наш урожай произвольными четвериками в дальнейшем не годится.

Прилагаю второе послание. Вторая его половина может составить третье послание и открыть собой третий номер.

Я собираюсь теперь же приняться за историю с призраком. До конца года я разделаюсь еще кое с чем, чтобы с тем более легким сердцем приветствовать Вас в новом году.

Распорядитесь все же о том, чтобы Котта возвращал рукописи; это хорошо во многих отношениях.

Будьте здоровы и кланяйтесь госпоже фон Кальб, которую в этот раз я видел, к сожалению, лишь издали.

Гете

Веймар, 23 декабря 1794 года.

36. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Пишу Вам сегодня несколько слов из-за старика Оберейта. Он, кажется, сильно нуждается; у меня есть для него двадцать талеров, которые я пошлю Вам в субботу. Не смогли бы Вы до тех пор дать ему сколько-нибудь и вообще оставить деньги у себя и выдавать ему лишь понемногу, потому что он никогда не научится обращаться с этим инструментом. Будьте здоровы. Третья книга уже готова, а все, по-видимому, складывается так, что я в самом веселом настроении смогу увидеть Вас после Нового года.

Г.

Веймар, 25 декабря 1794 года.

37. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 2 января 1795 года

Мои наилучшие пожелания к Новому году, а с ними — и сердечная благодарность за минувший год, затмевающий все прочие и незабываемый для меня благодаря Вашей дружбе.

Я завершил год в усердных трудах и, для того чтобы иметь нечто законченное к Вашему приезду, был в эти последние дни довольно требователен к себе. Теперь я закончил эту работу и могу, когда Вы приедете, представить ее Вам.

Послание, за которое я Вам чрезвычайно благодарен, все еще у меня; поскольку все прочее, что должно было непосредственно следовать за ним, еще не готово, то я не мог отослать только его. Но это и не к спеху: вследствие того что даже статьи Фихте оказалось недостаточно, от меня потребовали еще рукописей для первого номера «Ор», выпуск которого, следовательно, задержится на две недели.

Господин профессор Мейер должен извинить меня за то, что я, не испросив его разрешения, отослал часть его статьи для того же первого номера¹. Не было никакой возможности представить ему статью после моей обработки, поскольку я должен был отправить ее в тот же почтовый день. Могу, однако, заверить его наперед, что он останется доволен, так как мои поправки ограничились исключительно внешней стороной. Статья эта доставила мне очень большое удовольствие; она будет весьма ценным приобретением для «Ор». Редкостный случай, чтобы такой человек, как Мейер, имел возможность изучать искусство в Италии или чтобы человек, имевший такую возможность, оказался бы Мейером.

Оды Клопштока, о которой Вы пишете², я не читал;

если она еще у Вас, захватите ее, пожалуйста, с собой. Уже по одному названию видно, что это за творение.

С необычайной радостью жду продолжения «Мейстера», которое, надеюсь, Вы также привезете мне; именно теперь я смогу насладиться им по-настоящему, ибо просто жажду индивидуального отображения.

Не прочтете ли Вы нам все-таки несколько сцен из «Фауста»? Госпожа фон Кальб, кое-что знающая об этом произведении, вновь возбудила во мне страстный интерес к нему, и я не знаю, что во всем поэтическом мире могло бы доставить мне бóльшую радость.

Ваши поручения относительно Оберейта будут исполнены. Сейчас ему есть на что жить, так как он получил деньги из Мейнингена. Часть этих четырех луидоров необходимо будет потратить на его платье, в особенности потому, что это даст ему возможность обедать в гостях, чему до сих пор препятствовала его киническая философия.

Надеюсь в ближайшие дни или увидеть Вас, или хотя бы получить известие о времени Вашего приезда.

Все наши шлют Вам свои наилучшие пожелания.

Шиллер

38. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Желаю счастья в новом году. Пусть мы проведем его так, как завершили прошлый: во взаимном участии во всем, что мы любим и над чем трудимся. Если и единомышленники не протянут друг другу руки, то что станется с обществом и нравами! Меня радует надежда, что наше взаимное воздействие и доверие будут постоянно расти.

Вот первый том романа. Второй экземпляр — для Гумбольдтов. Надеюсь, вторая книга доставит Вам такую же радость, как и первая. Третью я привезу с собой в рукописи.

Историю с призраком я рассчитываю представить Вам вовремя.

С нетерпением жду знакомства с Вашей работой. Мейер Вам кланяется. Мы приедем, по-видимому, в воскресенье 11-го. До тех пор я дам еще знать о себе. Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 3 января 1795 года.

39. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вот и третья книга, которой я желаю встретить у Вас добрый прием.

В субботу Вы получите мою сказку¹ для «Ор»; хотелось бы, чтобы в изображении предчувствий и видений я оказался не слишком недостойным моего великого предшественника².

В воскресенье пополудни я увижу Вас. Вечером я вместе с надворным советником Лодером приглашен в клуб.

Мейер приедет со мной; он шлет Вам свои наилучшие пожелания. Я чрезвычайно рад Вашей новой работе³ и уже не раз задумывался над тем, какой путь Вы избрали, но, разумеется, ничего не смог придумать.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашим.

Г.

Веймар, 7 января 1795 года.

40. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 7 января 1795 года

Примите мою глубокую благодарность за присланный экземпляр романа. Чувство, пронизывающее и охватывающее меня при чтении этого произведения, и притом усиливающееся по мере того, как я углубляюсь в него, я не мог бы выразить лучше, чем словами о пленительном душевном уюте, об ощущении духовного и физического здоровья, и готов поручиться, что все читатели должны будут в общем испытать то же самое.

Я объясняю это ощущение здоровья тем, что здесь всецело господствуют спокойная ясность, чистота и прозрачность, которые пронизывают каждую мелочь, способную задеть и потревожить душу, и которые возбуждают последнюю лишь настолько, насколько это необходимо для того, чтобы зажечь и поддержать в человеке радость бытия. Ничего не скажу Вам об отдельных деталях, пока не прочту третью книгу, которую ожидаю со страстным нетерпением.

Не могу выразить, какое тягостное чувство зачастую овладевает мной, когда от произведения подобного рода я перехожу к сфере философии. Там все так радостно, живо, гармонично и человечески правдиво, а здесь все так строго, сурово, абстрактно и предельно неестественно; ведь всякая природа лишь синтетична, а всякая философия

антитетична. Могу, впрочем, засвидетельствовать, что в своих спекулятивных построениях я оставался верен природе настолько, насколько это совместимо с понятием анализа; пожалуй, я даже оставался ей верен больше, чем это считается допустимым и возможным у наших кантианцев. И все же я не менее живо ощущаю бесконечность расстояния между жизнью и умствованиями, и в минуты подобной меланхолии не могу не признавать недостатком моей натуры то, что в более радостные минуты рассматриваю просто как естественное свойство вещей. Одно несомненно, однако: только поэт и является подлинно человеком, и лучший философ в сравнении с ним — не более чем карикатура.

Нет нужды заверять Вас в том, что я с нетерпением жду Вашего отзыва о моей метафизике прекрасного. Подобно тому как само прекрасное имеет источником всего человека, так и этот мой анализ проистек из всей *моей* человеческой сущности, и мне бесконечно важно знать, как моя сущность соотносится с Вашей.

Ваше пребывание здесь послужит источником пищи для моего ума и сердца. В особенности жажду я совместно с Вами насладиться некоторыми поэтическими произведениями.

Вы обещали при случае прочесть мне Ваши эпиграммы. Было бы одной великой радостью больше для меня, если бы это произошло во время Вашего нынешнего пребывания в Иене, тем более что возможность моего скорого приезда в Веймар представляется сомнительной.

Прошу передать мой дружеский поклон Мейеру. Все у нас сердечно рады тому, что вы оба приедете к нам, и более всех —

Ваш ревностнейший почитатель и друг

Шиллер

Как раз когда я заканчивал это письмо, мне принесли столь желанное продолжение «Мейстера». Тысяча благодарностей!

41. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Моему намерению видеть Вас завтра и провести некоторое время в Вашем обществе ничто не мешает. Надеюсь встретить Вас здоровым и жизнерадостным.

Прилагаемую рукопись мне не удалось просмотреть еще раз после переписки. Буду рад, если Вам понравится моя попытка состязаться с великим Геннингом.

Будьте здоровы и кланяйтесь жене и друзьям.

Г.

Веймар, 10 января 1795 года.

42. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 25 января 1795 года

Если бы Вы пробыли у нас еще один день, то мы смогли бы отпраздновать вместе рождение «Ор». Вчера их доставили, и я пересылаю при сем причитающиеся Вам экземпляры, а также один экземпляр для нашего друга Мейера. Если Вам понадобится больше, то они к Вашим услугам. Хотелось бы только, чтобы внешний вид журнала снискал одобрение у вас обоих.

Котта высказывает в письме свое чрезвычайное удовлетворение. Поступило уже так много заказов, что он рассчитывает на весьма большой сбыт; подобные слова в устах издателя служат надежной гарантией.

Поскольку я собираюсь на этих днях отправить посылку Якоби¹, то прошу Вас прислать для вложения известное письмо к нему, так как я не хочу обременять Вас моей посылкой. Я хотел бы еще узнать, не предназначаете ли Вы один из Ваших экземпляров для герцога; в таком случае я не стану преподносить ему свой.

Присланные богини позволяют мне с удовольствием заключить, что Вы и наш великий друг печей благополучно преодолели холодный сезон². Женщина-колосс очень радуется меня, и я часто буду стоять перед ней и перед божественной девой, которая, если отвлечься от ее скорби об уделе смертных³, совершенно превосходна.

Все наши вверяют себя Вашему благосклонному вниманию.

Весь Ваш

Ш.

43. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Благодарю Вас за присланные мне экземпляры «Ор»; выглядят они вполне прилично. Один из экземпляров малого формата я вручил от Вашего имени герцогу и хотел бы, чтобы Вы по этому случаю написали ему несколько слов.

Не сомневаюсь, что журнал будет хорошо расходиться.

Третья книга отослана издателю; я просмотрел ее еще раз и при этом принял во внимание Ваши замечания.

Эта неделя пройдет под знаком непрерывных театральных мук, после чего я бодро примусь вновь за основные свои работы. Желаю и Вам здоровья и бодрости для Ваших работ.

Мейер кланяется. Примите еще раз благодарность за всю ту любезность, которую Вы проявили к нам в Иене.

Г.

Веймар, 27 января 1795 года.

Вот что еще: поскольку мне хотелось бы, чтобы статья господина фон Гумбольдта¹ вызвала, подобно всем другим, сомнения относительно имени автора, то, вероятно, хорошо было бы выпустить цитату из сочинения его брата — в особенности потому, что здесь почти нет других цитат, и она могла бы возбудить и подкрепить различные предположения. Разумеется, я отлично сознаю, что мы откровенно играем в прятки, и все же считаю весьма полезным, когда читателю приходится составлять хотя бы первое суждение о статье, прежде чем он узнает, кто ее автор.

Пришлите, пожалуйста, посылку для Якоби, и я тотчас же отправлю ее.

44. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 28 января 1795 года

Чрезвычайно благодарен Вам за то, что Вы были так добры вручить герцогу экземпляр «Ор» от моего имени. Посылаю Вам взамен другой, а так как я жду в ближайшую субботу еще несколько новых экземпляров от Котты, то и прилагаю к посылке для Якоби еще несколько — на тот случай, если они Вам понадобятся.

Герцогу я написал сегодня. Что он говорит о наших «Орах», я, вероятно, когда-нибудь узнаю от Вас.

Наконец-то я прочитал (в рукописи) бесподобную рецензию Шютца на «Оры»¹. Для наших целей она вполне хороша и соответствует им гораздо больше, чем нашему вкусу. Картины Утопии, по-видимому, еще не покинули его воображения, когда он писал рецензию, ибо о еде там говорится более чем достаточно.

Похвально, что он процитировал много мест из «Послания». У него на душе есть кое-что против меня, чего он, однако, не захотел выказывать, чтобы не оказаться повинным в интриге. Буду рад, если он и в дальнейшем станет столь же искусно поддерживать свою репутацию человека беспристрастного.

Гердеру я написал на днях ²; очень прошу Вас, если найдете случай, поддержать мое ходатайство.

Со времени Вашего отъезда музы не баловали меня частыми посещениями, так что будет лучше, если я окажу честь кентавру четвертого номера ³.

Дети переболели оспой и притом самым благополучным образом, без каких-либо мучительных приступов. Все наши шлют Вам свои наилучшие пожелания.

Ш.

45. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Как хочется мне, чтобы четвертая книга застала Вас здоровым и в хорошем расположении духа и чтобы она доставила Вам несколько приятных часов! Пожалуйста, отчеркните то, что покажется Вам сомнительным. Господину фон Гумбольдту и дамам я также рекомендую моего героя и его окружение.

Если я не приеду в субботу ¹ (хотя все еще могу надеяться на обратное), то дам знать о себе более обстоятельно. Мейер шлет Вам множество поклонов.

Г.

Веймар, 11 февраля 1795 года.

46. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вы недавно сказали мне, что подумываете в скором времени приехать к нам. Хотя я и опасаюсь, что вновь наступившие холода задержат Вас, однако на всякий случай хочу сделать Вам одно предложение.

Вы оба могли бы остановиться у меня; если же Ваша женушка предпочтет устроиться в другом месте, то мне хотелось бы все же, чтобы Вы снова заняли прежнюю свою квартиру. Поступайте всецело согласно вашему усмотрению; вы оба для меня как нельзя более желанные гости.

Воодушевленный мужеством, которое вдохнула в меня наша недавняя беседа, я разработал уже план пятой и

шестой книг. Насколько благотворнее отражаться не в себе, а в других!

Знакомы ли Вы с кантовскими «Наблюдениями над чувством прекрасного и возвышенного»¹, вышедшими в 1771 году? Сочинение это было бы совершенно замечательным, если бы слова *прекрасное* и *возвышенное* в заглавии отсутствовали вовсе, а в самой книжке встречались пореже. Она полна премилых замечаний о людях, и можно видеть, как начинают уже зарождаться здесь основные его положения.

Неужели от отсутствующего господина фон Гумбольдта² так до сих пор и не было никаких вестей? Передайте от меня поклон Вашему кружку и продолжайте ободрять и укреплять меня Вашей любовью и доверием.

Г.

Веймар, 18 февраля 1795 года.

47. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 19 февраля 1795 года

Дрянная погода снова лишила меня всех сил, и мой дверной порог снова стал для меня пределом всех моих желаний и странствий. С какой радостью воспользуюсь я Вашим приглашением, как только смогу хоть немного довериться своему здоровью, — даже если мне удастся видеть Вас всего лишь несколько часов! Я хочу этого всей душой, а моя жена, которую очень радует эта предстоящая поездка к Вам, не даст мне покоя до тех пор, пока мы ее не осуществим.

В одном из недавних писем я точно изобразил для Вас то впечатление, которое произвел на меня «Вильгельм Мейстер», так что Вы теперь, как и должно, греетесь у собственного огня. Кёрнер на днях написал мне¹ о своем беспредельном восторге от романа, а на его суждения можно полагаться. Я не встречал еще критика, которого так мало отвлекали бы частности от восприятия главного в произведении. Он находит, что «Вильгельму Мейстеру» присуща вся сила «Страданий Вертера», но сила, укрощенная духом зрелой мужественности и очищенная до того предела, который знаменует безмятежную привлекательность совершенного произведения искусства.

При чтении того небольшого сочинения Канта, о котором Вы пишете, я, помнится, испытывал те же чувства. Его рассуждения носят чисто антропологический характер, так что нам не удастся почерпнуть здесь что-либо относительно первооснов прекрасного. Но с физической и естественноисторической точки зрения на возвышенное и прекрасное сочинение это содержит немало плодотворного материала. Для столь серьезного предмета слог кажется мне несколько игривым и цветистым; странный промах со стороны такого человека, как Кант, хотя, впрочем, вполне понятный.

Гердер одарил нас статьей ², необыкновенно удачной по теме и выполнению; в ней рассматривается столь расхожее понятие *индивидуальной судьбы*. Предметы такого рода прекрасно подходят нам, так как в них заложено нечто мистическое, разработка же связывает их с какой-либо универсальной истиной.

Раз уж речь зашла о судьбе, то должен Вам сказать, что на этих днях я решил кое-что относительно *своей* судьбы. Мои земляки оказали мне честь, призвав меня в Тюбинген, где сейчас, как видно, усиленно занимаются реформами ³. Но поскольку я непригоден для роли университетского преподавателя, то лучше уж я буду сидеть без дела не где-нибудь, а именно здесь, в Иене, где мне нравится и где я хотел бы, если это удастся, прожить всю свою жизнь и умереть. Так что я отклонил приглашение и не ставлю себе этого в заслугу, ибо в конечном счете все решилось в соответствии с моими склонностями, и мне даже не пришлось вспоминать о моих обязательствах по отношению к нашему доброму герцогу ⁴, благодарность к которому мне испытывать приятнее, чем к кому бы то ни было. Думаю, что пока у меня хватит сил хоть как-то держать в руке перо, я могу не тревожиться о своем существовании, так что буду по-прежнему уповать на провидение, которое никогда еще меня не оставляло.

Байрейтский господин фон Гумбольдт ⁵ еще не прибыл сюда и ничего определенного о своем приезде пока не сообщал.

Прилагаю рукопись Вейсхуна ⁶, о которой недавно говорил Вам. Прошу Вас поскорее вернуть ее мне.

Мы все искренне вверяем себя Вашему вниманию.

Ш.

48. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Как я рад тому, что Вы пожелали остаться в Иене и что Ваше отечество вновь не смогло привлечь Вас к себе. Надеюсь, что мы еще многое сумеем совместно начать и выполнить.

Пришлите мне, пожалуйста, рукопись четвертой книги; я же вскоре верну Вам «Синонимы»¹. Таким образом, наш танец часов становится все оживленнее.

Будьте здоровы. На днях напишу более обстоятельно.

Г.

Веймар, 21 февраля 1795 года.

49. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 22 февраля 1795 года

Согласно Вашему желанию прилагаю к сему четвертую книгу «Вильгельма Мейстера». В тех местах, где у меня возникали какие-либо сомнения, я делал на полях пометки, смысл которых Вы поймете сразу же. А где не поймете, там и жалеть не о чем.

Несколько более существенное замечание должен я сделать по поводу денежного подарка, который Вильгельм получает и принимает от графини при посредничестве барона¹. Мне представляется — и Гумбольдту тоже так кажется, — что при тех деликатных отношениях, которые существовали до этого между графиней и Вильгельмом, она не должна была бы предлагать ему подобный подарок (и притом через посредника), а он — принимать его. Я искал в контексте нечто такое, что могло бы пощадить деликатность их обоих, и полагаю, что ее можно было бы оберечь, если бы подарок этот был предложен в качестве *remboursement* * за понесенные расходы и принят под этим видом. Теперь решайте сами. В нынешнем своем виде место это смутит читателя и вынудит его искать отговорки, которые могли бы спасти щепетильность героя.

Вообще же при вторичном прочтении я снова наслаждался бесконечной правдивостью характеристик и превосходным разбором «Гамлета». Что касается последнего, то мне хотелось бы — исключительно ради большей цельности изложения и ради разнообразия, которое вообще присуще роману в высшей степени, — чтобы предмет этот трактовался не в такой строгой последователь-

* возмещения (*франц.*).

ности, а перемежался, насколько это возможно, какими-нибудь значимыми эпизодами. Слишком уж быстро разговор возвращается к нему при первой встрече с Зерло, и то же самое происходит позднее, в комнате Аврелии. Разумеется, все это — мелочи, которые вообще остались бы не замеченными для читателя, если бы Вы сами не приучили его всем ходом предшествующего изложения к ожиданию величайшего разнообразия.

Кёрнер во вчерашнем своем письме настоятельно велит мне поблагодарить Вас за высокое наслаждение, доставленное ему «Вильгельмом Мейстером». Он не мог отказать себе в удовольствии положить кое-что оттуда на музыку², которую и преподносит Вам через меня. Одна вещь предназначена для мандолины, другая для фортепьяно. Мандолина, вероятно, найдется где-нибудь в Веймаре.

Еще же я должен серьезно просить Вас подумать о нашем третьем номере «Op». Котта настойчиво просит меня присылать ему рукописи пораньше; он полагает, что крайний срок, к которому он должен получать весь материал, — это десятое число месяца. Таким образом, посылать его отсюда нужно третьего. Надеетесь ли Вы закончить к этому времени «Прокуратора»? Мое напоминание, однако, ни в коей мере не должно беспокоить Вас, ибо Вы располагаете полной свободой в выборе того, предназначаете Вы это произведение для третьего или четвертого номера: ведь один из этих номеров Вам все равно придется пропустить.

Все мы шлем Вам сердечный поклон, и я прошу Вас передать Мейеру мои наилучшие пожелания.

Шиллер

50. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ваша благожелательная критическая забота о моем романе вызвала у меня желание и решимость еще раз пересмотреть четвертую книгу. Смысл Ваших пометок я, конечно, понял и советами воспользовался; что же касается других *desideriis**, то я надеюсь устранить и их, а при этом сделать еще кое-что полезное для всего в целом. Но так как я должен сейчас же приняться за дело,

* недостатков (латин.).

то окажите мне снисхождение в отношении третьего номера; зато уж к четвертому «Прокуратор» предстанет пред Вами в полном параде.

«Синонимы», возвращаемые при сем, заслужили полное мое одобрение; разработка здесь весьма остроумна, а местами поразительно искусна. Однако вступление кажется мне не вполне *удобочитаемым*, хотя и хорошо задуманным и целесообразным.

О капризе автора¹, не пожелавшего подчиниться университету, стало известно здесь из присланного доклада. Университет требует удовлетворения, так как он выбрал проректора *наглещом* и т. д. Поскольку Вы принимаете его сторону, то скажите мне только, какие мало-мальски приемлемые доводы можно было бы привести в его пользу. Ибо заменить *Forum privilegium*² обычным судом было бы в данном случае слишком уж трансцендентно. Городской совет не может даже поддержать его, пока он не подчинится обычным условиям. От него могут потребовать следующих обязательств: что он заплатит двести талеров, станет местным гражданином — и прочий вздор в том же роде. Если можно было бы склонить его к примирению с университетом, то я полюбовно уладил бы все это при посредстве Фойгта³, нынешнего проректора.

Я надеюсь вскоре посетить Вас хотя бы на несколько часов. Но позвольте мне и в отдалении не чувствовать себя далеким от Вас.

Заверьте Кёрнера в том, что его участие в журнале бесконечно обрадует меня. Романсы я рассчитываю услышать вскоре в театре.

Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 25 февраля 1795 года.

51. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 27 февраля 1795 года

Если и Вы наслаждаетесь теми приветливыми днями, которые стоят у нас здесь, то я поздравляю с этим четвертую книгу «Вильгельма Мейстера». Меня эти предвестия весны чрезвычайно освежили, вдохнув новую жизнь в мою работу¹, весьма в том нуждающуюся. Как мы, со всей нашей хваленой независимостью, привязаны, однако, к силам природы и чего стоит наша воля, когда природа

отказывается служить нам! То, что я бесплодно вынашивал в течение пяти недель, разрешилось за три дня благодаря ласковым солнечным лучам; разумеется, развитие это могло быть подготовлено моей прежней настойчивостью, однако само развитие принесено мне все-таки солнечным теплом.

Я все более и более овладеваю моим предметом и с каждым новым шагом обнаруживаю, насколько устойчиво и надежно то основание, на котором я строил. Теперь уже мне нечего опасаться какого-либо возражения, которое могло бы ниспровергнуть целое, а от отдельных ошибок при разработке меня обезопасит строгая взаимосвязь между частями целого, подобно тому как самый метод вычисления ограждает математика от ошибки в расчетах.

Что же касается нашего трансцендентального философа, столь низко ценящего академическую свободу, то я при посредничестве Нитхаммера — ибо он сам нигде не показывается — довел дело до того, что он мирно объяснится с нынешним проректором и, по-видимому, столь же мирно будет оставлен в покое. У меня нет никаких оснований полагать, что он извратил факты; если, однако, он говорит правду, то господин профессор Шмид сам заслужил полученную им аттестацию, ибо, как утверждает Вейсхун, тот совершенно определенно заверил его, что его не будут беспокоить до пасхи и что от него не потребуют никаких объяснений относительно его дальнейшего пребывания здесь; затем, однако, тот отпирался от данного им слова и т. д. Поскольку Вейсхун полагал, что в подобном поведении повинен не проректор Шмид, а профессор Шмид, то он, при всем уважении к первому, счел наглецом второго.

Новые «Оры» готовы, и один экземпляр их уже прислан мне с легкой почтой. Завтра жду посылки. Во втором номере мы полностью погасили долг первого, так как в нем вместо семи листов восемь с четвертью.

Согласно Вашему обещанию мы можем в любой день ожидать Вашего прибытия, чему я сердечно рад. Все здоровы и шлют Вам свои наилучшие пожелания.

Шиллер

P. S. Вы забыли в прошлый раз приложить «Синонимы».

52. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Прилагаю забытые «Синонимы». Отрывок из них я прочитал вчера моим гостям, не сказав, откуда это и для чего предназначено. Его всячески одобрили.

Вообще же будет неплохо, если я время от времени стану прочитывать заранее в обществе кое-что из наших рукописей. Всегда ведь найдется с десятков людей, которые благодаря этому заинтересуются произведением и с вниманием отнесутся к следующему номеру.

Дело Вейсхуна я задержу до получения от Вас известия о том, что оно разрешилось полюбовно.

Вашему счастливому приближению к цели шлю свое благословение. Нам ничего не остается делать, как складывать дрова для костра и как следует просушивать их; когда же огонь вспыхивает в должное время, мы сами приходим от этого в изумление.

Прилагаю также письмо от Якоби. Из него Вы увидите, что дела его вполне хороши. Его интерес к Вашим «Письмам» очень меня радует. Его отзыв о первом томе моего романа должен быть передан Вам для просмотра.

Будьте здоровы. Я постараюсь увидеть Вас как можно скорее.

Г.

Веймар, 28 февраля 1795 года.

53. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 1 марта 1795 года

Посылаю Вам пока что четыре экземпляра «Ор», из которых один прошу вручить герцогу. Остальные пришлю чуть позже.

Критика Якоби¹ несколько не удивила меня, ибо такой человек, как он, столь же неизбежно должен был оскорбиться беспощадной правдивостью изображенных Вами жизненных картин, сколь такой человек, как Вы, дать ему повод для этого. Якоби принадлежит к числу тех, кто ищет в поэтических произведениях одни только идеи и ценит то, что должно быть, выше, чем то, что есть; таким образом, источник расхождения кроется уже в самих исходных принципах, и взаимопонимание здесь совершенно невозможно.

Стоит только мне заметить, что кому-то в поэтическом произведении кажется более привлекательным нечто иное,

чем внутренняя необходимость и правдивость, как я перестаю интересоваться его мнением. Если бы критик мог доказать Вам, что безнравственность изображаемых Вами картин обусловлена не природой самого объекта и что метод, применяемый Вами при этом, совершенно субъективен, то тогда, разумеется, Вы несли бы ответственность за это прегрешение, но только перед судом эстетики, а не морали. Хотел бы я, однако, посмотреть, как он сумеет доказать это.

Меня отвлекает визитер, а я не хочу задерживать посылку.

Вейсхун только что был у меня. Он хочет завтра записаться². Будьте здоровы.

Ш.

54. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] 8 марта 1795 года

Моя надежда увидеть Вас здесь на этой неделе оказалась напрасной; надеюсь все же, что она не сбылась только из-за Вашего рвения к работе. Но не видеть и не слышать Вас — нечто такое, к чему я уже не смогу привыкнуть.

Очень хотел бы узнать, чем Вы теперь заняты. Мне сказали, что Вы уже к Иванову дню сдадите в печать третий том «Мейстера». Это произойдет скорее, чем я ожидал; однако чем больше я радуюсь за «Мейстера», тем сильнее огорчаюсь, что из-за этого Вы будете похищены у «Ор» на столь долгий срок.

Относительно судьбы второго номера я не смог еще собрать никаких отзывов; быть может, Вы слышали в Веймаре что-нибудь забавное на этот счет?

Доволен ли наш друг Мейер своей статьей¹? Мне бы хотелось этого. Статья его, как пишет мне Котта, очень понравилась многим, и я не сомневаюсь, что это будет поставлено нам в заслугу.

Посылаю при сем еще четыре экземпляра «Ор», один из которых предназначен для господина Мейера. Если вместо экземпляров на писчей бумаге Вам нужен один-другой на почтовой, то будьте так добры упомянуть об этом и возвратить мне экземпляры на писчей.

Все шлют Вам свои наилучшие пожелания.

Ш.

55. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Несмотря на сильнейшее желание увидиться и поговорить с Вами, я все же не смог на этой неделе сдвинуться с места. Приезд на гастроли нескольких актеров, игру которых я хотел оценить, дурная погода и ревматизм, подхваченный мною из-за простуды,— все это одно за другим мешало мне, и я по-прежнему не знаю, когда и каким образом мне удастся выбраться отсюда.

Позвольте тем не менее сообщить Вам, что я был прилежен, что бóльшая часть четвертой книги уже отправлена издателю и что «Прокуратор»¹ также переработан. Хотелось бы, чтобы Вам пришлось по душе то, как я истолковал и завершил эту историю.

Если мой роман выйдет в намеченные сроки, то я буду рад; об ускорении нечего и думать. Ничто, однако, не препятствует мне принять в «Орах» такое участие, какое Вам желательно. Если я буду бережливо распределять и расходовать время, то сумею многое закончить в этом году.

О втором номере «Ор» я ничего еще не слышал, однако первый достаточно уже наделал шума в Германии.

Мейер благодарит за редакцию его идей; лишь очень немногое можно было бы изложить по-иному, но ведь никто у нас не обратит на это внимание. Сейчас он работает над статьей о Перуджино, Беллини и Мантенье².

Из приложения³ Вы увидите, какие ежемесячные издания будут впредь присылаться мне на дом. Я велю переписывать оглавление каждого номера и буду присовокуплять к этому небольшую рецензию. Достаточно делать это с полгода, чтобы получить представление обо всех наших коллегах.

Если мы и впредь будем проявлять разборчивость и стремиться к разнообразию, то вскоре займем первенствующее место, ибо все прочие журналы нагружены балластом более, нежели товаром; поскольку же мы придаем особое значение тому, чтобы работа наша служила дальнейшему нашему совершенствованию, то из всего этого может проистечь и развиться одно лишь благо.

Премного благодарен за присланные мне экземпляры «Ор». Вторая присылка — такая же, как и первая: четыре экземпляра на писчей бумаге и столько же на почтовой.

Якоби приносит извинения за то, что еще ничего не прислал.

Я хотел бы, чтобы хорошая погода позволила мне стремительно примчаться к Вам, ибо жажду поговорить с Вами и познакомиться с Вашими последними работами. Кланяйтесь от меня Вашим.

Г.

Веймар, 11 марта 1795 года.

56. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

На прошлой неделе мной овладело странное побуждение, которое, к счастью, до сих пор не оставляет меня. Мне захотелось разработать религиозную книгу моего романа¹; поскольку же целое здесь основывается на благороднейших заблуждениях и на тончайшем смещении субъективного с объективным, то для него потребуется, быть может, больше чувства и сосредоточенности, чем для любой другой части. И все же, как Вы сами увидите в свое время, подобное изображение оказалось бы невозможным, если бы я не собрал для него раньше этюдов с натуры. Совершенно неожиданно эта книга, которую я предполагаю закончить до вербного воскресенья², чрезвычайно способствует всей моей работе, ибо она обращена как к будущим, так и к прошлым событиям и, ограничивая, в то же время ведет и направляет. «Прокуратор» уже написан, остается только просмотреть его. Таким образом, Вы получите его вовремя.

Надеюсь, что ничто не помешает мне приехать к Вам в вербное воскресенье и провести у Вас несколько недель; вот тут-то мы снова принесем друг другу немало хорошего.

Я жажду познакомиться с Вашими последними работами; первые Ваши работы мы с удовольствием перечитали в печатном виде.

«Оры» сильно взбудоражили веймарскую публику, однако мне ни разу не довелось услышать ясно выраженное про или contra; публика, собственно, только *гоняется* за номерами, их рвут из рук, — ничего большего, впрочем, нам для начала и не нужно.

Господин фон Гумбольдт, по-видимому, работает весьма усердно; я надеюсь и с ним побеседовать вновь об *anatomica*. Я подготовил для него несколько хоть и очень простых, однако интересных препаратов. Сердечный

поклон ему и дамам. «Прокуратор» уже у дверей. Будьте здоровы и любите меня. Чувство это не безответно.

Г.

Веймар, 18 марта 1795 года.

57. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

«Прокуратору», который явится при сем, я желаю хорошего приема.

Будьте так добры поскорее прислать его мне обратно, потому что я хотел бы еще несколько раз пройтись по нему в отношении стиля.

Я устранию все то, что могло бы помешать мне в скором времени радоваться общению с Вами.

Г.

Веймар, 19 марта 1795 года.

58. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 19 марта 1795 года

Картина, которую Вы сейчас набросали, вызвала у меня немалый интерес. Менее, чем что-либо другое, она может иметь источником Вашу индивидуальность, ибо это, на мой взгляд, как раз та струна, которая чрезвычайно редко — и притом едва ли к Вашей невыгоде — звучит у Вас. Религиозная мечтательность может явиться и является достоинством лишь тех душ, которые погружены в бездеятельное самосозерцание; мне же ничто не кажется менее подходящим к Вашему случаю, чем это. Ни на мгновение не усомнюсь в том, что изображенная Вами картина будет верна, но верна исключительно благодаря мощи Вашего гения, а не содействию Вашей индивидуальности.

С некоторого времени я изменил моим философским занятиям с той целью, чтобы побыстрее сделать что-нибудь для четвертого номера «Ор». Жребий пал на уже упоминавшуюся осаду Антверпена¹; статья уже довольно прилично продвинулась вперед. К Вашему приезду город должен быть взят. Лишь благодаря этой работе я могу судить, какого напряжения требовала от меня предыдущая; ибо при том, что я не позволяю себе никакой небрежности, она представляется мне не более чем игрой, и только куча жалкой дребедени, которую я должен пере-

читать и которая утомляет мою память, напоминает мне о том, что я работаю. Естественно, что и радости, доставляемые ею, довольно скудны; однако я надеюсь, что дело со мной обстоит как с поварами, которые сами не испытывают особого аппетита, но вызывают его у других.

Вы оказали бы мне большую услугу, если бы определенно смогли прислать мне до понедельника столь вожделенного «Прокуратора». Это избавило бы меня от необходимости отослать начало моей истории в печать до того, как будет готов ее конец. Если же Вам помешает что-либо, то, пожалуйста, дайте мне знать об этом еще в субботу. Однако я надеюсь на лучшее.

Сердечно рад, что Вы собираетесь провести с нами пасху, ведь и я нуждаюсь в живительном импульсе извне, даруемом дружеской рукой.

Прошу передать мой сердечный поклон Мейеру. Хотелось бы, чтобы он поскорее дал нам еще что-нибудь. Печати для «Ор» я еще не получал².

Все кланяются Вам и с нетерпением ожидают Вас.

III.

20-го. Этим утром я получил от Вас посылку, явившуюся приятной неожиданностью во всех отношениях. Рассказ читается с необычайным интересом; особенно порадовала меня развязка. Признаюсь, что ожидал этого и не был бы удовлетворен, если бы Вы здесь не отклонились от оригинала. Ведь если мне не изменяет память, у Боккаччо успех лечения достигается всего лишь своевременным возвращением старика³.

Если бы Вы смогли вернуть мне рукопись в понедельник утром, то оказали бы мне тем великую услугу. Работы там немного.

59. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Рукопись посылаю Вам завтра вечером с летучей почтой¹.

Окончание четвертой книги будет отправлено Унгеру в понедельник².

На будущей неделе надеюсь покончить со всеми своими обязательствами и явиться к Вам совершенно свободным.

Желаю удачи со взятием Антверпена; в «Орах» оно произведет хорошее впечатление.

Кланяйтесь от меня Вашим близким. Мейер передает поклон; он работает усердно и разносторонне. Желаю, чтобы медленно наступающая весна оказала на Вас самое благотворное воздействие и надеюсь, что к годовщине нашего знакомства мы многое еще успеем сделать совместно.

Г.

Веймар, 21 марта 1795 года.

60. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 25 марта 1795 года

Сегодня я снова получил письмо, в котором повторяется прежнее приглашение в Тюбинген¹ с тем добавлением, что я буду освобожден от всех официальных обязанностей и смогу пользоваться неограниченной свободой воздействия на учащихся в полном согласии с моими воззрениями и т. д. Хотя я и теперь не изменил своего решения и не так легко изменяю его, однако в этих обстоятельствах у меня возникли некоторые серьезные соображения, вызванные необходимостью позаботиться о каком-нибудь обеспечении на тот случай, если усиливающееся недомогание воспрепятствует моей литературной работе. Поэтому я написал господину тайному советнику Фойгту² и попросил его выхлопотать у нашего государя заверение в том, что в подобном крайнем случае мое содержание будет удвоено. Надеюсь, что если мне будет дано такое заверение, то я воспользуюсь им как можно позже или вообще не воспользуюсь; но все же я буду спокоен за будущее, а это все, чего я мог бы желать сейчас.

Поскольку Вы, вероятно, услышите разговоры об этом и не будете знать в тот момент, как к ним отнестись, то я и захотел сообщить Вам об этом в двух словах.

В ближайшее воскресенье ждем Вас с нетерпением. Все Вам кланяются.

Ш.

61: ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Хотя вчера у меня и было несколько совершенно свободных часов, я все же не смог заставить себя еще раз пойти к Вам и попрощаться формальным образом; я покинул Иену очень неохотно и еще раз сердечно благодарю Вас за Ваше участие и содействие. Прежде всего

посылаю Вам элегии, которые прошу вернуть мне как можно скорее; распределенные на соответствующем числе страниц и переписанные, они снова вернутся к Вам.

Для календаря¹, и в особенности для господ X, Y и Z, я нашел кое-что; вскоре пришлю это вместе со всем остальным. Время от времени напоминайте мне о Ваших пожеланиях, чтобы побудить мою добрую волю к действию.

Будьте здоровы и кланяйтесь всем Вашим близким и друзьям.

Г.

Веймар, 3 мая 1795 года.

62. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 4 мая 1795 года

Только что получил элегии вместе с Вашими дружескими строками. Со времени Вашего отъезда я каждый вечер ощущал Ваше отсутствие; ведь мы так легко привыкаем к хорошему. Здоровье мое медленно улучшается, и я надеюсь через несколько дней вновь обрести все свои силы.

С большим нетерпением жду того, что Вы пришлете для альманаха. До этого я не смогу обривизовать запасы моей поэтической наличности, пригодной для этой вещицы.

Сейчас я возьмусь за элегии; надеюсь вернуть их Вам в эту пятницу.

Губер¹ пишет мне, что хочет перевести «Мейстера» на французский. Поощрить его или отсоветовать?

Будьте уверены, что я приду на помощь Вашей памяти и не забуду ни одного из Ваших обещаний. Согласно хронологии «Ор» Вам надлежит теперь снова подумать о «Беседах». Быть может, тем временем пробьет добрый час и для посланий.

Жена заверяет Вас в своих самых дружеских чувствах. Прошу передать Мейеру мой сердечный поклон.

Шиллер

63. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Веймар, 12 мая 1795 года

Присланные Вами элегии застали меня при обстоятельствах элегических в обычном значении этого слова,

то есть довольно горестных. После отрадной жизни в Иене, где я наслаждался не только чрезвычайно разнообразной духовной пищей, но и теплым и чистым воздухом, меня крайне недружелюбно встретила здесь холодная погода, и несколько часов, проведенных на сквозняке, повлекли за собой простудную лихорадку, которая причинила мне мучительные боли в правой половине головы, а вместе с тем лишила левую ее половину пригодности к чему бы то ни было. Но теперь я уже поправился настолько, что могу, не испытывая болей, довольно спокойно сидеть в своей комнате, занимаясь запущенной работой.

С элегиями хлопот будет немного, разве что придется выбросить вторую и шестнадцатую¹: их искаленный облик сразу же обратит на себя внимание в том случае, если не отреставрировать их посредством замены предосудительных мест какими-либо банальностями, однако я чувствую себя совершенно неспособным проделать это. Придется также печатать элегии одну за другой как есть, ибо сколько ни рассчитывай и ни прикидывай, а начинать каждую с новой страницы едва ли удастся. При большем количестве строк на наших страницах появится немало неуместных пробелов. Впрочем, оставляю это на Ваше усмотрение; рукопись вышлю в ближайшие же дни. Второй том моего романа застрял где-то у экспедитора; я давно уже должен был его получить и надеялся послать его вместе с этим письмом. Теперь я приступил к пятой книге и думаю, что закончу почти всю ее до Троицы.

Мейер очень усердно трудится. До сих пор он делал замечательные вещи; у меня такое впечатление, что ему с каждым днем все лучше и лучше удаются как замысел, так и исполнение.

Будьте так добры поскорее известить меня о Вашем самочувствии и сообщить, нет ли каких новостей. Якоби снова предупредил через Фрица фон Штейна об отсрочке².

14 мая 1795 года

Чтобы не задерживать долее это письмо, пролежавшее несколько дней, отправлю его с сегодняшней почтой.

Видели ли Вы статью о стиле в изобразительных искусствах в апрельской книжке «Меркурия»³? То, в чем все мы согласны, выражено в ней очень хорошо и дельно;

но почему же гений, присущий философу еще до всякого опыта, не одернет и не предостережет его, когда тот по недостатку опыта вознамерится скомпрометировать себя? И в самом деле, в этой статье есть места, достойные господина фон Рохова⁴.

Поскорее сообщите мне, как Вы себя чувствуете.

Г.

64. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 15 мая 1795 года

О том, что Вы нездоровы, я узнал лишь позавчера и искренне пожалел Вас. Тому, кто так непривычен к болезни, как Вы, она должна казаться совершенно невыносимой. То, что нынешняя погода дурно воздействовала на меня, — вещь настолько обычная, что можно и не упоминать об этом.

Разумеется, я с большой неохотой расстаюсь со всей второй элегией. Мне казалось, что даже очевидная незавершенность не повредила бы ей в глазах читателя, ибо нетрудно догадаться о преднамеренности умолчания. Вообще же принести эту жертву стыдливости, требуемой от журнала, вполне допустимо, так как через несколько лет, когда Вы захотите издать элегии отдельной книгой, можно будет восстановить все то, что вычеркнуто теперь. Мне бы очень хотелось получить в понедельник утром либо все элегии, либо хоть один лист оттуда, чтобы можно было отослать их. С моей статьей¹ я надеюсь наконец справиться, если только не помешает какая-нибудь особенная неприятность.

Что касается других статей, то ко мне ничего еще не поступало и седьмой номер по-прежнему всецело в руках божьих.

Котта в общем-то доволен ярмаркой. Хотя некоторые экземпляры из числа отданных на комиссию и были возвращены ему, однако появились и новые заказы на такое же количество, так что смета в целом от этого не пострадала. Он только очень просит позаботиться о большем разнообразии статей. Многие жалуются на отвлеченность тем, многие сбиты с толку и Вашими «Беседами», поскольку, по их выражению, им никак не удастся постичь, к чему все это клонится. Как видите, наши немецкие гости верны себе: они всегда должны

знать, что именно они едят, чтобы еда пришлось им совершенно по вкусу. Они должны иметь о ней *некоторое представление*.

Еще недавно я говорил об этом с Гумбольдтом: ни одно сочинение, будь оно очень хорошо или очень плохо, никоим образом не может иметь теперь в Германии *всеобщего* успеха. Публика уже утратила единство ребяческого вкуса, но ни в коей мере не приобрела еще единства законченной культуры. Она стоит как раз на полпути между тем и другим, и это прекрасная пора для плохих авторов; тем хуже, однако, приходится людям, которые хотят не просто зарабатывать деньги. С большим интересом жду теперь будущих рассуждений о Вашем «Мейстере», а точнее, — выступлений в печати, ибо то, что мнения публики разделятся, понятно само собой.

Из здешних новостей я ничего не могу сообщить Вам, ибо с отъездом нашего друга Фихте² иссяк обильнейший источник всевозможных нелепостей. У нашего друга Вольтмана опять случились весьма неудачные роды; он высказался о себе в более чем самонадеянном тоне. Я имею в виду печатную программу его лекций по истории³: устрашающее меню, способное отпугнуть даже самого голодного гостя.

То, что Шютц снова был серьезно болен, а теперь поправляется, Вы, очевидно, уже знаете.

С великим нетерпением жду Вашей лепты в «Альманах Муз». Гердер также даст туда что-нибудь.

Рейхардт через Гуфеланда предлагает свое сотрудничество в «Орах».

Вы уже прочитали вышедшую недавно «Луизу»⁴ Фосса? Могу прислать ее Вам. Статью в «Немецком Меркурии» раздобуду.

Желаю Мейеру успеха в его работе. Передайте ему мой сердечный поклон. Все шлют Вам свои самые сердечные пожелания.

Ш.

Р. С. Котта прислал мне только эти два экземпляра «Ор». Мне кажется, что я должен был прислать Вам три.

65. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Моя посылка еще не была отправлена, когда я получил Вашу; поэтому прибавлю к ней несколько слов.

Какая-то часть элегий будет отослана завтра вечером с экстренной почтой; хочу пожелать Вам, чтобы никакая случайность не помешала Вашей работе над статьей. К седьмому номеру могу обещать Вам почти два листа.

Будем же неуклонно продолжать наш путь; мы знаем, что можем дать и с кем имеем дело. За двадцать лет я досконально изучил фарс немецкого писательства; нужно лишь и далее разыгрывать его, и говорить здесь больше не о чем.

От Рейхардта не отделаться; однако Вам придется усиленно ограждать себя от его навязчивости.

«Луизы» я еще не видел, и Вы окажете мне любезность, если пришлете ее. Предлагаю к сему один из томов Гердеровой «Терпсихоры»¹, который попрошу вернуть мне в скором времени; он доставит Вам большое удовольствие.

Мое недомогание уже почти прошло. Я совсем было собрался посетить Вас хотя бы на полдня, но теперь придется отложить это до Троицы. Репетиции «Клаудины»² задержат меня здесь на ближайшие две недели.

Будьте здоровы и кланяйтесь от меня нашим друзьям.

В «Moniteur»³ напечатано, что Германия славится главным образом своей философией и что некий *мсье Кант* и его ученик *мсье Фихте*, по сути дела, открыли глаза немцам.

Г.

Веймар, 16 мая 1795 года.

С экземплярами «Ор» у нас не все в порядке. Впрочем, это не имеет особого значения; господин Котта, надо полагать, будет так любезен, что восполнит этот недостаток к концу полугодия.

66. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ну вот, дражайший друг, наконец-то Вы получаете второй том «Вильгельма». Желаю ему и при этом явлении на публике сохранить Ваше расположение. Я стараюсь теперь привести в порядок пятую книгу, а поскольку шестая уже готова, то я надеюсь к концу этого месяца освободиться на лето. Хотелось бы поскорее узнать, удастся ли это Вам.

Прилагаемые экземпляры распределите, пожалуйста, в соответствии с надписями.

Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 16 мая 1795 года.

67. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вот, дражайший друг мой, и элегии. Те две, о которых шла речь, выпущены. Я не тронул отчеркнутые места в шестой¹. Их не поймут, это верно, но ведь в примечаниях нуждаются порой не только древние, но и современные писатели.

Я прочитал предисловие Вольфа к «Илиаде»²; оно довольно интересно, однако удовольствия мне не доставило. Быть может, идея здесь хороша, да и сами старания заслуживали бы уважения, если бы эти господа в стремлении прикрыть слабость своих флангов не опустошали порой плодоноснейшие сады эстетического царства, превращая их в отвратительные траншеи. И в конце концов во всем этом хламе гораздо больше субъективного, чем полагают обычно. Рад, что вскоре смогу поговорить с Вами об этом. Я намерен когда-нибудь хорошенько пробрать этих господ.

Господин фон Гумбольдт сделал нам приятнейший сюрприз своим вчерашним визитом. Передайте ему наши наилучшие пожелания.

Будьте здоровы. Остальные элегии явятся следом, а также, даст бог, и я — в скором времени.

Г.

Веймар, 17 мая 1795 года.

Распределение печатного текста я целиком предоставляю на Ваше усмотрение. Быть может, его удастся еще разместить более удачным образом.

68. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 17 мая 1795 года

Лишь два слова, чтобы уведомить Вас о прибытии элегий и принести сердечную благодарность от меня и моей жены за вторую часть «Мейстера». То, что я вторю (поскольку я хотел тотчас же отдать книгу в переплет) успел прочитать из истории Зерло, в высшей

степени занимательно, и я уже радостно предвкушаю впечатление, которое произведет на меня эта часть в ее связи с целым.

Вы пожелали дать примечания к элегиям, и это, разумеется, было бы нелишним. Поскольку они могут быть помещены вслед за текстом, как это принято теперь, то у Вас есть еще время до понедельника. Публика любит, когда ей все объясняют.

В том, что Вы уже поправились, уверил меня, к искренней моей радости, господин фон Гумбольдт. С Вашего позволения я передал ему «Терпсихору», которую тем временем прислал мне и Гердер. То, что я успел прочитать там, вполне удачно, и такой поэт¹ был во всех отношениях достоин воскрешения в столь прекрасной форме.

Если мы оставим для названий отдельных элегий достаточно места, то сможем начинать каждую из них на отдельной странице так, что она не будет заканчиваться слишком высоко. Я распоряжусь, чтобы их набрали тем же шрифтом, что и послания. Пожелаем же нашему кентавру² доброго пути.

Очень рад тому, что увижу Вас через несколько недель. Если я могу твердо рассчитывать на Ваш приезд в конце месяца, то мне, надеюсь, удастся прочитать Вам мои «Письма» до того, как они будут отправлены, и это доставило бы мне большое удовольствие.

Тысяча благодарностей за Вашу дружескую заботу о седьмом номере. За это время предлагали свое сотрудничество еще три автора³, ни одна из работ которых мне не подошла.

Будьте здоровы.

Ш.

69. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вот и последние элегии отправляются в путь,— и, будем надеяться, при добрых предзнаменованиях.

За ними последуют песенки и кое-что пригодное для альманаха.

Я прилежен и погружен в раздумья; хотелось бы о многом поговорить с Вами. Вероятно, я скоро приеду.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 18 мая 1795 года.

70. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] 21 мая 1795 года

Податель сего, господин Михаэлис из Стрелица, — издатель моего «Альманаха Муз». Если Вам угодно будет уделить ему несколько минут, то я попросил бы Вас обсудить с ним и с нашим другом Мейером, не дадут ли некоторые из произведений, предназначенных Вами для альманаха (включая эпиграммы), хотя бы несколько мотивов для виньеток, наброски которых, быть может, выполнит Мейер. Обычай требует подобных украшений, а я пока не вижу здесь мотивов для них. Если бы среди Ваших небольших стихотворений нашлись романсы или что-либо в этом духе, то легче всего было бы сделать что-нибудь из них. Альманах будет печататься у господина Унгера и должен выглядеть изящно.

Я просил Вас сообщить мне через господина Гернинга о дне, когда будут играть «Клаудину», чтобы побывать на спектакле, если это окажется возможным, или хотя бы доставить это удовольствие моей жене. Но она, по-видимому, заболела корью, так что весь этот маленький план рушится.

Всем сердцем стремлюсь поскорее увидеть Вас здесь снова.

Михаэлис расскажет Вам также, что в его краях большой спрос на Вашего «Мейстера».

Надеюсь, что это письмо застанет Вас в добром здравии.

Ш.

71. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я очень благодарен Вам за то, что Вы через Вашу милую жену, которой я шлю сердечный поклон, так быстро развеяли мою тревогу из-за настигшего Вас приступа лихорадки; надеюсь, что и Карл¹ счастливо преодолает корь.

Тотчас по возвращении домой я почувствовал себя плохо, у меня снова появилась опухоль на щеке; поскольку же я поначалу отнесся к этому легкомысленно, то мне постепенно делалось все хуже, так что я даже не смог попрощаться с Гумбольдтом². Теперь болезнь идет на убыль. Тем временем я отдал переписывать роман и, вероятно, в ближайшую субботу пошлю Вам первую половину пятой книги, которая также знаменует новую эпоху.

«Оры» я получил.

Прилагаю к сему отборного трагелафа³.

Мейер кланяется; он очень усердно работает.

Будьте здоровы и поскорее известите меня, как обстоят дела у Вас и у всех Ваших и над чем Вы работаете.

Г.

Веймар, 10 июня 1795 года.

72. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вот и половина пятой книги; она знаменует новую эпоху, и поэтому я осмеливаюсь послать ее Вам. Желая ей хорошего приема. Болезнь изменила мои планы, так что я вынужден был поторопиться с этой работой. Простите за опiski и не забывайте о карандаше. Когда Вы и Гумбольдт прочитаете рукопись, пришлите ее, пожалуйста, поскорее назад. Мне так надоели физические страдания, что я собираюсь отправиться в Карлсбад, который когда-то надолго избавил меня от подобных недомоганий¹. Будьте здоровы. В ближайшие дни сделаю что-нибудь для альманаха, а также для «Ор». Меня очень интересует, как Вам понравится идея, внезапно пришедшая мне в голову: о расширении юрисдикции «Ор» и журналов вообще. Вы получите «Письмо одного сотрудника»².

Будьте же здоровы и пусть ничто не помешает Вашей работе.

Что подельывает Карл?

Г.

Веймар, 11 июня 1795 года.

73. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 12 июня 1795 года

О том, что Вы снова больны, я с искренним огорчением узнал от господина фон Гумбольдта, а то, что Вы по этой причине покидаете нас на некоторое время, опечалило меня еще сильнее. Вы были так жизнерадостны и деятельны, а минеральный источник — плохая Иппокрена¹, по крайней мере пока из него пьют. Хоть бы Вы смогли пораньше отправиться в путь, чтобы тем скорее вновь оказаться среди нас.

Моя лихорадка вот уже четыре-пять дней как покинула меня, и я вполне доволен теперешним своим самочувствием. Ах, если бы я мог сказать то же самое о своей работе! Однако переход от одного занятия к другому всегда был для меня делом мучительным, а сейчас, когда мне прихо-

дится совершить прыжок от метафизики к поэзии, особенно. Я все-таки попытался по мере возможности построить себе мост и принялся для начала за стихотворное послание под названием «Поэзия жизни»², соприкасающееся, как Вы видите, с темами, которые я только что оставил. Если бы Вы смогли приехать сюда хотя бы на шесть недель и вдохнуть в меня Ваш дух хотя бы в той мере, в какой я способен его воспринять, это было бы для меня спасением.

Кентавр благополучно снаряжен в путь, и с ним завершается первый семестр «Ор». За следующий я немного страшусь, вспоминая о скудости запаса. Были бы Вы здоровы и свободны, а я бы чувствовал себя не хуже, чем в этом году, то и опасаться было бы нечего. Обещанное «Письмо» меня очень интересует. Но не могу ли я рассчитывать и на продолжение «Бесед» для седьмого номера?

К пятой книге «Мейстера», полученной сию секунду, приступаю *in instanti* *. Предвкушаю немалые радости и желаю только получить поскорее и оставшуюся часть книги.

Великолепный субъект этот «Геспер», которого Вы мне недавно прислали! Он целиком принадлежит к породе трагелавов, но при этом отнюдь не лишен воображения и жизнерадостности и порой высказывает такие сумасбродные идеи, что может послужить занимательным чтением в долгие ночи. Он мне нравится еще больше, чем «Жизнеописания»³.

Моей жене уже лучше, и у Карла дела идут на поправку. Когда Вы заедете к нам по пути — что, по-видимому, произойдет довольно скоро, — то, надеюсь, застанете нас в добром здравии.

Прошу передать Мейеру мои наилучшие пожелания. Всех Вам благ — и поправляйтесь как можно скорее.

Ш.

74. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Прилагаю к сему черновики известных Вам «Писем»¹; в них многое еще придется отретушировать, если Вы останетесь довольны основными идеями. Такие произведения подобны игральным костям: по большей части здесь получается то, чего вовсе не ждешь, однако хоть что-нибудь да получается. Я не сдвинул с места до конца месяца и успею

* теперь же (*латин.*).

оставить Вам обычную порцию «Бесед» еще для седьмого номера. К тому времени будет также переписана вторая половина пятой книги, так что мы по мере возможности обращаем превратности судьбы на благо нашим работам. Будьте здоровы, а соответственно и деятельны; желаю Вам полного успеха с посланием².

Г.

Веймар, 13 июня 1795 года.

75. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 15 июня 1795 года

Эту пятую книгу «Мейстера» я прочитал с истинным упоением и с каким-то единым, безраздельным чувством. Даже в самом «Мейстере» ничто еще не захватывало меня столь мгновенно и не вовлекало столь неодолимо в свой круговорот. Лишь к концу обрел я некоторое спокойствие. Когда же я думаю о том, какими простыми средствами Вам удастся возбудить у читателя столь захватывающий интерес, то поражаюсь еще сильнее. Что же касается частных мест, то и здесь я обнаружил превосходные места. Оправдания Мейстера перед Вернером по поводу его перехода в театр, сам этот переход, Зерло, суфлер, Филина, безумная ночь в театре и т. п. — все это изложено необыкновенно удачно. Из явления неведомого духа Вам удалось извлечь так много, что у меня даже нет слов. Сама эта идея принадлежит к числу счастливейших из всех, какие только я знаю, и Вы сумели до последней капли исчерпать таящиеся в ней возможности. Разумеется, все ждут, что в конце встретят духа за столом, но поскольку Вы сами напоминаете об этом обстоятельстве, то становится очевидным, что его отсутствие должно иметь достаточно веские причины. О том, кто этот дух, будет сделано столько предположений, сколько подходящих действующих лиц имеется в романе. Большинство у нас решительно настаивает на том, что это Марианна или же некто, имеющий к ней отношение. Кроме того, мы склонны считать, что дух и ведьмочка, увлекшая в свои объятия Мейстера в его спальне, — одно и то же лицо. Однако эта последняя сцена заставила меня подумать и о Миньоне, которая, по-видимому, сделала в тот вечер немало открытий относительно своего пола. По этому небольшому опыту в области герменевтики Вы можете судить, насколько хорошо Вам удалось соблюсти свою тайну.

Единственное возражение по поводу этой пятой книги состоит в том, что временами мне приходило в голову, будто Вы отвели той части романа, которая исключительно относится к театру, больше места, чем допускает широкий и свободный замысел целого. Иной раз кажется, что Вы пишете *для* актера, но ведь собирались-то Вы писать *о* нем. Тщательность, соблюдаемая Вами по отношению к мелким деталям определенного рода, и внимание к отдельным частным уловкам, которые представляют интерес для актера и директора, но не для читателей, создают ложное представление о какой-то *особой цели* повествования; тот же, кто не задумается о возможности такой цели, может даже обвинить Вас в личном пристрастии к этой теме. Если бы Вы смогли ввести эту часть в более узкие рамки, то это, несомненно, послужило бы на благо всему повествованию.

Теперь же несколько слов о Ваших письмах к редактору «Ор». Я уже подумывал о том, что неплохо было бы нам устроить в «Орах» арену для критических сражений. Статьи такого содержания позволяют журналу идти в ногу со временем и вызывают несомненный интерес у публики. Но только, думается мне, нам не следует выпускать из рук бразды правления, а это может случиться, если мы предоставим публике и авторам известные права, обратившись к ним с формальным приглашением. От публики, разумеется, можно ждать лишь самых жалких откликов, авторы же, как показывает опыт, чувствуют себя весьма стесненно. Я предложил бы произвести нападение нашими собственными средствами; тогда если авторы пожелают обороняться в «Орах», то вынуждены будут подчиниться тем условиям, которые мы предпишем. Поэтому мой совет — начинать прямо с действия, а не с приглашения. Не беда, если нас сочтут грубыми и необузданными.

Что Вы скажете, если я от имени некоего господина фон Х. упрекну автора «Вильгельма Мейстера» в том, что он так охотно занимается актерской братией и сторонится *хорошего общества*?¹ (Вне всякого сомнения, именно здесь кроется тот камень преткновения, который отвратит светское общество от «Мейстера», и было бы нелишне, а к тому же и небезынтересно наставить публику на путь истинный. Если Вы согласитесь ответить, то я смастерю Вам такое письмо.)

Надеюсь, что со здоровьем Вашим теперь уже лучше. Да благословит небо Ваши труды и да ниспошлет Вам еще

много столь же прекрасных часов, какими были те, в которые Вы писали «Мейстера».

С великим нетерпением жду Вашей лепты в альманах, а также «Бесед», относительно коих Вы подали мне надежду. Дома у меня дела идут лучше. Все Вам кланяются.

Ш.

76. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ваша удовлетворенность пятой книгой романа в высшей степени обрадовала меня и придала мне сил для работы, которая мне еще предстоит. Мне очень приятно, что причудливые и забавные тайны производят должный эффект и что мне, по Вашему свидетельству, удалось изображение задуманных ситуаций. Тем охотнее я воспользовался Вашими замечаниями относительно теоретическо-практического вздора и в некоторых местах пустил в ход ножницы. От подобных остатков прежней интерпретации никогда не удастся отделаться полностью, хотя я и сократил сейчас первоначальную рукопись почти что на треть.

О том, что следует предпринять с «Письмом к издателю» или в связи с ним, мы легко столкнемся при встрече. Я буду у Вас примерно в конце будущей недели и, по всей видимости, привезу с собой обещанный рассказ.

В субботу я пошлю Вам статью Мейера о Джованни Беллини¹; она очень хороша, только, к сожалению, чересчур коротка. Будьте так любезны и перешлите нам обратно вступление, которое уже находится у Вас, потому что там нужно сделать еще кое-какие дополнения. Если бы Мейер смог прибавить сюда и Мантенью, то это было бы приобретением для седьмого номера.

Мне приятно, что новый трагеллаф не совсем противен Вам; и в самом деле, человек этот достоин сочувствия²: он, по-видимому, живет весьма уединенно и по этой причине не может, несмотря на многие хорошие индивидуальные задатки, облагородить свой вкус. Представляется, к сожалению, будто наилучшее общество, с которым он имеет дело,— это он сам. Вы получите еще два тома этого причудливого произведения.

Предстоящие четыре недели в Карлсбаде я думаю посвятить ревизии моих естественнонаучных изысканий; я хочу посмотреть, не удастся ли мне уложить в одну схему то, что уже сделано, и то, к чему следует обратиться в первую

очередь,— с тем, чтобы иметь наготове некую основу для многих разрозненных опытов и наблюдений.

Что Вы скажете относительно сочинения, из которого я велел переписать для Вас прилагаемый отрывок? ³

Желаю всяческого благополучия Вам и Вашим близким; мой поклон Гумбольдтам.

Г.

Веймар, 18 июня 1795 года.

77. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 19 июня 1795 года

Посылаю при сем рукопись Мейера и мой сердечный поклон. Весьма утешительно то, что я так скоро могу ожидать от него чего-то. Если же, однако, дело состоит в том, что для продолжения, посвященного Мантенье, у него просто недостает времени, то я могу предоставить ему такое, поскольку жду статью от нашего друга Фихте и могу теперь твердо рассчитывать на «Беседы». Уже в этот понедельник я буду с большей определенностью знать, как обстоит дело.

То, что Вы удостоили внимания мои замечания относительно пятой книги романа, радует меня и ободряет. Ибо я не только испытываю любовь к этому созданию Вашего духа, но и чрезвычайно ревниво отношусь к тому впечатлению, которое оно произведет на других, и не смог бы проявить дружелюбия к человеку, не оценившему его.

Не знаю, в каком сумасшедшем доме Вы раздобыли этот великолепный фрагмент, но писать так может только помешанный. Автором его мог быть, пожалуй, наш друг Оберейт, но я не вполне уверен в этом. Меня он очень позабавил.

Сейчас уходит почта. Я очень рад тому, что скоро увижусь с Вами.

Ш.

78. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Пусть рассказ для «Ор» и листок для альманаха послужат предвестниками моего приезда. В понедельник я буду у Вас, и мы сможем многое обсудить. Фосс кланяется и предлагает статью антикварного содержания относительно *петухов*, посвященных богам, а также, если потребуется, заметки о географии древних ¹.

Гердер обещает в самом скором времени дать что-нибудь о Гомере². Если бы вдобавок пришло что-нибудь от Якоби, было бы очень хорошо.

Мне очень хочется посмотреть, что Вы сделали за это время.

Кланяйтесь от меня Вашей милой жене и Гумбольдтам; я радуюсь тому, что снова увижу Вас.

Гете

Веймар, 27 июня 1795 года.

79. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 6 июля 1795 года

Большая рассылка «Ор», предстоящая мне сегодня, оставляет мне лишь несколько минут для того, чтобы поздравить Вас с прибытием в Карлсбад, — с прибытием, надеюсь, вполне благополучным. Я радуюсь тому, что из тридцати дней Вашего отсутствия могу вычеркнуть четыре.

От Фихте я получил письмо, в котором он хотя и объясняет мне весьма пылко, как несправедливо я с ним обошелся¹, однако всячески старается не рассориться со мной. При всей его откровенной обидчивости он ведет себя весьма сдержанно и стремится предстать передо мной в роли рассудительного человека. Что он упрекает меня в совершенном непонимании его статьи, это само собой разумеется. Но того, что я упрекаю его в путаных представлениях о трактуемом им предмете, простить он мне никак не может. Он собирается прислать мне на прочтение свою статью, когда она будет полностью закончена, и ожидает, что уж тогда-то я откажусь от своего необоснованного приговора. Вот так обстоят дела, и я должен признать, что в этой щекотливой ситуации он к тому же вел себя вполне пристойно. Вам нужно будет прочесть его письмо по возвращении.

Из здешних новостей могу сообщить Вам только, что дочь надворного советника Шютца действительно умерла, сам же он более или менее здоров.

Вольтман, посетивший меня на днях, заверял, что автором статьи в «Меркурии» относительно стиля в изобразительных искусствах² является не Фихте, а некий Фернов (молодой живописец, учившийся здесь; он также пишет стихи и некоторое время путешествовал с Баггесе-

ном). О том же говорил и сам Баггесен, объявивший попутно, что статья эта — самое глубокое из всего написанного об этом предмете. Надеюсь, стало быть, что Вы в душе попросите прощенья у Великого Я из Османштедта³ и снимете хотя бы эту вину с его грешной головы.

Вольтман сказал мне, что начал писать роман⁴; для меня это, разумеется, никак не вяжется с его прочими историческими занятиями.

От Гумбольдта пока нет известий⁵. От всей души желаю, чтобы Ваше пребывание в Карлсбаде благотворно воздействовало и на Ваше здоровье, и на захваченную с собой работу. Если Вам представится случай прислать мне окончание пятой книги, это доставит мне великую радость.

Согласно Вашему указанию я отправил Вам два экземпляра «Ор».

Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания. Будьте здоровы и сохраняйте дружеские воспоминания о нас.

Ш.

80. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ.

Пользуюсь случаем передать Вам это письмо через фрейлейн фон Гёххаузен. Преодолев как сносные, так и скверные дороги, я прибыл сюда 4-го вечером; погода вплоть до нынешнего дня была совершенно отвратительная, и первый луч солнца проглянул, кажется, ненадолго. Общество здесь многочисленное и хорошее; все, как обычно, жалуется на недостаток гармонии и живут каждый на свой лад. Пока что я только смотрел и болтал; что будет дальше и как обернутся дела, — увидим. Во всяком случае, я тотчас же завязал экспромтом маленький роман¹: вещь совершенно необходимая для того, чтобы выманить человека из постели в пять часов утра. Надеюсь, что мы будем настолько умеренны в своих чувствах и сумеем так управлять *событиями*, что продержимся две недели².

В качестве знаменитого писателя, я, впрочем, был очень хорошо принят, хотя дело не обошлось и без курьезов. Например, одна премилая дамочка сказала мне, что она с величайшим удовольствием прочитала последние

мои сочинения, в особенности же ей сверх всякой меры понравился «Джафар Бармекид»³. Вы понимаете, естественно, что я с величайшей скромностью облачился в арабский костюм с плеча нашего друга Клингера и предстал перед моей почитательницей в наивыгоднейшем свете. И я могу не опасаться, что за ближайшие три недели ее выведут из этого заблуждения.

Мало-помалу я знакомлюсь ближе со многими людьми, среди которых есть и очень интересные, так что у меня будет что рассказать Вам.

По дороге сюда я размышлял над некоторыми старыми сказками, и мне пришли в голову разные соображения по поводу того, как их обработать. Хочу пока что записать хотя бы одну из них, чтобы мы имели какой-то текст в своем распоряжении⁴. Желая всяческого благополучия Вам и Вашим близким и прошу не забывать меня.

Г.

Карлсбад, 8 июля 1795 года.

81. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Карлсбад, 19 июля 1795 года

Ваше милое письмо от 6-го я получил только 17-го; я несказанно благодарен Вам за то, что в круговороте совершенно чуждого мира Вы позволили мне услышать дружеский голос. Это письмо захватит с собой фрейлейн фон Бейльвиц, и я надеюсь, что оно скоро дойдет до Вас.

Лечение дает весьма хорошие результаты, но я и веду себя как настоящий посетитель минеральных вод и провожу все дни в абсолютном безделье; я постоянно нахожусь среди людей, так как тут нет недостатка в разговорах и в маленьких приключениях. У меня наберется много всякой всячины для рассказов.

Но зато и пятая книга романа остается непереписанной, и у меня нет ни одной удавшейся эпиграммы, так что если вторая половина моего пребывания здесь будет такой же, как и первая, то я вернусь с пустыми руками.

Мне было очень приятно услышать, что османштедтскому Я удалось проявить сдержанность и что Ваше разъяснение не повлекло за собой разрыва; быть может, он постепенно научится переносить возражения.

Мадам Брун¹ также хвалила мне возвышенную статью Фернова в «Меркурии» и, таким образом, открыла мне имя автора. К сожалению, и этот дух самонадеянной половинчатости бродит теперь в Риме, так что наша приятельница, по всей видимости, познакомится там поближе со всеми тремя стилями². Едва ли возможно представить себе, к какой смеси самообмана и ясности прибегает в своей жизни эта женщина; в высшей степени примечательна и терминология, которую она и члены ее кружка создали для себя, чтобы *устранить* все то, что они не могут разрешить, и выставить напоказ, подобно змею Моисея³, то, чем они обладают.

Однако подробнее обо всем этом и о прочем — по возвращении. У меня от холода застывают пальцы; погода стоит отвратительная, во всем — ощущение неуютно.

Тем сильнее желаю Вам здоровья и тепла; не забывайте меня.

Г.

82. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 20 июля 1795 года

О том, что я плохо чувствовал себя последние двенадцать дней и не мог поэтому подать вестей о себе, писала Вам моя жена. Надеюсь, что Вам исправно доставили как это, так и мое письмо, посланное через четыре дня после Вашего отъезда отсюда.

Ваше письмо очень обрадовало меня, и я искренне желаю, чтобы клингеровская маска доставила Вам как можно больше приятных приключений. Я не вижу ничего дурного в том, чтобы встретить радушный прием у дам под *таким* именем, ибо тогда самое трудное оказывается уже позади.

Я с одинаковым нетерпением жду известий о том, насколько успешно подвигаются и Ваше лечение, и Ваша работа. Последние главы пятой книги доставляют мне большую радость. То, что я успел за это время услышать о кентавре¹, звучит вполне удовлетворительно. Элегии нравятся всем, и никто не пытается найти в них что-либо шокирующее. Самые грозные судебные инстанции, впрочем, еще не высказались. Но и я получил свою долю похвал за мой вклад в кентавра, причем мне повезло даже больше, чем Вам,— не прошло и недели со

дня выхода этого номера, как один лейпцигский писатель прислал мне настоящую оду в мою честь².

За это время я получил две статьи для «Ор», и притом оттуда, откуда ничего не ожидал³. Одна из них посвящена греческой и готической архитектуре и при некоторой неряшливости стиля и обилии незначительных подробностей содержит немало глубоких мыслей. После долгих размышлений я решил принять ее ввиду целесообразности и новизны предмета для «Ор», тем более что она невелика. Вторая статья, которая также не превышает размером лист, рассматривает идею судьбы у древних. Она принадлежит превосходному и тонкому мыслителю, и поэтому я беру ее без колебаний. Я получил ее всего час назад.

Якоби прислал наконец свою статью. В ней много превосходных мест (в особенности там, где речь идет о справедливости в оценке чужого образа мысли), и она всецело проникнута духом либеральной философии. Тему ее я не могу охарактеризовать Вам с достаточной полнотой. Под названием «Случайные излияния одинокого мыслителя (в письмах к Эрнестине)» здесь трактуются различные предметы⁴.

От Гердера уже много недель нет ни рукописей, ни известий. Гумбольдт доехал благополучно, но застал свою мать очень больной.

Мои поэтические опыты подвигаются весьма медленно, так как я несколько недель был совершенно неспособен к какой-либо работе. И все же кое-что Вы увидите, когда вернетесь. Из здешних новостей ничего не могу сообщить Вам.

Будьте здоровы, и да поможет Вам небо вернуться здоровым и бодрым.

Ш.

83. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Письмо прибудет все же раньше меня, и поэтому я хочу поблагодарить Вас за Ваше последнее письмо. Первое пробыло в дороге одиннадцать дней, второе пять и последнее семь. Так нерегулярно доходит сюда почта.

Мне очень жаль, что Вы были вынужденно бездеятельны, пока я лентяйничал почти по собственной воле. Я все так же продолжал вести начатый образ жизни,

постоянно пребывал в обществе и при этом чувствовал себя превосходно. Можно проехать сто миль и не увидеть такого множества людей в такой непосредственной близости. Здесь все не у себя дома, и поэтому каждый проявляет бóльшую общительность и к тому же стремится выказать себя, скорее, с выгодной стороны. Пятая книга романа переписана, шестая же может быть закончена через несколько дней. Из эпиграмм мало что сделано, а сверх этого и вовсе ничего.

Желаю успеха новым статьям и очень хочу прочесть их.

О Вас спрашивают многие, и я отвечаю по-разному: смотря по собеседнику. У публики вообще имеется лишь самое туманное представление о писателе. Слышишь только какие-то допотопные суждения; мало кто замечает развитие писателя и его успехи. Однако справедливости ради я должен сказать, что встретил здесь несколько человек, которые в этом отношении составляют примечательное исключение.

Шестой номер «Ор» еще не проник в эти горы; я уже заказал его для себя у *Кальве* в Праге.

Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Карлсбад, 29 июля 1795 года.

84. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 11 августа 1795 года]¹

Ожидание все нарастает, но уже видно издали, что лес начинает редеть. Воспоминание о Марианне производит сильный эффект, а Миньона растет с каждой книгой. Печальный арфист становится все печальнее и загадочнее, Филина по-прежнему очаровывает меня. И отрадно наблюдать, как Вы воскрешаете в этой книге память о прежних сценах и персонажах.

Множество описок, а также некоторая несогласованность в написании слов (то *Publikums*, то *Publici* и т. д.) все еще требуют к себе большого внимания. В стихотворении, завершающем книгу, одно слово у Вас долгое, тогда как согласно своему положению в строке оно должно быть кратким, и один глагол краткий, хотя должен быть долгим.

Простите мне эту пачкотню. Я должен торопиться, чтобы не задерживать долее рукописи.

Надеюсь вскоре услышать о Вас, желаю счастливого возвращения в Веймар. Дружеский поклон Мейеру.

Ш.

85. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

При сем посылаю Вам наконец собрание эпиграмм¹ на отдельных листах, под номерами, а для вящего порядка снабженных еще и оглавлением; по многим причинам мне не хотелось бы видеть свое имя в заголовке. В эпиграфах я нахожу желательным ввести намеки на античность.

Хотя при подборе я объединял связанные друг с другом эпиграммы, а к тому же старался соблюсти определенную последовательность и разнообразие, однако во избежание некоторой принужденности с самого начала примешал к венецианскому разделу другие эпиграммы, предшествующие этому периоду. Зачеркнутые Вами я постарался сделать более приемлемыми. Номер 78², сколь он ни незначителен, я хотел бы оставить на своем месте, чтобы раздражить и обозлить школу, которая, как я слышу, торжествует из-за моего молчания и распространяет слух о том, будто я собираюсь бросить начатое дело. Если у Вас есть еще какие-нибудь сомнения, сообщите мне, если позволит время; если же нет, распорядитесь сами безо всякого стеснения.

Я хотел бы получить отдельно несколько экземпляров этого сборничка, чтобы располагать им на случай нового издания.

Вы могли бы распорядиться напечатать особое уведомление относительно опечаток; в элегии закралось несколько очень неприятных.

Как только выйдет альманах, можно было бы составить краткие примечания к элегиям и эпиграммам и при этом упомянуть об опечатках; статью эту можно поместить в «Орах», что было бы полезно во многих отношениях. В самом конце сборника легко было бы уведомить в нескольких словах о наличии этих действительно необходимых примечаний³.

Посылаю пакет с нарочным, чтобы Вы получили его как можно скорее и чтобы я мог в свою очередь полу-

читать обратно роман, с которым уже не могу больше медлить.

Я предвижу, что в начале сентября должен буду отправиться в Ильменау⁴ и что освободиться мне удастся не раньше, чем через 10—14 дней; до того времени у меня будет еще множество различных дел, и все же я хотел бы узнать, что Вам нужно для «Ор». По моим представлениям, я мог бы дать следующее:

Август. «Беседы», конец последней истории⁵.

«Гимн»⁶, каковой прошу вернуть мне для завершения.

Сентябрь. «Драма и роман»⁷.

«Сказка»⁸. Я бы закончил ею «Беседы»; было бы недурно, пожалуй, чтобы они словно растворились в бесконечности благодаря некоему порождению свободной фантазии.

Октябрь. Продолжение «Сказки».

Примечания к элегиям и эпиграммам.

Ноябрь и

декабрь. Извещение о «Челлини»⁹ и, если это возможно, что-нибудь из «Фауста»¹⁰.

С этим последним у меня обстоит дело, как с порошком, который уже выпал в осадок; когда его встряхиваешь, он снова растворяется, но стоит только отвлечься, как он мало-помалу оседает на дно.

Напишите мне прежде всего, как Вы себя чувствуете и как подвигаются Ваши работы; будьте здоровы.

Г.

Веймар, 17 августа 1795 года.

86. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] 17 августа 1795 года

Я воспринял Ваше недавнее обещание буквально и рассчитывал на то, что завтра, то есть во вторник, непременно увижу Вас здесь; по этой причине я так долго задерживал «Мейстера» и ничего не писал Вам о нем. Я очень хотел бы обсудить эту шестую книгу в устной беседе с Вами, ибо в письме всего не припомнишь, тут необходим диалог. Мне представляется, что нельзя было найти более удачный подход к теме, чем тот, который избрали Вы, когда раскрывали медленное постижение героиней святого начала в своей душе. Эта внутренняя

связь изящна и тонка, а тот путь, по которому она развивается в Вашем изображении, в высшей степени соответствует природе.

Переход от религии вообще к христианству через испытание грехом задуман мастерски. Все основополагающие идеи книги превосходны; боюсь только, что они намечены несколько бегло. И я не поручусь, что у некоторых читателей не создается впечатление, будто действие романа совсем не развивается. Неплохо было бы, пожалуй, кое-что уплотнить, кое-что сократить, некоторым же главным идеям дать, напротив, больше простора. От меня не укрылось Ваше стремление очистить и как бы заново оживить благоговение перед самым предметом книги посредством отказа от банальной терминологии религиозного благочестия, и все же я пометил некоторые места, могущие, боюсь, вызвать порицание со стороны христиански настроенных душ за слишком «легкомысленное» истолкование темы.

Ограничусь этим немногим о том, что Вы сказали и наметили. Однако предмет Ваш такого рода, что испытываешь искушение говорить и о том, что сказано не было. Хотя книга эта еще не закончена и я, стало быть, не знаю, что последует далее, однако появление дядюшки с его здравым смыслом предвещает, как мне кажется, некий кризис. Если это так, то тогда, на мой взгляд, с темой покончено раньше времени; мне кажется, что о *сущности* христианской религии и христианского религиозного мистицизма здесь сказано еще слишком мало и что то, чем эта религия может стать для прекрасной души или, вернее, то, что прекрасная душа может из нее сделать, обрисовано не в полной мере. Я нахожу в христианской религии *virtualiter** зачатки самых возвышенных и благородных идеалов, и некоторые проявления ее в жизни кажутся мне столь отвратительными и пошлыми именно потому, что они суть ложные отражения этого наивысшего. Если говорить о той характерной черте, которая отличает христианство от всех других монотеистических религий, то она состоит не в чем ином, как в *упразднении закона* или кантовского императива, который христианство стремится заменить свободным влечением. Таким образом, в своей чистой форме христиан-

* потенциально (латин.).

ство является прообразом *прекрасной* нравственности или воплощением святости, и в этом смысле оно — единственная *эстетическая* религия; этим я объясняю себе и то, почему эта религия имеет такой успех у женщин и почему только у них она проявляется в сколько-нибудь приемлемой форме. Но я не стану развивать далее эту щекотливую тему в письме, — замечу лишь, что мне хотелось бы, чтобы в книге слегка прозвучала и эта струна.

Ваши пожелания относительно эпиграмм будут исполнены в точности. Меня также очень раздосадовали опечатки в элегиях, и я тотчас же распорядился указать на важнейшие из них в листке объявлений при «Литературной газете»; но это ошибки переписчика, а не наборщика, и тем легче своевременно предотвращать их в дальнейшем.

Исполнением того, что Вы обещаете сделать для «Ор» в остающиеся месяцы, Вы доставите мне великую радость, и я снова повторяю свое ходатайство относительно «Фауста». Пусть это будет хотя бы одна сцена в две-три страницы. «Сказка» искренне обрадует меня и послужит прекрасным завершением для «Бесед» этого года.

Хотя на этой неделе мое физическое состояние не улучшилось, однако у меня появилось настроение и желание написать несколько стихотворений, которые пополнят мой сборник.

Моя жена просит узнать, не являются ли булавки, которые Вы недавно использовали при упаковке шестой книги, символом угрызений совести.

Будьте здоровы. Я жажду поскорее увидеть Вас и нашего друга Мейера.

Ш.

87. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю при сем несколько лишних экземпляров «Ор». Если бы Вы смогли при случае раздобыть для меня номера 1 и 2 на писчей бумаге и номер 4 на голландской, все остальные экземпляры были бы у меня комплектными.

Так как Мейер готовится сейчас к отъезду¹, то мы

посетим Вас как можно скорее, чтобы испросить у Вас совета и благословения.

Кланяйтесь Вашей милой жене, будьте здоровы.

Г.

[Веймар,] 17 августа 1795 года.

88. ГЕТЕ— ШИЛЛЕРУ

Над прилагаемым гимном¹ я поработал, насколько позволили мне недостаток времени и тот рассеянный образ жизни, который я сейчас веду. Окончание последней истории и переход к «Сказке» я пришлю Вам как можно скорее, но не думаю, что все это заполнит один печатный лист. Что касается самой «Сказки», то я примусь за нее с большой охотой; она меня занимает и, следовательно, может оказаться в какой-то степени занимательной и для других.

Ваши слова, свидетельствующие о том, что в шестой книге мне удалось по крайней мере благополучно миновать подводные камни, имеют для меня большую ценность; последующие же Ваши замечания об этом предмете меня обрадовали и ободрили². Поскольку читательница шестой книги извлечет из появления дядюшки ровно столько, сколько позволит ее понимание, и поскольку я выведу христианскую религию в самом чистом ее смысле только в восьмой книге, при следующем поколении (и притом в полном согласии с тем, что Вы мне пишете), то в итоге Вы, вероятно, не сочтете пропущенным что-либо существенное, в особенности если мы еще раз обсудим этот предмет.

Конечно, я был весьма сдержан и, возможно, несколько ослабил впечатление в глазах широкой публики тем, что избегал всякого догматизирования и стремился полностью скрыть свои намерения; в подобных случаях трудно держаться середины.

Будьте здоровы; Мейер шлет Вам множество поклонов. Скажите Вашей милой жене, что она может спокойно использовать и терять мои символические булавки. На днях напишу более обстоятельно.

Г.

Веймар, 18 августа 1795 года.

89. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Мой нынешний вклад в «Оры» — скорее прыжок, чем переход от бюргерского образа жизни к «Сказке». Удовлетворитесь пока этим.

Гердеровский «Гомер»¹, которого мы с Мейером только что прочитали, отменно удался и послужит к украшению «Ор»; постараюсь сделать так, чтобы Вы получили эту статью завтра с посылкой. Первую порцию «Сказки» Вы получите до конца месяца. Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 21 августа 1795 года.

90. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] пятница вечером 22 августа [1795 года]

Вспоминаю, как семь лет назад в Веймаре у меня однажды вышли все деньги, кроме двух грошей на почтовые расходы, и я не знал, где добыть их. Представьте себе мое приятное изумление, когда при этой крайней нужде мне в тот же самый день прислали давно забытый долг «Литературной газеты». То был поистине перст божий — и Ваша сегодняшняя посылка тоже. Я и в самом деле не знал, что послать сегодня Котте, которому нужен материал для девятого номера, — и тут Вы, словно истинный посланец небес, присылаете мне пусть всего пол-листа, однако вполне достаточно для того, чтобы в совокупности с «Аполлоном»¹ составить целый. Едва ли у меня будет время прочитать эту рукопись, хотя я собираюсь проглядеть ее сейчас на предмет орфографии.

Я очень рад Вашей «Сказке», ибо она, по-видимому, явилась на свет при весьма благоприятных предзнаменованиях.

Статья Гердера также явится для меня весьма приятным событием.

Гумбольдт передает Вам поклон. У меня набралось немало курьезных историй², касающихся «Ор» и отчасти «Мейстера», которые я расскажу Вам, когда Вы сюда приедете (что я от всей души прошу Вас сделать поскорее).

Будьте здоровы.

Ш.

91. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Меня радует, что мой маленький дар прибыл своевременно. Первая половина «Сказки», по моим расчетам, также должна пойти в девятом номере; насколько это необходимо или желательно, мы обсудим в понедельник¹, поскольку мы с Мейером собираемся посетить Вас. Я уеду в тот же вечер, потому что в среду мне нужно наконец отправиться в Ильменау, откуда я вернусь дней через восемь.

Вот и все из новостей. Посыльные уже пакуются.

Г.

Веймар, 22 августа 1795 года.

92. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Завтра утром я еду с тайным советником Фойгтом в Ильменау, и странствия мои доставили бы мне еще большую радость, если бы я знал, что Вы, находясь дома, чувствуете себя хорошо и что болезнь не так уж часто мешает стольким благим трудам. Мейер передает Вам поклон. Мне хотелось бы услышать, что «Сказка» имела некоторый успех и что ее продолжение совершенно изгладило первоначальное дурное впечатление. Когда я говорю Вам «будьте здоровы», то это всегда означает: используйте хорошие часы, как и прежде, к общей нашей радости.

Г.

Веймар, 24 августа 1795 года.

93. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

После общительно-праздного Карлсбада я нигде не смог бы столь легко перейти к совершенно противоположному образу жизни, как в уединенно-деятельном Ильменау; те немногие дни, которые я провел здесь, пронеслись очень быстро, и мне придется пробыть здесь еще неделю, чтобы разобраться в делах так, как мне хочется. Я всегда испытывал удовольствие от пребывания здесь — и испытываю его и теперь; я думаю, что это обусловлено той гармонией, которой проникнуто здесь все: местность, люди, климат, самый образ жизни. Спокойное и размеренное экономическое развитие, повсюду переход от ручного труда к машинному — и, при всей изолированности, более широкие связи с миром, чем во многих городках на легко доступных равнинах. До сих пор у меня не возникло ни

одной мысли, которая не относилась бы к местным делам, однако мне крайне необходимо было выполнить свои обязательства до начала зимы. Будьте здоровы, пребывая в иных сферах, и вспоминайте меня в кругу Ваших близких.

Г.

Ильменау, 29 августа 1795 года.

94. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 29 августа 1795 года

«Сказка» достаточно пестра и весела, и я нахожу, что упомянутая Вами как-то раз идея «взаимодействия и взаимосвязи сил» воплощена здесь очень искусно. Большую радость она доставила моей жене, которая находит, что она выдержана в духе Вольтера, и я не могу не согласиться с этим. Вообще же Вы благодаря этой манере изложения принимаете на себя обязательство сообщить всему здесь характер символа. Невозможно удержаться от поисков значения во всем. Четыре короля выступают великолепно, и змея в качестве моста — очаровательная фигура. Чрезвычайно характерна прекрасная Лилия с ее мопсом. Вообще все в целом представляется порождением весьма радостного расположения духа. Я хотел бы, однако, чтобы окончание не было отделено от начала, так как обе части слишком нуждаются друг в друге, а читатель не всегда помнит то, что он прочитал ранее. Таким образом, если Вам все равно, появится ли сказка целиком или по частям, то я начну ею следующий номер; к счастью, у меня есть материал для девятого номера, и если сказка может быть напечатана целиком в десятом, то тем лучше.

У прилагаемой эпиграммы¹ нет конца. Будьте добры вернуть ее мне по возможности скорее.

Мое здоровье все еще оставляет желать лучшего. Боюсь, что мне придется расплачиваться за те бурные порывы, на которые меня обрекло обращение к поэзии. Для философствования достаточно половины человека, другая половина может отдыхать; музы же истощают нас целиком.

Сердечный привет ко дню Вашего рождения.

Ш.

P.S. Я не послал еще герцогу ни одного экземпляра восьмого номера. Будьте добры, позаботьтесь об этом.

Если Вы собираетесь писать господину фон Гумбольдту, то я могу вложить Ваше письмо в мое.

95. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 31 августа 1795 года

Сегодня лишь два слова, чтобы поблагодарить Вас за то, что Вы вспомнили обо мне в Ильменау. Сегодня день рассылки «Ор», когда мне приходится много писать: я пользуюсь пакетами, чтобы вкладывать в них письма.

Для небольшого «прозаического» развлечения прилагаю экстракт¹ из подписных листов на «Оры», который прислал мне сегодня Котта.

Письма (мое и господина фон Гумбольдта), которые я позавчера отправил Вам в Веймар в пакете с «Орами», еще, вероятно, не дошли до Вас, так как это большой пакет. Однако для меня очень важно узнать поскорее Ваше решение относительно некоторых пунктов этого письма.

1. Я предлагал Вам: не лучше ли нам дать «Сказку» целиком в десятом номере? Публика всегда недовольна перерывами, и нам следует теперь поддерживать в ней доброе расположение духа. Для девятого номера материала у меня достаточно; таким образом, это не должно влиять на Ваше решение в том случае, если Вы не хотите, чтобы вещь эта печаталась частями.

2. В эпиграмме 101² отсутствует половина последнего пентаметра:

..... так цветок садоводу,
Падая наземь...

Не могли бы Вы ответить на эти вопросы как можно скорее?

Желаю, чтобы спокойная деловая обстановка, в которой Вы теперь находитесь, полностью удовлетворяла Вас и чтобы Вы вспоминали нас с любовью. Госпожа фон Кальб уже несколько дней как здесь и останется еще на несколько дней. Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания.

III.

P.S. В № 28 стоит *unterständig*, и я не знаю, описка ли это. Прямо счесть это опиской и исправить на *unverständig*³ было бы слишком большой вольностью коммента-

тора, учитывая контекст, в котором стоит слово. С другой стороны, если здесь и впрямь должно быть *unterständig*, то я не знаю такого слова. Сообщите мне Ваше решение по возможности скорее.

96. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Едва я получил Ваше письмо, как объявилась оказия в Веймар. Итак, сердечный привет из этих тихих гор, где меня встретила прекраснейшая погода.

Эпиграмма возвращается обратно; в ней *ter* заменено на *be* — так, пожалуй, сойдет.

Последний пентаметр эпиграммы 101 должен звучать так:

Падая наземь, сулит к осени спелость плода.

«Сказку» я хотел бы печатать частями, потому что в таких сочинениях самое главное — возбудить любопытство. Хотя здесь и так до конца остается достаточно загадок.

Желаю успеха процессии «Ор»; пусть восхищение и любовь публики еще удвоятся.

Госпоже фон Кальб и Вашей милой жене прошу засвидетельствовать мое почтение.

В воскресенье вечером я буду в Веймаре и надеюсь, что скоро увижу Вас. Будьте здоровы.

Г.

Ильменау, 3 сентября 1795 года.

97. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Пакет с «Орами» и с письмами, Вашим и господина фон Гумбольдта, дружески встретил меня по возвращении из Ильменау, и я пишу лишь несколько слов в качестве первого приветствия.

Прилагаю эпиграмму, поскольку у Вас, вероятно, нет ее копии.

Статья Якоби довольно странна. Из его сопоставления Людовика, Лира и Эдипа¹ мне, как профану, ничего не удалось извлечь; однако во втором разделе статьи есть очень много хорошего, и если, вникая в *его* пояснения по поводу различий в образе мыслей, забыть об *его* образе мыслей, то в пояснениях этих можно легко разобраться.

То, что моя «Сказка» встретила хороший прием, радуется и ободряет меня. Если в ней водится хотя бы один

из сотен кобольдов фернейского старца, то я буду доволен и этим. Когда она будет закончена вполне, я хотел бы услышать Ваше мнение об ее замысле и исполнении.

Вторая половина «Сказки» и окончание шестой книги романа — вот мои работы на ближайшее время. Когда Вам нужна «Сказка»?

Пусть Ваша первая вылазка в сферу поэзии после столь долгого перерыва послужит Вам ко благу. Но Вы могли бы хоть на некоторое время дать себе отдых!

Кланяйтесь Вашей милой жене и любите меня по-прежнему.

Г.

Веймар, 7 сентября 1795 года.

98. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 9 сентября 1795 года

Мы поздравляем Вас с возвращением в Веймар. Почему я не могу разделить с Вами эти маленькие перемены, укрепляющие тело и душу!

«Сказка» может теперь появиться только в десятом номере «Ор», так как за время ожидания Вашего ответа мне пришлось отослать для девятого номера лучшие из моих готовых работ¹. Однако для десятого номера она еще более необходима, поскольку тут я не усматриваю блистательных перспектив. Если Вы все-таки хотите печатать ее по частям, то окончание может последовать в одиннадцатом номере. Но я всегда был противником разделения там, где этого можно избежать каким-либо образом, потому что необходимо постоянно приучать публику воспринимать предмет как некое целое и на основании этого судить о нем.

Когда шестая книга «Мейстера» будет закончена, подумайте, прошу Вас, о чем-нибудь таком, что можно было бы поместить в одном из последних номеров «Ор». Мы должны стараться теперь идти на всех парусах, так как я знаю из многих источников, а также из писем Котты, что у нас не может быть особой уверенности относительно того, сумеем ли мы сохранить на будущий год нынешнее число подписчиков.

Для девятого номера я добросовестно сделал все, что мог. Я поместил в нем все те мои большие и малые стихотворения, которые не были безусловно необходимы для

альманаха, так что в номере этом теперь, на удивление публики, семнадцать произведений. Оглавление я пришлю Вам ².

За время Вашего отсутствия я чередовал прозаические и поэтические работы. Одна из начатых статей, «О наивном» ³, обещает, по-видимому, быть удачной; по крайней мере тема получает развитие, и я чувствую, что напал на некоторые чрезвычайно удачные следы.

Надеюсь, что мы скоро увидим Вас. Моя жена шлет Вам поклон.

Ш.

99. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 13 сентября 1795 года

Всего лишь слабая попытка подать признаки жизни. Я просто не могу привыкнуть к тому, чтобы неделю ничего не сообщать Вам и ничего от Вас не слышать.

Вообще же у меня здесь все по-старому — как в хорошем, так и в дурном. Из комнаты мне все еще нельзя выходить, однако благодаря этому работы мои движутся своим чередом. *Вы*, полагаю, заняты теперь тем, что напутствуете Мейера, отъезд которого, по-видимому, близок. Передайте ему мои наилучшие пожелания.

Мне хотелось бы знать, не под Виченцей ли находится местность, где проложен красивый мост с одним пролетом (через Эч, я полагаю). Черкните мне словечко об этом. Мост этот нужен мне для одного гексаметра ¹.

Если бы *Вы* решились еще раз пожертвовать что-нибудь для трех последних номеров «*Ор*» — дюжину эпиграмм или других поэтических мелочей в том же роде! Я буду просить об этом и Гердера, да и сам попытаюсь выудить несколько идей на этот счет. Подобные мелочи без особых усилий позволяют увеличить число произведений, радуют любого читателя и красуются в оглавлении наравне с сочинениями большего размера. Благодаря этому мне удалось достичь того, что в оглавлении девятого номера значится 17 названий.

В последнем номере «Современного архива» помещен ответ на Вашу статью «Литературное санкюлотство» ². Я еще не читал его; я лишь видел заметку об этом в «Гамбургской газете». Если *Вы* вскорости получите в Веймаре этот номер, то будьте так добры одолжить его мне.

Альманах еще не готов; как раз теперь он печатается.

Гумбольдт должен вернуться сюда через три недели, если ничто не помешает.

Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания. Не будьте слишком прилежны и не оставайтесь слишком долго вдали от Иены.

Ш.

Девятый номер:

1. «Царство теней»³.
2. «К истории изобразительного искусства нового времени»⁴.
3. «Беседы». Продолжение⁵.
4. «Гимн к Аполлону»⁶.
5. «Шварцбург». Стихотворение мадам Мери.
6. «Гомер» Гердера⁷.
7. «Природа и школа»⁸, мое.
8. «Статуя под покрывалом»⁹, item*.
9. «О необходимых пределах прекрасного, в особенности при изложении философских истин»¹⁰. Моя статья.
10. «Немецкая верность».
11. «Исправителю мира».
12. «Античное произведение — страннику».
13. «Философствующий эгоист».
14. «Высшее».
15. «Мудрость и ум».
16. «Илиада».
17. «Бессмертие».

} Мои стихотворения¹¹.

100. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я не писал Вам эти дни, потому что намеревался посетить Вас; однако мне это не удалось. Мейер готовится к отъезду, а к тому же заканчивает тонированный рисунок, на котором изображены три Парки, — вы должны их увидеть. Я желаю ему только здоровья, так как всеми остальными прекрасными дарами он наделен. Это замечательный человек. Что касается меня, то все это время я, как Вы, вероятно, чувствуете, тоже одной ногой был здесь, а другую направлял к Альпам. Я стремился частично обосновать, частично проследить снизу доверху минералогии

* тоже (латин.).

ческую и геологическую базу, первоначальную, развивающуюся и разрушающуюся культуру страны, а вместе с тем прийти к всестороннему взаимопониманию с Мейером, двигаясь сверху, из сферы искусства. И все же это — лишь школьные предварительные упражнения. Да поможет нам добрый гений в созерцании, истинном понимании и в радостной встрече.

Об «Орах» я думаю постоянно и надеюсь сделать для них еще что-нибудь. Да будет Вам дано насладиться хорошей погодой под открытым небом!

Наказанный Терсит¹, как я слышал, корчится самым жалким образом, просит прощения и умоляет, чтобы его только оставили в покое. Я этого номера еще не видел.

Будьте здоровы — и верьте моему предсказанию, что в будущем году число подписчиков на «Оры» скорее увеличится, чем уменьшится.

Г.

Веймар, 14 сентября 1795 года.

101. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я забыл ответить на Ваш вопрос относительно моста, делаю это сейчас. Подле Виченцы нет ни одного примечательного моста в один пролет. Два тамошних моста, построенные Палладио,— в три пролета. И, за исключением Риальто в Венеции, я не припомню в тех краях ни одного моста такого рода.

Кроме «*Pater peccavi*» * литературного санюлота для «Ор» взошла еще одна счастливая звезда: Гентц¹ в своем «Ежемесячнике» делает глубокие реверансы перед «Письмами об эстетическом воспитании». Все это очень кстати, и хорошо было бы подумать над тем, не высказаться ли нам к концу года о некоторых предметах и распространить среди авторов и рецензентов надежду и страх?

Мы посетим Вас в самом скором времени. Будьте так добры прислать мне «Сказку»; она вернется к Вам законченной. Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 16 сентября 1795 года.

* «Грешен, отче» (латин.).

102. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 18 сентября 1795 года

Согласно Вашему желанию посылаю «Сказку». Если я получу ее в течение недели, она вполне успеет в печать.

Сердечно благодарен за утешительные новости об «Орах», которые Вы мне сообщаете. Я тоже надеюсь, что последние номера снова принесут нам удачу. В них как раз есть то, чего недоставало предыдущим, а именно поэзия и проза. Несколько дней тому назад Энгель снова прислал мне сочинение¹ в три с лишним печатных листа очень подходящего для публики содержания: отчасти диалог, отчасти повествование; не шедевр, конечно, но как раз то, что любят наши почтенные читатели. А о том, чтобы что-нибудь получили и те, кто выше подобных даров, Вы, как я твердо и с радостью рассчитываю, еще успеете позаботиться.

«Сказка» обеспечивает десятый номер. Таким образом, дело теперь за одиннадцатым, на котором мы и должны сосредоточить наши усилия. Особенно следует позаботиться о разнообразии.

Не будете ли Вы так добры еще и побудить Гердера пожертвовать для последних номеров какие-нибудь мелочи вроде эпиграмм в антологическом духе и т. п.^{2?}

Гумбольдт сообщает мне из Берлина, что там очень хорошо отзываются о трех последних номерах «Ор»³.

Если Вы получите «Современный архив» и «Ежемесячник» Гентца раньше, чем я, то не откажите в любезности одолжить мне эти замечательные изделия.

Радуюсь тому, что вскоре увижу Вас здесь. Мы оба шлем Вам свои наилучшие пожелания.

Ш.

103. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

«Сказка» закончена и, переписанная наново, предстанет перед Вами в субботу. Очень хорошо, что Вы задержали ее: отчасти потому, что в ней многое еще можно было поправить, отчасти потому, что прежде она была излишне велика. Я особо прошу Вашу милую жену прочесть ее еще раз с самого начала.

В середине будущей недели я надеюсь приехать к Вам вместе с Мейером; его отсутствие будет для меня весьма ощутимым. Если бы мне только удалось зимой побыть некоторое время рядом с Вами!

У меня есть что сказать Вам и о чем спросить, и я надеюсь застать Вас здоровым и преуспевшим в работе. Множество поклонов Гумбольдтам.

Гете

Веймар, 23 сентября 1795 года.

104. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Как я ворочал свою бочку в эти беспокойные дни¹, Вы, дорогой мой, узнаете из прилагаемого. Блаженны те, кто ныне пишут сказки, ибо сказки — à l'ordre du jour*. Ландграф Дармштадтский прибыл с двумястами всадниками в Эйзенах, а тамошние эмигранты грозятся отступить в нашем направлении; курфюрст Ашаффенбургский² ожидается в Эрфурте.

Ах, почему не у реки тот храм?
Ах, почему там не построен мост?³

Однако поскольку мы при всех обстоятельствах остаемся людьми и авторами, я хотел бы, чтобы мое произведение Вам понравилось; я и на этот раз убедился в том, какую значимость приобретает любая мелочь, когда ее разрабатывают в соответствии с законами искусства. Надеюсь, что восемнадцать фигур этой пьесы в качестве стольких же загадок будут приятны всем любителям загадок.

Мейер укладывает вещи, так что мы скоро появимся у Вас; надо надеяться, Вы найдете чем нас попотчевать. Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 26 сентября 1795 года.

105. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

От нашего друга¹, вновь посылающего Вам сердечный поклон, я узнал, что Вы совершенно замуровали себя в своей комнате, чтобы поскорее отправить роман, так как Унгер торопит. Мои наилучшие пожелания Вам в этом предприятии. Я полон нетерпения увидеть эту третью часть всю целиком.

Послезавтра, стало быть, мы снова увидим Вас, чему я искренне радуюсь и на что давно уже надеялся.

* на повестке дня (франц.).

Этой зимой Гумбольдт ни разу не приедет сюда, и я очень огорчен этим.

Привезите же мне, пожалуйста, «Современный архив со знаменитым ответом на Ваше наступление, а также тот номер «Нового Берлинского ежемесячника», в котором содержится похвала в *мой* адрес². Я никак не могу раздобыть их здесь.

Вас ждет здесь ворох стихотворений.

С удовольствием узнал, что Вы позаботились о новом приобретении для «Ор», о котором я заранее высокого мнения³.

«Сказка» доставила нам истинное удовольствие; она, несомненно, понравится всем. Более подробно — при встрече.

Будьте здоровы.

Ш.

Иена, 2 октября 1795 года.

106. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Мое желание вновь увидеться с Вами наталкивалось все это время на какие-то препятствия. Завтра я надеюсь быть у Вас и познакомиться с тем, что Вы успели сделать в этот промежуток.

То, что «Сказка», согласно Вашему вердикту, удалась мне, очень меня радует, и я хотел бы теперь поговорить с Вами обо всем этом жанре и выполнить еще несколько опытов.

Окончание шестой книги моего романа отсылается в понедельник; скоро этот том в отпечатанном виде будет к Вашим услугам. В дальнейшем камень покатится с горы: большая часть уже написана и закончена.

Я велел разыскать требуемые ежемесячники, чтобы, если удастся, захватить их с собой.

Элегии Кнебеля¹ мне понравились; они хороши и полезны во многих отношениях. Быть может, я привезу Вам некоторые из них.

Тысячу раз прощайте.

Г.

[Веймар,] 3 октября 1795 года.

107. ГЁТЕ — ШИЛЛЕРУ

[Веймар, 6 октября 1795 года]

Вместо того чтобы так торопиться вчера с отъездом, мне следовало остаться с Вами; неприятное чувство неудовлетворенности не покидало меня всю дорогу. В столь короткое время затрагивается множество тем, ни одна из которых не доводится до конца; и хотя при этом приходит в движение очень многое, однако завершается и созревает лишь немного.

На обратном пути я думал главным образом о Ваших стихотворениях; они обладают особыми достоинствами и, позволю себе заметить, именно таковы, какими я ожидал их увидеть. Своеобразное сочетание созерцательности и абстрагирования, присущее Вашей натуре, выступает здесь в полном равновесии, и все прочие поэтические добродетели обретают ныне прекрасную упорядоченность. С удовольствием встречусь с этими стихотворениями в печати, буду вновь и вновь наслаждаться ими и делить свое наслаждение с другими. Небольшое стихотворение в форме стансов, адресованных публике¹, могло бы послужить весьма уместным и изящным завершением нынешнего года «Ор».

Я сразу же занялся госпожой де Сталь² и обнаружил, что здесь больше работы, чем я думал; тем не менее, я хочу довести дело до конца, поскольку вся вещь невелика: она даст самое большее пятьдесят пять листов моей рукописи. Первую часть в двадцать один лист Вы вскоре получите. В кратком предисловии к издателю я поясню метод, которого придерживался при переводе. Чтобы избавить Вас от необходимости делать мелкие поправки, я стремился приблизить слова де Сталь к нашему пониманию, а в то же время несколько прояснить французскую неопределенность в соответствии с нашей немецкой манерой. Вы найдете здесь очень много хорошего в частности, но поскольку госпожа де Сталь человек односторонний, а вместе с тем — разумный и честный, то она никак не может столкнуться сама с собой; однако Вы, несомненно, сумеете найти прекрасное применение этой вещи как тексту. Хорошо бы, если Вы в своей работе³ взяли на себя труд изъясняться самым понятным и любезным образом, чтобы ее можно было бы потом послать госпоже де Сталь и положить тем самым начало танцу «Ор» в преображенной Франции.

Веймар, 10 октября 1795 года.

Я продиктовал это несколько дней тому назад, теперь же еще раз прощаюсь с Вами: я уезжаю лишь завтра утром⁴. Произведение госпожи де Сталь Вы получите вскоре, первую половину или все целиком; до чего же эта добрая женщина согласна и в то же время несогласна сама с собой!

Из Франкфурта я сразу же напишу Вам. Желаю всех благ Вам и Вашим близким. Передайте от меня поклон Гумбольдту; из Франкфурта я напишу и ему. Когда выйдет мой роман, Вы получите четыре экземпляра, три из которых предназначены для Гумбольдта, Лодера и профессора Гуфеланда (если только Гумбольдт, как я предполагаю, не взял свой экземпляр в Берлине).

108. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Эйзенах, 13 октября [1795 года]

Я все еще здесь и, вероятно, еще погляжу, как будут развиваться события, прежде чем продолжу свое путешествие.

Австрийцы опять перешли Майн и окружают Франкфурт; быть может, дело уже дошло до сражения между ними и французами. Я бы не хотел ни с того ни с сего ввязываться в подобную кутерьму, тем более что эти милые ситуации мне уже знакомы. Я использовал мое тихое здешнее существование для того, чтобы полностью *перевести* и вместе с тем *переложить* madame де Сталь. Женская манера и французский язык задали мне немало работы, в особенности в том, что касалось сближения ее суждений с нашими, отступлений и вечных «но». Теперь я закончил работу и отдал ее в переписку; скоро Вы ее получите.

Быть может, Вы распорядитесь напечатать это сочинение целиком и дадите Ваши заметки к нему также в виде целой статьи? Но пусть это решат минута и вдохновение. Пишите же мне! Если письмо Ваше, как могу я предположить, уже не застанет меня, то его пошлют мне вслед. Теперь я рассчитываю заняться романом, ибо если только я сам не буду искать поводов отвлекаться, то здесь меня ждет жизнь более уединенная и спокойная, чем дома.

Будьте здоровы. Быть может, я увижу Вас раньше, чем мы надеялись.

Г.

109. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Скоро я вновь увижу Вас, потому что моя поездка во Франкфурт не состоится. Госпожа де Сталь, вероятно, засвидетельствует Вам свое почтение раньше меня; статья скоро будет переписана. Довелось ли Вам говорить с Гумбольдтом относительно квартиры? Было бы очень мило, если бы я смог занять его комнатку, поскольку в замке отнюдь не скоро сотрутся следы пребывания военщины. Все мои чувства и помыслы устремлены теперь к роману, и я не отступлюсь до тех пор, пока не одолею его. Будьте здоровы, не забывайте меня среди своих трудов и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Эйзенах, 16 октября 1795 года.

110. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] 16 октября 1795 года

Если бы я мог предположить, что Вы задержитесь в Эйзенахе, то не стал бы так мешкать с письмом к Вам. В самом деле, мне приятно было узнать, что Вы еще пребываете вдали от свар на Майне. Тень великана легко могла бы потревожить Вас. Меня часто поражает мысль о том, что Вы столь глубоко вовлечены в дела этого мира, а я сижу за своими окнами, оклеенными бумагой, и вижу перед собою тоже одну лишь бумагу, однако при этом мы близки друг другу и способны достичь взаимопонимания.

Ваше письмо из Веймара доставило мне великую радость. У меня на каждый час мужества и веры в себя приходится десять таких, когда я впадаю в уныние и не знаю, что и думать о себе. И тогда подобный взгляд на меня со стороны служит мне истинным утешением. Гердер также написал мне на днях немало отрадных слов о моих стихотворениях¹.

Я убежден теперь, на основании известного опыта, что лишь строгая определенность мыслей ведет к легкости. Прежде я держался противоположного взгляда и опасался жесткости и принужденности. Теперь же я и в самом деле

рад, что не убоюсь тяжкого пути, порой казавшегося мне пагубным для поэтического воображения. Однако подобная деятельность требует, безусловно, большого напряжения, ибо если философ может дать на время отдых своему воображению, а поэт — своей способности к абстрагированию, то мне при создании произведений такого рода необходимо постоянно сохранять обе эти силы в равном напряжении: только так я могу удержать эти два гетерогенных элемента в своеобразном растворе.

С великим нетерпением жду я листов со статьей госпожи де Сталь. Я тоже склонен к тому, чтобы напечатать все целиком в одном номере, если только позволит место. В этом случае мои заметки² пойдут в следующем номере. Тем временем читатель составит свое мнение и с тем большим интересом выслушает мое. К тому же я едва справлюсь с этой работой за тот короткий срок, который остается до выхода одиннадцатого номера, даже если и получу Ваш перевод в ближайший понедельник. Гердер также прислал для одиннадцатого номера статью о грациях³, в которой он пытается восстановить эти поруганные фигуры в их древних правах. Он обещает еще одну статью для двенадцатого номера. Я надеюсь успеть еще к одиннадцатому номеру со статьей «О наивном»⁴, занимающей всего несколько листов и написанной, как мне кажется, очень доступно. В мелких поэтических приправках недостатка тоже нет. Прилагаю к сему несколько моих шуток⁵. «Раздел земли» Вы вполне могли бы прочитать во Франкфурте из окна, выходящего на Цейле⁶, где сама почва приуготовлена к этому. Если эта вещь позабавит Вас, прочтите ее герцогу.

В другом стихотворении я посмеялся над ситуацией, несущей в себе известное противоречие; философия всегда смешна, когда она, не сознавая своей зависимости от опыта, пытается собственными средствами расширить границы познания и установить законы вселенной.

Очень рад тому, что Вы собираетесь вскоре заняться «Мейстером». Я не премину тогда охватить все произведение в целом и постараюсь, если это будет в моих силах, применить здесь новый метод критики в генетическом духе (хотя и не могу еще сказать с полной определенностью, что он вообще возможен).

Мои жена и теща, которая сейчас здесь, шлют Вам свои наилучшие пожелания. У меня уже справлялись, где

Вы теперь находитесь, но я не счел нужным говорить. Если Вы получите вести от нашего итальянского странника, то поделитесь ими, пожалуйста, и со мной. Будьте здоровы.

Ш.

111. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Хотя я и надеюсь вернуться в Веймар уже в среду, тем не менее посылаю Вам вперед статью¹; я даже не успел просмотреть ее после переписки. Кое-где ее еще можно будет подретушировать. Быть может, я приеду к Вам в конце недели, так что мы увидимся раньше, чем я предполагал. До чего же пуста эта рассеянная жизнь; узнаешь только то, чего как раз и не желал бы знать. Очень рад буду снова увидеть Вас.

Г.

Эйзенах, 17 октября 1795 года.

112. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 19 октября 1795 года

Добро пожаловать в Веймар! Очень рад был узнать, что Вы снова находитесь вблизи от меня. А то, что Вы не смогли побывать здесь на прошлой неделе, очень меня огорчило. Из-за хорошей погоды мне было значительно лучше, и я сегодня опять выезжал на прогулку, которая очень хорошо на меня подействовала. Правда, я и не работал несколько дней.

Госпожу де Сталь ожидаю с великим нетерпением.

Вы, по-видимому, не успели получить моего письма, отправленного в Эйзенах в прошлую пятницу, и уехали раньше, чем оно туда прибыло.

Я жду от Гумбольдта ответа относительно квартиры¹. Так как я еще не знаю, имеет ли он по условиям контракта право переуступить свою квартиру, то я затронул весь этот вопрос так деликатно, чтобы он мог без стеснения обойти его молчанием. Я был бы очень рад, если бы Вас удалось устроить здесь со всеми удобствами.

Желаю Вам всяческого успеха в работе над романом. Нисколько не сомневаюсь, что для всего повествования самым лучшим будет теперь, если Вы вживетесь в него, ни для чего другого не отвлекаясь, и если бы Вам удалось закончить последний том за несколько месяцев до того, как он должен пойти в печать, я счел бы это нема-

лым выигрышем для всего романа. Вам предстоит расчитаться по большому счету. Как легко позабыть при этом какую-нибудь малость!

Если Вы сможете отыскать среди своих бумаг мое письмо, которым я начал в прошлом году по возвращении в Иену нашу эстетическую переписку², то будьте так добры прислать его мне. Я собираюсь теперь сделать из него кое-что. Мои жена и теща, которая приехала сюда на несколько недель, передают Вам поклон.

Ш.

113. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 24 октября 1795 года]

С нарочным, который доставит Вам это письмо, посылаю Гердеру корректурный оттиск листка объявлений при «Литературной газете», где помещен чрезвычайно грубый и оскорбительный выпад Вольфа (из Галле) против статьи Гердера в девятом номере «Ор»¹. Я считаю безусловно необходимым, чтобы Гердер ответил где-нибудь на это, и надеюсь, что и Вы сочтете так же. Но, вероятно, Вы найдете, что здесь остается лишь высмеять филистера.

Я был бы очень рад, если бы Вы смогли прочесть это выступление и обсудить его с Гердером до того, как приедете сюда; в таком случае мы смогли бы, вероятно, совместно решить что-нибудь на этот счет.

Быть может, я увижу Вас завтра; это было бы очень хорошо, ибо нам многое нужно сказать друг другу.

Я задержал мою статью «О наивном» до следующего почтового дня, чтобы успеть прочесть ее Вам, если Вы приедете завтра или послезавтра.

Жена и теща передают Вам поклон.

Ш.

114. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Любопытно будет узнать, что несет нам листок объявлений; уже вчера в театре я слышал досужие толки об этом.

Сегодня, дорогой мой, я к Вам не приеду, но надеюсь, что это произойдет в скором времени. Со дня на день я жду появления в моем доме нового гражданина мира¹, и мне, естественно, очень хотелось бы оказать ему радушный прием. Тем временем в замке выветрится дух военщины, и я смогу побыть у Вас несколько дней.

Будьте здоровы, засвидетельствуйте мое почтение дамам и любите меня по-прежнему.

В эти последние дни рассеянной жизни я взялся за свои итальянские тетрадки², начал приводить их в порядок и с великой радостью обнаружил, что при некоторой настойчивости здесь может получиться чудесная вещь.

Нет ли у Вас копии статьи «О наивном»?

Г.

Веймар, 25 октября 1795 года.

Тех листков, о которых Вы спрашивали³, я еще не нашел; однако они, разумеется, лежат где-нибудь недалеко.

115. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 26 октября 1795 года

Заранее поздравляю Вас с новым домочадцем. Пусть это будет девочка, и тогда мы в конце концов сможем еще и породниться.

Позавчера я забыл написать Вам относительно мадам де Сталь. В ее произведении множество мыслей, но поскольку это скорее зарницы, чем ровный дневной свет, то оно просто напрашивается на комментарии. Сообщить ему подлинную гармонию было бы довольно сложно, да и не стоит труда. Однако в частности можно попытаться достичь этого, и я подобрал уже несколько тем, которые и сами по себе достаточно любопытны.

Вы несколько раз употребили выражение «соблазнять» применительно к поэзии¹. Мне бы хотелось знать, чему это соответствует в оригинале и не означает ли это просто «обманывать» (в общем смысле), ибо и в эстетической сфере понятие «соблазнять» имеет дополнительное значение.

Я рад тому, что Вы нашли столь богатые трофеи в своих итальянских записках. Те немногие слова, которые мне довелось услышать от Вас об этих бумагах, постоянно вызвали у меня живейший интерес к ним. Вспомните же и об «Орах» во время своих изысканий и отведите сюда один рукав этого Пактола²!

Жажду узнать, что Вы скажете о выступлении Вольфа, когда прочтете его. Гердер хочет, чтобы по этому поводу высказался только я — и именно как редактор, — поскольку тут затронуты и «Оры»; а так как, на мой взгляд, в подобных случаях не следует хранить полное молчание и с само-

го начала оставлять последнее слово за филистером, то чем совсем молчать, лучше уж я сделаю это.

Я прочитал два новых альманаха муз³, весьма тощих и жалких. Фосс поместил в своем альманахе двадцать девять стихотворений, среди которых Вы напрасно будете искать хотя бы одно хорошее, а большинство их — отвратительно. Я послал их с Гердером⁴.

Будьте здоровы. Надеюсь вскоре вновь получить весть от Вас. Мои передают Вам поклон.

Ш.

116. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я никак не могу прийти в себя после возвращения, так что примите пока рукопись, которую Вы просили¹.

Я, кажется, еще ничего не сказал Вам и о тех стихотворениях, которые Вы прислали мне в Эйзенах. Они очень хороши, в особенности «Удел поэта»², вещь просто превосходная: правдиво, метко и утешительно.

Не пожела ли Вы теперь оглядеться окрест и собрать все то, что писалось против «Ор» в общем и в частностях, чтобы в конце года вынести всему этому краткий приговор? В этом случае можно было бы вывести на сцену и любимца эпохи³. Философский журнал в Галле также, по-видимому, вел себя неподобающим образом⁴. Когда из подобных вещей делаешь вязанку, они лучше горят⁵.

Будьте здоровы и любите меня по-прежнему. Передайте мой поклон Вашей милой жене и ее матушке. Ваша невестка замешкалась в пути.

Гете

Веймар, 28 октября 1795 года.

117. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] воскресенье вечером [1 ноября 1795 года]

С нетерпением жду от Вас новых признаков жизни. Такое ощущение, словно я давно уже не получал от Вас никаких вестей. Домашнее событие, надеюсь, свершилось благополучно.

Мы живем теперь поистине в эпоху междоусобиц. Это подлинная *ecclesia militans** — я имею в виду «Оры». Помимо тех пехотинцев, что состоят под командой у гос-

* воинствующая церковь (латин.).

подина Якоба в Галле, и тех, что вышагивают по приказу господина Манзо¹ в «Библиотеке изящных наук», помимо тяжелой кавалерии Вольфа нам следует ожидать в ближайшем будущем резкой атаки со стороны берлинца Николаи². В десятой части своих «Путешествий» он, кажется, ни о чем почти, кроме «Ор», не говорит и обрушивается на применение кантовской философии, причем без разбора валит в одну кучу все то, что породила эта философия, как хорошее, так и скверное. Однако далеко не ясно, стоит ли вообще отвечать на все эти пошлости. Мне, напротив, приятнее было бы придумать нечто такое, что позволило бы явственно выказать свое полное безразличие ко всему этому. Что же касается Николаи, то мы будем отныне обходиться с ним всюду, где представится случай, — в тексте, примечаниях и так далее — с великим пренебрежением.

Видели ли Вы новые альманахи муз? Они просто ужасны. Будьте здоровы.

Ш.

118. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вместо милой девочки на свет появился наконец слабенький мальчик¹; что ж, пусть одна из моих забот лежит в колыбели. Теперь уж Вам придется позаботиться о девочке для заключения родственных уз и приумножения поэтического семейства. Я теперь скоро приеду; мне действительно необходима одна из тех бесед, которые я веду с Вами, у меня есть много что сказать Вам. Я все еще не на поэтической тропе. Внешние обстоятельства побудили меня вновь обратиться к архитектуре; воспользовавшись этим, я сопоставил некоторые наблюдения, позволяющие с большей легкостью и ясностью выносить суждения о произведениях этого искусства².

От Мейера я получил письмо из Мюнхена с превосходным описанием этого города и еще одно — из Нюрнберга. Я привезу их с собой. Сообщите мне, как Вы себя чувствуете, и не забывайте меня.

Г.

Веймар, 1 ноября 1795 года.

119. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 4 ноября 1795 года

Сердечно поздравляю с новорожденным. Я бы пожелал Вам еще парочку, но это, вероятно, еще придет со временем. Теперь я надеюсь вскоре увидеть Вас здесь — и очень рад этому. Гумбольдту будет очень приятно, если Вам угодно будет располагать его квартирой как своей собственной. Единственное опасение, возникавшее ранее, состояло в том, не станет ли возражать Гельфельд, оговоривший в контракте запрещение субаренды. Но поскольку тут речь идет не о сдаче квартиры внаем, то не будет же он настолько глуп, чтобы ссылаться на контракт. К тому же я располагаю письмом Гумбольдта к нему, которое я пошлю ему, как только Вы приложите к нему коротенькую записку на имя Гельфельда с просьбой выдать ключ. Он проявит полную готовность услужить Вам, если Вы окажете ему эту честь. Разумеется, Вам в этой квартире будет удобнее, чем в замке.

Как покажет Вам прилагаемое письмо доктора Гроса к господину фон Гумбольдту, Ваши элегии нашли большого и весьма авторитетного почитателя и в латинском мире¹. Прилагаю это письмо *in natura*; быть может, Вам угодно будет поспособствовать как-нибудь исполнению желания, высказанного его автором. Мне кажется, я уже кое-что рассказывал Вам о нем; во всяком случае, я с уверенностью могу ручаться, что наш университет сделает в его лице немалое приобретение. В новом поколении мне известно немного людей, обладающих таким здравым смыслом, таким дельным умом и такой обстоятельностью в суждениях. Как юриста его весьма высоко ценили в Геттингене.

С большим нетерпением жду «Мейстера». Умение поторапливаться не принадлежит, по-видимому, к числу достоинств Унгера.

Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания.

Ш.

Вы, надо полагать, действительно получили «Оры» в прошлый понедельник? Восьмой экземпляр, предназначенный для Мейера, я, согласно распоряжению нашего друга, передал фрейлейн фон Имхоф. Книжки плохо выглядят, а я ведь еще подбирал экземпляры для Вас. Котта в свое оправдание ссылается на войну, нарушившую поставку бумаги.

120. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 20 ноября 1795 года ¹

Утрату, понесенную Вами, оплакиваем всем сердцем. Вы можете утешаться только тем, что она произошла так рано и поразила лишь Ваши надежды. Мне трудно было бы примириться с судьбой, если бы меня постигло теперь какое-нибудь несчастье с моим малышом.

Вот уже примерно неделю я чувствую себя вполне сносно и прекрасно использовал эти хорошие дни, чтобы продвинуться в работе над своей статьей.

Шлегель недавно написал мне и прислал кое-что для «Ор» ². Он восхищен «Сказкой»; Гумбольдтам она тоже очень понравилась. Быть может, у Вас найдется время для того, чтобы закончить к январю еще одну сказку? Если бы я получил ее даже *в первых числах* января, то она могла бы еще попасть в первый номер. Для меня это было бы чрезвычайно приятно, так как мы ведь должны начать год как можно лучше, а у меня пока ничего нет для художественного раздела.

О новой части «Мейстера», за которую мы сердечно благодарим Вас, я уже слышал всевозможные отзывы. Все находят, что шестая книга сама по себе чрезвычайно интересна, правдива и прекрасна, однако чувствуют при этом, что она задерживает развитие действия. Разумеется, подобное суждение не обладает эстетической ценностью, ибо при первом чтении (в особенности когда речь идет о прозаическом повествовании) скорее любопытство требует развязки и конца, чем вкус — завершенности.

Вы все еще намерены выдерживать шестую часть в течение года?

Господин фон Зоден прислал мне сегодня ужасающее творение — «Аврора, или Дитя преисподней» ³, жалкое подражание «Блондетте». Великолепная идея — объяснить все волшебство простыми трюками, к которым прибегает возлюбленная героя, чтобы завоевать его. В итоге весь пафос развеивается как дым. Все остальное достойно этой мудрой идеи.

Будьте здоровы, и да пребудут с Вами все музы. Моя жена Вам кланяется.

Ш.

121. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сегодня я получил от Кнебеля двадцать одну элегию Проперция¹. Я тщательно просмотрю их и сообщу переводчику все замеченное; он положил на них столько труда, что не следовало бы менять здесь что-либо без его согласия. Мне хотелось бы, чтобы Вы потребовали от Котты немедленной оплаты этой рукописи, будущий объем которой в печатных листах очень легко рассчитать. Правда, у меня нет непосредственного повода к подобной просьбе, но ведь это сразу же произведет наилучшее впечатление, поощрит к более усердному сотрудничеству и послужит упрочению доброй репутации «Ор». Ведь издателю часто приходится выплачивать авансы — так может же он хотя бы раз заплатить за рукопись при ее получении. Кнебель хочет, чтобы элегии печатались в три приема, и я тоже нахожу, что это правильное соотношение; таким образом, первые три номера «Ор» будущего года могут быть украшены ими. Я позабочусь, чтобы рукопись попала к Вам вовремя.

Вы уже прочитали отвратительное предисловие Штольберга к его Платоновым «Диалогам»²? Премахи, которые он там совершает, настолько пошлы и невыносимы, что на меня напала большая охота вмешаться и пробрать его как следует. Наглядно показать нелепую несостоятельность этих ограниченных людей очень легко, и к тому же разумные читатели окажутся на нашей стороне; это будет означать нечто вроде объявления войны той половинчатости, которую мы начнем отныне тревожить во всех сферах. Тайной борьбой против нас путем умолчаний, передержек и искажений эта половинчатость давно уже заслужила того, чтобы мы теперь воздали должное и ей и впредь уже не оставляли без внимания в течение продолжительного времени.

Начав постепенно приводить в порядок мои научные работы, я особенно ясно вижу как необходимость, так и неизбежность подобной войны. Я собираюсь со всей откровенностью выступить против рецензентов, журналистов, составителей обзоров и компендиев; в каком-нибудь предисловии или послесловии я без обиняков объяснюсь со всей этой публикой, и уж здесь-то я никому не спущу ни упрямства, ни умолчания.

Как Вам нравится, например, что Лихтенберг, с которым я не только состою в переписке, посвященной определенным проблемам оптики, но и вообще нахожусь в до-

вольно сносных отношениях, даже не упомянул о моих опытах в своем новом издании компендия Эркслебена³, хотя компендии и переиздаются-то ради таких новинок, да и вообще эти господа спешат обычно отметить что угодно в своих экземплярах, которые ради этого прокладывают чистыми листами. Сколько есть способов хотя бы мимоходом разделаться с подобными исследованиями, однако этот остроумец в тот момент не смог припомнить ни одного.

Эстетическое и сентиментальное настроения сейчас далеки от меня; как Вы полагаете, насколько может продвинуться при этом мой бедный роман? Тем не менее я использую свое время, как могу, и не теряю надежды, что за отливом последует прилив.

Ваше милое письмо я получил; благодарю Вас за участие, в котором я заранее был уверен. В таких случаях не знаешь, что лучше, — отдаться ли естественному приступу горя или же взять себя в руки, прибегнув к тем средствам, которые предлагает нам культура. Когда выбираешь последнее, как я всегда делаю, то это приносит лишь минутное облегчение, и я заметил, что природа всегда настоит на своем посредством иных кризисов.

Шестая книга моего романа и здесь произвела хорошее впечатление; разумеется, бедный читатель подобных произведений понятия не имеет о том, какова его роль во всем этом деле, ибо ему и в голову не приходит, что он никогда бы не взял такую книгу в руки, если бы автор умел не играть на его умственных способностях, чувствах и любознательности.

Отзывы о моей «Сказке» очень ценны для меня, и я впредь буду с большей уверенностью братья за произведения такого рода.

Последний том романа в любом случае выйдет не ранее Михайлова дня⁴, и было бы очень хорошо, если бы мы сообразовали с этим планы, о которых Вы недавно говорили.

Новая сказка едва ли будет готова в декабре, да я и не решусь перейти к другой сказке, не высказавшись так или иначе относительно истолкования первой⁵. Если мне удастся написать в декабре что-либо изящное в этом роде, то я буду рад еще и такому участию в нашем первом выступлении в новом году.

Будьте здоровы! Пусть нас еще долго радуют наши

близкие и наша дружба. Поближе к Новому году надеюсь вновь провести у Вас некоторое время.

Г.

Веймар, 21 ноября 1795 года.

122. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] 23 ноября 1795 года

С большим любопытством жду работы Кнебеля и не сомневаюсь, что лучшая часть наших читателей будет нам за нее благодарна. Большинству мы, конечно, ею не угодим, это я знаю заранее: его можно привлечь только такими сочинениями, как «Лоренц Штарк»¹. Вы и представить себе не можете, какое всеобщее оживление вызвала эта вещь. Ни об одной не было столько разговоров.

Что же касается аванса за элегии Кнебеля, то я полагаю лишь, что мы не очень обрадуем этим Котту, который именно теперь несколько поостыл в отношении «Ор» из-за участвовавших отказов от подписки. Разумеется, он заплатит, если мы будем настаивать; однако я предпочел бы избавить его сейчас от этого. Не знаю, какова приблизительно должна быть общая сумма, но если она невелика, то я как редактор могу уплатить ее вместо Котты. Быть может, цель окажется достигнутой уже в том случае, если мы заплатим примерно половину гонорара тотчас же, а остаток — на ярмарку? Тогда оплата произойдет все-таки до напечатания *всей* рукописи, ибо я против того, чтобы помещать ее тремя частями в трех номерах подряд, — здесь, на мой взгляд, следовало бы всякий раз пропускать по месяцу. Печатать без перерыва шесть или восемь листов одного автора под одним и тем же названием и к тому же перевод — это покажется слишком однообразным.

Таким образом, если Вы найдете, что задаток примерно в двадцать луидоров, выплаченный *тотчас же*, произведет должный эффект, то сумма эта наготове, и тут мы вовсе не нуждаемся в Котте. Я знаю, что он уже выплатил Фихте шестьдесят луидоров аванса, и бог знает, когда возместит эти издержки. Многие мелкие работы, например Вейсхуна etc., также оплачены им вперед.

Но довольно об этом. Ваше негодование по поводу Штольбергов, Лихтенбергов и прочей компании передалось и мне, и я буду искренне рад, если Вы разделаетесь с

ними. Впрочем, это — *histoire du jour* *. По-иному никогда не было и никогда не будет. Раз Вы написали роман или комедию, то теперь во веки веков обязаны писать романы или комедии. Ничего другого от вас и не ждут, ни о чем другом и слышать не захотят, и если бы знаменитый господин Ньютон дебютировал комедией, то давным-давно пошли прахом не только его оптика, но даже и его астрономия. Если бы Вам вздумалось предать гласности Ваши открытия в сфере оптики под именем профессора Фойгта или другого такого же университетского пусто-звона, то Вы бы услышали немало диковинного. Ожесточение всех этих филистеров вызвано, разумеется, не столько самой новизной идеи, сколько личностью того, от кого эта идея исходит.

Я хотел бы и сам расследовать *delictum* ** Штольберга. Я был бы очень рад, если бы Вы смогли прислать мне книгу на срок до ближайшего почтового дня. Его сомнение сочетается с бездарностью в такой степени, что этот человек вовсе не вызывает у меня сочувствия. Дурачок Йениш из Берлина, который непременно должен во все вмешаться, тоже прочитал рецензии на «Оры» и в первом порыве написал статью обо мне и о моем значении как писателя, которая должна была послужить моей апологией против этих нападок ². По счастью, Гумбольдт получил ее в рукописи от Гентца, в журнале которого она должна была появиться, и успел воспрепятствовать ее напечатанию. И все же я не уверен, что Йениш не напечатает ее в другом месте. Это какое-то особое несчастье — то, что я, имея таких злобных и многочисленных врагов, вынужден более всего опасаться недомыслия одного из друзей и поспешно принуждать к молчанию те немногие голоса, которые раздаются в мою защиту.

Я собираюсь подготовить чрезвычайно обстоятельный разбор Вашего «Мейстера» к августу или сентябрю будущего года ³, когда, я полагаю, он придется вполне à propos ***; последняя часть романа выйдет в свет, по-видимому, к Михайлову дню 96-го или к Пасхе 97-го года. Быть может, в четвертой части найдется какой-нибудь отрывок, которым Вы смогли бы к Пасхе 96-го года, когда

* обычная история (*франц.*).

** преступление (*латин.*).

*** кстати (*франц.*).

публика будет ждать окончания, хотя бы временно удовлетворить ее?

От Аркенхольца я вчера получил, наконец, дельную историческую статью под названием «Собеский», которая должна попасть еще в последний номер «Ор»⁴. Конечно, я многое бы дал за то, чтобы Вы смогли сделать что-нибудь для первого номера второго нашего года. Не пожелали бы Вы, кстати, объявить *войну* в этом номере?

Вы получите от Гердера мою статью о сентиментальных поэтах⁵, из которой Вы до сих пор услышали лишь небольшую часть и которую я вновь прошу Вас прочесть целиком. Надеюсь, она удовлетворит Вас; мне вряд ли когда-либо удавалось сделать нечто лучшее в этом роде. Я думаю, что этот Страшный суд над большей частью немецких поэтов в конце года произведет хорошее впечатление и в особенности заставит задуматься наших уважаемых критиков. Я говорю здесь тоном твердым и независимым, хотя, надеюсь, с должным снисхождением во всех случаях. Мимоходом я *эфлерировал** столько людей, сколько смог, так что невинными из этого столкновения выйдут немногие. Я обстоятельно рассматриваю также вопрос об естественности и ее правах (применительно к жанру элегии), и при этом на долю Виланда достанется небольшая царапина. Но тут я ничего не могу поделать: поскольку многие люди (и Виланд в том числе) никогда не считали нужным сдерживаться, говоря о *моих* промахах, но, напротив, зачастую довольно грубо высказывали мне свое мнение, то я теперь, случайно получив на руки хорошую игру, также не скрываю свое мнение.

Будьте здоровы. Буду рад, если после Нового года нам вновь удастся побыть вместе некоторое время.

Ш.

123. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Незамедлительно отсылаю Вам последнюю пачкотню сиятельного пустомели¹. Место, отмеченное в предисловии, и есть то самое, по которому следует бить, если только нет лучшего занятия. Просто невероятно, до чего невежественны эти люди; в самом деле, кому же неизвест-

* от франц. *effleurer* — кольнуть шпагой, оцарапать.

но, что христиане спокон веков присваивали все разумное и доброе посредством того, что приписывали это логосу. Моя милая христианка² именно так и поступает на стр. 304, и нельзя же осуждать за это столь славное существо.

Прилагаемое письмо принца Августа доставит Вам удовольствие; оно не из худших проявлений его своеобразнейшего нрава.

Попрошу Вас вернуть мне экземпляр романа, предназначенный для Гумбольдта: он уже забрал свой в Берлине.

Я хотел бы также получить обратно словарь Гедериха³ и седьмой номер «Ор» в малом формате.

Вашей статьи я жду с большим нетерпением. То, что я уже знаю из Ваших идей, принесло мне в последнее время немалую пользу в практическом отношении; хотя мы и изобретаем при посредстве сознания лишь немного, однако весьма нуждаемся в сознании, особенно при длительных работах. Кроме того, я не могу упрекнуть ни одного человека в том, что он, получив наконец на руки козыри после долгого невезения, станет их разыгрывать.

Относительно гонорара за новые элегии можно еще поразмыслить. Предложение заплатить 20 луидоров сейчас, а остальное отложить до напечатания я приветствую. Это все же послужит чем-то вроде легкой закуски и произведет хорошее впечатление; во всяком случае, у нас еще есть время до Нового года.

Статья Вейсхуна⁴ в шестом выпуске журнала Нитхаммера мне очень понравилась. Такого рода философствование мне гораздо ближе, чем фиктевское; когда-нибудь мы могли бы прочитать эту статью вместе, так как я хотел бы услышать Ваше мнение относительно некоторых предметов. Суммируя теперь мои физические опыты, я ощущаю, насколько полезным для меня оказалось то, что я гораздо чаще, чем прежде, поглядывал на арену философской борьбы. Вашу статью я получил только что и с радостью прочту ее в ближайшие же спокойные часы. Как только Вы узнаете что-нибудь определенное о подписке на «Оры», напишите мне.

Будьте здоровы.

III.

Веймар, 25 ноября 1795 года.

124. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

С благодарностью возвращаю Вашу статью. Поскольку эта теория столь хорошо обходится со мной, то совершенно естественно, что я одобряю ее принципы и что мне кажутся правильными ее выводы. Однако я отнесся бы к ней с большим недоверием, если бы с самого начала не был полемически настроен против Вашего мнения. Ибо Вам небезызвестно, что из слишком большого пристрастия к древней поэзии я часто бывал несправедлив к новой. Согласившись с Вашим учением, я впервые могу испытывать согласие с самим собой, так как мне больше не нужно порицать себя за те произведения, которые создавались в силу непреодолимого порыва при определенных обстоятельствах; какое приятное ощущение — быть хоть сколько-нибудь довольным собой и своими современниками!

На этих днях я снова взялся за роман, и у меня есть все основания не отступаться от него. Требования, которые читатель вправе предъявить к нему после первых частей, действительно огромны — и по содержанию, и по форме. Мы редко осознаем, насколько велики наши долги, до тех пор, пока наконец не принимаем твердого решения привести наше хозяйство в порядок и оплатить все счета. Но я не падаю духом. Все зависит от умения правильно использовать свое время и настроение. Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 29 ноября 1795 года.

125. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 29 ноября 1795 года

Письмо принца Августа меня позабавило. Для принца он шутит довольно мило.

Не могли бы мы получить через этого принца дозволение перевести для «Ор» повесть Дидро «La Religieuse», помещенную в рукописном журнале и, насколько мне известно, никогда не переводившуюся¹? Из того же журнала был извлечен и «Jacques le Fataliste», перевод которого вышел у Унгера в Берлине. Ничего не могу с собой поделать: при виде принца я сейчас же принимаюсь размышлять, не пригодится ли он на что-нибудь?

Прилагаю седьмой номер «Ор», о котором Вы просили.

На этой неделе жду экземпляров «Альманаха Муз».

Если это удобно, то и я формально вступлю в веймарский журнальный кружок², которому могу предоставить три журнала:

либо «Клио»,

либо «Европейские анналы» Поссельта,

либо «Флору».

Если эти журналы уже имеются и подписку аннулировать нельзя, то я сделаю обычный взнос деньгами.

Тут, кстати, я вспомнил, что должен полкаролина господину - - -усу³ (забыл начальные слоги его фамилии), который вырезал печать для «Ор». Не будете ли Вы так любезны заплатить ему пока что?

Предисловие Штольберга — снова нечто чудовищное. Какая чванливая пошлость, какое самонадеянное бессилие, какое претенциозное, откровенно претенциозное ханжество — восхвалять Иисуса Христа даже и в предисловии к Платону!

Целую вечность ничего не слышал о Якоби, хотя он из вежливости должен был бы все же сказать мне что-нибудь о моих стихотворениях, которые я послал ему, притом по его же просьбе.

Если Вы не отправили еще моей статьи с сегодняшней почтой, то будьте так добры отдать ее на почту во вторник, если, разумеется, она Вам больше не нужна. Я хочу послать ее Гумбольдту. С большим нетерпением жду Вашего отзыва о ней. Когда я думаю теперь, насколько далеко я отважился здесь продвинуться вперед без руководителя, опираясь исключительно на те принципы, которые обусловлены всей моей системой в целом, то меня очень радует плодотворность этих принципов, и я жду от них еще большего в дальнейшем.

Завершающая часть статьи, которая закончена только теперь и посвящена *идиллиям*, еще не переписана. Вы получите ее завтра или послезавтра. Добавление к статье выйдет в январе под названием «О пошлости и натянутости»⁴ (два подводных камня для наивного и сентиментального). Тут я собираюсь устроить небольшую заячью травлю в нашей литературе и особо попотчевать некоторых наших добрых друзей вроде Николаи и компании.

Будьте здоровы.

Ш.

126. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Прилагаю «Оры», которые на сей раз очень заставили себя ждать. Вам причитается еще два экземпляра. Котта, у которого голова, должно быть, идет кругом, прислал мне на целых семь экземпляров меньше, чем следует, причем все экземпляры на почтовой бумаге, присланные им, очень плохи. Утешаюсь только тем, что в новом году бумага будет лучше.

Я давно уже не получал от Вас писем и сам давно не писал. Скверная погода так угнетала меня, что я вынужден был обратить ночь в день и день в ночь. Мне и теперь не лучше, и работа продвигается медленно. Но зато она становится тем временем более значительной, и я надеюсь начать новый год довольно интересной статьей, если только мне удастся до тех пор закончить ее.

Если бы в первом номере нового года могло появиться и одно из созданий Вашего духа! Статью госпожи де Сталь мне придется отложить до второго номера, для разнообразия, поскольку и она целиком посвящена поэтам и поэтическим теориям.

«Альманах Муз» прилагает к сему маленький эпиграмматический гонорар. Его не хватит на возмещение цехинов, потраченных ради этих эпиграмм. Но отнесите остальное на счет прекрасных Беттин и других «лацерт»¹. Что касается экземпляров, то этот глупец Михаэлис еще не прислал мне ни одного.

Здесь говорят, что Иффланд приедет на будущей неделе в Веймар². Вот подлинное торжество Талии и Мельпомены. Не привезете ли Вы как-нибудь его и сюда? Я был бы рад возможности повидать старого знакомого.

Моя жена сердечно Вам кланяется. Будьте здоровы и деятельны.

Ш.

Иена, 8 декабря 1795 года.

Черкните, прошу Вас, два слова на отдельном листке относительно получения денег (для Михаэлиса).

Экстренная почта возвращает мне пакет и отказывается принимать его из-за денежного вложения. Так как тяжелая почта отходит только в понедельник, то я пока что посылаю «Оры». Что за жалкие почтовые учреждения!

127. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вы найдете на прилагаемом листке сведения о журналах; если Вы теперь условитесь обо всем необходимом с посылными, то будете получать номера регулярно.

Прилагаю здесь и мои элегии¹; хотелось бы, чтобы Вы остались довольны ими. Напоследок еще в них были сделаны всевозможные исправления, но если собственные вещи и удастся изредка завершить, то с переводными этого никогда не добиться. Если у Вас будут еще какие-нибудь замечания, сообщите о них, пожалуйста. Было бы хорошо, если бы все эти пьесы могли появиться в одном номере, ведь в совокупности они составят не более полутора листов; что касается остальных, они постепенно будут доставляться Вам.

Кстати, как обстоит дело с запасом на ближайшие три месяца и что слышно относительно новой подписки?

Когда Вы получите обратно статью о сентиментальных поэтах, я хотел бы еще раз прочитать ее; у меня есть некоторые сомнения по поводу ее конца, а когда слышишь предостережения духа, то по меньшей мере не следует умалчивать об этом. Поскольку целое задумано и вполне необычайно широко, то окончание показалось мне при ближайшем рассмотрении слишком узким и острым, а так как острие это приходится как раз между мною и одним моим старым другом², то у меня здесь и в самом деле возникли некоторые опасения. Впрочем, об этом при встрече. Пока же простимся.

Г.

Веймар, 9 декабря 1795 года.

128. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 13 декабря 1795 года

Моя статья о сентиментальных поэтах, которую я дважды отдавал в переписку, вот уже три недели как отправлена в печать; однако Вы можете не беспокоиться из-за ее окончания. Вы читали только то, что было тогда готово; но ведь к этому прибавилось еще восемь страниц, посвященных идиллии, причем этим и завершается статья в двенадцатом номере журнала. А настоящее окончание последует лишь в первом номере нового года. Таким образом, речь о Вас и о Виланде идет еще в *широкой* части, и я полагаю, что, когда статья будет по-настоящему закончена, общее впечатление и интерес к предмету устра-

нят всякие подозрения относительно каких-либо личных соображений.

Возвращаю элегии вместе с моими замечаниями. Я намеренно отнесся к делу со всей строгостью, ибо от перевода требуется, и не без основания, бóльшая точность в мелочах, чем от оригинального произведения, а к тому же на нас ополчаются Фоссовы ригористы¹. Так как эту партию я могу отправить только через неделю, то время на исправление мелочей еще есть, если Вы захотите воспользоваться моими замечаниями.

Вообще же я в высшей степени доволен переводом. Он совершенно проникнут духом автора и, если не считать некоторых шероховатостей, необыкновенно легок и непринужден.

Прилагаю деньги, которые мне не удалось отправить в прошлый раз. Двадцать луидоров за Проперция я пришлю к Новому году.

Будьте здоровы.

III.

129. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Чрезвычайно благодарен Вам за все присланное; расписка в получении прилагается. По-видимому, поскольку мы, поэты, были обойдены при разделе Земли¹, то и получили взамен важную привилегию — нам платят за наши глупости.

Стихотворение, на которое я здесь намекаю, имеет большой успех, и публика просто сгорает от любопытства, кто же его сочинил.

Впрочем, «Собачья почта»² — вот то произведение, на которое изливает избыток своих похвал самая изысканная наша публика; хотелось бы, чтобы это доставило некоторое удовольствие бедняге из Хофа в эти грустные зимние дни.

Если *та статья* не завершается замечанием, вызвавшим мои опасения, то в итоге впечатление от него будет не столь сильным, а мы посмотрим, что из всего этого выйдет.

Видели ли Вы прилагаемый гимн, которым Вас почтили³? Я на всякий случай велел переписать его. Отсюда следует также, что и в литературных делах должно подражать тому сеятелю, который сеял, нимало не заботясь о том, куда падет зерно⁴.

Замечания к элегиям мы используем, насколько позволит время. Но когда имеешь дело с таким причудливым языком, как немецкий, то, конечно, всегда остается желание улучшить что-либо.

Я охотно сделал бы что-нибудь для январского номера, однако роман, к великой моей радости, отнимает у меня теперь все время. Последний его том непременно должен был сложиться сам собой, иначе он вообще никогда не был бы закончен; теперь же обработка его настоятельно призывает меня,— давно уже принесенные и сваленные в кучу вязанки дров начинают наконец пылать.

Не советуя откладывать статью де Сталь дольше, чем до февраля, так как к пасхе она, по-видимому, появится в переводе вместе с другими прозаическими произведениями того же автора⁵. Французские издания статьи уже начали распространяться в Германии.

Быть может, мне удастся закончить к марту ту, вторую сказку, набросок которой я читал Вам, и, сопроводив ее кратким вступлением, отделаться тем самым от необходимости истолковывать первую. Из прилагаемого письма принца Вы увидите, что первая произвела некоторое впечатление.

Было бы очень хорошо, если бы можно было воспользоваться «Religieuse» для «Op». Разрешение на это Вам лучше было бы получить через Гердера; самому мне не хотелось бы испрашивать его, так как в этом случае мне могли бы напомнить о переделке истории с Клерон.

Иффланд приедет отнюдь не так скоро; победители заставили их играть в Мангейме. Он надеется быть здесь к Пасхе или после нее.

Я готовлюсь к поездке к Вам на Новый год; мне не терпится хотя бы раз пробежать с Вами весь круг Ваших теоретических работ и тем самым придать себе новые силы для работ, которые мне предстоят. Ваши принципы и выводы тем более дороги мне, что они упрочивают наши отношения и сулят дальнейший рост нашего взаимопонимания; ибо, к сожалению, людей чаще всего разделяют не сами вещи, а мнения о них,— горестные примеры тому мы каждодневно можем наблюдать в Веймаре.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене. Рисование, надеюсь, продвигается понемногу⁶?

Г.

Веймар, 15 декабря 1795 года.

130. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 17 декабря 1795 года

Как завидно мне Ваше нынешнее поэтическое настроение, позволяющее Вам полностью вжиться в Ваш роман! Я давно уже не чувствовал себя так прозаически, как в эти дни, и пора мне на время закрыть свою философскую лавочку. Сердце томится по какому-нибудь осязаемому предмету.

Как прекрасно, что проницательный принц прямо-таки зубами вгрызся в мистический смысл «Сказки»! Надеюсь, Вы потомите его некоторое время — впрочем, он все равно не поверит даже собственным Вашим заверениям в том, что у него не столь уж хорошее чутье.

То, что в Веймаре свирепствует теперь «Собачья почта», кажется мне просто поразительным в психологическом отношении; ведь даже и во сне не могло бы присниться, что один и тот же вкус способен одобрить вещи столь разнородные, как это творение и «Клару дю Плесси»¹. Мне было бы очень трудно указать другой такой пример бесхарактерности всего общества.

Стихотворение, которое Вы так любезно велели списать для меня, было прислано мне автором в рукописи прошлым летом. Радуюсь, что здесь и там видны ростки и всходы, и мне приятно это публичное выступление как раз в тот момент, когда оно изрядно разозлит наших противников.

Котта, который написал мне несколько дней назад, еще ничего не может сказать о новой подписке. Но из того, что отказов пока нет, я все же делаю довольно благоприятные выводы.

Постараюсь склонить Гердера к тому, чтобы он перевел «La Religieuse». Статью де Сталь я помещу не позднее февраля. Публиковать перевод в первом же номере, где уже есть перевод поэтического произведения, — такого нам эти господа тоже не простили бы.

Будьте здоровы. Моя жена сердечно благодарит Вас за внимание. Рисунков сделано не так уж много.

Ш.

131. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Работая над элегиями, которые при сем возвращаются к Вам, мы воспользовались, насколько это было возможно, Вашими доброжелательными, обоснованными замечания-

ми; подобный путь, несомненно, позволяет работам такого рода все более и более приближаться к совершенству.

В эти дни я читал и изучал превосходного «Господина Штарка» в надежде чему-нибудь поучиться у нашего уважаемого коллеги¹. Не могу сказать, что я приобрел очень много. Вначале, действительно, тут создается некая иллюзия, способная прельстить нас, однако конечный результат слишком уж невелик.

Зато в новеллах Сервантеса² я обрел истинное сокровище как занимательности, так и поучительности. Отраднo, когда и ты сам можешь признать то, что является признанным благом,— и какую опору обретаешь в продвижении по избранному тобой пути, когда видишь работы, созданные в соответствии с теми принципами, которыми руководствуешься и ты сам в меру своих сил в своем кругу.

Будьте здоровы. Вскоре напишу более обстоятельно.

Г.

Веймар, 17 декабря 1795 года.

132. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 23 декабря 1795 года

Сердечно благодарю за элегии. Не думаю, чтобы теперь в них осталось нечто такое, что дало бы повод критикам ополчаться из-за мелких промахов против прекрасного духа целого.

«Лоренц Штарк», как сообщил мне Гумбольдт, задуман был вначале как комедия и лишь в силу случая вылился в прозаическую форму¹. Довольно легкий тон позволяет этому произведению зарекомендовать себя с хорошей стороны, но это скорее легкость пустоты, чем легкость красоты. Для таких мыслителей, как господин Энгель, пошлость особенно опасна там, где они стремятся быть правдивыми и наивными. Однако божественная пошлость — это и есть их рекомендательные письма!

Видели ли Вы уже прекрасные картины Зейферсдорфской долины с описаниями господина Беккера (из Дрездена)²? Вам как великому любителю садов и сентиментальных творений рекомендую это произведение. Наряду с сочинением Ракница³ оно заслуживает достойного упоминания в «Орах» — при случае.

Гердер отсылает меня с «La Religieuse» назад к Вам; кроме того, он полагает, что она либо уже переведена,

либо выйдет на пасху вместе с другими повестями Дидро ⁴. Таким образом, предприятие это, как видно, твердого успеха нам не сулит.

Да продлит Вам и далее небо то доброе расположение духа, которое необходимо для завершения романа. Я с необычайным нетерпением жду развязки и радуюсь возможности протудировать все произведение в целом.

Успех, который, по-видимому, сопутствует стихотвореньицу «Раздел Земли», следует отнести и на Ваш счет, ибо я от многих уже слышал, что его приписывают Вам. Иные, напротив, приписывают *мне* «Литературное санкюлотство».

Относительно ожидаемой рецензии господина Шютца на «Оры» я слышал вчера, что таковая и в самом деле готовится и что мы увидим ее через несколько недель. Сомнительно, чтобы я смог прочесть ее еще в рукописи, поскольку с некоторых пор меньше общаюсь с Шютцем. Тем не менее он поручил младшему Шлегелю прорецензировать поэтический раздел «Ор», а также «Беседы» и т. п., и тот, согласно его сегодняшнему письму ко мне, уже отослал свою рецензию Шютцу ⁵. Если он ничего не напутает в этой работе, некоторую пользу она, на мой взгляд, принесет.

Мы шлем Вам свои наилучшие пожелания к рождеству. Если бы Вы смогли провести его у нас! Будьте здоровы.

Ш.

133. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

С нетерпением жду Нового года и стараюсь покончить со всякими мелкими делами, чтобы снова провести у Вас некоторое время в качестве свободного человека. Мне только хотелось бы застать Вас здоровым и поэтически деятельным, ибо это в конце концов наилучшее душевное состояние, которое господь бог пожелал даровать человеку. Мой роман неустанно движется теперь к концу, чему я очень рад, так как он живет собственной жизнью вопреки всем помехам.

Помимо этого мне многое хотелось бы сообщить Вам. Прилагаю, например, истолкование персонажей «Сказки», принадлежащее нашей приятельнице Шарлотте ¹. Пришлите мне поскорей другое истолкование, которое я мог бы показать ей.

На днях мне пришла в голову идея написать эпиграммы на все журналы — каждую в виде отдельного дистиха, наподобие ксенийев Марциала; мы могли бы развить эту идею и поместить такое собрание в Вашем «Альманахе Муз» на будущий год². Нужно только написать побольше, а затем отобрать лучшее. Посылаю Вам парочку на пробу³.

То, что Котта не желает высказаться относительно подписки на «Оры», мне не очень нравится; повсюду, как я слышу, говорят о том, что подписка увеличилась. Появится ли сей благородный Сосия⁴ со своим золотом и серебром на Крещение? Ладана и мирры мы от него не потребуем.

На днях я получил сочинение отца Кастея⁵ «Optique des Couleurs», 1740; этот пылкий француз просто осчастливил меня. Я могу опубликовать большие выдержки из этого труда и продемонстрировать всему этому стаду, что сведения о подлинном положении вещей были обнаружены во Франции уже в 1739 году, однако и тогда их постарались замолчать.

Я наскоро набросал несколько вариантов истолкования; если еще и Вы увеличите их число, то можно надеяться, что благодаря этим толкованиям получится бесконечная путаница.

Ксении — в скором времени.

Г.

[Веймар,] 23 декабря 1795 года.

МВ. Варианты, подчеркнутые красным, принадлежат мне.

134. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] 25 декабря 1795 года

Прилагаю небольшой вклад в интерпретацию «Сказки»¹. Он довольно скуден, ибо Вы успели опередить меня, сделав лучший. В подобных случаях никакая фантазия не в состоянии измыслить то, что может взбрести в голову публике, и я уверен, что уже имеющиеся налицо толкования превзойдут все мыслимое.

Ваши слова об увеличении подписки на «Оры» поразили меня; но это, должно быть, лишь частный случай, так как не подлежит никакому сомнению, что после ужасных воплей и жалоб множества книгопродавцев (таких,

например, как Унгер из Берлина) число подписчиков должно в общем уменьшиться. На искренность Котты мы можем положиться с полной уверенностью — по крайней мере до известного предела. Он скорее тщеславен, чем корыстолюбив, и слишком боится, как бы не остыл мой пыл, чтобы утаивать от меня то, что может поддержать его.

Что же касается выплаты денег, то Вы забыли, что платежи условлено производить во время пасхальных ярмарок. За несколько дней до третьего воскресенья по пасхе Котта является с большим кошельком на поясе (причем это должно произойти столь же непреложно, как «наперед вычисленное солнечное затмение»²) и выплачивает гонорары за весь год. Прежде я не очень верил в то, что он может производить большие платежи разом, поскольку он сразу соглашается на поставленные условия — так, словно ему безразлично, будет ли он готов уплатить в нужный момент или нет.

Только что получил от Вольтмана трагедию и оперетту, самолично им изготовленные³. Я еще не проглядел их, но к Вашему приезду у меня, надеюсь, будет что сказать об этих вещах.

Через десять-двенадцать дней Вы прочтете в «Литературной газете» рецензию на «Оры». Поэтический раздел рецензировал, к счастью, Шлегель, а не Шютц. Последний оставил за собой лишь философию и историю.

Будьте здоровы.

Шиллер

135. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Произведения, подобные тем нескольким, что приложены к сему, не должны оставаться неизвестными для Вас; быть может, они еще не попадались Вам. «Театральный календарь» попрошу вернуть мне поскорее¹.

Сотня таких ксений, как посылаемая дюжина², позволит нам приятнейшим образом засвидетельствовать свое почтение как публике, так и нашим коллегам.

Очень хорошо, что рецензия на поэтический раздел «Ор» попала в руки человека нового поколения; со старым мы, разумеется, никогда не найдем общего языка. Быть может, я прочту рецензию у Вас, потому что собираюсь выехать отсюда третьего января, если позволят обстоятельства.

То, что нас путают в наших произведениях, очень меня радует; это показывает, что мы постепенно избавляемся от манерности и подходим к лучшему в его обобщенной форме. И тут стоит задуматься над тем, какой дивный простор окажется в нашей власти, если одну руку мы протянем друг другу для рукопожатия, а другую прострим так далеко, насколько это позволит природа.

Благодарю Вас за вклад в истолкование «Сказки»; разумеется, мы обождем немного. Я все же надеюсь на какой-либо благоприятный поворот в «Беседах», чтобы пошутить на сей счет.

Дай-то бог, чтобы трагедия Вольтмана оказалась приемлемой! Я тотчас же велю ее поставить. Все хотят писать, все пишут, а мы в театре терпим жесточайшую нужду.

Изображение Зейферсдорфского чудища мне известно; Вы же, вероятно, знаете и ту ведьму³, которая обитает в той местности и которая так ее изукрасила. История о том, как там принимали и угощали Виланда летом 1794 года, могла бы стать превосходной повестью, если бы он записал ее так, как рассказывает.

Котту, стало быть, мы ожидаем к третьему воскресенью по пасхе; я и в самом деле забыл, что именно этот срок был установлен.

Будьте здоровы. Я стараюсь избавиться от всего, что может удержать меня здесь или отвлечь, чтобы вновь провести несколько хороших дней вблизи от Вас.

Г.

Веймар, 26 декабря 1795 года.

136. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] 29 декабря 1795 года

Идея относительно ксений великолепна и должна быть осуществлена. Те, что прислали Вы сегодня, очень позабавили меня, в особенности «Боги и богини». Такие названия сами способствуют успеху. Я полагаю, однако, что если мы намерены изготовить целую сотню ксений, то нам следует атаковать и отдельные произведения, и какой богатый материал кроется здесь! Если только мы не станем беречься, то при этом можно будет посягнуть и на чистых и на нечистых! Какой материал даруют нам штольберговская шайка¹, Ракниц, Рамдор и метафизический мир с его Я и Не-Я и любезный Николай, заклятый

наш враг, лейпцигская эстетическая харчевня², Тюммель, Гёшен³ в качестве его конюшего и т. п.!

Вчера я получил отпечатанные листы «Сентиментальных поэтов»; таким образом, упоминание об этой статье еще может попасть в большую рецензию в «Литературной газете». Я говорил с Шютцем уже после того, как он прочел статью, и хотя он почти ничего в ней не понял, однако испугался меньше, чем я ожидал; я дал ему понять, что не собираюсь влиять на его отзыв, однако любое явное возражение против моих суждений неизбежно вынудит меня к ответу, подкрепленному доводами, и тут авторы, которых он пожелал бы защитить, легко могут оказаться в затруднительном положении. Поэтому он лишь едва коснется ее.

Рецензия будет очень велика, поскольку один только поэтический раздел ее должен занять газетный лист с лишним. Кое-что там делаю и я, мне поручен отзыв о статье Аркенхольца⁴ в последнем номере, иначе Шютц не справится к сроку. Таким образом, рецензия будет настоящей курткой арлекина. Но до 6-го числа ничего из нее в печати не появится.

Трагедия Вольтмана бездарна и ни с какой стороны не пригодна. Вещь, лишенная своеобразия, правдоподобия и какой бы то ни было естественности. Оперетта кажется еще более или менее сносной, но и то лишь в сравнении с трагедией.

Читали ли Вы «Зономию», изданную неким надворным советником Брандисом⁵? Там, в его статье, с большим уважением говорится о «Метаморфозе». Забавно, однако, что поскольку на книге стоит Ваше имя, а Вы писали романы и трагедии, то о последнем непременно нужно было упомянуть. «Еще одно доказательство,— замечает наш добрый приятель,— насколько благотворно влияет поэтический дух и на поиск научной истины».

Ваше скорое прибытие чрезвычайно радует меня. Мы с Вами снова переговорим обо всем как следует. Вы, надеюсь, захватите с собой Ваше нынешнее «вязанье», Ваш роман? И да будет нашим девизом: *nulla dies sine epigrammate* *.

Вы говорите о великой скудости в театральном мире. А не приходила ли Вам в голову мысль испробовать

* ни дня без эпиграммы (латин.).

на современной сцене какую-нибудь пьесу Теренция? Лет тридцать назад некий Романус хорошо переработал «Adelphi» — так по крайней мере свидетельствует Лессинг⁶. И в самом деле, стоит попробовать. С недавних пор я снова стал больше читать древних латинян, и первым попался мне в руки Теренций. Я перевожу жене «Adelphi» с листа, и тот живой интерес, который мы при этом испытываем, позволяет мне надеяться на общее благоприятное впечатление у публики. Именно эту пьесу отличают чудесная правдивость и естественность, стремительная живость, точно очерченные с самого начала характеры и необыкновенно приятный юмор.

В «Театральном календаре» чудовищное множество имен и ничтожно малое количество сведений. Я-то, впрочем, еще благополучно отделался, но в какое общество тут попадаешь⁷! Зато Вам великодушно приписали какого-то «Юлия Цезаря», так что публика будет числить Вас своим должником.

Где только не пишет наш друг Бёттигер!

Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам сердечный поклон.

Ш.

137. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Очень рад тому, что ксении приняты с одобрением, и всецело присоединяюсь к мнению о том, что нам следует охватить гораздо более широкий круг. Как великолепно будут выглядеть друг подле друга «Харита»¹ и «Иоганн»²! Мы должны метить всю эту мелюзгу в каком угодно порядке, а под конец заняться тщательным отбором. Относительно самих себя мы можем переложить в стихи только то, что говорят о нас глупцы, и спрятаться таким образом за ширму иронии.

Рецензия на «Оры» будет, следовательно, настоящим чудом; наши конкуренты ожидают ее с алчным нетерпением, и, какой бы она ни была, в итоге вновь начнется потасовка.

Я припоминаю то, что говорит Брандис в книге о жизненной силе³ относительно моего «Метаморфоза», но только не то место, которое Вы цитируете; вероятно, он еще раз коснулся этой работы в своем переводе «Зоономии» Дарвина, ибо последний также имел несчастье

приобрести вначале известность как поэт (в английском понимании этого слова).

Лишь крайняя нужда заставила меня возлагать некоторые надежды на упомянутую трагедию. Вчера у нас опять играли отвратительную пьесу Циглера «Варварство и величие»⁴, и при этом рубились так варварски, что один из актеров едва не лишился носа. А как озаглавлена переделка «Братьев»? Я помню ее по давним временам.

Мне очень хочется снова повидать Вас и поработать в тихом замке; моя жизнь за последние четыре недели представляла собой такой *quodlibet* *, в котором сотня всяких дел переплеталась с сотней всяких безделиц, и мой роман тем временем уподобился вязанью, успевшему запачкаться из-за медленной работы. Тем не менее он окончательно созрел в моей голове, а это самое главное.

От Мейера я получил письмо из Рима; он благополучно прибыл туда и, разумеется, чувствует себя как дома. Однако он горько сетует на сотоварищей, которые сидят себе там, дуют каждый в свою дуду и продудели ему все уши. Немец не может уйти от себя, и даже когда он бежит в Рим, ему везде сопутствует пошлость, как англичанину чайник. Мейер надеется вскоре прислать для «Ор» что-нибудь из своих работ, а также из работ Гирта.

Прилагаю письмо Оберейта, вновь весьма примечательное в своем роде; посмотрю, не удастся ли выклянчить что-нибудь у наших повелителей для бедного старика.

Будьте здоровы и любите меня по-прежнему.

Г.

[Веймар, 30 декабря 1795 года.]

138. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Вот экземпляр альманаха для утоления первого голода. Гумбольдт прислал мне сегодня три экземпляра из Берлина; от самого издателя пока еще ничего не поступило, и, полагаю, он заставит нас ждать хороших экземпляров еще несколько недель.

Salve к Новому году!

Ш.

[Иена,] среда вечером [30 декабря 1795 года.]

* что угодно (латин.). Здесь — «пестрая смесь».

139. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Хочу лишь сообщить Вам в двух словах, что у меня наконец-то появилась возможность вырваться отсюда и что я надеюсь явиться к Вам завтра между тремя и четырьмя. Буду очень рад увидеть Вас снова.

Г.

Веймар, 2 января 1796 года.

140. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 17 января 1796 года]

Посылаю при сем четыре экземпляра альманаха и шестьдесят шесть ксений¹. Пока Вы доедете до Веймара с теми, которые уже есть у Вас, их станет около восьмидесяти. Счастливого пути, наши добрые пожелания летят Вам вслед.

Ш.

141. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] 18 января [1796 года]

Мы все-таки были несправедливы к бедняге Михаэлису. Десять доставленных недавно экземпляров предназначались лишь для сотрудников *ad extra*; сегодня наконец прибыла настоящая посылка с экземплярами для Вас, Гердера и меня,— она задержалась в пути на двенадцать дней сверх положенного срока. Поэтому посылаю Вам сейчас еще три экземпляра на атласной бумаге*. Недостающие пока листы с эпиграммами¹ я закажу с сегодняшней же почтой. Если какой-нибудь из плохих экземпляров Вам не нужен, я могу вернуть его издателю.

Всего хорошего.

Ш.

* Два календаря доставит посыльная. Почта их не приняла.

142. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Премного благодарен Вам за прекрасные экземпляры; возвращаю один из более дешевых. Все хорошо отзываются об альманахе, и на него большой спрос.

Эпиграммы еще не переписаны; боюсь, кроме того, что Вы настолько опередите меня, что я не смогу догнать Вас. Следующие две недели я заранее уже могу считать потерянными. Новая опера ¹ потребует еще многих трудов, но зато она будет веселой и поучительной. Будьте здоровы и примите еще тысячу благодарностей за Вашу доброту и любовь ко мне. Постараюсь как можно скорее вновь навестить Вас.

Веймар, 20 января 1796 года

Г.

143. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] 22 января 1796 года

Прилагаю небольшую партию эпиграмм. Тех, что Вам не понравятся, вовсе не отдавайте в переписку. Эти маленькие шутки даются, однако, отнюдь не так легко, как можно было бы думать, ибо в них, в отличие от вещей более протяженных, невозможно использовать некую сюиту мыслей и чувств. Они не позволяют лишиться себя исконного права быть *удачными экспромтами*. Поэтому сомневаюсь, чтобы мне при моей лености удалось бы так опередить Вас, как Вы полагаете, и в особенности потому, что долго тянуть с этим нельзя: я должен приняться за вещи более крупные, предоставив эпиграммам быть делом мгновения. И все-таки пусть каждый почтовый день что-нибудь да приносит; тогда за четыре-пять месяцев мы продвинемся довольно далеко.

Я постоянно получаю подтверждения того, что Ваши эпиграммы в альманахе пользуются большим успехом, и притом у людей, одобрения которых стыдиться не приходится. Весьма отрадно слышать, что альманах смог войти в моду в Веймаре наравне с эмигрантами ¹ и «Собачьей почтой».

Могу ли я обременить Вас маленьким поручением? Мне нужно было бы 63 локтя обоев приятного зеленого цвета и 62 локтя бордюра, в выборе которого я целиком полагаюсь на Ваш вкус и на Вашу теорию цветов. Не будете ли Вы так добры поручить это господину Гернингу и распорядиться, чтобы я получил и то и другое дней через шесть — восемь?

Будьте здоровы. Моя жена передает Вам поклон.

Ш.

144. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ближайшую неделю жизнь моя будет весьма суматошной. Сегодня прибывает дармштадтская герцогская чета, и завтра предстоят куртаг, обед, концерт, ужин и бал. В понедельник — «Дон Жуан»¹. Все прочие дни недели уйдут на репетиции, так как 30-го ставятся «Адвокаты» Иффланда², а 2-го — *новая опера*. Но после этого я должен как можно скорее сосредоточиться вновь и посмотреть, что именно удастся мне выполнить. Между тем восьмая книга романа часто видится мне сквозь все эти чуждые образы, и я надеюсь при первой же возможности завершить и ее.

В последних эпиграммах, которые Вы мне прислали, юмор просто великолепен, и поэтому я велю переписать их все; то, что окажется в конце концов неподходящим для этой компании, отсеется само собой, как чужеродное тело.

Нужные Вам обои, равно как и бордюры, здесь нельзя купить; прилагаю к письму образчики и тех и других из Франкфурта. Кусок обоев — шириной в локоть, длиной в 20 локтей. Таким образом, чтобы получить 63 локтя, Вам нужно будет взять четыре куска, и у Вас еще останется много лишнего. Год назад кусок стоил 1 гульден 20 крейцеров. В куске соответствующего бордюра — 40 локтей, и стоит он три с половиной гульдена; Вам, следовательно, нужно взять два куска. Бордюры эти очень хорошо выглядят на зеленом фоне, но если Вам захочется чего-нибудь поярче, то есть еще красивые розовые бордюры той же ширины. Если Вы поторопитесь вернуть мне образчики, то я смог бы написать во Франкфурт в понедельник вечером, и тогда Вы довольно быстро получили бы все желаемое; гораздо хлопотнее было бы заказывать окраску бумаги здесь, тем более что Экебрехт очень занят декорациями.

Будьте здоровы и наслаждайтесь хорошей погодой.

Г.

Веймар, 23 января 1796 года.

145. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 24 января 1796 года

Для писателя, занятого развязкой романа, тысячью эпиграмм и двумя пространными рассказами итальянского и китайского происхождения¹, у Вас в ближайшие десять дней достаточно много развлечений. Однако то, что отнимает у Вас время, дает Вам зато материал, и поэтому в

конечном счете Вы получаете больше моего, так как мне приходится высасывать свои сюжеты из пальца. Однако сегодня и у меня будет развлечение: приезжает Шарлотта фон Кальб.

Мне очень жаль, что мои дела с обоями обойдутся Вам больше, чем в пару слов. Но раз уж Вы были столь любезны, что согласились позаботиться об украшении моего горизонта, то я попрошу Вас выписать мне из Франкфурта четыре куска зеленых обоев и два куска розового бордюра (если в них тоже по 40 локтей). Я предпочел розовый бордюр из-за его живости по сравнению с присланным образцом.

Вольтман вчера просидел у меня три часа, и мне удалось добиться того, что о его двух пьесах² не было сказано ни слова. Он, впрочем, был весьма любезен и щедр на похвалы Вашим и моим работам и тем не менее не пробудил во мне и искры милосердия к его пьесам.

Будьте здоровы. Прилагаю к сему еще несколько ксениев, чтобы не нарушать заведенного обычая.

Шиллер

146. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я еще не подготовил полное собрание наших маленьких стихотворений; посылаю пока что мой взнос за эту неделю. Если мы хотим достичь предусмотренного числа эпиграмм, то должны будем коснуться и некоторых близких нам тем — ведь от избытка уста глаголят, да и к тому же здесь кроется великолепная возможность вынести все эти вопросы из ученых кабинетов и мира рецензентов на обсуждение широкой публики, благодаря чему тот или иной человек неизбежно проникнется интересом там, где в противном случае он прошел бы мимо.

Эти дни становятся для меня чересчур уж суматошными; вечно берешь на себя больше, чем в состоянии выполнить. Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 27 января 1796 года.

147. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 27 января 1796 года]

Вы приятно удивили меня обилием присланных ксениев. Хотя в тех, где речь идет о Ньютоне, Вас можно узнать

уже по содержанию, однако это не имеет никакого значения в таком ученом споре, в котором, по сути дела, не затронут никто из ныне живущих. Отчеркнутые ксении понравились нам больше всего.

Позаботьтесь о том, чтобы почтить несколькими ксениями нашего *soi-disant* * друга Рейхардта ¹. Я только что прочитал в его журнале «Германия», издаваемом Унгером, рецензию на «Оры», в которой он резко отрещивается от «Бесед» и некоторых других сочинений ². Статьи Фихте ³ и Вольтмана ⁴ даны в обширных выдержках и объявлены образцовыми. Пятый номер (самый неудачный из всех) представлен как *самый интересный*; стихотворения Фосса ⁵, «Родосский гений» Гумбольдта ⁶ превознесены сверх меры — ну и еще какой-то вздор в том же духе. Вся рецензия написана с плохо скрытым озлоблением. В качестве самого значительного произведения современной немецкой литературы обстоятельно разбирается музыкальный роман Гейнзе ⁷ (однако я еще не прочитал, как именно).

Мы должны жестоко преследовать Рейхардта и в «Орах», коль скоро он так бесосновательно и немилосердно нападет на нас.

Прилагаю к сему еще несколько жал для плоти наших коллег. Выберите из них то, что покажется Вам подходящим.

Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания.

Ш.

148. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Что ж, с первым актом покончено! ¹ Шествие, которое я помогал устраивать ко вчерашнему маскараду, оказалось вполне удачным, хотя зал и был переполнен. Так как теперь говорят только дистихами, то даже турецкий двор должен был принести свои поздравления герцогине в этой стихотворной форме, как Вы увидите из приложения. Другое общество устроило шествие смешанных масок, среди которых особенно удачно выделялось несколько блуждающих огоньков; наряженные весьма искусно, они вертелись и разбрасывали вокруг золотые листочки и стихотворения.

Число дистихов ежедневно растет, их уже около двухсот. Я прилагаю к письму последний номер «Модного жур-

* мнимого (франц.).

нала» из-за статьи о ксениях на странице 18². Автор, конечно, и не подозревает, что ему тоже будет приготовлено нечто подобное к Новому году. Но до чего же скудоумны и неловки, в сущности, эти люди! Дать на пробу лишь два таких стихотвореньица, да еще в таком скверном переводе! Тут словно все остроумие улетучилось из этой огненной оболочки.

Я получил из Геттингена трактат Челлини о ремесле ювелира и скульптора³; поскольку мне необходимо теперь поскорее прочесть его и сделать необходимые выписки, то это, вероятно, ускорит работу над маленькой биографией. Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Чуть было не забыл о самом приятном. Я получил от Мейера прекраснейшее письмо, которое очень ясно обрисовывает его нынешнее душевное состояние. При его неодолимом стремлении к основательности и скрупулезной работе он оказался в большом затруднении, ибо перед ним предстает, с одной стороны, невообразимое множество объектов, которые он должен изучить и описать, а с другой — пленительность творений, которым он хотел бы подражать. Он спрашивает у меня совета, однако я отошлю его к его собственному гению.

В одном из его писем ко вдовствующей герцогине есть забавный пассаж относительно художников, воплощающих теперь кантовские идеи в аллегорических образах⁴; если это не простая ирония, то мы имеем дело с безумнейшим явлением, которое может предшествовать лишь последним дням искусства.

Только из Вашего письма я узнал, что у ежемесячников «Германия» и «Франция» один и тот же редактор⁵. Если он отмежевался от нас, то нужно будет так осыпать его фризовой сюртук карнавальным гипсовым порошком, чтобы его принимали за парикмахера. Мы давно уже знаем этого фальшивого друга и прощали ему все его выходки только потому, что он регулярно платил дань, но раз он делает вид, что хочет отказаться от этого, то мы тотчас вышлем против него турецкого пашу с тремя огненно-рыжими лисьими хвостами. Дюжина дистихов ему уже посвящена, в будущую среду, даст бог, они будут у Вас. А пока что простимся еще раз.

Г.

Веймар, 30 января 1796 года.

149. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена], 31 января 1796 года

Поздравляю Вас с долгожданным завершением праздника, которое, по-видимому, было очень искусным и привлекательным. Особенно понравились мне блуждающие огоньки.

Письма Мейера Вы, надеюсь, захватите с собой, когда приедете сюда. Я с нетерпением жду, когда все это постепенно прояснится и отстоится в нем. Поскольку о кантианских конфигурациях говорится только в письме к герцогине, то это, надо полагать, не более чем шутка: столь великолепную новость он не преминул бы изложить Вам более определенно.

В том, что Рейхардт редактирует журнал «Германия», можете не сомневаться — равно как и в том, что он (или его рецензент, но тут для нас разницы нет никакой) слишком многое позволяет себе по отношению к «Беседам», хотя по другим поводам он в той же рецензии превозносит Вас изо всех сил. Невообразимо жалкое сочинение! Книгу Гейнзе, с рецензией на которую я теперь познакомился поближе, он сильно бранит, и это весьма досадно, так как придется поставить ему в счет одной глупостью меньше.

Что же касается наших ксений, то у меня за это время возникли некоторые новые идеи, не вполне, впрочем, созревшие. Полагаю, однако, что если Вы приедете, скажем, в конце этой недели, то найдете у меня сотню с лишним ксений. Мы должны преследовать наших добрых друзей, прибегая при этом к любым мыслимым формам, ведь даже поэтические интересы требуют подобного разнообразия в пределах строго установленных нами границ монодистиха. На этих днях я взялся за Гомера и обнаружил в рассказе о суде, творимом над женихами¹, великолепный источник для пародий, которые отчасти уже и готовы; то же самое могу сказать о некромантии, позволяющей терзать покойных, а подчас и живых авторов. Представьте себе появление Ньютона в преисподней!.. Мы и здесь должны соединить свои труды.

В виде заключения, полагаю, мы дадим еще комедию в эпиграммах. Что Вы скажете об этом?

Моя жена сердечно Вам кланяется. Приезжайте поскорее.

Ш.

150. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Первый список ксенийев готов наконец, и я тотчас же посылаю его Вам, тем более что до 14-го числа этого месяца не смогу приехать в Иену. В совокупности они выглядят пресесело; было бы совсем хорошо, однако, если бы все это собрание пронизала поэтическая струя. Мои последние ксении, как Вы увидите, совершенно прозаичны, но ничего иного и не могло получиться из них при моем методе: ведь в их основе не лежит непосредственное созерцание.

Быть может, в скором времени я пришлю Вам седьмую книгу романа; теперь я только обрабатываю продиктованные заготовки, а то, что еще нужно будет там сделать, выяснится, когда восьмая книга продвинется настолько же далеко и когда мы с Вами оживленно и вдумчиво обсудим все это в целом.

На днях я получил из Геттингена сочинение Челлини о технической стороне различных искусств. Оно превосходно написано; как предисловие, так и само сочинение дают прекрасный материал для понимания этого удивительного человека. Я тотчас же взялся снова за его жизнеописание, однако трудности обработки остаются все теми же. Для начала я попробую только перевести несколько интересных мест, а там посмотрю, что из этого может выйти. Кроме того, согласно моим реалистическим представлениям в биографии как таковой нет ничего, кроме деталей, в особенности же в биографии частного лица, итоги деятельности которого едва ли могут импонировать нам своими масштабами, или в биографии художника, чьи произведения, эти непреходящие свидетельства его бытия, не стоят перед нашими глазами. Быть может, я еще до приезда к Вам успею составить приличное собрание таких избранных мест, а тогда будет яснее видно, что с этим делать дальше.

Чем объясняется, что новый номер «Ор» так долго не выходит?

Первое представление новой оперы¹ прошло удачно, и мы снискали одобрение публики; в самом деле, все это выглядело весьма мило. Музыка неглубока, но приятна; костюмы и декорации произвели хорошее впечатление. В ближайшие дни я пришлю Вам книгу, чтобы Вы наконец увидели, каким удивительным и архинемецким путем идет теперь немецкий театр.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене. Я надеюсь оставить вскоре мой нынешний образ жиз-

ни, слишком реалистичный даже для такого убежденного реалиста, как я, и достичь Вашей гавани.

Г.

Веймар, 4 февраля 1796 года.

151. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 5 февраля 1796 года

Собрание растет у нас под руками так, что весело смотреть. Мне было приятно встретить среди новых ксений несколько политических; поскольку мы, очевидно, и так подвергнемся конфискации в некоторых ненадежных местностях, то я не вижу причин, препятствующих нам отличиться и в этом отношении. Теперь Вы получаете от меня сорок — или чуть больше — новых ксений; примерно восемьдесят других, связанных между собой и еще не вполне законченных, я оставляю пока у себя. Рейхардт отделан как следует, но этого еще мало. Нужно атаковать его и как музыканта, поскольку у него и здесь не все безупречно; справедливость требует, чтобы мы преследовали его вплоть до самой последней его твердыни, ибо он объявил нам войну на нашей законной территории.

Очень рад слышать, что Вы собираетесь начать перевод Челлини с отдельных отрывков. Это позволит Вам лучше войти в работу, ибо я всегда считал наилучшим начинать не с самого начала, если позволяют обстоятельства: ведь начало всегда оказывается наиболее трудной и бессодержательной частью произведения. Вы ничего не пишете о том, могу ли я рассчитывать на что-нибудь Ваше для третьего номера «Ор». Однако получить это мне было бы необходимо не позднее чем через три-четыре недели. Пока что я пробавляюсь отвратительным Турвилем¹. Что касается Проперция², то я хотел бы получить вторую партию в течение недели. Гердер освободил себя от «Ор» на неопределенное время. Не знаю, откуда эта холодность, — или он в самом деле занят другой работой?

В том, что «Оры» за первый месяц еще не прибыли сюда, виноват, в сущности, я, ибо моя статья, которую Вы читали здесь, была отослана издателю лишь четыре недели тому назад. Три недели уходят на дорогу туда и обратно, да еще неделя на печатание. Завтра, наверное, экземпляры будут здесь, так как один из них, посланный легкой почтой, я получил уже в понедельник. Новый шрифт производит более приятное впечатление; бумага также заслуживает похвалы.

Новым страницам «Мейстера» я радуюсь, как празднику. Но прежде чем мы заведем разговор о романе в целом, я должен буду еще глубже освоиться со всем предшествующим.

Кёрнер пишет мне, что надеется приехать в конце мая в Иену и провести здесь две недели, чему я очень рад. Его пребывание здесь доставит, несомненно, удовольствие и Вам. Поскольку этой весной сюда приедет и Шлегель³, да и Функ⁴, вероятно, пробудет здесь с месяц, то жизнь моя будет довольно оживленной.

Вместе с теми экземплярами «Ор», которые будут отложены для Вас, я пришлю 15 луидоров для предварительной выплаты Кнебелю. Поскольку Проперций занимает меньше листов, чем я предполагал, то этой суммы, составляющей более половины всего гонорара, будет вполне достаточно.

Будьте здоровы. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

152. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Вот наконец и обновленные «Оры» 1796 года. Выглядят они веселее и несравненно современнее старых, и мне досадно, что мы не проявили с самого начала должной сообразительности.

В этом, первом году авторы ничего не выиграют от более крупного шрифта, так как у Котты были дополнительные расходы из-за замены старого шрифта и из-за новой бумаги и обложки. Так что в этом году, согласно его покорнейшей просьбе, гонорары будут определяться прежними соотношениями.

Что число отказов от подписки может оказаться значительным, я вижу по тому, что пакет, предназначенный для здешних книжных лавок, из которого вынимают экземпляры для меня, стал более тощим, а также из того, что здешняя, саксонская, почта отказалась от двух экземпляров из четырех. Будем надеяться, что подобное соотношение соблюдается не по всей Германии. Жалобы Котты весьма умеренны; чувствуется, что он отнюдь не обескуражен.

Прилагаю один экземпляр «Ор» и пятнадцать луидоров для Кнебеля, один экземпляр для герцога и шесть для Вас. Прошу Вас распорядиться переслать Гердеру адресованное ему приложение¹.

Знаете ли Вы берлинского медальера Абрамсона и доводилось ли Вам видеть что-нибудь из его работ? Я получил

от него письмо с просьбой прислать мой портрет, чтобы изготовить по нему медаль. Однако прежде я хотел бы узнать, что он собою представляет.

Посылаю Вам с дюжину новых ксений, возникших вчера и сегодня в каком-то горячечном порыве. Пусть наш странствующий экземпляр² поскорее вернется ко мне обильно дополненным.

Будьте здоровы.

Ш.

[Иена,] 7 февраля [1796 года.]

153. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

После ночи, отнятой балом, и довольно позднего пробуждения пишу Вам несколько слов, чтобы не задерживать прибывшую посылку. «Оры» в их новом облачении и в более современном убранстве, которые им очень идут, получены мной вместе с приложенными деньгами. Элегии я надеюсь послать Вам в субботу¹, пусть даже и не переписанными набело, а в понедельник рассчитываю прибыть к Вам, — тут-то мы обдумаем и обсудим наши обстоятельства и планы. Будьте здоровы. Окончание статьи о наивных и сентиментальных поэтах и людях я перечитал с большим удовольствием; кроме того, со всех сторон я слышу, что первые ее разделы были очень хорошо приняты. Теперь все сводится к тому, чтобы постоянно находить подобные ситуации, и тогда, несомненно, результаты не замедлят сказаться.

Г.

Веймар, 10 февраля 1796 года.

Надеюсь, бордюры Вам понравятся; нужно только проследить, чтобы их наклеили правильно. У них по краям оставлены белые поля, чтобы можно было вести их направо и налево от окон; нужно помнить также, что букеты *падают*. Люди не всегда обращают внимание на эти существенные детали, — в моем доме такие бордюры наклеили неправильно, почему я и предостерегаю Вас. Я оплачу доставку посылки отсюда к Вам и припишу расходы к общему итогу.

154. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Если бы обещанные элегии не были Вам так необходимы! Ибо я не знаю, как мне уложиться в назначенный срок.

Уже с неделю мы с Кнебелем занимаемся элегиями, вследствие чего рукопись снова измарана вся, и нужно готовить новый список. Если бы можно было получить отсрочку еще на неделю, то все было бы в порядке. Я по-прежнему терплю невыразимые муки из-за карнавала, а новый визит чужих принцев еще более усугубляет суету наших театральных и танцевальных увеселений.

Ничего не успев приготовить к третьему номеру «Ор», я пересмотрел свои старые бумаги и нашел там фрагменты весьма любопытные, хотя по большей части настолько индивидуальные и прихотливые, что использовать их невозможно. Чтобы доказать по крайней мере мою добрую волю, посылаю Вам весьма субъективное описание путешествия по Швейцарии¹. Судите сами, насколько оно пригодно; быть может, если присочинить к нему какую-нибудь сказочку с пылкими страстями, то оно могло бы пойти. Местности эти сотни раз исхожены и описаны, однако их посещают по-прежнему и все так же читают соответствующие описания. Сообщите мне Ваше мнение на сей счет; само собой разумеется, что все, касающееся личностей, должно быть выброшено.

Будьте здоровы. Я с величайшим нетерпением жду минуты свидания с Вами.

Мейер снова написал мне; он ведет переговоры о разрешении изготовить копию с «Альдобрандинской свадьбы»². Как мне хотелось бы видеть это великолепное произведение в нашем владении! Известие о кантовских картинах³ соответствует действительности; сообщение об этом было уже помещено в «Меркурии», однако я, к сожалению, просмотрел его.

Г.

Веймар, 12 февраля 1796 года.

155. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 12 февраля 1796 года

Сердечно благодарен Вам за хлопоты с обоями и всем прочим. Бордюры будут очень хорошо выглядеть, и я рад тому, что буду теперь окружен более красивыми стенами.

На этой неделе я снова провел без сна много ночей, меня сильно мучили спазмы. Мне и сейчас не лучше, так что мои работы не продвинулись вперед; вероятно, Вы теперь перенесли меня в ксениях.

Если бы я по крайней мере истратил это время более приятным образом...

Гумбольдт, вероятно, сам напишет Вам завтра ¹. Мне он написал на днях, что посылать теперь икру нельзя.

Если Вы приедете, то будьте так добры захватить с собой: 1) несколько лунных пейзажей и 2) собрание комедий последних лет.

На прошлой ярмарке я издал книгу, к чтению которой приступил вчера ². Это — новая часть «Mémoires», содержащая записки Брантома; его характеристики, порою довольно наивные, хотя и очень дурно характеризуют его предмет, но тем лучше его самого. Собрание это по-прежнему продолжает выходить под моим именем, хотя я публично отказался от него. Вот Вам еще один образец немецких нравов.

Будьте здоровы. Сердечно рад Вашему предстоящему приезду.

III.

156. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Хоть я не смог узнать, необходимы ли Вам элегии, однако предпочел все же послать их сегодня, — пусть даже только три из них и переписаны. Остальные читаются легко и, надеюсь, Вас не затруднят. Если Вы сможете и захотите отложить их до моего приезда, то мы бы, вероятно, успели обсудить там еще кое-что.

За присланные пятнадцать луидоров автор сердечно благодарит Вас.

Берлинский медальер Абрамсон — искусный мастер; если Вы разрешите ему изготовить медаль с Вашим изображением, то я посоветовал бы сначала заказать нашему Клауэру Ваш портрет en médaillon и послать в Берлин гипсовый слепок; работать по слепку ему будет легче, чем по рисунку, да и кто бы взялся выполнить его у нас? Жаль, что Мейера нет здесь, он тотчас же подал бы какую-нибудь другую здравую идею. Медальер должен будет заплатить Клауэру.

При Вашем письме от 7 февраля должна была находиться дюжина ксениев, однако я не нашел их, хотя сразу же самым тщательным образом перелистал приложенные экземпляры «Op». К сожалению, и меня в эти дни ничто не осенило — ни ксениальное, ни гениальное; больше, чем когда-либо, я надеюсь на перемену места, чтобы прийти в себя, но, к сожалению, еще не знаю, смогу ли приехать к Вам в понедельник.

Мне от всей души жаль, что Вам снова пришлось так много страдать и что Ваше затворничество не идет Вам на пользу, между тем как меня отвлекает от желанной деятельности рассеянный образ жизни. Я тоже был бы рад снова получить от Гумбольдта несколько слов; он хорошо сделал, что при такой теплой погоде не послал икры.

Из того описания путешествия по Швейцарии, которое я послал Вам вчера, можно было бы, вероятно, выбрать отдельные, более детально выписанные картины (такие, например, как долину Мюнстера, вид с Юры и т. п.) и поместить их подряд без всякой связи. Впрочем, Вам легче судить об этом; у меня не было времени перечитать тетради, которые я послал Вам, так что я не могу с уверенностью утверждать, что тут ценно, а что нет.

Мейер снова написал мне; вероятно, он теперь уже работает над «Альдобрандинской свадьбой». Он продолжает созерцать древности согласно той методе, которую выработал в Дрездене; он пишет: «Теперь все зависит от тончайших наблюдений — каков рисунок глаз, каким образом изгибаются и перекрещиваются линии, как вылеплен и обработан рот, как прикреплены волосы, какими знаниями обладал художник, какой теории он придерживался».

Он надеется взглянуть по-новому и на Рафаэля.

Г.

Веймар, 13 февраля 1796 года.

157. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, начало марта 1796 года]

Жалею, что Вы не сможете прийти вечером. Я чувствую себя довольно хорошо, и мы могли бы поболтать о всякой всячине.

Теперь здесь Нитхаммер; мы ведем с ним дебаты относительно идеи права, и разговор подчас бывает вполне разумным.

Маленькая плясунья с последнего бала¹ тоже здесь.

Будьте здоровы. Зато завтра вечером Вы приедете пораньше, не правда ли?

Ш.

158. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 18 марта 1796 года

Со времени Вашего отъезда я чувствовал себя довольно хорошо и был бы очень рад, если бы так оно и продолжалось

в Веймаре. Я размышлял над моим «Валленштейном»¹, но вообще-то не работал. Надеюсь, что смогу изготовить несколько ксенийев еще до замечательного сочетания светил².

Приготовления к устройству столь сложного целого, как драма, и в самом деле повергают душу в совершенно необычное волнение. Уже та первоначальная операция, когда ищешь определенный метод воплощения всего замысла, чтобы не брести ощупью, отнюдь не является мелочью. Теперь я вижу перед собой лишь скелет и нахожу, что от него зависит все в структуре драмы точно так же, как и в структуре человеческого тела. Я хотел бы знать, как Вы приступаете к работе в подобных случаях. У меня вначале возникает некое общее впечатление без ясного и определенного представления о сюжете; последний формируется позже. Предшествует некое музыкальное настроение, и только за ним у меня следует поэтическая идея.

Согласно письму Шарлотты Кальб сегодня мы должны ждать сюда Гердера. Однако я ничего от него не имею.

Будьте здоровы. Прилагаю к сему Челлини, забытого позавчера. Моя жена шлет Вам наилучшие пожелания.

Ш.

159. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вот и «Челлини»¹ к Вашим услугам; прежде чем Вы вернетесь домой, я надеюсь положить хороший почин следующей порции.

Сюда приложена и афиша к «Эгмонту»², в которой я прошу Вас проставить титулы персонажей согласно их положению. Мне хотелось бы получить этот листок с тем же посыльным.

Добрые плоды нашего четырехнедельного приключения мы ощутим лишь через некоторое время, когда успокоимся и сосредоточимся.

Будьте здоровы и примите еще раз благодарность за дружескую поддержку.

Г.

Веймар, 21 апреля 1796 года.

160. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 21 апреля 1796 года

Сердечная благодарность за скорую присылку Челлини. Перечень действующих лиц «Эгмонта» со всеми их званиями и титулами возвращается при сем.

Мы очень хорошо добрались сюда вчера, однако душой я наполовину еще в Веймаре. Я уже ощутил непосредственно, насколько благотворно воздействует на меня пребывание там в физическом и духовном отношении, и это, несомненно, проявится впоследствии самым наглядным образом. Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания. В понедельник вечером, еще взволнованные и упоенные представлением «Эгмонта», мы увидимся снова ¹.

Ш.

Податель сего вернет Вам шнуры для баулов, взятые у Вас.

161. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сегодняшний вечер и, быть может, весь завтрашний день я хочу провести в искусственной пустыне, чтобы посмотреть, как пойдет моя работа и смогу ли я действительно прожить некоторое время вблизи от Вас, чего мне очень хотелось бы. Передайте друзьям ¹ мои наилучшие пожелания. Не мог бы Кёрнер поскорее написать в Дрезден, чтобы мне прислали «Викторию» ²? Он мог бы попросить владельца назначить окончательную цену и заверить его в том, что привезет с собой либо статую, либо деньги. Только надо бы попросить, чтобы ее упаковали лучше. Будьте здоровы.

Г.

[Иена, начало мая 1796 года.]

162. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Через посыльного меня призывают в Веймар, и я тотчас же отправляюсь. Сегодня вечером я снова буду здесь ¹ и завтра свижусь с Вами. Я с удовольствием предпринимаю эту поездку после нашего вчерашнего чтения ²: ведь невозможно даже выразить, насколько оно подвинуло меня вперед. Пошлите же, прошу Вас, рукопись и прилагаемую записку маленькой женщине ³; будем надеяться, что такое расширение аудитории принесет некоторую пользу и нам. Тут же несколько ксений и тысяча благодарностей Вам за все хорошее. Сердечный поклон дамам. Август ⁴ с радостью ждет Карла.

Г.

Иена, 20 мая 1796 года.

163. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Нет, не удержит одна: лишь две приказать мне сумеют ¹.

Прекрасные упражнения в дистихах приведут нас, надо полагать, к тому, что мы станем в конце концов весьма выразительно изъясняться отдельными гекзаметрами. Позвольте спросить Вас: когда Вы намерены отправиться на отдых за город и застану ли я Вас сегодня дома после обеда? Будьте так добры дать мне стеклянный куб и большую полую призму.

Роман ² благополучно сдвинулся с места. Я пребываю сейчас в подлинно поэтическом настроении, так как во многих отношениях не знаю ни того, что хочу, ни того, что должен делать.

Именно так обстоит дело и с моим возвращением в Веймар. Для следующего выпуска Челлини я составил генеалогическое древо Медичи, поскольку в жизнеописании идет речь о представителях этого дома.

Что поделявает Ваша женушка? Будьте здоровы и любите меня по-прежнему. На «Геро и Леандра» ³ я возлагаю большие надежды, если только это сокровище и у меня не скроется в пучине вод.

Г.

[Иена, конец мая 1796 года.]

164. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 10 июня 1796 года

Желаю Вам вновь обрести покой, чтобы работа Ваша продвигалась. Я с нетерпением жду осуществления Ваших разносторонних идей и надеюсь увидеть вскоре что-нибудь из этого. Еще раз прошу заказать список двух готовых стихотворений ¹. Напоминаю Вам и о письме, которое Вы собирались написать Цельтеру ² в Берлин и в котором прошу лишь в двух словах упомянуть о нашем альманахе. Когда Вы сделаете это, я тоже напишу ему и пошлю что-нибудь для переложения на музыку ³.

Посылаю Вам при сем несколько пробных оттисков шрифта на выбор для нашего альманаха. Я взял для этой цели мое последнее стихотворение; хотелось бы, чтобы оно встретило у Вас благосклонный прием.

Образцы пока не производят должного впечатления, так как это лишь черновые оттиски; я только хотел бы знать, какой шрифт Вы предпочитаете.

Прилагаю также рисунки Гирта ⁴ и рукопись «Мейстера».

Моя жена шлет Вам сердечный поклон.

Печенье будет послано, как только Вы этого пожелаете.

Будьте здоровы.

Ш.

Образцы придут в понедельник. Гёпфердт не успел еще подготовить все оттиски.

165. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

После того как я благополучно прибыл в Веймар, мной овладело ревностнейшее усердие; «Челлини», а также, надеюсь, мой роман вскоре засвидетельствуют это. Будьте добры, поскорее отошлите мне обратно седьмую книгу. Прилагаю к сему обещанные эпиграммы, тут их, как-никак, ровно тридцать! К сожалению, и в них ненависти вдвое больше, чем любви. Как только Вы покончите с подбором нашего собрания, пришлите мне его целиком. Благодаря этому многие ксении, которые лежат тут у меня незавершенными, будут, несомненно, закончены, да и для новых найдется повод.

Один из ксениев («Опасный» ¹) я написал, использовав Вашу идею; быть может, Вы захотите внести изменения. Вообще же при подготовке последующих ксениев я намереваюсь руководствоваться тем принципом, что при всей нашей язвительности мы должны оградить себя от возможного преследования в судебном порядке.

Идиллия ² и еще какое-нибудь стихотворение также придут к Вам в скором времени. Я теперь наслаждаюсь полной свободой у себя дома и радуюсь тем грандиозным задачам, которые мне предстоят. Примите еще раз мою благодарность за все хорошее. Будьте здоровы и сообщите мне поскорее что-нибудь о себе и своих близких.

Г.

Веймар, 10 июня 1796 года.

Роман был доставлен мне сегодня утром; в ближайшие же дни я и напишу, и пришлю Вам побольше. Рисунков к рукописи Гирта в приложении не оказалось; тут, по-видимому, имеется лишь один из пробных оттисков Гёпфердта:

166. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 11 июня 1796 года

Присланные вчера ксени доставили нам большую радость, и, чем сильнее преобладает в них ненависть, тем милее выглядит в них то, что выпадает на долю любви. Буду настойчиво молить Муз ниспослать и мне участие во всем этом. Пока что примите благосклонно мою «Цереру»¹ как первый дар этого года и уведоьте меня, если заметите здесь какое-нибудь неблагополучие.

Надеюсь, что к будущей пятнице смогу прислать Вам переписанные ксени. Я тоже всецело придерживаюсь того мнения, что мы должны избегать всего криминального и как можно реже покидать сферу жизнерадостного юмора. Ведь музы — не палачи! Но щадить этих господ мы тоже не станем.

Кёрнер пишет, что выторговал «Викторию»² за восемь луидоров, так что она теперь принадлежит Вам. Вместе со всеми домочадцами он шлет Вам сердечный поклон.

Будьте здоровы.

Ш.

Гердер прислал мне вчера письмо, очень дружелюбное, а вместе с ним и «Гуманность»³. Он обещает свои сочинения как для «Ор», так и для альманаха.

167. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вот Вам, милейший, посылка — и притом изрядных размеров! Эта часть «Челлини» сокращена на пять рукописных листов, которые я вообще хочу выпустить; в них содержится описание второго путешествия Челлини во Францию и возвращения в Рим, поскольку на этот раз он не нашел там никакой работы. Из всего этого я сделаю лишь небольшое извлечение, так что следующая часть будет посвящена его заточению в Замке Святого Ангела; обстоятельный рассказ об этом я тоже сокращу и снова представлю Вам примерно 14—15 рукописных листов.

Одновременно посылаю Вам «Идиллию» и пародию¹; кроме того, возвращаю пробные оттиски.

Стихотворение Вам чрезвычайно удалось. Реальность и аллегория, воображение и чувство, значение и истолкование прекрасно сопряжены в нем между собой; мне хотелось бы поскорее иметь его у себя.

Крупный шрифт мне очень нравится. Если Вы найдете корректора, который до печатания устранил не только

неверно набранные, но и поврежденные, сбитые и неодинаковые литеры, и если при печатании позаботятся о краске и обо всем прочем, то никакой особенной разницы по сравнению с прошлыми альманахами не будет. Было бы очень хорошо, если бы Вы поскорее приняли решение относительно бумаги и всего прочего и распорядились начать печатание. Свой малый вклад я представлю Вам как можно скорее. Стоит ли переводить стихотворение Челлини, написанное им в заточении, решайте Вы со Шлегелем². Сонет я уже послал на днях; в случае необходимости вставьте его в обозначенном месте. И я попрошу Вас также прочитать прилагаемую часть «Челлини» с пером в руке; я успел просмотреть ее всего лишь один раз.

О гравюрах я тотчас же позабочусь. Как только узнаю, кто их делает и что они будут стоить, напишу о дальнейшем.

Седьмую книгу романа я просматриваю еще раз и надеюсь отослать ее в четверг. Недостает лишь внешнего *compelle* *, чтобы и восьмая книга была закончена, а тогда мы с Вами сможем охватить многие другие сферы. Я получил письмо от Мейера, который не может найти слов, чтобы описать страх и смятение, царящие сейчас в Риме; сам он, вероятно, уже на пути в Неаполь.

Передайте Кёрнеру мою глубокую благодарность за его хлопоты с «Викторией». Это произведение становится мне все дороже; оно и в самом деле бесценно.

Два новых тома Гердера я также прочел с большим интересом. Особенно седьмая книга, как мне кажется, превосходно задумана, осмыслена и написана; восьмая же, как ни много в ней превосходного, не доставляет особого удовольствия, да и сам автор, по-видимому, не испытывал удовольствия, когда писал ее. Определенная сдержанность и осторожность, хождение вокруг да около, умолчания и в особенности мелочность при распределении похвал и порицаний придают крайне жалкий характер всему тому, что он говорит о немецкой литературе. Быть может, дело тут и в моем нынешнем настроении, однако мне всегда казалось, что если о сочинениях или о поступках не говорить с неким любовным участием, с определенным пристрастным энтузиазмом, то в конце концов остается сказать так мало,

* побуждения (латин.).

что лучше уж вовсе молчать. Наслаждение, радость, сопричастность ко всему — вот единственная реальность и единственный источник всего реального; все прочее есть тлен и способно лишь истлеть.

Г.

Веймар, 14 июня 1796 года.

168. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 17 июня 1796 года

Ответ на Ваше милое письмо я откладываю на понедельник, а пока сообщаю только, что сегодня вечером мы ожидаем Фосса¹, известившего письмецом о своем приезде. Он сможет пробыть здесь всего лишь один день; в воскресенье рано утром он отправится дальше и в Веймар не заедет.

Вас он очень хотел бы застать здесь. Таким образом, от Вас зависит, доставите ли Вы ему это удовольствие; мы же от всей души приглашаем Вас. Он едет из Гибихенштейна и, вероятно, привезет с собой и Рейхардта — сцена, которая почти что радует меня.

Будьте здоровы.

Ш.

Уже ровно десять часов вечера, а Фосса еще нет. Но я не сомневаюсь, что он приедет.

169. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Мне очень жаль, что я не увижу Фосса; не следует упускать случая время от времени обновлять при встречах хорошие личные отношения. К сожалению, я не могу сейчас ни на минуту отвлечься от работы: роман подвигается столь хорошо и удачно, что если так будет продолжаться и дальше, то уже через неделю Вы сможете получить восьмую книгу, и тогда мы завершим довольно примечательную эпоху при самых примечательных предзнаменованиях.

Передайте Фоссу мой искренний привет и возобновите с ним за нас обоих отношения, которые по своей природе могут становиться все лучше.

Если появятся и другие гости (в чем я, впрочем, сомневаюсь), то я вкладываю сюда гостинец для них:

С Гибихенштейна ли ты, с Малепартуса, все мне едино:
Ты ведь не Рейнеке, ты — полумедведь-полуволок!¹

Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей милой жене и Шлегелю. Мне многое нужно сказать Вам, и я хочу, если счастье будет благоприятствовать мне, сразу же облечь это в такие формы, чтобы Вы смогли использовать его в «Орах» и в альманахе.

Прощайте.

Г.

Веймар, 18 июня 1796 года.

Чуть было не забыл сказать Вам, что Рихтер² находится здесь. Он посетит Вас вместе с Кнебелем и, наверное, очень Вам понравится.

170. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 18 июня 1796 года

Фосс еще не приехал — по крайней мере я его еще не видел. Так как я сильно сомневаюсь в Вашем приезде, то и посылаю это письмо, благо представился удобный случай.

«Идиллия» при втором чтении глубоко взволновала меня, больше даже, чем в первый раз. Она, несомненно, принадлежит к числу самых прекрасных творений, созданных Вами, — настолько она исполнена простоты при неизмеримой глубине чувств. Нетерпение, которое проявляют по ходу событий ожидающие корабельщики, так ограничивает свободу объяснения двух влюбленных и сообщает всей этой сцене такую настоятельность и значимость, что этот момент действительно наполняется содержанием целой жизни. Трудно было бы приискать другой такой случай, когда бы цветок поэзии столь чисто и удачно расцвел на ниве сюжета. Чувства мои еще не могут полностью оправдать того, что Вы так тесно сблизили со всем этим ревность и позволили страху так быстро поглотить счастье, хотя привести какие-либо убедительные возражения я не сумею. Я только чувствую, что предпочел бы подольше сохранить то блаженное упоение, в котором Алексис покидает девушку и вступает на корабль.

Книга Гердера произвела на меня примерно такое же впечатление, как и на Вас, с той только разницей, что я и здесь, как обычно бывает при чтении его сочинений, гораздо больше утратил из того, что считал своим достоянием, чем сделал некие новые реальные приобретения. Он

скорее разрушает, чем упорядочивает для меня свои объекты из-за того, что он всегда стремится к сочетаниям, связывая то, что другие разделяют. Его непримиримая вражда к рифме тоже, на мой взгляд, переходит всякие границы, а все возражения против нее отнюдь не представляются мне столь уж значительными. Каким бы низменным и непоэтичным ни было происхождение рифмы, следует помнить о том впечатлении, которое она производит, а этого-то у нее не отнять никакими умствованиями.

В его суждениях о немецкой литературе меня раздражает не только холодность к хорошему, но и какая-то странная терпимость к ничтожному; ему так же легко отозваться с уважением о каком-нибудь Николаи, Эшенбурге и тому подобных, как и о ком-либо из самых значительных писателей, и он самым удивительным образом сваливает в одну кучу Штольбергов и меня, Козегартена и еще многих других. Его преклонение перед Клейстом, Герстенбергом и Гесснером и вообще перед всем умершим и истлевшим сочетается у него с холодностью ко всему живому.

За это время Вы познакомились с Рихтером. Очень любопытно было бы узнать, какое мнение Вы о нем составили. Шарлотта Кальб приехала сюда, чтобы ухаживать за госпожой фон Штейн¹. От нее я узнал, что из дела с Иффландом ничего почти не получилось²; она вообще с великой холодностью говорит об этом новом приобретении для веймарского театра. Увлечение Иффландом, по-видимому, остыло на несколько месяцев раньше, чем мы предполагали.

Гумбольдт, вероятно, уже написал Вам³. «Идиллия» доставила ему необычайное удовлетворение. Он пишет так же, что «Челлини» чрезвычайно ему нравится.

Ксении Вы получите к понедельнику. Для объединения разнородных материй нужно еще некоторое количество новых ксений, и я возлагаю здесь надежды на Вашего доброго гения. Гомеровские пародии⁴ мне пришлось выбросить, поскольку они никак не сочетались со всем остальным; кроме того, я еще не вполне ясно представляю себе, как мне удастся разместить здесь явления призраков. Любезные и приятные ксении я охотнее всего поместил бы в конце, ибо вслед за бурей должна следовать ясная погода. Некоторые ксении в этом роде удались и

мне, и если каждый из нас наберет еще хотя бы дюжину таких, то наше собрание завершится весьма мило.

Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам сердечный поклон. С ее здоровьем все по-прежнему.

Ш.

171. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 20 июня 1796 года

Фосс так и не приехал; он сообщил мне только в двух словах, что досадные помехи вынудили его отказаться от путешествия. Мне в самом деле жаль, что составить это знакомство не удалось, пусть даже его пришлось бы купить ценой весьма неприятного визита, ведь Рейхардт, как я узнал сегодня от приезжих из Галле, действительно собирался сопровождать его. Грубость, которую я неизбежно должен был бы проявить по отношению к этому гостю, поставила бы Фосса в чрезвычайно затруднительное положение и, по всей вероятности, совершенно расстроила бы его.

От всей души поздравляю Вас с успешным продвижением романа. День, который принесет мне его окончание, станет праздником и для меня.

Новая порция «Челлини» также оказалась для меня весьма занимательным чтением. История его болезни просто великолепна; события во Флоренции тоже весьма интересны и прекрасно сочетаются с историей дома Медичи. Чрезвычайно забавна эта несуразная смесь обходительности и грубости в характере нашего приятеля Бенвенуто.

Прислать Вам ксении сегодня вместе с этим письмом не могу. Мой переписчик не явился.

Будьте здоровы. Да пребудут с Вами все девять ¹!

Моя жена шлет Вам сердечный поклон. Вы, надеюсь, получили печенье вместе с моим субботним письмом?

Ш.

172. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Два Ваших милых и любезных письма, а также печенье мной получены, и так как я успел уже написать утром полагающуюся порцию романа, то и хочу продиктовать заранее это письмо для завтрашней почты.

Восьмая книга романа по-прежнему движется без остановок, и когда я думаю о том стечении обстоятельств,

благодаря которым почти невозможное осуществляется в конце концов совершенно естественным путем, то почти готов стать суеверным; одно лишь несомненно, что мне сейчас очень помогает моя давнишняя привычка немедленно пускать в дело все — силы, случайные происшествия, настроения и любые — приятные и неприятные — переживания. Однако моя надежда послать Вам восьмую книгу уже в следующую субботу была, по-видимому, преждевременной.

Ваше стихотворение «Жалоба Цереры» вновь напомнило мне о различных опытах¹, которые я предпринял для того, чтобы еще глубже обосновать ту идею, которую Вы столь дружески восприняли и истолковали. Некоторые из них совершенно неожиданно удались мне, а так как я предвижу, что в эти прекрасные летние месяцы должен буду какое-то время оставаться дома, то и решил тотчас же приступить к выращиванию в темноте нескольких растений для того, чтобы сравнить результаты моих опытов с тем, что уже известно.

То, что Фосс не приехал, очень мне не понравилось, в особенности потому, что вы еще не знакомы друг с другом, как я только теперь узнаю из Вашего письма. Это определенного рода небрежность и необязательность в отношениях, чем, к сожалению, случается порою грешить в молодые годы, но чего следовало бы остерегаться по мере сил, как только научаешь ценить людей. Все-таки, по-видимому, его удержал Рейхардт, которому, несомненно, было бы не по себе из-за двусмысленности отношений с нами.

Цельтер в Берлине подготовлен². Было бы хорошо, если бы и Вы тотчас же написали ему. У меня есть одна песня Миньоны, которую я охотно поместил бы в Вашем альманахе; в романе она только упомянута³. Вопрос в том, не сообщить ли об этом доверительно самому Унгеру; подобное заявление означало бы объявление войны, однако чем раньше мы ее начнем, тем лучше.

Ксениев у меня опять набралось несколько дюжин, но как раз не того рода, какой сейчас необходим более всего.

То, что «Идиллия» при ближайшем рассмотрении выдерживает критику, чрезвычайно меня радует. Для ревности в конце у меня два основания. Одно вытекает из природы, потому что за всяким нежданным и незаслужен-

ным счастьем в любви действительно следует по пятам страх утраты. Второе вытекает из искусства, потому что в «Идиллии» все развитие имеет патетический характер, и поэтому страстность тут должна нарастать по мере приближения к концу, а там уже поэт своим прощальным поклоном сообщает произведению ясное и легкое настроение. Вот и все, что я могу сказать в оправдание того необъяснимого инстинкта, благодаря которому создаются вещи такого рода.

Рихтер — такое сложное существо, что у меня не хватит времени изложить Вам свое мнение о нем; Вы должны его увидеть, а при встрече мы охотно поговорим о нем. Кстати, здесь ему, по-видимому, везет не больше, чем его сочинениям: его ставят то слишком высоко, то слишком низко, и никто не знает толком, как подойти к этому странному человеку.

С «Челлини» нам вообще посчастливилось, а так как это нам очень кстати, то надо ковать железо, пока оно горячо. Сообщите мне, когда Вам нужна будет следующая порция.

Прилагаю пасквиль ⁴, который введет Вас в совершенно особый мир; несмотря на всю неровность этой вещи, там можно найти несколько превосходных шуток, и в ней достаточно ядовито пробирают известных трусов, лицемеров, филистеров и педантов. Не показывайте это никому и тотчас же пришлите обратно.

Г.

Отправлено 22 июня 1796 года.

173. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] 24 июня [1796 года]

Вы были совершенно правы, заметив, что эта брошюра введет меня в особый мир. За всю свою жизнь я не смог бы составить такую коллекцию карикатур; каждая черточка здесь несет отпечаток того, что она почерпнута из жизни. Как бы грубо и топорно ни было сработано это изделие, оно поистине замечательно и чрезвычайно потешило меня. Мне нравится также, что и политические распри начинают уже находить юмористическое выражение. Право же, у автора должны были бы найтись подражатели.

Меня очень позабавила живость Мейера ¹ и то, что он, пребывая в своей Италии, так близко принимает к сердцу немецких обезьян и ослов. Напишите же ему, что только

от него зависит время, когда он пожелает вмешаться в это сражение между троянцами и ахейцами. Он сможет сделать это в первом же письме, которое напишет Вам и которое мы сумеем напечатать.

Гумбольдт прислал мне в прошлую среду всего лишь две строчки, чтобы извиниться за свое молчание передо мной, а также перед Вами. Завтра он пришлет Вам «Идиллию», о которой ему хотелось бы высказаться более обстоятельно. Его мать при смерти, и это, по-видимому, еще надолго задержит его в Берлине.

Цельтеру я напишу, как только смогу послать ему что-нибудь. Советуете ли Вы мне отдать мою «Цереру» для переложения на музыку? Сюжет ее, пожалуй, неплохо подошел бы для песни, не будь она так велика. Так или иначе, мы можем надеяться дать музыке лишь немного сверх того, что принадлежит Вам.

То, что Вы можете дать песню из «Мейстера» в альманах, просто превосходно. Теперь и в самом деле мы можем даже несколько гордиться альманахом на этот год.

Ксении Вы непременно получите в понедельник утром. У нас, за вычетом отвергнутых, набралось пока 630—640 штук, и я не думаю, что нам придется выбросить из них более 15—20. Поскольку из соображений единства и полноты потребуются еще примерно 80 новых ксений, то в итоге их окажется около 700.

В понедельник напишу подробнее. Будьте здоровы.

Ш.

174. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Мне очень приятно, что карнавальная комедия из другого мира изрядно развлекла Вас; я все же хочу узнать побольше о последних происшествиях в рейхстаге и особенно о тех брошюрах, которые упомянуты в этой. Было бы забавно, если бы мы смогли метнуть с десяток ксений и в ту часть света.

Не посылайте мне этой веселой братии до того, как Вы получите мой роман; он прибудет к Вам в начале будущей недели с нарочным, который и захватит с собой готовые ксении, если таковые у Вас найдутся. Прочитайте рукопись сначала с дружеским участием и с удовольствием, а затем придирчиво и отпустите мне грехи, если

сможете. Некоторые места еще нуждаются в обработке, некоторые просто требуют ее, меж тем как я почти не представляю, что именно нужно сделать; ведь требования, которые эта книга предъявляет ко мне, бесконечны и по самой своей природе не могут быть удовлетворены полностью, хотя в известной степени здесь, по-видимому, все получает свое разрешение. Все свои надежды я возлагаю на Ваши замечания и на Ваше благословение. Рукопись незаметно выросла у меня, но, впрочем, если бы я захотел быть обстоятельнее в изложении и подлить побольше воды в рассуждения, то с легкостью смог бы сделать два тома из этого последнего; однако в нынешнем своем концентрированном виде он, как мне кажется, будет воздействовать сильнее и продолжительнее.

Передайте от меня поклон Гумбольдту, когда будете писать ему. Для Цельтера мы подберем что-нибудь в ближайшее же время, и тогда Вы сможете приложить сюда на пробу и «Цереру». Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей милой жене и поскорее напишите мне, как вы оба чувствуете себя.

Г.

Веймар, 25 июня 1796 года.

175. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю Вам наконец мое большое произведение; я почти не испытываю радости от того, что дело продвинулось так далеко, ибо к концу столь долгого пути всегда подходишь уставшим. Я и эту вещь смог просмотреть только один раз, так что Вам придется многое здесь дополнять мысленно. Во всяком случае, книгу нужно будет еще раз переработать и переписать.

Если Вы сможете прислать мне ксении с этим же посыльным, буду очень рад.

В ближайшие 10—12 дней мне предстоит навестить множество различных дел, имеющих ко мне непосредственное отношение; после этого я надеюсь как можно лучше позаботиться об «Орах» и об альманахе.

Песню Миньоны я все же вынужден был, как Вы увидите, поместить здесь ради эффекта, но у меня, вероятно, найдется для альманаха другая¹.

Желаю Вам всех благ, и пусть эта посылка застанет Вас в добром здравии. Мне хотелось бы получить эту

книгу обратно не раньше, чем я покончу полностью со всеми своими делами. Надеюсь вскоре услышать вести от Вас.

Г.

Веймар, 26 июня 1796 года.

176. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 27 июня 1796 года

Сердечно благодарю за посылку. Она застала меня в светлом настроении, и я надеюсь насладиться ею всей душой.

Прощание с длительной и значительной работой всегда приносит скорее печаль, нежели радость. Душевное напряжение спадает слишком быстро, а силы не могут быть тотчас же приложены к новому предмету. Вам, в сущности, следовало бы сейчас найти нечто *энергическое* и обработать какой-нибудь живой сюжет.

Посылаю с нарочным то, что готово из ксенийев. У меня остается еще около восьмидесяти; их доставит Вам посылная. Они принадлежат к числу приятных, и я как раз занят тем, что прибавляю к ним некоторые новые ксении, даруемые мне счастливым настроением. Я вообще надеюсь, что заключение будет очень хорошим. Среди прилагаемых здесь Вы обнаружите около сотни новых знакомых и недосчитаетесь нескольких старых. Причины, по которым я их выбросил, объясню при встрече. Теперь Вы начните безо всякой пощады вычеркивать то, что по тем или иным соображениям покажется Вам неподходящим. Наши запасы выдержат самый строгий отбор.

Пусть Ваш Spiritus¹ ничего не вписывает в рукопись. Я хочу послать её Гумбольдту, и не нужно, чтобы различия в почерках навели его на след автора. Если Вам придут в голову какие-нибудь названия, то будьте так любезны надписать их карандашом.

Для увеличения числа поэтических и приятных ксенийев я хотел бы побудить Вас совершить мысленную прогулку вдоль самых значительных древностей и прекраснейших произведений итальянских живописцев. Эти образы живы в Вашей душе, и счастливое расположение духа может одарить Вас какой-либо удачной мыслью относительно каждого из них. Они тем более подходят

нам как материал, что всецело представляют собой нечто индивидуальное.

Будьте здоровы, радуйтесь жизни и Вашим трудам. У кого еще на свете есть столько оснований для радости?

Моя жена сердечно Вам кланяется; она просто изнывает в ожидании восьмой книги.

Ш.

177. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Не ждите от меня сегодня ничего определенного относительно впечатления, которое произвела на меня восьмая книга. Я испытываю тревогу и удовлетворение в одно и то же время; в моей душе причудливо сплелись томление и покой. Среди множества вынесенных мною впечатлений сильнее всего ощущается образ Миньоны. Не могу пока сказать, не требует ли столь сильное сочувствие большего, чем вложено в этот образ. Возможно также, что это — случайность, ибо, развернув рукопись, я сразу же натолкнулся на песню, и она так глубоко взволновала меня, что я уже не мог освободиться от этого впечатления.

Самым примечательным во всем общем впечатлении кажется мне то, что серьезность и страдание полностью рассеиваются здесь, точно в театре теней, и легкий юмор всецело одерживает над ними победу. Отчасти это объясняется для меня мягкой и легкой манерой повествования, но думаю также, что еще одна причина кроется в театральном и романтическом подборе и сопоставлении событий. Патетика напоминает о том, что это роман, а все остальное — что это жизненная правда. Мучительнейшие удары, наносимые сердцу, быстро забываются, как бы сильно они ни ощущались вначале, ведь их причиняет нечто необычное, а оно-то сильнее всего и напоминает, что это — искусство. Как бы то ни было, несомненно, что серьезное в романе — лишь игра, а игра — единственное подлинно серьезное в нем, и что страдания здесь — лишь видимость, а покой — единственная реальность.

Столь мудро оставленный про запас Фридрих, которому благодаря его бурному темпераменту удастся сбить с дерева зрелый плод и соединить то, что должно быть соединено, предстает при развязке именно как человек, смехом своим пробуждающий нас от тягостного сна. Сон отлетает к другим теням, но его образ остается, чтобы сообщить всему окружающему высшую духов-

ность, а покою и веселью — поэтическое содержание и бесконечную глубину. Эта глубина под безмятежной поверхностью, столь свойственная Вам вообще, и есть преимущественная характерная черта этого романа.

Но я воздержусь сегодня от дальнейшего разговора, сколь сильно ни влекло бы меня к нему; ведь мне не удастся высказать Вам теперь нечто зрелое. Если бы Вы смогли прислать мне черновик седьмой книги, с которого делался список для Унгера, то это было бы очень полезно для меня, так как позволило бы проследить целое во всех его деталях. Хотя книга эта еще свежа в моей памяти, однако какое-то мелкое звено в общей цепи могло ускользнуть от меня.

Теперь я ясно вижу, как превосходно сочетается восьмая книга с шестой и как много дает то, что в этой последней предвосхищены некоторые события. Я уже не мог бы представить себе иной ход развития. Знаешь всю семью задолго до того, как она появляется на сцене, и знакомство это кажется изначальным; такой род оптического обмана производит превосходное действие.

Великолепно сумели Вы использовать коллекцию деда; она поистине является действующим лицом и входит в круг живых.

Но довольно на сегодня. Надеюсь, что к субботе смогу сказать Вам больше.

Прилагаю остаток ксенийев. Как видите, то, что я посылаю сегодня, еще не обрело должной взаимосвязи и все мои попытки сочетать разнородные группы оказались безуспешными. Было бы отлично, если бы нам удалось украсить поискуснее эту последнюю партию.

Если я получу новую часть «Челлини» через три недели, то это будет как раз вовремя.

Будьте здоровы. Сердечный поклон от моей жены, только что погрузившейся в чтение романа.

Я ничего еще не писал Вам о Геспере¹. Он оказался примерно таким, каким я и ожидал его увидеть: чуждым, словно человек, свалившийся с Луны, исполненным благих намерений и совершенно искренне расположенным смотреть на вещи вокруг себя отнюдь не с помощью органа зрения. Но я разговаривал с ним только один раз и, стало быть, еще мало что могу сказать о нем.

Ш.

Иена, 28 июня 1796 года.

178. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сердечно рад тому, что мы дожили наконец до этой поры и что я слышу Ваши первые отзывы о восьмой книге. Для меня бесконечно ценны Ваши слова, свидетельствующие о том, что я в целом создал здесь нечто сообразное моей природе и в то же время — сообразное природе произведения. Посылаю при сем седьмую книгу и с радостью примусь еще раз за восьмую, как только узнаю Ваше суждение во всех подробностях.

Примерно с неделю мне еще придется тратить время на всякие внешние дела, что, впрочем, тоже очень неплохо, ибо когда занимаешься сказками, напоследок сам превращаешься в какой-то вымысел. После этого оставшуюся часть июля должны будут поделить между собой ксении, Челлини и роман. Я избрал образ жизни, довольно схожий с Вашим, и тоже почти не выхожу из дома.

Новые ксении, исполненные достоинства, серьезности и изящества, очень Вам удались; я тоже вынашиваю замыслы всячески пополнить наше собрание, как только для этого найдется подходящее настроение.

Я все-таки рад тому, что Вы повидались с Рихтером; его правдолюбие и его стремление усваивать новое расположили и меня к нему. Однако этот общительный человек представляет собой некую разновидность человека теоретизирующего, и по зрелом размышлении я испытываю сомнение в том, что Рихтер когда-нибудь приблизится к нам в практическом отношении, хотя как раз в теоретическом он, по-видимому, питает к нам большую склонность.

Будьте здоровы. В этом месяце нам следует писать друг другу почаще, ибо то, что должно быть сделано, требует немалой взаимной поддержки.

Г.

Веймар, 29 июня 1796 года.

179. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Так как я не знаю, удастся ли мне написать Вам что-нибудь завтра утром (настолько я завален всевозможными внешними делами), то и посылаю пока *хвалебное письмо*, полученное мною от Гумбольдта. Как обильные его похвалы, так и небольшие его предосте-

режения¹ побуждают меня быть еще осторожнее на той узенькой тропке, по которой я иду. Надеюсь на столь же благотворное действие Ваших замечаний относительно восьмой книги. Будьте здоровы. В скором времени напишу побольше.

Г.

Веймар, 1 июля 1796 года.

180. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 2 июля 1796 года

Теперь я снова, хотя и очень бегло, проглядел все восемь книг романа, и уже сам объем его оказался так велик, что я едва справился с этим за два дня. Поэтому мне, в сущности, ничего еще не следовало бы писать сегодня, ибо поразительное и неслыханное разнообразие, в самом полном смысле слова *сокрытое* здесь, подавляет меня. До сих пор, признаюсь, я осознал лишь *последовательность*, но не *единство*, хотя ни на мгновение не сомневаюсь в том, что и последнее откроется мне в полной ясности, тем более что в произведениях такого рода последовательность сама по себе уже составляет половину единства.

Поскольку в этих обстоятельствах Вы едва ли можете ожидать от меня чего-либо вполне удовлетворительного, а в то же время хотите услышать что-нибудь, то удовольствуйтесь пока отдельными замечаниями, которые тоже будут не совсем лишены ценности, ибо в них отразится непосредственное чувство. За это я обещаю Вам, что весь этот месяц беседа о романе не иссякнет. Достоянная и подлинно эстетическая оценка всего этого творения в целом — великая задача. Я целиком и с радостью посвящу ей ближайшие четыре месяца. К тому же я считаю одной из величайших удач моей жизни то, что я дожил до завершения этого произведения, что событие это пришлось как раз на период расцвета моих душевных сил и что я еще могу черпать из этого чистого источника, а те прекрасные связи, которые существуют между нами, вменияют мне в поистине священный долг отнести к Вашему делу как к моему собственному, преобразить все то реальное, чем я обладаю, в чистейшее зеркало духа, обитающего в этой оболочке, и заслужить тем самым имя Вашего друга в некоем

более высоком смысле этого слова. Как живо ощутил я в этих обстоятельствах, что совершенство есть сила, что оно может воздействовать и на эгоистические души именно как сила и что по отношению к совершенству нет иной свободы, кроме любви!

Не могу описать Вам, как сильно взволновали меня правдивость, прекрасная жизненность и непринужденное изобилие этого произведения. Правда, в волнении моем пока еще больше тревоги, чем будет потом, когда я всецело совладаю с собой и преодолю столь значительный духовный кризис; однако волнение это обусловлено красотой, одной только красотой, а тревога — всего лишь тем, что рассудок не может поспеть за чувством. Теперь я вполне понял смысл Ваших слов о том, что Вас может растрогать, и часто даже до слез, подлинно прекрасное и правдивое. Спокойно и глубоко, ясно и в то же время непостижимо, подобно природе, — вот так оно воздействует на нас, таким оно предстает перед нами, и все в нем, вплоть до мельчайших деталей, являет прекрасную уравновешенность души, из которой оно произошло.

Однако я не могу еще ясно выразить эти впечатления и поэтому ограничусь сегодня лишь восьмой книгой. Как удалось Вам снова так тесно сжать столь огромный, столь широкообъемлющий круг, это поприще стольких лиц и событий! Оно предстает перед нами подобно прекрасной планетной системе; здесь все взаимосвязано, и только итальянские персонажи, точно кометы и точно на тот же зловещий лад, связывают эту систему с чем-то отдаленным и большим. И все эти фигуры — так же, как и Марианна и Аврелия, — вновь совершенно исчезают из этой системы и отделяются от нее как чужеродные тела, послужив только для того, чтобы вызвать внутри ее некое поэтическое движение. Как прекрасно задумано Вами то, что практически чудовищное, устрашающе патетическое в судьбе Миньоны и арфиста проистекает из теоретически чудовищного, из ублюдочных порождений рассудка, так что чистая и здоровая природа не несет за это напрасной вины. Только в лоне тупого суеверия могут быть измышлены ужасающие судьбы, что преследуют Миньону и арфиста. Даже Аврелию губит лишь извращенность ее природы, лишь ее гермафродитизм. Только в том, что касается Марианны, я мог бы

упрекнуть Вас в некотором поэтическом своекорыстии. Я даже мог бы сказать, что она принесена в жертву роману, ведь в соответствии со своей природой она могла быть спасена. Поэтому ее всегда будут оплакивать горькими слезами, меж тем как три другие фигуры с легкостью обратят читателя от индивидуумов к идее целого.

Увлечение Вильгельма Терезой великолепно задумано, мотивировано и разработано — и еще великолепнее использовано. Многих читателей оно изрядно напугает вначале, ибо я не жду, чтобы у Терезы нашлось достаточно доброжелателей; но тем прекраснее Вы выводите Вильгельма из его смятения. Я не представляю себе, как деликатнее, изящнее и благороднее можно было бы расторгнуть эту ложную связь. С какой охотой Ричардсон и все прочие состряпали бы из этого целую сцену — и какую неделикатность проявили бы, выставляя напоказ эти деликатные чувства! Лишь небольшое сомнение возникло у меня по этому поводу. Мужественное и решительное сопротивление Терезы той партии, которая стремится отнять у нее жениха (при том, что у нее вновь появилась надежда овладеть Лотарио), великолепно и к тому же совершенно соответствует ее натуре; и то, что Вильгельм испытывает глубокое негодование и достаточно сильную боль из-за глумления людей и судьбы, кажется мне вполне обоснованным, но только, на мой взгляд, он должен был бы поменьше оплакивать утрату счастья, которое уже переставало быть для него таковым. Вблизи Наталии, думается мне, вновь обретенная им свобода должна была бы показаться ему большим благом, чем он это показывает. Я прекрасно понимаю всю сложность подобной ситуации, понимаю и то, чего требует от автора деликатность, но, с другой стороны, деликатность здесь нарушена по отношению к Наталии, поскольку Вильгельм способен жаловаться ей на то, что он утратил Терезу!

Что особенно еще восхищает меня во всем сплетении событий, так это великая выгода, которую сумели Вы извлечь из ложного отношения Вильгельма к Терезе, чтобы ускорить достижение истинной и желанной цели — соединения Наталии и Вильгельма. Никаким другим путем оно не могло бы совершиться столь прекрасно и естественно, как именно этим ипритом грозившим отда-

лить его. Теперь можно с величайшим целомудрием и чистотой выразить то, что Вильгельм и Наталия предназначены друг для друга, а письма Терезы к Наталии прекраснейшим образом подводят нас к этому. Такие находки особенно прекрасны, ибо они позволяют сочетать все, что только можно пожелать, и даже то, что кажется совершенно несочетаемым; они осложняют коллизию и в то же время несут в себе ее разрешение, они причиняют беспокойство и ведут к покою, они позволяют достичь цели, которую, казалось бы, отдаляли насильственным образом.

Смерть Миньоны, как она ни подготовлена, производит очень сильное и глубокое впечатление, и притом настолько глубокое, что кое-кому может показаться, что Вы слишком быстро уходите от этого события. При первом чтении я очень отчетливо ощутил это; при втором, когда неожиданности уже не было больше, я ощутил это слабее и все же боюсь, что Вы здесь зашли чуть дальше, чем следовало бы. Как раз перед этой катастрофой Миньона становится женственнее, мягче и внушает благодаря этому большой интерес к себе; отчуждающая необычность этой природы идет на убыль, а вместе с убывающей силой несколько сглаживается та резкость, которая отпугивала от нее. В особенности последняя ее песня способна глубоко взволновать наше сердце. Поэтому кажется странным то, что сразу же вслед за потрясающей сценой ее смерти врач готов пуститься в сделку относительно ее трупа и способен так быстро забыть живое существо, что может рассматривать его тело лишь как орудие для искусного эксперимента; странным кажется и то, что Вильгельм, который, в сущности, является причиной ее смерти и знает это, способен в такой миг устремить взгляд на сумку с инструментами и погрузиться в воспоминания о сценах прошлого, когда он должен был бы всецело находиться во власти настоящего.

Даже если в этом случае Вы и не погрешили против природы, я все же сомневаюсь, сумеете ли Вы одержать верх над «сентиментальными» требованиями читателей, и поэтому позволю себе посоветовать Вам обратить на это некоторое внимание для того, чтобы не умалить впечатления, которое произведет на читателя столь великолепно задуманная и выполненная сцена.

В остальном же все, что Вы совершаете с Миньоной, живой и умершей, представляется мне необыкновенно прекрасным. В особенности пристало этому чистому и поэтическому существу столь поэтическое погребение. Своей обособленной фигурой, своим таинственным бытием, своей чистотой и невинностью она так явственно воплощает ту возрастную ступень, на которой находится, и может вызвать чистейшую печаль и поистине человеческую скорбь, ибо в ней воплощено не что иное, как человеческая природа. То, что в ком-либо другом было бы неуместным и в известном смысле даже возмутительным, становится здесь возвышенным и благородным.

Мне хотелось бы, чтобы появление маркиза в семье было бы мотивировано еще чем-нибудь помимо его склонности к искусству. Он совершенно необходим для развития событий, так что *потребность* в его появлении легко могла бы явственнее броситься в глаза, нежели внутренняя необходимость этого. Вы сами избаловали читателя искусным построением всего остального и дали ему право на более строгие требования, чем принято обычно предъявлять к романам. Нельзя ли было бы сделать из этого маркиза старого знакомого Лотарио или дядюшки и тем основательнее вплести его поездку в общую ткань романа?

Развязка истории арфиста, равно как и вся она в целом, возбуждает величайший интерес. О том, как великолепно, на мой взгляд, то, что источником этих ужасающих судеб Вы делаете ханжескую тупость, я уже упоминал выше. Затея духовника расписать легкий проступок как нечто чудовищное, чтобы тем самым заставить замалчивать тяжкое преступление, о котором он умолчит из человеколюбия, просто восхитительна в своем роде и служит достойным образцом всего этого способа мышления. Быть может, Вы сократите еще немного историю Сператы, так как она приходится на самый конец романа, когда читатель с большим нетерпением спешит к цели.

То, что арфист — отец Миньоны и что Вы сами об этом, по сути дела, не говорите и не подсказываете этого читателю, производит тем больший эффект. К этому выводу приходишь теперь сам, когда вспоминаешь, в какой близости жили эти два таинственных существа, и заглядываешь в непостижимую бездну рока.

Однако на сегодня довольно. Моя жена прилагает еще письмецо, в котором она говорит о своих впечатлениях от восьмой книги.

Будьте же здоровы, мой дорогой, мой уважаемый друг! Какое волнение охватывает меня при мысли о том, что то, что мы ищем обычно и обретаем с трудом лишь в бесконечной дали благословенной древности, дано мне в такой близости в Вашем существе. Не удивляйтесь больше, что Вы встречаете так мало людей, способных и достойных понять Вас. Изумительная естественность, правдивость и легкость Ваших произведений устраняют какие-либо мысли о трудности и о величии искусства у обычных ценителей; что же касается тех, кто в состоянии следовать за художником и подмечать средства воздействия, используемые им, то сила гения, которую они видят здесь в действии, настолько подавляет и уничтожает их, настолько угнетает их жалкое Я, что они всячески отталкивают все это от себя, — пусть даже в глубине души, хотя и *de mauvaise grace* *, они, несомненно, живейшим образом преклоняются перед Вами.

Ш.

181. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 3 июля 1796 года

Основательно обдумав поведение Вильгельма после утраты им Терезы и сообразуясь со всем остальным, я отказываюсь теперь от всех своих прежних сомнений. Как оно есть, так и должно быть. Вы проявили при этом высшую деликатность, ничуть не погрешив против правдивости чувств.

Удивительно прекрасно и правдиво нюансированы три характера: канониссы, Наталии и Терезы. Первая и вторая — святые, вторая и третья — истинно человеческие натуры; однако именно потому, что Наталия одновременно святая и земная натура, она предстает перед нами как ангел, между тем как канонисса — лишь святая, а Тереза — лишь всецело земная натура. Наталия и Тереза — обе реалистки; однако в Терезе проявляется еще и ограниченность реализма, в Наталии же — лишь его суть. Я хотел бы, чтобы канонисса не лишала Наталию титула

* неохотно (франц.).

«прекрасной души», ибо только последняя и является здесь, по сути дела, чисто эстетической натурой. Как прекрасно, что ей совершенно неведома любовь как аффект, как нечто исключительное и особое, ведь любовь — ее сущность, ее истинная природа. И канониссе, по сути дела, неведома любовь, но по бесконечно иной причине.

Если я правильно понял Вас, то далеко не случайно, что Вы вводите Наталию в Зал Прошлого непосредственно вслед за разговором о любви и ее незнакомстве с этой страстью. Именно то душевное состояние, которое внушает Зал, возносит нас над любой страстью; спокойствие красоты овладевает душой, и это позволяет нам наилучшим образом постичь свободную от любви и в то же время любвеобильную природу Наталии.

Этот Зал Прошлого чудесно соединяет эстетический мир, царство теней в идеальном смысле, с миром живым и подлинным; точно так же и все вообще применение, которое Вы нашли здесь для произведений искусства, превосходно сочетает все это с целым. Здесь делается столь радостный, свободный шаг наружу из скованной и тесной действительности, который, однако, столь же прекрасно возвращает к ней. Величайшее впечатление производит переход от среднего саркофага к Миньоне и к действительным событиям. Надпись «помни о жизни» превосходна сама по себе, а еще более выигрывает от того, что напоминает о проклятом *memento mori* * и так прекрасно торжествует над ним.

Дядюшка с его своеобразными пристрастиями к определенным явлениям природы чрезвычайно интересен. Именно такие натуры отличаются такой яркой индивидуальностью и такой восприимчивостью чувств, какими должен обладать дядюшка, чтобы стать тем, что он есть. Его замечания о музыке и о том, что она должна звучать только для уха, также полны истины. Нельзя не заметить, что в этот характер Вы больше всего вложили от своей собственной натуры.

Лотарио выделяется менее всех других главных персонажей, но по вполне объективным причинам. Характер такого рода никак не может быть выражен во всей полноте с помощью тех средств, которыми располагает поэт. Никакое действие, никакая речь не могут изобразить

* помни о смерти (латин.).

его; нужно видеть его, нужно слышать его самого, нужно жить в непосредственной близости от него. Поэтому достаточно того, что все живущие рядом с ним столь единодушно выказывают ему доверие и уважение, что его любят все женщины (которые всегда судят по общему впечатлению) и что наше внимание обращено на источники его образования. При изображении этого персонажа воображению читателя предоставляется гораздо большая свобода, чем при изображении других, и с полнейшим на то основанием: ведь он эстетичен и, следовательно, должен быть разработан самим читателем, но не произвольно, а согласно тем законам, которые Вы и установили здесь с достаточной определенностью. Лишь благодаря его приближению к идеалу эта определенность черт никогда не сможет оказаться рельефной.

Ярно до конца остается верен себе, и то, что его выбор пал на Лидию, увенчивает его характер. Как искусно, однако, сумели Вы пристроить своих женщин! Такие натуры, как Вильгельм, как Лотарио, могут быть счастливы лишь в союзе с гармонирующим им существом; такому человеку, как Ярно, это удастся лишь с контрастирующим, — ему всегда нужно нечто такое, что заставляло бы его действовать, размышлять и сравнивать.

Милой графине неважно приходится при окончательном подведении поэтических итогов; однако и здесь Вы поступили в полном соответствии с природой. Такая натура никогда не может быть вполне самостоятельной, ей не суждено такое развитие, которое обеспечивало бы ей покой и душевное благополучие; она всегда будет оставаться во власти обстоятельств, и поэтому некое своеобразное отрицательное состояние — единственное, что ей предназначено. Разумеется, для наблюдателя это малоутешительно, но ведь так оно и есть в действительности, и художник здесь только выражает закон природы.

По поводу графини я должен заметить, что ее появление в восьмой книге кажется мне недостаточно мотивированным. Оно *включается* в ход событий, но не *прорастает* из него.

Характер графа превосходно выдержан, и я должен также с похвалой отметить то, как Вы делаете графа с его столь хорошо продуманным распорядком в доме виновником несчастья с арфистом. Такие педанты при

всей их любви к порядку неизбежно производят один лишь беспорядок.

Проделка маленького Феликса, когда он отпивает из бутылки и это ведет к столь важным последствиям, также принадлежит к удачейшим идеям плана. В романе много изобретений подобного рода, и все они в целом прекрасно продуманы. Таким простым и естественным образом Вы сочетаете обыденное со значительным и, наоборот, создаете сплав неизбежности со случайностью.

Чрезвычайно порадовало меня печальное преображение Вернера. Такой филистер мог некоторое время держаться на высоте благодаря своей молодости и общению с Вильгельмом; но как только эти два ангела покинули его, он, что совершенно естественно, становится жертвой материального и под конец сам удивляется тому, насколько отстал от своего друга. Эта фигура еще потому так полезна для целого, что она объясняет и облагораживает тот реализм, к которому Вы приводите героя романа. Теперь Вильгельм обрел прекрасную человеческую середину — он равно далек от *фантазирования* и от *филистерства*, и после того, как Вы удачно исцелили его от склонности к первому, Вы точно так же предостерегли его от опасностей второго.

Вернер напоминает мне об одной важной хронологической ошибке, которую я, по-видимому, заметил в романе. Вы, вне всякого сомнения, не думаете, что Миньона умирает в возрасте двадцати одного года и что Феликсу в это время около десяти-одиннадцати лет. Точно так же и белокурому Фридриху, когда он появляется в последний раз, должно быть не больше двадцати, и т. д. Между тем получается именно так, поскольку со времени ангажмента Вильгельма у Зерло до его возвращения в замок Лотарио прошло по меньшей мере шесть лет. У Вернера, который в пятой книге еще холост, в начале восьмой уже несколько ребят, «которые пишут и считают, торгуют в лавке и с рук, и каждому из них он уже устроил собственное дело». Поэтому я полагаю, что первому из них должно быть пять-шесть лет, второму — четыре-пять, а поскольку Вернер не мог венчаться сразу же после смерти отца, да и дети появились на свет не тотчас же, то отсюда и получаются те шесть или семь лет, которые должны были пройти между пятой и восьмой книгами.

Возвращаю письмо Гумбольдта. Он высказывает очень много верных мыслей относительно идиллии; кое-что, мне кажется, он воспринял не совсем так, как я. Так, превосходное место:

Молвила тихо: «навек!» —

представляется мне прекрасным не из-за его *серьезности*, которая подразумевается здесь сама собой, но потому, что в этом единственном слове разом и полностью вырывается наружу сердечная тайна со всеми бесконечными ее последствиями. Это единственное слово в этом месте заменяет долгое повествование о любви, и теперь двое влюбленных стоят друг перед другом так, словно бы их связь длится уже годы.

Мелочи, которые Гумбольдт порицает, теряются в красоте целого; тем не менее следовало бы все же обратиться на них некоторое внимание, поскольку доводами его нельзя полностью пренебречь. Два хорея в первом полупентаметре и в самом деле слишком тягучи, и точно так же обстоит дело в других местах. В контрасте между «одно для другого» и «одно о другое»¹ есть действительно нечто легковесное, если отнести к этому со строгостью, а к тому, что касается Вас, всегда хочется относиться со строгостью.

Будьте здоровы. Я написал целое послание; хотелось бы, чтобы Вы прочли его с таким же удовольствием, с каким я его писал.

Ш.

182. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 5 июля 1796 года

Теперь, когда я отчетливее вижу весь роман, у меня недостает слов, чтобы сказать о том, насколько удачно выбран Вами характер героя, если только подобное можно выбирать. Никакой другой не годился бы до такой степени на роль *носителя* событий, и если даже совершенно отвлекся от того, что только благодаря такому характеру и могла быть поставлена и разрешена проблема, то ведь для одного лишь *изображения* всего в целом также не подошел бы лучше никакой другой. Не только *сюжет* нуждался в нем, — он был необходим и *читателю*. Склонность Вильгельма к рефлексии оста-

навливает читателя посреди стремительнейшего бега событий и постоянно вынуждает его устремлять взор в будущее и прошлое и размышлять надо всем тем, что совершается. Герой романа сосредоточивает в себе, так сказать, дух, смысл и внутреннее содержание всего происходящего вокруг него, он претворяет любое смутное чувство в понятие и мысль, выражает частное и единичное в обобщенной форме, позволяет нам глубже постичь значение всего,— и эта соотнесенность его характера в то же время самым совершенным образом знаменует соотнесенность с назначением целого.

Его сословие и та среда, из которой Вы его извлекли, делают его особенно подходящим для этого. Определенный мир совершенно нов для него и тем живее поражает его, и по мере того, как он осваивается с этим миром, он и нас вводит в его недра и показывает нам, что там содержится реального для человека. В нем живо чистое и нравственное представление о человеческой природе, с которым он сопоставляет всякое внешнее проявление последней, и в то время как, с одной стороны, опыт помогает ему сообщить большую определенность его неустойчивым идеям, именно это представление, это внутреннее чувство очищает, с другой стороны, его опыт. Таким путем этот характер предоставляет Вам чудесную возможность изыскивать и собирать воедино все чисто человеческое во всех возникающих событиях и коллизиях. Душа героя представляет собой верное, но отнюдь не пассивное зеркало мира, и хотя его воображение оказывает влияние на его видение, однако это видение лишь идеалиста, а не фантазера, лишь поэта, а не беспочвенного мечтателя: в его основе лежит не произвольная игра воображения, но прекрасная нравственная свобода.

Чрезвычайно правдиво и метко характеризует его чувство недовольства самим собой, когда он преподносит Терезе историю своей жизни. Его ценность заключается в его душе и в его стремлениях, а не в его свершениях и действиях; поэтому-то жизнь его, когда он хочет дать о ней отчет кому-то другому, должна показаться ему такой бессодержательной. Зато какая-нибудь Тереза и подобные ей натуры всегда могут выразить свою ценность в некой наличной монете, всегда могут подтвердить ее тем или иным внешним объектом. Но то,

что Вы одарили здесь Терезу пониманием и чувством справедливости по отношению к этой высшей натуре, тоже весьма прекрасная и тонкая черта: в ее ясной душе должно было отразиться и то, чего в ней нет; благодаря этому Вы сразу же возносите ее над всеми теми ограниченными натурами, которые даже и в представлении не могут выйти за пределы своего убогого «я». И, наконец, то, что Тереза с ее душевным складом верит столь чуждым ей представлениям и чувствам, что она может любить и почитать душу, способную на это, служит в то же время прекрасным доказательством ее объективной реальности, которое должно порадовать каждого читателя, обращающегося к этому эпизоду.

В восьмой книге очень обрадовало меня и то, что Вильгельм начинает увереннее чувствовать себя по отношению к таким непоколебимым авторитетам, как Ярно и аббат. Это также доказывает, что он почти уже покончил с годами учения, и Ярно высказывает по этому поводу совершенно мою мысль, отвечая Вильгельму: «Вы раздосадованы, и это очень хорошо; если Вы когда-нибудь рассердитесь как следует, будет еще лучше». Признаюсь, что без этого свидетельства о чувстве собственного достоинства у нашего героя мне тягостно было бы думать о столь тесной его связи с этим классом, какую влечет за собой его союз с Наталией. Он живо ощущает превосходство знати и испытывает искреннее недоверие к себе и к своему сословию и поэтому кажется не вполне подготовленным к тому, чтобы сохранить в этих обстоятельствах полную свободу; и даже теперь, когда Вы показываете его более мужественным и самостоятельным, нельзя не испытывать некоторой тревоги за него. Сможет ли он когда-нибудь забыть о том, что он бюргер, и разве он не должен будет сделать это, чтобы судьба его обрела прекрасную завершенность? Боюсь, что он никогда не сможет забыть о своем происхождении; он, как мне кажется, слишком много размышлял об этом, и никогда не сможет усвоить во всей полноте то, что видел с такою ясностью вне себя. Аристократизм Лотарио, двойное благородство Наталии — благородство крови и сердца — всегда будут удерживать его на несколько более низкой ступени. Когда же я представляю его зятем графа, который не только не смягчает ничем эстетическим свою знатность, но, напротив, еще сильнее

подчеркивает ее своим педантизмом, мне иной раз становится просто боязно за Вильгельма.

Вообще же очень хорошо, что при всем должном почтении к известным положительным формам Вы игнорируете происхождение и сословное положение как нечто совершенно ничтожное, едва только дело касается чисто человеческого, и притом, что вполне справедливо, не тратите на это ни единого слова. Однако то, что я считаю очевидным достоинством романа, едва ли вызовет всеобщее одобрение. Многим покажется странным, что роман, где нет ровно ничего «санкюлотского», где, напротив, некоторые места могут быть истолкованы как апология аристократии, завершается тремя браками, причем все три — браки неравные. Поскольку я не желал бы, с одной стороны, никакой иной развязки, кроме той, что есть, а с другой — того, чтобы подлинный дух произведения был бы неверно воспринят даже в мелочах и случайных деталях, то и советую Вам подумать: нельзя ли предупредить ошибочное суждение несколькими словами *из уст Лотарио*? Я говорю «из уст Лотарио», ибо он-то и есть аристократический персонаж, он вызовет наибольшее доверие у представителей своего сословия, и именно его *mesailliance* более всего бросается в глаза; одновременно это дало бы не столь часто предоставляющуюся возможность придать образу Лотарио некоторую законченность. Не думаю, что это должно произойти именно в тех обстоятельствах, с которыми читателю и следует соотнести слова Лотарио; гораздо лучше было бы, напротив, чтобы это свое искреннее убеждение Лотарио высказал бы вне всякой конкретной связи и лишь как правило, пригодное для отдельных случаев.

Что касается Лотарио, то можно было бы, правда, сказать, что незаконное и бюргерское происхождение Терезы должно остаться семейной тайной; но тем хуже, скажут иные: ему, таким образом, придется обманывать свет для того, чтобы обеспечить своим детям преимущества своего сословия. Но Вам самим виднее, какого внимания заслуживают эти пустяки.

На сегодня довольно. Вы теперь услышали от меня многое и безо всякого разбора и, насколько предвижу, услышите еще, лишь бы там нашлось что-либо полезное для Вас!

Будьте здоровы и бодры.

Ш.

Если Вы в течение ближайшей недели можете обойтись без Вьейвиля¹, то жена просит прислать его, да и я рад был бы найти в нем чтение на ночь.

Будьте также добры сообщить мне, во что Вам обошлись мои оboи, присчитав к своим издержкам и те два лаубталера, которые я просил Вас уплатить господину Фациусу за печать для «Ор»². Икра, которую прислал Вам Гумбольдт и за которую я с ним рассчитаюсь, стоит восемь рейхсталеров, что, как мне кажется, довольно дорого для блюда уже съеденного.

183. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Тотчас же по получении Вашего первого письма я начал было писать что-то в ответ, но тут среди моих поистине земных дел меня ошеломили два Ваших следующих письма: поистине голоса из другого мира, которым я могу только внимать. Продолжайте же и далее поддерживать и ободрять меня! Ваши соображения дают мне возможность закончить восьмую книгу, как только я снова примусь за нее. У меня уже есть план, как выполнить почти все Ваши пожелания; благодаря этому даже в моих представлениях вся вещь станет и в этих деталях более связной, правдивой и привлекательной. Не отступайтесь, пока не выскажете мне до конца Ваше мнение, и оставьте у себя рукопись на всю неделю. Ту часть «Челлини», которая Вам нужна, я тем временем продвину вперед; я напишу Вам лишь в самых общих чертах о том, что еще намерен сделать в восьмой книге, окончательный же текст должен будет выйти из наших рук в начале августа.

Ваши письма теперь *единственное* мое развлечение, а насколько я благодарен Вам за то, что Вы так сразу помогли мне справиться со многим, Вы вскоре почувствуете сами. Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 5 июля 1796 года.

184. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] среда вечером [6 июля 1796 года]

Я собирался сегодня после обеда заняться Вами и «Мейстером», однако у меня не оказалось ни минуты сво-

бодной, и комнату мою не покидали визитеры. И теперь, когда я пишу Вам, здесь находятся семейства Кальбов и Штейнов; очень много говорят об идиллии и находят, что «в ней содержатся вещи, которые до сих пор не высказывал ни один смертный». Однако несмотря на все свое восхищение, Кальбы скандализированы узелком, который несут вслед за героем¹: они считают, что это наносит урон такому прекрасному произведению. Оно так *богато*, а герой ведет себя как бедняк!

Можете себе представить, как я был огорошен этой критикой. Она была столь неожиданной, что я сперва подумал, будто речь идет о другом произведении. Но так или иначе я заверил их, что меня бедность подобного рода не смущает, лишь бы тут было иное богатство.

Будьте здоровы. В пятницу напишу Вам более обстоятельно.

Ш.

185. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сердечно благодарю Вас за Ваше ободряющее письмо и за то, что Вы поделились своими чувствами и мыслями по поводу романа, в особенности же восьмой его книги. Поскольку произведение это пришлось Вам по душе, Вы не можете не заметить в нем и своего собственного влияния, ибо не подлежит никакому сомнению, что не будь тех отношений, которые возникли между нами, я едва ли смог бы завершить роман или, по меньшей мере, завершить его таким образом. Сотни раз, когда мы говорили о теории и практике, я имел в виду те коллизии, которые теперь предстали перед Вами, и я обдумывал их в одиночестве, руководствуясь теми принципами, которые объединили нас. И сейчас Ваши дружеские предостережения оберегают меня от нескольких очевидных промахов; читая некоторые Ваши замечания, я тотчас же находил, как можно поправить дело, и использую это, когда отдам книгу в переписку.

Сколь редко можно встретить желанное участие к твоим делам и поступкам в обыденной жизни, а в этом возвышенном эстетическом случае едва ли можно было бы даже надеяться на это, ибо на свете не так уж много людей, умеющих видеть произведение искусства в самой его сути, людей, способных охватить его целиком, а ведь к тому же речь здесь идет о даре видеть не только то, что содержит-

ся в произведении, но и то, чего ему недостает. Сколь многое можно было бы прибавить к этому, чтобы охарактеризовать те исключительные отношения, которые связывают меня лишь с Вами одним!

Написав это тотчас же по получении Вашего первого письма, я остановился; внешние и внутренние препятствия помешали мне продолжать, да и к тому же я явственно ощущал, что будь я даже вполне безмятежен, то и тогда бы не смог противопоставить какие-либо свои суждения Вашим. То, что Вы говорите мне, должно быть практически претворено мною в целом и в деталях, чтобы благодаря этому восьмая книга всецело испытала бы на себе Ваше благотворное участие. Продолжайте же знакомить меня с моим собственным произведением; мысленно я уже начал работать в соответствии с Вашими замечаниями и надеюсь сообщить Вам в следующую среду, что и как я намерен сделать в целом. В субботу 16-го я хотел бы получить рукопись обратно и в тот же день собираюсь отправить Вам «Челлини».

Как только ксени будут переписаны, я пришлю Вам экземпляр, предназначенный для Вас, а сам тем временем начну пополнять свой.

Я дал идиллию Кнебелю, чтобы он пустил ее по рукам, и те замечания, о которых он рассказал мне, равно как и те, о которых Вы сообщаете, вновь убедили меня в том, что нашим слушателям и читателям недостает, в сущности, *внимания*, требующегося для произведений такого строгого рода. То, что открывается им сразу, они охотно воспринимают; но то, что оказывается для них своего рода *препятствием*, они столь же поспешно осуждают, не глядя ни вперед, ни назад, не разыскивая связи и смысла, не задумываясь над тем, что они ведь могли бы спросить у поэта, почему он сделал то или иное так, а не иначе. Ведь достаточно же ясно сказано:

Мать *заботливо* мне узелок вручила в *придачу*.

Таким образом, это ни в коем случае не вся его поклажа, которая давно уже находится на корабле и должна находиться там; старуха, как полагается матери и женщине, деятельно занимается мелочами, благословляющий же отец воспринимает идею путешествия в целом. Сын сам берет узелок, потому что мальчик ушел уже тем временем, берет из почтения к матери и еще для того,

чтобы просто подчеркнуть тот золотой возраст, когда охотно обслуживаешь себя сам. И тут, в следующем эпизоде, появляется девушка, которая тоже одаряет юношу, объясняется ему в любви и дает ему нечто большее, чем благословение; мальчик снова возвращается, торопит и берется за поклажу, поскольку сам Алексис едва может добраться до корабля. Но к чему я говорю все это? И почему именно Вам? С другой стороны, следовало бы, возможно, проявить добрую волю по отношению к людям, которые сами готовы проявить ее, и познакомить их со своими эстетическими принципами. Но когда видишь, что никто не в состоянии воспринять целое и что читатели всегда цепляются за частности, то пропадает всякая охота, и остается лишь с божьей помощью предоставить их самим себе. Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей милой жене и поблагодарите ее за письмо. Мне хочется поскорее снова услышать от Вас что-нибудь.

Г.

[Веймар,] четверг [7 июля 1796 года.]

186. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 8 июля 1796 года

Поскольку Вы можете оставить мне восьмую книгу еще на неделю, то я ограничу свои беглые заметки по преимуществу этой книгой; когда же весь роман выйдет наконец из Ваших рук и пустится в странствие по белу свету, мы сможем обстоятельнее побеседовать о форме целого, и Вы окажете мне ответную услугу, внося поправки в мои суждения.

Есть два пункта, на которые мне главным образом и хотелось бы еще обратить Ваше внимание перед окончательным завершением книги.

В том виде, в каком он есть, роман во многом приближается к эпосе, — между прочим и в том отношении, что в нем наличествуют механизмы, которые в известном смысле представляют здесь богов или державный рок. Этого требовал сюжет. Ученические годы Мейстера — не просто результат слепого воздействия природы, но и своего рода эксперимент. Скрыто действующий Высший Разум и Силы Башни сопутствуют Мейстеру, внимательно наблюдают за ним и, не препятствуя свободному движению природы, руководят им издали и ведут его к цели, о ко-

торой он сам еще не подозревает. И хотя это внешнее воздействие едва заметно, едва ощутимо, однако оно действительно присутствует здесь, и для достижения поэтической цели оно было необходимо. *Ученические годы* — понятие относительное, ему требуется *correlatum* в виде *мастерства*, посредством идеи которого оно только и может быть предварительно пояснено и обоснованно. Однако эта идея мастерства, которая является плодом зрелого и законченного опыта, не может сама по себе руководить героем романа; она не может и не должна стоять *перед* ним как цель и смысл его жизни, ибо как только он осознает свою цель, он *eo ipso* * достигнет ее; таким образом, она как руководительница должна стоять *за* ним. Благодаря этому целое обретает прекрасную целесообразность, хотя у героя нет цели; таким образом, дело разума оказывается исполненным, между тем как воображение полностью сохраняет свою свободу.

То, что Вы тем не менее даже в этом деле, в этой цели (единственной, которая действительно выражена во всем романе), даже в тайном руководстве Вильгельмом со стороны Ярно и аббата избегаете всего тяжелого и сурового и обуславливаете это руководство скорее причудой и человечностью, чем нравственными принципами, представляет собой одну из глубоко присущих Вам прекрасных черт. Благодаря этому снова устраняется *понятие* механизма, однако *воздействие* его остается, а все то, что касается формы, остается в границах природы, но только результат оказывается здесь более значительным, чем тот, какого могла бы достичь предоставленная самой себе природа.

При всем этом мне хотелось бы, однако, чтобы Вы сделали несколько более понятными для читателя значимость этого механизма и его неизбежную связь с *внутренней* сутью произведения. Ведь читатель всегда должен ясно видеть устройство целого, хотя оно и остается скрытым от действующих лиц. Боюсь, что многие читатели увидят в этом таинственном воздействии лишь театральный трюк, лишь искусный прием, используемый для того, чтобы усложнить действие, поразить неожиданными эффектами и т. д. Хотя восьмая книга и дает теперь *историческое* объяснение всем отдельным событиям, порожденным этим

* тем самым (*латин.*).

механизмом, однако достаточно удовлетворительного эстетического объяснения внутренней сущности, поэтической необходимости этой машинерии она не дает, и мне самому удалось убедиться в наличии такого объяснения лишь при втором и третьем чтении.

Если я могу поставить еще что-либо в упрек всему произведению в целом, то речь идет о следующем: при той великой и глубокой серьезности, которая царит во всех отдельных эпизодах и сообщает им такую силу воздействия, воображение словно бы слишком свободно играет с целым. Мне представляется, что в свободной грации движения Вы зашли несколько дальше, чем позволяет поэтическая серьезность, и что справедливое отвращение ко всему тяжеловесному, педантическому и чопорному приблизило Вас к другой крайности. Я думаю, что Вы руководствовались здесь известной снисходительностью к слабостям публики, когда использовали театральные средства и следовали театральным целям в большей степени, чем это необходимо и допустимо в романе.

Если когда-либо какое-нибудь поэтическое повествование и могло бы обойтись без помощи чудесного и неожиданного, так это Ваш роман; однако подобному произведению очень легко может повредить то, в чем он не нуждается. Может случиться, что внимание читателя привлекут главным образом частности и оно будет целиком поглощено отгадыванием загадок, тогда как оно должно быть сосредоточено на духовной сущности произведения. Я говорю: «может случиться», но разве мы оба не знаем, что это уже случалось на самом деле?

Вопрос, следовательно, заключается в том, нельзя ли эту ошибку (если только она является таковой) исправить по крайней мере в восьмой книге. В сущности, это коснулось бы только изображения идеи, поскольку сама идея безупречна. Нужно было бы придать бóльшую значимость в глазах читателя тому, к чему он до сих пор относился легкомысленно, а те театральные эпизоды, в которых он мог усмотреть лишь игру воображения, оправдать и перед судом разума посредством более ясно выраженной связи с величайшей серьезностью замысла, как это и происходит, хотя *implicite*, а не *explicite* *. Мне кажется, что аббат мог бы отлично справиться с подобной задачей, и это

* скрыто, а не явно (латин.).

дало бы ему случай полнее выразить себя самого. Пожалуй, не лишним было бы и упомянуть в восьмой книге непосредственную причину, сделавшую Вильгельма объектом педагогических планов аббата. Благодаря этому планы эти обрели бы особую соотнесенность с целым, а личность Вильгельма — еще бóльшую значимость в глазах общества.

Вы разбросали по всей восьмой книге различные намеки на то, что Вы подразумеваете под «ученическими годами» и «мастерством». Поскольку круг идей поэтического произведения главным образом и принимается в расчет,— особенно такой публикой, как наша,— а зачастую оказывается единственным, о чем еще вспоминают впоследствии, то очень важно, чтобы Вы были здесь вполне поняты. Ваши намеки очень хороши, но мне они кажутся недостаточными. Вы, разумеется, хотели предоставить читателю возможность самому доискиваться до сути, а не просто поучать его; но именно потому, что Вы все-таки кое-что высказываете, читатель полагает, что это уже все, и таким образом Вы ограничились Вашу идею гораздо значительнее, чем если бы полностью предоставили читателю искать ее самому.

Если бы мне нужно было достаточно лаконично, без прикрас определить ту цель, к которой в конце концов приходит Вильгельм после долгого ряда заблуждений, то я бы сказал так — от некоего бессодержательного и неопределенного идеала он переходит к определенной деятельной жизни, не утратив, однако, идеализирующей силы. В романе изображены два противоположных отклонения от этого счастливого состояния, и притом изображены во всех своих возможных оттенках и градациях. Начиная с той злосчастной поездки, когда Вильгельм собирается поставить пьесу, не обдумав ее содержания, и до того момента, когда он выбирает себе в жены Терезу, он словно бы *односторонне* проходит весь круг человеческой природы; эти две крайности представляют собой две величайшие антитезы, на которые только может быть способен такой характер, как его, и отсюда-то и должна теперь проистечь гармония. То, что он под прекрасным и радостным руководством природы (благодаря Феликсу) переходит теперь от идеального к реальному, от неясных стремлений к действию и к познанию действительности, не утратив при этом того, что было реальным в его

первоначальных стремлениях; то, что он достиг определенности, не утратив прекрасной определенности; что он учится ограничивать себя, однако в самом этом ограничении вновь обретает, благодаря форме, путь к бесконечному и т. д.— все это я называю кризисом жизни Вильгельма, завершением его ученических лет, причем все движущие силы произведения соединились здесь самым совершенным, на мой взгляд, образом. Прекрасная естественная близость к своему ребенку и союз с благородно-женственной Наталией служат надежным залогом этого душевного здоровья, и мы видим Вильгельма и расстаемся с ним на пути, который ведет к беспредельному совершенствованию.

Но в таком случае Ваши высказывания по поводу понятий «ученические годы» и «мастерство» устанавливают, как мне кажется, более узкие пределы для них обоих. Под первым Вы понимаете только заблуждение, состоящее в том, что человек ищет вне себя то, что должно быть создано им самим в его внутреннем мире; под вторым — убеждение в ошибочности таких исканий, в необходимости самостоятельного созидания и т. д. Но можно ли, в самом деле, полностью охватить и исчерпать всю жизнь Вильгельма, как она предстает перед нами в романе, следуя первому понятию? Дает ли эта формула разъяснение всему происходящему? И может ли Вильгельм обрести внутреннюю свободу только потому, что в нем, как это происходит в конце седьмой книги, заговорили отцовские чувства? То, чего бы я хотел здесь, заключается, следовательно, в том, чтобы связь всех отдельных элементов романа с этим философским понятием стала бы несколько более ясной. Я позволил бы себе сказать так: басня совершенно верна, и мораль басни также совершенно верна, однако их взаимосвязь еще не вполне очевидна.

Не знаю, достаточно ли ясно я изложил оба этих замечания; вопрос касался всего в целом, и было трудно соотнести его с частностями. Но тут, впрочем, хватило бы и намека.

Прежде чем Вы пошлете мне экземпляр ксенийев, будьте так добры просто вычеркнуть все то, что Вы хотели бы выбросить оттуда, и подчеркнуть то, что хотели бы изменить. Тогда я смогу сперва исправить то, что в этом нуждается.

Если бы Вы только нашли время и настроение для маленьких прелестных стихотворений, которые Вы собирались еще дать в альманах, и для выношенной *in petto** песни Миньоны! Успех альманаха, в сущности, целиком зависит от Вашего вклада. Я теперь снова живу и творю лишь в сфере критики, чтобы полнее уяснить себе «Мейстера», и поэтому могу сделать для альманаха лишь немного. К тому же у моей жены скоро наступят роды, а это не способствует поэтическому настроению.

Она передает Вам сердечный поклон.

Будьте здоровы. В воскресенье вечером я надеюсь снова сказать Вам что-нибудь.

III.

Не будете ли Вы добры взять для меня в веймарской библиотеке пятый том большого собрания Муратори¹?

И еще одна маленькая просьба,

Мне хотелось бы поместить в начале нового «Альманаха Муз» Ваш портрет², и я написал сегодня в Берлин Больту, не возьмется ли он за эту работу. Но я хотел бы, чтобы портрет был выполнен по картине, а не по гравюре Липса, и поэтому задаю вопрос: не решитесь ли Вы одолжить для этого портрет работы Мейера?

Если же Вы не захотите расстаться с портретом на время, то не позволите ли мне заказать с него копию, если только в Веймаре найдется более или менее сносный живописец?

187. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

В то время как я помечал для Вас на особом листке те пассажи, которые я собираюсь изменить или дополнить согласно Вашим указаниям, прибыло Ваше сегодняшнее письмо, за которое я должен принести Вам величайшую благодарность, ибо содержащиеся в нем замечания вынуждают меня внимательно отнестись к подлинному завершению всего целого. Прошу Вас, продолжайте и далее, если так можно выразиться, гнать меня за мои собственные границы. Недостатки, справедливо подмеченные Вами, обусловлены самой сущностью моей натуры, некой врожденной странностью, из-за которой я спокойнее чувствую себя, когда могу укрыть от человеческих глаз свое бытие,

* в душе (*итал.*).

свои поступки, свои сочинения. Так, я всегда охотнее путешествую инкогнито, худшее платье предпочитаю лучшему, в разговоре с людьми незнакомыми или малознакомыми выбираю незначительные темы или по крайней мере подбираю менее значительные выражения, чтобы показаться легкомысленнее, чем я есть на самом деле; таким образом я, если так можно сказать, становлюсь между самим собой и своим внешним проявлением. Вы хорошо знаете, как это происходит и с чем это связано.

После этой общей исповеди я охотно перейду к особой и признаюсь, что без стимулов и импульсов, исходящих от Вас, я бы и в этом романе — вопреки своему разуму и убеждениям — подчинился бы этой своей особенности, что при тех огромных усилиях, затраченных на него, было бы непростительно, тем более что все, что здесь требуется, отчасти очень легко уяснить, отчасти очень просто выполнить.

Так, например, если бы внимание аббата к Вильгельму было бы ясно выражено с самого начала, это совершенно по-иному осветило и одухотворило бы все в целом, однако я не воспользовался этим и едва решился вложить в уста Вернера некую похвалу внешности Вильгельма.

В седьмой книге я оборвал «Поучение»¹ на середине, так что теперь там можно прочесть лишь несколько высказываний об искусстве и о художественном чувстве. Во второй его половине должны были содержаться значительные мысли о жизни и о смысле жизни, и мне предоставлялась тут прекрасная возможность объяснить и оправдать с помощью устного комментария аббата все события вообще и в особенности те события, которые были вызваны силами Башни; таким образом, я смог бы оградить всю эту машинерию от подозрений в том, что она появляется лишь на потребу романа, и придать ей эстетическую ценность или, вернее, выявить ее эстетическую ценность. Вы видите, что я вполне согласен с Вашими замечаниями.

Нет никакого сомнения в том, что внешние, то есть выраженные мною итоги гораздо более ограничены, чем содержание романа, и я кажусь себе человеком, который, написав в столбец множество крупных чисел, под конец намеренно делает ошибки в сложении, чтобы бог весть по какому капризу уменьшить итоговую сумму.

Я обязан Вам живейшей благодарностью — помимо

столь много другого — еще и за то, что Вы так вовремя и таким решительным образом завели речь об этой извращенной манере; разумеется, я пойду навстречу Вашим справедливым пожеланиям, насколько смогу. Стоит мне только соотнести содержание Вашего письма с соответствующими местами, как дело будет сделано. Но если даже случится так, что последние значительные слова не вырвутся из моей груди, ибо человеческая извращенность создает порой непреодолимые препятствия, то я попрошу Вас добавить под конец несколькими смелыми мазками то, что я, связанный своеобразнейшей природной неизбежностью, не в состоянии буду произнести. Продолжайте наставлять и ободрять меня в течение всей этой недели, а я тем временем позабочусь о «Челлини» и, если удастся, об альманахе.

Г.

Веймар, 9 июля 1796 года.

К восьмой книге

1. Удовлетворить требование сентиментального чувства при смерти Миньоны.
2. Отодвинуть назад предложение о бальзамировании и размышления о ленте.
3. Лотарио, говоря об отмене феодальной системы, может высказать нечто такое, что откроет перспективу для браков в конце книги.
4. Маркиз будет упомянут ранее как друг дядюшки.
5. Титул «прекрасной души» останется за Наталией.
6. Появление графини будет мотивировано.
7. Возраст детей Вернера будет несколько уменьшен².

188. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Возвращаю Вам ксени с моими пометками; серьезные и благожелательные ксени теперь столь сильны, что прохвостам, на которых мы нападаем, начнут завидовать из-за того, что они упоминаются в столь хорошем обществе.

Что касается портрета, то я не знаю, как нам поступить. Здесь нет никого, кто мог бы снять с него копию, пригодную для этой цели; отсылать же оригинал слишком опасно, да и Болът хотя человек услужливый, но, как мне кажется, не слишком дельный художник. Как тут быть? Не отложить ли Вам этот дружеский план до

возвращения Мейера, когда мы во всех отношениях можем рассчитывать на что-нибудь хорошее?

Кланяйтесь Вашей милой жене. Если Вы, когда Ваша семья увеличится, пожелаете прислать к нам на первое время Карла, то Август очень ему обрадуется, и он будет прекрасно чувствовать себя в обществе множества детей, которые собираются в моем доме и саду. Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 9 июля 1796 года.

Муратори прилагается. Вьейвила Вы, должно быть, уже получили.

Счет пришлю в ближайшие дни.

Из-за различных сокращений в следующей партии Челлини также будет всего три печатных листа и несколько страниц.

189. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 9 июля 1796 года

Мне очень приятно было услышать, что я сумел ясно изложить свои мысли относительно двух пунктов и что Вы намерены обратить на них внимание. Вам совсем не придется при этом отречься от того, что Вы называете своей врожденной странностью. Ведь это тоже составляет Вашу поэтическую индивидуальность, в пределах которой Вы и должны оставаться; все прекрасное в произведении должно быть Вашим. Таким образом, дело сводится к тому, чтобы извлечь из этого субъективного своеобразия объективную пользу для произведения, что, вне всякого сомнения, Вам удастся, коль скоро Вы этого захотите. С точки зрения содержания в произведении должно заключаться *все*, что необходимо для его истолкования; с точки зрения формы все это *неизбежно* должно заключаться в нем как следствие внутренней взаимосвязи, однако насколько прочной или условной будет эта взаимосвязь, зависит от Вашей собственной природы. Читателю, конечно, было бы проще, если бы Вы сами сполна отсчитали бы ему в наличной монете все определяющие моменты таким образом, чтобы ему оставалось только получить их; однако он, несомненно, будет прочнее прикован и будет чаще возвращаться к ней, если будет вынужден помогать себе сам. Таким образом, если Вы и позаботитесь о том, чтобы он непременно нашел что-нибудь

(при условии, что он ищет добросовестно и осмысленно), то ведь этим Вы не избавите его от самих поисков. Результатом всего этого должно стать собственное, свободное, но отнюдь не произвольное творчество читателя; последнее, однако, всегда должно оставаться своеобразной наградой, которая выпадает лишь на долю достойного, тогда как от недостойного она ускользает.

Чтобы не забыть, перечислю здесь еще несколько замечаний, на которые прошу обратить внимание в связи с этой тайной машинерией: 1) Читатель захочет узнать, зачем аббат или его пособник появляется в роли призрака отца Гамлета. 2) То, что покрывало с надписью «Беги, беги...» упоминается дважды, заставляет ожидать, что эта проделка призвана служить какой-то немаловажной цели. Могут спросить, почему, с одной стороны, Вильгельма отваживают от театра, а с другой — помогают ему поставить любимую пьесу и дебютировать в ней? На эти два вопроса будут ждать более определенного ответа, чем тот, который пока дал Ярно. 3) Хотелось бы также знать, были ли аббат и его друзья еще до появления Вернера в замке осведомлены о том, что при покупке имения им придется иметь дело со столь пунктуальным другом и родственником; так оно и есть, по-видимому, но тогда то, что они делают из этого такую тайну для Вильгельма, вызывает недоумение. 4) Желательно было бы все же, чтобы был раскрыт источник, из которого аббат почерпнул сведения о происхождении Терезы, в особенности потому, что несколько странным кажется, как такое важное обстоятельство могло оставаться тайной для столь заинтересованных в этом и к тому же столь хорошо осведомленных лиц вплоть до момента, когда это понадобилось автору.

То, что вторая половина «Поучения» опущена, объясняется, по-видимому, простой случайностью; однако умелое использование случайности зачастую приносит в искусстве — так же, как и в жизни, — превосходнейшие плоды. Мне представляется, что эту вторую часть можно было бы поместить теперь в восьмой книге в каком-нибудь более значительном месте и добиться благодаря этому совершенно иных преимуществ. События за это время продвинулись вперед, сам Вильгельм многого достиг в своем развитии, и теперь как он, так и читатель гораздо лучше подготовлены к восприятию практических выводов относительно жизни и ее смысла; кроме того, Зал Прошло-

го и сближение Вильгельма с Наталией могли бы создать более благоприятное к тому настроение. Поэтому я очень советовал бы Вам не только не выбрасывать эту половину «Поучения», но, напротив, по возможности изложить в ней — явственно или скрыто — философскую идею произведения. Без этого такая публика, как нынешняя наша немецкая публика, едва ли сумеет прийти к пониманию идеи произведения и даже к пониманию заглавия, которое стоит на книге и явственно выражает эту идею.

К немалому своему удовлетворению я нашел в восьмой книге несколько строк, направленных против метафизики и посвященных потребности человека в спекулятивном мышлении¹. Однако милостыня, уделенная Вами бедной богине, оказалась настолько скудной и незначительной, что я не знаю, можно ли отделаться от нее таким скупым подаянием. Вы, вероятно, понимаете, о каком месте я говорю, ибо строки эти свидетельствуют, как мне кажется, о том, что Вы решились поместить их после долгих размышлений.

Признаюсь, это довольно-таки смело: написать в наш рассудочный век роман такого содержания и такого охвата, где столь непринужденно игнорировалось бы «единственно необходимое», и заставить такую сентиментальную натуру, какой всегда останется Вильгельм, завершить свои ученические годы без содействия этой досточтимой руководительницы. Самое скверное то, что он действительно и всерьез завершает их, а это как раз и порождает отнюдь не самое лучшее мнение о важности такой руководительницы.

Но, кроме шуток: как вышло так, что Вы смогли воспитать и полностью сформировать человека, ни разу не столкнувшись с теми потребностями, удовлетворить которые способна только философия? По моему убеждению, это должно быть приписано исключительно тому эстетическому направлению, которое Вы приняли во всем романе. В пределах эстетического умонастроения не возникает никакой потребности в тех утешительных доводах, которые черпают из спекулятивного мышления; в таком умонастроении уже заключены самостоятельность и безграничность; лишь тогда, когда в человеческой душе враждебно противостоят друг другу чувственное и нравственное начала, лишь тогда и должно прибегать к помощи чистого разума. Здоровая и прекрасная природа не нужда-

ется, как Вы сами говорите, в какой бы то ни было морали, естественном праве, политической метафизике; Вы могли бы с полным на то основанием прибавить еще, что для своего утверждения и дальнейшего существования она не нуждается в каком бы то ни было божестве и бессмертии. Хотя три первых пункта, вокруг которых в конечном счете вращается всякая спекулятивная мысль, и дают душе, склонной к чувственному, пищу для поэтической игры, однако они никогда не смогут стать серьезной проблемой и потребностью.

Пожалуй, единственное, что можно было бы упомянуть здесь в виде возражения, состоит в том, что наш приятель еще не обладает в полной мере той эстетической свободой, которая совершенно обезопасила бы его от определенных затруднений и от необходимости прибегать к определенным вспомогательным средствам (к умозрению). Он не лишен склонности к философствованию, присущей всем сентиментальным натурам, и если когда-нибудь ему придется вступить в сферу спекулятивного мышления, то при таком отсутствии философского фундамента дела его будут плохи, ибо только философия способна обезвредить философствование, которое иначе неизбежно превратится в мистицизм. (Доказательством этого может служить та же канонисса. Определенный недостаток эстетического чувства сделал для нее умозрение потребностью, и тут она впала в гернгутерство, потому что философия не оказала ей помощь; будь она мужчиной, она, вероятно, прошла бы через весь лабиринт метафизики.)

Но тогда к Вам предъявляется новое требование (последнее, ибо во всем остальном Вы удовлетворили самые высокие притязания) — требование наделить Вашего питомца полнейшей самостоятельностью, уверенностью, свободой и как бы архитектурической устойчивостью с тем, чтобы он мог стоять вечно, не нуждаясь ни в какой внешней поддержке; желательно, стало быть, чтобы эстетическая зрелость совершенно избавила бы его от потребности в философском образовании, которого он не получил. Вопрос теперь ставится так: в достаточной ли степени он реалист для того, чтобы никогда не испытывать нужды в поддержке чистого разума? А если нет, то не следует ли несколько больше позаботиться о потребностях идеалиста?

Быть может, Вам покажется, что я просто-напросто

прибегаю к искусственному окольному пути, чтобы все-таки загнать Вас в философию; однако то, чего еще недостает мне, безусловно может быть отлично восполнено и в пределах Вашей формы. Мое пожелание состоит лишь в том, чтобы Вы не *обходили* предметов *quaestionis**, но разрешали их целиком на свой лад. Того, что в Вас самих заменяет всякое умозрительное знание и делает чуждым для Вас всякую потребность в таковом, будет совершенно достаточно и для Мейстера. Вы уже заставили дядюшку сказать очень многое, да и сам Мейстер несколько раз весьма удачно затрагивает этот пункт; таким образом, сделать оставалось бы совсем не так уж много. Если бы я только мог изложить в духе Вашего образа мысли то, что высказано сообразно с моим духом в «Царстве теней»² и в «Эстетических письмах», мы очень скоро пришли бы к согласию.

Высказывание о внешности Вильгельма, которое Вы вкладываете в уста Вернеру, необыкновенно удачно воздействует во всем целом. Мне пришло в голову, что Вы могли бы воспользоваться графом, появляющимся в конце восьмой книги, чтобы доставить Вильгельму полный почет. Что, если бы граф, этот церемониймейстер романа, своим уважительным отношением и определенного рода обхождением, которое мне незачем обрисовывать Вам в деталях, сразу же возвысил бы Вильгельма над его сословным положением и этим как бы даровал ему недостающий дворянский титул? Несомненно, что, если бы его отличил сам граф, дело было бы сделано.

У меня есть еще одно замечание, относящееся к поведению Вильгельма в Зале Прошлого, когда он впервые вступает туда вместе с Наталией. Он кажется мне здесь все тем же прежним Вильгельмом, который в дедовском доме охотнее всего проводил время перед большим королевичем и которого застал на столь же неверном пути незнакомец в первой книге. Он и тут по преимуществу останавливается на *сюжетах* произведений искусства и, по-моему, чересчур поэтизирует их. Не уместно ли было бы показать здесь начало некоего более благоприятного кризиса в душе Вильгельма и изобразить его если не знатоком (что невозможно), но хотя бы более объективным созерцателем, так, чтобы какой-нибудь друг вроде

* подлежащих исследованию, спорных (*латин.*).

нашего Мейера мог бы возлагать на него некоторые надежды?

Вы так удачно заставляете Ярно уже в седьмой книге высказать в присущей ему жесткой и сухой манере ту истину, которая сразу же значительно продвигает вперед и героя, и читателя; я имею в виду место, где он решительно отказывает Вильгельму в актерском даровании. Теперь мне пришло в голову: не может ли он оказать Вильгельму подобную услугу в отношении Терезы и Наталии и с той же пользой для всего в целом? Ярно кажется мне человеком, вполне подходящим для того, чтобы сказать Вильгельму, что Тереза не способна сделать его счастливым, а заодно и обронить намек на то, какой женский характер ему подходит. Такого рода скупые слова, произнесенные в надлежащий момент, освобождают читателя от тяжкого гнета и действуют наподобие молнии, озаряющей всю сцену.

Понедельник утром [11 июля]

Посетитель помешал мне вчера отправить это письмо. Сегодня я уже ничего не могу прибавить к нему, так как у нас тут слишком уж беспокойно. Жена скоро должна разрешиться, и Штарк ожидает наступления родов уже сегодня. Сердечно благодарим Вас за дружеское предложение взять к себе Карла. Он нам не в тягость, так как мы наняли еще несколько человек прислуги и так распределили комнаты, что он никому не мешает. Я очень Вам признателен за Вьейвиля и Муратори³. Шлегель снова прибыл сюда вместе с женой⁴; маленькая Паулюс спешно уехала в Швабию навестить больную мать. Будьте здоровы. Надеюсь, что в среду смогу с облегченным сердцем сообщить Вам дальнейшие новости.

Ш.

190. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена] Понедельник, 3 часа пополудни
[11 июля 1796 года]

Два часа тому назад маленькая женщина родила вопреки всем ожиданиям очень быстро и, благодаря содействию Штарка, легко и благополучно. Мои желания исполнились в полной мере, так как это — мальчик¹, здоровый и крепкий на вид. Можете себе представить, как легко у меня теперь на сердце, тем более что я ожидал не без тревоги, как бы схватки не вызвали преждевременных родов.

Теперь я могу, таким образом, начать пересчитывать членов моей маленькой семьи. Это — совершенно своеобразное ощущение, и переход от одного к двум оказался гораздо значительнее, чем я ожидал.

Будьте здоровы. Жена Вам кланяется; если не считать слабости, она чувствует себя очень хорошо.

Ш.

191. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

От всей души поздравляю Вас с новорожденным; пусть оба мальчика принесут Вам много радостей. Передайте Вашей милой жене самый сердечный привет.

В следующую субботу¹, если удастся, я приеду навеситить Вас. Нам непременно нужно теперь устно посоветоваться относительно романа, а также насчет ксенийев и некоторых других вещей, которые лежат у меня на сердце; что касается первого, то главный вопрос тут состоит в следующем: где завершаются *ученические* годы в прямом значении слова и насколько оправдан замысел вновь вывести в будущем на сцену эти же фигуры. Ваше сегодняшнее письмо указывает мне, в сущности, на возможность продолжения романа, о чем я и сам уже думаю с увлечением; но и об этом мы поговорим при свидании. То, что необходимо для прошлого, должно быть *сделано*; что же касается будущего, то на него следует *намекнуть*, оставив зацепки, которые подобно самому плану укажут на последующее продолжение; я хотел бы подробно обсудить все это с Вами. Не отправляйте мне ничего с посылной и оставьте у себя рукопись. Ксении, Челлини и, быть может, еще что-нибудь я привезу с собой. Кланяйтесь Шлегелю и его жене; я рад, что на этот раз увижу их обоих.

То, что наша маленькая приятельница² отправилась в путешествие по такому неприятному поводу и в такое беспокойное время, не очень-то мне нравится; обстановка в Швабии, а также на Верхнем и Нижнем Рейне внушает самые серьезные опасения.

Будьте здоровы и наслаждайтесь в Вашей мирной долине прекрасным временем года хотя бы у окна.

Г.

Веймар, 12 июля 1796 года.

192. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена] Вторник вечером, 12 июля [1796 года]

Пока что дела маленького сообщества обстоят так, как только можно пожелать. Жена решается кормить сама, и я очень этим доволен.

В четверг состоятся крестины. Если и дальше все пойдет так же спокойно, как теперь, то у меня на душе будет достаточно легко для того, чтобы еще раз внимательно проглядеть восьмую книгу романа перед тем, как вернуть ее Вам.

Не беда, если следующая порция Челлини также будет мала. У меня нет недостатка в подходящих вещах, которыми можно заполнить номер.

Вы еще не написали мне, как обстоит дело с рисунком и гравюрой к статье Гирта¹.

Мне очень жаль, что я не смогу получить Ваш портрет для нынешнего альманаха. Какое-нибудь украшение нам так или иначе нужно, а это было бы самым подходящим. Поскольку мне не хочется брать изображение кого-либо другого из ныне живущих литераторов, то я постараюсь отыскать портрет недавно скончавшегося *Уца*². Публика воздаст должное нашему беспристрастию и *honnêteté**, если мы подобным образом почтим одного из представителей минувшей эпохи. Не смогли бы Вы помочь мне в этом при содействии Кнебеля? Я охотно заплачу, что может стоить портрет в красках или рисунок.

Желаю Вам всего наилучшего. Моя жена сердечно Вам кланяется. Крестной матерью будет госпожа Шарлотта³; она очень серьезно относится к этому и удивляется тому, что Вас не будет рядом с нею, тем более что среди имен малыша фигурирует и Вильгельм⁴.

Будьте здоровы.

Ш.

193. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Желаю счастливого продолжения всему тому, что связано с новорожденным. Поклонитесь от меня Вашей милой жене и госпоже куме. Я приехал бы на крестины и без приглашения, если бы только меня не раздражали так эти церемонии. Зато я приеду в субботу, и мы насладимся несколькими радостными днями. Сегодня у

* учтивости (*франц.*).

меня особый юбилей: со времени моей женитьбы¹ прошло восемь лет, со времени Французской революции — семь.

Г.

Гравюры к статье Гирта находятся в работе и обещают быть удачными. За одну не соглашались взять меньше четырех каролинов, другая же, по-видимому, обойдется несколько дешевле. Обе они, конечно, требуют большой и кропотливой работы.

К Кнебелю относительно Уца я обращаюсь.
[Веймар, 13 июля 1796 года.]

194. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

В обществе надворного советника Лодера я чрезвычайно быстро добрался вчера до дому. Роман усердно переписывается. Сегодня утром за стаканом пирмонтской воды я задумал небольшую статью¹, в которой собираюсь в первую очередь дать отчет себе и Вам в моем методе наблюдения природы; в будущем из этого может получиться своеобразное предисловие к моим работам подобного рода. Прилагаю произведение природы², которое в это время года должно быть уничтожено очень быстро. Хотелось бы, чтобы оно вполне пришлось Вам по вкусу.

Г.

Веймар, 20 июля 1796 года.

195. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Лишь несколько строк приветия и нашей сердечной благодарности за рыбу, которая пришлась по вкусу нам, а именно моей теще, мне и Шлегелям, нарочно приглашенным по этому случаю.

Я так опустошен и утомлен спешным письмом к Котте и всякими мелкими заботами, что у меня нет ни сил, ни желания писать что-либо еще. Надеюсь, что франкфуртские события¹ не столь уж сильно затронули и затронут Вас и Вашу матушку. Если Вы узнаете обо всех этих событиях что-нибудь такое, чего нет в газетах, то поделитесь новостями и со мной.

Будьте здоровы.

Ш.

Около 10 часов вечера
[22 июля 1796 года]

Сегодня здесь рассказывали, что коадьютор² взят в плен.

196. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я получил от Мейера два письма¹, очень меня успокоившие; он вернулся во Флоренцию вместе с одним соотечественником, пребывает в отличном расположении духа, уже составляет обзор произведений Челлини и необыкновенно наслаждается старыми флорентийцами.

Прилагаю письмецо², которое прошу никому не показывать; если узнаю еще что-нибудь, то сообщу. Франкфурт все же пострадал больше, чем можно было предполагать.

Роман усердно переписывается. В будущую среду я надеюсь отослать бóльшую его половину. Очень хорошо, что мне удалось настолько продвинуться с ним, и замечательно, что Вы помогли мне оценить его. В такие дни, как теперь, почти невозможно обрести необходимую сосредоточенность и внимание. Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 22 июля 1796 года.

23 июля.

Вот еще несколько известий:

Курфюршество Саксонское готовится выставить кордон.

Французы отбросили австрийцев при Гемюндене и благодаря этому оказались всего лишь в пяти милях от Вюрцбурга. Вероятно, они уже заняли его и нашли там великолепные склады и припрятанные сокровища.

По всем сведениям саксонские соединения отступают. Австрийцы отходят за Дунай, и Вюрцбургу пришлось выставить 12000 лошадей, чтобы отправить их *retro* *.

Вюртемберг запросил мира и уже заключил перемирие³. Мангейм, по-видимому, все равно что потерян. Императорский двор затребовал 30000 человек из Богемии и Галиции.

Франкфурт потерял 174 дома, выплачивает 8 миллионов ливров деньгами, 1 $\frac{1}{2}$ миллиона сукном и тканями, а также множество *vivres*** ; взамен ни один житель города не может быть казнен без суда.

Вот так примерно звучат те отрадные известия, что приходят отовсюду. Судьба нашей местности зависит лишь от того, удастся ли нам выиграть время. Первому натиску

* назад (латин.).

** съестных припасов (франц.).

или какому-нибудь неожиданному набегу, во всяком случае, может быть дан отпор. То, что прусский король находится в Пирмонте, так что последняя инстанция оказывается неподалеку от нас; то, что и он, и ландграф Гессенский должны быть весьма заинтересованы в достижении мира для курфюршества Саксонского; то, что французы в достаточной мере заняты преследованием австрийцев через Франконию, Швабию и Баварию вплоть до Богемии, чтобы разбить их на их собственной, исконной территории,— все это, вместе взятое, позволяет нам испытывать некоторую надежду, хотя она, подобно многим другим, легко может обратиться в прах.

От моей матери у меня нет никаких вестей; она живет на большой площади, где находится главная кордегардия, и ей видна из окон вся Цейле, так что у нее перед глазами лежит как раз та часть города, которая подверглась бомбардировке.

Тем временем я продолжал катать свою бочку⁴. По мере того как продвигалась переписка романа, я старался удовлетворить различные *desiderata**; насколько удачно, судить Вам. Будьте здоровы. Известие относительно коадьютора неправдоподобно, у него было достаточно времени и возможности отступить к Ульму; даже корпус Конде⁵, стоявший во Фрейбурге, по-видимому, спасся. Обо всем, что я услышу в дальнейшем, узнаете и Вы.

Г.

197. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 25 июля 1796 года

В последние дни я чувствовал себя недостаточно хорошо, чтобы говорить о чем-либо действительно интересующем нас; да и сегодня я воздержусь от этого, потому что после бессонной ночи мысли у меня идут вразброд.

Политические дела, которых я всегда так охотно избегал, теперь буквально одолевают со всех сторон. Французы в Штутгарте, куда сначала якобы бросились имперцы, так что город был обстрелян. Я не могу, однако, поверить этому, поскольку в Штутгарте нет крепостных стен, и ни один человек, находящийся в здравом уме, не может рассчитывать продержаться там и трех часов. От моих близких вот уже несколько недель нет никаких известий;

* пожелания (латин.).

то, что я сообщаю Вам, взято из письма маленькой Паулюс. Когда малютка писала его, сообщение между Штутгартом и Шорндорфом было уже нарушено, так что и почта оттуда не поступала.

Здесь, в моем доме, все, пока вполне благополучно, только мою жену, как видно, постигла неудача с кормлением, так как у нее иссякло молоко.

На днях я узнал, что Штольберг¹ в компании каких-то своих приятелей торжественно сжег «Мейстера», всего, кроме шестой книги, которую он спас подобно «Райскому вертограду»² Арндта и отдал в переплет. Он самым серьезным образом считает ее апологией гернгутерства и чрезвычайно восхищен этим.

На мой «Альманах Муз» ходит эпиграмма Баггесена, полагающего, что он разделался с «Эпиграммами»³. Соль ее заключается в том, что здесь, мол, читателю сначала показывают процессию идеальных фигур, а под конец выливают на голову венецианский ночной горшок. Суждение это по меньшей мере вполне достойно облитой собаки. Рекомендую Вам обе эти avis * для наилучшего использования⁴. Будьте так добры прислать мне все, что еще есть у Вас из ксений, ибо нам пора уже всерьез подумать об их печатании.

Мой предыдущий «Альманах Муз» запрещен в Вене, тем меньше следует нам церемониться в новом⁵.

Прилагаемая эпиграмма представляет собой, как Вы увидите, последнюю новинку из Берлина⁶.

Будьте здоровы. Переписанная восьмая книга снова, должно быть, приведет меня в движение. О естественно-исторических предметах — при встрече. Гердер прислал для альманаха различные произведения⁷, и в том числе такие, о которых сказано:

facit indignatio versum
Qualem cunque potest**.

Жена сердечно Вам кланяется.

III.

198. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю Вам очень хорошее письмо Мейера; это второе письмо, полученное мною из Флоренции, где он

* новости (франц.).

** порождается стих возмущением (латин.)⁸.

чувствует себя отлично, и я хочу лишь, чтобы он по возможности прочно обосновался там.

В субботу я, вероятно, пришлю Вам еще дюжины две ксений. Не смогли бы Вы прислать мне рукопись до того, как начнете подготовку альманаха? Я изменил в ксениях несколько мест, подобрал к некоторым из них названия; быть может, что-нибудь из этого пригодится.

Переписка романа подвигается, и мне еще многое нужно в нем сделать; я надеюсь послать его Вам 3 или 6 августа, 10-го же я приеду к Вам, и тут мы, надеюсь, быстро приведем его к завершению.

К тому времени, быть может, несколько прояснится бедственная политическая обстановка; Тюрингия и Саксония получили, кажется, отсрочку для размышлений, и уже одно это — большое счастье.

Статья Канта об *аристократическом* тоне в философии¹ очень меня порадовала; сочинение это будет способствовать разделению того, что нельзя соединять.

Штольбергу за устроенное им аутодафе и Баггесену за его эпиграмму достанется по заслугам; ведь они пользовались некоторым кредитом только потому, что их терпели, и для нас не составит труда указать им то место, которое им подобает. Будьте здоровы. Желаю Вашей жене поправиться, а малышу и дальше развиваться при всех этих переменях. Я буду пока что работать как можно усерднее, чтобы спокойно пробыть некоторое время подле Вас и иметь возможность обсудить с Вами некоторые новые проекты.

Г.

Веймар, 26 июля 1796 года.

199. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

И Вы, и некоторые другие мои друзья очень часто высказывали пожелание, чтобы нашим актерам позволялось иногда играть в Иене. Теперь приближается время, когда мы могли бы прислать их к вам из Лаухштедта¹; если представление состоится хотя бы раз, то вполне естественно, что дело это сможет продолжаться и дальше. Напишите же мне о настроениях в Иене — и в особенности постарайтесь заручиться содействием женщин.

Герцог (говоря между нами) полностью предоставил это дело мне; в Готу был послан соответствующий запрос,

и там ничего не имеют против. Однако я не могу и не хочу предпринимать что-либо в Иене без согласия университета. Но и в сенат через проректора я обращаюсь не раньше, чем буду иметь за собой верное мажора*. Постарайтесь поэтому с помощью своих знакомых и друзей как можно шире распространить мнение о желательности подобного начинания и поскорее сообщите мне, как обстоит дело.

Мне хотелось бы получить на недолгое время «Mère souvable»²; если она еще у Вас или если Вы можете быстро достать ее, то советник дворцового ведомства Кирмс, который вручит Вам это письмо, может вечером захватить ее с собой.

Прилагаю письмо моей матери³.

Вы напишете мне, как чувствуют себя Ваши?

Все вокруг находятся в таком смятении и возбуждении, что эстетическое настроение, необходимое для завершения романа в соответствии с нашими пожеланиями, может быть лишь делом чуда. Но и терять на это надежды тоже не следует. Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 28 июля 1796 года.

200. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 28 июля 1796 года]

Прилагаю к сему ксении и прошу вернуть их мне как можно скорее. То, что вычеркнуто, частью выброшено, частью уже напечатано или переписано для отправки в печать. Таким образом, изменения в вычеркнутых ксениях либо не нужны, либо уже запоздали. Имена, поставленные под отдельными стихами, ничего не означают, и при переписке они тоже были выброшены.

Я постараюсь завербовать сторонников устройства спектакля и начну с моего домохозяина¹, который всегда питал к этому склонность. Если представление состоится, я буду особенно рад за свою жену. Она чувствует себя вполне прилично; малыш очень страдает от отрыжки и спазм, но, кажется, мало-помалу привыкает к новой пище. Трудно поверить, чтобы при стольких заботах, внутренних и внешних, можно было сохранить сносное расположение

* большинство (латин.).

духа, а тем паче писать стихи. Но и стихи, должно быть, под стать всему этому.

Что же касается романа, то тут я не испытываю никаких опасений. Все то небольшое, что еще остается в нем сделать, зависит от нескольких удачных аргументов*, а ведь при внешних помехах нас зачастую посещают самые удивительные откровения.

Голос Мейера из Флоренции очень меня утешил и обрадовал. Приятно видеть, с какою чуткостью он воспринимает прекрасное, а это сочетание трезвого и склонного к анализу ума, как у него, с таким умением чувствовать, с такою способностью пылко увлекаться представляет собой бесконечно ценное свойство.

Идея задуманной им картины представляется мне чрезвычайно удачной и живописной. Когда будете писать ему, передайте ему, пожалуйста, мои наилучшие дружеские пожелания.

Идиллия² отпечатана, и в ближайшее время я пришлю Вам пробный оттиск. Ксении, относящиеся к «Катку»³ (за исключением «Средневековья» и «Индивидуальности»), я объединил в одно стихотворение и опустил отдельные заголовки. То же самое, хотя и в меньшем объеме, можно было бы сделать и в других случаях, увеличив благодаря этому разнообразию форм. Быть может, и у Вас появится желание расположить подобным образом Ньютониану⁴.

Мы искренне благодарим Вас за присылку письма Вашей матушки. Помимо сведений, обладающих исторической ценностью, нас привлекла в нем непосредственность самой манеры изложения.

Бог весть, что нам придется еще пережить. При нынешних обстоятельствах Вам едва ли удастся использовать утешительные известия Мейера о его путешествии в Италию.

Будьте здоровы. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

201. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ксении тотчас же возвращаются к Вам; я только сделал несколько пометок, а кроме того, хочу обратить Ваше внимание на то, что в слове Eudämonia ** мы прини-

* находок (франц.).

** блаженство (собств. греч. eudaimonia).

мали «і» за долгое, и это, пожалуй, верно относительно ударения, но не долготы. Вероятно, эпиграммы эти Вам не понадобятся.

Вообще же не стану таить от Вас, что одно мгновение мне было очень горестно видеть воочию, как разрушается, распадается, рассыпается и развеивается наш воздушный замок, наш карточный домик¹. Идея была настолько хороша, настолько своеобразна и исключительна, что я не мог не огорчаться вынужденному и окончательному отказу от нее, тем более что всякая идея, всякое желание легко укореняется во мне. Но будем довольствоваться той радостью, которую доставила нам сама эта идея, а также тем, что у нас теперь накопилось очень много материала, который позднее может найти воплощение в иной форме. Расстановка ксений в Вашем альманахе послужит мне новым утешением, только прошу Вас как можно реже ставить мое имя под стихотворениями. Те немногие, которые я написал за это время, должны пока еще полежать; я захвачу их с собой, когда приеду, а до тех пор новая плоть альманаха наберет жизненных сил и окрепнет в такой степени, что сможет ассимилировать их.

Еще одно: я хотел бы, чтобы все то, что может произвести неприятное впечатление на людей нашего круга и на тех, с кем мы связаны определенными отношениями, было бы выброшено. При первоначальной форме одно стихотворение требовало, порождало и оправдывало другое; теперь же каждое стихотворение включается в собрание только по нашему свободному выбору и желанию, а потому и восприниматься будет тоже только само по себе.

О романе мне нечего сказать; он погружен в послеобеденный сон, но я надеюсь, что зато к вечеру он пробудится со свежими силами.

Я продолжал свои наблюдения над растениями и насекомыми², и тут мне сопутствовала необыкновенная удача. Я нахожу, что если понять как следует закон постоянства и научиться умело использовать его, то ни для открытий, ни для исследований в области органической природы ничего больше и не потребуется. Я испробую его теперь на простейших и одушевленных организмах и думаю, что на какое-то время он послужит мне рычагом и инструментом в моих трудных начинаниях.

Французская буря по-прежнему бушует по ту сторону тюрингенского леса, и если эти горы, которые обычно посылают нам холодные ветры, обнаружат на сей раз свойства метеорологической границы, то нам следует в будущем чтить их подобно божеству.

Поскольку в Рудольштадте сейчас стрелковый праздник, то наша театральная труппа отправится туда 11-го, а тем временем иенская публика может во всеуслышание объявить о своем желании изящно развлечься в сентябре.

Напишите мне, когда Вам нужна будет следующая порция «Челлини».

Надеюсь, что Вы и все Ваши вполне здоровы. Какие новости из Швабии? Саксонские соединения стоят, должно быть, под Кронахом. Намерены ли их употребить для прикрытия Фойгтланда и Заальгрунда от нападения, собираются ли выставить еще один кордон у Верры, будут ли вестись переговоры о перемирии при посредничестве Пруссии и вообще какого рода громоотвод смогут и пожелают применить — все это должно выясниться в скором времени. Будьте здоровы. Я бы хотел поскорее провести несколько спокойных дней вблизи от Вас.

Г.

Веймар, 30 июля 1796 года.

202. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 31 июля 1796 года

Едва ли Вы расстаетесь с ксениями с большей неохотой, чем я. Помимо новизны и любопытного своеобразия идеи меня особенно привлекала сама мысль создать в содружестве с Вами нечто цельное. И заверяю Вас, что я пожертвовал идеей не ради своих удобств. Для достижения той цельности, которая могла бы удовлетворить даже самого снисходительного читателя, здесь недоставало еще невообразимо многого, и кропотливая редакция со всей очевидностью показала мне этот недостаток. Даже если бы мы имели возможность посвятить последние два месяца исключительно этой работе, то и тогда бы ни сатирический, ни другой раздел не приобрели должной полноты. Отложить же печатание произведения на год не позволяли ни нужды альманаха, ни то соображение, что многочисленные намеки на нынешние явления в литературе утратили бы через год всякий интерес; есть и еще многое в том

же духе, что я изложу Вам при встрече. Вообще же ни сама идея, ни форма ее воплощения отнюдь не утрачены для нас, ибо осталось еще такое поразительное обилие материала, что в нем затеряется все ранее взятое из старого запаса.

Ваше имя я называю лишь изредка. Даже под теми политическими ксениями, которые никого не задевают и под которыми читатель рад был бы увидеть Вашу подпись, я ее не помещаю, так как эти ксении могли бы быть поставлены в связь с другими, касающимися Рейхардта. Штольберга щадить нельзя, да и Вы сами этого не хотите; Шлоссер же нигде не обозначен определеннее, чем этого требует общая сатира на святош. Кроме того, эти удары по штольберговской секте соотнесены со всем прочим таким образом, что никто не замедлит счесть виновником *меня*; я веду со Штольбергом правый бой¹ и не нуждаюсь в пощаде. Виланд отделается «милой девой в Веймаре», так что жаловаться ему не приходится². Вообще же все эти *odiosa* * появляются только во второй части альманаха, и поэтому Вы еще успеете выбросить все, что Вам заблагорассудится, когда будете здесь. Чтобы не огорчить Иффланда, я в диалоге с Шекспиром назову только пьесы Шрёдера и Коцебу³. Будьте так добры поручить Spiritus'у⁴ составить для меня список персонажей пяти-шести пьес Коцебу и Шрёдера, чтобы я мог сделать на них намеки.

С Челлини на сей раз дело не к спеху, ибо, к сожалению, вот уже несколько почтовых дней я ничего не могу послать Котте: почта не принимает никаких отправок в Штутгарт и Тюбинген. Последняя партия Челлини все еще лежит здесь; она предназначена для восьмого номера, а Котта, вероятно, не получил рукописей для седьмого, так как они еще находились в пути, когда Штутгарт был занят французами.

Из Швабии в течение недели не поступало никаких известий, и я не знаю ни как обстоят дела у моих родных, ни где они сейчас находятся.

Из Кобурга сегодня сообщили, что французы вступят туда через несколько дней, но что никто не испытывает страха перед этим. Самый трусливый на свете ипохондрик

* неприятные, вызывающие раздражение вещи (латин.).

господин Гесс пишет это своей жене, находящейся здесь: стало быть, это правда.

Хорошо бы, чтобы иенцам дали время преодолеть страх перед французами, прежде чем им покажут комедию. Здесь есть очень уж благонаправленные люди, которые считают неуместным какое-либо развлечение во время столь великого общественного бедствия.

Поскольку, как я слышал, мангеймский театр закрыт на год, то Вы, вероятно, снова сможете залучить Иффланда в Веймар. Хотелось бы, чтобы при этом веймарский театр пополнил свою труппу и какой-нибудь актрисой. Мадемуазель Виттгёфт, или как там она теперь зовется, была бы, пожалуй, весьма удачным приобретением.

У меня все благополучно, и малыш мало-помалу привыкает к перемене. Жена сердечно Вам кланяется.

Будьте здоровы. Когда Вы приедете сюда, буду рад снова услышать что-нибудь и об естественноисторических предметах.

[Ш.]

203. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

После долгих колебаний всякая вещь в конце концов приходит в состояние равновесия. Согласно первоначальному замыслу ксении, в сущности, представляли собой веселую проделку, шутку, мимолетную и потому оправданную. Затем образовался некоторый избыток, и давление разорвало сосуд. Теперь же, однако, тщательно обдумав еще раз все дело, я нашел самый естественный выход, позволяющий одновременно удовлетворить и Ваши желания, и потребности альманаха.

Если что и требовало определенной универсальности и весьма затрудняло меня при редактировании, то это были философские и чисто поэтические, словом, невинные ксении, то есть как раз те, о которых в первоначальном замысле не было и речи. Если мы поместим их в первой, «серьезной» части альманаха среди прочих стихотворений¹, а шуточные — в виде особого собрания под названием «Ксении» — присовокупим к первой части подобно тому, как это было сделано в прошлом году с «Эпиграммами»², то делу можно будет помочь. В общей куче, не смешанные с серьезными ксениями, они утратят значительную долю своей язвительности; господствующий там

повсюду юмор оправдывает, как Вы недавно заметили, каждую из них в отдельности, а в то же время все они действительно образуют некое единое целое. И удары по Рейхардту мы рассеем в общей куче, а не сосредоточим, как прежде, в самом начале. Слишком велики были бы при таком отличии *честь*, с одной стороны, а с другой — *оскорбление*. Таким образом, — если Вы, как я надеюсь, одобрите мою мысль, — ксении снова обретут свою первоначальную природу, а у нас не будет никаких причин сожалеть об этом отступлении от нее, ибо оно позволило нам найти много хорошего и прекрасного.

А поскольку, согласно новому плану, те из Ваших политических ксений, которые содержат лишь поучения и никого лично не затрагивают, будут совершенно отделены от сатирических, то я поставил под ними Ваше имя. Оно уместно здесь потому, что эти высказывания примыкают к прошлогодним эпиграммам и даже к «Мейстеру», а по форме и содержанию несут явственный отпечаток Вашей личности.

Я и сегодня не получил известий из Швабии; как видно, мы полностью отрезаны. Господин Функ, письмо которого прибыло сегодня, сообщает мне, что ему пришлось выступить из Артерна, где на постоянных квартирах располагалась его часть, в сторону Лангензальца. Однако там нечего особенно опасаться: он считает эту позицию бесполезной.

Будьте здоровы.

III.

Иена, 1 августа 1796 года.

204. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вам, дорогой мой, еще не раз придется в эти дни вооружаться терпением по отношению ко мне, ибо теперь, с приближением того времени, когда я должен был бы отправиться в путь¹, я слишком глубоко чувствую, чего лишаюсь, ведь в моем возрасте отсрочка почти равносильна потере надежды, исполнение которой было так близко. То, в чем я еще нуждаюсь в сфере культуры, я мог получить только на этом пути; то, чем я обладаю, я мог использовать и применить только таким образом, и я был уверен, что привезу с собой в наш узкий круг великое сокровище, которым мы сможем насладиться в будущем, возместив вдвойне то время, которое я провел бы вдали от

Вас. Наблюдения милого Мейера причиняют мне боль, да и сам он наслаждается ими лишь наполовину, поскольку для меня они должны остаться лишь словами; огорчает меня и то, что сейчас впереди у меня нет такой работы, которая оживила бы и воодушевила меня. Большое путешествие и многочисленные внешние обстоятельства, настоятельно воздействующие на меня со всех сторон, были бы мне сейчас необходимы более, чем когда-либо; но как бы я ни желал этого, пускаться теперь в путь было бы глупо, и, следовательно, мы должны смириться с этим.

Я надеюсь вскоре посетить Вас; меня радует, что Вы нашли способ сохранить нашу шутку с ксениями. Думаю, что он совершенно верен. Альманах сохранит свою прежнюю форму и будет отличаться от всех других благодаря прологу и эпилогу; он не окажется слишком пестрым из-за смешения разнородных поэтических произведений, а в то же время будет как нельзя более разнообразным. Кто знает, что еще придет нам в голову, чтобы и на будущий год так же заинтересовать публику. Обо всем прочем я сегодня писать не буду. Будьте здоровы. Кланяйтесь Вашей милой жене; надеюсь застать Вас и всех Ваших здоровыми и веселыми.

Г.

Веймар, 2 августа 1796 года.

205. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 5 августа 1796 года

Сегодня здесь был проездом Маттиссон; он приехал прямо из Италии через Триест и Вену. По его уверениям, путешествие в Италию не так уж и опасно. Он думает, что путь из Триеста в Рим через Анкону не представит затруднений. Сам он не имел никаких неприятностей в дороге и задержался только в Нюрнберге, где недоставало лошадей. Таким образом, если в течение ближайших трех-четырех недель выяснится, что Вам нечего опасаться за свой домашний очаг, то вовсе незачем отказываться от путешествия. Гирт также покинул Италию; Маттиссон расстался с ним в Вене, однако, по его словам, Гирт тоже приедет сюда. О Мейере он смог сообщить не более того, что мы знаем, да и вообще он мало что знает нового о последних событиях.

Я посылаю Вам при сем некоторое количество серьезных ксений, которые я как бы объединил в один букет,

смешав Ваши и мои, чтобы идея двустороннего сочетания нашла какое-то выражение и в отношении серьезных вещей. Будьте так добры просмотреть рукопись и отметить то, что Вам хотелось бы изменить. Если у Вас не будет никаких замечаний, то пришлите, пожалуйста, рукопись обратно с возвращающейся посылкой, чтобы я мог тотчас же отдать ее Гёпфердту.

О других делах в следующий раз. Я не один¹. Пусть это письмо застанет Вас бодрым и успокоенным! У меня все благополучно; жена просит передать Вам сердечный привет.

III.

206. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ci-devant * ксени¹ при нынешней их расстановке выглядят очень хорошо; такое серьезное общество, несомненно, и встречено будет хорошо. Если бы Вам удалось еще придумать несколько недостающих названий, это было бы прекрасно; мне за эти немногие часы ничего не пришло в голову. На следующей неделе я буду у Вас, и, надеюсь, наше совместное пребывание не останется бесплодным: мы сможем многое завершить и о многом договориться. У меня есть что рассказать Вам хорошего относительно естественноисторических предметов.

На этих днях я обнаружил самое прекрасное из всех известных мне явлений органической природы (а этим многое сказано!) и спешу послать Вам его описание². Не знаю, известно ли оно; но если известно, то естествоиспытатели заслуживают порицания за то, что не кричат на всех перекрестках о столь важном явлении вместо того, чтобы мучить людей любознательных множеством бесцветных мелочей. Никому не говорите об этом ни слова. Правда, я смог произвести наблюдения только над одним видом, однако, по-видимому, то же самое происходит и у всех других, и это должно выясниться еще нынешней осенью. Так как изменение совершается очень быстро и увидеть движение не удастся лишь из-за незначительного пространства, то, когда смотришь на эти создания, кажется, будто перед тобой происходит нечто сказочное; право, это что-нибудь да значит — за двенадцать минут вырасти на полдюйма в длину, а соответственно и в ширину,

* бывшие (франц.).

и таким образом увеличиться как бы в квадрате! И сразу — четыре крыла! Посмотрим, не удастся ли мне продемонстрировать Вам это явление. Будьте здоровы! Между нами говоря, я надеюсь привезти Вам известие о мире и спокойствии для Тюрингии и Верхней Саксонии.

Г.

Веймар, 6 августа 1796 года.

Само собой разумеется, что не следует представлять себе этот процесс роста так, будто твердые части крыльев настолько увеличиваются в столь краткое время; мне думается, напротив, что совершенно сложившиеся крылья из тончайшей *tela cellulosa* * растягиваются затем с такой огромной быстротой под воздействием проникающей в них какой-нибудь эластической жидкости, подобной воздуху, пару или влаге. Я убежден, что нечто похожее можно обнаружить, наблюдая развитие цветка.

207. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 8 августа 1796 года

Ваше новое открытие и в самом деле чудесно; оно, по-видимому, имеет большое значение и наводит на важный след. Оно напомнило мне о том быстром и мощном развитии, которое происходит в сердце и легких новорожденного животного. То обстоятельство, что бабочка столь усиленно избегает освещенных мест, также представляет собой нечто примечательное и вновь заставляет обратить внимание на воздействие света на органическую природу.

Мне бы очень хотелось самому увидеть это явление. Быть может, Вы продолжите на этих днях свои опыты и по приезде сюда подробно расскажете мне о них.

Здесь все говорят, что в Вейсенфельсе готовится свидание между курфюрстом Саксонским, несколькими саксонскими герцогами и даже королем прусским. Саксонцы якобы займут Эрфурт; ходят и всякие другие слухи. Из Швабии по-прежнему нет никаких известий, и я тоже не могу писать туда.

Брат Шлегеля¹ здесь; он производит очень хорошее впечатление, от него многого можно ожидать. Гумбольдт отправляется в большое путешествие по Северной Германии вплоть до острова Рюген, собирается посетить друзей

* ткани-клетчатки (латин.).

и врагов в Эйтине и Вандсбеке² и сообщать нам всякие занятные истории. Никак не могу взять в толк, зачем ему вдруг вздумалось двинуться в те края.

Восьмая книга, по-видимому, все еще почивает?

Нет ли у Вас какой-нибудь книги об открытиях в Геркулануме? Прошу Вас об этом по той причине, что мне как раз теперь нужны кое-какие детали³. Многое, мне кажется, можно было бы найти даже в «Истории» Фолькмана⁴.

У меня дома все благополучно. Все мы (ибо к Карлу это тоже относится) радуемся Вашему предстоящему приезду. Приезжайте же поскорей.

III.

208. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Мои вещи уже были упакованы, и я надеялся снова провести с Вами несколько хороших дней. К сожалению, различные обстоятельства задержали меня, и я не знаю теперь, когда увижу Вас.

Мне хотелось бы поточнее узнать, какого рода сведения нужны Вам, собственно, относительно геркуланумских раскопок, чтобы помощь моя была более целесообразной. Посылаю Вам при сем Фолькмана; в библиотеке Бюттнера есть еще одна книга — «Описание Гераклеи» дона Марчелло Вентути, перевод с итальянского. Франкфурт и Лейпциг, 1749.

Пришлите мне, пожалуйста, мою заметку о бабочках¹. Явление это, по-видимому, всеобщее; я успел обнаружить его у других бабочек, а также у наездников. Я теперь более чем когда-либо убежден, что понятие *постоянства* превосходно может быть применено к органической природе, и хочу выработать такой план своих исследований, который позволил бы мне определять место каждого отдельного наблюдения, даже если между ними и будет какое-либо зияние; если мне удастся это, то тогда все, что сейчас сбивает меня с толку, окажется желанным и необходимым. Ибо когда я рассматриваю теперь мои многочисленные беспорядочные записи, мне кажется, что у меня едва ли найдется время и настроение разобрать их и найти им применение.

Роман снова подает признаки жизни. Я нашел способ материального воплощения Ваших идей по моему вкусу; не знаю, распознаете ли Вы теперь эти создания духа в

их земной оболочке. И все же я хотел бы отдать произведение в печать, не показывая его Вам. Различие между нашими натурами определяет то, что Ваши требования никогда не могут быть удовлетворены полностью, и если Вам когда-нибудь случится высказаться относительно всего в целом, это, конечно, вновь даст Вам повод ко многим прекрасным замечаниям.

Сообщайте мне, пожалуйста, время от времени какие-нибудь новости об альманахе. Прилагаю к сему маленький вклад²; если он Вам пригодится, я ничего не имею против того, чтобы под ним стояло мое имя. Собственно говоря, дерзкое замечание господина Рихтера в письме к Кнебелю и привело меня в такое настроение.

Рассказывайте мне о том, что Вам пишет Гумбольдт.

На днях Вам представится легационный советник Маттеи; окажите ему радушный прием. Он был воспитателем графа Форстенбурга, побочного сына герцога Брауншвейгского, одновременно был прикомандирован к его матери, госпоже фон Бранкони, и вместе с ними поездил по свету. Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 10 августа 1796 года.

209. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 10 августа 1796 года]

Я только что получил Ваше письмо и хочу лишь поскорее отослать требуемую рукопись. Сердечно благодарен за Фолькмана и прочие заметки. «Китаец» должен поступить в типографию еще горячим — обхождение, наиболее приличествующее этому народу.

Очень огорчен я тем, что Вы не можете приехать сейчас. С какой бы радостью я зажег теперь у Вас свою лампу! Что же касается романа, то Вы поступите совершенно правильно, отказавшись от чужих представлений, не вполне соответствующих Вашей натуре. Здесь все цельно, и даже если бы где-нибудь и оказался небольшой пробел (что, впрочем, еще нуждается в доказательстве), то лучше пусть он остается таковым в соответствии с *Вашим вкусом*, чем будет заполнен в соответствии с чужим. Но об этом подробнее в другой раз.

В пятницу я пришлю Вам и листы альманаха.

Будьте здоровы.

Ш.

210. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 12 августа 1796 года]

Я увлекся стихотворением¹ и совсем забыл, что сегодня день курьерской почты. Только что мне об этом напомнила жена, которая посылает Вам печенье, и у меня хватит времени лишь на несколько слов.

Посылаю Вам пробные оттиски первых листов альманаха — как удачные, так и неудачные. Четвертый лист уже печатается, и можно ожидать, что в первую неделю сентября все будет готово. Альманах получается удивительно богатым и совершенно непохожим на прошлогодний. Если считать, что Ваша идиллия² компенсирует прошлогодние эпиграммы, то первенство, несомненно, следует присудить нынешнему альманаху. Моими работами в нем я удовлетворен в гораздо большей степени, чем прошлогодними, и совершенно поражен той переменной, которая произошла во мне под Вашим влиянием, — хотя ни *характера*, ни *способностей* изменить нельзя, во мне совершилось великое просветление. Некоторые вещи, над которыми я сейчас работаю, побуждают меня сделать это замечание.

Господина Маттеи я еще не видел; когда он появится у меня, то будет радушно встречен. Сейчас здесь находится мой свояк, легационный советник фон Вольцоген с женой; он много лет занимался архитектурой, а так как он человек с головой и немало повидал в путешествиях, то знакомство с ним не покажется Вам бесполезным.

Будьте здоровы и не заставляйте долго себя ждать. Мне очень бы хотелось еще раз перечитать восьмую книгу. Смогу ли я получить ее в ближайшее время?

III.

211. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ваше дружеское письмо, сопровождаемое первыми листами альманаха и превосходным печеньем, очень меня порадовало; оно застало меня в разгаре всякого рода дел. Альманах действительно имеет внушительный вид и в целом не может не быть обильным и разнообразным. Не могли бы Вы, поскольку Вы все равно распорядитесь перепечатать некоторые листы, присоединить к ним и «Каток»¹? В нынешнем его виде он обещает стать чем-то цельным, но не становится таковым, а два дистиха в

конце стихотворения придают ему еще более расплывчатый характер. Посылаю Вам стихотворение в том виде, в каком мне хотелось бы видеть его напечатанным. Дистихи хорошо было бы разделить посредством маленькой черточки, а поскольку я прибавил к ним еще несколько других, то они образуют своеобразную череду, где каждый дистих подготавливает восприятие последующих, отделенных подобным же образом. Софи Мери очень хорошо себя аттестует². «Императив»³ выглядит довольно забавно. В этом случае особенно хорошо видно, как поэзия может сделать ложную идею истинной, ведь апелляция к чувству всегда ей к лицу. Мне бросилось в глаза, что стихотворение Конца⁴ представляет собой, по сути дела, всего лишь хорошую прозу и что «Кобольды»⁵ весьма странно выглядят среди прочего дневного общества. И все же очень хорошо, что Вы помещаете здесь кое-что из всех этих популярных видов поэзии. Нет ли у Вас какого-нибудь сносного романа? Я надеюсь присутствовать при редактировании Ксенийев и добавить к ним последние написанные мною. К будущей среде я надеюсь покончить со многими делами; к этому времени я смогу также ответить себе на вопрос: посылать ли Вам еще раз восьмую книгу? Либо я глубоко заблуждаюсь, либо я и в самом деле вынужден буду в дальнейшем превратить этот последний том в два отдельных тома, чтобы придать большую соразмерность изложению различных сюжетов.

Что Вы скажете относительно прилагаемой чудесной истории⁶? Она взята из флорентийской газеты; велите переписать ее и покажите некоторым друзьям. Замечательен и приказ, опубликованный в эти же дни Квириналом в целях обеспечения безопасности французских комиссаров, прибытия которых ожидают; в нем грозят немедленным строжайшим наказанием, и притом без соблюдения процессуальных норм, каждому, кто хоть в малейшей степени нанесет оскорбление комиссарам или вмешается в происходящее (здесь, вероятно, подразумевается вывоз произведений искусства).

От Мейера пришло письмо; он в хорошем настроении, начал уже работать над копией *Madonna della seggiola*⁷, а затем, по-видимому, примется копировать часть прекрасной фрески Микеланджело. Он все еще надеется на мой скорый приезд.

На следующей неделе я смогу вдобавок рассказать

Вам побольше о том, как обстоят наши политические дела. Саксонские части останутся в Фойгтланде, остальные же отряды разделены, однако, таким образом, чтобы сохранить кордон; тем не менее лучшее из того, на что можно надеяться, зависит не от силы и оружия, а от стечения условий и обстоятельств в более высоких сферах.

Кланяйтесь от меня всем, кто окружает Вас; я радуюсь тому, что скоро вновь увижусь с Вами, ибо жду от нашего взаимовлияния таких последствий, которых мы сейчас даже не можем предугадать. Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 13 августа 1796 года.

212. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Наконец-то я получил письма из Швабии, хотя и не слишком обстоятельные, но в целом довольно успокоительные. Прилагаю письма Котты. Мои родные в гораздо меньшей степени страдают от тревог военного времени, чем от болезни моего отца, умирающего в великих мучениях. Моя младшая сестра, о которой я рассказывал Вам в марте, умерла уже в апреле, а вторая едва избежала смерти¹.

Поскольку я пока могу посылать письма в Швабию только через Франкфурт, а для меня чрезвычайно важно сообщить сейчас Котте о своих поручениях, то попрошу Вас вложить прилагаемое письмо к Вашей матушке во Франкфурт для скорейшей отправки в Штутгарт.

Будьте также добры сообщить мне, к кому именно в Веймаре могу я обратиться по поводу обложки для альманаха, о которой пишет Котта.

Завтра пришло Вам с посылкой более обстоятельное письмо, сегодня у меня множество дел.

Будьте здоровы.

Я только что узнал, что здешняя почта принимает письма в Швабию через Франкфурт. Таким образом, мне не надо обременять Вас.

Ш.

Иена, 15 августа 1796 года.

«Каток» вполне еще может быть перепечатан, поскольку все равно придется перепечатывать две страницы из того же листа.

213. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

В будущий четверг вечером надеюсь быть у Вас, а пока что посылаю Вам пакет со всякой всячиной.

1. Оттиски гравюр к статье Гирта¹; те, которые обработаны грабштихелем, остаются у меня для дополнительных исправлений.

2. Письма Котты. Гравюра на меди для обложки альманаха может быть изготовлена за две недели; некоторые затруднения представит лишь сам рисунок. Мейер выполнил несколько превосходных рисунков для какого-то альманаха и отдал их гравировать; я привезу их с собой. В конце концов мы могли бы сами скомпоновать какой-нибудь подходящий бордюр, оставить середину поля свободной и поместить там спереди один из серьезных ксений, а позади — один из веселых; на том и делу конец, а вместе с тем вновь нечто новое.

3. *La Mère coupable*².

4. Афиша, которая отлично позволяет оценить ситуацию в Риме в связи с теми удивительными историями.

5. Совершенно новая сказка, автора которой Вы, разумеется, узнаете³. Не получится ли из этого произведения, если перевести его, кое-что прибавив и кое-что изъяв, довольно интересный вклад в «Оры»? Во всяком случае, демократическая тенденция, присущая столь неподдельно аристократическому источнику, является единственной в своем роде, и, как мне представляется, из этого произведения можно было бы с небольшой затратой сил извлечь и некоторую пользу.

Восьмую книгу романа я отошлю еще отсюда; пусть то, что мне удалось, поразит Вас в печати, а то, чего в нем недостает, послужит нам темой для будущих бесед. Ибо в настоящий момент я совершенно обессилен, словно после большого кутежа, и хочу направить свои чувства и мысли на что-нибудь другое.

Мне очень жаль, что Ваши семейные новости так печальны. Когда общее положение дел складывается столь плохо, было бы справедливо черпать радости в частной жизни. Мне будет очень приятно снова увидеть Вашу свояченицу и познакомиться с Вашим свояком. Будьте здоровы.

Г.

[Веймар,] 16 августа 1796 года.

214. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Хотя мы сейчас сильнее, чем когда-либо, зависим от мгновенных перемен, я все же надеюсь, что мне ничто не помешает быть у Вас завтра вечером. *Tabulas votivas* * я снова привезу с собой. Ваши дистихи необыкновенно хороши и, конечно, произведут превосходное впечатление. Если только немцы в состоянии понять, что можно быть хорошим и дельным человеком, не будучи законченным филистером и тупицей, то Ваши прекрасные изречения, с таким благородством, с такой свободой и смелостью изображающие великие проявления человеческой природы, сделают доброе дело.

Я далек от того, чтобы порицать включение в альманах произведений определенного рода, — ведь здесь ищут приятного разнообразия, смены интонаций и представлений, здесь хотят видеть обилие и пестроту; люди с хорошим вкусом радуются, отделяя хорошее от плохого, люди с дурным вкусом получают то, что им надо, хотя при этом над ними и посмеиваются.

О многом другом — при встрече. Я надеюсь, что и на этот раз мы сообщая значительно продвинемся вперед. Так как я освободился от романа, меня вновь привлекает тысяча других вещей. Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 17 августа 1796 года.

215. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 5 октября 1796 года

Надеюсь, что Вы благополучно добрались до дому и нашли у себя все в добром порядке!

Я получил наконец полторы тысячи титульных гравюр¹, из которых посылаю пока двести. Со столькими экземплярами, полагаю, переплетчик сумеет управиться к вечеру пятницы; попрошу Вас тогда прислать их мне с нарочным. Ноты не прибыли, и их, стало быть, уже не удастся разослать.

Я посылаю Вам также полтора ста титульных листов. Так как одна из трех посылок была отправлена переплетчику непосредственно Вами, то я полагаю, что неко-

* посвятительные таблицы (латин.).

торое количество титульных листов уже ушло в Веймар. Если это не так, прошу уведомить меня.

Гумбольдт пишет мне, что в Берлине восхищены Вашей идиллией², экземпляры которой попали туда из Карлсбада и Тёплица.

Будьте здоровы. Здесь все здоровы и сердечно кланяются Вам.

Если в пятницу к трем или четырем часам у переплетчика не наберется сотни готовых экземпляров, то тогда нет нужды посылать нарочного: в таком случае посылная может в субботу привезти все, что будет готово.

III.

216. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Из спокойной обстановки, в которой я находился у Вас, мне сразу же пришлось перенестись в сферу совершенно иных действий; вчера и позавчера я был в Эттерсбурге и в Шванзее, а сегодня утром нас всех заставил потрудиться пожар в предместье святого Иакова. Из дома Бертуха прямо видно пожарище.

Тем временем наши собственные лисы-поджигательницы¹ уже принялись за дело. Удивлению и пересудам нет конца. Умоляю Вас ни за что не раскрывать смысла каких бы то ни было мест, порождающих сомнения, ибо, как я вижу, существует тысяча способов решения этих загадок.

Переплетчика я буду торопить, насколько могу; во вторник Вы получите очередную партию. Но только пришлите еще титульные листы и гравюры, и я в самом скором времени напишу Вам, как обстоят дела.

Если Вы не возражаете, я использую один неукомплектованный экземпляр для того, чтобы отмечать в нем опечатки; готовьтесь ко второму изданию и заказывайте его в малом octavo, как Вы и говорили недавно.

Прилагаю чистый оттиск с доски Гирта; в понедельник ее нужно будет послать во Франкфурт. Когда я получу продолжение статьи, то исправлю и другую доску. Пишите мне только вовремя о том, чем я могу помочь Вам, потому что я предвижу множество всяких затруднений. Засвидетельствуйте мое глубокое почтение Вашему свояку и скажите ему, чтобы он не отклонял сразу же

предложения Шеффауэра²; у меня есть на этот счет одна идея, о которой я сообщу Вам в скором времени. Будьте здоровы и передайте мой сердечный поклон дамам.

Г.

Веймар, 8 октября 1796 года.

217. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 9 октября 1796 года

Сегодня утром я послал со своим свояком сто экземпляров «Терпсихоры»¹ и сто титульных листов; однако, по моему подсчету, и то, и другое давно уже было отправлено в Веймар; посылаемые же сегодня оттиски титульных листов и гравюр мне пришлось взять из неготовых экземпляров. Стало быть, первая посылка пропала, если только она не лежит где-нибудь у Вас или у переплетчика. В моем письме от 5 октября указано, по-моему, сколько экземпляров «Терпсихоры» я послал в среду вечером.

С титульными листами та же история. Мне пришлось заново напечатать сто экземпляров; жаль денег. Таким образом, я быстро понес наказание за то зло, которое мы причинили дурным сочинителям. Не могу описать Вам, каким множеством досадных мелочей докучает мне в эти дни забота об альманахе; одна только запоздалая присылка нот² заставила меня приготовить шестьдесят три новых пакета. Нет ни времени, ни возможности переплести ноты; пусть идут так, как есть, ведь все равно никто бы не поблагодарил нас за издержки и за труды.

Здешний переплетчик с тоской ждет новых *обложек*. Если мой свояк ничего не привезет мне сегодня, то настоятельно прошу Вас завтра как можно раньше послать мне все, что будет готово к тому времени. Не могу понять, почему печатник вот уже шесть дней ничего не присылает.

Здесь все еще есть спрос на альманах, но при этом публика требует лишь хорошие экземпляры, что для меня крайне неудачно. Боюсь, что нам не удастся сбыть те, что похуже, а поскольку хороших экземпляров всего пятьсот, то для покупателей не хватит альманахов, а для альманаха — покупателей.

Довольны ли Вы музыкой? То, что я слышал, — хотя и в весьма несовершенном исполнении — очень мне

понравилось. «Миньона» трогательна и мила; мое «Посещение»³ также производит очень приятное впечатление. Не будете ли Вы так добры переслать из семи прилагаемых экземпляров нот шесть Гердеру и один тайному советнику Фойгту?

Прилагаю письмо Кёрнера, так как в нем говорится кое-что об альманахе. Нам следовало бы вести регулярный учет всех письменных и печатных отзывов об альманахе, чтобы когда-нибудь, если дело будет стоить труда, сделать оттуда некоторые извлечения.

У меня не записано, какое количество экземпляров альманаха находится у переплетчика в Веймаре. Судя по остатку тиража, который лежит у меня и у здешнего переплетчика, в Веймаре остается еще примерно сто восемьдесят экземпляров. Не могли бы Вы поручить Гейсту справиться об этом?

Все здесь чувствуют себя довольно хорошо и сердечно кланяются Вам.

Ш.

218. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ваш свояк доставил мне, к великому моему удовольствию титульные листы и гравюры, а также ноты; если бы все это было собрано хотя бы две недели назад, мы бы уже закончили рассылку.

В книжной лавке Гофмана ссылаются на деловые отношения с Коттой и требуют дать им на комиссию 15—20 экземпляров. Согласиться? Или же потребовать с них наличные — само собой разумеется, со скидкой на четверть?

Будьте здоровы. В ближайшее время напишу Вам более обстоятельно.

Г.

Веймар, 9 октября 1796 года.

219. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

К сожалению, неприятности, связанные с такого рода делом, которое Вы взяли на себя, накапливаются и умножаются, и я боюсь, что Вам придется испытать еще немало бед на издательской стезе.

Нам ничего не известно ни о каких титульных гравюрах и листах, кроме тех, которые были переданы нами

по назначению. Гейст пересчитывал и упаковывал все экземпляры, прибывавшие ко мне для пересылки в Иену, но при этом он не нашел никаких титульных листов.

В Вашем письме от 5 октября говорится о двухстах титульных гравюрах, также посланных Вами; через Вашего свояка я получил еще сотню, то есть все, что нужно для полного комплекта. Теперь мне нужны еще пятьдесят титульных листов и семьдесят два экземпляра альманаха, и тогда у переплетчика будет все, что требуется для трехсот экземпляров.

Сданы полностью укомплектованными	50
К этому прибавляется	124

174

Если дело дойдет до второго издания, то поручите заботы обо всем этом кому-нибудь другому. Эти механические усилия, к которым невозможно приспособиться и которые производятся без должной точности, портят все удовольствие, и как раз в конце, когда все должно сойтись, приходится испытывать огорчение, потому что концы с концами не сходятся.

Относительно музыки я еще ничего не могу сказать. Я слышал ее, но когда речь идет о сочинениях Цельтера, этого недостаточно; в них много своеобразия, суть которого нужно сперва постигнуть.

Будьте здоровы. Возвращаю Вам при сем письмо Кёрнера. Поскольку мы с Вами знаем публику, то вряд ли и в этом случае нам попадет что-нибудь новое. Когда я заплачу Штарке и переплетчику, то пришлю Вам счет.

Г.

Веймар, 10 октября 1796 года.

Для большей наглядности прилагаю еще сводку наших дел с переплетчиком.

Он получил экземпляров:

Первая посылка	50
Вторая посылка	100
Третья посылка	50
Четвертая посылка	28

228

Титульных гравюр	200
Вторая посылка	100
	300
Титульных листов	150
Вторая посылка	100
	250
Обложек единовременно	300

220. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 10 октября 1796 года

Гофман в Веймаре уже значится в экспедиционном листе Котты, так что Вы можете сдать ему экземпляры альманаха на комиссию (а также в Промышленную контору, если они того пожелают). Будьте так добры отметить на прилагаемых бланках, сколько экземпляров сдано в обе лавки, и взять для меня расписку в получении. Если потребуются экземпляры на веленовой или голландской бумаге, то я должен знать об этом самое позднее в среду утром.

Посылаю Вам также партию нот; что окажется лишним, будьте так добры возвратить мне в субботу.

Здесь книжные лавки пока что заказали и продали семьдесят два экземпляра. Если в Веймаре разойдется двадцать восемь, то в этих двух городах, население которых составляет примерно двенадцать тысяч человек, мы сбудем сто экземпляров. По этим примерам интересно было бы составить представление о том, как читают сейчас поэтические произведения в немецких городах. Я убежден, что в Тюрингии и Бранденбурге и, быть может, еще в Гамбурге и окрестных городах окажется треть наших читателей и покупателей.

Очень прошу прислать остаток *обложек*. Статью Гирта я отошлю завтра. Оттиск гравюры отправлю Котте раньше, чем доску.

Сегодня вторая треть всего тиража альманаха посылается в Лейпциг.

Будьте здоровы и напишите мне поскорее, чтобы оживить и ободрить меня.

— III.

221. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 11 октября 1796 года

Из подсчета всего отправленного в Веймар я вижу теперь, что недостает ровно ста экземпляров на обыкновенной бумаге; по-видимому, Гёпфердт не прислал их мне, поскольку они не могли исчезнуть из моего дома, откуда все отсылалось только в Веймар. Недостает также титульных листов и гравюр, но эту нехватку восполнить, разумеется, гораздо легче. К несчастью, Гёпфердт как раз теперь на ярмарке, где пробудет еще десять дней.

Укладку и упаковку вчерашней лейпцигской посылки я поручил здешнему книготорговцу Габлеру, однако это избавило меня только от доли хлопот: указания относительно того, что должно войти в каждый пакет (поскольку у нас четыре сорта экземпляров), заполнение экспедиционных листов и т. п. по-прежнему оставалось моей заботой, равно как и множество других мелочей.

Последний пакет будет отправлен в субботу¹, и тогда эта обуза свалится с моих плеч.

За это время я ничего больше не слышал об альманахе, кроме того, что наша добрая приятельница Ш.² переписала здесь ксении, направленные против Манзо, и послала их Готтеру, который по этому поводу испытал сильный испуг.

Она же рассказывает о седьмой и о начале восьмой книги Вашего «Вильгельма Мейстера», будто бы прочитанными ею в печатном виде. Удивительно, однако, что Ш. получает отпечатанные листы Вашего романа раньше, чем Вы.

Будьте здоровы.

Я не могу прислать Вам 72 экземпляра альманаха, недостающих до 300, поскольку для тех экземпляров, которые уже начал брошюровать здешний переплетчик, мне необходимо иметь те 72 титульные гравюры, которые составляют излишек в Веймаре. Будьте добры прислать мне эти 72 гравюры вместе с соответствующими обложками, а также оставшиеся 22 титульных листа. Веймарский переплетчик еще ничего с ними не сделал, я же должен содействовать работе здешнего переплетчика, который уже все сфальцевал и сброшюровал, так что ему недостает только этих титульных листов и гравюр.

Будьте здоровы.

Ш.

222. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Теперь я могу надеяться услышать вскоре, что Вы избавились от всех забот и мучений, которые причинил Вам альманах. Если бы только мы действительно были способны наслаждаться милым покоем, — ведь мы, подобно разрешившимся от бремени женщинам, тотчас же взваливаем на себя новое бремя.

Две тысячи экземпляров обложек уже, стало быть, сданы.

При сем следуют:

Титульных листов	26
Обложек	71
Титульных гравюр	81

Всего этого отчасти слишком много, отчасти слишком мало; но ведь должна же в конце концов найтись та сотня экземпляров, которой Вы недосчитываетесь.

Завтра утром переплетчик доставит мне последние экземпляры; двадцать из них я сейчас же отдам Гофману, а остальные задержу у себя до тех пор, пока люди из Промышленной конторы не вернутся из Лейпцига. Отчет об экземплярах, прошедших через мои руки, я пришлю Вам в субботу; тут все более или менее сходится.

За этим последует и денежный расчет. Прилагаю к сему копию счета Штарке, который я оплатил; позднее Вы получите все расчеты на одном листе.

На сегодня пока все. Да славится наша приятельница Ш., которая распространяет наши стихотворения в списках и печется о наших корректурных листах больше, чем мы сами! Такую веру я редко находил в Израиле¹.

Надеюсь, что Вы пришлете мне хорошие экземпляры для Гофмана.

Двадцать семь экземпляров нот в последнем пакете я получил. Будьте здоровы. В ближайшее время напишу более обстоятельно.

Г.

Веймар, 12 октября 1796 года.

223. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 12 октября 1796 года

К нам постепенно возвращаются порядок и спокойствие. Пропавшие сто экземпляров нашлись, и титульных

гравюр заказано столько, сколько нужно для двадцатой сотни. К счастью, Гёпфердт распорядился отпечатать титульных листов сверх требуемого числа, так что у переплетчика оказался запас. Теперь уже сброшюровано все, что следовало сброшюровать; две большие партии весом в четыре центнера отправлены в Лейпциг, а относительно той части, которая предназначена для Котты, я уже договорился с возчиком, и тот заберет ее через несколько дней во Франкфурт. В субботу вся эта обуза свалится с моих плеч.

Спрос на альманах здесь по-прежнему велик, однако все требуют экземпляров на писчей бумаге, которых как раз и недостает; да и запас экземпляров на почтовой бумаге у меня уже кончился. Прилагаю к сему последний экземпляр для Гофмана. Я был бы рад, если бы Вы смогли сохранить полученный от меня сверхкомплектный экземпляр в желтой бумажной обложке, так как нам теперь приходится приберегать все хорошие экземпляры. У меня остались еще разрозненные листы от дефектных экземпляров на веленовой и почтовой бумаге; мы можем еще составить из них полный экземпляр для будущих поправок.

Только здесь разошлось семь экземпляров на веленовой бумаге и восемь на голландской, и почти столько же разошлось бы еще, будь у меня запас. И я взял себе за правило на будущее время: печатать все то, что я печатаю, хорошо и роскошно, и тогда издание непременно разойдется, потому что теперь и самая последняя дрянь не намерена больше довольствоваться дрянью.

Я отослал сегодня [Котте] первую партию, то есть столько, сколько должно войти в одну тетрадь, а наряду с этим и оттиск гравюры. Остаток еще не весь переписан.

Пока что вспомните снова о Челлини. Как я был бы рад, если бы нам удалось добыть еще что-нибудь новое и веселое для завершения второго года «Ор»!

Не могли бы Вы объяснить при случае Гердеру, что он пока не может получить экземпляра «Ор»? Он слышал, что отдельные книги, посланные мне Коттой по почте, ходят по Веймару, и думает, что о нем забыли.

Сердечно благодарим Вас за щучу — и очень хотели бы, чтобы Вы отведали ее вместе с нами.

Все кланяются.

Ш.

224. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 14 октября 1796 года

Наконец-то я разделался полностью с одной рассылкой, чтобы приступить к другой, правда, более занимательной. Разумеется, дело не обошлось без некоторых затруднений, однако они, к счастью, были незначительны, так что все в общем закончилось благополучно. Будем теперь надеяться, что затраченный нами физический и духовный труд окажется не совсем напрасным. Но, к счастью, такие занятия, подобно зачинанию детей, сами несут в себе награду.

Вчера здесь был проездом Блюменбах, посетивший и меня. После того что говорили о нем в последнее время, я немало был удивлен, услышав от него: он, дескать, считает себя счастливым оттого, что может профессионально заниматься наукой, которой он предан всей душой. Лафатер тоже здесь¹, но я его не видел. Паулюсу, с которым он недавно обошелся несколько невежливо, он прислал записку с просьбой о свидании. Готовьтесь к его появлению в Веймаре. Мери снова здесь. У меня есть что рассказать Вам о ней.

Будьте здоровы. Дайте знать о себе поскорее. Все кланяются.

Ш.

225. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю Вам при сем счет вместе с копиями отдельных квитанций; таким образом, и это дело приведено в порядок. 95 рейхсталеров 9 грошей излишка я хотел бы удержать за счет господина Котты, поскольку он обещал произвести частичные платежи из гонорара за «Оры» к нашему итальянскому путешествию. Прилагаю счет за переплетенные здесь экземпляры. Если Вы обменяете мне прилагаемый к сему наполовину не допечатанный лист, то я смогу переплести еще один экземпляр, и мы будем в полном расчете. Посылаю Вам экземпляр на голландской бумаге и один из моих на веленовой; взамен я взял себе два простых. Посылаю Вам также один сфальцованный лист, оказавшийся лишним.

Мне прислали еще оттиски обложки, неведомо где застрявшие. Надеюсь, что теперь их у Вас будет достаточно; во всяком случае, нехватку здесь легче всего восстановить. Доску я оставил у себя.

Никакими более сведениями я не располагаю и желаю этому произведению счастливого плавания; вообще же я замечаю, что оно производит повсюду одинаковый эффект: все ошеломлены этим явлением, все стараются овладеть собой, чтобы говорить о нем с притворным благодушием и с более или менее деланным удовольствием; понаблюдайте, не будет ли повторяться то же самое в большинстве случаев.

Искренне благодарен Вам за удивительное известие о том, что *пророк*¹ находится в Иене. Постараюсь держаться от него подальше и с нетерпением жду того, что Вы о нем расскажете. Блюменбах был и у меня; он привез с собой очень интересную голову мумии.

Если встреча пророка и Паулюса состоится, то последний, вероятно, останется в проигрыше, и ему еще придется благодарить за то, что он был оскорблен. Пророку ничего не стоит прибегнуть к самой низкой лести, чтобы затем еще вернее запустить в человека свои властные когти.

Расскажите же мне что-нибудь об истории с маленькой красавицей².

К Вам скоро прибудет очередная тетрадь «Челлини» объемом примерно в двенадцать страниц; затем последуют еще два раздела, которые я хочу закончить один за другим, так как чувствую себя совершенно неспособным заниматься чем-либо иным. Две злосчастные последние песни³ должны будут еще некоторое время пребывать в *Limbo*⁴; и в самом деле, здесь в Веймаре царит такая ужасающая проза, о которой в другом месте, пожалуй, даже не имеют представления.

Посылаю Вам также последнюю книгу романа; что же касается седьмой книги, то у меня все еще нет ее последних листов. Вероятно, Унгер по своей похвальной привычке послал их в обертке и они лежат неведомо где. Как только придут хорошие экземпляры, Вы получите один из них.

Вчера снова начались мои приемы по пятницам⁵, но теперь я думаю устраивать их раз в две недели и рассылать приглашения.

Будьте здоровы и кланяйтесь всем.

Г.

Веймар, 15 октября 1796 года.

Еще одно. Не могли бы Вы сообщить что-нибудь о некоем капитане Рёше⁶ из Штутгарта? Быть может, Вы были с ним знакомы. Относительно его больших познаний мы уже осведомлены; теперь речь идет главным образом о его личности, характере и тому подобном.

226. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 16 октября 1796 года

Посылаю Вам наконец два номера «Ор»; вчера я получил их из Лейпцига. Книготорговец Бёме, которому я послал альманахи, сообщает мне одновременно о получении первых двух тюков и о том, что все экземпляры, отправленные ему ранее (их около 44, не считая несброшюрованных), уже разошлись. Это и в самом деле много, потому что одновременно с этим в Лейпциг пятнадцати с лишним книгопродавцам было отправлено значительное число экземпляров, которых, следовательно, оказалось недостаточно. Книга, стало быть, идет нарасхват, и нам, пожалуй, следует подумать о втором издании.

Теперь уже Бёме получил в третьем тюке 225 сброшюрованных и снова некоторое количество несброшюрованных экземпляров. Как только он сообщит мне, что больше двух третей продано, я приступлю ко второму изданию. Почта так плохо обошлась со вторым тюком, что сырость подпортила, по-видимому, несколько дюжин экземпляров. Это тюк, упакованный Габлером; мой дошел в хорошем состоянии.

Вам следует почитать последний номер журнала «Германия». Насекомое¹ вновь не могло не ужалить. Право же, мы должны затравить его до смерти, иначе не знать нам от него покоя. Он дал волю своему злонравию по отношению к «Челлини»; желая придраться к Вам, он расхваливает, а порой даже пересказывает места, выпущенные Вами, и т. д. О статье де Сталь² он говорит с величайшим пренебрежением.

Я напрасно напугал Вас позавчера Лафатером. Здесь был не он, а его брат.

Говорят, что и Рейхардт сейчас в Лейпциге, однако ни Нитхаммер, ни Паулюс его не видели. Шлегель³ еще в Лейпциге, так что там, по-видимому, будут иметь место душевные излияния.

Будьте здоровы.

Ш.

Только что получил от Кёрнера прекрасное письмо, посвященное альманаху. Вам я пришлю его завтра вместе с шестью дополнительными экземплярами «Ор».

227. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Прилагаемый пакет был приготовлен еще позавчера вечером, и я лишь прибавляю к нему ту порцию Челлини, которую успел тем временем закончить. Проглядите, пожалуйста, рукопись и отдайте ее в переписку.

Пророк оказался лишь отпрыском из рода пророка, но и его я не желаю видеть, ибо, следуя возвышенному примеру иудейского бога, простираю гнев свой до четвертого колена.

Три первые песни новой поэмы¹ уже достаточно отделаны, и я перехожу к четвертой. Все четыре составят в общей сложности примерно 1400 гекзаметров, так что вместе с двумя последними песнями вся поэма достигнет, вероятно, объема в 2000 гекзаметров.

Еще я анатомирую рыб и птиц; все идет своим чередом, по давно заведенному порядку. Всего Вам наилучшего; мне хотелось бы поскорее услышать от Вас, что Вы здоровы и прилежны.

Г.

Веймар, 17 [18] октября 1796 года.

228. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Прилагаю письмо Кёрнера; весьма утешительная нота в общем хоре ничтожных и пошлых суждений. Верните мне его, как только прочтете.

Я не отметил у себя, сколько экземпляров «Ор» за каждый месяц и какого сорта послал Вам вчера, и поэтому не могу дослать Вам остаток.

Гумбольдты написали мне на днях, что в конце этой недели они уедут из Берлина, задержатся по дороге дней на десять и прибудут сюда примерно 1 ноября.

Относительно ксениев я ничего больше не узнал. Шлегель, вернувшийся сюда, слишком мало времени пробыл в Лейпциге (так как он еще совершил оттуда вылазку в Дессау), чтобы узнать побольше. Он говорит, что по его возвращении из Дессау в Лейпциге поднялся уже большой шум.

Я слышал, что под «милой девой»¹ подразумевают среди прочих и герцогиню Веймарскую.

Ксений: «Виланд! Обилен твой дух» и т. д. — некоторые считают сатирой на Виланда и на новое издание ²!

Будьте здоровы. Меня отвлекают от письма.

Ш.

[Иена], 18 октября [1796 года.]

229. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сердечно благодарю Вас за пересланное письмо Кёрнера. Подобное истинно дружеское и в то же время критически обоснованное участие представляет собой редкое явление. Я задержу у себя это письмо еще на несколько дней, чтобы, воспользовавшись случаем, просмотреть стихи, которые я так и не успел прочитать. Сердечно кланяйтесь нашему другу и поблагодарите его и от моего имени; расскажите ему что-нибудь о моей новой поэме и заверьте его в том, что я буду рад видеть ее когда-нибудь в его руках.

Шавке из Гибихинштейна ¹ дадим немного полаять, пока опять не отделаем ее как следует. Вообще со всеми этими оппозиционерами, которые занимаются только отрицанием и так и норовят общипать все существующее, следует поступать, как с теми, кто отрицает всякое движение: невозмутимо ходить взад и вперед у них перед глазами ².

За его восхвалениями пропущенных мест из Челлини, боюсь я, кроется нечто иное. Поскольку у него есть оригинал, то я опасаюсь, что он переведет недостающие места и издаст все целиком, — он ведь и на такое способен. Поэтому я хочу дать два последних выпуска лишь в будущем году (тем более что они и так тесно связаны между собой), а тем временем дополнить мою рукопись и объявить о полном издании ³; ведь спрос на эту вещь очень велик, а чтение с перерывами в журнале только усиливает нетерпение.

Если Вы будете писать Бойе, то спросите его, не уступит ли он мне английский перевод ⁴, который я получил от него через Эшенбурга; я охотно заплачу, сколько будет нужно, и обещаю ему, кроме того, экземпляр моего перевода, если он когда-нибудь выйдет полностью.

Очень радуюсь приезду Гумбольдта; как только он появится, я непременно навещу Вас, пусть даже и на один день.

Седьмой и восьмой номера Вы прислали мне каждого по два экземпляра: один на голубоватой, другой на желтоватой бумаге. Пожалуйста, пришлите мне поскорее и остальные, потому что меня очень уж сильно изводят из-за этого.

Будьте здоровы, кланяйтесь всем и поскорее известите меня о том, что Вы уже начали новую работу.

Г.

Веймар, 19 октября 1796 года.

Не смогли бы Вы предоставить еще один экземпляр пятого номера «Ор», все равно на какой бумаге?

Прибыл ли мой пакет, отправленный во вторник с тяжелой почтой?

230. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 19 октября 1796 года

Сегодняшней посылкой Вы доставили мне совершенно неожиданную радость. Я сразу же накинулся на восьмую книгу и вновь ощутил всю ее полновесность. Можно только изумляться тому, как насыщено ее эпическое и философское содержание. Все внутри формы составляет необычайно прекрасное целое, а вовне она соприкасается с бесконечностью, искусством и жизнью. Поистине об этом романе можно сказать, что он ничем не ограничен, кроме чисто эстетической формы, а там, где в нем кончается форма, он связан с бесконечностью. Я сравнил бы его с прекрасным островом, лежащим меж двух морей.

Изменения, внесенные Вами, я нахожу достаточными и вполне соответствующими духу и смыслу целого. Быть может, если бы новое возникло одновременно со старым, Вы бы кое-где смогли достигнуть одним штрихом того, что ныне достигается посредством многих, однако этого, конечно, не почувствует никто из читающих книгу впервые уже в нынешнем ее виде. Если не считать моей прихоти насчет желательности несколько более отчетливо акцентировать главную идею, я и в самом деле не вижу теперь ничего, что недоставало бы роману. Если бы только в заглавии не значилось «ученические годы», я счел бы почти перегруженной дидактическую часть восьмой книги. Многие философские идеи явно выиграли теперь в ясности и доступности.

В сцене, непосредственно следующей за смертью

Миньоны, также есть теперь все, чего может требовать душа в такой момент; мне хотелось бы только, чтобы переход к новому предмету был ознаменован новой главой.

Появление маркиза теперь вполне оправданно. Граф великолепен. Ярно и Лотарио также вызывают большой интерес к себе благодаря добавлениям.

Примите же мои поздравления по случаю благополучного завершения этого великого кризиса; постараемся теперь использовать этот повод для того, чтобы выяснить, какова наша публика.

Благодарю за присланные счета. С деньгами я все устрою согласно Вашему желанию. Помимо всего прочего Вам причитается за участие в альманахе 24 луидора (или еще больше, если мы доживем до второго издания). Сердечно благодарен и за Челлини. Теперь корабль опять на плаву. Сию секунду прибыла историческая статья Функа¹.

Майора Рёша я знаю, а еще лучше знает его мой свояк. Если не считать его познаний в математике, тактике и фортификации, весьма превосходных, он, по сути дела, человек весьма ограниченный и малообразованный. В нем много пошлого и педантичного, и хотя преподаватель он дельный, тем не менее его манеры и вкус не позволяют рекомендовать его в такое общество, где требуется некоторая светскость. Вообще же он порядочный и мягкий человек, с которым легко ладить, а его слабости скорее забавны, нежели тягостны.

Ш.

231. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена [между 19 и 23 октября 1796 года]

Наша поэтесса несколько дней тому назад написала мне и исповедалась в своих отношениях с мужем и любовником. Она признается в том, что жизнь с мужем была для нее почти невыносимой, и поэтому она хотела некоторое время тому назад оставить его. И все же она собралась с силами и вменила себе в долг проявлять терпение и в дальнейшем. Однако прежде она сочла необходимым расстаться с любовником; именно это послужило поводом для ее последнего путешествия, и она действительно решилась выполнить задуманное, хотя и не без тяжелой борьбы. С этих пор она надеется терпеливо переносить все и под конец находить даже удовлетворение в своем положении.

Едва ли кто-нибудь может здраво оценить эти признания, которые она, по ее словам, полагала своей обязанностью сделать мне. У меня есть основания думать, что все это не вполне искренно; тем не менее я написал ей, что она может приехать ко мне, если ей не вполне удобно объясняться со мной письменно. Теперь ее муж собирается ехать с ней в Готу.

Не знаю, что ей посоветовать и чем ей помочь, поскольку она, по-видимому, склонна прибегать к средствам сентиментального характера для достижения вполне реалистических целей. Если Вы придумаете что-нибудь, то сообщите мне,— или мне следует послать ее к Вам в Веймар?

Пока что я не слишком продвинулся в своей работе. Погода в эти дни очень сурово обошлась со мной, а к тому же я должен был погасить свой долг в отношении писем.

Все Вам кланяются.

Будьте здоровы.

Ш.

232. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Экземпляры последнего тома прибыли наконец, и я тотчас же посылаю Вам при сем полдюжины

для Вас,

Лодера,

советника юстиции Гуфеланда,

надворного советника Гуфеланда,

Грисбаха и

Гумбольдта.

Посылаю также письмо Кёрнера, которое я читал с большим удовольствием, обращаясь одновременно к стихотворениям. Хотелось бы поскорее узнать, что он скажет о романе. Будьте здоровы. Я сейчас работаю только для того, чтобы как-нибудь пережить эти несколько месяцев и не совсем уж бесполезно провести это неблагоприятное время коротких дней и скверной погоды.

Г.

Веймар, 22 октября 1796 года.

233. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 23 октября 1796 года

Сердечно благодарю за «Мейстера», который не раз еще будет радовать и ободрять меня. Четыре оставшихся

экземпляра я передал по назначению; однако Вы пишете о шести, а я получил лишь пять. Недостает экземпляра для Гумбольдта.

Последний был изумлен нашим альманахом и просто наслаждался им; ксении также вызвали у него тот горячий отклик, которого мы желали. Для меня вновь было приятным открытием то, что всякому свободомыслящему человеку все это собрание в целом должно показаться привлекательным и интересным. В Берлине, пишет Гумбольдт, спрос на альманах хотя и велик, однако ничего любопытного или остроумного о нем он не услышал. Большинство либо изрекает избитые моральные сентенции, либо хихикает надо всем без разбора, словно речь идет о литературной склоке. Из произведений первого раздела, которых он не знал прежде, ему больше всего понравились Ваши «Каток» и «Музы в Бранденбурге» и мои «Два пола» и «Посещение», а «*Tabulae votivae*» внушили ему — так же, как и Гентцу, — великое почтение; однако разграничение Вашей и моей собственности в этом совместном произведении представляется ему весьма затруднительным. О ксениях он пишет, что их целиком приписывают Вам, причем в этом мнении особенно укрепляет берлинцев Гуфеланд¹, утверждающий, будто он читал полный список ксений, сделанный Вашей рукой.

Ничего больше за последнее время об альманахе я не слышал, и думаю, что мы довольно скоро почувствуем, как мало приходится рассчитывать сейчас на широкое понимание публики.

Гумбольдт надеется через неделю быть здесь. Я радуюсь тому, что снова смогу некоторое время пожить вблизи от него. Он пишет, что не застал Штольберга в Эйтине, поскольку тот как раз уехал в Копенгаген, а о Клаудиусе ему вообще сказать нечего: по его словам, это полнейшее ничтожество.

Ваши «Швейцарские письма» интересуют всех, кто их читает, и я откровенно рад тому, что мне удалось отвоевать их у Вас. Они и впрямь создают необычайно живую картину той действительности, из которой проистекли, и хотя возникновение их обусловлено не художественным замыслом, однако они совершенно естественно и искусно составляют единое целое.

Окончание «Мейстера» очень тронуло мою свояченицу, и здесь я вижу также, как оправдываются мои ожидания

относительно того, что именно произведет главный эффект в романе. Ведь именно патетическое и овладевает всегда душою с самого начала; лишь позднее чувство очищается для наслаждения спокойной красотой. Вероятно, при первом и даже при втором чтении наиболее глубокий след в душе всякого читателя оставит образ Миньоны, и все же я думаю, что Вам удалось то, к чему Вы и стремились, — к растворению этого патетического волнения в чувстве прекрасного.

Как я рад, что Вы собираетесь вскоре прибыть сюда вновь на некоторое время! Теперь, когда я свалил с себя бремя работы над альманахом, мне особенно нужен новый живой круг интересов. Правда, я взялся за «Валленштейна»², но пока все еще брожу вокруг да около и жду мощного импульса, который вовлек бы меня в самую суть работы. Это время года угнетает меня так же, как и Вас, и я часто думаю, что под приветливыми лучами солнца дело пошло бы на лад.

Всего Вам наилучшего. Я должен еще попросить Вас получить для меня от гравера и переплетчика отдельные счета по альманаху; в среду я посылаю Котте общий счет и хотел бы поэтому иметь отдельно все оправдательные документы. Что касается Гирта, то не откажет ли он в любезности составить еще и отдельный счет на сумму, причитающуюся ему за статью³, и расписаться, подобно переплетчику, в получении по обоим счетам?

Будьте здоровы. Все кланяются.

Ш.

234. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 25 октября 1796 года

Сегодня — лишь слово привета, сопровождающее печенье, которое посылает Вам моя жена. Мы надеемся, что сегодняшняя приветливая погода приободрила Вас так же, как и нас.

Прилагаю окончание статьи Гирта на случай, если Вы захотите обратиться к нему в свободную минуту. Верните мне его, пожалуйста, в субботу с посылкой.

Теперь же мне следует позаботиться о чем-нибудь таком, что позволило бы нам блистательно завершить второй год «Ор»: ведь от успеха ближайшей подписки зависит, по-видимому, дальнейшая судьба журнала. Пока

что я ничего ровно не вижу впереди, а с неба за эти два года упало так мало, что я не питаю особой надежды на эти случайные дары. Нам и в самом деле нужно уравновесить чем-нибудь устрашающую тяжеловесность статьи Гирта.

Если бы Вы нашли еще одну связку писем — таких же, как швейцарские! Я бы с радостью избавил Вас от всей редакторской работы.

Никаких новостей сообщить Вам не могу. Шлегель рассказывает, что герцог Готский очень недоволен ксениями: все из-за Шлихтегролля¹, которого он очень высоко ценит. Я слышал также, что Шютц понятия не имеет, как быть с рецензией на наш альманах. Могу себе представить.

Будьте здоровы.

Ш.

235. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Возвращаю Вам при сем коробку из-под печенья с великой благодарностью. Вместо этого лакомства я вложил в нее несколько номеров «Философского журнала»¹, которые оказались у меня в двух экземплярах и которые я попрошу Вас вернуть Нитхаммеру.

Статьи Гирта я не нахожу; по-видимому, она придет позже.

О последнем номере «Ор» этого года и о первых номерах будущего думал уже и я, но, к сожалению, мне пока еще ничего не пришло в голову. То, что у меня есть из старых вещей, не вполне обработано и, по существу, представляет собой залежалый товар. Дневник моего путешествия из Веймара в Рим, мои письма оттуда и прочие относящиеся сюда бумаги могут быть отредактированы только мною². К тому же все то, что я написал в ту эпоху, несет на себе отпечаток личности человека, который скорее бежит из-под гнета, нежели живет на свободе, человека ищущего, который лишь постепенно осознает, что он не дорос еще до предметов, его занимающих, и который только в конце своего пути почувствовал, что теперь он был бы способен начать с самого начала. Переработанные по определенному плану, материалы эти приобрели бы, пожалуй, некоторую ценность, однако в своем нынешнем, естественном состоянии они слишком уж *наивны*.

Отношением веймарской публики к альманаху я в общем более или менее доволен, однако подход ее остается все тем же; ксении перевешивают «*Tabulas votivas*» и вообще все что ни есть хорошего и серьезного в книжке. Что нами не везде будут довольны, разумелось с самого начала, а то, что в Готе раздражены, это очень хорошо; когда на меня и на моих друзей совершались крайне грубые нападки, там смотрели на это с величайшим спокойствием, а так как кулачное право в литературе еще не отменено, то мы имеем полную возможность самим добывать свои права и предавать позору тот некрологический клюв, который выклевал глаза нашему бедному Морицу тотчас же после его смерти. Я жду только, когда кто-нибудь даст мне повод высказаться со всей откровенностью и притом как можно более иронично и учтиво.

Мне очень хотелось бы услышать, что «Валленштейн» захватил Вас,— это было бы прекрасно и для Вас, и для немецкого театра.

На этих днях я приступил к детальным наблюдениям над внутренними органами животных; если я и в дальнейшем буду столь же прилежен, то надеюсь, что за зиму хорошо проработаю этот раздел органической природы. Будьте здоровы. Мне очень хочется поскорее вновь увидеть Вас.

Г.

Веймар, 26 октября 1796 года.

236. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 28 октября 1796 года

Вы получите при сем девятый номер «Ор»: шесть экземпляров для Вас, один для герцога, один для Мейера. Прошу Вас также распорядиться передать вложенное Гердеру и Кнебелю.

Сегодня утром сюда прибыла госпожа фон Гумбольдт с детьми. Сам же он еще в Галле, у Вольфа, и будет здесь через три дня.

Гумбольдты еще находились в Берлине, когда туда пришел наш альманах. По-видимому, вокруг него поднялся большой шум. Николаи называет его «альманахом фурий». Цёлльнер и Бистер от него в совершенном восторге (как видите, с Бистером у нас получилось удачно). Последний находит, что ксении даже слишком умеренны.

Еще кто-то заметил, что теперь одним бедствием на свете стало больше, так как каждый год надо будет со страхом ждать нового альманаха. Мейер (поэт) объявил, что мы в ксениях сами разделили друг друга и что в двустииши «Дешевое уважение» на странице 221 я метил в Вас ¹!!

Вольтман был вчера у меня; по его словам, Виланд сказал о ксениях следующее: он жалеет только, что в них похвалили Фосса, меж тем как множество достойных людей задето. Вольтман твердо и непоколебимо верит в то, что под некрологическим вороном, каркающим вслед Виланду ², подразумевается не кто иной, как Бёттигер.

Тем временем появился наконец и первый печатный выпад против ксений, и если все другие окажутся того же рода, то нам просто не на что будет откликаться. Напечатан этот выпад в... «Имперском вестнике». Шютц сообщил его мне: это дистих, в котором, однако, пентаметр предшествует гекзаметру ³! Вы не можете себе представить ничего более убогого. Ксении заклеены там как «злые».

Шлегель все еще не догадался, кто такие «юные племянники» ⁴. Сегодня он опять спрашивал об этом.

Но что позабавит Вас, так это заметка в новом лейпцигском «Листке объявлений» ⁵, печатающемся in-folio. Здесь некий честный аноним встал на сторону «Ор» против Рейхардта. Хотя при этом никто не назван, однако совершенно очевидно, о ком идет речь. Автор в весьма резком тоне возмущается тем, что этот издатель двух журналов расхваливает один из них в другом и не может скрыть неприличной зависти к чужому журналу. Пока что автор готов ограничиться этим намеком, но грозит разделаться с издателем как следует, если намек окажется бесполезным.

На сегодня довольно этих новостей. У нас здесь все благополучно; работа моя подвигается медленно.

Будьте здоровы.

III.

Я видел альманах Фосса: *misérable* *.

* [он] жалок (франц.).

237. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я вынужден уехать на несколько дней в Ильменау¹ и только спешу поблагодарить Вас за присланные «Оры». Забавно, что мы узнаем через Гумбольдта о том шуме, который альманах производит в Берлине; теперь же он сможет рассказать нам и о том, как обстоит дело в Галле. Как только я вернусь, то навещу Вас. В Готе также чрезвычайно взволнованы нашей дерзостью. Прилагаю к сему листок с дистихами принца Августа, который еще довольно терпимо воспринимает все это дело². Возвращаю Вам статью Гирта; прилагаю к ней и доску. Было бы просто прекрасно, если бы мне удалось написать в Ильменау еще одну часть эпической поэмы³; полное уединение позволяет, быть может, питать некоторые надежды.

Мейер снова написал мне; его копия закончена⁴, и он приступает теперь к дальнейшему описанию древностей. Будьте здоровы и продолжайте писать сюда, мне перешлют Ваши письма. Кланяйтесь Гумбольдтам и Вашей милой жене. Мне не терпится поскорее увидеть Вас снова.

Г.

Веймар, 29 октября 1796 года.

238. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 31 октября 1796 года

Приветствую Вас в Вашей безлюдной долине¹ и желаю Вам встречи с самой прелестной из всех муз. По крайней мере Вы сможете найти там городок Вашего Германа, а аптекарь или же зеленый дом с лепной работой на фасаде отыщутся, конечно, и там.

Кёрнер написал мне о Вашем «Мейстере» в письме, прибывшем сегодня². Прилагаю его; оно не слишком нарушит Ваше уединение.

Я получил также еще одно письмо из Лейпцига³, в котором меня извещают, что все отосланные туда экземпляры разошлись, и настоятельно просят новых. Это, стало быть, помимо тех 900—1000 экземпляров, которые я отправил в пакетах в определенные книжные лавки для Котты и его округа, и помимо тех 435 экземпляров, которые я постепенно отсылал комиссионеру на случай новых требований. Последние уже ушли, и можно не без основания полагать, что все экземпляры, которые я посы-

лал в пакетах, к нам не вернутся. Даже поврежденные экземпляры распроданы все до единого. Поэтому я собрал все, что у меня оставалось здесь, а также написал мадемуазель Вульпиус ⁴, чтобы она прислала мне, если сможет, все экземпляры на печатной бумаге, отложенные Вами про запас. Все вместе это составит примерно 73 экземпляра, и это, конечно, далеко не достаточно, поскольку комиссионер пишет, что заказано еще очень много. Поэтому я написал сегодня Котте и предложил ему взяться за второе издание, предпринимать которое мне самому здесь не хочется как из-за риска, так и из-за докучливых хлопот. Это — *его* дело, так пусть он и поразмыслит о нем, а отсрочка в 12—14 дней особой роли тут не играет.

Хотя эпиграммы из Готы и оказались вполне либеральными по духу, однако должен признаться, что именно эта манера оценивать наше дело представляется мне самой невыносимой из всех. Она не выражает ничего, кроме снисходительности к пошлому и бессодержательному, и я не знаю ничего более наглого, чем эта способность сначала поклоняться чему-нибудь презренному, а затем, когда кто-то разделался с ним, притвориться, будто только терпел его: сначала приравнивать его к хорошему, а затем лицемерно объявлять, что это слишком уж жестоко — сопоставлять его с хорошим. Пентаметр «Наша вода освежит» etc. великолепен; он с необычайной выразительностью характеризует всю эту породу.

Будьте здоровы и вспоминайте нас с любовью. Гумбольдт еще не прибыл. Все шлют Вам сердечный поклон.

Ш.

239. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 2 ноября 1796 года

Сегодня лишь несколько слов приветя. Гумбольдт приехал вчера; он просит передать Вам свои наилучшие пожелания и очень радуется предстоящей встрече с Вами. Он здоров и бодр, но жена его беременна и неважно себя чувствует. Он чуть было не приехал сюда с Рейхардтом, ему пришлось прибегнуть к хитрости, чтобы ускользнуть. Рейхардт приедет сюда через две недели, чтобы, как говорит Гумбольдт, увезти отсюда Фридриха Шлегеля в Гибихинштейн. Вот что называется попасть

черту в лапы. Рейхардта, по-видимому, чрезвычайно взволновали ксении, но поскольку Шлегель уверил его в том, что Вы непричастны к тем из них, которые направлены против него, то он очень был этим утешен, так что, по мнению Гумбольдта, Вы никоим образом не ограждены от его визита. Он полагает, будто все еще что-то значит в Ваших глазах. В разговоре с Гумбольдтом он также расхваливал Ваши произведения в альманахе. Таким образом, Ваши планы по отношению к нему еще не осуществились, как видно; он был и остается для всего света Вашим другом, по крайней мере в своих собственных глазах, и, вероятно, будет теперь больше, чем когда-либо, выдавать себя за такового.

В Галле, по-видимому, очень обрадовались ксениям Вольф и Эберхард (особенно последний), и даже Клейн, родственник Николаи. Множество подробностей — при встрече, так как у меня сегодня выдался очень тяжелый почтовый день.

30 экземпляров альманаха доставлены мне сегодня из Вашего дома.

Будьте здоровы. Мы все шлем Вам привет.

Ш.

240. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Оба Ваших письма, дражайший друг, я получил еще в Ильменау, но очень поздно; туда, как в Киммерию¹, посланцы идут долго, солнце в это время года заглядывает редко — и все же альманах довольно быстро проложил туда дорогу. Я пока что удовлетворен тем, что мы в целом произвели надлежащий эффект обеими нашими вещицами²; отдельные же высказывания редко могут удовлетворить автора. Какой бы ни была цель, близкой или далекой, но ты ее достиг, коль скоро некоторые читатели обратили на тебя внимание. И вот они приходят в движение: одни приближаются к тебе, кто шагом, кто бегом, кто еле волоча ноги; другие останавливаются на полдороге; третьи вдруг поворачивают обратно; четвертые манят тебя, требуя, чтобы ты вернулся к ним, в ту самую низину, из которой ты с таким трудом выбрался. Таким образом, нужно воспринимать всеобщее внимание как результат и в полной тиши радоваться вместе с теми, кто под конец ближе всех сошелся с нами, выказав дру-

жеское расположение и понимание; ведь именно Вам я обязан сближением с Кёрнером и Гумбольдтом, в высшей степени отрадным для меня в нынешнем моем положении.

Благодаря непосредственному соприкосновению с горами и благодаря минералогическому кабинету Фойгта³ я снова вступил теперь в царство камней. Меня очень радует, что эта счастливая случайность позволила мне возобновить свои наблюдения: ведь без них пресловутая «Морфология» не сможет обрести должную полноту. На этот раз они внушили мне несколько хороших идей, о которых я сообщу Вам при случае.

Но зато я ни разу не видел и краешка одежды какой бы то ни было музы; даже к прозе я чувствовал себя неспособным, так что напрасно было бы ждать от меня и малейшего следа каких-либо работ или переработок. Будем, однако, терпеливо ждать дальнейшего. Я все еще не знаю, когда смогу увидеть Вас. На первых порах мне невозможно будет отлучиться отсюда; вероятно, мне удастся лишь приехать на один день, чтобы приветствовать Гумбольдта и кое-что обсудить. Будьте здоровы и кланяйтесь всем, кто Вас окружает. Экземпляр для Гумбольдта прилагаю⁴.

Г.

Веймар, 12 ноября 1796 года.

241. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 13 ноября 1796 года

Для меня подлинное утешение знать, что Вы снова вблизи от нас; никогда еще разлука с Вами не казалась мне такой долгой, как теперь, хотя я менее, чем когда-либо, оставался в эти дни в одиночестве. Я рад, что Вы поделитесь со мной Вашими новыми открытиями в морфологии; поэтический час пробьет в свое время.

Здесь в Ваше отсутствие ничего нового не произошло, и из мира литературы я никаких известий не имею. Прилагаю письмо коадьютора о ксенях; из него Вы увидите, что, добившись репутации глубоко нравственного человека, можно грешить вволю¹.

Что касается второго издания альманаха, то оно уже печатается здесь, в Иене; по зрелом размышлении я предпочел затеять это дело здесь, а не в Тюбингене, и Гёп-

фердт обязался покончить с ним в начале декабря. На следующей неделе я пошлю Вам бумагу для обложек, которых нам теперь помимо имеющихся в запасе требуется еще 425. У меня здесь хранится и доска Больта с Терпсихорой; необходимые оттиски с нее можно будет сделать и в Веймаре.

За это время я усердно штудировал источники для моего «Валленштейна» и довольно значительно продвинулся вперед в планах композиции драмы. Чем больше я уточняю свои идеи относительно формы произведения, тем необъятнее представляется мне тот материал, которым следует овладеть, и, право же, без некоторой дерзостной веры в свои силы я едва ли смог бы продолжать работу.

Если у Вас есть сочинение Бёттигера об Иффланде², то я прошу Вас прислать его мне. Говорят, что в нем содержится великое множество глупостей и что там можно обнаружить даже письмо госпожи фон Кальб.

Прилагаю к сему и листок с гекзаметрами (!), написанными в Бреслау одним из кулачных бойцов³ господина Манзо и направленными против Вас или меня. Замечательно, однако, что все, кто до сих пор нападал на нас, терпят неудачу уже в просодии.

Александр фон Гумбольдт, по-видимому, в совершенном восторге от ксенийев — так сказал мне его брат. Вот, стало быть, еще один человек, способный воспринять такой материал.

Будьте здоровы. Все Вам кланяются. Гумбольдты, которые сердечно благодарят Вас за «Мейстера», жаждут увидеть Вас. У меня все благополучно.

Ш.

242. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Документы, которые я получил от Вас сегодня¹, незамедлительно возвращаются обратно. В одном из них поистине замечательно то, что наши противники до сих пор не могут осознать, в какой стихии мы движемся; в другом обнаруживается несколько более возвышенный образ мыслей, который был бы даже вполне приемлем, если бы только склонность к «освежающей воде»² и здесь не проглядывала так ясно.

Прилагаю к сему «Верхнегерманскую литературную газету» и прошу поскорее вернуть ее мне. Такой легко-

мысленный, поверхностный, но благожелательный разбор всей вещи³ отчасти даже и кстати. Рецензент от начала и до конца чувствует себя à son aise*, что удалось бы далеко не каждому. Опечатки в цитируемых стихотворениях довольно забавны.

Посылаю также книгу, которую Вы просили⁴. Такое вот лоскутное изделие — вещь довольно редкостная. Если бы художники и художественные произведения сами не вставали снова на ноги, подобно фигуркам-неваляшкам, то они вечно валялись бы в грязи из-за подобных друзей. Примечательно, как автор при всей своей беспомощности пытается придать себе грозный вид даже перед лицом своего собственного героя. Его недоброжелательность по отношению к *Вам* проглядывает во многих местах. У меня появился недобрый замысел, который позволил бы посредством софистического приема посадить его в лужу и побить его же оружием. Если Вы одобрите эту шутку, то я приведу ее в исполнение; мне кажется, что она sans gérlique**, вроде той, которая была использована в «Литературном санкюлотстве». Но об этом — при встрече.

Мейер сердечно Вам кланяется; он во Флоренции, держится молодцом, работает и созерцает, и только одиночество, конечно, порою сильно тяготит его. Будьте здоровы и кланяйтесь всем Вашим близким.

Г.

Веймар, 13 [14] ноября 1796 года.

243. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Хочу наверстать сегодня кое-что из того, о чем забыл вчера. Прежде всего поздравляю Вас со вторым изданием; разумеется, Вам ничего другого и не оставалось, как печатать его в Иене. Пришлите мне бумагу поскорее, потому что здесь не сразу возьмутся за дело. Некоторые замечания относительно опечаток пришлю Вам в ближайшее время. В каком количестве думаете Вы напечатать это издание? Быть может, мы доживем еще до третьего.

Альманах Фосса плох сверх всякой меры¹. Мне жаль Фосса и наших с ним отношений, ведь нужно же быть хоть сколько-нибудь равным своим соперникам, чтобы

* непринужденно (франц.).

** безупречна (франц.).

не ненавидеть их. До чего бездарна вся эта компания, уму непостижимо; без нескольких переводов томик был бы почти пуст. И все же не стану отрицать, что этот *creator spiritus** должен остаться нашим другом, если только мы хотим в будущем году двинуться вперед, а не назад.

Однако самое приятное из всего, что Вы могли сообщить мне, это Ваша настойчивость в работе над «Валленштейном» и Ваша вера в возможность ее завершения. Ибо после нашей безумной эскапады с ксениями мы должны посвятить себя лишь великим и достойным произведениям искусства и воплотить наши изменчивые натуры в благородных и высоких образах, к вящему посрамлению всех наших противников.

Три первые песни моей эпической поэмы² тщательно обработаны и наново переписаны. Радуюсь тому, что при случае прочту их Гумбольдту.

Экземпляр английского перевода Челлини, который я получил от Эшенбурга, принадлежит Бойе, о чем свидетельствует его собственноручная подпись на книге. Если Вы будете писать Бойе, то спросите его, не уступит ли он мне книгу³; я охотно заплачу, сколько он пожелает, и обещаю ему, кроме того, экземпляр моей работы, если она выйдет когда-нибудь отдельным изданием. Английское издание необходимо мне по многим причинам, и в особенности потому, что там есть очень хорошо награвированный *портрет*, который мне пришлось бы вырезать, чтобы заказать с него копию. Для завершения всей этой работы, за вычетом примечаний, мне понадобится весь небольшой остаток этого года.

Мои естественнонаучные наблюдения очень меня радуют. То, что здесь в итоге должно получиться нечто субъективно-целостное, кажется странным, и все же это в порядке вещей. В сущности, это будет, если угодно, *мир глаза*, мир, который исчерпывается формами и красками. Ибо если вдуматься как следует, то в содействии других чувств я нуждаюсь лишь изредка, и всякое рассуждение здесь превращается в своего рода изображение. Но довольно на сегодня. Мой сердечный привет.

Г.

Веймар, 15 ноября 1796 года.

* дух созидающий (латин.).

244. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 18 ноября 1796 года

В Копенгагене совершенно разъярены ксениями; об этом сообщает мне в сегодняшнем письме госпожа Шиммельман¹, которая, право же, настроена довольно терпимо и, будь это только по ее воле, охотно отнеслась бы к нам по справедливости. Вообще же нам нечего и мечтать о том, чтобы наше произведение было оценено по существу; люди, наиболее расположенные к нам, проявляют лишь терпимость.

Во всех дошедших до меня отзывах этого рода мне отводится жалкая роль совращенного, — Вы, стало быть, можете утешаться хотя бы тем, что являетесь совратителем.

Разумеется, очень хорошо было бы — и для меня в особенности — выступить теперь перед публикой с чем-нибудь значительным и серьезным; но когда я подумаю, что несмотря на все то великое и возвышенное, которое Вы создали для читателей, способных чувствовать, создали еще совсем недавно в «Мейстере» и даже в альманахе, публика тем не менее не смогла подняться выше своей обиды на не столь уж сильные уколы, то я, право же, едва ли могу надеяться когда-либо на более благожелательное отношение к чему-нибудь хорошему и совершенному, выполненному в моем духе. Вам никогда не простят Вашей правдивости, глубины Вашей натуры, а я, если здесь позволительно говорить обо мне, никогда не смогу обрести дружеского расположения публики из-за резкого несоответствия моей натуры духу времени и вкусам толпы. Хорошо хоть, что в этом и нет особой нужды для того, чтобы вызвать и поддержать во мне деятельное настроение. Вам же это совершенно безразлично, в особенности теперь, когда, несмотря на всю болтовню, вкус у наилучших представителей общества явно принимает такое направление, которое должно будет привести к самому полному признанию Ваших заслуг.

Прилагаю к сему обстоятельное письмо Кёрнера о «Мейстере»², в котором содержится очень много прекрасного и ценного. Пришлите мне его тотчас же с посылкой, так как я хотел бы снять с него копию и использовать в двенадцатом номере «Ор», если Вы ничего не имеете против.

Что касается альманаха, то я распоряджусь отпечатать

всего лишь 500 экземпляров, но исключительно на хорошей бумаге. Назначить большее количество я не вправе, поскольку за основу здесь следовало бы взять сбыт в Лейпциге, — в остальной Германии сбыт все еще проблематичен, так как мы не знаем, не будут ли возвращены многие из разосланных экземпляров. С другой стороны, если из нового издания разойдется хотя бы 200 экземпляров, то оно полностью окупится, о чем я могу теперь, когда все прошло через мои руки, судить с точностью до последнего геллера и пфеннига.

Об альманахе на следующий год пока не смею и думать, и все мои надежды устремлены к Вам. Ибо я вижу теперь, что «Валленштейн» может отнять у меня всю зиму и, пожалуй, почти все лето, поскольку мне приходится иметь дело с чрезвычайно неподатливым материалом, из которого я могу извлечь что-либо лишь при героическом упорстве. А так как мне к тому же недостает еще очень многих, и притом самых простейших средств, необходимых для того, чтобы приблизиться к жизни и людям и выйти за узкие пределы своего собственного бытия на более обширную сцену, то я, подобно животному, лишенному тех или иных органов, должен научиться делать больше теми, которыми обладаю, и, так сказать, заменять руки ногами. И в самом деле, я теряю бесконечно много сил и времени на то, чтобы преодолеть границы моего случайного положения и изготовить себе инструменты для овладения столь чуждым для меня предметом, как живой и особенно политический мир. Я с нетерпением жду того момента, когда наконец продвинусь с моим трагическим сюжетом о Валленштейне настолько, чтобы совершенно уверовать в его пригодность для *трагедии*. Впрочем, если бы я даже и пришел к иному выводу, то и тогда бы, разумеется, не бросил бы работу совсем, так как я уже достаточно разработал этот сюжет для того, чтобы сделать на его основе некую достойную драматическую картину; однако в этом случае я прежде обработал бы «Мальтийцев»³, которые при гораздо более простом построении безусловно пригодны стать трагедией.

Будьте здоровы. Все мы от души жаждем увидеть Вас.

Я слышал, что мой свояк написал герцогу Веймарскому относительно места Гендриха⁴; от души желаю ему успеха, однако очень сомневаюсь в этом, хотя и

убежден, что он был бы полезен в Веймаре во многих отношениях.

При сем Вы получите медную доску, гравированную Большом, и бумагу для оттисков. Будьте здоровы.

Ш.

245. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Письмо Кёрнера доставило мне очень много радости, тем более что оно застало меня в некоем полном эстетическом одиночестве. Просто поразительно, с какой ясностью и свободой он охватывает свой предмет; он парит надо всем целым, самобытно и свободно рассматривает отдельные его части, извлекает то тут, то там доказательства для своих выводов, расчленяет целое, чтобы затем вновь воссоединить его по-своему, и предпочитает вначале отстранить то, что препятствует единству, которое он ищет или находит, чем задерживаться или даже основываться на нем, как это обычно делают читатели. Подчеркнутое место доставило мне особенное удовольствие¹, потому что как раз на этот пункт я беспрерывно обращал внимание и чувствовал, что именно это и должно быть той главной нитью, которая незаметно скрепляет все и без которой ни один роман не может хоть чего-то стоять. Вообще же эта статья особенно ясно показывает, что читатель сам должен быть творцом, если он хочет принять участие в каком-либо творении. К сожалению, мне снова пришлось пережить самые печальные примеры пассивного участия, которое в конечном счете сводится к повторению припева: «В моей голове это не вмещается!»² Ясно ведь, что воспринимать произведение искусства одной головой, без участия сердца, невозможно.

Так, недавно один человек³ написал мне, что слова «Нет! — воскликнул он. — Ты, черствый светский человек, воображаешь, что можешь быть мне другом! Все то, что ты можешь предложить мне, не стоит того чувства, которое привязывает меня к этим несчастным!» — на странице 138-й второго тома он воспринял как средоточие всего замысла и, исходя из этого центра, описал свою окружность, однако в нее не умещается вся последняя часть, и он не знает, что с ней делать.

Другой⁴ же заверял меня в том, что моя идиллия — превосходная поэма, вот только ему еще не ясно, не луч-

ше ли было бы разделить ее на два или три стихотворения.

От таких высказываний как не покрыться льдом Иппокрене, как не облезть Пегасу! Но так было и 25 лет тому назад, когда я начинал, и так будет долго еще после того, как я закончу. Вместе с тем нельзя отрицать и признаков того, что определенные понятия и принципы, без которых, по сути дела, не следует подходить к любому произведению искусства, постепенно приобретают все более и более широкое распространение.

Мейер шлет сердечный привет из Флоренции; он получил наконец идиллию, и хорошо было бы, вероятно, если бы Вы смогли послать ему через Котту и Эшера весь альманах.

Надеюсь, что копенгагенцы и все вообще образованные жители балтийского побережья почерпнут в наших ксениях еще один аргумент в пользу действительного и непреложного существования дьявола, чем мы несомненно окажем им весьма существенную услугу. С другой стороны, разумеется, весьма прискорбно то, что им столь нелюбезно омрачили бесценную свободу быть пустыми и пошлыми.

Статья Кёрнера, как мне кажется, вполне пригодна для «Ор»; по сравнению с его легкой и в то же время превосходной манерой трактовки романа особенно диковинными покажутся те выкрутасы, которых можно ожидать от других рецензентов.

Вообще же мне крайне необходимо поскорее увидеться с Вами, ведь нам многое нужно обсудить. Очень хочется узнать, как подвигается «Валленштейн».

Относительно прошения о месте я кое-что слышал, но ничего не знаю о каких-либо настроениях или суждениях на этот счет; тем не менее я тоже сомневаюсь в удаче. Будьте здоровы и кланяйтесь друзьям.

Г.

Веймар, 19 ноября 1796 года.

246. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 22 ноября 1796 года

Вероятно, завтра Вы увидите Гумбольдта, который едет на несколько дней в Эрфурт. Ему очень хочется иметь возможность провести с Вами вечер. Он привезет также

десятый номер «Ор», в котором обращаю Ваше внимание на повесть «Агнес фон Либиен»¹.

Быть может, Вы уже видели последний номер «Современного архива», в котором помещен выпад старика Клопштока против Вас². Его рассердило то, что в прошлогодних своих эпиграммах Вы жалуетесь на то, что приходится писать *по-немецки*, и поэтому он дает волю своему раздражению в эпиграмме, — разумеется, весьма жалкой. Она находится в продолжении его диалогов о грамматике, и этот «Приговор» (!!) гласит:

Жаль тебе, Гете, что ты на мне пишешь? Но если б как надо
Знал ты меня, не скорбел. Гете, и мне тебя жаль.

Гумбольдт расскажет Вам также о рецензии молодого Шлегеля на «Вольдемара»³ и о пламенном письме Якоби относительно этой рецензии, что очень позабавит Вас. В этом письме говорится кое-что и о наших ксениях.

Но когда же мы снова увидим Вас здесь? Я жажду этого всей душой, мне словно бы недостает чего-то в той стихии, в которой я должен был бы жить.

Котта жалуется, что Эшер до сих пор не ответил на посланный ему денежный перевод и на три письма. Он вынужден был перевести ему деньги, так как в ту местность тогда не доходила тяжелая почта.

Как только выйдет новое издание альманаха, я пошлю Мейеру экземпляр через Эшера. Передайте ему от нас самый сердечный поклон.

Ко мне пришли, и я должен кончить.

Будьте здоровы.

Ш.

247. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

На карточке, которую прилагаю¹, Вы найдете несколько примечаний к ксениям; быть может, Вам еще удастся использовать их.

Гумбольдты заедут сюда только во вторник на обратном пути из Эрфурта и будут у меня обедать; я хотел бы, чтобы и Вы решились приехать сюда в этот день вместе с Вашей милой женой. Вы смогли бы провести здесь ночь и уехать в среду вместе с Гумбольдтами. Нынешняя погода почти что требует такого героического предприятия.

Так как я не вижу возможности провести у Вас вскоре некоторое время, то, вероятно, приеду лишь на один день, — есть множество дел, в которых мне недостает Вашего участия.

Прилагаю письмо Гумбольдта², которое Вас обрадует. И в самом деле, чрезвычайно отрадно иметь таких участливых друзей и соседей; в моем собственном кругу я не встречал еще ничего подобного. Будьте здоровы и примите к сердцу мое приглашение.

Г.

Веймар, 26 ноября 1796 года.

248. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 28 ноября 1796 года

Я едва ли смогу воспользоваться Вашим дружеским приглашением, так как ощущаю это отвратительное время года и непогоду всеми нервами и еле держусь. Зато надеюсь вскоре увидеть Вас здесь хотя бы в течение одного дня, услышать о Ваших новых открытиях и наблюдениях, а в то же время и рассказать Вам о своих собственных делах.

Хотя «Валленштейн» и теперь еще подвигается очень медленно, поскольку мне пока что приходится иметь дело главным образом с сырым материалом (который и не весь еще собран), однако я по-прежнему считаю себя способным справиться с ним, да и в отношении формы я многое сумел увидеть отчетливо и определенно. Теперь мне в достаточной степени ясно, что я *хочу*, и то, что я *должен* тут сделать, а также то, что я уже *имею*; остается только осуществить то, что я *хочу*, и то, что я *должен*, сообразуясь с тем, чем я *обладаю*, и с тем, что я вижу перед собой. Что же касается того, в каком *духе* я теперь работаю, то Вы, вероятно, будете довольны мною. Мне вполне удастся держать материал за пределами моего собственного Я и давать лишь изображение предмета. Я мог бы даже сказать, что сюжет меня совершенно не интересует; я никогда еще не соединял в себе такой холодности, к своему предмету с таким теплым чувством к работе. Как к главному персонажу, так и к большинству второстепенных я и в самом деле подхожу пока что лишь с пристрастием художника; только ко второму по значению персонажу, к молодому Пикколомини, я испытываю личное пристрастие,

однако от этого целое скорее должно выиграть, нежели проиграть.

Что же касается драматического действия как самого главного, то поистине неблагодарный и непоэтичный материал еще не вполне послушен мне, конечно; в развитии действия еще есть пробелы, и многое вообще не желает укладываться в тесные рамки трагедийного построения. Не совсем преодолен здесь и *prōton pseudos* * развязки, делающей ее столь непригодной для трагического развития. Судьба в собственном смысле этого слова слишком уж мало значит здесь, а ошибки самого героя — слишком много. Однако меня при этом утешает до некоторой степени пример Макбета, где судьба гораздо менее повинна в гибели человека, чем он сам.

Впрочем, об этом и об иных препятствиях — при встрече.

Замечания Гумбольдта по поводу кёрнеровского письма представляются мне не лишенными значения, хотя в том, что касается характера Мейстера, он, кажется заходит слишком далеко в противоположном направлении. Кёрнер впадает в чрезмерное преувеличение, рассматривая эту фигуру в качестве подлинного героя романа; заглавие, давняя традиция непременно иметь в каждом романе главного героя и т. д. ввели его в заблуждение. Вильгельм Мейстер хотя и самый необходимый, но не самый значительный персонаж; именно в том и заключается одна из особенностей Вашего романа, что он не нуждается в столь значительном персонаже и не имеет его. Что касается Мейстера, то все происходит с ним и вокруг него, но, по сути дела, не из-за него; именно потому, что вещи вокруг него являются воплощением сил, а сам он олицетворяет и выражает восприимчивость, он должен был находиться в совершенно иных отношениях со всеми остальными персонажами, чем герой любого другого романа.

Напротив, Гумбольдт, на мой взгляд, чересчур несправедлив к этому персонажу, и я не вполне понимаю, как он может считать действительно завершенным то дело, которое предпринял в этом романе автор, если Мейстер — такое безвольное и бессодержательное существо, каким он его объявляет. Если человеческая природа во всей ее

* ложная предпосылка (греч.).

полноте и в самом деле не пробуждена в Мейстере и не введена в игру, то роман не закончен, а если Мейстер вообще не способен на это, то Вы не должны были бы останавливать свой выбор на подобном характере. То, что роман завершается в лице Мейстера ни законченной индивидуальностью, ни последовательным идеализмом, а чем-то средним между тем и другим, представляет собой деликатное и щекотливое обстоятельство. Характер этот индивидуален, но лишь в соответствии с ограничивающими его рамками, а не по содержанию, и он идеален, но лишь по своим возможностям. Таким образом, он отказывает нам в непосредственном удовлетворении того, что мы требуем (определенности), и обещает нам нечто более высокое, нечто наивысшее — вексель, оплаты которого мы, однако, должны будем ждать в далеком будущем.

Довольно забавно, что по поводу такого произведения возможно еще столь великое расхождение в суждениях.

Будьте здоровы и кланяйтесь от нас Гумбольдтам.

Ш.

249. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вчера я провел очень приятный день в обществе Гумбольдтов, причем до самого обеда питал надежду увидеть Вас здесь. Но если эти часы оказались полезными и приятными и для Вас, то я очень рад этому; пусть так продолжается и дальше, пока Вы не достигнете своей цели.

Штарке обещает передать мне оттиски¹ еще в течение дня, и я надеюсь прислать их вместе с этим письмом.

Бургсдорф² произвел на меня очень хорошее впечатление своими манерами и тем немногим, что он высказал.

Новое произведение госпожи де Сталь «*De l'influence des passions...*»³ и т. д. чрезвычайно интересно; оно основано на постоянном созерцании обширного и значительного мира, в котором она жила, и содержит множество умных, тонких и смелых наблюдений.

[Г.]

Веймар, 30 ноября 1796 года.

250. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Прекрасный каток при великолепной погоде мешал мне писать Вам на этих днях; вот и сейчас я хочу ска-

зять Вам несколько слов уже под вечер нынешнего, весьма оживленного дня.

Произведение госпожи де Сталь, о котором, вероятно, уже рассказывал Вам господин фон Гумбольдт, придет к Вам через несколько дней; в высшей степени интересно наблюдать, как эта необыкновенно страстная натура проходит через ужасный очистительный огонь революции, в которой ей пришлось принять такое деятельное участие, и как в ней теперь остается, я бы сказал, одно только одухотворенно-человеческое. Быть может, уместно было бы поместить в «Орах» своеобразное извлечение в виде некоторых наиболее удачных высказываний или же какую-нибудь главу, но только сделать это поскорее, потому что к пасхе, несомненно, выйдет перевод всего произведения¹; предоставляю Вам решить это.

Хоть я и предполагаю, что злая воля наших *гостей* уже доставила экземпляры в Иену, однако посылаю Вам свой². Забавно наблюдать за тем, что именно рассердило эту породу людей, что, по их мнению, должно рассердить человека, каким серым, пустым и пошлым кажется им чуждое существование, как направляют они свои стрелы против внешней стороны явления и, наконец, насколько далеки они даже от подозрения о том, в какой неприступной крепости живет человек, который со всей серьезностью относится к себе и к своему делу.

Различные обстоятельства и дела все еще приковывают меня к месту, тем более что я не хотел бы приезжать к Вам теперь, не имея возможности провести у Вас хотя бы несколько дней. Театр только-только начинает добиваться успехов благодаря некоторым новым пьесам и спектаклям, а новая организация режиссуры³ требует моего присутствия.

Кроме того, я жду на этих днях приезда молодого Якоби⁴; таким образом, мне придется еще некоторое время обходиться без Вашей непосредственной поддержки.

В остальном же все идет своим чередом, и я могу рассчитывать на успех в некоторых областях моих исследований. Передайте Гумбольдту мой сердечный поклон и поскорее напишите мне несколько слов о том, как Вы себя чувствуете и как подвигается Ваша работа.

Г.

Веймар, 5 декабря 1796 года.

251. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 6 декабря 1796 года

Я снова почти полностью потерял несколько дней из-за бессонницы, и это вызвало досадный перерыв в моей работе, которая в общем-то продвигается очень хорошо. Разумеется, такое занятие, как мое нынешнее, сильнее возбуждает чувствительную и болезненную натуру именно потому, что оно глубже и продолжительнее захватывает всего человека.

Позавчера у меня появилась слабая надежда увидеть Вас здесь. Новая отсрочка очень огорчает меня. Хоть бы только Вы смогли зато подольше пробыть здесь в будушем!

Направленное против нас грязное изделие, автором которого является, должно быть, магистр Дик из Лейпцига, уже несколько дней тому назад попало в мои руки. Я надеялся, что оно останется Вам неизвестным. Разумеется, чувство обиды у некоторых людей не могло вылиться в более благородной вспышке, но ведь только в Германии человек злонамеренный и грубый может рассчитывать, что не растеряет всех своих читателей из-за подобного обращения с уважаемыми именами. Там, где нет стыда, следовало бы, конечно, иметь возможность прибегать к устрашению, чтобы обуздать таких наглецов, однако с полицией у нас дело обстоит столь же неудовлетворительно, что и со вкусом.

Неприятное здесь состоит в том, что премудрые сторонники умеренности, которые едва ли смогут взять под свою защиту подобное изделие, будут тем не менее торжествовать и говорить, что к этому привело наше нападение и что скандал вызван нами.

Но, с другой стороны, эти дистихи служат самым блистательным оправданием наших, и тому, кто и сейчас не заметит, что «Ксении» — поэтическое произведение, уже ничем не поможешь; грубость и оскорбления нигде не могли быть столь резко отграниченными от духовности и юмора, чем это произошло здесь, и вся партия Дика должна будет осознать свое поражение по той причине, что как раз в том единственном, в чем можно было бы, пожалуй, упрекнуть нас, она пошла гораздо дальше. Мне чрезвычайно любопытно, не раздадутся ли некоторые голоса и в защиту «Ксениев»; мы, разумеется, не можем отвечать на подобные вещи.

С нетерпением жду сочинения мадам Сталь. Если бы мы извлекли из него все самое пикантное и содержательное, это придало бы «Орам» желательное разнообразие.

С «Агнес фон Либиен» мы, кажется, добились большого успеха, ибо все голоса, которые мне довелось здесь услышать, подтверждают это. Могли бы Вы предположить, что великие наши здешние критики, Шлегели, ни на мгновение не усомнились в том, что это — Ваше произведение? Мадам Шлегель объявила даже, что Вы до сих пор не создавали более чистого и совершенного женского образа, и она признается, что благодаря этому произведению ее представление о Вас значительно расширилось¹. Роман этот, по-видимому, произвел на некоторых совершенно иное впечатление, чем четвертый том «Мейстера». Я никак не могу решиться разрушить эту блаженную иллюзию.

Будьте здоровы, и да не нарушат Вашего покоя ни этот неожиданный подарок, ни та наглость. Что есть, то уже есть, а то, чему быть должно, непременно случится.

Сердечный привет от всех нас.

Ш.

252. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Прилагаю произведение мадам Сталь; оно, несомненно, порадует Вас. Я обдумал уже и то, каким образом использовать его для «Ор»; это можно было бы сделать, отобрав наиболее значительные места и поместив их одно за другим. Поэтому читайте книгу с карандашом в руке и попросите господина фон Гумбольдта о том же, — этим быстрее определится мой выбор; как только книга вернется ко мне, я смогу приступить к работе. Очередная порция «Челлини» готова к отправке, если она Вам нужна.

Вы найдете в приложении и новую элегию¹, которой я желал бы Вашего одобрения. Сообщая в ней о моей новой поэме, я вместе с тем собираюсь начать ею новую книгу элегий. Во второй элегии, вероятно, будет выражено страстное желание в третий раз перебраться через Альпы, и в этом духе я и буду продолжать — либо дома, либо в пути. Мне бы хотелось, чтобы Вы открыли этой элегией первый номер «Ор» в новом году; пусть все видят, что мы крепко стоим на своих позициях и готовы выдержать любое нападение.

В вылазке Дика я не нашел ничего особенного, так как знаю немцев уже давно; нам следует ждать подобных

вещей и в дальнейшем. Немец видит только сюжет и полагает, что если он напишет ответное стихотворение, то окажется на равной ноге с автором; дальше подсчета слогов его понятия о стихотворной форме не идут.

Но если уж быть откровенным, то поведение публики вполне отвечает моим желанием. Ибо недостаточно известная и редко применяемая политика состоит в следующем: каждый, кто хоть сколько-нибудь претендует на посмертную славу, должен вынудить своих современников высказывать все то, что у них накопилось против него *in petto* *. Впечатление от этого он всегда сумеет изгладить самым своим существованием, своей жизнью и трудами. Что пользы было многим скромным, достойным и умным людям, которых я пережил, от того, что ценой невероятной уступчивости, пассивности, угодливости и податливости они добивались при жизни довольно приличной репутации? Не успел еще человек умереть, как адвокат дьявола усаживается подле трупа; у ангела же, который должен тягаться с ним, всегда весьма жалкий вид.

Надеюсь, что ксении еще долгое время будут оказывать свое воздействие и побуждать к деятельности злого духа, противостоящего нам; мы же тем временем будем продолжать нашу созидательную работу, предоставив ему муки отрицания. И только когда наши недруги совершенно успокоятся и почувствуют себя в безопасности, мы еще раз устроим им хорошую встрепку, если юмор не покинет нас.

Постарайтесь как можно дольше сохранить за мной честь считаться автором «Агнес». Очень жаль, что мы не живем в более темные времена; потомство могло бы в таком случае составить превосходную библиотеку под моим именем. Недавно кто-то уверял меня, что проиграл значительное пари, так как твердо считал меня автором «Господина Штарка» ².

И у меня день за днем проходят хотя и не без дела, но, к сожалению, без особой пользы. Мне нужно как-нибудь переместить свою кровать таким образом, чтобы я смог диктовать несколько часов на рассвете, лежа в постели. Постарайтесь же и Вы найти какой-нибудь способ лучше использовать время, которое, в сущности, представляет собою ценность лишь для натур с более высокой ор-

* в душе (*итал.*).

ганизацией. Будьте здоровы и кланяйтесь всем, кто окружает Вас.

Г.

Веймар, 7 декабря 1796 года.

253. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Просьба Вашего свояка, которая вначале была отклонена, теперь, благодаря герцогу Мейнингенскому, обсуждается снова¹. Разъяснение, что Вольцоген готов удовлетвориться умеренным окладом и последним местом в палате, делает более возможным положительное решение, так как в общем-то против него ничего не имеют.

Дело это теперь снова вернется ко мне, и я нахожу все основания содействовать ему. Мне поручили, между прочим, обстоятельно осведомиться у Вас об его нравственном облике. Должен, однако, признаться, что с так называемым нравственным обликом дело обстоит особым образом; кто может сказать, как будет вести себя человек в новых условиях? Для меня в данном случае вполне достаточно того, что Вы находитесь с ним в хороших отношениях и что соседство с ним было бы желательно для Вас; и то, и другое доказывает, что Вы о нем хорошего мнения и думаете, что им будут довольны, если предоставят ему должность. И все же будьте так добры написать мне о нем нечто такое, что точнее обрисовало бы его и его характер. Во всяком случае, сохраните в тайне то, что между нами велись переговоры по этому поводу. Будьте здоровы. Я был бы очень рад, если бы благодаря такому соседству Вашего родственника и у Вас прибавилось что-нибудь хорошее.

Г.

Веймар, 9 декабря 1796 года.

Пишут, что Екатерина наконец сошла с трона в могилу².

254. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 9 декабря 1796 года

Благодарю Вас за присланное позавчера. Элегия производит особое, глубоко волнующее впечатление, перед которым не устоит сердце любого читателя, если оно у него есть. Ваша тесная связь с определенным кругом бытия еще более усиливает ее выразительность, а возвышен-

ное и прекрасное спокойствие прекрасно сочетается в ней со страстью, окрашивающей запечатленное мгновение. Для меня чрезвычайно отрадно было вновь убедиться в том, как быстро и счастливо низвергает поэтический дух любую пошлость реального мира и одним-единственным порывом, импульс к которому он черпает в себе самом, освобождается от этих оков, так что пошлые души могут лишь с безнадежным отчаянием смотреть ему вслед.

Об одном только прошу Вас подумать: вполне ли благоприятен нынешний момент для опубликования этого стихотворения? Боюсь, что в ближайшие два-три месяца от публики нельзя ожидать справедливого отношения к «Ксениям». Мнимое оскорбление еще слишком свежо, нас считают злыми насмешниками, и это настроение читателей притупит их восприимчивость. Несомненно, однако, что яростная и неуклюжая защита наших противников постепенно причинит им еще больший ущерб и восстановит против них людей здравомыслящих. Вот тогда, полагаю, элегия произведет совершенный триумф.

В том, что они далеко еще не исчерпали свои колчаны в борьбе с нами, Вы можете снова убедиться на примере прилагаемого к сему газетного листка, служащего дополнением к «Новой гамбургской газете»¹ и присланного мне из Гамбурга. Приемы этой *repartie* * задуманы неглупо, вот только выполнение слишком уж неумело. Не стоит ли за всем этим Рейхардт или Баггесен?

То, что Вы говорите в своем последнем письме о вышних и отдаленных выгодах подобных стычек с современниками, быть может, и верно, однако при этом необходимо, разумеется, не испытывать никакой нужды в спокойствии и в поощрении извне. Можно сказать, что для Вас это лишь внутренняя, но отнюдь не внешняя потребность. Ваша уникальная, обособленная и энергичная индивидуальность словно бы требует подобного испытания сил, однако, говоря по правде, я не смог бы назвать никого, кто так мало нуждался бы в упрочении своего бытия в памяти потомства.

За сочинение госпожи де Сталь я смог приняться лишь сегодня, однако оно тотчас же привлекло меня некоторыми замечательными мыслями. И все же я сомневаюсь в том, что здесь можно было бы чем-нибудь воспользовать-

* реплики (франц.).

ся для «Ор», поскольку на днях я услышал о переводе, выполненном якобы по поручению самой писательницы, — извещение об его выходе в свет должно появиться в ближайшем будущем.

Прилагаю и экземпляр нового издания альманаха, а с ним письмо Фосса².

Да пребудет с Вами Муза с прекраснейшими своими дарами и да сохранит она надолго молодость своему чудесному другу! Я все еще поглощен элегией: для каждого, кто ощущает хоть какое-то сродство с Вами, в ней так ясно раскрываются Ваше бытие и Ваша индивидуальность.

От всего сердца обнимаю Вас.

Ш.

255. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сердечно благодарен Вам за присланный экземпляр; второе издание очень хорошо выглядит и, надо полагать, не залежится.

То, что Вы остались довольны элегией, очень меня радует, и я надеюсь, что за ней последует несколько ее подруг; что же касается печатания, то я предоставляю это целиком на Ваше усмотрение и тоже полагаю, что она может полежать. Тем временем я буду показывать ее в рукописи друзьям и доброжелателям; ведь я знаю по опыту, что в дни волнений и споров невозможно обратиться в свою веру врагов, но зато найдется немало поводов, чтобы поддержать друзей.

Мне сообщили, что в скором времени в печати появится нечто *в защиту* альманаха; ни о форме, ни о содержании мне ничего не известно. Вообще же замечу, что если книготорговцы примутся печатать сочинения pro или contra, то составит превосходное собрание! Относительно же благородного гамбургца, экзерциции которого я возвращаю Вам, впредь будет говориться так:

Вот выступает и Ф., риторически злобный насмешник;
Нижненемецкая речь, кривлянье, газетный формат.

Скорое появление перевода сочинения госпожи Сталь вполне вероятно¹, и я не знаю, стоит ли поэтому рисковать, печатая выдержки. Хотя, в конце концов, каждый использует подобное явление на свой лад. Можно было бы, вероятно, сделать небольшое извлечение, которое сослужило бы хорошую службу и издателю, и публике, по-

сколько оно смогло бы сразу же привлечь внимание к произведению.

Мне очень нравится, как Фосс ведет себя по отношению к альманаху, и я буду очень рад его приезду.

Жду скорого ответа на мое вчерашнее письмо. Произведение Дидро² несомненно привлечет Ваше внимание. Будьте здоровы, кланяйтесь всем и сохраните Вашу благотворную дружбу и Вашу высокую любовь ко мне — и будьте уверены во взаимности.

Г.

Веймар, 10 декабря 1796 года.

256. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Я буду очень рад, если мой свояк получит место в Веймаре, и в особенности потому, что это окажется полезным для формирования его личности. У него есть ум и характер, и единственное, чего ему недоставало до сих пор, так это воспитательного воздействия извне и ясно очерченной сферы применения его способностей. И то, и другое он найдет в Веймаре, и Вы сами, узнав его поближе, охотно будете влиять на него.

В Штутгарте после смерти герцога Карла, высоко его ценившего, у него не осталось определенного и сколько-нибудь достойного дела, поскольку он занимает лишь пустую придворную должность, а между тем чувствует в себе силы и волю для чего-нибудь лучшего. Пусть только в Веймаре ему будет указано направление, в котором ему следует развивать свои способности, и он станет выполнять свои обязанности со всей серьезностью и, разумеется, никаких пошлостей не совершит. Он любит нашего герцога и поэтому приложит вдвое больше усилий, чтобы заслужить его уважение. Нелишне отметить, что он получил как практическое, так и художественное образование и, стало быть, может быть использован *à deux mains* *; конечно, в сфере искусства подготовка его далеко еще не достаточна, однако некоторыми прочными основами он обладает.

За все прочие же его качества я ручаюсь так, как вообще можно ручаться за кого-либо. Я жил рядом с ним довольно долго и в известной *suite* **, и чем больше я его

* двояким образом (*франц.*).

** близости (*франц.*).

узнаю, тем больше он мне нравится, потому что он и в самом деле значительней, чем кажется. Его скромность и глубокая порядочность несомненно расположат к нему герцога.

Будьте здоровы; на сегодня довольно. Сочинение Дидро, как я вижу, даст нам немало тем для беседы; то, что я успел заметить при беглом чтении, просто превосходно.

Ш.

Иена, 10 декабря [1796 года.]

257. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 12 декабря 1796 года

Прилагаю одиннадцатый номер «Ор». Остальные экземпляры пришлю Вам завтра с посылкой. Теперь же я попрошу Вас распорядиться как можно скорее изготовить 150 оттисков титульной гравюры для альманаха; бумагу для этого посылаю. Очень хотелось бы получить в пятницу утром все или хотя бы половину.

К сожалению, я снова потерял несколько прекрасных дней из-за бессонницы и скверного самочувствия.

Зато вчера вечером я принял за Дидро, который совершенно восхитил меня и привел в движение мои заветнейшие мысли. Почти каждое изречение здесь подобно вспышке, озаряющей тайны искусства; кроме того, замечания Дидро обусловлены таким высочайшим и глубочайшим пониманием искусства, что охватывают и все родственные ему сферы и могут служить указаниями для поэта в той же мере, что и для живописца. Если книга принадлежит не Вам и я не смогу задержать ее у себя подольше, а потом попросить снова, то я закажу себе экземпляр.

Так как я по воле случая принял за Дидро, то отложил пока книгу Сталь; однако теперь я испытываю подлинную душевную потребность в обоих этих сочинениях, поскольку собственная моя работа, в которой я живу и в которой должен жить, слишком ограничивает круг моих мыслей.

Несколько слов в связи с последними новостями относительно «Ксениев». Когда все эти страсти утихнут, я уговорю Котту перепечатать на газетной бумаге все на-

писанное против «Ксениев», чтобы сохранить это ad acta* по истории немецкого вкуса.

На новое издание поступило столько заказов, что оно уже окупилось. Даже здесь, где разошлось столько экземпляров, находятся еще покупатели.

«Агнес фон Лиlien» имеет повсюду успех; мой бывший свояк Бейльвиц¹ и его жена с необыкновенным интересом и восхищением читали вместе эту вещь, так что их может постигнуть искреннее разочарование, если они узнают правду.

Будьте здоровы. Все друзья кланяются и сердечно обнимают Вас.

Ш.

Представьте себе: 4 декабря Котта еще не имел той медной доски, которую Вы послали через Франкфурт, и, возможно, не имеет ее и по сей день. Вторую, отправленную позже, он получил.

258. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сегодня — лишь два слова, так как мои занятия оптикой отняли у меня все утро. Мой способ изложения становится все более и более ясным, а сам предмет в целом необычайно упрощается; это и естественно, поскольку речь, в сущности, идет о простейших явлениях.

Ваше воскресное письмо¹ я получил и использовал его. Полагаю, оно решит исход дела, которому я желаю удачи. Будьте здоровы. Прилагаю к сему партию титульных гравюр, и пусть легконогая Терпсихора назло своим противникам все дальше мчится по свету.

Г.

Веймар, 14 декабря 1796 года.

259. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Вчера и сегодня я так усердно работал над «Валленштейном», что вчера совершенно забыл о посылке, да и сегодня лишь в последний момент вспомнил о почтовом дне.

Сердечно благодарю Вас за дружеские хлопоты по известному делу, позволяющие мне рассчитывать на успех. Мне доставляет большую радость соседство свояченицы,

* для приобщения к делу (латин.).

а столь несхожая с моей, но по-своему законченная натура ее мужа вносит приятное разнообразие в мой обиход. Очень благодарен Вам и за Терпсихору. Примите от нас сердечный поклон.

Ш.

Иена, 14 декабря 1796 года.

260. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 16 декабря 1796 года]

Декабрь мало-помалу проходит, а Вы все не приезжаете. Боюсь, что раньше 97 года мы не увидимся. Но я рад слышать, что Вы серьезно взялись за оптику, так как, по-моему, чем раньше будет одержана эта победа над противниками, тем лучше. Что же касается меня, то мне будет приятно уяснить этот предмет благодаря Вашему изложению.

Моя работа весьма быстро подвигается вперед. Я не смог отделить таким большим промежутком времени, как мне хотелось вначале, подготовку и разработку плана от выполнения. Как только определились основные пункты и я смог с уверенностью окинуть взглядом целое, я дал себе волю, и благодаря этому многие сцены первого акта тотчас же оказались законченными, хотя я, в сущности, и не имел такого намерения. С каждым днем картина становится для меня все более живой и одно влечет за собой другое.

Полагаю, что к Крещению первый акт, который будет намного длиннее других, окажется готовым настолько, что Вы сможете прочесть его. Ибо прежде чем отважиться идти дальше, я очень хотел бы узнать, добрый ли дух руководит мной. То, что это не злой дух, я знаю твердо, но ведь между тем и другим так много ступеней!

По зрелом размышлении я остался верен милой прозе¹, гораздо более соответствующей этому сюжету.

Прилагаю недостававшие экземпляры «Ор»; помеченный прошу передать господину фон Кнебелю.

Всего наилучшего. У нас все более или менее здоровы.

Ш.

261. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

То, что с «Валленштейном» дело обстоит так, как Вы пишете, в порядке вещей, и я возлагаю на него тем боль-

шие надежды, что теперь он сам начал создавать себя. Я рад и тому, что увижу первый акт после Нового года; впрочем, раньше я и не смогу приехать, поскольку мне предстоит еще одно путешествие, о котором напишу Вам подробнее, как только с ним все решится.

Мои занятия оптикой постепенно продвигаются, хотя теперь я отношусь к ним скорее как к делу, чем как к любительству; тем не менее материалы подготовлены уже в такой степени, что было бы нетрудно составить соответствующий обзор. Кнебель принимает участие в моей работе, что для меня чрезвычайно полезно, так как благодаря этому я пишу не для себя одного, но и для других. А впрочем, это было и остается по преимуществу упражнением для ума, успокоительным средством для страстей и их заменой, как обстоятельно разъяснила нам госпожа де Сталь.

Пришлите, пожалуйста, мне эту книгу поскорее: все ее спрашивают. В «Меркурии» ею уже воспользовались¹. Дидро можете держать у себя дольше; это превосходная книга, которая, пожалуй, даже больше говорит поэту, чем художнику, хотя и последнему она зачастую освещает путь ярким факелом.

Будьте здоровы, кланяйтесь всем. На нашем катке очень весело. Якоби² у меня, он стал вполне дельным малым. В скором времени напишу побольше.

Г.

Веймар, 17 декабря 1796 года.

262. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 18 декабря 1796 года

Бойе ответил¹, и я прилагаю его письмо; поскольку он, как видно, ничего не хочет за оригинал «Челлини», то Вам, вероятно, самому придется каким-нибудь образом уладить с ним дело.

Дочитать до конца книгу мадам де Сталь мне не удалось, потому что в те немногие часы, когда я мог браться за такую книгу, мне всякий раз мешал кто-нибудь. Однако завтра я верну ее Вам с посылкой, чтобы не заставлять ждать остальных друзей; надеюсь, Вы одолжите ее мне еще раз, когда она обойдет всех.

Ваша элегия² живо взволновала Кёрнера и всю его

семью. Они никак не могут наговориться о ней и с неопи-
сваем нетерпением ждут Вашей поэмы³.

Будьте здоровы. Пишу Вам наспех.

Ш.

263. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Книга госпожи де Сталь получена; она вернется к Вам, как только любопытство друзей будет удовлетворено. Кнебель нанесет Вам визит, и Вы убедитесь в том, насколько он энергичен; в настоящее время он самым дружеским образом помогает мне в занятиях оптикой. Я теперь делаю таблицы¹ и усматриваю большую зрелость в том, что все сокращается. Я подготовил беглый набросок предисловия и покажу его Вам в скором времени, чтобы узнать, одобряете ли Вы мой подход².

Возвращаю Вам письмо Бойе; мне очень приятно, что он уступает мне «Челлини»; я подарю ему за это хороший экземпляр моего романа и напишу при этом дружеское письмо³.

Меня очень радует то, что элегия произвела на Кёрнера хорошее впечатление. В целом же я считаю справедливым Ваше замечание о том, что ее опубликование было бы сейчас преждевременным, и показываю ее частным образом лишь немногим.

На третий день рождественской недели я еду с герцогом в Лейпциг. Никому, кроме Гумбольдта, не говорите об этом и спросите нашего друга, кого он рекомендует повидать там помимо профессора Людвига и магистра Фишера. Так как мы, вероятно, поедем еще и в Дессау, то вернемся не раньше, чем через 12—14 дней. Таким образом, если Вам понадобится еще что-нибудь от меня до моего отъезда, то будьте добры написать поскорее.

Хотя мое бедное субъективное Я вынуждено будет многое претерпеть в этой поездке, и особенно в физическом отношении, я, однако, надеюсь, что знакомство с многочисленными новыми объектами обогатит меня.

Занятия анатомией рыб и червей снова породили у меня на этих днях несколько весьма плодотворных идей.

Желаю Вам вступить в новый год здоровым и деятельным и по-прежнему одерживать победы на драматическом поприще; лишь бы только и январь не прошел без свидания с Вами. Пока что будьте здоровы.

Шлегели, вероятно, расскажут Вам об одном большом и вполне литературном обеде, в котором они принимали участие ⁴.

Г.

Веймар, 21 декабря 1796 года.

264. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Сегодняшний пакет еще позавчера был передан посылной, а сегодня я получил его обратно, так как она не смогла выехать из-за разлива. Эта отсрочка вдвойне неприятна для меня, как Вы увидите из дальнейшего.

Рейхардт дал о себе знать ¹, и именно так, как я и ожидал; он хочет разделаться только со мной, а Вас выставить в роли своего друга. Поскольку он твердо полагается на эту систему разделения, то мне представляется необходимым повергнуть его в прах нашим неразрывным единством. Игнорировать его наглое нападение я, как Вы сами увидите, не могу; ответ должен быть скорым и решительным. Посылаю Вам черновик, — быть может, Вы его одобрите. Как Ваш отъезд, так и необходимость немедленно выступить с ответом настоятельно вынуждают нас поторопиться с решением, и поэтому прошу Вас ответить мне как можно скорее. Если Вы сами захотите предпринять еще что-нибудь, то это тем сильнее обрадует меня и тем вернее заткнет ему глотку.

Относительно визитов в Лейпциге Гумбольдт сам напишет Вам ².

Меня очень огорчает перспектива Вашего длительного отсутствия; хотелось бы, чтобы перерыв в нынешней Вашей прекрасной деятельности не был бы столь долгим.

Бойе будет в высшей степени польщен и вознагражден Вашим подарком.

Кнебель посетил меня и привел с собою шотландцев ³, которые производят впечатление весьма славных людей. Кнебель много рассказывал мне также о беседах с Вами относительно оптики; я очень рад тому, что Ваше общение с ним сильно продвинуло дело вперед. Его идея о том, что Вам следовало бы подразделить целое на несколько основных групп, кажется мне недурной: это быстрее привело бы к определенным результатам, тогда как при более искусственном плане работы удовлетворение приходит только в конце. С большим нетерпением жду теперь Ваше

предисловие⁴ и надеюсь получить его еще до Вашего отъезда.

Будьте здоровы. Все сердечно кланяются и желают Вам побольше развлечений в этом путешествии.

Ш.

Иена, 25 декабря 1796 года.

265. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ваш пакет прибыл в такое время, когда я просто разрываюсь на части и не могу ни обдумать это дело так, как оно того заслуживает, ни принять какое-либо решение на этот счет. Позвольте же мне в таком случае высказать лишь некоторые предварительные соображения, и не торопитесь предпринимать что-либо. Противник не спешил со своим выступлением; давайте же и мы не будем отказываться сгоряча от тех преимуществ, которые дает нам зрелое размышление,— ведь никакой срок не ограничивает нас. Это тем более необходимо, что дело придется излагать в прозаической форме, и первое слово здесь имеет величайшее значение. *Meo voto* *, наша проза должна быть как можно более эстетической: некая ораторская, юридическая и софистическая шутка, которая своей вольностью и характером изложения вновь напомнила бы о ксениях. Ваша статья кажется мне слишком серьезной и слишком добродушной. Вы добровольно вступаете на ту арену, которая удобна нашему противнику; Вы оспариваете иск и пускаетесь в объяснения, не используя те возможности отвода, которые сами просятся Вам в руки. При беглом взгляде дело представляется мне в следующем виде.

Анонимный издатель двух журналов обвиняет выступающего под своим именем издателя одного журнала и одного альманаха в том, что тот оклеветал его в нескольких стихотворениях и задел его как человека.

По моему мнению, следует, пользуясь этим случаем, вывести его из удобного положения полуинкогнито и потребовать прежде всего, чтобы он назвал себя в своих журналах, поскольку мы должны знать, кто наш противник; во-вторых, пусть он перепечатает те стихотворения, которые принимает на свой счет, чтобы ясно было, о чем идет речь и что является предметом разбирательства. Сле-

* По моему мнению (латин.).

дует разъяснить эти два предварительных пункта, прежде чем пускаться в объяснения. Вы ставите таким образом противника в крайне неприятное положение, и, как бы он ни вел себя, у Вас всегда найдется возможность поднять его на смех; дело принимает веселый оборот, мы выигрываем время, а между тем на сцене появляется еще несколько противников, которым всегда можно мимоходом задать трепку. В конце концов публика утрачивает интерес к делу, а мы оказываемся в выигрыше во всех отношениях.

Думаю, что во время путешествия у меня будет достаточно времени и соответствующего настроения, чтобы попытаться написать такую статью. Так как у нас есть друзья, которые интересуются нами, то не приступайте к делу, не посоветовавшись с ними.

С тех пор как Вы оказали мне услугу Вашим предостережением относительно элегии, я многое прочувствовал и передумал и желаю Вам теперь [...] ¹
[Веймар, 27 декабря 1796 года]

266. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Лейпциг, 1 января 1797 года

Прежде чем уехать отсюда, я должен еще подать некоторые признаки жизни и вкратце сообщить Вам свою историю. После того как 28 декабря мы пробились через снежные заносы на Эттерсберге и прибыли в Бюттельштедт, мы нашли вполне приемлемую дорогу и переночевали в Риппахе; 29-го утром, в 11 часов, мы оказались в Лейпциге и с тех пор повидали множество народа. Почти каждый день мы получали приглашения к обеду и к ужину, и мне стоило большого труда уклониться от половины этих благодеяний; среди множества людей нашлось несколько очень интересных, а к тому же я снова встретился со старыми друзьями и знакомыми и увидел несколько превосходных произведений искусства, от которых вновь прояснился мой взор.

Теперь остается еще претерпеть тяжкий новогодний день; с утра нам придется осматривать какой-то кабинет, в полдень — наслаждаться парадным обедом, вечером — посетить концерт, за которым неизбежно последует продолжительный ужин. Даже если мы вернемся домой около часу ночи, нам после короткого сна предстоит поездка в Дессау: предприятие довольно рискованное из-за наступившей сильной оттепели. Однако и это все минует благополучно.

Как ни радует меня мысль о скором возвращении к Вам, в Ваше иенское уединение, после столь рассеянного образа жизни, мне все же приятно и то, что я снова наблюдаю такую огромную массу людей, к которым, в сущности, не имею никакого отношения. Мне удалось сделать некоторые весьма удачные наблюдения относительно влияния как позитивных, так и полемических

литературных сочинений, и обещанный ответный манифест¹ не станет от этого хуже.

Будьте здоровы. Поскольку мы уже завтра отправляемся в Дессау, все путешествие не слишком затянется.

Скажите господину фон Гумбольдту, что я увиделся с доктором Фишером² и что он мне очень понравился. Короткие дни и отвратительнейшая оттепель все-таки мешают мне использовать мое пребывание здесь так, как я хотел бы; однако порою случайно находишь то, что напрасно ищешь в иное время. Еще раз будьте здоровы, жизнерадостны и усердны.

Г.

267. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

После двухнедельного отсутствия я благополучно вернулся домой, очень довольный своей поездкой, в которой было много приятного и не было ничего неприятного. У меня есть что рассказать Вам, и как только я наведу здесь некоторый порядок, я приеду к Вам хотя бы на один день. К сожалению, я не смогу сделать это тотчас же, как бы ни хотелось мне поговорить и с господином старшим горным советником Гумбольдтом¹. Передайте обоим братьям мои наилучшие сердечные пожелания и скажите им, что я сейчас же приму меры, чтобы доставить перечисленные книги господину Гентцу².

Мне очень хочется снова повидаться с Вами, так как я вскоре окажусь в таком положении, когда из-за обилия материала не смогу уже писать до тех пор, пока мы с Вами не увидимся вновь и не наболтаемся вдоволь.

Ничего поэтического путешествие мне не дало, разве что я полностью разработал план завершения моей эпической поэмы³. Напишите мне, что даровала Вам муза за это время. Кланяйтесь Вашей милой жене и сообщите мне, как поживают Ваши малыши.

Веймар, 11 января 1797 года.

С книгой, которую привез мне советник Шлегель⁴, происходят какие-то чудеса. Вероятно, кто-то из бывших у меня тогда друзей положил ее к себе в карман, так как с тех пор я ее не видел и поэтому забыл о ней; я тотчас же пошлю справиться ко всем, чтобы узнать, куда она делась. Если Вы увидите Шлегеля, скажите ему, что я должен передать ему привет от одной очень

красивой женщины⁵, которая, по-видимому, весьма живо интересуется им.

268. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Я только что получил Ваше милое письмо, сердечно обрадовавшее меня известием о Вашем возвращении. На этот раз время Вашего отсутствия в Иене тянется для меня невыразимо долго, и хотя я вовсе не был одинок, необходимейшей поддержки в моей работе мне как раз и недоставало. Приезжайте же, как только сможете. Я, правда, накопил немного из того, чем мог бы поделиться с Вами, но с тем большей требовательностью и жадностью буду воспринимать все, что смогу услышать от Вас.

Все мы здоровы настолько, насколько это возможно для нас; я отнюдь не был празден, однако в такие мрачные и гнетущие зимние дни все созревает медленнее, и найти должную форму оказывается труднее. Тем не менее я обрел уже достаточную ясность, и мой сюжет все более и более подчиняется мне. Главная предпосылка удачного продолжения моей работы — это легкий воздух и движение; поэтому я решил при первых же проблесках весны переменить место жительства и подыскать себе, если удастся, садовый домик с отапливаемыми комнатами в Веймаре. Для меня это сейчас настоятельная потребность, и если мне удастся соединить достижение этой цели с возможностью чаще и с меньшим трудом видаться с Вами, то все мои нынешние желания будут исполнены. Надеюсь, что мне это удастся.

Историю с Рейхардтом¹ я за это время выкинул из головы, с радостью прислушавшись к Вашему совету. Она застигла меня в слишком уж душной комнатной атмосфере, и все окружающее меня еще сильнее способствовало тому, чтобы неприятности показались мне более тягостными.

Но теперь и Виланд выступает против «Ксениев», как Вы можете усмотреть из первого номера «Меркурия»². Было бы, впрочем, неприятно, если бы он вынудил нас схватиться и с ним, и все же стоит задаться вопросом, не следует ли заставить его задуматься о последствиях.

Ваши поручения будут исполнены. Прилагаю двенад-

цатый номер «Ор»; остальные экземпляры придут к Вам послезавтра.

Все мы сердечно обнимаем Вас.

Ш.

Иена, 11 января 1797 года.

269. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 13 января 1797 года

Посылаю Вам на десерт кое-какие литературные курьезы¹, имеющие отношение к «Орам» и к нашему альманаху. Впрочем, эти люди несколько менее злонамеренны, вот только способностей им недостает. Когда Вы прочитаете эти бредни, будьте так добры тотчас же отослать их мне обратно.

Вы ведь еще останетесь у нас на сегодняшней вечер?

Ш.

270. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 17 января 1797 года

Я сейчас заканчиваю работу на сегодня, но перед тем, как отложить перо, хочу еще пожелать Вам доброго вечера. Ваше последнее посещение, каким бы кратким оно ни было, вывело меня из состояния какого-то оцепенения и придало мне мужества. Ваши рассказы вновь вернули меня в тот мир, от которого я чувствовал себя совершенно оторванным.

В особенности же радует меня Ваше горячее стремление продолжать поэтическую деятельность. Благодаря этому перед Вами откроется новый, еще более прекрасный мир, к которому приобщусь и я и почерпну в нем силы,— не только через само произведение, но и через то душевное состояние, которое оно вызовет у Вас. Теперь в особенности мне хотелось бы знать хронологию Ваших произведений; меня бы удивило, если бы на основе развития Вашей личности нельзя было бы проследить некую закономерность эволюции человеческой природы вообще. По-видимому, в Вашей жизни была довольно длительная пора, которую я назвал бы аналитическим периодом, когда Вы добивались достижения целостности путем разделения и расчленения, когда Ваша личность словно бы находилась в разладе с собой и стремилась возродиться при содействии искусства и

науки. Теперь же, завершив свое развитие и вступив в пору зрелости, Вы, думается мне, вернетесь к своей юности и соедините плод с цветком. Эта вторая юность — юность богов, бессмертная, подобно им.

Об этом свидетельствуют Ваши малая и большая идиллии¹ вместе с недавней Вашей элегией², а также предыдущие элегии и эпиграммы. Но мне хотелось бы узнать историю более ранних произведений от самого автора. Записать то, что Вы знаете об этом, — не напрасный труд. Без этого нельзя понять Вас вполне. Так сделайте же это и дайте мне на сохранение копию.

Если в Ваши руки попадет что-нибудь из наследия Ленца³, то вспомните обо мне. Мы должны собирать для «Ор» все, что только сможем найти. Теперь, когда Ваши планы на будущее изменились, Вы, быть может, согласитесь уделить «Орам» Ваши итальянские бумаги⁴.

Прошу помнить и о «Челлини», чтобы я мог получить его недели через три.

Прошу также не забыть о необходимости разделаться с нашим приятелем Рейхардтом.

Будьте здоровы.

Ш.

271. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Те немногие часы, которые я недавно провел с Вами, вызвали у меня сильное желание пробыть у Вас некоторое время по нашему давнему обычаю; как только я справлюсь в какой-то мере с делами и устрою их, я проведу с Вами несколько дней, которые, надеюсь, окажутся во многих отношениях плодотворными для нас обоих. Пользуйтесь же лучшими своими часами, чтобы продвинуть вперед трагедию, и тогда мы смогли бы начать с нее наш разговор.

Я только что получил Ваше милое письмо; не стану отрицать, что и мне самому кажется весьма примечательной та удивительная пора, в которую я вступаю. Но, к сожалению, я не вполне еще спокоен за будущее, ибо по-прежнему тащу с собой из того аналитического периода слишком много такого, от чего не могу *освободиться* и что вряд ли сумею *переработать*. Тем не менее мне не остается ничего другого, как по мере сил вести свое суденышко в этой стремнине. Какое влияние оказывает путешествие при таком расположении духа, я

уже убедился в последние две недели. Тем не менее никакие предсказания относительно будущего, да и всего в целом, невозможны, ибо ничто в мире не может направлять эту упорядоченную силу природы точно так же, как и любую неупорядоченную; она сама должна формировать себя, а потому и действует из себя самой и на свой собственный лад. Этот феномен даст нам повод ко многим размышлениям.

Обещанная статья¹ созрела настолько, что я мог бы продиктовать ее за какой-нибудь час; однако мне необходимо прежде обсудить с Вами это дело, так что я тем более постараюсь поскорее приехать к Вам. Если продолжительное пребывание в Иене окажется невозможным, то я вскоре приеду опять на один день; даже столь краткое свидание всегда бывает весьма плодотворным.

Я сейчас исправляю один раздел «Челлини»; если у Вас есть список той части, которая должна появиться в следующем номере, то пришлите его мне.

На этом заканчиваю и желаю Вам всяческого благополучия.

Г.

Веймар, 18 января 1797 года.

272. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 24 января 1797 года

Сегодня лишь два слова. Получив Ваше последнее письмо, я понадеялся было увидеть Вас здесь уже несколько дней тому назад. Два-три ясных дня выманили и меня на воздух и оказали свое благотворное действие. Однако работа моя подвигается теперь медленно, потому что именно сейчас я переживаю тяжелейший кризис. Теперь я ясно вижу, что не смогу показать Вам что-либо до тех пор, пока не преодолею этот разлад с *самим собой*. Устранить мои внутренние противоречия Вы не можете, однако Вы должны помочь мне установить согласие между моим Я и объектом. Таким образом, то, что я покажу Вам, должно представлять собой нечто целостное; при этом я имею в виду целостность не самого произведения, а моего представления о нем. Коренное различие между нашими натурами делает возможным лишь один-единственный вид действительно плодотворного общения, а именно такого, когда целое противо-

поставляется целому; я, правда, не смог бы ввести Вас в заблуждение частностями, так как Вы находитесь в большем согласии с самим собой; Вы, напротив, легко могли бы сбить меня. Но подробнее об этом при свидании.

Приезжайте же поскорее. Прилагаю последнюю часть «Челлини», забытую в прошлый раз.

Все шлют Вам привет. У госпожи фон Гумбольдт были очень мучительные роды ¹, и ей еще долго придется страдать.

Будьте здоровы.

Ш.

273. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 27 января 1797 года]

Так как Вы занимаетесь теперь проблемами цвета, то я хочу поделиться с Вами одним наблюдением, сделанным мною сегодня при помощи желтого стекла. Я рассматривал через него предметы за моим окном и держал его в горизонтальном положении таким образом, что видел одновременно и предметы под ним и отражение голубого неба на его поверхности; в результате все те места на ярко-желтых предметах, на которые падал отсвет голубого неба, представлялись мне окрашенными в светло-пурпурный цвет, так что казалось, будто ярко-желтый цвет, смешиваясь с синевой неба, дает этот пурпурный цвет. Согласно обычному опыту посредством такого смешения должен был бы получиться зеленый цвет, — и действительно, небо казалось зеленым, когда я смотрел на него *через* стекло, а не наблюдал его отражение. Однако то, что в последнем случае возникал пурпурный цвет, я объяснил себе тем, что при горизонтальном положении стекла я смотрел через его ребро, то есть через утолщенную его часть, которая уже сама по себе имеет красноватый оттенок. Ибо стоило мне только прикрыть стекло с одной стороны и рассматривать в нем отражения предметов как в зеркале, как тотчас же чистый красный цвет появлялся там, где до этого был желтый.

Едва ли Вы найдете что-либо новое в моих наблюдениях, и тем не менее мне хотелось бы знать, правильно ли я объяснил это явление. И в самом деле, если лишь

от большей или меньшей насыщенности желтого цвета зависит то, что при смешении с синим получается в одном случае пурпурный, в другом зеленый, то взаимосвязь этих двух последних цветов оказывается еще более любопытной.

Читали ли Вы реплику Кампе относительно «Ксений»¹? В сущности, речь там идет только о Вас, и ведет он себя учтиво, однако справедливость «Педанта» и «Прачки» он лишней раз подтвердил. Вы, вероятно, уже прочитали то, что породили «Архив вкуса» и «Дух времени»², равно как и жалкие стихи в «Вандсбекском вестнике»³.

Будьте здоровы. Желаю Вам скорейшего возвращения к общению с музой от докучных служебных дел.

Ш.

274. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

[Веймар,] Воскресенье, 29 января 1797 года

Я должен хотя бы сегодня вечером наспех набросать для Вас один листок, чтобы Вы в самых общих чертах узнали, как обстоят мои дела.

На этой неделе я заключил несколько важных контрактов. Во-первых, мне удалось заполучить для здешнего двора и театра демуазель *Ягеман*¹; она приглашена в качестве придворной певицы и будет иногда петь в операх, что придаст совершенно новый характер нашей сцене. Далее, я запродам издателю мою эпическую поэму, причем этому сопутствовали некоторые забавные происшествия².

Легко понять, что при таких обстоятельствах нечего и думать о каком-либо эстетическом настроении; зато цветовые таблицы все лучше дополняют друг друга, да и в сфере наблюдений над органической природой я не бездействовал: в эти долгие ночи мне светят совершенно необычные огни, и я надеюсь, что это не болотные огоньки.

Ваши наблюдения, сделанные с помощью желтого стекла, очень интересны; думается, что я смогу отнести этот случай к разряду уже известных мне явлений, и все же мне любопытно было бы взглянуть на то самое место, где он наблюдался.

Передайте Гумбольдту мой сердечный поклон и изви-

нения за то, что я еще не послал ему книг об Италии³; какая-то часть их будет отправлена в среду.

За последнее время я не слышал ничего, относящегося к ксениям; в том мире, где я живу, ни одно из литературных событий не порождает откликов ни *до*, ни *после*: на него обращают внимание лишь в тот момент, когда оно происходит. В самом скором времени должно выясниться, смогу ли я приехать к Вам надолго или же вынужден буду снова ограничиться кратким визитом.

Будьте здоровы, кланяйтесь всем, кто Вас окружает, и сосредоточьтесь на «Валленштейне» — настолько, насколько это возможно.

Г.

275. ШИЛДЕР — ГЕТЕ

Иена, 31 января 1797 года

Поздравляю Вас с удачным приобретением для оперы; что же касается Вашего эпического произведения, то, надеюсь, Вы пристроили его в надежные руки. Это произведение будут покупать нарасхват, и от сочинений такого рода издатель по справедливости не должен получать прибыль, довольствуясь одной лишь честью. Пусть он богатеет на плохих книгах.

Раз уж речь зашла о делах меркантильного свойства, то позвольте поделиться с Вами одной идеей, которая теперь очень занимает меня. Мне приходится теперь спешить с выбором жилища, а между тем здесь продается садовый домик, который вполне устроил бы меня, если бы я захотел остаться здесь. Так как мне необходимо иметь перед глазами сад, а второй такой случай представится не скоро, то я должен торопиться.

Существуют, однако, некоторые веские причины, по которым я предпочел бы жить в Веймаре, и если бы смог найти там подходящую квартиру, то был бы очень рад этому. По собранным мною сведениям это едва ли, однако, возможно. Так как Вы недавно упомянули Ваш садовый домик и сказали, что он достаточно поместителен, то я хотел бы знать, не смогли бы Вы некоторое время обойтись без него и самым форменным образом сдать его мне в аренду. Ведь жаль, что он стоит, не принося никакой прибыли, а меня бы это очень выручило.

Если Вы ничего против этого не имеете, а дом в основном пригоден для жилья летом и зимой, то мы

легко сговорились бы относительно необходимых переделок.

Что касается сада, то я готов поручиться Вам за свою прислугу, что ничего не будет испорчено.

Расстояние не слишком пугает меня. Для здоровья моей жены просто необходимо движение, а что до меня, то после нескольких опытов пребывания на чистом воздухе, я надеюсь, что смогу положиться на свои силы.

Пока что я хотел бы только знать, склонны ли Вы вообще к такому плану; все прочее зависело бы тогда от обстоятельного осмотра.

Будьте здоровы. Все Вам кланяются.

Ш.

Кёрнер просит осведомиться, получили ли Вы заказанные ноты и каталог Вакеровского аукциона?

276. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Наконец-то Вы снова получаете мой вклад в журнал, а именно — довольно объемистую тетрадь «Челлини»; теперь остается только последний выпуск, и я желаю, чтобы нам снова удалось сделать подобную же находку. Прилагаю к сему кое-что из наследия Ленца¹. Решайте сами, можно ли здесь использовать что-нибудь и каким образом. Во всяком случае, пусть эти причудливые записи полежат, пока мы не поговорим о них снова.

Мой садовый дом всецело был бы к Вашим услугам, но ведь это всего лишь летнее пристанище для небольшого числа лиц. Так как я сам долгое время жил в нем, а к тому же знаю Ваш образ жизни, то с уверенностью могу сказать, что Вы не сможете там расположиться, тем более что я распорядился снести прачечную и дровяной сарай, совершенно необходимые во всяком мало-мальски обширном хозяйстве. Есть и другие обстоятельства, о которых я расскажу Вам при встрече.

Сад, продающийся в Иене, принадлежит, очевидно, Шмидту²? Если тамошний дом пригоден для жилья, приобретите его. Когда же Ваш свояк окончательно устроится здесь, можно будет подстеречь освобождающееся жилье; от приобретенного же сада Вы избавитесь безо всякого убытка, так как цены на земельные участки непрерывно растут. А сейчас найти такую квартиру, какую Вам желательно, здесь никоим образом не удастся.

Я получил из Рима удивительную статью, которая, быть может, пригодится для «Ор». Автор ее был некогда известен под именем «Мюллера-живописца»³; статья направлена против Фернова. Он совершенно прав в своих основных положениях и высказывает много обоснованных, верных и дельных мыслей; к тому же статья его местами написана хорошо, хотя в целом в ней есть что-то беспомощное, а кое-где она бьет мимо цели. Я велю переписать эту вещицу и тогда пришлю ее Вам. Так как он хочет, чтобы имя его было названо, то можно было бы, пожалуй, напечатать статью за его подписью, а в заключение поместить заметку, в которой говорилось бы о нейтральности нашей позиции и предлагалось начать своеобразное обсуждение pro и contra. Пусть тогда господин Фернов в «Меркурии», а господин Мюллер в «Орах» доказывают каждый свою правоту; тут можно было бы воспользоваться случаем, чтобы в нескольких словах помянуть всевозможные нелепости, которые господин Фернов с великой непринужденностью пускает в оборот в «Меркурии».

Передайте Кёрнеру мою глубокую благодарность за присылку дуэта и каталога⁴. Дуэт уже переведен и исполняется в театре. Будьте здоровы! Мое зимнее небо начинает проясняться, и я надеюсь скоро быть у Вас. У меня все идет хорошо, желаю и Вам того же.

Г.

Веймар, 1 февраля 1797 года.

277. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 2 февраля 1797 года

Вчерашней посылкой Вы очень ободрили меня, ибо никогда еще не приходилось снаряжать «Оры» в плаванье с таким трудом, как сейчас. Буду очень рад работе Мюллера-живописца; это, несомненно, неожиданная и новая фигура, а к тому же для нас окажется весьма полезным, если в «Орах» завяжется какая-нибудь полемика. В бумагах Ленца, насколько я успел до сих пор просмотреть их, много совершеннейшего вздора, однако напоминание о таком способе восприятия в наше время может, очевидно, вызвать определенный интерес, тем более что смерть и несчастная жизнь автора вытравивли любую зависть к нему, а эти фрагменты всегда будут иметь некую биографическую и патологическую ценность.

На роль преемника Челлини был бы, пожалуй, вполне пригоден Вьейвиль¹, — разумеется, не столько в переводе, сколько в извлечениях. Если Вы не пожелаете заняться этим и не знаете ничего более значительного, то я возьмусь за Вьейвиля сам и только попрошу Вас прислать мне для этого книгу.

Нитхаммер, который захватит это письмо с собой, едет в Веймар с целью походатайствовать перед тайным советником Фойгтом относительно должности экстраординарного профессора теологии². Дело в том, что другой профессор философии, некто Ланге, хлопочет о том же, и теперь весь жизненный путь Нитхаммера зависит от того, чтобы его не опередил этот Ланге, имеющий гораздо меньше заслуг, чем он. Нитхаммер будет просить у Вас позволения изложить Вам свое дело, и Вы, надеюсь, не пренебрежете этой бедной философией. Он достаточно скромнен, чтобы не быть Вам в тягость; он хочет только, чтобы Вы сказали тайному советнику Фойгту и, если представится случай, самому герцогу, что Вы его знаете и не считаете недостойным такого поощрения.

Очень жалею, что мой маленький план относительно Вашего садового дома оказался невыполнимым. Неохотно прихожу я к решению остаться здесь, — ведь если уедет Гумбольдт, то я окажусь в совершенном одиночестве, да и жена моя лишится общества. Попробую еще узнать, не продается ли садовый дом тайного советника Шмида; если даже он в нынешнем состоянии и непригоден для жилья, то я мог бы привести его в порядок, став его владельцем, тем более что мне все равно пришлось бы сделать то же самое и здесь с домом профессора Шмида.

Будьте здоровы и приезжайте, как только представится возможность.

III.

278. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

После очень пыльного и многолюдного маскарада могу написать Вам лишь несколько слов.

Во-первых, посылаю Вам копию сочинения Мюллера-живописца; я не имел возможности просмотреть ее, а потому прилагаю и оригинал. Поскольку Вы, вероятно, не собираетесь пускать статью в ход тотчас же, то мы с Вами еще успеем предварительно обсудить ее; пока что решите,

пожалуйста, не следует ли предпринять что-нибудь в отношении ее стиха. К сожалению, Мюллер совершенно справедливо сравнивает себя с неким духом, говорящим поневоле, — вот только выражается он не столь легко и прозрачно, как Ариэль. Вы увидите, что многое у него написано в полном соответствии с нашими воззрениями и даже в нынешнем своем несовершенном виде подобное публичное, естественное и неожиданное изъяснение согласия с нами имеет определенную ценность. Ведь в конце концов это все тот же камень, который мы бросаем в соседский огород: что за беда, если он произведет небольшой шум при падении? Если в Фернове действительно есть нечто положительное, то под влиянием критики оно должно развиваться; теперь же его немецкая субъективность тем более нетерпима и нелепа, что доносится до нас из Рима.

Во-вторых, посылаю Вам песнь из одной причудливой поэмы¹. Поскольку я знаком с автором, это мешает мне судить о ней. Что скажете Вы? Думаете ли Вы, что у него есть поэтический талант? В произведении находит выражение некое привлекательное свободное мировоззрение и пленительная юность; однако все это, разумеется, не более как материал, в котором, на мой взгляд, нет и следа какой-либо синтезирующей формы. Допустим, что существует некая школа для поэтов, где можно было бы, апеллируя к одному только разуму, объяснить подобному юноше, в чем состоят основные достоинства и требования поэтического искусства, — как Вы думаете, что можно было бы извлечь при этом из таких вот природных дарований? Пока что я ничего другого не мог придумать, как только посоветовать ему писать более мелкие произведения.

Моим надеждам задержаться у Вас подольше снова не суждено сбыться. Приглашение Ягеман и ее вступление в труппу настоятельно требуют моего присутствия здесь; однако едва ли что-нибудь помешает мне приехать к Вам в воскресенье 12-го, — близится полнолуние, и на обратном пути можно будет не опасаться рытвин Мельничной долины.

Вьейвиля я Вам пришлю, так как не могу сейчас позволить себе взяться за что-нибудь новое. Быть может, идея сказки, пришедшая мне в голову, получит дальнейшее развитие. Правда, она слишком уж рациональна

и ясна и поэтому не особенно нравится мне; но если мне удастся пустить свой кораблик в свободное плавание по волнам фантазии, то может получиться довольно сносная композиция, которая понравится публике больше, чем тщательно отделанная. Сказка о маленькой женщине в шкапулке² порою снова манит меня, однако она не вполне еще созрела.

Впрочем, все мои стремления связаны теперь с завершением поэмы³, и мне приходится насильно сдерживать свои мысли, чтобы детали не возникали передо мною со всей отчетливостью в тот момент, когда я еще не могу воплотить их. Будьте здоровы и сообщите мне что-нибудь о Вашем настроении и о Ваших работах.

Г.

Веймар, 4 февраля 1797 года.

279. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] 7 февраля 1797 года

В эти последние почтовые дни Вы прислали мне такое великое множество вещей, что я никак не мог просмотреть их до конца, тем более что, с одной стороны, сад, к которому я прицениваюсь, а с другой — любовная сцена во втором акте моей трагедии уводят мои мысли в совершенно различных направлениях.

Тем не менее я тотчас же взялся за рукопись Мюллера-живописца, которая, несмотря на тяжелый и грубоватый язык, во многом превосходна и после необходимых стилистических исправлений станет отличным приобретением для «Ор».

В новом отрывке из «Челлини» меня от души позабавила отливка «Персея». Осада Трои или Мантуи не могла бы выглядеть событием столь значительным и излагаться столь патетично, как эта история.

Об эпической поэме, присланной Вами, я смогу высказаться более обстоятельно, когда Вы приедете. То, что я прочитал до сих пор, совершенно подтверждает Ваше суждение. Это — плод живой и деятельной фантазии, однако эта живость в такой степени переходит в хаотичность, что в конце концов все здесь расплывается и ускользает, не позволяя выделить какой-либо устойчивый образ. Если бы эта вещь попала мне случайно, я приписал бы авторство женщине, исходя из характерного;

всецело господствующего здесь внешне привлекательного многообразия и изящной игривости. Она богата материалом, но, кажется, чересчур уж бедна содержанием. Между тем я полагаю, что только то, что я называю содержанием, способно стать формой; то, что я называю здесь материалом, на мой взгляд, почти или вовсе не подходит для этого.

Вы, без сомнения, прочитали уже и проповедь Виланда против «Ксениев»¹. Что Вы на это скажете? Она вполне достойна того, чтобы быть напечатанной в «Имперском вестнике».

О моей работе и о связанном с нею настроении мало что могу сказать теперь, поскольку переживаю кризис и пытаюсь собрать воедино все лучшее, что есть во мне, чтобы преодолеть его. С этой точки зрения я рад, что обстоятельства, удерживающие Вас от приезда сюда, пришлись как раз на этот месяц, когда я более всего нуждаюсь в одиночестве.

Следует ли мне теперь отослать Вашу элегию² в печать, чтобы она увидела свет в начале апреля?

Желаю Вам поскорее обрести расположение духа, которое благоприятно отозвалось бы на сказке. Будьте здоровы. Мы рады тому, что увидим Вас в воскресенье.

III.

280. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я рад тому, что Вы в Вашем уединении можете пережить эстетические кризисы; меня же один час перебрасывает другому словно мяч, и только в ранние утренние часы я пытаюсь обработать последнюю порцию «Челлини». Отливка «Персея» в самом деле представляет собой один из самых ярких моментов повествования; к тому же во всей работе над статуей природные способности, искусство, ремесло, страсть и случай проявились в таком тесном взаимодействии, что произведение искусства словно бы превратилось в произведение природы.

В настоящее время мне по-прежнему удастся делать некоторые удачные наблюдения над метаморфозой насекомых: гусеницы, которые окуклились в конце сентября в Иене, теперь, поскольку я держал их зимой в теплой комнате, появляются одна за другой на свет в виде бабочек, и я стремлюсь проследить их путь к этому новому

превращению. Если только я продолжу свои наблюдения хотя бы в течение одного года, то изучу тем самым довольно значительную область,— ведь и теперь я уже довольно часто возвращаюсь к хорошо изученным местам.

Надеюсь, что дело с покупкой садового дома завершится удачно. Если Вам нужно будет сделать там какие-нибудь пристройки, готов служить Вам своим советом.

Высказываний Виланда я еще не видел и ничего о них не слышал; остается надеяться, что он прибег к спасительной золотой середине. Будьте здоровы. Я еще надеюсь приехать к Вам в воскресенье¹; в субботу вечером Вы узнаете об этом в точности.

Г.

Веймар, 8 февраля 1797 года.

281. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] 9 [10] февраля 1797 года

На этих днях мне снова попало в руки письмо Мейера, в котором он описывает первую часть своего путешествия до Нюрнберга. Это письмо мне очень нравится, и если можно было бы присоединить к нему еще три-четыре других, это оказалось бы приятным приобретением для «Ор»¹, да и Мейеру принесло бы луидор-другой. Посылаю Вам копию письма.

В Берлине вышла книга Николаи против «Ксениев»², но я ее еще не видел.

Я сделал сейчас вторичное предложение относительно сада, принадлежащего Шмиду; я даю 1150 рейхсталеров и надеюсь приобрести его за 1200. В нынешнем своем виде это всего лишь легкий летний домик, и, чтобы сделать его удобным для обитания хотя бы в летнее время, придется потратить еще сотню талеров; однако ради такого улучшения моего существования мне ничего не жаль. Когда я вступлю во владение, а Вы приедете сюда, мы будем просить у Вас совета и помощи.

Обо всем остальном при свидании. Я надеюсь непременно увидеть Вас здесь послезавтра, но на всякий случай посылаю Вам сегодня «Оры». Вложение прошу переслать Гердеру.

Поручение к моему свояку исполнено.

Будьте здоровы.

Ш.

282. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

«Оры» я получил и благодарю Вас за их скорую присылку; завтра я буду у Вас, мы сможем многое обсудить, и хотя я уеду завтра же вечером, однако надеюсь, что через неделю снова приеду к Вам на более продолжительное время.

Проклятому Николаи только того и хочется, чтобы на него снова напали. Для него всегда *bonus odor ex re quali bet**¹, и деньги, которые он заработает на этой книге, ему нисколько не противны. Вообще же все эти господа должны быть нам благодарны, потому что мы даем им возможность заполнить несколько листов и получить за них гонорар без особого напряжения творческих сил.

Не упускайте же сада; участок этот кажется мне чрезвычайно удачным,— это не только красивое, но и очень здоровое место. Будьте здоровы, я радуюсь в предвкушении завтрашнего дня. Я обедаю у Вас, но только без спутника: тайный советник Фойгт, который приедет со мной, отправится к Гуфеланду², а вечером мы с ним поменяемся местами наших визитов.

Г.

Веймар, 11 февраля 1797 года.

283. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 17 февраля 1797 года

Мне хочется, чтобы Вы поскорее снова собрались сюда. Ваше появление здесь было таким кратким, что я совсем не мог излить Вам свою душу. И все же необходимо время от времени видеться хотя бы в течение нескольких часов, если более продолжительные свидания невозможны, чтобы не стать чужими друг другу.

Моя жажда перемены места и образа жизни теперь так сильна и упорна, что я больше не могу терпеть. Если я стану владельцем садового дома, а сильные холода уже не возобновятся, то я переберусь туда через четыре недели. До тех пор и работа моя не сдвинется с места, потому что у меня такое ощущение, словно в этих проклятых четырех стенах мне ничего не удастся создать.

Мой свояк рассчитывает приехать в начале марта. У него, однако, возникли некоторые затруднения с кварти-

* любая вещь хорошо пахнет (латин.).

рой, которая освободится только после пасхи, тогда как он хотел бы приехать сразу с женой и ребенком. Могу ли я обнадежить его в том, что в крайнем случае, если он не найдет приюта, прежде чем освободится нанятая им в доме Штитцера квартира, Вы предоставите ему на две-три недели свой садовый дом? Я хотел было посоветовать ему прислать на это время мою свояченицу сюда, но, к несчастью, и в моем доме, и у Гумбольдтов должна произойти прививка оспы; все это займет три-четыре недели, а моя свояченица не хочет делать теперь прививку своему ребенку. Таким образом, я не вижу никакого другого выхода и поэтому прибегаю к Вашей помощи.

Не хотите ли, чтобы Ваш альманах¹ был напечатан на такой бумаге, на которой написано это письмо? Она намного дешевле веленовой, но кажется мне такой же красивой. Десть обойдется примерно в 13 грошей, тогда как веленовая стоит 18. «Герман и Доротея» имели бы при этом великолепный вид.

Будьте здоровы. Постарайтесь как можно скорее избавиться от дел и завершить Ваше творение.

III.

284. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Наконец я решаюсь послать Вам три первые песни эпической поэмы. Будьте так добры внимательно прочитать их и сообщить мне Ваши замечания; об этой же дружеской услуге я попрошу и господина фон Гумбольдта. Прошу Вас обоих не выпускать рукопись из рук и поскорее вернуть ее мне. Я принялся теперь за четвертую песню и надеюсь хотя бы с нею покончить в короткий срок.

Я охотно предоставлю Вашему свояку мой садовый дом до самой пасхи, но, разумеется, не долее; тем не менее я советовал бы воспользоваться этим домом лишь в крайнем случае, потому что приводить его в жилой вид на это время года слишком хлопотно — нет печей, да и мебели я не смогу дать. Между тем весь дом Гермаров стоит пустой, и владелицы, к которым я посылал узнать, готовы сдать его на шесть недель целиком или частью, а заодно и снабдить постояльцев мебелью.

Однако при большом спросе на квартиры не поручусь, что такая возможность сохранится еще с неделю. Укажите

мне поэтому через посыльную, сколько комнат требуется, и сообщите одновременно, кто до сих пор занимался делами Вашего свояка, чтобы можно было переговорить с ним.

Мейер сердечно кланяется Вам; он прислал прилагаемую титульную гравюру¹, чрезвычайно искусно выполненную, и нужно, разумеется, чтобы она попала в руки к хорошему граверу,— но это мы с Вами еще успеем обсудить.

Сегодняшний «Оберон»² требует моего присутствия на репетиции; в следующий раз напишу обстоятельнее.

Г.

Веймар, 18 февраля 1797 года.

285. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вынужден пожелать Вам доброго вечера при весьма печальных обстоятельствах. Я действительно нахожусь под домашним арестом¹, сижу у теплой печки и испытываю внутренний озноб и головокружение; мой бедный интеллект был бы неспособен сейчас посредством свободного акта мышления воспроизвести простейшего червя, в то время как ему приходится против воли признавать существование нашатыря и лакрицы в качестве веществ, которые сами по себе имеют отвратительнейший вкус. Будем надеяться, что от унижительной реальности этих бедствий мы придем вскоре к великолепию поэтических представлений, и уверуем в это тем сильнее, что нам хорошо известны чудеса постоянных проявлений природы. Будьте здоровы. Надворный советник Лодер уговаривает меня запастись терпением на несколько дней.

Г.

[Иена,] 27 февраля 1797 года.

286. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 27 февраля 1797 года]

Нам искренне жаль, что Вы нашли здесь совсем не то, чего искали. В этих обстоятельствах я пожелал бы Вам обладать *моими* навыками переносить недомогание; тогда это состояние было бы для Вас не столь невыносимым. Впрочем, элементарной философии нечего гордиться тем, что только катар делает Вас таким глубоким метафизиком. Быть может, находясь в этом угнетенном и подав-

ленном состоянии, Вы сумеете даже прочитать статью Фихте¹ в журнале Нитхаммера; я наткнулся на нее сегодня и прочел с большим интересом.

Если мы можем как-нибудь способствовать Вашему комфорту, то только скажите об этом. Спокойной ночи; надеюсь, что если Вы благополучно проведете еще завтрашний день, а погода не испортится, то послезавтра мы увидим Вас.

Ш.

287. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Хотя мой катар уже идет на убыль, однако я должен некоторое время оставаться в комнате, и благодаря привычке подобный образ жизни начинает казаться мне вполне сносным.

В предыдущие дни меня занимали насекомые¹; сегодня же я набрался мужества для того, чтобы полностью привести в порядок четвертую песнь, и это мне удалось; отсюда я черпаю некоторую надежду на дальнейшее. Будьте здоровы, работайте столь же усердно и скажите Вашей милой жене, что за боязнь чая меня наказали теперь отвратительнейшим грудным чаем.

Г.

Иена, 1 марта 1797 года.

288. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 1 марта 1797 года]

Искренне рад тому, что лодеровский отвар, каким бы противным он ни был на вкус, пробудил в Вас поэтический дух и расположение к эпической поэме. Я же, хотя никакой катар не мешал мне, не так много и успел со вчерашнего дня: меня опять начала мучить бессонница. Тем не менее я надеюсь сегодня несколько продвинуть вперед обоих моих Пикколомини.

Будьте так любезны рассмотреть приложенные бумаги и обдумать, не сможем ли мы ускорить в Веймаре разрешение quaestionis* и устранить все возможные препятствия¹. Для меня крайне важно и само это дело, и то, чтобы оно решилось поскорее. Быть может, содействие

* спорных вопросов (латин.).

Фойгта оказалось бы здесь полезным, и в этом случае будьте так добры написать ему несколько слов.

Поправляйтесь как можно скорее, чтобы мы смогли завтра увидиться вновь.

Ш.

289. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я тотчас же написал тайному советнику Фойгту; прилагаю письмо, чтобы Вы могли отослать его, когда Вам будет угодно. Одновременно Вы получите чудовищную рукопись¹, оценить которую я не способен никакими силами моего организма. Желая, чтобы в эту ночь она Вам не потребовалась!

Хотя мой катар заметно ослабеваает, однако я начинаю привязываться к своей комнате, а к тому же и музы, по-видимому становятся благосклоннее ко мне, так что я, пожалуй, по собственной воле продлю этот домашний арест еще на несколько дней: ведь если бы мне удалось столь неожиданно достигнуть цели, выигрыш был бы очень велик.

Не можете ли Вы прислать мне несколько листов этой прекрасной гладкой бумаги², а заодно сообщить мне, какова величина стопы и что стоит десть. Будьте здоровы и ведите своих Пикколомини и дальше тем же прекрасным путем, во сне или наяву.

Г.

[Иена,] 1 марта 1797 года.

290. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я счастлив сообщить Вам, что поэма подвигается вперед и, вероятно, будет благополучно доведена до конца, если только нить не оборвется. Стало быть, музы не пренебрегают тем астеническим состоянием, в котором я нахожусь из-за болезни; быть может, состояние это даже усугубляет их воздействие, так что выждем еще несколько дней.

Очень хорошо, что мы написали Фойгту относительно дел с садом; в опекунский совет до сих пор ничего не поступило, так что дело должно рассматриваться университетскими синдиками. Мне думается, Вам следовало бы написать Фазелиусу о том, что Вы узнали здесь от меня, и попросить его, чтобы он попытался через синдика Азвера перевести это дело в совет синдиков, — там отсрочек

не будет. Я очень хочу скорейшего разрешения дела еще и потому, что, пока я нахожусь здесь, я мог бы помочь Вам некоторыми советами в Вашем будущем устройстве. Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Иена, 3 марта 1797 года.

291. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Работа подвигается и уже начинает обретать значимость, чему я очень рад и о чем хочу тотчас же сообщить Вам как верному другу и ближайшему соседу. Еще дня два, и клад будет извлечен из земли, а там уж окончательная отделка пойдет сама собой. Замечательно, что поэма, приближаясь к концу, все больше склоняется к своим идиллическим истокам.

Г.

Иена, 4 марта 1797 года.

Как Вы себя чувствуете?

292. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 4 марта 1797 года.

Желаю Вам отрадного вечера в завершение прекрасного и, не сомневаюсь, плодотворного дня. Ясное утреннее небо освежило и порадовало, вероятно, и Вас, однако Вы совершенно правы в том, что еще не выходите из дома.

Ваша поэма, естественно, должна была завершиться идиллически, если иметь в виду наивысшее значение этого слова. Все действие было так непосредственно связано с простой сельской природой, что этот ограниченный мирок мог, как мне кажется, стать вполне поэтическим только при посредстве идиллии. То, что следует назвать здесь перипетией, заранее было подготовлено таким образом, чтобы спокойное единство тона уже не могло быть нарушено какой-либо сильной страстью в конце.

Быть может, мы увидим Вас завтра? Хоть мы и не встретились сегодня, однако я радуюсь мысли, что Вы так близко от нас и что Вы теперь в хороших руках. Спокойной ночи.

Ш.

293. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

После недавнего разнообразия и живости общения я оказался внезапно в полнейшем одиночестве и вынужден ограничиваться самим собой. Помимо Вас и Гумбольдта меня покинуло и все женское общество¹, и я пользуюсь этой тишиной, чтобы поразмыслить о моих трагико-драматических обязанностях. Наряду с этим я набрасываю подробный сценарий всего «Валленштейна», чтобы облегчить себе и в чисто механическом отношении обзор эпизодов в их взаимосвязи.

Чем дольше я размышляю о своих собственных занятиях и о греческом понимании трагедии, тем больше нахожу, что весь *cardo rei* * состоит тут в искусстве изобрести поэтическую фабулу. Современный драматург мучительно и боязливо сражается с вещами случайными и второстепенными; в стремлении как можно более приблизиться к действительности он взваливает на себя груз бессодержательного и несущественного и поэтому подвергается опасности упустить ту сокровенную истину, в которой, собственно, и заключено все поэтическое. Он предпочитает в точности воспроизвести тот или иной подлинный случай и не осознает при этом, что поэтическое изображение никоим образом не может совпасть с действительностью именно потому, что оно представляет собой абсолютную истину.

На этих днях я читал «Филоктета» и «Трахинянок»², причем последнюю трагедию с особенным удовольствием. Как превосходно схвачены здесь положение, чувства и вся сущность Деяниры! С какой цельностью представлена она хозяйкою дома Геракла; как индивидуально и соотнесено лишь с единственным данным случаем это изображение, а в то же время — как оно глубоко человечно, непреходяще истинно и универсально! И в «Филоктете» из данного положения извлечено все, что только можно было извлечь оттуда; однако при всем своеобразии этого случая здесь все покоится на той же вечной основе человеческой природы.

Мне бросилось в глаза, что персонажи греческой трагедии — в большей или меньшей степени идеальные маски, но отнюдь не подлинные индивидуальности, какие я нахожу у Шекспира, а также в Ваших драмах. Так,

* главный момент (латин.).

например, Улисс в «Аяксе» и в «Филоктете» явно представляет собой лишь идеал хитрого, неразборчивого в средствах и эгоистического ума; так, Креонт в «Эдипе» и в «Антигоне» воплощает лишь холодное царское величие. Такие характеры, разумеется, особенно пригодны для трагедии, они быстрее обретают определенность, а черты их устойчивее и тверже. Истина нисколько не страдает от этого, ибо они столь же далеки от порождений чистой логики, что и от чистых индивидуумов.

Посылаю Вам при сем *pour la bonne bouche* * очаровательный отрывок из Аристофана, оставленный мне Гумбольдтом³. Он восхитителен, и мне хотелось бы увидеть и остальное.

На днях я неожиданно получил из Стокгольма роскошный пергаментный лист большого размера. Когда я разворачивал диплом с большой восковой печатью, то полагал, что из него по меньшей мере выскочит какая-нибудь пенсия; в конце концов оказалось, однако, что это всего лишь диплом Академии наук. И тем не менее всегда приятно, когда видишь, что пущенные тобой корни простираются все шире и что твое существование затрагивает других.

Надеюсь вскоре получить от Вас новый фрагмент «Челлини».

Будьте здоровы, мой дорогой, мой все более и более дорогой друг. Меня все еще окружают прекрасные призраки, оставленные Вами, и я надеюсь еще ближе сродниться с ними. Будьте здоровы.

Ш.

Иена, 4 апреля 1797 года.

294. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

У меня все обстоит как раз наоборот. Сосредоточенность иенской жизни сменилась живой рассеянностью всевозможных мелких дел, которые в течение некоторого времени будут тянуть меня в разные стороны; поэтому займусь пока вещами, не требующими самого безмятежного настроения.

Вы совершенно правы — в образах древней поэзии, равно как и скульптуры, проявляется некое абстрактное начало, которое может достичь своей высоты только при

* на десерт (франц.).

посредстве того, что называют стилем. Абстрактное может быть воплощено и при посредстве манеры, как это происходит у французов. Разумеется, все покоится на удачно найденной фабуле, и тут возникает уверенность в главных средствах воплощения; большинство читателей и зрителей ничего сверх этого и не воспринимают, а на долю поэта выпадает вся заслуга живого развития замысла, которое может осуществляться тем последовательнее, чем лучше фабула. Вот почему еще мы должны в будущем тщательнее, чем сейчас, взвешивать то, что собираемся предпринять.

Прилагаю к сему Вьейвила ¹, первую часть; остальные могу высылать Вам одну за другой.

Кланяйтесь Вашей милой жене; к сожалению, я не видел ее, когда она приезжала сюда.

Поздравляю Вас с дипломом; не следует пренебрегать подобными явлениями, они, словно показания барометра, свидетельствуют о состоянии общественного мнения.

Будьте здоровы и пишите мне чаще, хотя на первых порах я и буду плохим корреспондентом.

Г.

Веймар, 5 апреля 1797 года.

295. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 7 апреля 1797 года

Среди нескольких кабалистических и астрологических сочинений, которые я взял в здешней библиотеке, мне попался и один диалог о любви ¹, переведенный с еврейского на латынь; он не только очень позабавил меня, но и чрезвычайно расширил мои познания в астрологии. Смешение химических, мифологических и астрономических материй достигает здесь крайних пределов и вполне пригодно для поэтической обработки. Я велю переписать для Вас некоторые ошеломляюще глубокомысленные сопоставления планет с членами человеческого тела ². Невозможно иметь хоть какое-то понятие об этой диковинной системе представлений до тех пор, пока не услышишь голоса самих этих людей. Между тем я не теряю надежды сообщить этому астрологическому материалу поэтическое достоинство.

Что же касается затронутой в последней раз темы воплощения характеров, то я буду рад при следующей нашей встрече придать с Вашей помощью еще большую

ясность своим воззрениям. Сущность дела обусловлена здесь глубочайшими основами искусства, и несомненно, что наблюдения в сфере пластических искусств могут многое объяснить и в поэзии. Вот и сегодня, когда я изучал «Юлия Цезаря» со Шлегелем³, меня просто поразило то, с каким величием способен Шекспир живописать толпу. Здесь в изображении народного характера самый материал принуждал его воплощать скорее некую поэтическую абстракцию, нежели индивидуальное начало, и потому он представляется мне здесь предельно близким к грекам. Если подойти к изображению подобной сцены с чрезмерно робкими представлениями о подражании действительности, то масса, толпа должна доставить автору немало затруднений в силу своей ничтожности; Шекспир же одним смелым движением выхватывает из толпы две-три фигуры, я бы даже сказал, два-три голоса из массы, чтобы они представляли весь народ, и они действительно представляют весь народ — настолько удачен его выбор.

Можно было бы оказать великую услугу поэтам и художникам, если бы удалось наконец определить в точности, что именно следует искусству заимствовать из действительности, а что отбрасывать. Почва стала бы свободней и чище, исчезло бы мелкое и незначительное, а для великого очистилось бы место. Этот момент имеет величайшую важность при изображении исторических событий, и я знаю, сколько затруднений причинила мне неопределенность представлений на этот счет.

Я жажду получить поскорее что-нибудь из «Челлини», причем по возможности еще для апрельского номера, и в этом случае, разумеется, я должен иметь это в промежуток времени между нынешним днем и вечером в среду⁴.

Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам сердечный поклон. Сегодня у меня большой почтовый день, иначе я написал бы обстоятельнее.

III.

296. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Господин фон Гумбольдт, который уедет лишь завтра утром, шлет Вам сердечный поклон и просит Вас тотчас же переслать по назначению прилагаемое письмо.

Мы устроили форменный просодический суд над последними песнями и очистили их, насколько возможно¹. Первые песни скоро будут переписаны начисто; снабжен-

ные двойными названиями ², они выглядят очень мило. Надеюсь отослать их на следующей неделе.

Еще до среды Вы получите новый отрывок «Челлини» объемом в двенадцать рукописных листов. После этого останется еще примерно шесть листов для заключения.

Впрочем, тут наступила некоторая неразбериха в делах, так что в ближайшие две недели я сумею сделать лишь немного.

Астрологические комбинации, о которых Вы сообщаете мне, довольно причудливы; очень хотелось бы увидеть, какое употребление найдете Вы для этого материала.

Мне не терпится поскорее продолжить с Вами обсуждение вопроса, который так живо занимает нас обоих. Все те приемы, которыми я воспользовался в последней поэме, почерпнуты мной из изобразительных искусств. Ибо в завершенном и воспринимаемом чувственным взором произведении все избыточное обнаруживается гораздо явственнее, нежели в явлении, которое последовательно проходит перед нашим внутренним взором. Можно было бы надеяться извлечь отсюда многие выгоды для театра. Так, недавно я обратил внимание на следующее: если в нашем театре думают о группах, то всегда воспроизводят только сентиментальные или патетические группы, меж тем как можно представить себе еще сотню других. Точно так же на этих днях некоторые сцены у Аристофана предстали передо мной совершенно как античные барельефы, и очевидно, что именно в этом духе они и изображались на сцене. В целом и в частности все сводится вот к чему: все элементы должны быть обособлены таким образом, чтобы ни один из них не походил на другой; точно так же обстоит дело и с характерами, которые, хотя и отличаются в значительной степени друг от друга, должны между тем непременно принадлежать к одному и тому же роду.

Будьте здоровы и работайте усердно; как только я вздохну чуть-чуть свободнее, то подумаю об альманахе.

Г.

Веймар, 8 апреля 1797 года.

297. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 12 апреля 1797 года

Шлю Вам лишь несколько слов привета. У нашего маленького Эрнста очень сильная лихорадка из-за оспы, и

сегодня ночью он чрезвычайно напугал нас частыми эпилептическими судорогами; мы ждем очень беспокойной ночи, и я полон тревоги.

Быть может, завтра я смогу с легким сердцем написать Вам подробнее. Моя жена сердечно Вам кланяется. Пришлите же, пожалуйста, «Челлини».

Ш.

298. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Хоть бы маленький Эрнст поскорее преодолел опасный кризис и снова успокоил бы Вас!

Прилагаю «Челлини», который теперь уже скоро, после еще одной небольшой посылки, полностью распрощается с нами. Изучая пережитки патриархального быта, я обратился к Ветхому завету и снова был поражен путаницей и противоречиями в Пятикнижии Моисея, которое, правда, составлено было, как известно, из доброй сотни письменных и устных традиционных преданий. Я сделал несколько любопытных наблюдений относительно странствия сынов Израилевых по пустыне, и у меня возникла дерзкая мысль: не является ли позднейшим измышлением то, что они провели там столь долгое время? При случае я изложу в небольшой статье ход мыслей, который привел меня к этому предположению¹.

Будьте здоровы, передайте Гумбольдтам мой поклон и прилагаемый номер «Берлинского ежемесячника» и сообщите мне поскорее добрые вести о себе и о своих близких.

Г.

Веймар, 12 апреля 1797 года.

299. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Малыш уже чувствует себя лучше, и опасность как будто миновала. Появилась сыпь, а судороги прекратились. Все это принимало особенно скверный оборот из-за зубов, потому что один зуб прорезался как раз во время первого приступа лихорадки, а второй прорезается сейчас. Можете поверить мне, что в эти дни я сделал не так уж много — сначала из-за опасности, а затем, когда малышу стало лучше, из-за его плача. И в сад я перебраться не могу до тех пор, пока ребенок не поправится.

Ваши открытия в Пятикнижии Моисея очень меня забавляют. Запишите же Ваши мысли, ведь Вы, вероятно, не скоро вернетесь на этот путь. Насколько я помню,

двадцать с лишним лет тому назад Вы уже воевали с Новым заветом¹. Должен признаться, что я с таким решительным недоверием отношусь к исторической достоверности этих источников, что Ваши сомнения относительно одного-единственного факта кажутся мне еще слишком умеренными. Для меня Библия правдива только там, где она наивна; во всем остальном, что написано вполне сознательно, я подозреваю умысел и позднейшее происхождение.

Приходилось ли Вам уже видеть образцы механического воспроизведения картин? Мне недавно прислали из Дуисбурга² одну такую вещь с изображением Клио почти в половину человеческого роста; масляные краски, серая фигура на светло-голубом фоне. Она производит чрезвычайно приятное впечатление, и собрание картин такого рода было бы вполне пригодно для украшения комнат. Если это оказалось бы подарком (о чем в письме прямо не говорится), то я был бы очень доволен. Что же касается способа изготовления таких произведений, то я не имею о нем сколько-нибудь ясного представления.

«Челлини» я получил позавчера не настолько рано, чтобы успеть прочитать его целиком до отсылки; я добрался только до половины, однако и на этот раз испытал подлинное наслаждение, в особенности от описания паломничества, которое автор предпринимает в восторге от удавшегося и прославляемого произведения³.

Гумбольдт говорил мне об одном хоре из Вашего «Прометея»⁴, который он привез с собой, однако еще не прислал мне. У него снова приступ перемежающейся лихорадки, которая была у него два года назад; и у младшего ребенка такая же лихорадка, так что теперь у Гумбольдтов больны все, кроме девочки. И тем не менее там по-прежнему ведутся разговоры о предстоящих им вскоре дальних путешествиях.

Будьте здоровы и поскорее освобождайтесь от докучающих Вам дел.

Шиллер

Иена, 14 апреля 1797 года.

300. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я узнал уже от Гумбольдта¹, что Ваш Эрнст вне опасности, и в душе порадовался этому; теперь же я сердечно поздравляю Вас с его выздоровлением.

Оратория² была очень хорошо исполнена вчера, и я смог сделать некоторые наблюдения относительно исторического искусства. Очень жаль, что мы не испытываем совместно впечатлений подобного рода, ведь это позволило бы нам гораздо быстрее укрепиться в единственно необходимых выводах.

В понедельник отсылаются четыре первые «Музы»³; пока что я усердно занимаюсь пятью последними и особенно пользуюсь тут просодическими замечаниями нашего друга Гумбольдта.

Наряду с этим я по-прежнему сопровождал сынов Израилевых в пустыне и могу теперь надеяться, зная Ваши принципы, что мой опыт о *Моисее* встретит когда-нибудь у Вас одобрение. В моей критической, исторической и поэтической работе я исхожу из того, что имеющиеся книги сами себе противоречат и сами себя выдают, и поэтому все удовольствие, которое я отсюда извлекаю, состоит в том, чтобы отделять по-человечески правдоподобное от преднамеренного и просто вымышленного, но вместе с тем и отыскивать повсюду доказательства в пользу своего мнения. Все гипотезы такого рода подкупают только естественностью мысли и многообразием явлений, на которые они опираются. Мне очень приятно, что у меня снова есть на некоторое время какая-то игра в собственном смысле этого слова и я могу с интересом заняться ею. Поэзия, к которой мы обратились с некоторых пор, слишком уж серьезное занятие. Будьте здоровы и радуйтесь прекрасному времени года.

Г.

Веймар, 15 апреля 1797 года.

301. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 18 апреля 1797 года

Мне только что удалось избавиться от удручающего общества господина Бутервека, который тяжело досаждал мне в течение нескольких часов. Я рассчитывал встретить в нем по крайней мере занятого хлыща, а вместо того увидел самого пустого и жалкого глупца из всех, кто когда-либо встречался мне. Он был и в Веймаре, но, по его словам, не виделся с Вами, чему я несколько не был удивлен. Ужасно наблюдать вблизи этих господ, которые тоже пользуются каким-то авторитетом в публи-

ке,— свое преждевременное бессилие и ничтожество они пытаются замаскировать ужимками знатоков.

Вот, например, наш Вольтман, которому не по вкусу все то, что пишут другие, и которому ни один человек угодить не может. Недавно я перелистал его «Историю человечества»¹, только что вышедшую в свет. Это поистине ужасающее сочинение; такой смеси бесстыдства и грубости, такого сумасбродства Вы и представить себе не можете. Книга бросает вызов философии и истории, и трудно сказать, какой из этих наук она более противоречит. Право же, я немало дал бы за то, чтобы эта книга не была написана, ибо, если она попадет не в те руки, издеваться будут надо всеми нами.

Я все еще не слишком продвинулся вперед в своих работах; домашние тревоги, которых мы пока не можем избежать, слишком отвлекают меня. Воспалительный процесс у малыша протекает благополучно и без всяких осложнений, хотя оспин у него очень много. Надеюсь, что через четыре дня смогу перебраться в сад, и тогда первым моим делом, прежде чем я двинусь дальше, будет запись поэтической фабулы «Валленштейна» во всех подробностях. Только так я смогу приобрести уверенность в том, что она представляет собой единое целое и что в ней мотивировано всё без исключения. Боюсь, что пока я просто ношу ее в голове, в ней все еще остаются пробелы; обстоятельный же рассказ приводит к упорядоченности. Такой подробный рассказ я тотчас же представлю Вам, и мы сможем обменяться мыслями по этому поводу.

Поздравляю Вас с отсылкой первых четырех «Муз». И в самом деле, удивительно, как быстро природа породила это произведение и как заботливо и обдуманно сформировало его искусство.

Будьте здоровы и радуйтесь этим ясным дням. Я необыкновенно рад тому, что в ближайшем будущем смогу наслаждаться каждым проблеском света прямо на лоне природы. Несколько дней тому назад я отважился на довольно продолжительную прогулку по моему саду.

Моя жена сердечно Вам кланяется.

III.

302. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я очень рад, что Вы избавились от тревоги за ребенка, и надеюсь, что его выздоровление теперь не заставит

себя ждать. Передайте мой сердечный поклон Вашей милой жене.

Господина Бутервека я не видел и весьма доволен, что эти господа избегают меня.

Я теперь с величайшей поспешностью штудирую Ветхий завет и Гомера, а одновременно читаю «Введение» Эйхгорна¹ к первому и «Пролегомены» Вольфа² ко второму. При этом мне открываются удивительнейшие вещи, по поводу которых нам придется еще много беседовать в будущем.

Запишите же как можно скорее Вашу схему к «Валленштейну» и пришлите ее мне. При моих нынешних занятиях такое обсуждение окажется для меня весьма интересным, а для Вас и бесполезным.

Одну мысль относительно эпических поэм я все же сообщу Вам уже сейчас. Так как они должны выслушиваться в самом спокойном и непринужденном состоянии, то *рассудок* предъявляет к ним больше требований, чем, пожалуй, к каким-либо другим видам поэтического искусства; вот и сейчас, при чтении «Одиссеи», меня изумило то, с какой полнотой удовлетворены в ней именно эти требования рассудка. Стоит только поглубже вникнуть в то, что рассказывается о трудах древних грамматиков и критиков, равно как и об их талантах и характерах, как явственно убеждаешься, что это были люди рассудочные, которые не успокаивались до тех пор, пока великие поэтические картины не приходили в полное соответствие с их образом представлений. И поэтому-то мы, как это и старается доказать Вольф, обязаны нашим нынешним Гомером *александрийской школе*, что, разумеется, сообщает этим поэмам совсем иной характер.

Еще одно специальное замечание. Некоторые стихи Гомера, которые считаются совершенно недостоверными и относящимися к гораздо более позднему времени, принадлежат к тому же роду, что и некоторые из моих стихов, вставленных мною в поэму уже после ее окончания для того, чтобы сделать целое более ясным и доступным и чтобы своевременно подготовить будущие события. Мне очень любопытно, что именно я сочту нужным прибавить или убавить в моей поэме после того, как завершу нынешние свои штудии; пока же пусть в свет идет первая редакция.

Основное свойство эпической поэмы заключается в

том, что она постоянно то движется вперед, то отступает назад, и поэтому все ретардирующие моменты являются эпическими. Но здесь не должно быть никаких подлинных *препятствий*, которые, по сути дела, принадлежат драме.

Если это требование ретардации, которое сверх всякой меры соблюдено в обеих гомеровских поэмах и которое также было положено в основу плана моей поэмы, действительно является существенно важным и не может игнорироваться, то все планы, которые прямо ведут к цели, должны либо быть отброшены полностью, либо рассматриваться как некая подчиненная историческая разновидность. План моей второй поэмы³ страдает этим недостатком (если только это действительно недостаток), и я остерегусь прибавить к нему хотя бы одну строку до тех пор, пока мы полностью не уясним для себя этот момент. Идея кажется мне чрезвычайно плодотворной. Если она верна, то мы сможем продвинуться далеко вперед с ее помощью и я готов пойти ради нее на любые жертвы.

С драмой, мне кажется, дело обстоит как раз наоборот, но об этом в следующий раз. Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 19 апреля 1797 года.

303. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Я собирался многое написать Вам по поводу Вашего последнего письма, давшего мне обильную пищу для размышлений, однако дело, которое неожиданно отнимает у меня сегодняшний вечер, мешает мне. Итак, сегодня лишь два слова.

Из всего сказанного Вами мне становится как нельзя более ясно, что одну из основных черт эпической поэмы составляет самостоятельность ее частей. Простая *истина*, извлеченная из сокровенной сути вещей, и является целью эпического поэта: он изображает нам спокойное бытие или проявление феноменов в соответствии с их природой; его конечная цель содержится уже в каждом моменте его движения, и поэтому мы не торопимся поспешно к цели, но с любовью сопровождаем каждый его шаг. Он сохраняет нам высшую свободу духа, но, даруя столь великое преимущество *нам*, он тем самым усложняет задачу себе, ибо мы теперь предъявляем к нему все те требования, которые обусловлены совокупной и всесторонней деятель-

ностью наших сил. Напротив, трагический поэт похищает у нас духовную свободу и, направляя нашу деятельность в одну-единственную сторону, концентрируя ее, во многом упрощает свою задачу, выигрывая в том, в чем мы проигрываем.

Ваша идея относительно ретардации, присущей развитию эпической поэмы, представляется мне совершенно убедительной. Однако, судя по тому, что мне известно о Вашей новой эпопее, я не вполне понимаю, почему она, по Вашему мнению, лишена этого свойства.

С величайшим нетерпением ожидаю дальнейших Ваших выводов, особенно в отношении драмы, а тем временем основательнее обдумываю все сказанное.

Будьте здоровы. Мой маленький пациент по-прежнему держится молодцом, несмотря на скверную погоду. Жена шлет Вам сердечный поклон.

Ш.

[Иена], 21 апреля 1797 года.

304. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Благодарю Вас за Ваши постоянные размышления об эпической поэме; надеюсь, что Вы вскоре разовьете их в прекрасной последовательности, присущей Вам, и раскроете природу и сущность этого рода поэзии, а пока что изложу здесь свои предположения.

Я старался подчинить закон ретардации некоему высшему закону, и, как мне кажется, над ним действительно возвышается нечто такое, что предписывает нам: в хорошей поэме развязку можно и даже должно знать заранее, так что весь интерес, по существу, должен быть сосредоточен на том, как это выполнено. Поэтому любопытство не имеет никакого касательства к подобному произведению, цель которого, как Вы говорите, может заключаться в каждом моменте его движения.

В «Одиссее» ретардация проявляется почти в каждой из ее мельчайших частей, но зато нас чуть ли не пятьдесят раз заверяют и обнадеживают в том, что все придет к благополучному исходу. Столь многочисленные предсказания и пояснения, предвосхищающие развязку, предназначены, как мне кажется, восстановить равновесие, постоянно нарушаемое ретардацией. В моем «Германе»

своеобразное очарование определяется той особенностью плана, что все здесь кажется разрешенным и законченным, меж тем как попятное движение словно бы вызывает к жизни некую новую поэму.

Таким образом, эпическая поэма обладает еще и тем значительным преимуществом, что ее экспозиция, какой бы пространной она ни была, нисколько не стесняет поэта, — ведь он даже может вставить ее в середину своего произведения, как это и сделано весьма искусно в «Одиссее». Ведь и попятное движение благотворно; но для драматурга, как мне кажется, именно экспозиция и представляет большие трудности, так как здесь требуется непрерывное поступательное движение, и я бы назвал наилучшим такой драматический сюжет, в котором экспозиция образует уже часть самого развития.

Но чтобы опять вернуться к тому, с чего я начал, позвольте предложить на Ваше рассмотрение следующее:

В моем новом сюжете нет ни одного ретардирующего момента, здесь все от начала и до конца развивается в строгой последовательности; однако особенность сюжета состоит в том, что вначале делаются значительные приготовления, причем тут с умом и пониманием в движение приводится много сил, и, однако же, развитие — в полном противоречии со всеми приготовлениями — идет по совершенно неожиданному, хотя и естественному пути. Теперь спрашивается, может ли подобный план сойти за *эпический*, то есть подчиняется ли он всеобщему закону, согласно которому интерес вызывает, по сути дела, *как*, а не *что*, — или же подобную поэму следует отнести к подчиненному разряду исторических поэм? Обдумайте теперь, дорогой мой, как бы лучше разработать и связать между собой эти разрозненные и беглые мысли. Сейчас ничто меня не интересует в большей степени, чем эти особенности сюжета в связи с тем, какой именно обработке они подлежат. Я так часто ошибался на этот счет в своей жизни, что очень хотел бы добиться наконец полной ясности для того, чтобы не совершать подобных ошибок хотя бы в будущем. Для большей определенности я вскоре пришлю Вам мой новый план.

И еще несколько слов относительно некоторых пунктов в Ваших последних письмах.

«История человечества» Вольтмана и в самом деле весьма странное произведение. Его предисловие вообще

вне круга моих знаний, я не могу судить об египетском разделе, но для меня непостижимо, как мог Вольтман при разработке истории еврейского народа использовать Ветхий завет в качестве непогрешимого источника сведений. Вся работа построена на песке, и это в самом деле поразительно, если вспомнить, что «Введение» Эйхгорна вышло в свет уже десять лет тому назад, а работы Гердера¹ — и того раньше. О несправедливых противниках этих старых сочинений я даже упоминать не буду.

Дуисбургская фабрика, откуда я также получил один образец их товара, представляет собой курьезное предприятие, заслуживающее того, чтобы наши друзья из «Журнала мод» похвалили его². Ловкий трюк заключается в том, что такие работы объявляются выполненными механическим способом, однажды он был уже использован англичанами с их полиграфическим обществом. В сущности, тут нет ничего механического, кроме того что все работы выполняются с величайшей тщательностью и в большом количестве при помощи некоторых механических приспособлений, и для этого, разумеется, необходимо обширное заведение; но тем не менее фигуры здесь написаны кистью. Вместо того чтобы все делал, как обычно, один человек, тут подвизаются многие. Вначале с особой тщательностью подготавливается клеенка в качестве фона, а затем на нее накладывается фигура, которая, по-видимому, вырезана из жести; пространство вокруг нее тщательно покрывают другой краской, и тут уже второстепенным художникам поручается расписать фигуру, и при этом-то и изготавливаются крупные партии; под конец же самый искусный из художников подправляет контуры и завершает всю работу. Они прибегают к остроумным уловкам, чтобы скрыть следы кисти, и выделывают всевозможные трюки, которые должны убедить публику в том, будто эти вещи произведены типографским способом. *Лангер*, один из инспекторов Дюссельдорфской галереи, человек славный и способный, заинтересован в этом деле, так пусть они и дальше взимают на свой лад деньги с публики. Я только не знаю, какое, собственно, употребление можно найти таким вещам; они недостаточно хороши для того, чтобы развешивать их в рамах, да и пригонять такие вот готовые картины к стенам было бы весьма затруднительно. Быть может, скорее всего, они пригодились бы в качестве орнамента над дверьми. Можно похвалить подлинно

английскую аккуратность, а всего прочего следует еще подождать.

Желаю Вам поскорее перебраться в сад и обрести полный покой после всех пережитых тревог

Передайте от меня сердечный поклон Вашей милой жене, а также Гумбольдту, которому я желаю скорейшего выздоровления.

Г.

Веймар, 22 апреля 1797 года.

305. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 25 апреля 1797 года

То, что требование ретардации обусловлено неким высшим эпическим законом (который, впрочем, может быть удовлетворен и другим путем), представляется мне несомненным. Я полагаю также, что существуют два вида ретардации: один зависит от характера пути, другой от характера движения, и вот этот последний вид вполне может оказаться пригодным, по-моему, и при самом прямом пути, а стало быть — и для того плана, что у Вас.

И все же я позволил бы себе определить этот высший эпический закон не совсем так, как Вы. В виде формулы, — по сути дела, значение имеет лишь *как*, а не *что*, — он представляется мне чересчур общей и приложимой ко всем без исключения существующим видам поэтического искусства. Если попробовать вкратце изложить мою мысль, то она заключается в следующем. Оба поэта, эпик и драматург, изображают для нас некое действие, но у последнего оно — цель, а у первого — лишь средство для достижения некой абсолютной эстетической цели. Исходя из этого принципа, я полностью могу объяснить себе, почему трагический поэт должен быстрее следовать непосредственно к своей цели и почему эпическому поэту выгоднее двигаться медлительной поступью. Отсюда, как мне кажется, следует также, что эпическому поэту лучше воздерживаться от таких сюжетов, которые сами по себе возбуждают сильные аффекты, будь то любопытство или участие, — то есть от таких, в которых *действие* как цель захватывает слишком сильно для того, чтобы оставаться в границах простого средства. Признаюсь, что именно этого я и опасюсь до некоторой степени в Вашей новой поэме¹, хотя вполне отдаю себе отчет в том, с какой поэтической силой Вы властвуете над любым материалом.

Способ, которым Вы намереваетесь тут *развивать* действие, кажется мне более подходящим для комедии, нежели для эпоса. Во всяком случае, Вам придется много потрудиться, чтобы изъять отсюда все неожиданное и вызывающее удивление, ибо это не вполне эпично.

С величайшим нетерпением ожидаю Вашего плана. Меня несколько тревожит, что у Гумбольдта сложилось точно такое же впечатление, хотя прежде мы с ним об этом не беседовали. А именно, он полагает, что плану недостает индивидуального эпического действия. Когда Вы впервые рассказывали мне о нем, я тоже все время ожидал настоящего действия, — все то, что Вы говорили, казалось мне лишь введением и подготовительной почвой для действия, которое должно разыграться между отдельными главными персонажами; но как только я решил, что это действие вот-вот начнется, Вы завершили свой рассказ. Разумеется, я понимаю, что Ваш сюжет по самому своему характеру заставляет, скорее, пренебрегать индивидуальным началом, скорее, погружаться в массу и в целое, так как, по сути дела, героем тут является рассудок, который гораздо больше объемлет вокруг себя, чем в себе.

Вообще же, как бы ни обстояло дело с эпичностью характера Вашей новой поэмы, она так или иначе окажется принадлежащей к иному роду, нежели Ваш «Герман», и если, стало быть, «Герман» представляет собой чистое выражение эпического *рода*, а не просто одну из эпических *разновидностей*, то отсюда следует, что новая поэма окажется еще менее *эпической*. Но ведь Вы-то как раз и хотели знать, представляет ли «Герман» лишь один из видов эпоса или же весь эпический род, и мы, таким образом, вновь оказываемся перед той же проблемой.

Я мог бы, пожалуй, назвать Вашу новую поэму комико-эпической, если совершенно отвлечься при этом от ходячего ограниченного и эмпирического понятия комедии и героико-комической эпопеи. Мне представляется, что Ваша новая поэма относится к комедии примерно так же, как «Герман» к трагедии, — с той, собственно, разницей, что в «Германе» это больше зависит от сюжета, а в новом произведении от обработки.

Однако я дождусь сначала Вашего плана и тогда уже выскажусь об этом обстоятельнее.

Что Вы скажете по поводу известия о мире в Регенс-

бурге²? Если Вам известно что-либо определенное, то поделитесь, пожалуйста, с нами. Будьте здоровы.

III.

То, что Вы называете наилучшим драматическим сюжетом (а именно — где экспозиция составляет уже часть самого *развития*), представлено, например, в «Близнецах» Шекспира³. Соответствующий пример в трагедии мне не известен, хотя «Oedipus rex» * удивительно близок к этому идеалу. Но я вполне могу представить себе такие драматические сюжеты, где экспозиция совершенно совпадает с началом действия. Сюда относится «Макбет», и я мог бы упомянуть тут и «Разбойников».

Эпический поэт, по-моему, вовсе не нуждается в экспозиции, по крайней мере в том смысле, в каком это применимо к поэту драматическому. Поскольку первый не гонит нас так к концу, как второй, то начало и конец его произведения в большей степени равнозначны друг другу по их важности и значению, и экспозиция должна занимать нас не потому, что она ведет к чему-то, а потому, что она сама представляет собою нечто. Я думаю, что драматическому поэту здесь следует оказывать гораздо большее снисхождение; именно потому, что он видит свою цель в развитии и развязке, ему можно позволить трактовать завязку, скорее, как средство. Он подчинен категории причинности, а эпический поэт — категории субстанциальности; там нечто может и должно быть причиной чего-то другого, здесь все должно быть значимо само по себе.

Я очень благодарен Вам за сообщение о дуисбургском предприятии; вся эта история казалась мне весьма загадочной. Если бы это было возможным, то я соблазнился бы даже украсить одну комнату такими изображениями.

Надеюсь, что завтра смогу наконец перебраться в свой сад. Малыш совсем оправился, и болезнь, кажется, только укрепила его здоровье. Гумбольдт сегодня уехал⁴; я не увижу его несколько лет, да и вообще нельзя ожидать, что мы когда-нибудь встретимся снова такими же, какими расстаемся теперь. Итак, вот еще одна дружеская связь, которая, надо полагать, завершилась и никогда не возродится более, ибо два года, прожитые столь различным

* «Царь Эдип» (латин.).

образом, слишком многое изменяют *в нас*, а следовательно, и *между нами*.

306. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Известия о мире вполне достоверны. Как раз когда французы снова вступили во Франкфурт и уже вели рукопашный бой с австрийцами, прибыл курьер с сообщением о мире; военные действия были тотчас же прекращены, и генералы обеих сторон отобедали с бургомистром в Красном доме. Таким образом, франкфуртцы за свои деньги и страдания получили все же театральное зрелище из тех, которые, пожалуй, не часто случаются в истории, да и мы, стало быть, пережили эту значительную эпоху. Посмотрим теперь, что принесет каждому в отдельности и всем вместе эта перемена.

С тем, что Вы в сегодняшнем письме говорите о драме и эпосе, я совершенно согласен; я ведь привык уже к тому, что Вы мне рассказываете и истолковываете мои же сны. Ничего больше к этому прибавить не могу, и мне остается только послать Вам свой план или привезти его самому. Тут речь должна пойти и о тончайших деталях, говорить о которых сейчас в самых общих чертах мне бы не хотелось. Если сюжет не будет признан чисто эпическим, то хотя он в некоторых отношениях значителен и интересен, следует все же решить, в какой иной форме он, собственно, должен быть разработан. Будьте здоровы и радуйтесь Вашему саду и выздоровлению Вашего малыша.

Мне было очень приятно и полезно провести некоторое время с Гумбольдтом¹; благодаря его присутствию мои естественноисторические работы вновь пробудились от зимней спячки,— только бы им не погрузиться теперь в спячку весеннюю!

Г.

Веймар, 26 апреля 1797 года.

Я все же не могу удержаться, чтобы не задать еще одного вопроса по поводу наших драматико-эпических дел. Что Вы скажете относительно следующих тезисов?

В трагедии может и должна господствовать и повелевать судьба или, что то же, нечто, определяющее сущность природы человека,— сила, которая слепо ведет его в том или ином направлении; она непременно должна уводить

его от его цели, а не приводить к ней; герой здесь не властвует над своим рассудком, да и вообще рассудок не должен находить воплощения в трагедии, разве что в лице второстепенных персонажей к невыгоде главного героя и т. д.

В эпосе как раз обратное; только рассудок, как в «Одиссее», или какая-нибудь целеустремленная страсть, как в «Илиаде», представляют собой движущие силы эпоса. Поход аргонавтов, рассматриваемый как приключение, не эпичен.

307. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вчера, когда я обдумывал фабулу моей новой поэмы перед тем, как изложить ее Вам, мною снова овладела совершенно особая любовь к этому произведению,— и это, после всех наших бесед, служит для него хорошим предзнаменованием. Но так как я знаю уже, что никогда не довожу до конца свою работу, стоит мне доверить какие-то подробности моего плана или изложить его полностью кому-нибудь, то я предпочел бы пока воздержаться от подобного сообщения. Мы будем обсуждать этот предмет в самом общем виде, и я смогу сверять в тиши свою работу с полученными выводами. Если у меня сохранится при этом решимость и охота, то я завершу разработку сюжета, и в законченном состоянии он даст еще больше материала для размышлений, нежели в черновом наброске; если же я разочаруюсь в нем, то никогда не поздно будет выступить хотя бы с его идеей.

Видели ли Вы статью Шлегеля об эпической поэзии¹ в одиннадцатом номере «Германии» за прошлый год? Прочтите ее непременно! Удивительно, как это он при всем своем уме отрезает себе верный путь, едва лишь вступив на него. Поскольку эпическая поэма не может обладать *драматическим единством*, поскольку в «Илиаде» и «Одиссее» невозможно прямо обнаружить такое абсолютное единство, и, более того, согласно новейшим представлениям эти поэмы оказываются еще более раздробленными, чем они есть на самом деле, то эпическая поэма вообще не должна, мол, обладать единством, этого и требовать от нее нельзя,— то есть, как я понимаю, она не должна быть поэтическим произведением. И все это выдается за чистые понятия, которым, если внимательно присмотреться, противоречит уже сам опыт. Ибо «Илиада»

и «Одиссея», пусть даже они прошли через руки тысячи поэтов и редакторов, обнаруживают тем не менее могучую тенденцию поэта и критика к единству. И в конце концов эти новые шлегелевские рассуждения призваны лишь подкрепить точку зрения Вольфа, которая в такой поддержке никогда и не нуждалась. Ибо из того, что эти великие поэмы создавались лишь постепенно и не могли быть приведены к какому-либо полному и совершенному единству (хотя построение обеих поэм, вероятно, гораздо более совершенно, чем это думают), вовсе не следует, что ни одна эпическая поэма не может и не должна обладать полнотой, законченностью и единством.

Тем временем я составил небольшую статью по Вашим письмам, посвященную темам нашего нынешнего собеседования; продолжайте же и далее разрабатывать этот предмет,— для нас обоих теперь он представляет наибольшую важность в теоретическом и практическом отношении.

Я вновь перечитал с величайшим наслаждением «Поэтику» Аристотеля; это прекрасная вещь, в которой разум выступает в наивысшем своем проявлении. Весьма примечательно, что Аристотель основывается только на опыте и поэтому оказывается, если угодно, несколько преувеличенно-материальным, но зато и тем более основательным по преимуществу, и тем отраднее мне было читать, с каким свободомыслием он берет под свою защиту поэтов против умствующих или мелочных критиков, с какой последовательностью настаивает лишь на существенном, а во всем остальном проявляет такую снисходительность, что не раз вызывал у меня изумление. Но зато все его воззрения на поэзию и на те ее разделы, которые пользуются особой его благосклонностью, оказываются настолько животворными, что вскоре я снова возьмусь за него, и в особенности ради некоторых значительных мест, которые не вполне ясны и до смысла которых мне хотелось бы все же доискаться. Разумеется, у него не найти никаких разъяснений относительно эпической поэзии в том смысле, в каком нам хотелось бы.

Посылаю Вам два последних стиха «Чувствительной садовницы»². Это стихотворение должно было бы появиться как *pendant* к «Музам и грациям в Бранденбурге», но, быть может, оно окажется не слишком удачным именно потому, что это всего лишь *pendant*.

Только теперь я снова прихожу в себя после рассеянной жизни прошедшего месяца, привожу в порядок и заканчиваю различные дела, чтобы быть свободным в мае. Если мне удастся, я навещу Вас. А пока будьте здоровы.

Г.

Веймар, 28 апреля 1797 года.

308. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Едва я уселся вечером, чтобы ответить на оба Ваших милых письма, как мне помешал визит князя Рудольштадтского, приехавшего сюда привить своим детям оспу; не успел я освободиться, как меня посетил Гумбольдт¹. Теперь уже десять часов ночи, и я могу послать Вам лишь дружеский привет. В воскресенье² вечером напишу более обстоятельно.

Будьте здоровы.

Ш.

Иена, 28 апреля 1797 года.

309. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 2 мая 1797 года

Шлю Вам привет из сада, в который я переселился сегодня. Прекрасный ландшафт окружает меня, солнце приветливо клонится к закату, соловьи щелкают. Все вокруг веселит меня, и первый вечер на моей собственной земле исполнен радостных предзнаменований.

Но это и все, что я могу написать Вам сегодня, потому что из-за хлопот голова моя совершенно пуста. Завтра я надеюсь наконец с нужным настроением приняться за работу и уже не оставлять ее.

Если бы Вы смогли прислать мне на несколько дней текст «Дон Жуана»¹, то оказали бы этим большую услугу. Я задумал написать на этот сюжет балладу, а поскольку история эта известна мне только понаслышке, то я и хотел бы узнать, как ее излагают.

Будьте здоровы. Сердечно рад возможности вновь прожить некоторое время вблизи от Вас.

Ш.

310. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вчера я начал диктовать моего «Моисея»¹. Гюссефельд беретса нарисовать карту малого фолио за четыре луидора

и заказать в Нюрнберге гравюру с нее примерно за два карolina. Если Вы полагаете, что это удовольствие стоит таких расходов, то я тотчас же сделаю необходимое распоряжение: ведь как-никак пройдет месяца два, пока карта будет готова. Моя статья может оказаться довольно любопытной, тем более что в последнее время сами теологи открыто выражают сомнения в истинности библейской хронологии и предполагают, что там всюду прибавлены годы для того, чтобы уравнять определенные циклы.

Посылаю Вам при сем Аристотеля, желаю, чтобы он доставил Вам много радости, и на сегодня заканчиваю.

Г.

Веймар, 3 мая 1797 года.

Посылаю Вам также вторую часть Вейвиля, а также «Дон Жуана», которого Вы просили. Мысль о романсе на сюжет последнего чрезвычайно удачна. Общеизвестная фабула, получившая новое освещение благодаря поэтической обработке в Вашем духе, будет иметь большой успех.

Желаю Вам счастья в новом жилище и постараюсь как можно скорее навестить Вас в нем.

Г.

311. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Я очень доволен Аристотелем, и не только им, но и самим собой: не так уж часто удается сохранить душевное спокойствие после общения со столь трезвым мыслителем и холодным законодателем. Аристотель — настоящий загробный судья для всех тех, кто либо рабски придерживается внешней формы, либо вообще не считается с какой бы то ни было формой. Первых он неизбежно должен привести к противоречиям благодаря широте и пронизательности своих воззрений, ибо ясно, насколько сущность для него важнее любой внешней формы; для вторых же страшна та взыскательность, с которой он выводит из природы поэтического произведения и в особенности из природы трагедии свою непоколебимую форму. Только теперь я вполне понимаю то неприятное положение, в которое он ставил французских комментаторов, поэтов и критиков, — ведь и они всегда испытывали страх перед ним, точно мальчишки перед розгой. Шекспир, хоть он на самом деле и сильно грешит против него,

однако гораздо лучше согласуется с ним, нежели вся французская трагедия.

И все же я очень рад тому, что не читал его раньше: я лишил бы себя большого удовольствия и всех тех выгод, которые он мне теперь приносит. Кто хочет читать его с пользой, должен иметь уже совершенно ясные представления об основных понятиях; опасно прибегать к его совету, не зная как следует предмета, который он излагает.

Но, конечно же, он не может быть ни понят, ни оценен в полной мере. Вся его система воззрений на трагедию покоится на эмпирической основе: у него перед глазами имелось множество представленных на сцене трагедий, которыми мы больше не располагаем; он рассуждал исходя из этого опыта, мы же лишены значительной части того базиса, на который опирались его суждения. Почти всегда его выводы определяют не понятия, но конкретные факты искусства, конкретные поэты, конкретные явления,— и если его суждения оказываются по самой своей сути подлинными законами искусства, то этим мы обязаны тому счастливому случаю, что в те времена возникали произведения искусства, которые конкретно реализовали некую идею или же представляли собой индивидуальный случай воплощения своего жанра.

Если искать у Аристотеля философию поэтического искусства в том виде, в каком ее можно по праву требовать от современного эстетика, то тут придется не только испытать разочарование, но и посмеяться над его рапсодической манерой, над странным беспорядочным смешением универсальных и более чем частных правил, над логическими, просодическими, риторическими и поэтическими положениями etc.,— как, например, там, где он доходит до гласных и согласных. Но если осознать, что он рассматривал отдельную трагедию и задавал себе вопросы обо всех тех элементах, которые в ней были представлены, то все объясняется с легкостью, и возникает необычайное удовлетворение от того, что здесь находят обобщение все элементы, из которых складывается поэтическое произведение.

Я несколько не удивляюсь тому, что Аристотель оказывает предпочтение трагедии перед эпической поэмой, ибо, как он полагает (хотя и не высказывается об этом достаточно недвусмысленно), подобный взгляд не наносит никакого ущерба самобытной и объективной поэти-

ческой ценности эпопеи. Его, как арбитра и эстетика, более всего должен удовлетворить такой род искусства, который обладает устойчивой формой и о котором можно вынести окончательный приговор. Именно такой случай, несомненно, и представлялся ему в трагедии, образцы которой находились перед ним; ведь более простая и более определенная задача драматического поэта оказывается более доступной для понимания и изложения и требует от разума более совершенной техники как раз в силу своей относительной краткости и меньшей широты. К тому же вполне очевидно, что предпочтение, оказываемое им трагедии, обусловлено более ясным ее пониманием и что относительно эпопеи он, в сущности, знает лишь общепозэтические законы, которые роднят эпопею и трагедию, но не специфические, которые противопоставляют их; поэтому-то он и мог сказать, что эпопея *содержится* в трагедии и что тот, кто способен судить о последней, может высказываться и о первой: ведь всеобщее прагматико-позэтическое начало эпопеи и в самом деле содержится в трагедии.

В этом сочинении Аристотеля есть множество явных противоречий, которые, однако, придают ему еще большую ценность в моих глазах; они подтверждают, что все в целом состоит лишь из отдельных *аргюс* * и что здесь не принимались в расчет никакие предвзятые теоретические представления; разумеется, кое-что следует отнести и за счет переводчика ¹.

Меня радует, что во время Вашего пребывания здесь мы сможем обсудить это сочинение в некоторых его деталях.

В трагедии он придает особое значение сцеплению событий ² — вот что значит попасть в самую точку.

Очень меня порадовало и то, что этот рассудочный человек при сравнении поэзии с историей признает большую истинность первой ³.

И еще весьма удачно то, когда он мимоходом, говоря о различных *мнениях*, замечает, что древние авторы вкладывали в уста своих персонажей больше *политики*, новые же — больше *риторики*.

Точно так же весьма справедливо то, что он говорит в защиту подлинных исторических имен у драматических персонажей.

* находок, удачных замечаний (*франц.*).

Я нисколько не нахожу, чтобы он оказывал такое сильное предпочтение Еврипиду, в каком его обычно обвиняют. Вообще же, прочитав теперь эту «Поэтику», я вижу, как чудовищно неверно его истолковывали.

Прилагаю только что полученное письмо Фосса. Он посылает мне также перевод «Фазтона» Овидия⁴ гекзаметрами для «Ор», что при великой моей détresse * придется весьма кстати. Сам он в своей поездке не посетит ни Веймар, ни Иену.

Что же касается карты к «Моисею», то, если Вы позволите, мы отнесем расходы на нее за счет сочинения Ленца, которое я велел поместить в пятом номере «Ор»⁵. Я обещал Котте, что ни один лист не обойдется ему дороже четырех луидоров; иначе ему трудно будет продолжать издание журнала. А так все отлично устроится. Позаботьтесь только о том, чтобы мы поскорее смогли отдать в печать «Моисея» вместе с гравюрой.

Экземпляр Аристотеля — Ваш собственный? Если нет, то я сейчас же выпишу его себе, мне бы не хотелось расставаться с ним так скоро.

Посылаю новые «Оры». Вместе с ними возвращаю с благодарностью «Дон Жуана». Думаю, что сюжет вполне подходит для баллады.

Будьте здоровы. Я совершенно привык уже к новому образу жизни — и в дождь и в ветер провожу много часов в прогулках по саду и прекрасно чувствую себя при этом.

III.

Иена, 5 мая 1797 года.

312. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я очень рад тому, что мы раскрыли Аристотеля в надлежащий момент. Но ведь обычно книгу только тогда и находишь, когда можешь понять ее. Прекрасно помню, как я тридцать лет тому назад читал этот же перевод — и, однако, ровно ничего не понял из смысла произведения. Надеюсь в скором времени снова побеседовать о нем с Вами¹. Экземпляр книги — не мой.

Фосс прислал мне очень милое письмо²; он сообщает о своих работах относительно географии у древних, и я жду их с нетерпением.

* нужде (франц.).

Как само письмо, так и надпись на пакете обещали мне несколько гомеровских карт, однако я не нашел их; быть может, они придут вместе с «Метаморфозами» Овидия.

На этих днях мне опять пришлось много пользоваться Фоссовым переводом Гомера, и я вновь не мог не оценить его высокого достоинства и не восхититься им. Мне пришел в голову один прием, который позволил бы нам великодушно воздать должное Фоссу, причем дело не обошлось бы без неприятностей для его вздорных оппонентов. Мы поговорим об этом при встрече.

С тем, чтобы употребить доход от мумии Ленца на изготовление карты Палестины, я вполне согласен. Однако я хотел бы подождать еще немного до тех пор, пока не увижу, что мой «Моисей» действительно будет закончен. Я уже совсем было освободился от мысли об Италии; теперь же, когда надежда опять оживает³, я вижу, сколь необходимо мне вновь заняться моими заметками, привести их в порядок и систематизировать.

15-го числа этого месяца я рассчитываю вновь оказаться у Вас и остаться на некоторое время; сегодня я все еще в очень дурном настроении из-за беспокойной недели. Будьте здоровы и наслаждайтесь свежим воздухом и одиночеством.

Г.

Веймар, 6 мая 1797 года.

313. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 10 мая 1797 года

Вчера мне помешали написать Вам хотя бы пару слов, и я делаю это сегодня.

Фосс и мне написал о географических картах, которые он собирается послать Вам, однако я не получил ни одной. Перевод из Овидия, присланный им¹, просто превосходен, очень точен и отмечен легкостью, отличающей мастера.

Жаль только, что из-за глупых распрей он воздерживается от поездки сюда. Не могу ему простить, что он предпочитает отсиживаться у своего Рейхардта в Гибихинштейне, чем приехать к нам.

Мне было бы любопытно услышать, каким образом Вы стали бы защищать его манеру перевода, — ведь здесь перед нами оказывается тот сложный случай, когда пре-

восходное еще нуждается в изучении, а скверное сразу же бросается в глаза.

Я буду очень огорчен, если Вы отложите своего «Моисея». Разумеется, возникает своеобразная коллизия между ним и итальянскими делами, однако, судя по тому, что Вы мне о нем говорили, Вам, как мне представляется, оставалось лишь продиктовать его.

Радуюсь Вашему приезду. Здесь, под открытым небом, мы так прекрасно сможем еще раз обсудить все наши дела. Будьте здоровы. Все мои сердечно Вам кланяются.

Ш.

314. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Примерно с неделю еще я буду очень занят тут делами, так как за это время многое должно решиться. Мне чрезвычайно хочется снова провести у Вас некоторое время, тем более что я теперь, к сожалению, опять пребываю в таком состоянии нерешительности, когда нет ни возможности, ни желания делать что-либо стоящее.

Я получил от Гумбольдта пространное и дружеское письмо¹ с несколькими удачными замечаниями относительно первых песен, которые он еще раз прочитал в Берлине. В понедельник² я отошлю четыре следующие и приеду в Иену, чтобы закончить последнюю. Заключение мира и мне пошло на пользу, так что благодаря этому моя поэма приобретает бóльшую целостность.

Надеюсь найти Вас в Вашем саду жизнерадостным и деятельным. Будьте здоровы. Из-за нынешней моей беспокойной обстановки я не могу изложить на бумаге многое из того, что хотелось бы сказать.

Г.

Веймар, 13 мая 1797 года.

315. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Просто прекрасно, что поэму, начатую здесь, Вы здесь и закончите. Еврейское предместье¹ может гордиться этим. Я заранее уже радуюсь не только поэме, но и тому прекрасному расположению духа, которое принесет Вам работа и ее завершение.

То, что Вы приедете неделей позже, позволит Вам избежать величайшей грязи в моем доме, так как я вынужден был решиться укрепить фундамент дома со сто-

роны сада, и сегодня эти работы начались. Собственно говоря, до сих пор лишь новизна обстановки могла сделать для меня привлекательной жизнь в садовом доме, ведь либо погода была неблагоприятной, либо строительство лишало меня покоя. Но вообще мне здесь хорошо, и к работе я тоже постепенно начинаю привыкать.

Вы уже прочитали критику Шлегеля на Шлоссера²? Хотя в основе своей она не так уж несправедлива, однако тут слишком явственно проглядывают недоброжелательность и партийность. Как-то уж слишком далеко заходит дело с этим господином Фридрихом Шлегелем. Недавно, например, он рассказывал Александру Гумбольдту, что рецензировал «Агнес фон Либиен» в журнале «Германия» и обошелся с ней весьма сурово. Теперь же, узнав, что автор ее — не Вы, он, мол, сожалеет, что отнесся к ней столь строго³. Этот дуралей полагает, стало быть, что обязан проявлять заботу о том, как бы не испортился Ваш вкус. И это бесстыдство сочетается у него с таким невежеством и легкомыслием, что он и в самом деле принял упомянутый роман за Ваше произведение.

Болтовня о «Ксениях» все еще продолжается; я постоянно обнаруживаю извещения об изданиях, в которых обещают статью или что-нибудь в этом роде против «Ксений». Недавно я нашел такую статью в журнале под названием «Летопись страждущего человечества»⁴.

Прошу Вас не забывать об окончании «Челлини», и, быть может, покопавшись в Ваших бумагах, Вы найдете еще что-нибудь для «Ор» или для альманаха?

Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам сердечный поклон.

Ш.

Иена, 16 мая 1797 года.

316. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Мне очень жаль, что Вам приходится так много терпеть от строительных работ поблизости! Это тяжкое испытание, но вместе с тем и приятное времяпрепровождение (я имею в виду близость работающих ремесленников). Хотелось бы, чтобы все эти обстоятельства не слишком отвлекали Вас.

Я стараюсь как можно больше привести в порядок дела, чтобы заслужить несколько всецело свободных не-

дель и, если удастся, обрести настроение, необходимое для окончания поэмы. Со всей прочей милой немецкой литературой я распрощался начисто. Почти во всех суждениях господствует личное доброжелательство или недоброжелательство, а партийное фиглярство для меня гораздо противнее любой другой карикатуры.

С тех пор как во мне вновь ожила надежда увидеть обетованную, хотя и очень терзаемую ныне страну¹, я нахожусь в дружбе со всем миром и более чем когда-либо убежден, что в теории и на практике, а в нашем особом случае — в науке и в поэзии, — следует стремиться ко все большему согласию с самим собой и сохранять это согласие. А все прочее пусть себе идет своим путем.

Постараемся же и мы, пока находимся друг подле друга, сообщить нашему двуединству еще большую гармонию, чтобы даже самое длительное расставание ничего не смогло бы изменить в наших отношениях.

За окончание «Челлини» я примусь в Иене тотчас же по приезде; быть может, найдется и еще что-нибудь, а, быть может, наши беседы вдохнут новую жизнь в «Моисея». Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей милой жене и наслаждайтесь свежим воздухом, который рано или поздно одарит Вас хорошим расположением духа.

Г.

Веймар, 17 мая 1797 года.

317. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я начинаю уже до такой степени привыкать к своему уединенному существованию в замке и библиотеке, что могу лишь с трудом выбираться во внешний мир, и дни мои подле Бюттнеровских ларов¹ протекают хотя и незаметно, но небесполезно. В семь часов я иду в концерт, а затем к Лодеру; таким образом, сегодня я не увижу ни Вас, ни приветливого неба. Погода обещает установиться надолго, так как барометр поднялся.

Я уже подумал и о вступлении к нашей «Цветочнице»². Делу можно помочь, как мне кажется, двойным заголовком и двойным титульным листом, причем на внешнем листе, обычно называемом шмуцтитулом, читателю сразу должна бросаться в глаза выдержка из Плиния. Я тотчас же закажу для Вас соответствующую копию.

При сем Вы получите также маленькое стихотворение³; хотелось бы, чтобы оно пришлось Вам по душе.

и доставило удовольствие. Мне живется так хорошо во всех отношениях, что мудрость Петрарки имела бы все основания прочитать мне обширную проповедь.

Г.

[Иена,] 23 мая 1797 года.

318. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] 23 мая 1797 года

Благодарю Вас за Вашу милую записку и за стихотворение. Ему присуща такая образцовая красота, полнота и законченность, что я всецело ощутил здесь, как небольшое произведение и простая мысль могут доставить высочайшее наслаждение благодаря совершенству воплощения. Оно закончено во всем, вплоть до мельчайших деталей размера. К тому же эта маленькая вещица позабавила меня тем, что позволила увидеть, в какой именно духовной атмосфере Вы находились: ведь стихотворение так поистине прекрасно в сентиментальном отношении!

Желаю Вам спокойной ночи после приятного вечера, и пусть муза, сопровождающая Вас днем, когда Вы бодрствуете, посетит Вас ночью в той же, но телесной красоте.

Ш.

319. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю Вам копию квитанции и прилагаю также листок с подсчетами¹, который, однако, прошу вернуть мне. Если Вы сможете сказать мне, сколько мне причитается, буду очень рад.

Два крепких малых, Моисей и Челлини, одновременно нанесли мне сегодня визит; когда видишь их друг подле друга, они обнаруживают поразительное сходство. Согласитесь, что это такая параллель, которая даже Плутарху не пришла бы в голову. Желаю Вам всех благ в этот чуть более сносный день.

Г.

Иена, 27 мая 1797 года.

320. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 27 мая 1797 года]

Нынешний день действительно хорош; он призывает к сосредоточенности и к работе. Моисей в том виде, в

каком Вы его восприняли, и в самом деле не так уж непохож на Челлини, однако параллель эту сочтут ужающей.

Возвращаю Вам листок с подсчетами. Деньги я лучше сам вручу Вам, сумма слишком велика.

Будьте здоровы.

Ш.

321. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Возвращаю при сем с благодарностью Ваш поистине театральный кошель. Раздавать пожертвования из такого не часто удается драматическим писателям, я полагаю.

Я велел также заверить счет, приложив к нему и Ваш в копии, и все подписал; таким образом, итоги года подведены. Я хотел бы только получить *квитанцию от Эшера* или заверенную копию с нее на уплаченные 200 лаубталеров, потому что это понадобится мне при расчетах с Мейером¹.

Гернинг, по-видимому, принял дело всерьез; он сообщает, что на Троицу собирается ехать в Италию².

Бёттигер приедет завтра и останется на несколько дней. Теперь от Вас зависит, когда ему можно будет наконец посетить Ваши владения.

Сегодня я не буду иметь удовольствия видеть Вас; днем я не решаюсь выходить из дома, вечером же приглашен на одно празднество.

От повторного чтения пролога³ у меня осталось очень хорошее и надлежащее впечатление, однако такая затрата сил для одной-единственной драмы была бы слишком велика. Раз уж Вы благодаря особому стечению обстоятельств уже отработали исторически и поэтически этот период времени, то теперь в Вашем *индивидуальном* распоряжении находится то, что обычно приходится высматривать далеко от себя, — свой собственный цикл, в который Вы сможете при желании вводить различные частные обстоятельства и благодаря которому Вам на протяжении всего Вашего поэтического поприща удастся избавиться от необходимости разрабатывать ту или иную экспозицию.

Вы недавно уже высказали подобную мысль, а теперь она настоятельно напрашивается и мне.

Прилагаю к сему еще и стихотворение⁴, которое также относится к определенному кругу событий. Будьте здоро-

вы и наслаждайтесь вечером, который обещает быть прекрасным.

Г.

Иена, 28 мая 1797 года.

322. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 29 мая 1797 года

Надеюсь, что Вы смогли выспаться как следует после вчерашнего пикника. Визит Миньоны очень меня обрадовал; продолжайте же сохранять связь с этой личностью, которая позволяет прочувствовать и выразить так много, как никакая другая. Для моей жены удобнее всего было бы, чтобы визит Бёттигера пришелся на завтрашний вечер. Если Гернинг едет уже так скоро, то, стало быть, и Ваша поездка надвинется на Вас раньше, чем Вы предполагали, — и что тогда будет с «Уранией»¹? И с остальными Вашими поэтическими и библейскими планами?

Ш.

Будьте здоровы. Мы ведь увидим Вас сегодня вечером?

323. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Прилагаю «Уранию». Пусть же те Девять, которые до сих пор поддерживали нас, помогут нам и в блужданиях в сфере эпоса.

Мои сочинения в хороших переплетах, предназначенные для Бойе¹, уже лежат у меня здесь; мне осталось только написать письмо и отправить все это, упаковав хорошенько. Будьте так любезны сообщить мне его адрес.

Прилагаю также рисунок для обложки «Альманаха Муз». Очевидно, замысел состоит в том, что гравюра будет напечатана на цветной бумаге и что огоньки будут выделены золотом. Хотелось бы, чтобы за работу взялся искусный гравер, который проявит должное понимание и добьется желательного эффекта даже и без этой акцентировки.

Я попрошу Вас вернуть мне песню тотчас же по прочтении, так как собираюсь отослать ее побыстрее. Будьте здоровы и плодотворно используйте нынешний прекрасный день.

Г.

[Иена,] 3 июня 1797 года.

324. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю Вам статью Шлегеля¹. В целом, как мне кажется, она удачно задумана и удачно написана; я отметил некоторые места, с легкостью поддающиеся улучшениям; сделайте, пожалуйста, то же самое, и если я смогу захватить ее с собой сегодня вечером, то завтра же вместе со Шлегелем сделаю все исправления, и в понедельник Вы будете иметь возможность утолить нынешний голод этим завтраком, а также куском Челлини. Будьте здоровы и утопите как можно скорее Вашего ныряльщика². Так как я своих героев бросаю в огонь и извлекаю из огня³, то неплохо, что Ваш герой выбрал себе противоположную стихию.

Г.

[Иена,] 10 июня 1797 года.

325. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

В пустыне Сатана предстал
Иисусу на пути
И, камень протянув, сказал:
«В хлеб камень преврати!»
Тебе собрание камней
Твой друг в подарок шлет
И новых множество идей
В ответ на это ждет*.

Иена, 13 июня 1797 года.

326. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю Вам остаточек «Челлини»¹ и «Цветочницу»², а взамен прошу «*Dame des Belles Cousines*»³, к которой невесть почему питаю особую склонность. Кроме того, посылаю еще альманах, в котором находится «Достоинство женщин»⁴, — с какой целью, отгадать трудно.

Барометр по-прежнему стоит низко и вынуждает нас пребывать в домашнем уюте. Я приду во второй половине дня, но не надолго, так как, к сожалению, сегодня не смогу принять участие в *светлой вечере*.

Г.

[Иена,] 13 июня 1797 года.

* Пер. Л. Цывьяна.

327. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

К сожалению, сегодня я не увижу Вас: дождь и необходимость быть сегодня вечером в клубе до некоторой степени одетым мешают мне совершить мое обычное паломничество.

Посылаю Вам исправленную статью Шлегеля¹ для использования по Вашему усмотрению и желаю благополучного завершения «Ныряльщика».

Сегодня утром я взялся за «Амлета» Саксона Грамматика²; к сожалению, рассказ этот нельзя использовать, если он не пройдет через сильный очистительный огонь; но если переработать его должным образом, он окажется весьма занятным и, в сравнительном отношении, весьма любопытным.

Барометр по-прежнему не намерен подниматься, а небо без него, своей собственной властью, не желает, по-видимому, даровать нам хорошую погоду. Будьте здоровы.

Г.

[Иена,] 14 июня 1797 года.

328. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылая этот минералогический подарок¹, вынужден, к сожалению, одновременно сообщить Вам, что меня вызывают в Веймар и что я уеду сегодня вечером. В любом случае я успею еще зайти к Вам на минутку; прошу вернуть с посыльным обе книги о рыбах.

Г.

[Иена,] 16 июня 1797 года.

329. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 18 июня 1797 года

С тех самых пор как Вы уехали, я предчувствую то великое одиночество, в которое повергнет меня Ваш окончательный отъезд. К счастью, погода теперь мне благоприятствует, и я могу подолгу оставаться на свежем воздухе. Тем временем я занимался Вьейвилем¹, ибо «Часы»² не ждут; однако я и стихотворствовал понемногу: написал небольшую параллель к «Ныряльщику»³, к чему меня подстрекнул один анекдот из «Essy sur Paris» * Сен-Фуа. Предвкушаю теперь радость поэтической работы и надеюсь кое-что сделать в ближайшие два месяца.

Решение относительно того, поедете ли Вы только в Швейцарию или отправитесь дальше, важно и для меня,

* «Очерк о Париже» (франц.).

и я ожидаю его с нетерпением. Чем больше дружеских связей обрывается, тем сильнее оказывается влияние немногих сохраняющихся, а самое решающее воздействие имеет на меня Ваше живое присутствие. Последние четыре недели помогли мне многое воздвигнуть и укрепить в себе. Вы все больше отучаете меня от склонности идти от общего к индивидуальному (склонности, недопустимой в любой практической, а особенно поэтической деятельности) и, напротив, указываете мне путь от частных случаев к великим законам. Круг, из которого Вы исходите, обычно мал и тесен, но я выхожу из него на простор, и это оказывает благотворное воздействие на все мое существо; предоставленный же самому себе, я предпочитаю следовать путем, который всегда ведет меня от простора к ограниченности и заставляет испытывать неприятное чувство, ибо в конце его я вижу себя беднее, чем в начале.

От Гумбольдта я все еще не имею никаких известий; он, по-видимому, еще не прибыл в Дрезден, поскольку и Кёрнер ничего не смог сообщить мне о нем. Тот господин фон Зенф, о котором писал Вам Кёрнер⁴, в наши края не приедет: что-то его задержало.

Сегодня вечером моя жена уехала на несколько дней в Веймар вместе с Вольцогеном, побывавшим здесь. Что же касается меня, то в течение всей этой недели Вьейвиль не оставит мне времени для других занятий.

Не забудьте же прислать мне хор из «Прометея»⁵. Будьте здоровы. Я с нетерпением жду вестей от Вас.

Шиллер

330. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

При нынешней дождливой погоде из Вашего замка открывается, должно быть, весьма пустынный вид, однако такая широкая панорама, когда земля и небо предоставляют нам самые разнообразные зрелища, гораздо ценнее, чем думают обычно те, кто наслаждаются этим ежедневно. Желаю Вам при этом внешнем ограничении счастливого продвижения вперед в Ваших работах.

В «Перчатке» чрезвычайно удачный сюжет и отлично удавшееся исполнение; впредь нам следует тотчас же использовать подобные сюжеты, едва они придут в голову. Здесь воплощается исключительно *чистое деяние*, без цели, или, точнее, с извращенной целью, что доставляет нам особое удовлетворение.

В эти дни я брался за многое и ничего не сделал. Систематизировал полнее и лучше историю собора святого Петра¹, но этой работе, подобно «Моисею» и другим, следует еще постепенно дозреть. Я должен по возможности лучше использовать нынешнее время, когда из-за неопределенности моего положения я не могу сосредоточиться на чем-либо одном — до тех пор пока вновь не обрету единства.

Хора из «Прометей» я не нахожу и не могу также припомнить, чтобы я получил его обратно от Гумбольдта; поэтому я и думал, что это стихотворение находится уже в Ваших руках. В любом случае госпожа фон Гумбольдт переписала его, и, следовательно, его легко можно будет получить из Дрездена.

Позавчера я посетил Виланда, который живет в очень славном, просторном и благоустроенном доме, но в самой что ни на есть печальной местности²; к тому же дорога туда по большей части очень плоха. Счастье, что каждому обычно нравятся лишь свои условия жизни, и я бы хотел, чтобы славному старику никогда не опротивели его условия! Хуже всего, по-моему, то, что в дождливую погоду и в короткие зимние дни здесь немислимо какое бы то ни было общение с другими людьми.

Мое положение, когда я постоянно колеблюсь в выборе то близкого, то далекого, то большого, то малого путешествия, в настоящий момент не слишком-то отрадно, а мне предстоит оставаться в таком положении еще несколько недель. Если мне удастся залучить назад нашего милого Мейера к Михайлову дню, то наша жизнь зимою примет более благоприятный оборот. За последние четыре недели мы с Вами, действительно, намного продвинулись вперед в теоретическом и практическом отношениях, и если я, в соответствии со своим характером, и удерживаю Вас в ограниченных пределах, то зато благодаря Вам приобретаю то преимущество, что порою уношусь за пределы своих границ или по крайней мере не топчусь так долго на одном и том же узком клочке пространства. Если к тому же сюда прибудет и старый мастер, который одарит меня богатством чужеземного искусства, то в хороших влияниях недостатка, конечно, не будет. Возвращаю «Перчатку», которая действительно представляет собой удачную параллель и антитезу к «Нырлящику» и которая своими собственными достоинствами

еще более усиливает достоинства последнего стихотворения. Будьте здоровы и поскорее дайте знать о себе.

Веймар, 21 июня 1797 года.

Г.

331. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поскольку мне, в нынешнем моем беспокойном состоянии, крайне необходимо заняться чем-либо, то я и решил обратиться к «Фаусту»¹ и если не закончить, то хотя бы значительно продвинуть его вперед. При этом я снова разложу на составные части то, что уже было напечатано, и распределю это вместе с тем, что уже закончено или задумано, по крупным разделам,— с той целью, чтобы подойти ближе к осуществлению плана, который пока что, в сущности, представляет собой лишь идею. Именно этой идеей и ее воплощением я и занялся теперь и обрел благодаря этому некоторое согласие с самим собой. И все же я хотел бы теперь, чтобы Вы были так добры обдумать все это в одну из бессонных ночей и изложить мне Ваши требования ко всему произведению в целом и, таким образом, в качестве истинного пророка рассказали и истолковали мне мои сновидения.

Поскольку разные части этой поэмы могут быть, в зависимости от настроения, разработаны по-разному (лишь бы они были подчинены при этом духу и тону целого) и поскольку вся эта работа субъективна, то я смогу трудиться над ней урывками и поэтому окажусь в состоянии выполнить кое-что даже и теперь.

На этот мгlistый и туманный путь меня вернули наши занятия балладами, а нынешние мои обстоятельства во многих отношениях способствуют тому, чтобы блуждать здесь еще некоторое время.

Быть может, то, что представляет интерес в моем новом эпическом плане², несколько рассеется в этом тумане рифм и строф, так что нам в некоторой степени еще предстоит заняться дистилляцией. А пока что желаю Вам всего наилучшего! Карл³ очень развлекался вчера в моем саду, несмотря на дурную погоду. Я был бы очень рад увидеть сегодня вечером у себя Вашу милую жену, если только она еще осталась здесь, а также Ваших родственников. Почему бы и Вам не решиться как-нибудь снова измерить иенское шоссе? Но, разумеется, я пожелал бы Вам для подобной экспедиции более удачных дней.

Веймар, 22 июня 1797 года.

Г.

332. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 23 июня 1797 года

Ваше решение приступить к «Фаусту» просто поразило меня, и в особенности потому, что Вы снаряжаетесь теперь в путешествие по Италии. Но я раз навсегда дал себе зарок не подходить к Вам с мерками обычной логики и поэтому заранее убежден, что Ваш гений найдет прекраснейший выход из сложившейся ситуации.

Ваше предложение поделиться с Вами моими ожиданиями и пожеланиями не так-то легко исполнить; однако я постараюсь, насколько это окажется в моих силах, отыскать Вашу руководящую нить, а если и из этого ничего не выйдет, то я воображу, будто я случайно обнаружил фрагменты «Фауста» и должен теперь развить их. Предварительно замечу только, что «Фауст», то есть сам сюжет как таковой, при всей своей поэтической индивидуальности не может совершенно отвести от себя требования символической значимости, в чем, вероятно, заключается и Ваш собственный замысел. Здесь постоянно приходится помнить о двойственности человеческой природы и о тщетном стремлении соединить в человеке божественное и природное начала, а поскольку фабула становится и не может не становиться яркой и бесформенной, то необходимо не задерживаться на сюжете, а вести от него к идеям. Короче, требования к «Фаусту» являются одновременно и философскими, и поэтическими, так что сама природа сюжета приведет Вас к его философскому истолкованию, как бы Вы ни уклонялись от этого, и воображение здесь должно будет приспособиться к служению некой рациональной идее.

Впрочем, я едва ли сообщаю Вам здесь что-либо новое, ибо в законченных фрагментах Вы уже начали в высшей степени удовлетворять это требование.

Если Вы теперь действительно приступите к «Фаусту», то я не сомневаюсь и в его полном завершении, и это меня чрезвычайно радует.

Моя жена, доставившая мне Ваше письмо и только что вернувшаяся домой из своего маленького путешествия с господином Карлом, не дает мне написать сегодня побольше. В понедельник я надеюсь послать Вам новую балладу¹; теперь как раз подходящее время для воплощения идей. Будьте здоровы.

Ш.

333. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Благодарю Вас за Ваши первые слова относительно вновь воскресающего «Фауста». Мы, надо думать, не разойдемся во взглядах на это произведение, но ведь совсем иное расположение к работе чувствуешь в тот момент, когда твои мысли и предположения характеризуются еще и извне, а Ваше участие тут благотворно во многих отношениях.

То, что я взялся сейчас за это произведение, является, по сути дела, актом благоразумия, поскольку состояние здоровья Мейера¹ по-прежнему заставляет предполагать, что мне придется провести зиму на севере, а поскольку я не хотел бы быть в тягость друзьям из-за огорчения по поводу несбывшейся надежды, то я и готовлю себе с любовью и охотой некое отступление в этот мир символов, идей и видений.

Я рассчитываю вначале лишь заканчивать уже задуманные и наполовину обработанные большие разделы и постепенно соотносить их с тем, что уже напечатано, и собираюсь продолжать так до тех пор, пока этот круг не будет исчерпан сам собой.

Будьте здоровы, продолжайте высказывать мне свои мысли относительно сюжета и его истолкования и пришлите мне, пожалуйста, балладу.

Г.

Веймар, 24 июня 1797 года.

334. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 26 июня 1797 года

Если я правильно понял Вас в последнюю нашу встречу, то Вы собираетесь воплотить идею Вашей новой эпической поэмы, то есть «Охоты», в форме рифмованных строф. Я забыл в тот раз коснуться этого, однако сама идея мне ясна, и я даже думаю, что уже одна она послужит серьезной предпосылкой для того, чтобы эта новая поэма могла занять достойное место рядом с Вашим «Германом». Не говоря уже о том, что сам замысел поэмы совершенно соответствует духу новой поэзии и, следовательно, требует для своего воплощения популярной ныне строфической формы, новая метрическая форма вообще исключает возможность соперничества или сравнений, она внушает как читателю, так и поэту совершенно иное настроение: это — концерт для совершенно иного инструмента.

И в то же время произведение это приобретает некоторые права романтической поэмы, не будучи таковой по сути дела; оно обретает возможность прибегать если не к чудесному, то по крайней мере к странному и поразительному, так что и история со львами и тиграми, всегда казавшаяся мне необычной, теперь уже несколько не поражает меня. А от владетельных особ и охотников уже рукой подать до рыцарских фигур, да и вообще всему тому миру знати, с которым Вам приходится иметь дело в этой поэме, присуще нечто северогерманское и феодальное; поэтому греческий мир, о котором неизбежно напоминает гекзаметр, несколько далек от этого сюжета, меж тем как средневековые и новое время, а следовательно, и современная поэзия, по праву могут претендовать на него.

Я перечитал недавно «Фауста», и у меня просто голова закружилась при мысли об его развязке. И это вполне естественно, поскольку все дело тут зависит от концепции, а до тех пор, пока ее нет, даже не столь обильный материал неизбежно повергает ум в смятение. Опасения у меня возбуждает то, что «Фауст» по самой своей сути требует, как мне кажется, абсолютной целостности материи, поскольку в конце здесь должна быть реализована идея; что же касается меня, то я не вижу такого поэтического обруча, который удержал бы эту бурлящую массу. Ну да Вы сами сумеете помочь себе.

Так, например, Фауста следует, на мой взгляд, ввести в сферу деятельной жизни, а между тем, что бы Вы ни выбрали из такого обилия, оно в силу самой своей природы потребует, как мне кажется, слишком большой обстоятельности и широты.

Что же касается манеры изложения, то тут мне представляется чрезвычайно затруднительным достижение счастливого равновесия между шуткой и серьезностью; как мне кажется, разум и рассудок борются в этом сюжете не на жизнь, а на смерть.

При нынешнем фрагментарном состоянии «Фауста» это чувствуется очень сильно, хотя ожидания возлагаются на развязку в целом. Дьявол благодаря своему реализму прав с позиций разума. Фауст же оправдан перед сердцем. Пороку кажется, однако, будто они меняются ролями и дьявол в споре с Фаустом берет рассудок под свою защиту.

Еще одно затруднение я вижу в том, что дьявол своим характером (который реалистичен) отрицает свое собственное существование (которое идеалистично). Только разум может поверить в него; и только рассудок может принять и понять его таким, каким он здесь представлен.

Вообще же я с нетерпением ожидаю того, как народное предание приспособится к философской части целого.

Посылаю при сем мою балладу. Это — антитеза к Вашим «Журавлям»¹. Напишите мне, пожалуйста, как обстоят дела с барометром; мне хотелось бы знать, можем ли мы наконец рассчитывать на устойчивую погоду. Будьте здоровы.

III.

335. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

«Перстень Поликрата» очень хорош. Друг царя, на глазах у которого, так же, как и у слушателей, происходит все действие, а также конец, который оставляет развязку где-то *in suspensa* *, — все это очень хорошо. Я бы хотел, чтобы моя антитеза так же удалась мне! Ваши замечания относительно «Фауста» очень меня порадовали. Они, как и следовало ожидать, совершенно совпадают с моими собственными намерениями и планами, но только я облегчаю себе работу над этой варварской композицией и предполагаю скорее приблизиться к наивысшим требованиям, нежели разрешить их. Так что пусть разум и рассудок, подобно двум бретерам, схватываются в ожесточенном поединке, но вечерами отдыхают вместе самым дружелюбным образом. Я позабочусь о том, чтобы отдельные части оказались приятными и занимательными, но вместе с тем давали пищу для размышлений; что же касается всего произведения в целом, которое неизменно останется неким фрагментом, то тут мне сможет помочь ваша новая теория эпической поэмы.

Барометр непрерывно колеблется, так что в это время года нам нечего рассчитывать на устойчивую погоду. Подобное неудобство ощущаешь лишь тогда, когда испытываешь потребность в безмятежном существовании под открытым небом; все-таки наилучшим временем у нас является осень.

* в неопределенности (латин.).

Будьте здоровы и продолжайте усердно снаряжать в путь Ваш альманах. Поскольку мой «Фауст» удерживает меня в мире рифм, то, уж наверно, я представлю Вам еще что-нибудь; теперь и мне кажется несомненным, что мои тигры и львы подходят к этой форме, и я только побаиваюсь, как бы все подлинно занимательное в этом сюжете не вылилось бы под конец в балладу. Но посмотрим, к какому берегу повлечет гений наше суденышко.

«Перстень» я пошлю Вам в среду с посылкой.

Г.

Веймар, 27 июня 1797 года.

336. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 27 июня 1797 года

Прилагаю два стихотворения¹, присланные мне вчера для альманаха. Взгляните на них, пожалуйста, и сообщите мне в двух словах, как Вам нравятся эти вещи и чего Вы ждали бы от автора. Я не в состоянии судить должным образом о произведениях, написанных в такой манере; между тем как именно в этом случае мне хотелось бы иметь ясное мнение, потому что мой совет и указания окажут влияние на автора.

Будьте здоровы. Здесь пасмурно и дождливо, и нынешний день породил немногое.

Ш.

337. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

К обоим присланным мне стихотворениям, которые при сем возвращаются к Вам, я отнесся не слишком неблагосклонно, и в публике они, наверно, найдут друзей. Разумеется, африканская пустыня и Северный полюс не даны ни в чувственном, ни во внутреннем восприятии; они изображены, скорее, через отрицание — и все же, вопреки намерениям автора, они недостаточно контрастируют с приветливым немецким ландшафтом на заднем плане. Точно так же и другое стихотворение выглядит скорее естественноисторическим, нежели поэтическим произведением, и напоминает одну из тех картин, на которых все звери собрались в раю вокруг Адама. В обоих стихотворениях выражены тихие стремления души, легко находящие удовлетворение, у поэта светлый взгляд на природу, с которой, однако, он знаком, по-видимому, лишь

понаслышке. Некоторые яркие картины поражают, хотя, например, «кипящий лес» в качестве образа, негативно оттеняющего пустыню, представляется мне не слишком-то удачным¹. В отдельных выражениях, равно как и в стихотворных размерах, еще можно было бы сделать некоторые исправления.

Но не посмотрев еще нескольких его работ, по которым можно было бы судить о других его *poems* * и талантах к стихотворениям другого рода, не знаю, что ему посоветовать. Я мог бы сказать, что в обоих стихотворениях чувствуются неплохие задатки поэта, но ведь сами по себе они еще не создают поэта. Пожалуй, лучше всего ему было бы избрать какой-нибудь совсем простой идиллический случай и изобразить его; тогда было бы виднее, насколько ему удастся воплощение человека, а ведь к этому в конце концов все и сводится. Я полагаю, что «Эфир» неплохо подойдет для альманаха, а «Странник» при случае вполне может быть напечатан в «Орах».

«Перстень», который я возвращаю при сем, производит прекрасное впечатление и при повторном чтении; он даже кажется еще лучше, как это и должно быть со всяким значительным стихотворением, вовлекающим нас в то настроение, которое не сразу овладело нами, когда мы слушали или читали его в первый раз.

Будьте здоровы, несмотря на эту дождливую погоду, неблагоприятную не только для обитателей садов, но и для сенокоса.

Г.

Веймар, 28 июня 1797 года.

Чрезвычайно благодарен Вам за грибы.

338. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 30 июня 1797 года

Меня радует, что Вы не слишком неблагоприятно отнеслись к моему другу и подопечному. То, что в его работах заслуживает порицания, сразу же бросилось мне в глаза, но я не вполне был уверен, выдержит ли испытание то хорошее, что, как мне казалось, также есть в них. Откровенно говоря, я нашел в этих стихотворениях многое от моего собственного прежнего облика, и уже не в первый раз их автор напоминал мне меня самого.

* возможностях (франц.).

Он отличается крайней субъективностью в сочетании с определенным философским складом ума и глубокомыслием. Его состояние внушает опасения, ибо таким натурам очень трудно оказать помощь. Тем не менее, сравнивая эти новые произведения с его прежними работами, я обнаруживаю признаки известного улучшения; короче говоря, это — Гёльдерлин, которого Вы несколько лет тому назад видели у меня¹. Я бы не стал заботиться о нем, если бы только нашел какую-нибудь возможность вывести его из состояния, при котором он ограничивается своим собственным обществом, и подчинить чьему-либо благотворному и длительному воздействию извне. Он живет теперь в одном купеческом доме во Франкфурте в качестве домашнего учителя, так что в сфере вкуса и поэзии он предоставлен самому себе и в этом положении поневоле будет все больше уходить в себя.

Наша поэтесса Мери сделала мне теперь очень приятный подарок для «Ор», действительно поразивший меня. Это начало романа в письмах², написанных с гораздо большей ясностью, легкостью и простотой, чем я когда-либо мог ожидать от нее. Она начинает теперь избавляться от недостатков, которые я считал в ней совершенно неискоренимыми, и если она и дальше будет идти по этому благому пути, то мы еще можем чего-то ждать от нее. Но я и в самом деле не могу не удивляться тому, как наши женщины посредством совершенно дилетантских методов ухитряются приобрести определенную писательскую сноровку, которая довольно близка к искусству.

Не известен ли Вам своими переводами из Каллимаха некий *Альвардт*³, ректор в Анкламе? Он предлагает свои услуги «Орам», ссылаясь на Фосса, который адресовал его ко мне. Он переводит с древних и новых языков, и в «Меркурии» за 1795 год должны быть некоторые его переводы из Еврипида и Овидия, а также из Камозэнса. Если Вы увидите Бёттигера, то будьте так добры расспросить его об этом субъекте и раздобыть через него для нас эти номера «Меркурия». Он предлагает мне «Геро и Леандра»⁴ и несколько переводов с английского, и я был бы рад, если бы смог воспользоваться его предложениями.

Хотелось бы, чтобы те два довольно ясных дня, которыми мы снова смогли насладиться, оказались для Вас

более плодотворными, чем для меня. Мои спазмы вот уже несколько дней как усилились снова и лишили меня сна. Я собирался поразмыслить о «Фаусте», однако дьявол in natura не позволил явиться дьяволу поэтическому.

Будьте здоровы.

Ш.

Я припоминаю кое-что из описания путешествия по Северной Америке, принадлежащего Томасу Карверу⁵, и мне кажется, что быт этих первобытных племен удачно подошел бы для изображения в песне. Но для этого мне нужно было бы еще раз проглядеть книгу этого Карвера. Быть может, она есть у Фойгта, у которого есть множество описаний путешествий и который, вероятно, не откажется прислать ее мне в какой-нибудь из почтовых дней.

339. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Теперь и я признаюсь Вам, что кое-что в этих стихотворениях напомнило мне Вас; разумеется, нельзя не заметить в них подобного же направления, однако они не обладают ни полнотой, ни силой, ни глубиной Ваших произведений. Тем не менее положительной чертой этих стихотворений являются, как я уже говорил, известная пленительность, задушевность и сдержанность, и автор, несомненно, — тем более что Вы и прежде поддерживали с ним отношения, — заслуживает, чтобы Вы направляли его и руководили им.

Наши женщины¹ достойны хвалы, коль скоро они продолжают совершенствоваться посредством наблюдений и упражнений. В конце концов, у всех современных художников есть только этот путь. Тут нет никакой теории (по крайней мере общепонятной), нет никаких непреложных образцов, представляющих отдельный жанр в целом, — и, следовательно, каждому приходится совершенствовать свою бедную индивидуальность посредством сопереживания, подражания и усиленных упражнений.

Надворный советник Гирт² находится сейчас здесь; для меня он во многих отношениях явление необычное. Памятники древнего и нового искусства прекрасной страны, которые он видел еще не потревоженными, живо стоят перед его взором, и он, будучи человеком мыслящим, отлично умеет систематизировать и оценивать все явления эмпирического порядка — так, например, он прекрасно судит об архитектуре, которая, собственно, и является его специальностью. Известную идею о как бы

символическом перенесении развитых принципов деревянных конструкций в каменное зодчество он прослеживает самым замечательным образом и при этом может обосновать целесообразность отдельных элементов как в практическом, так и в эстетическом отношении. Он обладает обширными сведениями и по части других искусств, однако в том, что касается собственно эстетических суждений, он, разумеется, нисколько не продвинулся вперед с тех пор, как мы его покинули, да и в отношении антикварных знаний он не может сравниться с Бёттигером, поскольку не обладает ни широтой, ни интуицией. В целом же его общество очень приятно для меня, потому что он человек живой и любезный, серьезный, но не докучливый. Для своих лекций по архитектуре он заказал множество рисунков, на которых верное и ошибочное сопоставляются самым наглядным образом.

О новом сотруднике ³, равно как и о книге Карвера, я наведу справки.

Прилагаю листок с перечнем других книг, который прошу подписать, а два предыдущих вернуть мне ⁴.

Я быстро продвинул вперед моего «Фауста» в отношении схемы и общего плана, однако ясное искусство архитектуры опять спугнуло воздушных призраков. Теперь нужен лишь один спокойный месяц, и тогда, ко всеобщему изумлению и ужасу, произведение внезапно появится из-под земли, точно большое семейство грибов. Если из моего путешествия ничего не выйдет, то я возложу все мои упования на этот фарс. Теперь я снова отдаю в переписку все напечатанное, разделив его на части, потому что благодаря этому новое гораздо легче сможет срастись со старым.

О Мейере за это время я ничего не слышал. Пришло семь листов моей поэмы, содержащих пять первых песен и половины шестой ⁵. Будьте здоровы и не забывайте меня. Веймар, 1 июля 1797 года.

Г.

340. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] 4 июля 1797 года

Гирт занимал меня эти три дня чрезвычайно интересными вещами; его посещение принесло мне много такого, над чем я долго еще буду размышлять. Его суждения, пусть даже несколько пристрастные, основываются на разносторонних и продолжительных наблюдениях; здесь в

немногих словах выражаются плодотворные результаты живого созерцания и основательного изучения. Мне представляется, что в главном он довольно близок к Вам и к Мейеру; по крайней мере с ним можно подолгу беседовать о глубочайших и проникновеннейших материях, не опасаясь диссонанса или непонимания. Мне хотелось бы присутствовать в качестве третьего при ваших разговорах на специальные темы, хоть я и не могу долго поддерживать беседу, посвященную пластическим искусствам, но зато выслушал бы ее не без пользы для себя.

К Микеланджело он относится с чрезвычайным предубеждением и, как мне кажется, слишком уж принижает его, признавая за ним лишь относительную, временную ценность. Тем не менее даже и в этом суровом приговоре над Микеланджело я нашел обоснованным ход его рассуждений и испытываю сомнение только в верности фактов, на которых он основывается.

Но в общем-то я еще не знаю в точности, что именно я должен думать о Гирте, и выдержал бы он испытание при более продолжительном знакомстве. Быть может, он не обладает многим из того, что теперь действительно кажется в нем привлекательным; во всяком случае, мне представляется, что та теплота и живость, с которыми он столь умело изображал те или иные явления, не так уж свойственны его подлинной природе.

Заставьте его порассказать Вам о Мюллере-живописце, если он еще не сделал этого. Обстоятельства, при которых возникла статья против Фернова в «Орах»¹, довольно забавны.

Хотелось бы завтра услышать от Вас, что «Фауст» снова продвинулся вперед. Присутствие Гирта послужило для меня в эти дни маленьким развлечением, так что осуществленным оказался только замысел относительно североамериканской песни; прилагаю эту песенку², которая может пригодиться для разнообразия.

Посылаю при сем перечень книг, а также письмо Гумбольдта³. Книги Вы получите от моего свояка, которому я сегодня отправляю посылку.

Будьте здоровы.

Ш.

341. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

«Фауст» на время был отложен в сторону; южные воспоминания на какой-то период оттеснили северные

фантомы; однако общую схему и план я разработал очень основательно.

Мне очень приятно, что Вы познакомились теперь с нашим давним римским другом; в будущем Вы лучше поймете его и его работы. И на его примере видно, какое благо приносит умному человеку богатый, почти всесторонний опыт. Вы совершенно правильно судите о нем в том отношении, что его логические построения оказываются удачными тогда, когда исходные предпосылки верны, однако с ним часто случается так, что он исходит если не из ложных, то по крайней мере из недостаточных или односторонних предпосылок, принимая их за общие, и в этих случаях с выводами у него дело идет на лад лишь до поры до времени. Так, например, его нерасположение к Микеланджело тоже обусловлено одной навязчивой и несостоятельной идеей; точно так же он в статье о Лаокооне¹, которую я прилагаю, прав во многом и тем не менее в целом весьма ограничен, так как не замечает, что все эти декларации — Лессинга, Винкельмана, его собственные и еще многие другие — лишь в своей совокупности определяют сферу искусства. Но наряду с этим очень хорошо то, что он и в изобразительных искусствах действительно ищет характерное и патетическое.

В связи с этим мне вспомнилась одна статья, которую я написал несколько лет тому назад, и так как мне не удалось найти ее, то я систематизировал материал, довольно хорошо сохранившийся в моей памяти, согласно моим, или, позволю себе сказать, *нашим* нынешним убеждениям². Быть может, я успею послать Вам его в субботу. Статья Гирта оказалась хорошей прелюдией к моей работе, поскольку дала мне новый импульс. Быть может, это послужит поводом и для других работ, в особенности когда Мейер вернется со своими сокровищами, — тем более что я время от времени возвращаюсь к собору святого Петра³; ведь и эту работу можно рассматривать как основу для многих других.

«Погребальный плач», возвращаемый при сем, обладает подлинным реалистически-юмористическим характером, который превосходно передает проявления первобытных натур в подобных случаях. Большая заслуга поэзии в том, что она сообщает нам и такие настроения; заслуживает похвалы и то, что круг поэтических тем непрерывно расширяется. Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей

милой жене и как можно разнообразнее и лучше пользуйтесь и наслаждайтесь наступившей порой.

От Мейера до сих пор нет вестей.

Г.

Веймар, 5 июля 1797 года.

Не пришлете ли Вы мне копию «Валленштейнцев»⁴? Я обещал их нашей герцогине, которая не раз уже с интересом справлялась об этой Вашей работе.

342. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 7 июля 1797 года

Именно теперь, думается мне, наступил подходящий момент для того, чтобы рассмотреть и интерпретировать творения греческого искусства с точки зрения характерного: ведь повсюду господствуют еще идеи Винкельмана и Лессинга, и наши новейшие эстетика, о чем бы ни шла речь, о поэзии ли, о пластических ли искусствах, изо всех сил стараются очистить греческую идею прекрасного от характерного и сделать последнее отличительным признаком современного искусства. Мне думается, что новейшие аналитики с их усилиями вычленили и представить в известной чистоте понятие прекрасного почти что лишили его содержания и превратили его в пустой звук, ибо они слишком далеко зашли в противопоставлении прекрасного истинному и достоверному и слишком примитивно восприняли это разграничение, которое способен проводить только философ и которое приемлемо только до определенной степени.

Многие, на мой взгляд, грешат на иной манер, относя понятие прекрасного скорее к содержанию, нежели к форме произведения искусства, так что они, естественно, должны оказаться в затруднении, когда им приходится рассматривать в *одной* системе представлений о прекрасном не только Аполлона Ватиканского и подобные ему прекрасные уже по своему содержанию образы, но и Лаокоона и какого-нибудь Фавна вместе с другими малопривлекательными или низменными воплощениями.

С поэзией, как Вы знаете, происходит то же самое. С давних пор мучились и мучаются по сей день, пытаясь согласовать грубые, а зачастую и низменные и уродливые проявления природы у Гомера и у трагиков с установившимися теперь представлениями о прекрасном у греков.

Хоть бы кто-нибудь отважился наконец вывести из обихода понятие и само слово «прекрасное», с которым неразрывно связаны все эти ложные представления, и, как и следует, водворил бы на его место истину в самом полном ее смысле.

Статью Гирта я охотно поместил бы в «Орах». А когда путь уже будет проложен, Вы и Мейер с тем большей легкостью подхватите эту нить, да и публика окажется несколько более подготовленной. Да и я заинтересован в том, чтобы этот вопрос о характерном и о воплощении страстей в произведениях греческого искусства стал предметом обсуждения, поскольку предвижу, что задуманное мной исследование относительно греческой трагедии приведет меня к той же точке. Вашу статью я жду с величайшим нетерпением.

Я пришел теперь к выводу, что музыкальная часть альманаха должна быть готова прежде всех остальных, так как иначе композитору не справиться. Поэтому я приступил теперь к моей песне об отливке колокола¹ и со вчерашнего дня штудирую «Энциклопедию» Крюнитца², из которой извлекаю очень много полезного. Это стихотворение чрезвычайно мне дорого, однако на него уйдет несколько недель, потому что тут необходимо испытать множество различных настроений и обработать обширный материал. Я был бы не прочь — в том случае, если Вы меня одобрите, — выполнить еще четыре или пять надовесских песен, чтобы намного шире воплотить этот мир, раз уж я вошел в него.

Из моего проекта съездить в Веймар на этой неделе ничего не вышло, но я надеюсь осуществить его на будущей. Пролог пока еще в дороге; как только он прибудет, я пришлю его или привезу с собой.

Будьте здоровы. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

343. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Спешу переслать Вам маленькое письмо Мейера, которое я только что получил; в тот момент самым сильным и, могу сказать, единственным моим желанием было, чтобы он снова оказался в Швейцарии, где он так хорошо поправился в прошлый раз и, очевидно, поправится и теперь.

Я сейчас готовлюсь к отъезду¹, — с тем чтобы иметь возможность уехать сразу же по возвращении герцога². По очень многим соображениям было бы просто прекрасно, если бы Вы смогли приехать сюда на несколько дней; хоть я, во всяком случае, еще успею навестить Вас, но всего лишь на несколько часов, а ведь нам нужно обсудить очень многое. Завтра утром напишу более подробно. Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 7 июля 1797 года.

344. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Значительное достоинство статьи Гирта заключается в том, что она чрезвычайно живо заостряет внимание на характерном и при своем появлении непременно должна заставить вновь завести речь об этом. Я постараюсь сохранить ее для «Ор». Прилагаю к сему и мою статью, которую рекомендую Вам в качестве беглого наброска как в целом, так и в частностях, и поэтому прошу отнестись к ней снисходительно. Мне очень хочется узнать, насколько Вы будете удовлетворены методом и духом изложения, и я с нетерпением буду ждать также отзыва Мейера относительно непосредственной интерпретации самих произведений искусства. Можно было бы распространить этот обзор на самые значительные статуи и на другие произведения искусства древности, и я совершенно согласен с Вами, что все это может оказаться весьма желательным для того, кто трудится на поприще трагедии.

В том, что наш друг Мейер вновь ищет спасения на северной почве, я усматриваю истинное благо. На сегодня довольно. Будьте здоровы; желаю Вам счастливого завершения «Колокола» и советую также сделать еще несколько надовесских песен¹. Если сможете, то приезжайте на следующей неделе; это было бы прекрасно еще и потому, что Вы смогли бы завязать с Гиртом более близкие отношения и услышать от него самого изложение его архитектурных дедукций.

Г.

Веймар, 8 июля 1797 года.

345. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 10 июля 1797 года

В немногих словах и в безыскусной форме Вы высказали в своей статье превосходные положения и внесли поистине изумляющую ясность в сложный предмет. В самом деле, статья представляет собой образец того, как следует рассматривать и оценивать произведения искусства, а в то же время она — образец того, как следует использовать основополагающие принципы. И в том, и в другом отношении я очень многому научился здесь.

Скажу об этом подробнее при встрече, так как собираюсь завтра сам привезти ее Вам и, если ничего не помешает, буду у Вас в четвертом часу пополудни. В том случае, если окажется неудобным, чтобы я остановился у Вас, предупредите меня, пожалуйста, записочкой у ворот, и я направлюсь к свояку. Моя жена приедет со мной; мы предполагаем пробыть в Веймаре до четверга.

Благополучное прибытие Мейера в его родной город и скорое улучшение его здоровья сердечно меня порадовали. И уверенность в том, что по крайней мере эту осень и зиму я проведу не в слишком большом отдалении от Вас, очень утешительна для меня.

Будьте здоровы.

III.

Гумбольдт просит Вас как можно скорее прислать ему в Дрезден его экземпляр Эсхила, крайне ему необходимый.

346. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

К моему отъезду Вы не могли бы преподнести мне ничего более радостного и утешительного, чем Ваше пребывание здесь в течение последней недели. Вероятно, я не ошибаюсь, полагая, что наше общение и на этот раз было чрезвычайно плодотворным; столь многое было сделано для настоящего и подготовлено для будущего, что я уезжаю совершенно удовлетворенный, надеясь деятельно трудиться и в путешествии, а по возвращении рассчитываю вновь обрести здесь Вашу помощь и участие. Если мы и дальше будем заниматься совместно разными работами и, трудясь не спеша над большими произведениями, станем по-прежнему развлекать и подбадривать себя небольшими работами, то нам удастся выполнить еще многое.

Возвращаю «Поликрата» и желаю, чтобы «Журавли»¹ вскоре потянулись бы вслед за мной; в субботу Вы поточнее узнаете о моем отъезде. Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене. Шлегелю² я написал сегодня.

Г.

Веймар, 19 июля 1797 года.

347. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 21 июля 1797 года

Я никогда не уезжаю от Вас без того, чтобы во мне не зародилось нечто новое, и меня радует, когда в обмен на то многое, что я получаю от Вас, мне удается привести в движение Ваш богатый внутренний мир. Подобные отношения, основанные на обоюдной способности к совершенствованию, неизменно пребывают живыми и свежими и тем больше выигрывают в разнообразии, чем гармоничнее они становятся и чем сильнее уменьшается та противоположность натур, которая у столь многих людей оказывается единственным препятствием к установлению единообразия. Смею надеяться, что постепенно между нами установится полное взаимопонимание во всем том, в чем можно отдать себе отчет, а в том, что по своей природе не может быть постигнуто мыслью, мы останемся близки друг другу благодаря чувству.

Самый прекрасный и плодотворный способ извлечь пользу из наших беседований и как можно глубже проникнуться их содержанием неизменно заключается для меня в том, что я непосредственно соотношу их с работой, которой занимаюсь в это время, и, таким образом, тотчас же использую их самым продуктивным образом. И подобно тому, как Вы во введении к «Лаокоону» говорите, что в одном-единственном произведении искусства содержится все искусство, точно так же, по моему мнению, все общее в искусстве следует вновь претворять в виде отдельных явлений с тем, чтобы подтвердить правильность идеи. И поэтому, надеюсь, мой «Валленштейн» и все то, что бы я ни создал значительного в будущем, должны будут обнаруживать и содержать *in concreto* всю систему того, что могло быть воспринято мною в нашем *commercio* *.

* общении (латин.).

Тяга к этой работе вновь властно пробудилась во мне, ибо здесь уже есть некий вполне определенный объект, направляющий мои силы и придающий значение каждому новому шагу, тогда как я очень часто работаю впустую, имея дело с новым, еще не обработанным сюжетом. Теперь я постараюсь вначале закончить песни для альманаха; так как меня очень торопят композиторы¹, затем попытаю счастья с «Журавлями», а в сентябре вернусь к трагедии.

Известия от Вас придадут благодатное разнообразие тому будничному существованию, на которое я теперь обречен, и помимо того нового, что они принесут мне, они вновь оживят во мне старое, бывшее предметом наших бесед. Так будьте же здоровы и не забывайте обо мне у нашего друга в то время, как мы постоянно будем помнить о Вас. Моя жена шлет Вам сердечный прощальный привет.

Ш.

Прошу не забыть о хоре из «Прометея»².

348. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сегодня пишу, только чтобы сердечно поблагодарить за прощальный привет от вас обоих и за присланные мне «Оры».

Чем дольше я остаюсь тут, тем больше накапливается мелочей, которыми приходится заниматься; время проходит так, что я ничего не могу ни воспринимать, ни создавать, и мне остается лишь остерегаться, чтобы не потерять терпения.

Советник Шлегель¹ только что ушел от меня; по-видимому, на этот раз его привело сюда одно лишь желание снова сблизиться с Вами.

Пожалуйста, отдайте еще раз переписать для меня «Ныряльщика», «Поликрата» и «Перчатку»; я послал мои копии Мейеру, но ведь может же случиться так, что по дороге мне встретятся какие-нибудь добрые христианские или языческие души, которым можно было бы прочесть нечто подобное. Прежде чем уеду, непременно еще напишу Вам.

Г.

Веймар, 22 июля 1797 года.

349. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 23 июля 1797 года

Ожидание с уже увязанной котомкой — крайне тягостное состояние, и я желаю Вам поскорее от него избавиться. Хорошо, что как раз теперь Вас занимают мелкие дела и забавы, для которых вполне достаточно частичного внимания.

Гумбольдт пишет мне, что у его жены опять лихорадка. Хорошим же будет путешествие, ведь уже теперь им пришлось задержаться в Дрездене. В виде утешения скажу Вам, как тот еврей Шейлоку: «У других людей тоже бывают несчастья».

Прилагаю три стихотворения¹, только что присланные мне Гумбольдтом. Надовесская песня привела Гумбольдта в ужас, но его возражения относятся лишь к грубости самого предмета. Удивительно все-таки, как при значительной близости в определенных отношениях можно тем не менее столкнуться со столь решительным расхождением в вопросах поэзии.

«Ученика чародея»² я послал моему штутгартскому композитору; мне кажется, стихотворение это прекрасно подходит для живой мелодии, так как в нем воплощено непрерывное кипучее движение.

Будьте здоровы. Послезавтра напишу Вам еще, если за это время ничего не произойдет.

Ш.

Посылаю сегодня Бёттигеру «Клопштокиану»³ с прибавлением нескольких строк.

350. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Известие о Вашем нездоровье¹ чрезвычайно неприятно поразило меня сегодня утром после бессонной ночи; надеюсь, что это письмо застанет Вас уже на пути к выздоровлению, чему, быть может, поспособствует и прибытие герцога. Однако при подобных обстоятельствах Вам следует выждать полной поправки.

Посылаю Вам для развлечения во время вынужденного отдыха только что вышедшее творение², совершенно по-новому аттестующее немецкую предприимчивость. И в самом деле, подобное проявление ничтожества, нелепости и наглости возможно только в нашей новейшей литературе, когда из-за быстрой смены идей и форм

просто некогда различать, где мое, а где твое. Среди всего прочего я обнаружил здесь выдержки из моих эстетических статей, на полстраницы и более, без ссылок, и немало изумился, услышав *ipsissima verba* * из королевских уст.

Зато на этих днях о себе заявил новый поэт³, от которого можно наконец ожидать чего-то лучшего. Он живет во Фридберге под Франкфуртом, его имя Шмид; как я заключаю по всему его облику, он, должно быть, пребывает в ужасающем одиночестве, а возможно, и в довольно стесненных условиях. По прилагаемым образцам Вы увидите, что в этом человеке что-то есть и что сквозь нескладные, грубые слова проглядывает неподдельное глубокое чувство и определенный душевный порыв. Если этот полудикарь по-настоящему овладеет своим языком и стихом и в придачу ко внутреннему содержанию достигнет некоторой внешней привлекательности, то, я надеюсь, он будет приобретением для будущих альманахов. Если он понравится и Вам, то не окажете ли Вы ему чуточку внимания, равно как и нашему капитану фон Штейгентешу⁴ из Франкфурта.

Прерываюсь на сегодня, потому что у меня от усталости перо чуть ли не валится из рук. Сообщите, пожалуйста, нам завтра, как обстоят Ваши дела. Моя жена от всего сердца желает Вам выздоровления. Всего наилучшего.

Ш.

Иена, 24 [25] июля 1797 года.

351. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сердечно благодарю за участие к моему нездоровью! Последствия простуды мучили меня в продолжение суток, однако теперь я снова совершенно здоров и надеюсь уехать еще в конце этой недели. Препровождаю при сем вторично убитого или, вернее, разлагающегося Густава III¹. Это и есть та самая нищенская похлебка, которую так любит немецкая публика; сочинения этого рода заменили теперь пресловутые «разговоры в царстве мертвых»², всегда производившие большое впечатление на нашу *правдолюбивую* нацию. Новый поэт — славный малый, и мне приятно было бы с ним познакомиться; Вы, может быть,

* собственные слова (латин.).

еще подправите кое-где некоторые мелочи, только ради ясности. Его одиночество и ограниченность общения заметны, разумеется.

Герцог приехал вчера, он очень хорошо выглядит. Знаменитая Марианна Мейер³ тоже здесь; жаль, что она не приехала несколькими днями раньше, мне бы хотелось, чтобы Вы познакомились с этим своеобразным существом. Будьте здоровы и кланяйтесь вашей милой жене. Когда я увидел стихи, написанные Вашим переписчиком, я подумал, что «Журавли» уже прилетели. Я настолько не в настроении, что вынужден сегодня оставить даже свои будничные дела.

Г.

Веймар, 26 июля 1797 года.

352. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 28 июля 1797 года

Так как я не знаю, застанет ли Вас это письмо в Веймаре, то пишу лишь несколько строк на прощанье; мы сердечно рады, что Вы так скоро поправились и можете наконец исполнить свое желание. Так пусть же это путешествие будет удачным, и если Вам не достанет интересных знакомств, то да развлекут Вас музы. Быть может, из Вашего корабля вылетит какой-нибудь прекрасный поэтический голубь, а то и журавли, чего доброго, направят свой полет с юга на север. У меня они все еще почивают, и я даже стараюсь не думать о них, чтобы иметь возможность заняться прежде кое-чем другим. К тому же меня теперь часто — и не самым приятным образом — отвлекают стихотворения друзей и подруг¹, издание «Агнес фон Лилиен»² и оснащение «Ор».

Шлегелю я сообщил несколько замечаний относительно его «Прометея»³; в его ответе, который я прилагаю, он изъясняется весьма пространно, но не слишком удовлетворительно. Я со своей стороны сделал то, что следовало, но вообще-то поправить дело тут невозможно.

Я сообщил моему новому фридбергскому поэту Шмиду⁴, а также Гельдерлину о Вашем скором прибытии во Франкфурт; вопрос теперь в том, наберутся ли эти ребята храбрости предстать перед Вами. Мне это было бы очень приятно, да и Вам, вероятно, доставят некоторое удовольствие эти поэтические фигуры в прозаическом

Франкфурте. Вы встретитесь там, наверное, и с капитаном имперской армии фон Штейгентешем⁵ и посмотрите, что он собой представляет. Примите еще раз наше напутственное благословение и будьте здоровы.

Ш.

353. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Завтра наконец я и в самом деле уезжаю, и опять на целый месяц позже, чем рассчитывал; при всех тех сложностях, которые я испытал, чтобы вырваться отсюда, путешествие мое по справедливости должно бы оказаться просто замечательным, но боюсь, что оно будет похоже на все прочие человеческие дела. Из Франкфурта напишу Вам довольно скоро хотя бы несколько слов.

На днях я прочитал в обществе наши балладные опыты и увидел, что они производят хорошее впечатление. Относительно Вашей «Перчатки» возникло сомнение, можно ли сказать, что *зверь облизывает себе язык*¹, и я в самом деле не сумел ответить на это с достаточной определенностью.

Возвращаю при сем сочинение Шлегеля²; поистине со стихотворениями дело обстоит так же, как с поступками: печально, если их приходится оправдывать.

Будьте здоровы. Вы сказали недавно, что настроение для поэзии создает только поэзия, и так как это совершенно верно, то понятно, сколько времени теряет поэт, когда входит в соприкосновение с миром, в особенности если у него нет недостатка в материале. Меня уже охватывает ужас при мысли об эмпирической шире мира; будем, однако, надеяться на лучшее, а когда встретимся снова, отдохнем за рассказами и рассуждениями. Всего наилучшего Вам, Вашей милой жене и всем Вашим близким.

Г.

Веймар, 29 июля 1797 года.

Поскольку Бойе по-прежнему не подает никаких вестей о себе³, то я посылаю Вам почтовую квитанцию хотя бы как знак моей доброй воли и на тот случай, если посылка вдруг затерялась. При возможности справьтесь, пожалуйста, о ней у Бойе.

354. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 7 августа 1797 года

Нам не терпится узнать, дорогой друг, как протекало Ваше путешествие. Томительная жара днем и почти непрерывные грозы ночью заставили нас немало тревожиться за Вас, так как здесь все это было почти невыносимо, и нервы мои настолько расстроились, что я до сих пор еще не пришел в себя.

Поэтому я и сегодня мало что могу сказать Вам, ведь я только теперь начинаю освобождаться от сильных приступов лихорадки, которые испытывал вот уже целую неделю и уже начинал всерьез опасаться, что заболел надолго.

Цельтер прислал мне на днях музыку к Вашей «Баядере» и к «Песне Миньоны»¹. Последняя мне особенно понравилась. Мелодия к балладе, правда, подходит не ко всем строфам в равной степени, но в некоторых, как, например, в третьей от конца, хор «Мы юность хороним» etc. очень удачен. Прилагаю ноты на случай, если Вы найдете во Франкфурте несколько хороших голосов, которые смогли бы исполнить это для Вас.

Гердер уже вернул мне наши баллады, которые я посылал ему, однако какое впечатление они произвели на него, понять я из его письма не смог². Зато я узнал из него, что в «Нырляшке» я всего лишь переработал и облагородил историю, которую некий Николаус Пеше изложил не то в прозе, не то в стихах. Не известен ли Вам этот Николаус Пеше, с которым я столь неожиданно для себя вступил в соперничество? Вообще же нам и в самом деле нечего ждать от Гердера для альманаха на этот год; он жалуется на свою скудность, однако уверяет, что тем выше ценит чужое богатство.

На этих днях я снова взялся за «Sur la peinture» Дидро³, чтобы укрепить свои силы благодаря живительному общению с этим умом. Мне кажется, что с Дидро происходит то же, что и со многими другими людьми, которые улавливают истину чувством, а потом иногда вновь утрачивают ее из-за умствований. По-моему, он придает чрезмерно большое значение посторонним и нравственным целям эстетических творений, но недостаточно глубоко ищет их в самом предмете и в его воплощении. Прекрасное произведение искусства непременно должно служить ему средством для чего-то иного. А так

как истинно прекрасное и совершенное в искусстве неизбежно улучшает человека, то он и ищет источник этого воздействия искусства в его содержании и в определенном его влиянии на разум или на нравственное чувство. На мой взгляд, одним из преимуществ нашей новой философии является то, что мы располагаем ясной формулой для выражения субъективного воздействия эстетического начала, но не разрушающей его подлинный характер.

Будьте здоровы. Порадуйте нас поскорее добрыми вестями. Моя жена посылает Вам самые сердечные поклоны; малыши здоровы. Ничего нового о моем маленьком мирке сообщить не могу.

Ш.

355. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Без каких бы то ни было помех, жизнерадостный и здоровый, я прибыл во Франкфурт и вот теперь, в спокойной и светлой квартире, размышляю над тем, что значит в мои годы пуститься в путешествие. В молодости окружающие предметы гораздо сильнее поражают и смущают нас, потому что мы не можем ни оценить, ни осмыслить их, однако нам легче удается справиться с ними, потому что мы воспринимаем только то, что лежит на нашем пути, и редко поглядываем направо и налево. Позже мы знаем вещи лучше, нас интересует большее их количество, и мы чувствовали бы себя совсем скверно, если бы душевное спокойствие и методичность не поддерживали бы нас в подобных случаях. Я хочу теперь как можно лучше разобраться во всем том, что произошло со мной за эту неделю, а также испробовать свои схемы на Франкфурте как городе весьма обширном и благодаря этому приготовиться к дальнейшему путешествию.

Меня необычайно поразило состояние публики в большом городе. Она живет в каком-то постоянном водовороте добывания и потребления средств существования, и то, что мы называем настроением, невозможно ни вызвать у нее, ни сообщить ей; все удовольствия, даже театр, должны только развлекать, и большая склонность читающей публики к журналам и романам объясняется только тем, что первые всегда, а вторые по большей части вносят свою долю в сумму развлечений.

Мне кажется даже, что я обнаружил здесь своеобразную боязнь поэтических произведений или по крайней мере того, что оказывается в них подлинно поэтическим, и это явление представляется мне вполне естественным как раз в силу упомянутых причин. Ведь поэзия просит и даже требует сосредоточенности, она изолирует человека помимо его воли и вновь и вновь навязывается ему, так что в широком (чтобы не сказать в большом) мире она доставляет столько же неудобств, что и преданная возлюбленная.

Я приучаюсь теперь записывать все свои впечатления и мысли по их поводу, не требуя от себя ни самых точных наблюдений, ни совершенно зрелых суждений и не думая о том, как это будет использовано впоследствии. Когда весь путь уже останется позади, такой наглядный обзор позволит постоянно использовать все запасенное впрок как материал.

В театре я был несколько раз и также подготовил набросок методического характера для выработки суждений о нем. Пока я пополнял его понемногу, мне неожиданно пришло в голову, что более или менее сносное описание путешествия возможно, в сущности, только по отношению к незнакомым местностям, где ни с кем нет прочных связей. Никто не отважится написать о местности, в которой проживает обычно, — разве что это будет простое перечисление предметов; точно так же обстоит дело со всем, что хоть сколько-нибудь близко нам: тотчас же возникает ощущение какой-то неуважительности, даже если речь идет о публичном выражении самых справедливых и умеренных суждений. Эти соображения приводят к плодотворным выводам и указывают мне путь, по которому следует идти. Так, например, теперь я сравниваю здешний театр с веймарским, а после того, как посмотрю еще штутгартский, мне, быть может, удастся высказать относительно всех трех театров несколько обобщающих замечаний, которые были бы не лишены значения и к тому же оказались бы достаточно уместными в печати.

Будьте здоровы, желаю Вам всех благ в Вашем садовом доме. Кланяйтесь от меня Вашей милой жене. Если только мне доведется когда-нибудь снова попасть в иенский замок, то никто меня не выгонит оттуда так скоро; очень хорошо, однако, что я уже сделал свой взнос в «Альманах Муз», потому что в этом путешествии у меня так же мало

надежд на встречу с каким-нибудь стихотворением, как и с фениксом. Еще раз мои наилучшие пожелания.

Г.

Франкфурт-на-Майне, 9 августа 1797 года.

Шмид¹ из Фридберга побывал у меня; неприятным явление это не было, но и благодетельным — тоже. В общем, красивый молодой человек, маленькая голова на нешироких плечах, отличные бедра и ноги, одет на здешний манер — скромно, чисто и прилично. Черты лица мелкие, глаза черные, небольшие и узко посаженные; черные волосы подстрижены коротко, по-санкюлотски. Однако отец богов выковал ему на лоб медный обруч². Ртом он выделял удивительные гримасы, как бы желая придать тому, что он говорит, еще какое-то своеобразное выражение. Он сын состоятельного купца, который прочил его в проповедники, и это совершенно выбило парня из колеи; думаю, что в ограниченном житейском обиходе он был бы вполне хорош, так как у него, по-видимому, есть и энергия и известная сердечность. Лучше всего он выглядел бы, мне кажется, в рядах какой-нибудь национальной гвардии. Будущее покажет, разумеется, но боюсь, что больших радостей он нам не доставит. Исходя из того, что он не только не нуждается, но, напротив, судя по его словам, по его облику и платью, пользуется известным достатком, следует считать скверным признаком то, что у него не обнаружилось ни малейшего следа стремлений, свободомыслия, любви и доверия. Своим филистерским эгоизмом он напоминает мне бывшего студента. Однако наряду со всем этим в его поведении нет и следа грубости, нет ничего неприятного, за исключением гримас.

В основу своего обращения с ним я положил то, что его ко мне послали *Вы*, и исходил, таким образом, из соответствующих предпосылок, однако ничто не нашло в нем отзвука — ни в общем, ни в частностях; ни слова не было сказано и о Фихте или Рейнхольде, хотя он слушал их обоих. Вообще я не смог извлечь из него ничего значительного, кроме того, что за последний год он пришел к некоторым особым взглядам на мир и благодаря этому почувствовал склонность к поэзии (что само по себе, быть может, вовсе неплохо), но что, согласно его убеждению, истинная образованность заключается лишь в определенном сочетании философии и поэзии. Против этого я ничего

не имею возразить, если бы только мне не пришлось услышать это от молодого человека. Впрочем, он ушел, как пришел,— раньше, чем завязался какой-либо разговор; однако и за этот короткий момент он уже был достаточно ясен для меня. Своею замкнутостью он напомнил мне Гёльдерлина, хотя он сейчас гораздо лучше образован; как только я увижу Гёльдерлина, приготовлю для Вас более обстоятельную параллель. На моем жизненном пути, особенно в ранние годы, мне привелось встретить множество подобных натур, и я успел узнать, что именно они собой представляют; поэтому прибавлю еще одно замечание общего характера. Когда люди, происходящие из купеческого сословия, обращаются к литературе и особенно к поэзии, они сохраняют присущие им черты; у одних можно заметить известную серьезность и вдумчивость, известную стойкость и упорство, у других — живые и деятельные стремления, и все же, как мне кажется, они совершенно неспособны ни к каким возвышенным порывам, неспособны даже понять, в чем тут, собственно, дело. Быть может, я несправедлив к этому сословию, и есть много людей другого происхождения, у которых дело обстоит не лучше. Поразмыслите об этом на основании Вашего опыта; тут, вероятно, найдутся и исключения.

Прилагаемое письмо должно было известить меня о визите господина Шмида³, однако я получил его двумя днями позже; посылаю его, чтобы Вы смогли еще раз заглянуть вглубь той натуры, внешние черты которой я Вам описал.

Г.

356. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

[Франкфурт, 12 августа 1797 года]

По большей части принято беспокоиться о тех, кто находится в пути, хотя зачастую должно было бы происходить обратное. Так, Ваше милое письмо от 7-го сообщает мне о том, что Вы чувствовали себя не очень хорошо, тогда как я почти или даже вовсе не испытывал неприятностей из-за погоды. Грозы охлаждали атмосферу ночью и по утрам, мы выезжали очень рано и делали привал, чтобы накормить лошадей, в самое жаркое время дня, а если даже нам и приходилось проводить несколько часов в дороге на солнцепеке, то по большей части в горах и

долинах, где текут ручьи и дует ветерок. Короче, я прибыл во Франкфурт, испытал лишь незначительные неудобства. Здесь мне хотелось бы теперь снова привыкнуть к жизни в большом городе, привыкнуть не просто путешествовать, но и жить во время путешествия, если только мне в этом не совсем отказано судьбой, ведь я очень ясно ощущаю, что стремлюсь лишь к сосредоточенности и к соответствующему расположению духа и не нахожу никакого удовольствия ни в чем из того, что мешает этому. Если бы «Герман и Доротей» не послужили для меня примером того, что сюжеты, взятые из современности и воспринятые определенным образом, пригодны для эпоса, то я бы и знать не хотел ни о какой эмпирической шире. В сфере театра, насколько я снова вижу это здесь, многое можно было бы сделать в настоящий момент, только следовало бы отнестись к этому полегче и действовать в манере Гоцци; однако это ни с какой стороны не стоит труда.

Мейер очень хорошо воспринял наши баллады. Поскольку я каждую неделю писал ему из Веймара в Штефу, то уже успел получить от него несколько писем; это чистая и неуклонно развивающаяся натура, бесценная во всех отношениях. Я постараюсь поскорее вновь завладеть им и больше уж не отпускать от себя.

Мне искренне жаль старика из Топфберга¹: ведь из-за бог весть какого странного характера он обречен портить удовольствие себе и другим при продвижении на его собственном поприще. Уж мне в тысячу раз больше нравятся франкфуртские банкиры, купцы, биржевики, лавочники, евреи, игроки и предприниматели, которые хоть что-то выгадывают для себя, когда подставляют ногу другим. *Николаус Пеше* — это, насколько мне помнится, герой сказки, которую Вы обработали, нырять по профессии. Но если наш старинный приятель способен еще вспоминать об этой легенде при виде подобной обработки, то какие претензии можно предъявить всей прочей публике, когда она осведомляется относительно романов: чистая ли правда все то, о чем в них рассказывается? Точно таким же поразительным примером служит нам Дидро, который при всем своем высоком гении, при столь глубоком чувстве и ясном понимании никак не мог, однако, постичь ту истину, что культура должна идти своим собственным путем благодаря искусству, что она не может быть подчинена ничему другому, хотя превосходно примыкает ко всему

остальному, и т. д. А ведь все это ясно как божий день и так легко постижимо.

В высшей степени комичным предстает перед нами бедняга Козегартен², который всю свою жизнь пел и щебетал так, как ему позволяло природное устройство его горла и размеры клюва, а теперь пытается растянуть свою индивидуальность пыточными клещами новых философских требований и волочит по земле свою нищенскую куртку, пытаясь уверить окружающих, что у него тем не менее в гардеробе имеется и нечто вроде королевской мантии. Я тотчас же пошлю его exhibitum* Мейеру. Впрочем, эти люди, которые еще могут думать, будто ничто в нашем искусстве является всем, оказываются в лучшем положении по сравнению с нами: мы ведь более или менее убеждены в том, что *все* в нашем искусстве является ничем.

Путешественнику приличествует определенный скептический реализм, и то, что еще остается во мне идеалистического, я везу крепко запертым в шкапулке, словно ту крошечную женщину-ундину³; таким образом, в этом отношении Вам придется проявлять ко мне терпимость. Быть может, во время путешествия я сумею подготовить для Вас эту маленькую путевую историю. Вообще же я предполагаю выждать несколько месяцев. Ибо хотя в эмпирической сфере почти все, взятое в отдельности, и производит на меня неприятное впечатление, однако целое окажется весьма благотворным, когда оно в конце концов будет осознано должным образом. Будьте здоровы и, поскольку Вы знаете меня, истолкуйте себе сами мои слова, порой довольно странные; ведь для меня сейчас невозможно было бы исправлять себя, упорядочивая и осмысливая все эти рапсодические причуды.

Кланяйтесь от меня Вашей милой жене и, прошу Вас, оцените должным образом наших Агнесу и Амалию⁴. Только тогда узнаешь, что представляют собой такие натуры, когда в широком мире поищешь им подобных. Вы, мой друг, обладаете даром поучать, которого я совершенно лишен. Обе эти ученицы, вероятно, создадут еще много хорошего, если только они научатся излагать свои *aregçus*** и несколько больше проникнутся основными требованиями искусства по отношению к композиции целого.

* объявление (латин.).

** беглые наблюдения (франц.).

Франкфурт, 14 августа 1797 года

Вчера я видел оперу «Пальмира»⁵, в общем поставленную очень удачно и пристойно. При этом я особенно был рад тому, что один элемент спектакля оказался абсолютно совершенным, а именно декорации, написанные неким Фуэнтесом⁶, миланцем, который в настоящее время находится здесь. В театральной архитектуре великая сложность состоит в том, что необходимо знать принципы реальной архитектуры и в то же время уметь продуманно и целеустремленно отступать от них. Архитектура в высшем смысле должна отражать некое серьезное, возвышенное и устойчивое бытие; она едва ли может гнаться за привлекательностью, не утрачивая при этом своей силы, а ведь в театре все явления должны быть привлекательными. Театральной архитектуре надлежит быть легкой, нарядной и разнообразной, а вместе с тем ей следует воплощать великолепие, возвышенность и благородство. Декорации вообще должны создавать картину, и в особенности — на заднем плане; декоратор должен пойти еще дальше, чем пейзажист, который также умеет видоизменять архитектуру в соответствии со своими потребностями. Декорации к «Пальмире» даруют образцы, из которых можно было бы извлечь обобщенное учение о театральной живописи. Это — шесть декораций, сменяющих друг друга на протяжении двух актов, причем ни одна из них не повторяется; весь замысел основан на чрезвычайно умном чередовании и градации. По ним видно, что художник знает все *moiens* * серьезной архитектуры и что даже там, где он строит так, как не следует и как никто не стал бы строить, все сохраняет видимость возможного, и все его конструкции обусловлены пониманием того, что действительно требуется здесь; его орнаменты очень обильны, но выполнены и распределены с необычайным вкусом, и в них заметно влияние большой школы лепки в Милане, с произведениями которой можно познакомиться по гравюрам Альбертолли⁷. Все пропорции обладают изяществом, равно как и все фигуры, статуи, барельефы и изображенные зрители. Преувеличенные размеры и аффектированные жесты многих фигур обусловлены не манерностью, но необходимостью и вкусом; колорит здесь безупречен, стиль же в высшей степени сво-

* возможности (франц.).

боден и уверен; в этих произведениях обнаруживаются все искусные приемы построения перспективы, вся привлекательность целенаправленных масс. Отдельные части совершенно отчетливы и ясны, но отнюдь не резки, целому же присуща похвальная сдержанность. В бесконечных деталях видны штудии большой школы и традиции нескольких поколений, и можно сказать, что это искусство достигло здесь высшей ступени; жаль только, что этот человек болен настолько серьезно, что за его жизнь опасаются. Я постараюсь получше сопоставить и описать то, что набросал здесь столь бегло.

Итак, будьте здоровы и поскорее дайте знать о себе. Я часто в мыслях бываю у Вас на Вашей тихой возвышенности и, когда льет сильный дождь, вспоминаю журчание Лейтры и водосточных желобов в Вашем доме.

Я вернусь не раньше, чем почувствую некоторую пресыщенность эмпирией, поскольку об абсолютной полноте мы не смеем и мечтать. Будьте здоровы и кланяйтесь всем.

Г.

357. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Франкфурт, 16 августа 1797 года

Мне пришла в голову одна мысль, и так как она может иметь значение для дальнейшего моего путешествия, то я хочу тотчас же сообщить ее Вам, чтобы узнать Ваше мнение о том, насколько она верна и насколько мне полезно руководствоваться ею. Следуя своим путем спокойного и холодного наблюдения или даже простого созерцания, я очень скоро заметил, что отчет, который я сам себе давал относительно некоторых явлений, отличается своеобразной сентиментальностью, которая поразила меня до такой степени, что я стал доискиваться причин и обнаружил следующее. В целом все то, что я вижу и узнаю, прекрасно сочетается со всем прочим, уже известным мне, и не кажется мне неприятным, так как включается в общую сумму моих знаний и способствует приумножению капитала. В то же время я не смог бы упомянуть нечто такое, что вызвало бы у меня хоть какое-то подобие чувства на всем протяжении моего путешествия,— напротив, я столь же спокоен и бесстрастен теперь, что и при самых обычных обстоятельствах и событиях. Откуда же тогда эта мнимая сентименталь-

ность, которая тем сильнее поражает меня, что уже с давних пор я не ощущаю в себе ни малейшего следа ее, разве только в минуты поэтического настроения? Не идет ли и сейчас речь о поэтическом настроении, которое перед лицом явлений не вполне поэтических и создает некое промежуточное душевное состояние?

По этой причине я внимательно рассмотрел явления, вызывающие подобный эффект, и, к моему удивлению, заметил, что они, по сути дела, символичны. Иными словами (хотя едва ли мне нужно говорить об этом), мы имеем дело со значительными случаями, которые благодаря своему характерному многообразию выступают как представители многих других явлений, заключают в себе известную тотальность, требуют определенной последовательности, пробуждают в моем сознании представления о схожих и противоположных явлениях и, таким образом, как извне, так и изнутри притязают на известное единство и всеобщность. Они, следовательно, представляют собой, подобно счастливым сюжетам для *поэта*, счастливые предметы для *человека*, и поскольку даже при обобщении им невозможно придать *поэтическую* форму, то следует придать им форму *идеальную, человеческую* в высшем смысле слова, которую можно было бы обозначить и столь затасканным выражением, как *сентиментальное*. И Вы не станете смеяться, а лишь улыбнетесь, когда я, к собственному своему удивлению, объявлю Вам тут же, что если мне когда-нибудь доведется изложить для друзей или для публики что-либо из моих путешествий, то я, по-видимому, рискну написать *сентиментальные путешествия*. Однако я — Вы ведь хорошо меня знаете — не побоюсь никакого слова, даже и самого опороченного, и если обработка материала меня оправдает, то я был бы даже счастлив вернуть опороченному имени его прежнее достоинство.

Я сошлюсь на то, что Вы сами так прекрасно изложили, и на то, что давно уже стало предметом наших бесед, и продолжаю. В каком случае сентиментальное явление (которое мы не должны презирать, как бы оно ни *удручало* нас) становится невыносимым? Отвечаю: когда идеальное непосредственно сочетается с обыденным, причем это может произойти только благодаря пустой, бессодержательной и бесформенной манере, уничтожающей обе стороны — и идею, и предмет; ведь идея может

быть только значительной и иметь дело только со значительным, а явление может быть вполне достойным, живым и удачным, вовсе не будучи значительным.

До сих пор я обнаружил лишь два подобных явления — площадь, на которой я живу¹ и которая в силу своего местоположения и всего того, что на ней происходит, символична в любое мгновение, и все пространство моего дедовского дома², двора и сада: место, где в самых ограниченных, патриархальных условиях жил старый франкфуртский шультхейс, было преобразовано умными и предприимчивыми людьми в полезнейшую торговую и рыночную площадь. Предприятие это по странному стечению обстоятельств погибло при бомбардировке города, но даже и теперь, когда это место представляет собой по большей части груды щебня, оно по-прежнему стоит вдвое больше той суммы, которую одиннадцать лет тому назад нынешний его владелец заплатил моим родственникам. Поскольку можно думать, что весь этот участок снова будет куплен и восстановлен каким-нибудь предпринимателем, то Вы легко увидите, что все это во многих отношениях (и особенно на мой взгляд) должно служить символом многих тысяч других случаев в этом городе предпринимательства.

Тут, разумеется, примешиваются и милые сердцу воспоминания; но если сделать выводы из этих случаев и обращать внимание в дальнейшем путешествии не только на *примечательное*, но и на *значительное*, то можно будет надеяться собрать под конец прекрасную жатву для себя и для других. Я намереваюсь сперва поискать еще здесь что-либо символическое, но в особенности буду упражняться в подобных наблюдениях в незнакомых местностях, которые увижу впервые. Если бы это удалось, то, даже и не распространяя опыта вширь, всегда можно было бы надеяться на достаточные трофеи в знакомых местностях и странах, если в каждом месте и в каждый момент продвигаться вглубь настолько, насколько удастся.

Выскажите мне на досуге Ваши мысли по этому поводу, чтобы я почувствовал себя богаче, увереннее, сильнее и радостнее. Дело это важное, ибо оно тотчас же и весьма удачно снимет противоречие между моей натурой и непосредственным опытом — противоречие, которое я никак не мог разрешить прежде. Признаюсь Вам, что

я охотнее всего прямо вернулся бы домой, чтобы извлекать из своего внутреннего мира всевозможные фантомы, нежели еще раз вступать в бой с миллионноглавой гидрой эмпирии (поскольку мне не дана способность простого перечисления единичных явлений); ибо тот, кому это не доставляет ни радости, ни выгоды, должен своевременно отступить.

На сегодня довольно, хотя мне нужно было бы обсудить с Вами еще одну важную родственную тему, что я и сделаю в ближайшее время и снова попрошу Вас изложить свои мысли на этот счет. Будьте здоровы, кланяйтесь Вашим и никому, кроме самых близких, ничего не говорите и не рассказывайте относительно моих писем.

Г.

358. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 17 августа 1797 года

Представление, которое я получаю от Вас о Франкфурте и больших городах вообще, неутешительно как для поэта, так и для философа, однако истинность его очевидна. Поскольку же твердо установлено, что философствовать и сочинять стихи можно только для себя самого, то возражать тут тем более не приходится; напротив, все это укрепляет решимость следовать по избранному благому пути и пресекает любое искушение использовать поэзию для какой-либо посторонней цели.

И меня мой небольшой опыт убедил в том, что поэзия, как правило, может принести людям не столько благо, сколько, напротив, подлинные неприятности, и мне кажется, что там, где нельзя достигнуть одного, нужно стремиться к другому. Нужно тревожить людей, лишать их благодушия, повергать их в беспокойство и изумление. Одно из двух: поэзия должна представлять перед ними в образе либо гения, либо призрака. Только это научит людей верить в существование поэзии и внушит им уважение к поэту. И, кстати, я нигде не встречал большего уважения к поэту, чем среди этого разряда людей¹, но нигде — уважения столь бесплодного и лишённого сочувствия. Во всем том, что кроется во влечении к поэту, есть нечто, и каким бы завзятым реалистом Вы ни были, Вы все же должны признать, что именно это нечто, этот икс и является зародышем идеализма и что только он

еще препятствует тому, чтобы реальная жизнь с ее обыденной эмпирией не уничтожила вконец всякую восприимчивость к поэтическому началу. Разумеется, верно, что это далеко еще не обеспечивает подлинно прекрасного и эстетического настроения, а зачастую, напротив, даже сковывает его, как сковывают свободу моральные тенденции; однако немалый выигрыш состоит уже в том, что здесь открывается некий выход из эмпирии.

С моим протеже, господином Шмидом, я, как вижу, действительно не снискал великой славы; тем не менее буду надеяться на лучшее, пока хватит сил. Такова уж моя печальная судьба, что для меня чрезвычайно важно, годятся ли на что-нибудь другие люди и может ли из них что-нибудь выйти; поэтому я как можно позднее отступлюсь от этих людей — от Гёльдерлина и от Шмида.

Господин Шмид, такой, каков он сейчас, представляет собой, разумеется, лишь карикатурную антитезу франкфуртскому эмпирическому миру, и подобно тому, как у последнего нет времени углубиться в себя, точно так же Шмид и ему подобные просто не в состоянии выйти из своих пределов. Я бы сказал, что в одном случае мы обнаруживаем достаточно чувства при отсутствии объекта, на который оно направлено, а в другом — голый и пустой объект, безо всякого чувства. И, таким образом, повсюду лишь материалы для человека, такого, каким он нужен поэту, однако они разъяты и рассеяны.

Хотел бы я знать, остались бы все эти Шмиды, Рихтеры и Гёльдерлины абсолютно и при всех обстоятельствах столь же субъективными, экзальтированными и односторонними и зависит ли это от чего-то первичного в них самих или же это — печальное следствие лишь недостатка эстетической пищи и влияния извне, а также оппозиции того эмпирического мира, в котором они живут, их идеальному порыву. Я весьма склонен думать, что верно последнее, и даже если какая-нибудь сильная и счастливая натура и преодолевает все препятствия, однако, представляется мне, на этом пути погибает не одно хорошее дарование.

И, разумеется, чрезвычайно справедливо Ваше замечание относительно того, что у людей, приходящих в поэзию и т. п. из определенного сословия, наблюдается известная серьезность и некоторая вдумчивость, но отнюдь не свобода, спокойствие и ясность. Серьезность и

вдумчивость — естественное и неизбежное следствие тех случаев, когда между внутренней склонностью и обычными занятиями образуется противоречие, когда человек изолирован и вынужден довольствоваться собственным обществом, так что купеческий сын, который сочиняет стихи, должен отличаться тем большей вдумчивостью, что все вокруг наталкивает его именно на это. И точно так же вполне естественно, что он склоняется скорее к моральной, нежели эстетической стороне дела, ибо чувства его отличаются страстностью, ибо он загнан в свой внутренний мир, ибо явления внешнего мира скорее отталкивают, чем привлекают его, — и, следовательно, он никогда не сможет достичь ясного и спокойного взгляда на них.

В подтверждение Вашего замечания я нахожу, что те, кто приходят в поэзию из свободных сословий, выказывают, напротив, известную свободу, ясность и легкость, но вместе с тем и недостаточную серьезность и вдумчивость. У первых характерное выпячивается настолько, что превращается почти в карикатуру и всегда отличается определенной односторонностью и резкостью; у вторых следует опасаться бесхарактерности, поверхностности и чуть ли не легковесности. Я бы сказал, что первые ближе к эстетическому по форме, вторые, напротив, по содержанию. К этому выводу я пришел, сравнивая наших поэтесс — иенскую и веймарскую. Наша приятельница Мери действительно отличается известной вдумчивостью, а порой даже и некоторой значительностью чувств, и я не могу отказать ей и в известной глубине. Просто она сформировалась в одиночестве и в условиях конфликта с внешним миром. Амалию Имхоф, напротив, привело к поэзии не сердце, но одно лишь воображение, и в продолжение всей своей жизни она так и будет предаваться игре фантазии. А поскольку, по моему убеждению, эстетическое одновременно включает в себя серьезность и игру, причем серьезность обусловлена содержанием, а игра — формой, то Мери всегда будет недостаточно поэтичной в отношении формы, а Имхоф в отношении содержания. С моей свояченицей дело обстоит особым образом: у нее есть достоинства обеих поэтесс, однако чрезмерный произвол воображения отдаляет ее от того, что является подлинно важным.

Я уже говорил Вам как-то, что высказал в письме

к Козегартену свое мнение и с нетерпением ждал его ответа. Теперь он написал мне; он очень благодарит меня за мою откровенность. Однако ему ничем уже не можешь, и это видно из того, что он к этому же письму прилагает объявление о выходе в свет своих стихотворений, которое мог сочинить разве что сумасшедший. Некоторым людям нельзя помочь, а этому в особенности отец богов выковал на лоб медный обруч.

Посылаю Вам наконец «Ивика»². Надеюсь, что Вы останетесь им довольны. Признаюсь, что при ближайшем знакомстве с материалом я встретил гораздо больше трудностей, чем ожидал вначале, однако, как мне представляется, бóльшую часть их я преодолел. Два главных момента, от которых это зависело, состояли, казалось мне, в следующем: необходимо было, *во-первых*, сообщить повествованию последовательность, которой недоставало первоначальной фабуле, и, *во-вторых*, подготовить на строение для заключительного эффекта. Я еще не приступал к окончательной отделке, так как закончил балладу только вчера вечером, и для меня необычайно важно, чтобы Вы поскорее прочитали ее, а я успел бы воспользоваться Вашими замечаниями. Для меня всего приятнее было бы услышать, что в самых существенных моментах я схожусь с Вами. Посылаю Вам также два пробных листа альманаха. Следующее письмо к Вам я адресую непосредственно Котте, так как, полагаю, в конце месяца Вас уже во Франкфурте не будет.

Здоровье мое с прошлой недели улучшилось, и в доме также все обстоит благополучно. Моя жена шлет Вам сердечный поклон. О Гумбольдтах со времени их отъезда из Дрездена я ничего еще не слышал. Из наследия Готтера³ я получил его оперу «Остров духов», представляющую собой переработку шекспировской «Бури»; я прочитал первый акт, который оказался весьма худосочен и жидковат. Тем не менее благодарю небо за то, что могу заполнить несколько листов в «Орах», и при этом—произведением столь классического писателя, горестно сетовавшего перед смертью на эпоху гениев и ксениев. Вот так мы заставляем Готтера, который при жизни не желал знаться с «Орами», появиться в них, словно призрак, после смерти.

Будьте здоровы, поскорее дайте вновь знать о себе.

Шиллер

359. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Франкфурт, 22 августа 1797 года

Ваша обильная и прекрасная посылочка добралась до меня как раз вовремя. Через несколько дней я собираюсь уехать отсюда, а пока еще могу сказать Вам несколько слов обо всем присланном.

Альманах уже имеет весьма внушительный вид¹, особенно когда знаешь, что еще предстоит там увидеть. Эпические стихотворения придают ему своеобразный характер.

«Ивиковы журавли», по-моему, чрезвычайно удались, переход к театру превосходен, а хор Эвменид появляется в должном месте. Поскольку поворотный момент уже найден, то теперь вся фабула не мыслится без него, и если бы я размышлял над своей обработкой, мне также пришлось бы включить сюда этот хор.

А теперь и несколько замечаний: 1) Журавли как *перелетные птицы* должны образовывать целую стаю, которая и проносится как над Ивиком, так и над театром; они появляются как природный феномен и, таким образом, встают в один ряд с солнцем и другими закономерными явлениями. Этим устраняется также элемент чуда, поскольку, в сущности, нет никакой надобности в том, чтобы это были те самые журавли,— это может быть лишь какой-нибудь отряд большой перелетной стаи, и такая случайность, как мне представляется, и создает собственно таинственное и необычное в этой истории. 2) Кроме того, я вставил бы после 14-го стиха, когда Эриннии уже удалились, еще один стих, чтобы изобразить настроение народа, в которое его привели слова хора, и перейти от серьезных рассуждений добрых людей к равнодушной беспечности злодеев, а затем уж пусть убийца выкрикнет свое неосторожное замечание,— хоть и глупо, грубо и громко, но достаточно внятно лишь для непосредственно окружающих его зрителей: отсюда возникнут пререкания между ним и ближайшими его соседями, народ насторожится и т. д. Благодаря этому, равно как и благодаря *полету журавлей*, все события развивались бы совершенно естественным образом и, на мой взгляд, впечатление от этого усилилось бы, тогда как теперь 15-й стих начинается слишком громко и значительно, и тут словно бы ожидаешь чего-то иного. Если Вы еще кое-где слегка подправите рифмы,

то все прочее делается как бы само собою, и мне остается только поздравить Вас еще и с этой удавшейся работой².

Что же касается особого состояния, в котором находится наблюдательный путешественник, то тут я приобрел некоторый опыт и постиг, в чем состоит недостаток, столь частый в путевых описаниях. К каким ухищрениям ни прибегай, а все же в путешествии видишь вещи лишь с одной стороны и судишь слишком поспешно, хотя в то же время видишь их с этой стороны очень живо и судишь в известном смысле справедливо. Поэтому я завел себе папки, в которые отдаю вшивать всевозможные печатные материалы, попадающиеся мне теперь: газеты, еженедельники, выдержки из проповедей, театральные афиши, предписания властей, преискуранты,— а вместе с тем заносу туда и мои заметки обо всем увиденном и мои непосредственные суждения на этот счет; потом я говорю об этих вещах в обществе и высказываю свое мнение, чтобы сразу же увидеть, насколько я хорошо осведомлен и насколько мое суждение совпадает с суждением людей более компетентных. Этот новый поучительный опыт я также отмечаю в своих папках, и таким образом собираются материалы, которые должны и в будущем сохранить для меня интерес в качестве истории внешней и внутренней. Если при всех этих предварительных сведениях и известных душевных навыках у меня достанет охоты продолжать эту работу еще некоторое время, я соберу большое количество материала.

Я уже обнаружил несколько поэтических сюжетов, которые затаю пока в своем сердце: в первое мгновение никогда ведь не знаешь в точности, что именно из первоначального опыта может быть выделено как подлинно значимое содержание.

При всем том не стану скрывать, что меня не раз уже охватывала тоска по долине Заале, и если бы я сегодня перенесся туда, то тотчас же, безо всякой оглядки на проделанный путь, принялся бы за «Фауста» или за другую поэтическую работу.

Из-за забот об альманахе Вы теперь, вероятно, мало думаете или даже вовсе не думаете о «Валленштейне»? Сообщите мне что-нибудь о нем, когда вновь приметесь за работу.

Здесь театр в известном смысле недурен, и все же труппа тут слишком слаба: она, конечно, понесла чересчур уж жестокий урон в прошлом году. Не знаю, право, какую значительную пьесу можно было бы сейчас поставить здесь более или менее сносным образом.

Франкфурт, 23 августа 1797 года

К тому, что я сказал вчера относительно Вашей баллады, я должен еще кое-что прибавить сегодня для большей ясности. Поскольку середина баллады Вам очень удалась, мне бы хотелось, чтобы Вы прибавили к экспозиции еще несколько стихов, тем более что стихотворение в любом случае окажется не слишком длинным. *Meo voto* *, Ивик должен был бы встретиться с журавлями еще раньше, в пути; пусть он сравнит себя, странника, с этими странствующими птицами, себя, гостя, с этими гостями; пусть он увидит в этом доброе предзнаменование, а затем, попав в руки убийц, пусть обратится к уже знакомым ему журавлям, своим спутникам, и призовет их в свидетели. Если это окажется удобным, он мог бы даже заметить их стаи еще с палубы корабля. Как видите, я стремлюсь, как и сказал уже вчера, превратить этих журавлей в протяженный и широкий феномен, который, как мне кажется, прекрасно может быть связан с протяженной и всеохватывающей нитью Эвменид. Относительно конца баллады я уже высказал вчера свое мнение. Кроме этого, в моем черновом наброске нет ничего, что могло бы Вам пригодиться для стихотворения.

Вчера у меня побывал и Гёльдерлин. Вид у него несколько подавленный и болезненный, однако он и в самом деле очень мил и при всей своей скромности и даже робости прямодушен. Он коснулся в беседе различных предметов, обнаружив при этом Вашу школу; многие основные идеи он усвоил прекрасно, так что с легкостью воспринимал новое. Я особенно советовал ему писать небольшие стихотворения и выбирать для каждого из них по-человечески привлекательную тему. Он, как мне показалось, обнаружил некоторую склонность к средним векам, в чем я не мог поддержать его. Капитана Штейгентша я, вероятно, уже не увижу, он то уезжает, то приезжает, я несколько раз не заставал его дома, и за-

* По моему мнению (латин.).

писку, которую я оставил ему напоследок, он получит, по-видимому, уже после моего отъезда. Кланяйтесь от меня Вашей милой жене и нашим приятельницам-поэте-сам. Я все еще надеюсь послать Вам что-нибудь для «Альманаха Муз»; быть может, швабский воздух окажется более благотворным. По сути дела, я только теперь отправляюсь в чужие края и с тем большим нетерпением буду ждать Вашего письма у Котты.

Г.

Франкфурт, 24 августа 1797 года

Я все же хотел бы сказать Вам еще об одной работе, которую я начал и которая, быть может, пригодится для «Ор»³. У меня собралось до двухсот французских сатирических гравюр; я разбил их сейчас на группы и увидел, что они направлены:

I. Против чужеземцев

- a) Англия.
- b) Папа.
- c) Австрия.

II. Против соотечественников

- a) Былое царство террора.
- b) Нынешние нелепости
 1. Изображающие явления в преувеличенном виде.
 2. В их взаимосвязи.
 3. В их отношении к нелепостям прошлого.
 4. В финансовом и других политических отношениях.

c) Против врагов искусства.

Я принялся теперь описывать их каждую в отдельности, и дело подвигается очень хорошо. Поскольку они по большей части говорят что-нибудь уму, а к тому же остроумны, символичны и аллегоричны, то воображению они зачастую представляются столь же хорошо и даже лучше, чем глазу; если просмотреть большое их количество, можно в целом прийти к весьма любопытным наблюдениям относительно французского духа и искусства, а отдельные явления даже при неумении и нежелании «лихтенбергизировать»⁴ побуждают к таким веселым и живым описаниям, что читать их будут с удовольствием. В Швейцарии я, несомненно, найду еще больше гравюр, и к тому же, возможно, из числа более ранних. Из этого могла бы получиться весьма занятная

статья, которая послужила бы изрядным вкладом в октябрьский номер. В «Меркурии», «Модном журнале» и еще кое-где уже были помещены некоторые из них; я же теперь сделаю общий обзор. Надеюсь, что во время путешествия мне встретится еще много вещей в этом или подобном роде и что с октября я снова буду служить Вам своими усердными взносами. Ведь, в сущности, стоит только решительно взяться за дело, как оно пойдет. Нынешний альманах радует меня вдвойне, потому что мы успешно завершили его, по сути дела, лишь благодаря воле и настойчивости, и если только Вы будете постоянно воодушевлять и подбодрять Ваших поэтических друзей и подруг, то нам снова хватит месяца совместной работы будущей весной, чтобы подготовить и следующий выпуск.

Будьте здоровы и пишите мне чаще и больше. Мой баул уже отправлен в Штутгарт, и когда погода, которая в последнее время была дождливой, холодной и пасмурной, снова прояснится (что, кажется, вскоре произойдет), я тотчас же велю запрягать. По горным дорогам мне, конечно, хотелось бы проехать в очень ясный день.

Г.

360. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 30 августа 1797 года

Я полагал, что нахожусь на пути к выздоровлению, когда писал Вам в последний раз, однако вот уже неделю я страдаю простудной лихорадкой и затыжным кашлем, который разносится по всему дому. Правда, лихорадка сегодня оставила меня в покое, но кашель еще очень мучает, а голова просто раскалывается. Только это я и хотел сообщить Вам, дорогой мой друг, в оправдание моего молчания.

Мы с нетерпением ждем вестей от Вас и очень хотели бы знать, где теперь сможем найти Вас. При сем Вы получите новые пробные листы.

Ответ на Ваше милое письмо, которое я получил 20-го, мне придется отложить до тех пор, пока моя голова не станет снова ясной.

И во время путешествия я вынужден докучать Вам, дорогой друг. Прошу Вас, думайте порой об «Орах», — не даст ли им что-нибудь Ваше путешествие. Нужда ве-

лика, и в особенности теперь, когда сам я неспособен помочь здесь чем-либо. При таких помехах мне трудно будет найти настроение и время для моего «Колокола», которому еще очень и очень далеко до отливки¹.

Будьте здоровы и бодры и продолжайте ободрять меня и издалека. Мы со всеми, кто принадлежат к нашему кругу, думаем о Вас с сердечным участием. Моя жена шлет Вам множество поклонов. Всего хорошего.

Ш.

Несколько минут назад, к нашей неожиданной и великой радости, прибыло Ваше последнее письмо. Сердечно благодарю за то, что Вы говорите об «Ивике», — и, разумеется, все, в чем я смогу следовать Вашим советам, будет сделано. Здесь я вновь отчетливо ощутил, насколько важны непосредственное знание и опыт и для поэтического замысла. Мне журавли известны лишь по нескольким басням, для которых они послужили поводом, и этот недостаток непосредственного созерцания помешал мне заметить, как прекрасно можно использовать это явление природы. Я постараюсь придать этим журавлям, которые являются ведь воплощением рока, большую широту и значимость. Пока еще мне не ясно, как изменить переход к возгласу убийцы, хотя я чувствую, что здесь нужно кое-что сделать. Однако при первом же проблеске хорошего расположения духа все это, быть может, образуется.

Еще раз благодарю за письмо. Если мое состояние позволит, послезавтра непременно напишу Вам.

Будьте здоровы.

Ш.

361. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Штутгарт, 30 августа 1797 года

После того как сегодня ночью я не раз взывал к Вам за помощью как к святому заступнику всех страждущих бессонницей детей человеческих и, воистину укрепившись Вашим примером, выдержал ужасающее нападение клопов во чреве «Римского императора», я должен теперь, согласно принятому обету, без промедления известить Вас о моих обстоятельствах.

25-го я выехал из Франкфурта и совершил приятную поездку под облачным небом до Гейдельберга, где при

совершенно ясной солнечной погоде почти весь следующий день с восторгом осматривал окрестности города.

27-го я выехал очень рано, в жаркое время дня отдыхал в Зинсхейме и не слишком поздно прибыл в Гейльбронн. Этот город с его окрестностями очень интересовал меня, я оставался там 28-го и выехал 29-го ранним утром, так что уже в 9 часов был в Людвигсбурге, в 5 часов вечера снова продолжил свой путь и на заходе солнца прибыл в Штутгарт, который в кольце гор выглядел в вечерних сумерках чрезвычайно строго.

Сегодня утром я осматривал только город; его планировка и в особенности его аллеи мне очень понравились. В лице господина Раппа я нашел весьма предупредительного человека и достойного любителя искусства; у него прекрасные способности к пейзажным композициям, хорошие познания и опыт. Мы тотчас же отправились с ним к профессору Даннекеру, у которого я увидел Гектора, бранящего Париса (гипсовую модель несколько более натуральной величины), лежащую обнаженную женскую фигуру в характере томящейся Сафо, законченную в гипсе и начатую в мраморе, а также маленькую сидящую фигуру, погруженную в печаль, комнатную статую. Кроме того, я видел у него гипсовую модель бюста нынешнего герцога, который обещает быть особенно удачным в мраморе, а также его собственный бюст, который, говоря безо всякого преувеличения, полон жизни и выразительности. Но что меня особенно поразило, так это оригинальная отливка Вашего бюста, отличающаяся такой правдивостью и точностью, что это действительно вызывает изумление. Копия, находящаяся у Вас¹, не позволяет даже и догадываться о достоинствах этой работы. Бюст начат теперь и в мраморе, и если выполнение окажется столь же удачным, то это будет подлинно выдающееся произведение. Я еще видел у него небольшие модели, весьма удачно задуманные и выполненные; только его мучает то же самое, что и всех нас, нынешних художников: выбор сюжетов. Эта проблема, которую мы так часто обсуждали, а в последний раз снова затронули в связи со статьей о Лаокооне², по-прежнему предстает предо мной во всем своем высшем значении. Когда же наконец мы, бедные художники нового времени, сможем возвыситься до понимания этой основной идеи?!

Я также видел у него вазу из серого с прожилками алебастра работы Изопи, о котором нам так много рассказывал Вольцоген. Но эта работа не поддается никакому описанию, и никто не сможет получить хоть какое-то представление об ее совершенстве, не увидев ее. Камень в том, что касается цвета, не очень удачен, но зато как материал он превосходен. Поскольку он легче поддается обработке, чем мрамор, то из него можно делать такие вещи, для которых мрамор совершенно не подходит. Если Челлини, как можно предполагать, задумывал и выполнял свои листья и украшения из золота и серебра, то нельзя ему ставить в упрек, что он сам с восторгом говорит о своей работе.

Началось восстановление той части замка, которая при герцоге Карле сгорела тотчас же, как была построена; теперь занимаются карнизами и потолками. Изопи моделирует отдельные детали декора, которые затем отливаются и прикрепляются другими лепщиками; его украшения отмечены большим изяществом и вкусом, причем у него особое пристрастие к птицам, фигуры которых он чрезвычайно удачно моделирует и использует в привлекательном сочетании с другими украшениями. Композиции в целом присуща определенная оригинальность и легкость.

В мастерской профессора Шеффауэра (самого его я не застал) я видел спящую Венеру с Амуром, который снимает с нее покрывало: группа из белого мрамора, довольно искусная по отделке и расположению фигур; только рука, которую Венера закинула назад, за голову, производит неудачное впечатление, когда рассматриваешь статую с наиболее выгодной точки обзора. Видел еще несколько барельефов на античные сюжеты, а также модели к памятнику, сооружаемому супругой нынешнего герцога в ознаменование того, что государь выздоровел благодаря молитвам народа и семьи. Обелиск уже стоит на замковой площади, украшенный гипсовыми моделями.

В отсутствие профессора Гетша его супруга показала нам его рабочую залу. Картина, изображающая всю его семью, с фигурами в натуральную величину, имеет много достоинств; особенно его собственное изображение в высшей степени правдиво и естественно. Картина написана в Риме. Портреты его работы очень хороши и выразительны и, должно быть, очень похожи. Он начал

теперь историческую картину — сцену из «Мессиады», где Мария беседует с Порцией, женой Пилата, о блаженстве вечной жизни и убеждает ее. Что Вы скажете вообще относительно этого выбора? И что может выражать прекрасное лицо, на котором должно быть запечатлено предчувствие небесных восторгов? Впрочем, к голове Порции он сделал два этюда с натуры: один — с римлянки, одухотворенной, пылкой, великолепной брюнетки, второй — с белокурой, доброй, мягкой немки. У обеих в выражении лиц ровно ничего неземного нет (что само собой разумеется); но если такая картина и будет написана, то в ней и не должно быть никаких индивидуальных черт. И все же голову римлянки хотелось бы запечатлеть в памяти. Сама же эта сугубо немецкая идея чрезвычайно раздосадовала меня. Стоит ли хорошему живописцу вступать в состязание с поэтом, если он способен привести поэта в отчаяние уже тем, что может сделать только он один и что, в сущности, он и должен был бы делать!

Профессора Мюллера я застал за портретом Граффа, который написан самим Граффом. Голова просто превосходна, живописец обнаруживает здесь во всем блеске свое умение видеть; мне только не нравится его поза: он перегнулся через спинку стула, а так как спинка эта сломана, то картина кажется продырявленной внизу. Хотя гравюра еще не закончена, однако она также обещает быть превосходной. Кроме того, он работает над новой картиной на сюжет «Смерть генерала», то есть генерала американской армии, молодого человека, павшего под Банкерхиллом³. Картина написана американцем Трамблом и выказывает достоинства художника и недостатки любителя. Достоинства: очень характерные лица, написанные превосходными мелкими мазками. Недостатки: несоразмерность пропорций как в соотношении тел между собой, так и в них самих. Композиция же, применительно к сюжету, вполне удачна, и для картины, в которой должно быть столько красных мундиров, краски подобраны весьма обдуманно; тем не менее она кажется кричащей до тех пор, пока с ней не примиришься из-за ее достоинств. Гравюра в целом чрезвычайно хороша и превосходно выполнена во всех деталях. У него же висит превосходный оттиск замечательной гравюры с изображением последнего короля Франции.

Вечером мы посетили господина Руоффа, председателя консистории, у которого имеется замечательное собрание рисунков и гравюр, причем часть их, к удовольствию и для удобства любителей, развешана в рамках под стеклом. Затем мы отправились в сад к господину Раппу, и я вновь имел удовольствие наслаждаться обдуманнами и прочувствованными суждениями этого человека о многих предметах искусства, а также живостью господина Даннекера.

31 августа 1797 года

Вот примерное содержание вчерашнего дня, который я, как видите, провел весьма удачно. Можно было бы, впрочем, сделать еще некоторые замечания. В особенности прискорбно для архитектуры следующее: чего мог бы достичь герцог Карл при своем стремлении к некоторому величию, если бы он обладал подлинным пониманием этого искусства и если бы ему посчастливилось найти дельных художников для выполнения своих планов! Однако совершенно очевидно, что у него было только определенное влечение к роскоши, но отнюдь не вкус, да и в те времена архитектура во Франции, откуда он черпал свои образцы, сама находилась в упадке. Мне сейчас чрезвычайно хочется увидеть Хознхейм.

После всего того, что я изложил здесь так, как если бы это по большей части не было известно Вам самому, должен сказать: в дороге я напал на один поэтический жанр, в котором нам следует побольше практиковаться в будущем и который, возможно, сослужит добрую службу следующему альманаху. Это *песенные диалоги*. В так называемую старонемецкую эпоху у нас бывали очень славные вещи такого рода, и в этой форме многое можно выразить, только сперва нужно вникнуть в суть жанра и овладеть его особенностями. Я уже начал один такой диалог между мальчиком, влюбленным в дочь мельника, и мельничным ручьем⁴; надеюсь вскоре послать его Вам. Благодаря этому приему оживают все поэтические фигуры, тропы и аллегии, а в путешествии, когда воспринимаешь так много явлений, этот жанр особенно хорош.

Очень любопытно также наблюдать в данном случае, какие именно сюжеты подходят к этому способу обработки. Не могу выразить Вам, не повторяя прежних

моих иеремиад, до чего беспокоят меня теперь промахи в выборе сюжета, в особенности у скульпторов, ибо эти художники, несомненно, тяжелее других расплачиваются за ошибки и разброд нашего времени. Как только я встречаюсь с Мейером и воспользуюсь его соображениями, о которых он меня извещал, тотчас же займусь этой темой и изложу хотя бы главные ее моменты. Но и Вы продолжайте тем временем думать о поэтических формах и сюжетах.

Не раз мне приходилось задумываться и о театрально-комическом, и я пришел здесь к тому выводу, что обрести таковое можно только среди больших, более или менее грубых, человеческих масс и что нам, к сожалению, никак не удастся найти у нас капитал такого рода, который можно было бы поэтически пустить в рост.

Между прочим, от войны здесь пострадали очень сильно и все еще продолжают страдать. Если французы забирают в стране 5 миллионов, то имперцы, по-видимому, поглотили уже миллионов 16. И все же, будучи чужестранцем, приходишь в изумление от невообразимого плодородия этой страны и начинаешь понимать, что она в состоянии нести это бремя.

Вас и всех Ваших вспоминают здесь с большой любовью и радостью и даже, позволю себе сказать, с энтузиазмом. И на этом позвольте сегодня проститься с Вами. Котта по-дружески пригласил меня остановиться у него, и я с благодарностью принял его приглашение, так как до сих пор мне пришлось больше претерпеть бед в гостиницах, чем в дороге, особенно в жаркую погоду.

4 сентября

Пора наконец отправить это письмо, Ваше же я надеюсь найти у Котты в Тюбингене, куда рассчитываю прибыть в скором времени. Здесь мне жилось очень хорошо, и я прекрасно себя чувствовал в том обществе, куда меня ввела Ваша записка⁵. Меня всячески занимали, старались все показать и со многими познакомили. Будь здесь Мейер, я, вероятно, решил бы остаться здесь подольше; естественно, что, оказавшись среди такого обилия наук и искусств, я только теперь замечаю многое из того, что может мне еще очень пригодиться,— и в самом деле поразительно, к чему только не стремятся люди. Но что меня особенно радует и из-за чего,

собственно, мне приятно было бы побыть здесь подольше, это то, что и я, и те, с кем я виделся чаще всего, значительно продвинулись вперед за короткое время благодаря обмену мнениями, так что общение оказалось благотворным для обеих сторон. Относительно некоторых основных моментов я достиг подлинного согласия с Даннекером, а к пониманию некоторых других вроде бы склоняется Рапп, человек по натуре славный, жизнерадостный и свободомыслящий. Хотя принципы его — это принципы любителя, которые, как известно, отличаются особым характером, не слишком благоприятным для серьезного искусства, однако чувства его естественны и живы, и он быстро улавливает мотивы тех или иных художественных суждений, даже если они отличаются от его собственных. Я рассчитываю уехать отсюда послезавтра и надеюсь найти в Тюбингене письмо от Вас.

Помимо того, что я довольно прилежно заношу в свои папки то, что встречается мне, я записываю всякую всячину, приходящую мне в голову благодаря различным беседам и обстоятельствам, так что из этого мало-помалу возникают небольшие статьи⁶, которые, быть может, окажутся под конец связанными воедино.

Будьте здоровы, кланяйтесь всем и продолжайте время от времени писать мне на адрес Котты, который всегда будет осведомлен о месте моего пребывания.

Г.

362. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 7 сентября 1797 года

Наконец-то я начинаю вновь обретать самого себя и свое обычное расположение духа. После того как я отправил Вам мое последнее письмо, мое нездоровье еще усилилось, я давно уже не чувствовал себя так скверно, и это продолжалось до тех пор, пока рвотное не привело все в порядок. Почти все мои занятия были приостановлены на это время, а те немногие сносные минуты, что выпадали на мою долю, отнимал у меня альманах. Такого рода занятие благодаря своему безостановочному и неумолимо последовательному ритму содержит в себе нечто благотворное, ибо оно устраняет всякий произвол и возобновляется с такою же последовательностью, с какою день сменяется ночью. Берешь себя в руки, пото-

му что это необходимо, и если ставишь себе определенные требования, то дело от этого также не проигрывает. Мы теперь уже заканчиваем печатание альманаха, и если декор, обложка, титульная гравюра и ноты не задержат нас, то книжку можно будет разослать еще до Михайлова дня. Что касается «Ивика», то я внес в него существенные изменения в соответствии с Вашим советом; экспозиция теперь не так скудна, герой баллады стал более привлекательным, да и журавли сильнее занимают воображение и привлекают к себе внимание настолько, чтобы к моменту своего последнего появления их не забыли за всем предшествующим.

Однако в том, что связано с Вашим замечанием относительно развязки, исполнить Ваше желание полностью оказалось для меня невозможным. Если я представлю дело таким образом, что возглас убийцы будет услышан лишь ближайшими соседями и что среди них начнется движение, которое постепенно сообщится всем зрителям наряду с вызвавшей его причиной, то я обремению себя деталью, которая именно здесь, в момент столь нетерпеливого ожидания, создаст слишком много помех, ослабит целостность впечатления, рассеет внимание и т. д. Между тем мое изложение не должно вступать в сферу чудесного, я намеренно избегал этого уже в черновом наброске, только оставил все это слишком уж неопределенным. Катастрофа должна объясняться простой, естественной случайностью. Эта случайность направляет полет стаи журавлей над театром; убийца находится среди зрителей, и хотя трагедия нисколько не тронула, не потрясла его (этого я не думаю), однако она *напомнила* ему об его злодеянии, а стало быть, и о том, что происходило при этом; душа его занята этим, и, следовательно, появление журавлей как раз в этот момент должно поразить его: он грубый и тупой парень, всецело поддающийся под власть мгновенного впечатления. При подобных обстоятельствах громкий возглас совершенно естествен.

Поскольку я усадил его *наверху*, где обычно располагается простой люд, то, *во-первых*, он может увидеть журавлей раньше, чем они появятся над серединой театра, вследствие чего я выигрываю в том, что возглас предшествует реальному появлению журавлей, от чего здесь многое зависит, и, таким образом, их реальное появле-

ние обретает большую значимость. *Во-вторых*, я выигрываю в том, что поскольку он кричит сверху, то его легче услышать. А тогда нет ничего неправдоподобного в том, что его крик слышит весь театр, хотя и не все понимают слова.

Самому впечатлению, произведенному его восклицанием, я посвятил еще одну строфу, однако само раскрытие преступления как следствие этого возгласа я намеренно не изобразил более обстоятельно, ибо как только *путь* к обнаружению убийцы открыт (а это совершается благодаря крику и последующими за ним замешательству и страху), баллада кончена, и все последующее уже не существует для поэта.

Балладу в ее нынешнем измененном виде я послал Бёттигеру, чтобы узнать у него, не противоречит ли в ней что-либо древнегреческим обычаям¹. Как только я получу ее обратно, то тотчас же окончательно отделаю ее и спешно сдам в печать. Надеюсь в следующем письме прислать ее оттиск вместе с последней частью альманаха. Шлегель также прислал еще один романс, в котором излагается история Ариона с дельфином². Замысел, быть может, и недурен, однако выполнение его кажется мне холодным, сухим и неинтересным. Он собирался также обработать в виде баллады «Сакунталу», — странная для него затея, от которой да убережет его ангел-хранитель.

Ваше предпоследнее письмо от 16 августа я получил со значительным опозданием, потому что Бёттигер, который должен был доставить его, был в отъезде. Ваш сентиментальный феномен несколько не удивляет меня, и мне кажется, что Вы сами исчерпывающе объяснили его себе. Поэтическим натурам, если не человеческим душам вообще, присуща потребность терпеть вокруг себя как можно меньше пустоты, усваивать посредством ощущений как можно больше из окружающего мира, доискиваться до самой сути всех явлений и требовать повсюду цельности человеческого существа. Если объект как индивидуум пуст и поэтому в поэтическом отношении бессодержателен, то в ход пускается абстрактное мышление, пытающееся воспринять его с символической стороны и выразить его благодаря этому на языке, доступном человеку. Однако сентиментальное (в хорошем смысле) всегда является следствием поэтического стремления,

которое не находит полного удовлетворения в силу причин, кроющихся либо в объекте, либо в душе. Подобная поэтическая потребность, при которой отсутствуют чисто поэтическое настроение и поэтический объект, и составляет, по-видимому, Ваш случай, и то, что Вы при этом испытали, есть не что иное, как общая история сентиментального мироощущения и полное подтверждение всего того, что мы с Вами установили по этому поводу.

Только одно еще должен я при этом заметить. Вы высказываетесь таким образом, словно бы здесь особую важность имеет объект, но с этим я не могу согласиться. Разумеется, объект должен *значить* что-то, равно как объект поэтический должен *быть* чем-то; однако в конечном счете только дух определяет, значит ли что-нибудь для него объект; таким образом, мне представляется, что пустота или содержательность кроются скорее в субъекте, нежели в объекте. Именно дух устанавливает здесь границы, и здесь, как и везде, банальность или значимость определяются, на мой взгляд, только обработкой материала, а не его выбором. Тем, что оказались для Вас оба упомянутых места, могли бы, вероятно,— при других обстоятельствах и при более углубленном поэтическом настроении — послужить любая *дорога* или *мост*, любой *корабль*, *плуг* или какое-нибудь другое механическое орудие.

Но только не гоните от себя эти сентиментальные впечатления: ищите для них выражение всякий раз, когда это будет возможно для Вас. Ничто, кроме поэзии, не очищает душу от пошлого и обыденного так, как подобное созерцание предметов, благодаря которому весь мир находит воплощение в единичном, а плоские явления приобретают бесконечную глубину. Если это и не поэтическое, то, как Вы сами выражаетесь, человеческое, а ведь человеческое всегда есть начало поэтического, лишь образующего его вершину.

Сегодня, то есть 8-го, я получил письмо от Котты, который сообщает мне, что Вы с 30-го находитесь в Штутгарте. Не могу себе представить Вас в Штутгарте, не впад в свою очередь в сентиментальное настроение. Чего бы я ни отдал 16 лет тому назад за то, чтобы встретиться с Вами на этой земле,— и какое странное чувство возникает у меня, когда я сопоставляю наши нынешние отношения с теми обстоятельствами и наст-

роениями, которые воскрешают в моей памяти мысль об этих местах! Мне не терпится узнать, насколько хватило у Вас желания и причин оставаться в тех краях. Надеюсь, что мое письмо от 30-го еще застало Вас там; нынешнее же, вероятно, нагонит Вас лишь в Цюрихе, у нашего друга, которому я шлю сердечный привет.

Сообщите мне, пожалуйста, в ближайшем письме, как поступить с предназначенными для Вас экземплярами альманаха, — куда и кому я должен послать их.

Меня искренне радует то, что Вы подумали и об «Орах» и позволили мне надеяться получить что-нибудь для них в октябре. Благодаря тому, что Вы предприняли для овладения всей массой внешних впечатлений, к Вам, должно быть, устремился неисчерпаемый поток материала.

Мне было очень приятно узнать, что Гёльдерлин успел представиться Вам; он не писал мне о том, что собирается сделать это, так что, по-видимому, разом набрался духу. Здесь объявился еще один поэтический гений шлегелевского типа и склада³. Он написал подражание «Пигмалиону» Шлегеля — символического «Фазтона» в том же вкусе. Хотя вещь эта довольно нелепа, однако она обладает некоторыми достоинствами благодаря владению стихом и отдельным удачным мыслям.

Будьте здоровы и позволяйте мне по-прежнему следовать за Вашим духом. Сердечный поклон от моей жены. Ваш малыш, как я слышал, уже совершенно здоров.

Ш.

363. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

[Тюбинген, 12 сентября 1797 года]

Ваше письмо от 30 августа, полученное мною по приезде в Тюбинген, обещает мне, что вскоре за ним последует и второе, однако его до сих пор еще нет. Лишь бы не болезнь, о которой Вы пишете, оказалась причиной этой задержки!

Меня радует, что Вы сможете воспользоваться тем, что я написал об «Ивике»; в сущности, именно в этом и состояла идея, которую я собирался положить в основу своей обработки, и в сочетании со всеми остальными удачами Вашей трактовки она позволит, мне кажется, придать целому полноту и законченность. Если бы только Вы успели завершить «Колокол» еще для этого альма-

наха, ведь это стихотворение явится одним из самых благородных и самобытных его украшений!

С 4 сентября, когда я послал Вам мое последнее письмо, все шло у меня превосходно. В Штутгарте я оставался еще три дня, причем успел еще познакомиться со многими лицами и увидеть много интересного. Когда я заметил, что мои отношения с Раппом и Даннекером достаточно упрочились и что они оба склонны воспринять многие принципы, которые столь важны для меня теоретически, да и сами они, со своей стороны, сообщили мне много приятного, дельного и полезного, я решился прочитать им «Германа» и выполнил это в один из вечеров. У меня были все основания радоваться тому впечатлению, которое он произвел, и для всех нас эти часы оказались плодотворными.

Теперь же с 7-го числа я в Тюбингене, окрестности которого я с удовольствием осматривал в первые дни при хорошей погоде, после чего общение с людьми помогло мне противостоять воздействию унылой дождливой погоды. У господина Котты я занимаю приятную комнату с приветливым видом на долину Неккара, хотя и несколько ограниченным старой церковью и университетским зданием. Тем не менее я готовлюсь к отъезду, и следующее мое письмо Вы получите из Штефы. Мейер чувствует себя очень хорошо и ждет меня с нетерпением. Трудно даже себе представить, что сулит нам обоим это свидание.

Чем ближе я узнаю господина Котту, тем больше мне он нравится. Для человека с предприимчивым складом ума и образом жизни дельца в нем так много скромности, мягкости и сдержанности, так много ясности и устойчивости, что он кажется мне редким явлением. Я познакомился со многими здешними профессорами, людьми весьма достойными как по своей учености, так и по образу мыслей и жизни; все они удовлетворены, по-видимому, своим положением и вовсе не нуждаются в слишком уж оживленном академическом общении. Большие учреждения подобны большим зданиям, в которых они помещаются: спокойными колоссами стоят они на собственном основании и не проявляют особого оживления, поскольку не нуждаются в нем для своего сохранения.

Меня чрезвычайно поразило здесь небольшое сочине-

ние Канта, которое и Вам, конечно, уже известно: «Извещение о скором заключении трактата относительно вечного мира в философии»¹. Это — весьма ценное порождение известного образа его мыслей, и здесь, как и во всем том, что от него исходит, есть превосходнейшие места, да и по композиции и стилю оно самое что ни на есть кантианское. Мне доставляет большое удовольствие то, что видные философы и проповедники пред-рассудков сумели настолько рассердить его, что он со всей своей силой ополчился на них, — и все-таки, мне кажется, он несправедлив по отношению к Шлоссеру, когда обвиняет его, хотя и не прямо, в недобросовестности. Если Шлоссер и ошибается, то это, очевидно, происходит от того, что он приписывает внешнюю реальность своему внутреннему убеждению: это неизбежно при его характере и образе мышления, да и кто же в теории и практике совершенно свободен от подобной претензии? В заключение велю еще переписать для Вас один пустячок², но только не пускайте пока его в ход, за этой интродукцией последуют еще три песни на немецкий, французский и испанский лад, которые в совокупности образуют небольшой роман³.

Должен поздравить Вас с успешным продвижением альманаха и с «Рыцарем Тоггенбургом»⁴.

Г.

364. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 14 сентября 1797 года

С радостью усматриваю я из Вашего штутгартского письма, что Вам нравятся мои родные края и что люди, которых я рекомендовал Вам, не поставили меня в положение лжеца. Не сомневаюсь, что неделя, которую Вы провели там с удовольствием и пользой для себя, составит целую эпоху для Даннекера и Раппа, отчего произтечет много хорошего. Особенно первый в высшей степени способный человек, и ему до сих пор не доставало лишь умелого руководства, которое сообщило бы нужное направление его одаренной натуре. Лишь некоторым избытком сил могу я объяснить себе его промахи в искусстве, так как он вообще относится к нему чрезвычайно серьезно и в некоторых основных моментах решительно устремляется к самой сути дела; мне кажется только, что поэтическое воображение у него лишь сме-

шивается с воображением артистическим, недостатка в котором он отнюдь не испытывает.

Вообще же я хотел бы спросить Вас в связи со всем этим, нельзя ли объяснить склонность столь многих талантливых художников нового времени к *поэтизации в искусстве* тем, что в такую эпоху, как наша, единственный путь к эстетическому ведет через поэтическое и что, следовательно, все художники, притязающие на духовность, выказывают и в пластическом творчестве одно лишь поэтическое воображение именно потому, что их побуждает к творчеству исключительно поэтическое чувство. Беда была бы не так велика, если бы поэтический дух в наше время не приобрел бы, к несчастью, характера, столь неблагоприятного для пластического воплощения. Ибо поскольку сама поэзия уже столь сильно отклоняется от своего родового понятия (лишь благодаря которому она соотносится с другими подражательными искусствами), то она, разумеется, уже неспособна указывать верный путь искусству и может воздействовать на художника в лучшем случае лишь негативно (посредством возвышения над обыденной природой), но отнюдь не позитивно и активно (посредством определения объекта).

И это заблуждение художников новейшего времени находит в моих глазах достаточное объяснение благодаря нашим идеям относительно реалистической и идеалистической поэзии и служит новым доказательством их справедливости. Я представляю себе дело таким образом.

К поэту и художнику предъявляются два требования: он должен возвышаться над действительностью, он должен оставаться в пределах чувственного мира. Где соединяется и то и другое, возникает эстетическое искусство. Однако в неблагоприятной, бесформенной природной среде художник слишком легко оставляет действительное вместе с чувственным и становится идеалистичным, а если его рассудок не силен, то даже фантастичным; когда же он хочет, когда он вынужден в силу своей природы оставаться в пределах чувственного, то он охотно остается и в пределах действительного и становится тогда реалистичным (в ограниченном смысле слова), а если он притом совершенно обделен фантазией, то и рабски подражательным и пошлым. В обоих случаях он, стало быть, не эстетичен.

Сведение эмпирических форм к эстетическим — трудная операция, и здесь обычно недостает либо тела или духа, либо истины или свободы. Образцы древнего искусства — как поэтического; так и пластического — могут быть, мне кажется, полезны главным образом тем, что они предлагают нам эмпирическую натуру уже сведенной к эстетическому и позволяют путем глубокого их изучения уяснить самую суть этого сведения.

Когда современный художник, одаренный живой фантазией и умом, отчаивается в возможности свести эмпирическую природу, которой окружен, к некой эстетической форме, то он предпочитает вовсе покинуть эту природу и ищет у воображения помощи против эмпирии, против действительности. Он сообщает поэтическое содержание своему произведению, которое в противном случае было бы плоским и убогим, потому что оно лишено того содержания, которое должно быть почерпнуто из самых глубин предмета.

15 сентября

Было бы превосходно, если бы Вы совместно с Мейером развили Ваши мысли о выборе сюжетов для поэтического и пластического воплощения. Этот предмет связан с сокровеннейшими глубинами искусства, а в то же время и очень полезен и интересен, поскольку его легко можно непосредственно соотнести с действительно существующими произведениями искусства. Я со своей стороны также попытаюсь внести ясность в мои представления об этом предмете.

Пока что мне предоставляется, что здесь можно было бы с полным успехом исходить из понятия *абсолютной определенности объекта*. При этом со всей очевидностью обнаружилось бы, что все произведения искусства, не удавшиеся вследствие неудачного выбора объекта, страдают из-за подобной неопределенности и обусловленного ею произвола.

Точно так же мне представляется, что понятие, известное как «момент прегнантности», может быть полностью объяснено его пригодностью для характеристики исчерпывающе определенного изображения. В сфере поэзии я не знаю более подходящего примера, чем Ваш «Герман». Здесь можно было бы, вероятно, показать путем некоего индуктивного рассуждения, что при лю-

бом другом выборе действия что-то неизбежно должно было остаться неопределенным.

Если же теперь связать это положение с другим, согласно которому определенность объектов должна всякий раз достигаться с помощью средств, присущих данному роду искусства и притом в специфических пределах каждого художественного вида, то здесь, как мне кажется, мы получим критерий, достаточный для того, чтобы не совершать ошибок в выборе объекта.

Но, разумеется, даже если бы все это и оказалось верным, применение подобного тезиса сопряжено с немалыми трудностями и всегда будет, пожалуй, скорее делом вкуса и интуиции, нежели ясного осмысления.

Меня очень заинтересовал новый жанр, образцы которого Вы собираетесь вскоре прислать мне. Щедрая игра Вашей фантазии изумляет и восхищает меня, и когда я не могу следовать за Вами, то нахожу наслаждение и пользу хотя бы в том, чтобы за Вами наблюдать. Я полагаю, что этот новый жанр таит в себе немало очарования, и уже предвижу заранее, какого искусства потребует он для того, чтобы сообщить поэтическую жизнь и одухотворенность самым заурядным предметам.

От нашего друга Гумбольдта¹ я получил сегодня письмо. Вена ему наскучила вконец, от итальянского путешествия он, как видно, уже отказался, но почти решился ехать в Париж, однако, по всей видимости, последние тамошние события удержат его от этого. Он пишет, что на этих днях известит Вас о себе.

Меня все еще очень мучает кашель, однако я гораздо меньше страдаю от своего старого недуга, и тем не менее мое душевное состояние и моя работа не слишком выигрывают от этого, потому что новая болезнь куда сильнее действует на голову, чем *malum domesticum* *, спазмы. И все же дней через восемь-десять я надеюсь отделаться от возни с альманахом и снова всерьез приняться за «Валленштейна». Заниматься «Песней о колоколе»² я при столь скверном состоянии не мог, да и не хотел. Тем не менее для альманаха нашлись кое-какие мелочи³, которые вносят некоторое разнообразие в мой вклад и сделают мое участие довольно значительным.

Бёттигер остался очень доволен моими «Журавлями»⁴

* родная беда (латин.).

и нашел весьма удовлетворительным изображение эпохи и обстоятельств, по поводу которых я советовался с ним. При этом он признался, что никогда не мог себе представить, чтобы из истории Ивика можно было что-то сделать. Признание это очень развеселило меня, ведь оно так прекрасно характеризует этого человека.

Вы, вероятно, получили от Котты девятый и десятый листы альманаха; быть может, сегодня я смогу послать Вам еще один. Альманах будет толще прошлогоднего, причем мне не пришлось быть более снисходительным при отборе.

Дома у меня все благополучно, и вчера мы очень весело отпраздновали день рождения Карла. Сегодня у нас был Фент из Веймара, который мне очень приятен; помимо него, в моем обществе не появилось ни одного нового лица. Моя жена вспоминает о Вас с сердечным чувством, а свояк и свояченица шлют Вам свои наилучшие пожелания.

Будьте здоровы, кланяйтесь Мейеру и вспоминайте обо мне в кругу друзей. Ваши письма для нас точно корабли с богатым грузом, они составляют теперь одну из самых сильных моих радостей. Будьте здоровы.

Шиллер

Обратите внимание на лист, которым я обернул письмо ⁵.

365. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 22 сентября 1797 года

Ваше письмо вместе с приложением к нему ¹ снова доставило нам большую радость. Песня исполнена жизнерадостности и естественности. Мне представляется, что этот жанр уже потому благоприятен для поэта, что избавляет его от всех обременительных аксессуаров в виде вступлений, переходов, описаний etc. и неизменно позволяет ему с легкостью черпать прямо с поверхности своего предмета лишь одухотворенное и значительное.

Здесь, стало быть, снова положен почин новому собранию, исток некоего «бесконечного» ряда, ибо это стихотворение, как и всякая хорошая поэзия, заключает в себе целый поэтический род благодаря настроению, которое оно создает, и благодаря форме, которую оно устанавливает.

Мне было бы очень интересно понаблюдать впечатление, которое произвел Ваш «Герман» на моих штутгартских друзей. Разумеется, в известной глубине восприятия не-

достатка тут не было, однако как мало людей, способных без помех наслаждаться человеческой природой во всей ее обнаженности. И все же я не сомневаюсь в том, что Ваш «Герман» решительно восторжествует над всеми субъективными предубеждениями благодаря самому прекрасному из свойств поэтического произведения — благодаря своей цельности, абсолютной ясности своей формы и исчерпывающей полноте изображения круга человеческих чувств.

В последнем письме я уже сообщал Вам о том, что вынужден был отложить «Колокол». Признаюсь, что раз уж так получилось, я не слишком этим огорчен. Ибо если я буду еще в течение года вынашивать и лелеять этот сюжет, то стихотворение, которое и в самом деле представляет собой непростую задачу, созреет по-настоящему. Да и к тому же сейчас год баллад, а вот будущий обещает стать годом песен, к разряду которых и относится «Колокол». Тем не менее последняя неделя не прошла даром для альманаха. Случай принес мне еще одну славную тему для баллады², которая почти уже закончена и, как мне кажется, не так уж недостойна завершить собой альманах. Она состоит из 24 восьмистиший и озаглавлена «Путешествие на железный завод»; из этого названия Вы можете усмотреть, что я изъясляю теперь притязания и на огненную стихию после того, как посетил воду и воздух³. Ближайший почтовый день принесет Вам балладу напечатанной вместе со всем альманахом.

Мне очень хотелось бы, чтобы «Журавли» в том виде, в каком Вы читаете их теперь, удовлетворили бы Вас. Совершенно бесспорно то, что они выиграли благодаря идее, которую Вы подали мне относительно экспозиции. Кроме того, мне кажется, что новая строфа, которую я посвятил теперь фуриям, служит более точной их характеристике, недостававшей вначале.

Я тоже прочитал небольшой трактат Канта⁴, и хотя в содержании, по существу, нет ничего нового, меня порадовали некоторые превосходные мысли. В этом старом господине есть что-то поистине юношеское, что можно было бы даже назвать эстетическим, если бы не смущала чудовищная форма, которую можно было бы определить как канцелярский стиль в философии. Вероятно, со Шлоссером дело обстоит именно так, как Вы говорите, однако в его отношении к критическим философам есть нечто столь сомнительное, что это едва ли можно оставить без

внимания. Кроме того, мне кажется, что во всех спорах, когда мыслящие люди защищают сверхъестественное от разума, позволительно усомниться в их честности, — опыт на сей счет слишком уж велик, да оно и без того вполне понятно.

Мы здесь наслаждаемся теперь прекраснейшими осенними днями, а у Вас, вероятно, еще чувствуется конец лета. В моем саду уже делаются большие приготовления, чтобы в будущие годы жизнь здесь была бы намного приятнее. Тем временем мы сняли неплохой урожай плодов, и при этом нас немало веселил Карл.

Из-за сомнительности перспектив относительно войны и мира мы по-прежнему сомневаемся в близком осуществлении Вашей поездки в Италию и порою позволяем себе надеяться, что увидим Вас здесь раньше, чем могли бы ожидать.

Будьте здоровы и передайте Мейеру наш самый дружеский привет. Сердечно поздравляем Вас с воссоединением. Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания.

Ш.

366. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Штефа, 25 сентября 1797 года

Ваше утешительное письмо от 7 сентября я получил здесь позавчера; поскольку оно задержалось дольше, чем я ожидал, то я уже начал опасаться, что Ваше недомогание усилилось, в чем, к сожалению, и убедился теперь из Вашего письма. Ах, если бы Вы в своей тихой обители наслаждались таким же здоровьем, как я в своих переездах! Прилагаемый листок¹ расскажет Вам о моих делах после отъезда из Тюбингена. Мейер, с которым я снова встретился теперь к обоюдной нашей радости, чувствует себя лучше, чем когда-либо, и мы с ним уже успели славно поболтать о многом; он вернулся с подлинной сокровищницей замечательных произведений искусства и весьма точных наблюдений. Теперь нам предстоит поразмыслить о том, в каких формах мы используем одну ее часть и для каких целей прибережем другую.

Через несколько дней мы совершим поездку к Фирвальдштетскому озеру. Я должен снова увидеть величавую природу, окружающую его, раз уж мы находимся так близко, — ведь раздел, посвященный этим исполинским ска-

лам, не может отсутствовать в моих путевых заметках. У меня накопилось уже несколько солидных папок с записями и подшивками относительно всего того, что я узнал и что случилось на моих глазах; пока что это необычайно пестрый материал, из которого я не мог даже, как надеялся прежде, выбрать что-нибудь для «Ор».

Я надеюсь еще значительно приумножить это собрание и при этом испытать себя на самых разнообразных предметах. Ибо ощущение того, что ты способен подчинить себе столь многое, и позволяет в конце концов насладиться плодами значительных трудов, которые казались вначале совершенно бесплодными и с которыми пришлось немало помучиться в жизни.

Поскольку из-за недавних беспорядков в Италии и нынешних во Франции² доступ в эти страны более или менее закрыт для иностранцев, то мы, вероятно, направим свой путь с альпийских вершин вниз по течению вод и, спустившись по Рейну, двинемся на север еще до наступления дурной погоды. Вероятно, мы с Вами приятно проведем эту зиму вместе у подножия Фукстурма³, и я предполагаю даже, что и Гумбольдт составит нам компанию. Весь этот караван⁴, согласно письму Гумбольдта, ожидавшему меня в Цюрихе, также отказался от путешествия в Италию; все они прибудут в Швейцарию. Младший намеревается осмотреть страну, весьма интересную для него во многих отношениях, а старшему из-за нынешних обстоятельств придется, по-видимому, отказаться от задуманной поездки во Францию. Они выедут из Вены 1 октября, так что я, быть может, еще дождусь их в этих краях.

А теперь мои мысли обращаются к Вам и к Вашим работам. Альманах действительно производит отличное впечатление, вот только публике будет недоставать перца к дыням. В сущности, сейчас ничего не жаждут так страстно, как новой порции ксениев, и все будут очень огорчены тем, что не смогут возобновить знакомства с этими злодеями, которых так сильно бранили. Меня радует, что благодаря моему совету начало Вашего «Ивика» приобретает большую широту и обстоятельность; относительно же конца Вы совершенно правы. Художник сам должен знать лучше всех, насколько он может воспользоваться чужими советами. «Фазтон»⁵ выполнен совсем неплохо, и старая сказка об извечно неудовлетворенном стремлении благородной человеческой души к истоку драгоценнейшего

своего бытия обновлена вполне сносно. «Прометея»⁶ же Мейер не смог дочитать до конца, и это довольно-таки дурной признак.

Экземпляры альманаха, предназначенные мне, будьте так добры приберечь для меня; Вы ведь, вероятно, пошлете супруге герцога один экземпляр от своего имени. Мне очень хочется увидеть эту книжку в полном виде.

Из моих прежних писем Вы уже знаете, что в Штутгарте мне жилось очень хорошо и привольно. О Вас там вспоминали много и многие, и всегда самым лучшим образом. Для нас же обсих, думается мне, особым преимуществом оказалось то, что мы встретились позднее, уже более сложившимися людьми.

Сообщите мне, пожалуйста, в следующем письме, как Вы собираетесь устроиться этой зимой, на что направлены Ваши замыслы — на сад, на дом Грисбахов⁷ или на Веймар? Желая Вам обрести самое уютное место, чтобы при всех прочих Ваших бедах Вам не приходилось еще бороться с непогодой.

Если Вы напишете мне тотчас же по получении этого письма, то будьте добры адресовать Ваше письмо непосредственно в Цюрих, прибавив всего лишь: «у ротмистра Отта в «Цум Шверт». Я рассчитываю, что это письмо пробудет в пути с неделю и что ответ будет идти примерно столько же, а я вернусь в Цюрих из моего путешествия по горам приблизительно в середине октября.

За известие о том, что мой малыш снова здоров, я благодарен Вам тем более, что уже некоторое время не получал известий из дому, — должно быть, письма застряли где-то. Только эта забота и доставляла мне порой печальные минуты, меж тем как все остальное складывалось хорошо и счастливо. Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей милой жене и наслаждайтесь в кругу своих близких последними прекрасными осенними днями, покуда я буду бродить по высоким горам. В моей корреспонденции наступит теперь небольшая пауза, пока я снова не вернусь сюда.

Г.

Чуть было не забыл сказать Вам, что стих «И воеет, и свищет, и бьет, и шипит...»⁸ великолепно оправдался при наблюдении Рейнского водопада; меня поразило, насколько он охватывает все главные моменты этого грандиозного явления природы. Я тотчас же попытался воспринять этот

феномен таким, каким он представляется в деталях и в целом, и отдельно записал наблюдения, которые были сделаны при этом, и мысли, которые он вызывает. Со временем Вы увидите, как эти немногие поэтические строки проходят здесь подобно путеводной нити через лабиринт.

Я только что получил через Котту девятый и десятый листы альманаха и надеюсь теперь после возвращения из страны гор и озер опять найти письма от Вас. Будьте здоровы. Мейер сам напишет Вам несколько слов. Меня необычайно радует, что он так здоров и весел,— как я хотел бы узнать то же самое и относительно Вас!

Я снова нашел уже превосходные сюжеты для идиллий и элегий, да и для всяких других родственных поэтических жанров; вообще говоря, мне никогда еще не удавалось с такою легкостью воспринимать новые предметы и одновременно воспроизводить что-либо. Будьте здоровы и пожелайте нам и в дальнейшем таких же успехов, теоретических и практических.

Штефа, 26 сентября, под вечер

Не успел я закончить свое письмо этой маленькой припиской, как нас посетил граф *Пургшталь*⁹, возвращающийся домой из Англии через Францию и Швейцарию вместе со своей молодой женой-шотландкой, на которой он недавно женился. Он просит передать Вам свои наилучшие пожелания и очень живо интересуется Вами и Вашими работами. Его визит доставил мне большое удовольствие, так как его прежняя склонность к новой философии, его отношение к Канту и к Рейнхольду, его дружеское расположение к Вам, а также наше с ним давнее знакомство тотчас же придало нашей беседе широту. Он привез из Англии и Франции забавные анекдоты, был в Париже в самый день 18 фрюктидора¹⁰, и следовательно, оказался свидетелем многих серьезных и комических сцен. Он шлет Вам самый сердечный поклон, и я должен закончить на этом, чтобы успеть отослать письма с лодочником, который исполняет обязанности нашего почтальона. Если Вам представится случай передать Виланду поклон от графа Пургшталья, то сделайте, пожалуйста, это.

Г.

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О МОЕМ ПУТЕШЕСТВИИ
ИЗ ТЮБИНГЕНА В ШТЕФУ

16 сентября я выехал из Тюбингена в Тутлинген через Эхинген, Балинген и Веллендинген. Перегон этот велик, и я пробыл в пути с четырех часов утра до половины девятого вечера. Вначале еще взору открываются привлекательные местности, но затем, по мере того, как поднимаешься в область Неккара, земля становится беднее и неплодороднее. Только ночью я прибыл в долину или, точнее, теснину, которая ведет вниз, к Дунаю. День был пасмурный, но очень приятный для путешествия.

17-го из Тутлингена в Шафгаузен. Прекраснейшая погода почти все время, чрезвычайно интересная местность. Я выехал из Тутлингена в семь часов в сильный туман, однако на плоскогорье мы скоро увидели совершенно чистое небо, а туман лежал горизонтально надо всей Дунайской долиной. Когда проезжаешь по плоскогорью, которое отделяет Рейнскую область от Дунайской, сзади и по сторонам открывается замечательный вид, так как здесь можно обозревать Дунайскую долину до Донауэшингена и далее. Но особенно прекрасна панорама впереди: вдали виднеются Боденское озеро и Граубюнденские горы, а вблизи — Хоэнтвиль и некоторые другие характерные базальтовые скалы. Дорога идет по лесистым холмам и долинам до Энгена, откуда к югу открывается прекрасная плодородная долина; затем, минуя Хоэнтвиль и другие горы, которые вначале видны были лишь в отдалении, попадаешь, наконец, в благоустроенную и чистенькую Швейцарию. Перед Шафгаузенем вся местность превращается в сплошной сад. Я прибыл туда вечером в прекрасную солнечную погоду.

18-го я посвятил весь день Рейнскому водопаду: поехал утром в Лауфен, откуда спустился вниз, чтобы тотчас же насладиться грандиозным зрелищем. Я наблюдал это захватывающее зрелище в то время, когда вершины гор и холмов были покрыты туманом, с которым смешивались водяная пыль и брызги. Солнце взошло и просветлило всю картину, появилась часть радуги, и все явление природы предстало передо мной в полном великолепии. Я переправился в небольшой замок Вёрт и созерцал теперь картину прямо перед собой, в отдалении, а затем через Лауфен вернулся в город. Вечером я снова проехал к водопаду по правому берегу и еще раз со всех сторон насладился этим великолепным явлением при заходящем солнце.

19-го, при отличной погоде, я отправился в Цюрих через Эглизау по привлекательной, разнообразной и тщательно ухоженной местности, все время видя перед собой большую цепь швейцарских гор.

20-го я провел время до полудня в прогулке по Цюриху при ясной погоде. После полудня погода изменилась; приехал профессор Мейер, и, поскольку шел дождь и бушевал ветер, мы остались на ночь в Цюрихе.

21-го, при очень ясной погоде, мы отправились на корабле вверх по озеру, обедали у господина Эшера, чрезвычайно приветливо принявшего нас в своем имении на берегу озера близ Херлиберга, а вечером приехали в Штефу.

22-го, в пасмурный день, мы с господином Мейером осматривали произведения искусства, как созданные им, так и приобретенные, причем не преминули поделиться друг с другом новыми наблюдениями и опытом. Вечером мы еще совершили большую прогулку по местечку, которое дает чарующее и идеальное представление о самой прекрасной и высокой культуре. Дома расположены на большом расстоянии друг от друга, между ними находятся виноградники, поля, сады, посадки плодовых деревьев, и, таким образом, местечко тянется примерно на час ходьбы вдоль озера и на полчаса — к востоку до холма, весь склон которого также уже культивирован. Теперь мы готовимся совершить небольшую поездку, во время которой намерены посетить *Эйнзидельн*, *Швиц* и окрестности Фирвальдштетского озера.

367. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 2 октября 1797 года

Наконец-то Вы получаете альманах в законченном виде, за исключением нот, которые будут присланы дополнительно. Жду, что в следующем письме Вы сообщите мне, кому передать остальные экземпляры, которые предназначаются для Вас. «Золотой свадьбы Оберона»¹ в сборнике Вы не найдете, я исключил ее по двум причинам. Прежде всего мне показалось, что мы поступим правильно, удалив из этого альманаха решительно все шипы и напустив на себя самый смиренный вид, и к тому же мне не хотелось, чтобы «Золотая свадьба», дающая так много материала для более обширной разработки, оказалась бы исчерпанной в столь немногих строфах. Пусть она останется про запас

на будущий год в качестве той драгоценной основы, которую можно еще очень широко развить.

Относительно автора элегий², которые, надо думать, покажутся Вам недурными, более обстоятельные сведения сможет, вероятно, дать Вам сам Мейер. Зовут его Келлер, он швейцарец и, как мне кажется, уроженец Цюриха; сейчас он в качестве художника подвизается в Риме. Мне эти элегии прислал из Цюриха некий господин Хорнер. С последним, впрочем, Вы уже, быть может, знакомы и сами, ведь он тоже кое-что дал уже для «Ор»³.

Теперь, когда с альманахом покончено, я могу наконец обратиться снова к «Валленштейну». Вновь просматривая готовые сцены, я в целом хотя и доволен собой, однако нахожу здесь кое-где и определенную сухость, которую, впрочем, вполне могу объяснить себе, а вместе с тем и надеюсь устранить. Она обусловлена понятным опасением впасть в мою прежнюю риторическую манеру и каким-то чрезмерно боязливым стремлением сохранить как можно бóльшую близость к объекту. Однако нынешний объект и сам по себе уже несколько сух — и более чем какой-либо другой, нуждается в свободной поэтической трактовке; поэтому здесь нужнее, чем где-либо, с особым тщанием избегать обоих ложных путей, то есть *прозаичности* и *риторичности*, а также выжидать подлинно чистого поэтического расположения духа.

Хотя мне предстоит еще необъятная работа, однако, насколько я могу судить, это не будут *faux frais**, так как все в целом уже обрело поэтическую структуру, и я позволю себе сказать, что материал здесь преобразован в чисто трагическую фабулу. Момент действия здесь настолько насыщен содержанием, что все необходимое для его полноты естественно вытекает из него и даже в известном смысле неизбежно заключено в нем. И в нем нет ничего потаенного, он открыт со всех сторон. А в то же время мне удалось с самого начала сообщить действию такую стремительность и направленность, что оно несется к развязке в непрерывном и все ускоряющемся движении. Поскольку главный герой, по сути дела, воплощает в себе момент ретардации, то все обстоятельства соответственно ведут к кризису, и это, как мне кажется, чрезвычайно усиливает трагический эффект.

* лишние издержки (франц.).

На этих днях я усиленно занимался поисками сюжета для трагедии ⁴, который был бы того же рода, что и «Oedipus rex» *, и предоставлял бы поэту такие же преимущества. Эти преимущества неисчислимы, но я упомяну лишь об одном — о том, что сложнейшее по своему составу действие, которое решительно противится форме трагедии, оказалось тем не менее положенным здесь в основу благодаря тому, что оно уже совершилось и в силу этого целиком находится за пределами трагедии. К этому присоединяется и то, что совершившееся уже по самой своей природе внушает гораздо больший страх как нечто непреложное, ибо страх перед тем, что уже совершилось, совсем по-иному потрясает душу, чем страх перед тем, что только *может совершиться*.

«Эдип» — это словно бы лишь разрешение трагедии. Все уже налицо, остается только распутать узел. И это может произойти в границах простейшего действия и чрезвычайно краткого промежутка времени, — как бы ни были сложны события и как бы ни зависели они от обстоятельств. Насколько же все это благоприятствует поэту!

Однако боюсь, что «Эдип» составляет особый род трагедии и к тому же остается единственным его представителем; менее всего можно было бы надеяться отыскать нечто подобное в не столь мифические времена. Оракул принимает в этой трагедии участие, которое решительно ничем иным заменить нельзя; если же попытаться сохранить суть фабулы, прибегнув к иным персонажам и к иной эпохе, тогда то, что сейчас вызывает ужас, покажется смешным.

Я давно уже ничего не слышал о Вас и с нетерпением ожидаю следующего письма. Быть может, я узнаю из него подробности Вашего путешествия и Вашего будущего местопребывания. О Гумбольдтах я за это время ничего больше не слышал, однако считаю вполне возможным, что они еще повернут в Швейцарию.

Как обстоят дела с Вашим истолкованием произведений античной скульптуры, начало которому положил «Лаокоон» ⁵? Недавно я перечитал его с величайшим удовлетворением и не могу найти слов, чтобы сказать, к какому множеству плодотворных идей относительно структуры эстетических произведений он приводит. «Герман и Доротея» уже начинают понемножку производить шум, вот

* «Эдип-царь» (латин.).

и Кёрнер пишет мне, что прочитал всю поэму и находит, что она принадлежит к разряду самых лучших вещей, написанных Вами.

Будьте здоровы, дорогой друг. Моя жена шлет Вам сердечный поклон. Передайте от нас привет Мейеру.

Ш.

Экземпляры альманаха на лучшей бумаге еще не готовы. Пока что посылаю один обыкновенный.

368. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 6 октября 1797 года

Меня чрезвычайно обрадовало письмо от Вас и от Мейера, полученное несколько часов тому назад. Спешу ответить на него хотя бы парой строк, чтобы послать дружеский привет к Вашему возвращению с гор. Мы ждали вестей от Вас с большим нетерпением, и поэтому вдвойне радостно для меня Ваше сегодняшнее письмо, подающее надежду на Ваше скорое возвращение. Я и в самом деле с тайным страхом ожидал надвигающейся зимы, которая теперь обещает быть столь приятной для меня. Я снова чувствую себя вполне сносно, однако у маленького Эрнста очень тяжело прорезываются зубы, так что он причиняет нам немало тревог. Как только мы распрощаемся с хорошей погодой, то переберемся на нашу старую городскую квартиру, и легко может статься так, что некоторое время мы проведем в Веймаре. Все дело в том, чтобы наконец вплотную засесть за «Валленштейна», а тогда мне не будут страшны никакие перемены образа жизни, которые обычно, при моей покорности привычкам, с такой легкостью создают мне помехи.

Меня чрезвычайно радует то, что согласно Вашему наблюдению мое описание водоворота соответствует самому феномену. Я не мог изучить его нигде, разве что у какой-нибудь мельницы, но так как я основательно проштудировал описание эпизода с Харибдой у Гомера¹, то это, быть может, и позволило мне остаться верным природе. Быть может, Вам доведется в Вашем путешествии проехать также мимо железного завода, и тогда Вы сможете мне сказать, верно ли я изобразил этот менее значительный феномен.

Альманах теперь, надеюсь, уже в Ваших руках, и Вы можете составить его гороскоп. Меня утешает то, что Вы одобряете «Фазтон»², который пугал меня уже одним своим

объемом. Среди материалов Шлегеля³ очень милы стансы о «Ромео и Джульетте»; в них он, по моему мнению, просто превзошел самого себя. И в «Похищенных богах» есть немало удачного. Мейер обнаружит также много славных стихов своей поэтической приятельницы⁴.

Отправляю сегодня первую партию альманаха в Лейпциг и испытываю немалое любопытство относительно того, каков же будет сбыт. Вполне возможно, что лишь очень немногие читатели будут благодарны нам за отказ от ксениальных предметов, ибо даже те, кому досталось, все-таки радовались пожару в доме соседа.

Должен закончить, так как почта уходит. Сообщите, пожалуйста, в следующем письме, могу ли я по-прежнему посылать письма в Тюбинген на адрес Котты. Шлем сердечный привет Вам и Мейеру, которого я и моя жена от души благодарим за его милое письмо.

Будьте здоровы.

Ш.

369. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Штефа, 14 октября 1797 года

В чрезвычайно ненастное утро я остаюсь в постели, чтобы побеседовать с Вами, дорогой друг, и рассказать Вам о нашей жизни, чтобы Вы могли, как и прежде, мысленно сопутствовать нам и время от времени радовать нас своими письмами.

Едва я встретился с милым Мейером в Цюрихе, прибыл сюда вместе с ним и успел порадоваться его трудам, привлекательной местности и ее культуре, как близлежащие горы пробудили во мне своеобразное волнение, а прекрасная погода укрепила желание приблизиться к ним и даже подняться на них. Инстинкт, побуждавший меня к этому, был очень сложен и неясен; припоминаю впечатление, которое произвели на меня эти горы 20 лет назад, — впечатление в целом сохранилось, стерлись лишь отдельные детали, и я почувствовал удивительную потребность повторить и проверить прежний свой опыт. Я стал другим человеком, и, следовательно, все должно было бы представиться мне иным. Хорошее самочувствие Мейера и уверенность в том, что небольшие совместные приключения не только помогают завязывать новые знакомства, но и благотворно влияют на старые, если возобновляешь их

после некоторого промежутка времени, побудили нас принять окончательное решение, и мы отправились в дорогу при отличной погоде, которая неизменно благоприветствовала нас все одиннадцать дней. В приложении¹ по крайней мере обозначу путь, который мы проделали,— полный же, хотя и несколько лапидарный дневник путешествия пришлю Вам позднее; тем временем Ваша милая жена, которой отчасти знакома эта местность², дополнит, быть может, этот перечень по своим воспоминаниям.

По возвращении я нашел два Ваших милых письма с приложениями³. Они непосредственно примыкают к беседе, которую мы с Мейером очень оживленно вели в дороге, в то время как в часы отдыха нас часто занимала тема, связанная с изображаемыми объектами и способами их трактовки в различных искусствах. Быть может, небольшая статья вскоре покажет Вам, что мы полностью придерживаемся Вашего мнения, но больше всего я буду радоваться тогда, когда Вы услышите и прочтете описания и суждения Мейера, посвященные многочисленным произведениям искусства. Тут снова убеждаешься в том, что всеобъемлющий опыт непременно содержит в себе теорию. И мы тем более можем быть уверены в том, что встречаемся в некоем центре, что подступаем к нему со столь многих сторон.

Что же касается меня самого, то могу Вам сказать, что до сих пор у меня есть все основания быть довольным своим путешествием. Благодаря той легкости, с которой мне удастся воспринимать все предметы, я обогатился, не обременив себя; материал не причиняет мне неудобств, потому что я тотчас же осознаю, каким образом следует упорядочить или переработать его, и более, чем когда-либо, ощущаю свободу в выборе разнообразных форм для изложения переработанного себе или другим. От бесплодных вершин Готарда и до чудесных произведений искусства, привезенных Мейером, ведет нас извилистая, точно в лабиринте, дорога, проходящая через сложнейшие ряды интересных объектов, которыми так богата эта своеобразная страна. Воспринимать благодаря непосредственному созерцанию естественноисторические, географические, экономические и политические обстоятельства и наряду с этим глубже постигать прошлое, знакомясь с какой-нибудь старой хроникой⁴, а к тому же пользоваться многочисленными сочинениями трудолюбивых швейцар-

цев — все это, особенно в силу определенной очерченности гельветического бытия, представляет собой очень приятное занятие, причем как обзор целого, так и проникновение в частности чрезвычайно облегчается тем, что Мейер здесь у себя дома, что он давно уже проник своим верным и острым взором во все эти обстоятельства и прочно хранит их в своей памяти. Таким образом, мы в короткое время собрали гораздо больше, чем я мог надеяться, и жаль только, что мы на месяц приблизились к зиме; еще четыре недели, проведенные в подобной поездке, позволили бы нам гораздо шире познакомиться с этой своеобразной страной.

Но что Вы скажете, если я доверительно сообщу Вам, что среди всех этих прозаических аспектов обнаружился и один поэтический, внушающий мне большие надежды? Я убежден в том, что легенда о *Телле* может быть обработана эпически, и тогда, если мне удастся то, что я задумал, произошла бы удивительная вещь: сказка лишь благодаря поэзии стала бы совершенною правдой, между тем как обычно, чтобы добиться чего-нибудь, приходится историю превращать в легенду. Но об этом подробнее — в будущем. Я вновь и очень внимательно осмотрел ограниченную и чрезвычайно выразительную местность, где происходили события, а также познакомился, насколько это позволял краткий срок, с характером, нравами и обычаями людей в этих краях, так что теперь лишь от удачи зависит, выйдет ли что-нибудь из этого предприятия.

Но вот в чем вопрос, время от времени тревожащий нас: куда нам направиться, чтобы устроиться со всеми удобствами и как можно скорее обработать и материалы Мейера, и мой собственный запас старых и новых записей? К сожалению, здесь, в этом местечке, квартиры не приспособлены к зиме, иначе, признаюсь, я предпочел бы остаться здесь, поскольку полное уединение немало способствовало бы нам, да и к тому же здесь удобней всего было бы выждать и посмотреть, не помянут ли путника вновь и не впустят ли к себе будущей весной Италия или Франция. Жизни в самом Цюрихе я даже представить себе не могу, так что мы, вероятно, без особой спешки вернемся во Франкфурт.

Вообще же мне пришла в голову одна идея, для осуществления которой мне недостает только некоторой при-

вычки; речь идет о том, что нетрудно было бы устроиться таким образом, чтобы уже во время самого путешествия работать сосредоточенно и с удовольствием. Ибо если путешествие порой и рассеивает внимание, то в другой раз оно тем быстрее заставляет сосредоточиться; недостаток во внешних связях и отношениях и даже сама скука благоприятствуют тому, у кого много материала для обработки. Путешествие подобно игре: то выигрыш, то проигрыш, и притом по большей части с неожиданной стороны. Тут всегда получаешь то больше, то меньше, чем рассчитывал. Можешь безнаказанно шататься некоторое время без дела, а затем вновь приходится на мгновение сосредоточиваться. Для таких натур, как моя, прочно привязанных к определенному месту и обстановке, путешествие неопценимо: оно оживляет, исправляет, поучает и образует.

Я и теперь еще убежден, что отлично можно было бы съездить в Италию, потому что после землетрясения, пожара, наводнения все стремится как можно скорее вернуться в прежнее свое состояние, и я бы не задумываясь пустился в путь, если бы меня не удерживали другие соображения. Таким образом, мы с Вами, вероятно, увидимся очень скоро, и надежда поделиться добытыми трофеями и достичь еще большего теоретического и практического единomyслия с Вами — вот одна из самых прекрасных приманок, влекущих меня домой. Посмотрим, чем можно было бы еще воспользоваться по дороге. Базель, например, обладает для меня особой привлекательностью благодаря близости к Франции, а к тому же там имеются прекрасные произведения искусства — как свои давние, так и привезенные.

Последнюю часть альманаха я надеюсь получить еще в Цюрихе, — Котта очень аккуратен в своих почтовых отправлениях.

«Ивик», как мне кажется, очень удался, и я ничего не мог бы заметить относительно окончания. Мне очень бы хотелось теперь увидеть все в целом. Так как моя милая мельничиха⁵ встретила хороший прием, то посылаю Вам еще одну песню⁶, появлению которой мы обязаны ее чарам. Будет отлично, если следующий альманах окажется богат песнями, а «Колокол» зазвучит тем лучше, чем дольше металл будет подвергаться плавке и очистке от всех шлаков.

Штефа, 17 октября 1797 года

У меня все еще не было ни времени, ни подходящего настроения, чтобы сделать извлечение из более обширного дневника и тем самым подробнее ознакомить Вас с нашим путешествием в горах; поэтому пока что сообщу лишь вкратце, что мы отправились из Рихтерсвиля в Эйнзидель, а оттуда в Швиц и Бруннен; затем мы проплыли по озеру до Флюэлена, оттуда прибыли в Альтдорф, поднялись на Готард и вернулись обратно. Во Флюэлене мы снова сели на судно и приплыли в Бекенрит в кантоне Унтервальден, пешком добрались до Штанца и Штанцштада, откуда переправились через озеро в Кюснахт, затем прибыли к Иммензее, поплыли в Цуг, совершили прогулку до Хоргена и оттуда снова по воде вернулись в Штефу.

За это короткое время мы успели увидеть самые разнообразные вещи и застать различные времена года, о чем подробнее расскажу в будущем.

Что же касается пресловутой темы относительно *предметов изобразительного искусства*, то схема небольшой статьи уже набросана и сама статья частично написана⁷, и Вы найдете там в примечаниях выдержки из своего письма. Мы занялись теперь *мотивами* как элементом, непосредственно следующим за выбором сюжета, ибо только благодаря мотивам произведение обретает внутреннюю структуру; после этого мы перейдем к *композиции* и собираемся продолжать так и дальше. Мы будем придерживаться исключительно изобразительного искусства; любопытно, насколько оно может быть соотнесено тут с поэзией, не покидать которую мы еще раз горячо рекомендуем Вам.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашим близким. Если Вы захотите написать мне несколько слов по поводу этого письма, то пошлите ответ Котте. Со вчерашнего дня вести с Рейна звучат весьма воинственно, и кончится это, по видимому, тем, что нам придется пробираться домой окольным путем через Швабию и Франконию. Еще раз всего наилучшего.

Мейер шлет Вам сердечный привет. Только что из Рима через Триест, Виллах и Констанцу прибыла давно уже ожидаемая нами «Альдобрандинская свадьба»⁸. Теперь все наши сокровища в сборе, и мы можем, успокоенные и обрадованные еще и этим, отправляться в дорогу.

370. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 20 октября 1797 года

Несколько дней тому назад Бёттигер переслал нам два прекрасных экземпляра Вашего «Германа», чем очень обрадовал нас. Итак, «Герман» пустился теперь по свету, и мы услышим, как будет звучать голос гомеровского рапсода в этом новом мире политики и риторики. Я перечитал поэму все с тем же неослабным впечатлением и с новым волнением; поэма решительно представляет собой совершенство в своем роде, она исполнена могучего пафоса, а вместе с тем и необычайного очарования; короче, она прекрасна настолько, насколько это возможно.

Совсем недавно я перечитал и «Мейстера», и никогда еще меня так не поражала мысль о том, что, в сущности, значит внешняя форма. Форма «Мейстера», как и вообще любая форма романа, совершенно не поэтична, она целиком относится к сфере рассудка, подчиняется всем его требованиям и остается в тех же границах, что и он. Но поскольку здесь воспользовался этой формой и выразил в ней свои поэтические настроения истинный поэтический дух, то отсюда возникает своеобразное колебание между прозаическим и поэтическим настроением, для которого я не могу подыскать подходящего названия. Я мог бы сказать, что «Мейстеру» недостает некоторой поэтической смелости, поскольку он как роман должен постоянно приносить удовлетворение рассудку, а в то же время ему недостает и подлинной трезвости (потребность в которой он до некоторой степени вызывает сам), поскольку источник его — поэтический дух. Расшифровывайте это, как сумеете, я только излагаю Вам мое ощущение.

Поскольку Вы достигли уже той точки, где должны требовать от себя наивысшего и где объективное и субъективное должны слиться в абсолютном единстве, то совершенно необходимо заботиться о том, чтобы то, что Ваш дух способен вложить в некое творение, всегда избирало бы чистейшую форму и при этом ничто не терялось бы из-за нечистого посредника. Кто не ощутит в «Мейстере» всего того, что делает столь чарующим «Германа»! В первом есть все, абсолютно все, чем отмечен Ваш дух, он захватывает сердце со всею силою поэзии и дарует вечно обновляющееся наслаждение, и все же «Герман» — исключительно благодаря своей чисто поэтической фор-

ме — переносит меня в божественный мир поэзии, тогда как «Мейстер» не вполне высвобождает меня из мира действительности.

Раз уж я занялся критикой, то позволю себе сделать еще одно замечание, пришедшее мне в голову при повторном чтении. В «Мейстере», очевидно, слишком много от трагедии — я имею в виду нечто таинственное, непостижимое, субъективно-чудесное, то есть то, что уживается с поэтической глубиной и темнотой, но отнюдь не с той ясностью, которая должна царить в романе и которая так превосходно проявилась и в «Мейстере». Испытываешь затруднения, теряя почву под ногами там, где ожидаешь встретить повсюду твердую землю, и натыкаешься порой на загадки, когда все остальное так прекрасно распутывается для рассудка. Одним словом, мне кажется, что Вы прибегли здесь к такому средству, на которое не давал Вам права дух произведения.

Что же касается всего остального, то я не в состоянии должным образом выразить Вам, как обогатил, оживил и восхитил меня «Мейстер» и при этом повторном чтении: здесь для меня открыт источник, откуда я могу черпать поддержку для всех сил моей души и особенно для той, которая ведет к совокупному действию всех этих сил.

По возвращении из путешествия по горам Вы, верно, нашли пакет с моими письмами и альманахом. О судьбе последнего в публике мне не удалось еще узнать ничего. Но, слава богу, я позабыл теперь о нем и живу лишь «Валленштейном».

Вот уже несколько дней, как мы переехали в город, и простор комнат с высокими потолками оказывает на меня приятное воздействие. Маленький Эрнст был очень болен, теперь же выздоравливает, и в остальном у нас все идет неплохо. От Гумбольдта у меня уже несколько месяцев нет известий, и я тоже не могу писать ему, так как не знаю его адреса. Если Вы увидите его или будете ему писать, сообщите ему об этом. Мы ждем Вас с Мейером через несколько недель, — а с каким нетерпением, об этом можно и не писать.

Будьте здоровы, передайте привет Мейеру; моя жена кланяется Вам обоим и благодарит за книжку.

Ш.

371. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Цюрих, 25 октября 1797 года

Всего лишь несколько слов, прежде чем я уеду из Цюриха! Ибо слишком многое отвлекает меня, и так будет продолжаться, наверное, еще некоторое время, потому что мы предполагаем отправиться в Базель, а оттуда в Шафгаузен, Тюбинген и т. д. Быть может, в последнем из этих городов я снова обнаружу что-нибудь от Вас. Ни «Альманаха Муз»¹, ни «Германа» я еще не видел; все это и многое другое встретит меня, вероятно, в Германии.

Если бы не позднее время года, я бы охотно остался еще на месяц в Швейцарии, чтобы лучше вникнуть в общее положение дел. Удивительное зрелище представляют собой старые установления, основанные лишь на том, чтобы *быть и сохраняться* в такие времена, когда все проявляет стремление к тому, чтобы *становиться и изменяться*. На сегодня лишь сердечные пожелания всего наилучшего. Из Тюбингена напишу подробнее.

Едва мы успели после длительных размышлений набросать нашу схему сюжетов, допустимых для изобразительного искусства, как один совершенно особый казус встал нам поперек дороги. Вам известна навязчивость, которую Вулкан проявил по отношению к Минерве, — результатом ее было появление на свет Эрихтония². Если у Вас найдется возможность, перечитайте изложение этого мифа в более раннем издании Гедериха³ и поразмыслите над тем, что Рафаэль использовал этот сюжет для создания одной из самых привлекательных своих композиций. Что можно после этого предложить или посоветовать счастливому гению? Еще раз — всего наилучшего.

Г.

372. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 30 октября 1797 года

Слава богу, у меня опять есть вести от Вас; эти три недели, когда Вы, отрезанный от нас, бродили по горам, показались мне слишком длинными. Тем сильнее обрадовало меня Ваше милое письмо и все то, что в нем содержалось. Мысль о Вильгельме Телле чрезвычайно удачна, и если поразмыслить хорошенько, то после «Мейстера» и «Германа» Вы, со свойственной Вам оригинальностью мысли и свежестью чувств, могли бы взяться только за такой локально-характерный сюжет. Интерес, внушаемый

строго очерченной характерной местностью и определенной исторической обусловленностью,— вот, пожалуй, единственное, что Вы не исчерпали для себя в двух предшествующих произведениях. Оба они эстетически свободны и по сюжету и хотя кажутся связанными с определенными местами, однако это чисто поэтическая почва, представляющая собою весь мир. С «Теллем» дело обстоит совсем иначе; здесь существенная ограниченность данного сюжета должна послужить источником всей напряженной духовной жизни. Вследствие этого читатель действительно будет весьма ограничен по воле поэта, и в этом ограничении он окажется глубоко и сильно взволнованным и увлеченным самим предметом. В то же время этот прекрасный сюжет предполагает и известную широту взгляда на род человеческий подобно тому, как просвет между высокими горами открывает нам свободные дали.

Как хотел бы я — еще и в связи с этой поэмой — поскорее вновь соединиться с Вами! Быть может, теперь Вы стали бы беседовать о ней со мной тем охотнее, что цельность и ясность Вашего «Германа» нисколько не пострадали от того, что Вы делились со мной своими мыслями во время работы. А я должен признаться, что ничто на свете не было для меня столь поучительным, как эти доверительные сообщения, вводившие меня в самую суть искусства.

Песня о мельничном ручье также прелестна; она доставила нам большое удовольствие. Это необыкновенно привлекательное обличье побуждает к восхитительной игре воображения; чрезвычайно удачен и выбор стихотворного размера. Дистихи ¹ также весьма хороши.

Гумбольдт наконец написал мне — из Мюнхена. Он теперь направляется в Базель, где и решит, состоится ли его поездка в Париж или нет. Вас, стало быть, он едва ли застанет в Швейцарии,— разве что Вы решите провести зиму в Цюрихе, куда он поедет в том случае, если не отправится в Париж. Он весьма увлекательно описывает большие соляные копи под Берхтольдсгаденем, где ему довелось побывать. Народ Баварии, как видно, очень ему понравился, и он очень хвалит тамошнего военного министра Румдора ² за его прекрасные и человеколюбивые начинания.

Мы теперь снова в городе, где и пребываем в полном здравии. Я усердно тружусь над «Валленштейном», хотя

он подвигается очень медленно,— обильный и неподатливый материал доставляет мне много хлопот.

Надеюсь, Вы уже получили альманах, равно как и мои письма от 2, 6 и 20 октября.

Наилучшие пожелания Вам и Мейеру, которому мы шлем сердечный поклон. Поскорее бы наш добрый гений вернул Вас нам! Моя жена сама напишет Вам несколько строк. Недавно я прочитал обществу друзей всего «Германа» от начала и до конца за один вечер; он снова несказанно взволновал нас, а мне к тому же так живо напомнил те вечера, когда Вы читали его нам, что я был взволнован вдвойне. Еще раз мои наилучшие пожелания.

Ш.

373. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Тюбинген, 30 октября 1797 года

Мы отказались от путешествия в Базель и направились прямо в Тюбинген. Время года, погода и путь уже не благоприятствуют нам, и раз мы не хотим больше оставаться на чужбине, то можем теперь повернуть домой; какой путь мы изберем, еще не решено.

Альманах мы получили только здесь¹. Особенно порадовал нас «Железный завод»; едва ли Вы обнаруживали в чем-либо прежде столь удачный юмор, и месса в качестве средства ретардации производит прекрасное впечатление. «Тайна»² также заслуживает всяческой похвалы.

Меня радует, что «Герман» находится в Ваших руках и что он выдерживает испытание. Я вполне понимаю сказанное Вами о «Мейстере»; все это верно и даже более того. Именно это его несовершенство и затрудняло меня сильнее всего. Чистая форма помогает и ведет за собой, нечистая же везде мешает и раздражает. Но пусть он остается таким, как есть, а вот со мною больше уже не приключится такая ошибка в выборе сюжета и формы; посмотрим же, что принесет нам гений в осеннюю пору жизни.

Всяческих удач «Валленштейну»! Хотелось бы, чтобы какая-то его часть была бы уже закончена к нашему приезду. Мейер сердечно Вам кланяется. Надеюсь, что мы застанем Вас и всех Ваших вполне здоровыми. Где-нибудь на полпути, из Франкфурта или Нюрнберга, я пошлю Вам еще весточку от нас.

Гумбольдт написал из Мюнхена: он едет в Базель. Еще раз мои наилучшие пожелания вместе с надеждой на скорую встречу.

Г.

374. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

К великой нашей радости мы встретили здесь Кнебеля и поэтому задержимся несколько дольше, чем предполагали. Город предлагает много интересного: старинные произведения искусства, механические работы; здесь можно также сделать некоторые наблюдения и в сфере политики. Поэтому я ограничиваюсь лишь словами привета и посылаю Вам одно стихотворение. Это — четвертое в честь прекрасной мельничихи ¹. Третье еще не закончено; оно будет озаглавлено «Измена» и расскажет о том, как дурно приняли юношу на мельнице. Скоро я буду иметь удовольствие вновь обнять Вас и узнать Ваши мысли относительно множества вещей. Мейер передает Вам поклон.

Г.

Нюрнберг, 10 ноября 1797 года.

Истинно поэтическое настроение песни Фосса:

Мы сидим к плечу плечом
И по кругу жженку пьем.
Греет нас каморка,
Как лисицу норка ², —

чрезвычайно порадовало меня.

375. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Возвращаю Вам с благодарностью четыре карolina и прошу взамен прислать мне мой золотой залог. Должен поблагодарить Вас и за столь скоро присланный мне через Котту гонорар за альманах. Смысл поговорки «что флейта принесет, то барабан унесет» я оправдал в наилучшем виде, так как приобрел на эти деньги одно произведение искусства ¹, которое доставит радость и Вам, а к тому же обогатит и оживит наши общие познания и размышления. Мейер уже сообщил Вам кое-что из наших последних рассуждений; он был очень обрадован Вашим вниманием и участием. Как только я отдохну от всей этой суеты, то изложу Вам наши тезисы, чтобы затем подвергнуть их обсуждению и создать нечто вполне законченное. Уверен, что этой зимой мы значительно продвинемся вперед.

Вчера я в первый раз по приезде сидел опять в Вашей ложе и очень хочу снова ввести Вас в нее. Поскольку я смотрел представление как совершенно посторонний человек, то был просто изумлен тем, каких успехов действительно добились наши актеры! На ровном пути естественного и прозаического они чрезвычайно хорошо делают свое дело; но, к сожалению, стоит тут появиться хоть капле поэзии, что происходит при малейшей патетичности, как они тотчас же становятся ничтожными или фальшивыми. Мне показалось достаточно удивительным и то, что автор пьесы, Циглер², по-видимому, страдает точно тем же; он находит довольно удачные комические мотивы и, поскольку они всегда воздействуют как *импровизация*, обрабатывает их по большей части вполне удовлетворительно. Однако все утонченные, сентиментальные и патетические ситуации, которые должны быть подготовлены и иметь определенные последствия, он не умеет разрабатывать даже и в тех случаях, когда понимает их, — они чересчур громоздки и не производят никакого впечатления, даже если и были довольно удачно задуманы. Я жду от Вашего присутствия здесь много хорошего для театра и для Вас самих. Надеюсь, что к Вашему приезду мне уже удастся совершенно прийти в себя.

От всей души благодарю Вас за все присланные экземпляры «Ор»; теперь же попрошу еще несколько экземпляров альманаха. Прилагаемое письмо³ представляет собой новый характерный образец немецкой тупости. Загадочная история произошла вот уже несколько лет тому назад, а отклики на нее все еще продолжают; даже «Имперский вестник» не был столь удачной находкой для нации.

Будьте здоровы. Мы постепенно распаковываем наши сокровища и уже готовимся выставить их на всеобщее обозрение; к Вашему приезду все будет в наилучшем порядке.

Г.

Веймар, 22 ноября 1797 года.

376. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Еще раз поздравляю с благополучным возвращением. Как радуется меня возможность снова с такой легкостью и быстротой сообщаться с Вами! То, что Вы привезли с со-

бой по части предметов и идей, обещает мне занимательную и поучительную зиму, и я вдвойне рад, что часть ее смогу провести вблизи от Вас. Постараемся же, действительно, сделать что-нибудь для театра, даже если эти попытки никого, кроме нас самих, ничему не научат. Попадались ли Вам уже писания Эйнзидела на эту тему¹? Вот по крайней мере еще один человек, который пытается что-то сказать о театре и пробудить к нему интерес в определенных кругах.

Прилагаю письма Гарве, которые должны несколько иначе, чем письмо загадочного человека², но на тот же лад наглядно представить Вам немецкий характер.

Деньги вместе с экземплярами альманаха послезавтра захватит с собой посыльная. Если бы я знал, что Вы все равно будете разменивать золото, я бы вовсе не взял его.

Будьте здоровы, на сегодня прощаюсь с Вами. В пятницу напишу подробнее. Поклон Мейеру.

Ш.

377. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 24 ноября 1797 года

Я никогда еще не убеждался с такой наглядностью, как при нынешней своей работе¹, насколько тесно связаны между собой в поэзии материал и форма, пусть даже форма внешняя. С тех пор как я начал преобразовывать мой прозаический язык в поэтически ритмизованный, я чувствую, что нахожусь уже в сфере совершенно иной юрисдикции и даже не могу теперь воспользоваться многими мотивами, которые показались бы вполне уместными в прозаическом изложении: они были хороши лишь для обычного здравого смысла, органом которого, по всей видимости, является проза; стихотворная же форма безусловно требует соотнесенности с воображением, и поэтому я должен был стать поэтичнее и во многих своих мотивах. И в самом деле: все то, что должно возвышаться над обычным уровнем, следовало бы — по крайней мере сначала — облекать в стихотворную форму, ибо пошлость нигде не обнаруживает себя с такой очевидностью, как там, где она выражена в стихотворной речи.

Мои нынешние занятия привели меня к наблюдению, быть может, сделанному уже и Вами. Представляется,

что некоторая часть поэтического интереса кроется в антагонизме между содержанием и изложением. Если содержание отличается чрезвычайной поэтической значимостью, то ему вполне может подойти скупая манера изложения и доходящая до банальности простота выражения, тогда как, напротив, непоэтичное, обыденное содержание, которое часто оказывается необходимым в обширном целом, обретает поэтическое достоинство благодаря живости и богатству выражения. Это, на мой взгляд, и есть тот самый случай, когда необходимо вводить украшение, которого требует Аристотель, ибо в поэтическом творении не должно быть ничего обыденного.

Ритм придает драматическому произведению тем большую значимость, что он, подчиняя все характеры и все ситуации одному закону и выражая их, несмотря на все их внутренние различия, в одной и той же форме, вынуждает тем самым поэта и его читателя требовать от того, что так естественно различается между собой, чего-то всеобщего, чисто человеческого, и это — в первую очередь. Все должно объединиться здесь в родовом понятии поэтического, и этому закону служит ритм в качестве выразителя и орудия, ибо он подчиняет все *своему* закону. Таким образом он создает атмосферу поэтического творения; все более грубое устраняется, и лишь духовное может найти опору в этой разреженной стихии.

Вы получите при сем восемь экземпляров альманаха. В сущности, Вам предназначалось шесть экземпляров на веленовой бумаге, но из-за путаницы при отправке получилось так, что весь мой запас вышел раньше, чем я успел оглянуться. Посылаю зато двумя экземплярами больше, и это, пожалуй, будет Вам приятнее. Герцогиня получила от меня один экземпляр, равно как и тайный советник Фойгт, Гердер и Бёттигер.

Цельтеру очень хочется узнать, понравилась ли Вам его музыка к «Баядере» и к «Песне Миньоны». Он пишет, что благодаря нашему альманаху выиграл шесть бутылок шампанского, так как побился с кем-то об заклад, что на этот раз ксенийев там наверняка не будет.

Будьте здоровы и позаботьтесь о том, чтобы я поскорее смог прочитать что-нибудь из Ваших эстетических тезисов. Передайте Мейеру мои наилучшие пожелания.

378. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Веймар, 24 ноября 1797 года

Возвращаю Вам письма Гарве с благодарностью и с пожеланием того, чтобы этот бедный, старый и больной человек еще с большей яростью обрушивался на нас, если только это поможет ему провести остаток своей жизни здоровым и веселым. Какую горестную литанию можно было бы прочитать по поводу этих листков, однако я, разумеется, избавлю Вас от нее, поскольку все это Вам хорошо уже известно. Все-таки у этого доброго, славного человека нет даже и следа эстетического чувства! С одной стороны, его суждения грубо материалистичны, а с другой — он подходит к делу как церемониймейстер, пытаюсь указать каждому, а в особенности второстепенным талантам, свое место. Но очень хорошо, что Вы несколькими словами успокоили его.

Тем не менее все эти моралисты находят вполне естественным, когда какому-нибудь автору в течение всей жизни приходится ждать признания лучших своих трудов и переносить помехи, осмеяние, брань, издевки, — естественным потому, что так уж повелось! И при этом автор должен еще терпеливо, в полном сознании своего достоинства, стоять, скрестив руки, словно ессе homo *, только для того, чтобы господин Манзо ¹ и ему подобные тоже смогли бы сойти за поэтов.

Но довольно об этом убожестве! Будем же и далее неуклонно и все быстрее идти своим путем.

25 ноября

За письмо и пакет, только что полученные мною, сердечно благодарю Вас и сразу же, экспромтом скажу, что не только согласен с Вами, но и иду гораздо дальше. Все поэтическое должно быть выражено в ритмической форме! Таково мое убеждение, — а то обстоятельство, что у нас смогла постепенно привиться некая поэтическая проза, показывает лишь, что тут совершенно упущено из виду различие между прозой и поэзией. Это все равно, как если бы кто-нибудь пожелал иметь в своем саду сухое озеро, и садовод попытался бы справиться с этой задачей, устроив там болото. Такие вот андрогины подходят лишь для любителей и пачкунов, как болото — для амфибий. Между тем эта порча достигла в Германии таких разме-

* «се человек» (латин.).

ров, что ее никто уже не замечает, и даже более того — к ней относятся точно так же, как те народы, которые страдают зобом и которые считают здоровую шею наказанием Божиим. Все драматические произведения (и в первую очередь, быть может, комедия и фарс) должны были бы воплощаться в ритмической форме, и тогда виднее было бы, кто во что горазд. Теперь же драматургу почти ничего другого не остается, как приспособливаться, и с этой точки зрения Вас нельзя было бы упрекнуть, если бы Вы решили написать Вашего «Валленштейна» в прозе; но коль скоро Вы рассматриваете его как самостоятельное творение, то он неизбежно должен был обрести ритмическую форму.

Во всяком случае, мы вынуждены отвернуться от нашего столетия, если хотим работать в соответствии с нашими убеждениями. Ибо теперь вообще в ходу такое пустословие во всем, что касается принципов, какого, вероятно, никогда еще не бывало на свете; создаст ли здесь нечто положительное новейшая философия, покажет будущее.

Поэзия ведь, в сущности, основывается на изображении эмпирико-патологического состояния человека, — а кто из наших замечательных знатоков и так называемых поэтов осознает это теперь? Имеет ли хоть малейшее представление о подобной аксиоме какой-нибудь Гарве, который ведь тоже стремился быть мыслящим существом в течение всей своей жизни и который считается в некотором роде философом? И не признает ли он и Вас достойным поэтом только потому, что Вы ради забавы изложили изречения разума поэтическим языком, что вполне допустимо, конечно, но не заслуживает особой похвалы? С какой охотой позволил бы я всем этим прозаическим натурам отшатываться в ужасе от пресловутых безнравственных сюжетов, если бы только они были в состоянии почувствовать высшую нравственную красоту «Поликрата» и «Ивика», например, и прийти от нее в восторг!

Будем же и впредь (особенно ввиду того, что Мейер также привез с собой из Италии какой-то суровый ригоризм) все строже к себе в отношении принципов и все свободнее и увереннее в выполнении! Последнее окажется возможным лишь в том случае, если во время работы мы будем строго придерживаться определенных рамок.

Прилагаю элегию² и желаю ей радушного приема.

Цельтеру мы тоже должны шесть бутылок шампанско-

го за его неизменно доброе мнение о нас. Его «Индийскую легенду» я оценил очень высоко; идея здесь оригинальна и хороша. «Песню Миньоны» я ни разу еще не слышал. Композиторы играют только свои собственные вещи, а у любителей опять-таки есть свои излюбленные пьесы. На всем своем пути я не нашел никого, кто захотел бы вникнуть во что-нибудь чужое и новое.

Пришлите мне, пожалуйста, несколько экземпляров нот к альманаху; во всех присланных мне книгах они начисто отсутствуют.

Желаю Вам полной удачи с «Валленштейном», чтобы Вы смогли поскорее увидеть Вас здесь.

Сердечные наилучшие пожелания и поклон всем Вашим близким.

Г.

379. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

В присланном мне пакете я нашел ноты песен к альманаху, за что искренне благодарен; однако там не было письма, которое обычно приходит, столь желанное, в середине и к концу недели. Впрочем, и я мало что могу сообщить Вам, так как все эти дни вел рассеянный образ жизни и не обдумывал и не делал ничего такого, что могло бы оказаться интересным для нас обоих. Мы все еще заняты размещением привезенных произведений искусства; думаю, что все будет в наилучшем порядке еще до Вашего приезда.

Будьте так добры вернуть мне пьесу, присланную профессором Рамбахом; в ней речь идет о предательстве по убеждению¹.

Мне очень хочется узнать, как процветает Ваш ритмический «Валленштейн». У меня сейчас такое чувство, будто я никогда не писал стихов или никогда не буду их писать; замечательнее всего, что настроение для этого всегда приходит неожиданно-негаданно.

Будьте здоровы и поскорее дайте мне вновь узнать о себе, о Ваших обстоятельствах и трудах.

Г.

Веймар, 28 ноября 1797 года.

380. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 28 ноября 1797 года

Вашей элегией Вы снова доставили нам большую радость. Она безусловно принадлежит к области чистой поэзии, так как при помощи необычайно простого средства — игры с предметом — возбуждает сокровеннейшее и знаменует наивысшее.

Хотелось бы, чтобы в эти мрачные гнетущие дни, которые, насколько мне известно, печалят и Вас, подобные поэтические настроения еще не раз служили бы для Вас развлечением. Мне нужна вся моя гибкость, чтобы дышать и двигаться под этим давящим небом.

В эти дни я читал пьесы Шекспира, посвященные войнам Двух Роз, и теперь, закончив «Ричарда III», испытываю подлинное изумление. Эта пьеса — одна из самых возвышенных трагедий, какие только мне известны, и в тот миг я не сумел бы назвать другое шекспировское произведение, способное соперничать с нею. Великие судьбы, истоки которых прослежены в предшествующих пьесах, завершаются здесь самым величественным образом и сопоставлены между собой посредством возвышеннейшей идеи. Высочайшему воздействию здесь чрезвычайно способствует то, что уже сам сюжет исключает любую изнеженность, неопределенность, слезливость; в пьесе все энергично и значительно, ничто человечески обыденное не чинит помех чисто эстетическому волнению, и кажется, будто источником наслаждения является чистая форма трагически ужасного. Высокая Немесида шествует по всей пьесе и проявляется во всех образах — от этого впечатления невозможно избавиться с самого начала и до конца. Достоинно изумления то, с каким искусством поэт неизменно добывал поэтические трофеи, овладевая столь неподатливым материалом, и как умело он воплощал то, что не поддается воплощению: я имею в виду искусство использовать символы там, где невозможно изображать природу. Ни одна шекспировская пьеса не напоминает мне до такой степени греческую трагедию.

Стоило бы, право, не пожалеть сил, чтобы со всей той вдумчивостью, на которую мы теперь способны, подготовить для сцены эту сюиту из восьми пьес¹. Это могло бы стать началом целой эпохи. Нам в самом деле непременно нужно посоветоваться об этом.

Мои наилучшие пожелания Вам и нашему другу Мейе-

ру. Мой «Валленштейн» со дня на день обретает все более определенную форму, и я вполне доволен собой.

Ш.

381. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вы так хорошо отозвались о моей элегии, что я еще сильнее огорчаюсь тому, что подобное настроение давно уже не посещало меня. Стихотворение это было написано сразу же по приезде в Швейцарию, однако с тех пор мое деятельное, продуктивное Я претерпело столько приятных и неприятных впечатлений, что и до сих пор никак не может овладеть собой. Поэтому нам опять придется ожидать этого со всем смирением.

Я бы очень хотел, чтобы Вас привлекла мысль обработать шекспировские произведения. Поскольку многое тут уже сделано, и остается лишь кое-что подчистить и приспособить на новый лад, то это было бы очень выигрышно. Если только Вы приобретете нужные навыки во время работы над «Валленштейном», то подобное предприятие окажется для Вас нетрудным.

Будьте здоровы. К сожалению, время года снова предъявляет свои права на меня, и так как у меня самого на этот раз нет ничего веселого, чем я мог бы поделиться с Вами, то посылаю Вам оду Гернинга¹, которая, надо полагать, не преминет произвести определенное впечатление.

Веймар, 29 ноября 1797 года.

Г.

382. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 1 декабря 1797 года

Не браните меня за то, что сегодня вместе с этим письмом Вы не получите требуемой комедии¹; я начал искать ее только поздно вечером, уже при свечах, и безуспешно проискал добрых полчаса. В воскресенье пришлю ее Вам тяжелой почтой.

Мне порой досаждают то, что «Валленштейн» разбухает у меня под руками — в особенности теперь, когда ямбы хотя и сокращают обороты речи, однако создают атмосферу поэтического благодушия, способствующую появлению длиннот. Вам придется судить, должен ли и мог ли я быть более лаконичным. Мой первый акт настолько велик, что я мог бы вместить в него три первых

акта Вашей «Ифигении», не заполнив его до конца; разумеется, последующие акты будут много короче. Экспозиция требует экстенсивности, тогда как развивающееся действие само ведет к интенсивности. У меня такое ощущение, словно мною овладел некий эпический дух, явление которого можно было бы объяснить мощью Вашего непосредственного воздействия; не думаю, однако, что он нанесет ущерб драматическому духу, ибо дух эпический, быть может, представляет собой единственное средство сообщить поэтический характер этому прозаическому материалу.

Поскольку мой первый акт, скорее, статический или статичный по своему характеру, то есть он изображает данное состояние, но, по сути дела, еще не изменяет его, то я воспользовался этим спокойным началом для того, чтобы сделать настоящим своим предметом мир и всеобщность, которые обуславливают действие. Благодаря этому мысли и чувства зрителя обретут большую ширь, и тот импульс, который они получают с самого начала, должен, надеюсь, удержать все действие на надлежащей высоте.

Я недавно попросил Мейера доставить мне Ваш портрет для следующего альманаха. Надо было сделать это заблаговременно, чтобы гравюру также можно было выполнить безо всякой спешки. Мне хотелось бы еще получить от Мейера изображение Немесиды для моего «Валленштейна»; это будет приятное и значимое украшение. Мейер придаст Немесиде трагический характер; я хотел бы поместить ее в качестве виньетки на титульном листе.

Могу ли я надеяться получить от Вас вскоре что-либо для «Ор»? Едва ли в эти мрачные декабрьские дни можно делать что-нибудь лучшее, чем зарабатывать деньги, с тем чтобы потратить их в дни погожие. Нет ли у Вас желания завершить теперь «Моисея» или, быть может, найдется другой предмет, который нетрудно будет приготовить поскорее? Нужда моя очень велика, а Часы не желают стоять на месте.

Будьте здоровы и наслаждайтесь вместе с Мейером добытыми вами сокровищами искусства, которые мне не терпится увидеть и которые послужат нам поводом для более конкретных суждений об искусстве, столь необходимых мне. Моя жена шлет Вам наилучшие пожелания.

Ш.

383. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Для нас как в практическом, так и в теоретическом отношении будет иметь величайшее значение то, к какому итогу придете Вы с «Валленштейном». Не придется ли Вам в конце концов представить весь этот материал в цикле пьес? То, что ритм влечет вширь, это вполне естественно, потому что любое поэтическое настроение должно вызывать у самого автора и у всех других ощущение покоя и уюта; мне очень хотелось бы услышать от Вас что-нибудь об этом.

С. Мейером я поговорю относительно гравюр для альманаха и «Валленштейна». На портрет я не возлагаю особых надежд; нужно очень многое, чтобы создать хотя бы что-то сносное, а в особенности в таком маленьком формате, да и к тому же художники-граверы чересчур легко и поверхностно трактуют все, что относится к книге. Не лучше ли было бы и дальше придерживаться общих и аллегорических изображений?

Со времени возвращения у меня едва хватает настроения даже на то, чтобы продиктовать хотя бы более или менее приемлемое письмо. Масса воспринятого мною материала чрезвычайно велика, а интерес к тому, чтобы записать и разработать его, под конец значительно ослаб благодаря общению с Мейером. Стоит мне только обсудить с кем-нибудь тот или иной предмет, как он перестает для меня существовать на долгое время.

Мне только нужно снова упорядочить то старое и новое, что у меня на сердце и в мыслях. Я бы очень хотел послать Вам что-нибудь для «Ор»; скоро выяснится, что именно я в состоянии сделать и представить.

Будьте здоровы, порауйте нас поскорее Вашим приходом и передайте мой сердечный поклон Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 2 декабря 1797 года.

384. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 5 декабря 1797 года

В такой мрачный день я могу послать Вам лишь несколько слов приветия. Погода чрезвычайно угнетает меня и усиливает все мои недуги, так что и работа не радуется.

По зрелом размышлении я пришел к выводу, что поступлю правильнее, если проведу здесь еще два самых худших зимних месяца. Для меня январь и февраль — опасные месяцы, потому что я уже дважды болел в это время воспалением легких; малейшая простуда теперь угрожает снова навлечь на меня эту болезнь, которую я уже не смог бы перенести, как раньше. При таком положении вещей не следует рисковать переменой привычного образа жизни, а в Веймаре я не смогу даже и мечтать о том, чтобы зимою выйти из дому. Да и к тому же квартира, о которой шла речь, чрезвычайно тесна, и для детей там едва хватит места, так что все это было бы для меня совершенно невыносимо. Следует прибавить к этому, что ближайшие два месяца будут решающими для моих работ и, следовательно, ничто внешнее не должно теперь стеснять меня.

Через несколько месяцев я постараюсь раздобыть квартиру неподалеку от Вас; погода тогда будет мягче, я смогу выходить на улицу, и все станет для меня проще.

Быть может, я нанесу Вам визит в какой-нибудь ясный декабрьский день, а после Нового года мы, надеюсь, увидим Вас с Мейером здесь.

На этих днях я получил от Цумштега¹ из Штутгарта письмо, искренне меня обрадовавшее. Он пишет о том, что больше всего понравилось ему в наших стихотворениях в альманахе, и в самом деле — от чего мы давно уж отвыкли — отобрал лучшее. Он пишет также, что в его местах альманах производит общую сенсацию.

Будьте здоровы. Я сегодня не в состоянии сказать еще что-либо.

Ш.

385. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Если Вы убеждены в том, что для Вашего здоровья и Ваших работ предпочтительнее оставаться зимою в Иене, то это особенно радует меня по той причине, что мне необходимо будет отправиться туда после Нового года, чтобы хоть в какой-то мере сосредоточиться и прийти в себя, — и какой странной показалась бы мне Иена, если бы я не застал Вас там! Теперь Ваше пребывание в Иене меня радует, тогда как если бы я оставил Вас в Веймаре, то постоянно чувствовал бы какой-то разлад с самим собой.

Продолжайте же, пожалуйста, работать над Вашим «Валленштейном»; я, вероятно, примусь вначале за моего «Фауста»¹ — отчасти чтобы избавиться от этого трагелафа, отчасти чтобы подготовить себя к более возвышенному и чистому настроению (быть может, для «Телля»). Тут необходимо будет при случае подумать о следующем альманахе — и, возможно, кое-что при этом перепадет и на долю «Ор».

Будем же двигаться и дальше по избранному нами пути! Мы многое еще должны выполнить, и сотрудничество Мейера окажется в высшей степени полезным для нас. Мы можем быть уверены и в сочувствии публики; хотя мы сейчас постоянно браним ее в общем и целом, однако в ней встречаются весьма образованные люди, которые умеют ценить честные и серьезные стремления писателя. Тем временем пусть себе старый Виланд, этот *laudator temporis acti**², сокрушается из-за «этого осадка восемнадцатого столетия» (см. ноябрьский номер «Немецкого Меркурия», стр. 194)³; наша муза уж как-нибудь сумеет налить нам столько чистого вина, сколько потребуется. Стоило бы, конечно, предпринять специальную поездку в декабре, чтобы увидеть прекрасные вещи Мейера. Только бы Ваше здоровье позволило Вам это!

Г.

Веймар, 6 декабря 1797 года.

386. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 8 декабря 1797 года

Я теперь полностью примирился с необходимостью, удерживающей меня здесь в ближайшие месяцы, поскольку поездка в Веймар даже не позволила бы мне чаще видаться с Вами; поэтому благословясь, опять начнем со следующего месяца прежнюю жизнь, которая несколько не проиграет от присутствия Мейера. Неплохо, разумеется, что между Вашей первой и второй эпическими поэмами¹ Вы помещаете «Фауста». Вы умножите тем самым мощь поэтического потока и возбудите в себе неодолимое стремление к новому чистому творчеству, а ведь такое стремление уже составляет половину вдохновения. «Фауст», когда Вы завершите его, тоже, вне всякого сомнения, не оставит Вас таким, каким Вы будете в начале

* ревнитель старины (латин.).

своего труда: он пробудит и разовьет в Вас какую-нибудь новую силу, так что к новому Вашему творению Вы придете еще более обогащенным и вдохновенным.

«Валленштейну» я отдаю все свои силы, однако патологическое напряжение физической природы при подобной поэтической работе чрезвычайно истощает меня. К счастью, болезненное состояние не препятствует вдохновению, однако из-за него во мне быстрее угасает живое чувство и приходит утомление. Поэтому мне приходится платить за один день счастливого настроения пятью-шестью днями уныния и подавленности. Можете представить себе, как необычайно задерживает меня все это. Однако я не теряю надежды увидеть «Валленштейна» на веймарской сцене уже будущим летом, а той же осенью всерьез приняться за «Мальтийцев»².

Последние занимают меня иногда во время отдыха от работы. Есть нечто весьма притягательное для меня в подобных сюжетах, которые обособляются сами по себе, образуя некий замкнутый мир. Я широко воспользовался этим обстоятельством в «Валленштейне», а в «Мальтийцах» оно будет еще сильнее способствовать мне. Дело не только в том, что этот орден поистине представляет собой некий индивидуум совершенно *sui generis**, — в момент драматического действия он окажется таковым в еще большей степени. Все его связи с внешним миром перекрыты из-за осады, он сосредоточен на себе самом, на заботе о своем существовании, и в этот момент спасти его могут только те исконные его свойства, которые и делают его орденом.

Эта пьеса должна быть разработана настолько же просто, насколько сложен «Валленштейн», и я радуюсь заранее, так как в этом простом сюжете я нахожу все то, что должен использовать, и использую все то, что нахожу значительным. Я могу развить этот сюжет совершенно в форме греческой трагедии и по схеме Аристотеля, с хорами и без членения на акты — и так и сделаю. Объясните мне, пожалуйста, откуда взялось это разделение на акты? У Аристотеля ничего об этом не говорится, да и очень многие греческие пьесы вообще не поддаются подобному членению.

Кёрнер пишет мне, что Гесслер снова в Дрездене.

* особого рода (латин.).

Свою итальянку³ он, по слухам, оставил пока в Швейцарии, чтобы она там еще несколько пообтесалась. Надо надеяться, что тем временем она сбежит от него с другим.

От Гумбольдта у меня вот уже шесть недель как нет никаких вестей; из этого я заключаю, что он действительно отправился в Париж, ведь если бы он спокойно сидел в Швейцарии, то уже одна скука заставила бы его написать.

Будьте здоровы и продержитесь с тем же успехом остаток этого месяца. У меня теперь все благополучно. Моя жена шлет Вам сердечный поклон. Я рад, что смогу показать кое-что из «Валленштейна» не только Вам, но и старине Мейеру.

III.

387. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Известие, что этой зимой Вы не приедете к нам, огорчило наших актеров. Они, по-видимому, намеревались отличиться перед Вами; я утешил их надеждой на то, что весной Вы, вероятно, посетите нас. Наш театр чрезвычайно нуждается в подобном новом импульсе, дать который я сам не могу по определенным причинам. Слишком уж большое различие существует между тем, кто должен приказывать, и тем, кто должен взять на себя эстетическое руководство подобным учреждением. Последний должен воздействовать на чувства, а следовательно, и сам должен проявлять чувства; первый вынужден замыкаться в себе, чтобы соблюсти политическую и экономическую форму. Возможно ли сочетать свободное взаимодействие и механическую причинность, не знаю; мне по крайней мере такой фокус никогда не удавался.

Хорошо представляю себе процесс Вашей работы. Без живого патологического напряжения сил я тоже никогда не смог бы обработать какую-нибудь трагическую ситуацию, и поэтому я не только не искал их, а, скорее, даже избегал. Не было ли это, кстати, одним из преимуществ древних — то, что высшая ступень патетического оказывалась у них всего лишь эстетической игрой, тогда как у нас приходится прибегать к жизненной правде, чтобы создать такое произведение? Я и в самом деле недостаточно знаю самого себя, чтобы определить, в состоянии ли я написать настоящую трагедию; я лишь

попросту испытываю страх перед подобным предприятием и почти уверен, что и одна попытка такого рода могла бы разрушить меня.

Наш добрый старый коллега Шнаус¹ покинул наконец сию юдоль. Возможно, в будущем я смогу иметь некоторое влияние на библиотечные дела; скажите, пожалуйста, находите ли Вы целесообразной идею, которую я давно уже вынашиваю, а именно: объединить здешнюю, Бюттнерову и университетскую библиотеки *virtualiter* * в единое целое² и затем, сговорившись с кем следует, распорядиться относительно различных мероприятий и более определенной и осмысленной закупки книг. При теперешнем устройстве никто ни в чем не выигрывает, много денег расходуется безо всякой пользы, множество хороших начинаний пропадает втуне — и в то же время я предвижу достаточно препятствий, которые возникнут тотчас же, когда раздастся справедливое требование вести дела более целесообразно, чем это было принято до сих пор.

Мне нужны будут еще две недели, чтобы уладить некоторые дела, привести в порядок новые театральные контракты и все прочее в том же духе. После этого я тотчас же устремлюсь навстречу дневному уединению в иенском замке и к нашим вечерним разговорам.

Мейера, конечно, я не возьму с собой, так как снова убедился на опыте, что могу работать только в абсолютном одиночестве и что не только разговор, но даже и простое присутствие в доме любимых и уважаемых мною людей начисто перекрывает все мои поэтические родники. У меня пропал теперь всякий интерес к творчеству, и я бы впал даже в своего рода отчаяние, если бы не был уверен в том, что в первую же неделю в Иене он снова вернется ко мне.

Прилагаю том стихотворений человека³, из которого, возможно, и вышло бы что-нибудь, если бы он жил не в Нюрнберге и сумел найти тот род поэзии, который соответствует его таланту. Мне представляется, что кое-что у него обладает достоинствами по части юмора, хотя кое-что и весьма неудачно. Поскольку Вы столь охотно возлагаете надежды на молодых людей и можете использовать самые разнообразные произведения, то от Вас зависит решить,

* по возможности (латин.).

стоит ли продолжать с ним отношения и несколько приободрить его.

Будьте здоровы и передайте мой поклон Вашей милой жене.

Гесслер сильно рискует, оставляя свою красавицу на произвол судьбы. Досадно, что мы с ним не встретились. Мейер знаком с красавицей. Впрочем, много еще странных комет блуждает по небу Амура и Гименея⁴; что они возвещают и что принесут, пока неизвестно.

Прилагаю еще небольшой опыт в историческом жанре⁵; сообщите мне, пожалуйста, Ваше мнение о нем или по крайней мере о том, можно ли рекомендовать небольшое собрание подобных работ какому-нибудь издателю?

Еще раз — мои наилучшие пожелания.

Г.

Веймар, 9 декабря 1797 года.

388. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 12 декабря 1797 года

Так как на этих днях я приступил к любовным сценам во втором акте «Валленштейна», то не могу без замирания сердца подумать о театре и о сценическом назначении моей пьесы. Ибо построение целого требует, чтобы любовь не столько действием, сколько своим спокойным самодовлеющим существованием и свободой от всяких целей была бы противопоставлена прочему действию, которое представляет собой бурное неуклонное стремление к некой цели, и завершала бы тем самым известный человеческий круг. Однако в таком свойстве она не сценична — по крайней мере в том смысле, в каком она может быть представлена при наших изобразительных средствах и нашей публике. Поэтому для того, чтобы сохранить поэтическую свободу, я вынужден буду надолго отогнать от себя мысль о театральном представлении.

Неужели трагедия действительно так чужда Вам из-за ее патетической силы? Во всех Ваших поэтических творениях я нахожу всю ту трагическую мощь и глубину, которой было бы достаточно для совершенной трагедии; что же касается чувства, то в «Вильгельме Мейстере» его хватило бы не на одну трагедию. Я думаю, что Вам просто чужда та строгая прямая линия, по которой

должен двигаться трагический поэт, ибо Ваша натура стремится выразить себя с гораздо большей естественностью. Думаю также, что Вас стесняет и известная забота о зрителе, от которой не может отрешиться ни один трагический поэт, и забота о некоей цели и том внешнем впечатлении, на которое неизбежно ориентирован этот поэтический жанр. Быть может, Вы потому лишь чувствуете себя менее предназначенным для роли трагического поэта, что столь законченно созданы поэтом в родовом значении этого слова. По крайней мере я нахожу в Вас все *поэтические* свойства трагического поэта в величайшем изобилии, и если Вы тем не менее не смогли бы написать настоящую трагедию, то причина этого крылась бы в обстоятельствах отнюдь не поэтических.

Будьте так добры прислать мне при случае несколько театральных афиш, на которых перечислены все актеры труппы.

Исполнения Вашей идеи относительно объединения трех библиотек пожелал бы, разумеется, всякий здравомыслящий человек в Иене и Веймаре. Лишь бы при этом нашелся кто-то, кто был бы способен возглавить подобное учреждение, осуществляя идею единства и полноты. Там, конечно, уже накопилось множество материала; многое, вероятно, имеется в двух или трех экземплярах, которые можно было бы обменять на что-нибудь новое; кроме того, почему бы не обогатить библиотечный фонд, направив к нему еще кое-какие новые ручки?

Боюсь, что новый нюрнбергский поэт особого утешения нам не доставит. Ему, пожалуй, недостает не столько даже таланта, сколько чувства формы и сознания того, к чему он стремится. Впрочем, я лишь мельком заглянул в книгу и, быть может, как раз попал на самое худшее.

Историческую статью я еще не дочитал. Пришлю ее вместе с отзывом в пятницу.

В книге Эйнзиделя о театре¹ все-таки содержатся некоторые удачные мысли. Меня забавляет, когда дилетанты подобного рода высказываются по поводу таких вещей, которые можно почерпнуть лишь из глубины науки и размышлений: например, то, что он говорит о стиле, о манере и т. д.

Будьте здоровы. Сердечно радуюсь предстоящим нам

вечерам. Моя жена очень интересуется кометами, блуждающими по небу Амура и Гименея. Поклонитесь от меня Мейеру.

Ш.

389. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Новые произведения искусства в нашем доме привлекли к нам внимание дам; из-за их утреннего визита пишу Вам второпях лишь несколько слов.

Отчет о способностях членов нашей труппы я сам сделаю для Вас в ближайшее время, главным образом применительно к потребностям Вашей пьесы, о которых я все же осведомлен в самых общих чертах.

Продолжайте же работать, ни о чем не тревожьтесь. Внутреннее единство, которое будет присуще «Валленштейну», непременно даст себя почувствовать, а Вы обладаете особым преимуществом в театральной сфере. Идеальное целое импонирует людям, даже когда они не могут разобраться в деталях или оценить достоинства отдельных частей.

По странному стечению обстоятельств ко мне предъявили сейчас требование подумать о немецком театре в целом¹, а так как мне все же приходится порою поневоле посещать спектакли, то я постараюсь извлечь из этого самопожертвования некоторую выгоду.

Будьте здоровы. Я радуюсь приближению времени, которое дарует мне сосредоточенное существование и Вашу близость.

Г.

Веймар, 13 декабря 1797 года.

390. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 15 декабря 1797 года

Наша поэтесса Меро здесь, так что я смогу написать Вам сегодня лишь несколько слов.

Из возвращаемой при сем статьи¹ и из других такого же пошиба ничего путного не выйдет. Статья слишком сухая и скудная, и за исключением бесполезного парада цитат и начитанности в исторических сочинениях она не содержит в себе ни малейшей доли существенной новизны, которая позволила бы разъяснить события или хотя бы сделать более занимательным их изложение.

Если же автор просто хочет немного заработать таким путем, то этой цели легче, пожалуй, достичь, печатая подобные статьи в журналах вроде «Меркурия» и т. п., чем отдельным сборником.

Я не раз уже высказывал пожелание, чтобы среди многочисленных литературных спекуляций тех авторов, которые не способны ни на что, кроме компилятивных работ, можно было бы встретить наконец и такую, когда кому-нибудь придет в голову заняться поисками поэтических сюжетов в старых книгах, проявив при этом известный такт, позволяющий обнаружить *punctum saliens* * в историях, на первый взгляд непритязательных. Мне такие источники вовсе не известны, и то, что я испытываю недостаток в подобных сюжетах, действительно делает меня менее продуктивным, чем было бы в противном случае. Мне помнится, что некий Гигин, грек, составил когда-то сборник трагических фабул то ли *из*, то ли *для* поэтической практики ². Такой вот друг был бы мне чрезвычайно полезен. Изобилие подходящих сюжетов действительно умножает духовное изобилие и к тому же позволяет значительно развивать свои силы, ибо весьма полезно хотя бы лишь в мыслях переживать тот или иной сюжет и пробовать себя на нем.

Элиза фон дер Реке прислала мне объемистую пьесу своего собственного изобретения и сочинения³, уполномочив меня зачеркивать и выбрасывать. Погляжу, нельзя ли воспользоваться этим для «Ор»; содержание пьесы, как Вы легко можете себе представить, отмечено высокой нравственностью, так что она, надеюсь, легко проскользнет. Теперь я должен всячески заботиться об «Орах». А то, что столь нравственные особы сдаются на милость таким еретикам и вольнодумцам, как мы, и в особенности после столь нашумевшей выходки с ксениями, все-таки принесит известное удовлетворение.

От Гумбольдта я не получал вестей вот уже шесть недель и заключаю из этого, что он все же уехал в Париж.

Будьте здоровы, на сегодня прощаюсь с Вами. Моя жена шлет Вам сердечный поклон.

Ш.

* главный пункт (латин.).

391. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю при сем Гигина и одновременно позволяю себе посоветовать Вам приобрести «Adagia» Эразма¹, которые легко раздобыть. Поскольку древние пословицы по большей части обусловлены географическими, историческими, национальными и индивидуальными обстоятельствами, то в них можно обрести целую сокровищницу реальных сюжетов. К сожалению, мы знаем по опыту, что никто не в состоянии находить сюжеты для поэта и что даже сам он порой ошибается в выборе.

Наш друг Мейер усердно работает и как раз излагает свои мысли об этом предмете². Он высказывает при этом поразительнейшие вещи.

«Оры», как видно, вступили теперь в женскую пору своего существования. Это тоже неплохо, если только при этом они сохранят свою жизнь в литературе.

Я по-прежнему не способен ни на великое, ни на малое и пока лишь читаю Геродота и Фукидида, чтобы сохранить душевный мир. Они впервые даруют мне совершенно чистую радость, потому что я читаю их только ради формы, а не содержания.

Мое величайшее желание теперь — поскорее оказаться у Вас и почувствовать снова приближение солнца; тем временем я стараюсь как можно лучше использовать мрачные и хмурые дни. Будьте здоровы и поступайте таким же образом.

Г.

Веймар, 16 декабря 1797 года.

392. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Хочу и надеюсь узнать, что это письмо застанет Вас снова в приемлемом состоянии здоровья¹; благодарю за письмо Вашей милой жены, доставившей мне особую радость своим сообщением относительно характерных произведений бранденбургского искусства².

Ваше письмо от 2 октября³ также прибыло наконец сюда вместе с альманахом; таким образом, ничто из нашей переписки не пропало.

«Золотую свадьбу Оберона»⁴ Вы исключили из альманаха весьма предусмотрительно: за это время число стихов в ней возросло по крайней мере в два раза, и я

нахожу, что в «Фаусте» для нее будет самое подходящее место.

С тех пор как появилась рецензия Шлегеля на моего «Германа»⁵, я снова обдумал законы эпопеи и драмы и полагаю, что нахожусь на верном пути. Трудность подобных теоретических усилий обычно состоит в том, что приходится освобождать различные жанры поэзии от всего случайного. В скором времени Вы получите небольшую статью на эту тему⁶, и поэтому я ничего больше не скажу заранее.

Мейер отлично знает автора элегий в альманахе⁷ и когда-нибудь охарактеризует его Вам; он, собственно, скульптор. Сейчас мне более всего хочется увидеть Вашего «Валленштейна».

Поправляйтесь же поскорее после болезни. Если бы я мог провести у Вас уже ближайшие дни, которые обещают быть такими ясными!

Г.

Веймар, 20 декабря 1797 года.

393. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 22 декабря 1797 года

Хотя жестокий приступ холеры прошел у меня быстро и благополучно, однако он лишил меня сил и настроения на целую неделю, так что ни о чем поэтическом я и помыслить не могу. Да и скверная погода способствует тому, чтобы всякая деятельность во мне замерла.

К немалому моему удовлетворению, Котта спешно требует у меня последние двести экземпляров альманаха, которые я нарочно оставил у себя, чтобы не сразу открыть лейпцигским книготорговцам размер тиража на тот случай, если бы хоть какая-то часть его не разошлась. Как пишет Котта, вся остальная партия примерно в две тысячи экземпляров уже распродана; эти двести, по его мнению, тоже быстро разойдутся, так как заказы все еще продолжают поступать довольно бойко и в конце концов может понадобиться второе издание. Мы, право же, не смогли бы одержать более блистательного триумфа над завистниками, приписывавшими удачу прошлогоднего альманаха исключительно колкостям в ксениях. Это пробуждает во мне некоторое доверие к нашей немецкой публике, поскольку нам удалось привлечь ее интерес силой

одной лишь поэзии без посредничества какой-либо низменной страсти.

Рецензии Шлегеля на Вашего «Германа» я еще не видел и даже не знаю, какому из Шлегелей она принадлежит. Однако чьей бы она ни была, безразлично: я не считаю ни одного из них достаточно компетентным для этого, потому что для оценки этой поэмы требуется прежде всего то, что именуется душою, а ее-то нет у них обоих, хотя они уже усвоили соответствующую терминологию.

Статью Вашу, написанную по этому поводу, жду с нетерпением. Или Вы захватите ее с собой?

Нам очень хотелось бы знать, как скоро мы можем рассчитывать на Ваш приезд. Ведь скоро уже минет полгода, как мы с Вами жили в непосредственной близости друг от друга.

Прошу передать Мейеру сердечный поклон. Очень жаль, что я так давно не видел его работ.

Будьте здоровы.

Ш.

394. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

В приложении к сему Вы получите мою статью, которую прошу принять близко к сердцу, использовать, изменить и расширить. Вот уже несколько дней, как я руководствуюсь этими критериями при чтении «Илиады» и Софокла, а также по отношению к некоторым эпическим и трагическим сюжетам, которые пробовал мысленно обосновать, и нахожу их весьма полезными и даже решающими.

При этом меня просто поразило то, что мы, поэты нового времени, почему-то весьма склонны смешивать все жанры, и более того — мы даже порой не в состоянии отличить их один от другого. По-видимому, это происходит только от того, что художники, которые, по сути дела, должны были бы создавать произведения искусства исходя из их внутренних чистых предпосылок, уступают желанию зрителей и слушателей в том, чтобы все воспринималось как чистая правда. Мейер заметил, что существует тенденция подгонять все виды искусства к живописи, так как последняя в силу общего своего характера и использования цвета может придать подражанию природе наивысшую ступень правдоподобия. Точно так же и по

мере развития поэзии становится очевидным, что все стремится к драме, к изображению *абсолютно сопереживаемого*. Так и романы в письмах вполне драматичны, и поэтому в них с полным правом можно включать настоящие диалоги, как это и делал Ричардсон; романы же, в которых повествование смешано с диалогами, должны были бы, напротив, вызывать нарекания.

Вы, вероятно, сотни раз слышали, как по прочтении какого-нибудь хорошего романа высказывалось желание увидеть этот сюжет представленным на сцене — и сколько же скверных драм возникло благодаря этому! По той же самой причине людям хочется немедленно увидеть каждую интересную ситуацию воспроизведенной на гравюре, только чтобы не утруждать свое воображение; поэтому все должно быть чувственно достоверным, абсолютно сопереживаемым, драматичным, а само драматическое должно в свою очередь полностью совпасть с реально существующим. Этим поистине детским, варварским и пошлым тенденциям должен был бы изо всех своих сил противостоять сам художник, отделяя одно произведение искусства от другого непроницаемыми заколдованными кругами и сохраняя за каждым из них присущие им характерное своеобразие и отличительные черты подобно тому, как это делали древние, благодаря чему они и становились и были такими художниками. Но кто может отделить свой корабль от волн, по которым он плывет? Против течения и ветра далеко не уплывешь.

Так, например, у древних барельеф представлял собой не слишком выпуклое произведение, плоское и изящное обозначение некоего сюжета на ровной поверхности; однако человек не мог остановиться на этом, и вот рельеф начинает наполовину, а затем и полностью выдаваться над плоскостью, обособляются члены тела и целые фигуры, появляется перспектива, изображаются улицы, облака, горы и пейзажи, а поскольку все это опять же делается людьми талантливыми, то такие совершенно недопустимые вещи тем легче входят в употребление, чем сильнее они отвечают вкусу людей необразованных. В статье Мейера¹, кстати, рассказывается чрезвычайно любопытная и относящаяся сюда история о том, как во Флоренции фигуры, сделанные из глины, стали покрывать глазурью и окрашивать вначале в один цвет, а затем в несколько и покрывать их эмалью.

Возвращаясь к своей статье, замечу, что обоснованный в ней масштаб я уже применил к «Герману и Доротее», и прошу Вас поступить так же, ибо это позволяет сделать такие чрезвычайно интересные наблюдения, как, например:

1. То, что здесь нет ни одного чисто эпического мотива, то есть такого, который обращал бы действие вспять, и что здесь применены лишь четыре других мотива, которые присущи как эпической поэме, так и драме².

2. То, что здесь изображены люди, которые не действуют во внешнем мире, а углублены в свой внутренний мир, и это также отдаляет произведение от эпопеи и сближает его с драмой.

3. То, что здесь отсутствуют сравнения, и это совершенно справедливо, потому что при изображении предметов, взятых по преимуществу из мира нравственного, вторжение образов из мира физического оказалось бы только обременительным.

4. То, что здесь достаточно чувствуется, хотя и не бросается в глаза влияние третьего мира, поскольку в сюжет вплетаются великие судьбы мира — отчасти непосредственно, отчасти символически, посредством действующих лиц; кроме того, здесь намечены легкие следы присутствия рока, взаимосвязи зримого и незримого миров; все это в совокупности служит, по моему убеждению, заменой древним образам богов, хотя, разумеется, отнюдь не равноценной в том, что касается физическо-поэтической мощи последних.

В заключение я должен еще сообщить Вам об одной своеобразной задаче, которую я задал себе в связи со всеми этими соображениями³, а именно: помещалась ли между смертью Гектора и отплытием греков с троянского берега еще одна эпическая поэма или нет? Я почти уверен в последнем, и вот по каким причинам:

1. Потому что там нет больше ни одного мотива, обращающего действие вспять, — напротив, все неудержимо устремляется теперь вперед.

2. Потому что все коллизии, хоть сколько-нибудь задерживающие действие, привлекают внимание ко многим людям, и хотя они чрезвычайно масштабны, однако выглядят как индивидуальные судьбы отдельных лиц. *Смерть Ахилла*, как мне кажется, представляет собой превосходный трагический сюжет; смерть Аякса и возвращение Филоктета остались нам еще от древних. Поликсена,

Гекуба и другие сюжеты этой эпохи также были обработаны. Само же падение Трои как заключительный момент некой великой судьбы не эпично и не трагично и при любой эпической обработке может лишь видаться в некотором отдалении — впереди или позади. Риторически-сентиментальная обработка Вергилия не может быть принята здесь во внимание.

Вот пока и все, что приходит мне сейчас в голову, *salvo meliori* *, ибо, если не ошибаюсь, материя эта, подобно многим другим, не поддается, в сущности, теоретическому истолкованию; то, что создано гением, во всяком случае, находится у нас перед глазами, но кто решится сказать, что он мог или должен был бы еще создать?

А теперь, так как посыльные уже отправляются в путь, мне остается только послать наилучшее пожелание Вам и Вашей милой жене. Соблюдайте, пожалуйста, осторожность, пока это скверное время не останется позади. О нашем альманахе я слышу со всех сторон много хорошего. Когда мне удастся приехать, пока еще не знаю; боюсь, что театральные дела задержат меня дольше, чем я предполагал, как ни сильно мое желание увидеть Вас. Еще раз — всего наилучшего.

Г.

Веймар, 23 декабря 1797 года.

395. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 26 декабря 1797 года]

Противопоставление рапсода и мима¹, а также их аудиторий, представляется мне приемом, чрезвычайно удачно выбранным для того, чтобы подойти к вопросу о различии между обоими поэтическими жанрами. Уже один этот метод оказывается вполне достаточным для того, чтобы сделать невозможной грубую ошибку при выборе сюжета для произведения того или иного поэтического жанра или при выборе поэтического жанра для воплощения того или иного сюжета. Это подтверждается и опытом, ибо я не знаю другого средства, которое при драматической разработке сюжета так строго удерживало бы поэта в границах избранного им жанра и так решительно возвращало бы к ним в случае нарушения, как возможно более живое представление о реальном спектак-

* с надеждой на лучшее (*латин.*).

ле, сценических подмостках, переполненном театральном зале с его пестрой толпой — представление, которое порождает волнующее и тревожное ожидание, действительно напоминающее о законе напряженного и безостановочного движения вперед.

Я позволил бы себе предложить еще один способ, позволяющий наглядно представить это различие. Драматическое действие разворачивается передо мной, вокруг эпического движусь я сам, а оно представляется как бы застывшим на месте. Мне кажется, что различие это весьма важно. Если событие разворачивается передо мной, то я накрепко прикован к чувственно воспринимаемой реальности, мое воображение утрачивает свободу, во мне возникает и поддерживается непрестанное беспокойство, я должен неотступно находиться подле объекта, мне категорически запрещается оглядываться назад или размышлять, потому что меня влечет чуждая сила. Если же я движусь вокруг события, которое не в состоянии уйти от меня, то я могу не следовать за ним шаг за шагом, могу — в зависимости от моих субъективных потребностей — делать продолжительные или краткие остановки, возвращаться или забегать вперед и т. д. И это очень хорошо согласуется с понятием *прошедшего*, которое может осознаваться как неподвижное, и с понятием *рассказа*, потому что рассказчику уже в начале и в середине рассказа известен финал, для него, следовательно, равноценен любой момент действия, и поэтому он неизменно сохраняет безмятежную свободу.

То, что эпический поэт воплощает свое событие как абсолютно законченное, а трагический поэт как абсолютно сопереживаемое, представляется мне совершенно очевидным.

Прибавлю еще следующее. Именно отсюда и проистекает столь притягательное противоборство между поэзией как родом и отдельными ее видами — противоборство, которое неизменно оказывается чрезвычайно одухотворенным как в природе, так и в искусстве. Поэтическое искусство как таковое делает все чувственно сопереживаемым, но тем самым оно вынуждает и эпического поэта воплощать подобным образом свершившееся — лишь бы при этом не был бы утрачен характер прошедшего. Поэтическое искусство как таковое делает все настоящее прошедшим и удаляет от нас все близкое, идеализируя его,

но тем самым оно вынуждает драматического поэта отдалять от нас действительность, непосредственно воздействующую на нас, и предоставлять нашему духу некую поэтическую свободу по отношению к материалу. Таким образом, трагедия в ее наивысшем понимании всегда будет стремиться *вверх*, к эпосу, и лишь поэтому она становится явлением поэзии. Точно так же эпическая поэма всегда будет стремиться *вниз*, к драме, и лишь поэтому она полностью отвечает родовому понятию поэзии,— как раз то, что делает трагедию и эпопею поэтическими произведениями и сближает их. Признак же, который отличает и противопоставляет их друг другу, неизменно обуславливает подавление одной из двух составных частей родового понятия поэзии: в эпопее — *чувственности*, в трагедии — *свободы*. Поэтому вполне естественно, что *contrepoids* * этому недостатку неизменно оказывается то свойство, которое представляет собой отличительную черту противоположного поэтического вида. Таким образом, каждый из них оказывает услугу другому тем, что берет под свою защиту *род* в его противоборстве с видом. В том, чтобы это взаимное тяготение друг к другу не привело бы к смешению и к нарушению границ, и состоит, по сути дела, подлинная задача искусства, наивысшим назначением которого всегда и везде является соединение характерности и красоты, чистоты и законченности, единичности и всеобщности и т. д.

Ваш «Герман», если соотнести его с чистым и строгим понятием эпопеи, и в самом деле обнаруживает известную склонность к трагедии. Сердце увлечено им глубже и серьезнее; патологического интереса в нем больше, чем поэтического беспристрастия. Точно так же ограниченность места действия, незначительное число персонажей, быстрота развития событий — все это присуще трагедии. Напротив, Ваша «Ифигения», стоит только соотнести ее со строгим понятием трагедии, явно вторгается в сферу эпоса. Я уже и не говорю о «Тассо». Для трагедии в «Ифигении» слишком спокойное движение и слишком много задержек, даже если не брать в расчет развязку, которая противоречит характеру трагедии как таковой. Воздействие этой пьесы, которое я испытал отчасти на себе, отчасти на других, было в родовом смысле поэти-

* противовесом (франц.).

ческим, а не трагическим, как это и происходит непременно в тех случаях, когда трагедия сбивается на эпос. Однако если в Вашей «Ифигении» это сближение с эпосом оборачивается, по моим понятиям, ошибкой, то тяготение Вашего «Германа» к трагедии несколько не является таковой и уж, во всяком случае, не наносит никакого ущерба производимому им впечатлению. Быть может, это происходит от того, что трагедия имеет некое *определенное* назначение, эпической же поэме присущ всеобщий и свободный характер?

На сегодня довольно. Я все еще не способен ни на какую настоящую работу, и только Ваше письмо и статья смогли расшевелить меня. Будьте здоровы.

III.

396. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Как ни жаль мне было услышать, что Вы все еще не можете работать из-за нездоровья, однако меня обрадовало то, что мое письмо и статья в какой-то степени развлекли Вас. Благодарю Вас за Ваше письмо, которое развивает дальше предмет, имеющий такое большое значение для нас обоих. К сожалению, и мы, люди нового времени, рождаемся подчас поэтами и испытываем терзания во всей этой сфере, поскольку не знаем толком, чего нам, в сущности, следует держаться. Ибо, если я не ошибаюсь, видовые предпосылки приходят, по сути дела, извне и обстоятельства определяют собою талант. Почему мы так редко создаем эпиграммы в греческом духе? Потому что мы видим мало вещей, заслуживающих этого. Почему нам так редко удаются эпические произведения? Потому что у нас нет слушателей. А почему так велико стремление к работам для сцены? Потому что драма у нас является единственным чувственно притягательным поэтическим жанром, при обращении к которому можно надеяться испытать некоторое наслаждение благодаря соперничеству.

В эти дни я продолжал изучать «Илиаду», чтобы уяснить, не помещалась ли между ней и «Одиссеей» еще одна эпическая поэма. Однако я нахожу лишь собственно трагические сюжеты — то ли потому, что это действительно так, то ли потому, что я просто не способен отыскивать эпические сюжеты.

Смерть Ахилла и его близких допускает эпическую обработку и даже до некоторой степени требует ее — из-за обширности материала, подлежащего обработке. Но тут возникает вопрос: целесообразно ли, пусть даже и в отдельных случаях, обрабатывать трагический сюжет на эпический лад? Тут многое можно сказать за и против. Что касается эффекта, то человек нового времени, работающий для своих современников, оказался бы здесь в более выгодном положении, потому что без патологического интереса снискать одобрение эпохи едва ли было бы возможно. Но на сегодня довольно. Мейер усердно работает над своим трактатом о сюжетах, пригодных для изобразительного искусства¹; при этом речь заходит обо всем, что интересует и нас, а также обнаруживается, насколько живописец близок драматургу. Хоть бы Вы поскорее поправились, а я обрел бы свободу для того, чтобы иметь возможность посетить Вас в ближайшие дни.

Г.

Веймар, 27 декабря 1797 года.

397. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 29 декабря 1797 года

Наш друг Гумбольдт, обширное письмо которого я прилагаю к сему, и посреди возрожденного Парижа остается верен своей исконной немецкой натуре; для него, по-видимому, ничего не изменилось, кроме внешней обстановки. С определенным способом философствовать и чувствовать дело обстоит точно так же, как и с определенной религией; отрезая и изолируя человека от внешнего мира, он тем самым приумножает его внутреннее богатство.

То, чем Вы заняты теперь в стремлении разграничить и очистить оба вида, имеет, конечно, величайшее значение, однако Вы согласитесь со мною, что, для того чтобы исключить из какого-либо произведения искусства все чуждое его виду, необходимо также включить в него все то, что этому виду подобает. А ведь именно этого теперь и недостает. Но поскольку мы не можем воссоздать все предпосылки, при которых возникает каждый из обоих этих видов, то и вынуждены смешивать их. Если бы существовали рапсоды и мир, предназначенный для них, то эпическому поэту не было бы нужды заимствовать

мотивы у трагического поэта, и если бы мы располагали вспомогательными средствами и внутренней силой греческой трагедии, а вдобавок и благоприятной возможностью вести нашего зрителя чредой из семи театральных представлений, то нам не приходилось бы растягивать наши драмы сверх всякой меры. Восприимчивость зрителя и слушателя непременно должна быть удовлетворена полностью и затронута во всех точках ее периферии; диаметр этой восприимчивости и есть мерило для поэта. А поскольку нравственные задатки в наши дни развиты более всего, то они и предъявляют наибольшие требования, и мы можем пренебрегать ими лишь на свой страх и риск.

Но если драму действительно охраняют дурные тенденции нашей эпохи (в чем я нисколько не сомневаюсь), то следовало бы начать реформу с драмы и путем искоренения пошлого подражания природе даровать искусству воздух и свет. А этого, как мне кажется, лучше всего можно было бы достичь посредством введения вспомогательных средств символического характера, которые служили бы заменой предмета во всем том, что не принадлежит к истинно художественному миру поэта и что поэтому должно быть не изображено, но лишь обозначено. Я еще не вполне уяснил себе это понятие символического в поэзии, однако оно представляется мне весьма важным. Если бы удалось определить приемы использования символических средств, естественным следствием этого оказалось бы то, что поэзия очистилась бы, мир ее сузил бы свои границы и обрел бы большую значимость, и тем действеннее стала бы поэзия в своих новых пределах.

Я всегда возлагал определенные надежды на оперу, полагая, что из нее, как из хоров на древнем празднике Вакха, разовьется трагедия в облагороженном облике. В самом деле, в опере отказываются от этого рабского подражания природе, так что там хотя бы из-за подобной снисходительности на сцену могло бы проскользнуть идеальное. Благодаря могуществу музыки и более свободному гармоничному воздействию на чувства опера настраивает душу на более совершенное восприятие; в самом деле, здесь даже и в пафосе, поскольку ему сопутствует музыка, проявляется более свободная игра, а чудесное, некогда допущенное на эту сцену, неизбежно должно повлечь за собой большее безразличие по отношению к сюжету.

Я с необыкновенным нетерпением жду статью Мейера; вне всякого сомнения, многое в ней можно будет применить к поэзии.

Мало-помалу я снова вхожу в свою работу, однако в эту ужасную погоду, право же, весьма нелегко сохранять должную душевную гибкость.

Хоть бы только Вы освободились поскорее и принесли мне энергию, мужество и жизнь. Будьте здоровы.

Ш.

398. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Так как я жду сегодня утром гостей, желающих видеть работы Мейера, то могу сейчас только поблагодарить Вас за письма, Ваше и Гумбольдта.

Я согласен с Вами в том, что столь строгое разграничение необходимо только для того, чтобы затем снова разрешать себе порою вводить те или иные чужеродные части. Исходя из принципов, работаешь совершенно иначе, чем руководствуясь инстинктом, и отклонение, в необходимости которого ты убежден, не может оказаться ошибкой.

Теоретические рассуждения уже не могут долго занимать меня; пора наконец снова приниматься за работу, а для этого мне нужен старый иенский канapé словно некий треножник, да и вообще я надеюсь провести весь этот год в нашем кругу. Будьте здоровы; меня очень огорчило, что Ваша милая жена так поторопилась с отъездом¹ и не смогла даже совершить паломничества к нашим художественным сокровищам. Надежды, возлагавшиеся Вами на оперу, Вы могли бы увидеть осуществленными в самой высшей степени в недавней постановке «Дон Жуана»². Зато эта пьеса и стоит особняком; со смертью Моцарта исчезла всякая надежда на что-либо подобное.

Г.

Веймар, 30 декабря 1797 года.

Комментарий

Впервые переписка Гете и Шиллера была издана в 1828—1829 гг. в шести томах (Штутгарт — Тюбинген, у Котты). Издание подготовил сам Гете, включивший в него лишь часть писем и при этом зачастую в сокращенном виде. В 1885 г. архив Гете в Веймаре был открыт для исследователей, получивших тем самым доступ и к оригиналам писем. Первое критическое издание писем Шиллера к Гете осуществляется в полном собрании его писем под редакцией Ф. Йонаса (в 7-ми т. 1892—1896), писем Гете к Шиллеру — в знаменитом Веймарском издании сочинений Гете в 143-х т. (1887—1920). Наряду с этим происходит подготовка и научного издания полного свода переписки как целостного памятника истории культуры; эту работу осуществили Г. -Г. Греф и А. Лейтцман. Итогом ее явилось трехтомное издание «Die Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe» (*Шиллер и Гете. Переписка*), вышедшее в 1912 г. в лейпцигском издательстве «Инзель» и послужившее основой для всех последующих изданий переписки. Особо следует отметить уточненное и дополненное издание 1955 г. (готовившая его Х. Шубарт заново сверила текст с оригиналами; в издание были включены все обнаруженные к этому времени письма). Издание было повторено в 1964 г. с небольшими дополнениями. В 1984 г. вышло еще одно издание переписки (под редакцией З. Зайделя). Все они выпускались издательством «Инзель», причем традиционно в трех томах, — последний том составлял комментарий, с теми или иными изменениями восходивший к комментарию Грефа и Лейтцмана.

Издание переписки Гете и Шиллера на русском языке было предпринято в 1937 г., однако оно осталось незавершенным (*Гете и Шиллер. Переписка. Вступит. статья Г. Лукача. Перев. А. Г. Горнфельда и И. Г. Смилович. М. — Л., 1937, т. 1*); здесь была опубликована часть переписки писателей, относящаяся к 1794—1797 гг. Позднее небольшое число писем Гете и Шиллера из всего свода переписки (включая и период 1798—1805 гг.) публиковалось на русском языке в составе различных собраний сочинений: *Гете И. -В. Собр. соч. в 13-ти т. М., 1932—1949* (перевод писем к Шиллеру в 13 т. выполнен М. Вахтеровой и Г. И. Ярхо); *Шиллер Ф. Собр. соч. в 8-ми т. М. — Л., 1937—1950* (перевод писем к Гете в 8 т. выполнен под редакцией Н. А. Славятинского; несколько меньшее число писем в том же переводе было перепечатано в семитомном собрании сочинений Шиллера, вышедшем в 1955—1957 гг.). Поскольку здесь в общей сложности опубликовано немногим более ста писем Гете и Шиллера из их переписки за 1798—1805 гг., весь этот период фактически оставался недоступным русскому читателю.

Перевод, печатающийся здесь, готовился по изданию Х. Шубарт (1964) и был сверен позднее с изданием З. Зайделя. Что касается комментария, то при его подготовке было сочтено целесообразным отнести ряд справочных данных в именную указатель. Так, например, многие лица упоминаются в переписке лишь эпизодически, в соответствии с их ролью в затронутых событиях; все необходимые сведения о них сосредоточены в указателе без отсылок к нему в комментарии. Зачастую для понимания текста оказываются необходимыми справки о характере деятельности того или иного лица, его местожительстве и т. п. в период, о котором идет речь,— все сведения такого рода также даются в указателе. Из этих же соображений сведения о годах жизни подавляющего большинства лиц даются только в указателе. Таким образом, именную указатель выполняет здесь ряд справочных функций наравне с собственно комментарием.

ПИСЬМО 1

Весной 1794 г. Шиллер приступил к осуществлению замысла издания ежемесячного журнала «Оры»; он привлек к обсуждению программы журнала Вильгельма фон Гумбольдта и двух новоназначенных профессоров Иенского университета, философа Иоганна Готлиба Фихте и историка Карла Людвиг Вольтмана. К тому времени, когда Шиллер послал Гете это письмо, им уже были разрешены многие принципиальные вопросы, в том числе и практического характера (Шиллер, в частности, нашел издателя в лице Иоганна Фридриха Котты, владельца знаменитой издательской фирмы в Тюбингене). Получив 13 июня экземпляры отпечатанного проспекта «Ор», Шиллер начинает рассылать его литераторам и ученым, на сотрудничество которых надеялся. В этот же день он написал Гете и Канту; позднее предложение печататься в «Орах» получили Аркенхольц, Баггесен, Гарве, Гердер, Глейм, Готтер, Клопшток, Лихтенберг, Маттиссон, Рейнхольд, Фосс, Энгель, Якоби и другие авторы.

ПИСЬМО 3

Написано по возвращении из Иены, где Гете пробыл с 20 по 23 июня; в его дневнике отмечены встречи с Шиллером и Вильгельмом фон Гумбольдтом.

¹ Трактат Христиана Готхольда Шохера «Исследование о том, должна ли человеческая речь оставаться невнятным напевом или же ее особенности, оттенки и интонации могут быть наглядно представлены и обозначены на письме наподобие звуков музыки» (Лейпциг, 1791) был посвящен разработке специальной фонетической нотации.

² Роман Дидро «Нескромные сокровища» (Париж, 1748).

³ Трактат Карла Филиппа Морица «Опыт немецкой просодии» (Берлин, 1786), написанный в форме диалога. Идеи Морица побудили Гете к созданию третьего варианта трагедии «Ифигения в Тавриде» (1786), написанного пятистопным ямбом (см. примеч. 2 к письму 704).

ПИСЬМО 4

¹ Гете сопровождал герцога Карла Августа в его трехнедельной поездке в Дессау, Дрезден и Лейпциг.

² У Гомера («Илиада», IX, 410—416) Ахилл волен выбирать между долгой и бесславной жизнью во Фтии (город в Фессалии, царем которой он был) и ранней гибелью под стенами Трои по совершении бессмертных подвигов.

³ Роман «Годы учения Вильгельма Мейстера», работу над первым томом которого в окончательной редакции Гете завершил в конце 1794 г. Об его печатании см. примеч. 2 к следующему письму.

ПИСЬМО 5

¹ Гете родился 28 августа 1749 г.

² Иоганн Фридрих Унгер, выдающийся типограф, основавший свою фирму в 1780 г. в Берлине. Роман Гете печатался у него в 1795—1796 гг. в составе семитомного собрания сочинений.

ПИСЬМО 6

¹ Речь идет о фрагменте под названием «Насколько идея о том, что красота есть соединение совершенства и свободы, применима к явлениям органической природы?».

ПИСЬМО 7

¹ Христиан Готфрид Кёрнер, давний и самый близкий друг Шиллера. Позднее вступил в дружеские отношения и с Гете. Юрист по профессии, Кёрнер занимался и литературной деятельностью; он был тонким ценителем и критиком, мнением которого Шиллер дорожил.

² В январе — феврале 1793 г. Шиллер изложил в семи письмах к Кёрнеру сложившееся у него к этому времени «представление о природе прекрасного» (в посмертных публикациях эти письма составляют трактат «Каллий»). Шиллер посылает Гете письма 4 и 7 («Свобода проявления тождественна красоте» и «Прекрасное в искусстве»).

³ Статья Кёрнера «Мысли о декламации» была напечатана в журнале Шиллера «Новая Талия» (1793, т. 4).

ПИСЬМО 8

¹ Вторая часть работы Шиллера «О возвышенном», напечатанная в т. 4 «Новой Талии» (1793), который был послан Гете с предыдущим письмом. Фактически эта часть представляет собой самостоятельную работу и печатается в посмертных изданиях сочинений Шиллера под названием «О патетическом».

² Книга Фридриха Вильгельма фон Рамдора «Харита, или О прекрасном и о красоте в изобразительных искусствах» (Лейпциг, 1793).

ПИСЬМО 9

¹ Речь идет об «Описании картинной галереи барона Брабека в Хильдесхайме» Рамдора.

² Т. е. собственно статью «О возвышенном» в т. 3 «Новой Талии» (1793). См. примеч. 1 к письму 8.

³ Рецензия Шиллера «О стихотворениях Маттиссона» была опубликована в иенской «Всеобщей литературной газете» в № 298 и № 299 от 11 и 12 сентября 1794 г. В рецензии давалась высокая оценка произведениям Фридриха Маттиссона; однако Шиллер рекомендует ее вниманию Гете главным образом из-за обширной вступительной части, в которой разрабатывался ряд теоретических положений.

ПИСЬМО 10

¹ В 1794 г. Унгер перепечатал английский перевод гетевской трагедии, выполненный Уильямом Тэйлором (Лондон, 1793).

ПИСЬМО 11

¹ Книга Рамдора «Венера Урания, или О природе любви» (Лейпциг, 1798).

² Фридрих Генрих Якоби, известный философ и прозаик; Шиллер имеет в виду его философские работы (в частности, трактат «Об учении Спинозы», вышедший в 1785 г. и оказавший значительное влияние на мировоззрение Гете).

³ Статья Соломона Маймона «Об эстетике», опубликованная в его сборнике «Блуждания в области философии» (Берлин, 1793).

ПИСЬМО 12

¹ Шиллер пробыл в Веймаре с 14 по 27 сентября. За это время несколько раз побывал в Веймаре и Вильгельм Гумбольдт.

² Гете познакомился с литератором Алоисом Людвигом Гиртом в 1787 г. в Риме.

ПИСЬМО 13

¹ Генрих Кристоф Альбрехт, историк и лингвист. Какого рода было поручение Шиллера, неизвестно.

² Эпистолярный роман Якоби, опубликованный в 1779 г. Рецензия Вильгельма Гумбольдта, посвященная новому изданию романа (1794), была напечатана во «Всеобщей литературной газете» (№ 315—317 от 26 и 27 сентября 1794 г.) и вызвала широкий интерес, особенно в кругу романтиков.

ПИСЬМО 14

¹ Трагедия Томаса Отуэя (1652—1685). Немецкий перевод был опубликован в 1794 г.

² В эти месяцы Шиллер обдумывал замысел трагедии «Мальтийцы» (оставшийся неосуществленным); постановка ее предполагалась в веймарском театре. См. письмо 386.

ПИСЬМО 15

¹ Во время бесед в Веймаре в сентябре Гете и Шиллер условились обмениваться письмами-трактатами на эстетические темы; идею эту осуществить не удалось, однако многие проблемы были впоследствии обсуждены в обычной переписке. «Эстетическое» письмо Шиллера, приложенное к этому, не сохранилось. См. письмо 116.

² Шиллер издавал этот журнал в течение ряда лет под разными названиями («Рейнская Талия», 1785; «Талия», 1787—1791; «Новая Талия», 1792—1793); здесь речь идет о делах, связанных с ликвидацией журнала.

³ Профессор Иенского университета Христиан Готфрид Шютц, издававший вместе со своим коллегой Готлибом Гуфеландом «Всеобщую литературную газету».

⁴ Т. е. первый том романа «Годы учения Вильгельма Мейстера». Хотя роман глубоко затронул Шиллера и он посвятил ему ряд писем (особенно в июне — июле 1796 г.), однако рецензия так и не была написана им. В упомянутом издании «Мейстера» рецензировал Михаэль Губер, причем много позже — в январе 1801 г.

ПИСЬМО 16

¹ В 1791 г. Шиллер согласился получать пенсию от одного из шлезвиг-гольштейнских владетельных князей, Фридриха Христиана II Августенбургского (точнее, пособие в размере 1200 талеров ежегодно в течение пяти лет). В благодарность за это Шиллер адресовал князю ряд писем-трактатов на эстетические темы (июль 1793 г.— февраль 1794 г.); переработка этих писем, о начале которой Шиллер сообщает здесь, привела к созданию работы «Письма об эстетическом воспитании человека» (первая публикация — «Оры», 1795, № 1, 2 и 6).

² Речь идет о двух стихотворных циклах Гете: «Элегии I» (известные как «Римские элегии») и «Послания». Первый цикл создавался в 1788—1790 гг., и только Шиллеру, познакомившемуся с «Элегиями» во время своего сентябрьского визита в Веймар, удалось убедить Гете отдать их в печать («Оры», 1795, № 6). Идея «Посланий» зародилась, по-видимому, во время того же визита; по мысли Гете и Шиллера, каждая книга «Ор» должна была открываться новым посланием. Однако Гете написал лишь два послания («Оры», 1795, № 1 и 2).

ПИСЬМО 17

¹ «Несколько страниц» — публикуемый ниже черновой набросок (письмо 18), готовившийся в качестве ответа на несохранившееся письмо Шиллера из «эстетической корреспонденции» (см. примеч. 1 к письму 15).

ПИСЬМО 19

¹ О составе первой книги «Ор» см. примеч. 1 к письму 34.

² Поэтический альманах, издававшийся Шиллером пять лет подряд — на годы с 1796 по 1800 г. Первый был выпущен Михаэлисом, о договоре с которым здесь сообщается; издателем остальных выступил сам Шиллер.

ПИСЬМО 20

¹ Иоганн Генрих Мейер, выдающийся теоретик и историк искусства, вернулся в Веймар в конце сентября и поселился в доме Гете.

² Записка Гердера не сохранилась. Гете в своих «Анналах» за 1795 г. отмечает усилившиеся расхождения с Гердером по философским вопросам (в частности, по отношению к Канту, к работам которого Гете начал испытывать большой интерес благодаря Шиллеру).

³ Речь идет о гетевском цикле «Эпиграммы. Венеция, 1790». Он был опубликован в шиллеровском «Альманахе Муз на 1796 год»; до этого Гете напечатал несколько эпиграмм в берлинском журнале «Немецкий ежемесячник» (1791, № 1 и 10).

ПИСЬМО 21

¹ Книга Фихте «Основы общего наукоучения» (Иена — Лейпциг, 1794).

² В сентябре Гете обсуждал с Шиллером идею написания для «Ор» обрамленного сборника новелл («Беседы немецких эмигрантов»). Упомянутая здесь новелла была заимствована не из «Декамерона», а из французского сборника XV в. «Сто новых новелл». См. примеч. 3 к письму 58.

³ Этот замысел Гете не был осуществлен.

⁴ Бюст Шиллера работы Иоганна Генриха Даннекера, присланный в эти дни из Штутгарта. Позднее это произведение вызвало одобрение как Гете, так и Мейера.

⁵ Из этого наброска («О природе и наивности») позднее возникла большая работа «О наивной и сентиментальной поэзии», впервые опубликованная в «Орах» (1795, № 11 и 12; 1796, № 1).

⁶ Герцогини Луизы, жены Карла Августа (30 января).

ПИСЬМО 22

¹ Третье послание не было закончено и сохранилось лишь во фрагментах.

² По-видимому, речь идет о статье Маймона «Гений и методичный исследователь», присланной лишь для ознакомления.

ПИСЬМО 23

¹ Гете и Мейер пробыли в Иене со 2 по 6 ноября.

ПИСЬМО 24

¹ Речь идет о гравюре Иоганна Готхарда Мюллера по знаменитому портрету Шиллера работы Антона Граффа (1794). Намек относительно портрета Рейнхольда неясен.

² Речь идет о книге Фридриха Леопольда фон Штольберга «Путешествие по Германии, Швейцарии, Италии и Сицилии в 1791 и 1792 годах» (Кёнигсберг — Лейпциг, 1794).

³ Комедия Йозефа Шрейфогеля, предназначавшаяся для последнего номера «Новой Талии».

⁴ Речь идет о статье Мейера «Идеи к будущей «Истории искусства», опубликованной в «Орах» (1795, № 2).

ПИСЬМО 25

¹ Начало «Бесед немецких эмигрантов».

² Пробные оттиски первого тома романа «Годы учения Вильгельма Мейстера».

³ В этот период в доме Гете еженедельно проводились литературные чтения, привлекавшие довольно многолюдное общество — веймарских литераторов, ученых из Иенского университета. Здесь обсуждались недавно опубликованные произведения, дебатировались теоретические проблемы; особое внимание при этом уделялось поэзии. Вильгельм Гумбольдт принял участие в чтениях, посвященных переводам «Илиады» и «Одиссеи» Иоганна Генриха Фосса.

ПИСЬМО 26

¹ В 1788 г. Шиллер опубликовал первый том своей обширной работы «История отпадения Соединенных Нидерландов от испанского владычества» (доведя обзор событий до 1567 г.). Второй том так и не был написан; Шиллер еще дважды обращается к эпизодам последующей борьбы народа Нидерландов за независимость — в статьях «Процесс и казнь графов Эгмонта и Горна» («Галия», 1789, № 8) и «Осада Антверпена принцем Пармским в 1584 и 1585 гг.» («Оры», 1795, № 4, 5).

² Это обращение к читателям открывало первый номер «Ор».

³ Шиллер упоминает в этом абзаце персонажей «Бесед немецких эмигрантов» — рассказчиков и слушателей вставных новелл.

⁴ Шиллер имеет в виду первое и единственное издание, выпущенное Гете к этому времени: «Фауст. Фрагмент» (Лейпциг, 1790). Ниже он намекает на знаменитую статью Винкельмана «Описание Бельведерского торса в Риме» (1759); атрибутировав обломок статуи эллинистической эпохи как изображение Геракла, Винкельман предлагает своеобразную поэтическую реконструкцию произведения (описание статуи, которая — в соответствии с представлениями Винкельмана о физическом и духовном облике Геракла — должна была выйти из рук скульптора).

ПИСЬМО 29

¹ Мадемуазель Клерон — знаменитая французская актриса. Слухи о явлении ей призрака распространились в Германии в годы юности Гете (в основе их лежал какой-то эпизод, происшедший в замке маркграфа Анспахского в Байрейте, где Клерон выступала некоторое время в составе французской труппы). В «Беседах немецких эмигрантов» история эта составляет сюжет первой новеллы (о певиче Антонелле, которую преследует своей ревностью призрак умершего возлюбленного).

² Иенский книготорговец и содержатель большой общественной библиотеки.

ПИСЬМО 30

¹ «Об оживлении и усилении чистого интереса к истине»; статья была вручена Шиллеру через несколько дней и вошла в первый номер «Ор».

² В сохранившихся письмах Котты к Шиллеру это желание не высказывается ни разу; вполне возможно, впрочем, что Котта разделял убеждение Шиллера в необходимости указывать имена авторов для привлечения большего интереса к журналу. Тем не менее все произведения печатались в «Орах» анонимно.

ПИСЬМО 31

¹ Фамилия героя романа буквально означает «мастер», «учитель».

ПИСЬМО 32

¹ Готлиб Гуфеланд, профессор права в Иенском университете, соредактор «Всеобщей литературной газеты». Шиллер уточняет, о ком идет речь, поскольку в эти годы в Иене работал и знаменитый ученый-медик Кристоф Вильгельм Гуфеланд.

ПИСЬМО 34

Этому письму предшествовал визит Гете и Мейера в Иену (с 17 по 19 декабря).

¹ В первом номере «Ор» были напечатаны: обращение Шиллера к читателям, начало его «Писем о нравственном воспитании человека», первое послание и начало «Бесед немецких эмигрантов» Гете, а также статья Фихте (см. примеч. 1 к письму 30).

ПИСЬМО 37

¹ Статья Мейера (см. примеч. 4 к письму 24) была, однако, помещена во втором томе «Ор».

² Соответствующее письмо Гете, написанное, по-видимому, в конце декабря, не сохранилось. О какой оде Клопштока идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 39

¹ История о призраке (см. примеч. 1 к письму 29), первая из вставных новелл в «Беседах немецких эмигрантов». Печатание «Бесед» в «Орах» продолжалось почти весь год (№ 1, 2, 4, 7, 9, 10).

² Имеется в виду философ Юстус Христиан Геннингс, автор ряда сочинений о явлениях потустороннего мира — «О предчувствиях и видениях» (Лейпциг, 1777) и др.

³ Речь идет, по-видимому, о работе Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии» (см. примеч. 5 к письму 21).

ПИСЬМО 42

Этому письму предшествовал визит Гете и Мейера в Иену (с 11 по 23 января).

¹ Шиллер посылал Якоби экземпляр «Ор». Письмо Гете, о котором здесь идет речь, не сохранилось.

² Сразу же по возвращении в Веймар Мейер послал Шиллеру две гравюры с изображением произведений античной пластики (Юноны Людовизи и Минервы Альбани); гравюры должны были служить иллюстрациями к статье Мейера в «Орах» (см. примеч. 4 к письму 24). В Иене Мейер мерз и не отходил от печей в гостях,— отсюда и шутка Шиллера.

³ Намек на слова Фридриха Леопольда Штольберга, который в своем «Путешествии» (см. примеч. 2 к письму 24) заметил, что облик Минервы Альбани омрачен мыслью о смерти.

ПИСЬМО 43

¹ Статья Вильгельма Гумбольдта «О половом различии и о его влиянии на формы органической природы» («Оры», 1795, № 2). Шиллер согласился с Гете и в письме к Котте от 30 января попросил вычеркнуть в тексте обе приведенные там цитаты (из сочинений Александра фон Гумбольдта и ученого-медика Иоганна Фридриха Блуменбаха).

ПИСЬМО 44

¹ Рецензия Шютца появилась 31 января во «Всеобщей литературной газете» (№ 28—29). Утопия — место действия центрального эпизода первого послания Гете (рассказ рапсода о пиршествах на острове).

² Письмо Шиллера не сохранилось.

³ «Гете называет четвертый номер кентавром, потому что его элегии составят необыкновенный контраст с моей философией»,— писал Шиллер Кёрнеру 25 января. Фактически «кентавром» оказался шестой номер «Ор», в котором были опубликованы «Элегии» Гете и окончание «Писем о нравственном воспитании человека» Шиллера.

ПИСЬМО 45

¹ Т. е. 14 февраля. По-видимому, поездка эта состоялась, однако Гете вернулся в Веймар вечером того же дня.

ПИСЬМО 46

¹ Эта работа Канта была опубликована впервые в 1764 г. в Кёнигсберге; Шиллер познакомился с ее перепечаткой (Рига, 1771).

² Александр фон Гумбольдт, посетивший Иену в одно время с Гете и Мейером (14—19 декабря), находился тогда в Байрейте.

ПИСЬМО 47

¹ Письмо Кёрнера от 10 февраля. Кёрнер писал также, что роман превзошел все его ожидания и что лишь в немногих произведениях искусства «столь властно выражается объективность».

² Статья Гердера «Индивидуальная судьба» («Оры», 1795, № 3).

³ Посредником в этих переговорах выступил давний друг Шиллера,

профессор философии Тюбингенского университета Якоб Фридрих Абель. После смерти вюртембергского герцога Карла Евгения (1793), деспотизм которого вынудил Шиллера в 1782 г. покинуть свою родину, надежды на либеральные перемены в стране обрели на время некоторые основания. Шиллер отклонил приглашение занять кафедру истории в Тюбингенском университете в феврале и подтвердил свой отказ в апреле, отвечая на новое письмо Абеля.

⁴ Т. е. к Карлу Августу, герцогу Саксен-Веймарскому.

⁵ Александр Гумбольдт служил в горном ведомстве в Байрейте.

⁶ Хотя статья Фридриха Августа Вейсхуна «К вопросу о синонимии» вызвала одобрение Гете (см. письмо 50), однако Шиллер предпочел ей другую работу того же автора, статью «Понятие игры в самом строгом смысле этого слова», которая и была напечатана в «Орах» (1795, № 5). См. примеч. 4 к письму 123.

ПИСЬМО 48

¹ Статья Вейсхуна (см. примеч. 6 к письму 47).

ПИСЬМО 49

¹ Этот эпизод (кн. 4, гл. 1) был переделан Гете в соответствии с предложением Шиллера. Разбор «Гамлета», упоминаемый ниже, после переработки оказался перенесенным в книгу 5 (гл. 4—6).

² Кёрнер, в частности, написал музыку к песне Миньоны «Ты знаешь край...» (кн. 3, гл. 1).

ПИСЬМО 50

¹ О сути конфликта Вейсхуна с университетским руководством и о его разрешении см. письмо 51. Гете по долгу службы занимался университетскими делами (герцог Карл Август был одним из попечителей Иенского университета).

² *Forum privilegium* — судебное разбирательство дел, выделенных из общего судопроизводства; в данном случае речь идет об академическом суде.

³ Иоганн Генрих Фойгт, профессор математики Иенского университета.

ПИСЬМО 51

¹ Над статьей «О наивной и сентиментальной поэзии», начатой еще осенью 1794 г. (см. примеч. 5 к письму 21).

ПИСЬМО 53

¹ Шиллер имеет в виду письмо Якоби, присланное ему Гете для ознакомления (см. письмо 50).

² Т. е. официально засвидетельствовать свою принадлежность к университету со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями.

В ходе конфликта Вейсхун отказывал университету в праве разбирать его столкновение с тогдашним проректором, профессором теологии Карлом Христианом Шмидом (см. письма 50 и 51).

ПИСЬМО 54

¹ См. примеч. 4 к письму 24.

ПИСЬМО 55

¹ Новелла из «Бесед немецких эмигрантов» (см. примеч. 2 к письму 21).

² «К истории изобразительного искусства нового времени» («Оры», 1795, № 9).

³ Приложение не сохранилось.

ПИСЬМО 56

¹ Шестая книга романа «Годы учения Вильгельма Мейстера».

² Т. е. до 29 марта.

ПИСЬМО 58

¹ См. письмо 26 и примеч. 1 к нему.

² В январе Шиллер заказал Мейеру эскиз печати для деловой переписки, связанной с «Орами».

³ Об источнике Гете см. примеч. 2 к письму 21. Сюжет новеллы состоит в следующем: молодая и красивая жена купца, надолго уехавшего по своим делам, влюбляется в городского прокуратора, юношу-юриста, только что закончившего университетский курс. Однако ее избранник, человек добродетельный, уверяет красавицу, что в благодарность за исцеление он дал обет в течение года вести целомудренный образ жизни, поститься и т. д., причем срок этот может быть сокращен, если тяготы обета разделит с ним кто-нибудь другой. У Гете исполнение обета приводит героиню на путь добродетели; у средневекового новеллиста юноша просто оттягивает время, желая дожидаться возвращения мужа.

ПИСЬМО 59

¹ В этот период между Веймаром и Иеной курсировала «летучая» конная почта (для писем и небольших пакетов) и «тяжелая» почта (экипажи, перевозившие большие пакеты и посылки). Кроме того, почту (письма и небольшие пакеты) доставляли и женщины-посыльные — в особенности знаменитая «мамзель Венцель», в течение многих лет проделывавшая пешком путь от Иены до Веймара и обратно по рыночным дням.

² Т. е. 23 марта.

ПИСЬМО 60

¹ См. письмо 47 и примеч. 3 к нему.

² Христиан Готлоб Фойгт, саксен-веймарский министр. Шиллер написал ему на следующий день, 26 марта; ответ Фойгта об удовлетворении ходатайства датирован 28 марта.

ПИСЬМО 61

В промежутке между этими двумя письмами Гете вместе с Мейером жил в Иене (с 29 марта по 2 мая).

¹ Т. е. для «Альманаха Муз». Гете впервые говорит здесь об идее создания цикла эпиграмм, нашедшей впоследствии отражение в «Ксениях» (см. письмо 133 и примеч. 2 к нему).

ПИСЬМО 62

¹ Михаэль Губер, литератор, длительное время занимавшийся переводами с немецкого на французский; он, в частности, перевел в 1781 г. «Историю искусства древности» Винкельмана.

ПИСЬМО 63

¹ При публикации в «Орах» Гете исключил не только две элегии (из-за их откровенно чувственного характера), но и примыкавшие к циклу две «приапеи» — подражания античным стихотворным надписям к садовой статуе Приапа, бога плодородия. При жизни Гете эти произведения не печатались.

² См. письмо 55. Произведение, обещанное для «Ор», Якоби прислал только в июле (см. письмо 82 и примеч. 4 к нему).

³ Статья «О стиле» в веймарском журнале «Новый немецкий Меркурий» (1795, № 4) принадлежала Карлу Людвигу Фернову, философу и теоретику искусства. Гете, а за ним и Шиллер полагали, что автором статьи является Фихте; имя Фернова стало известно им позднее (см. письма 79 и 81).

⁴ Фридрих Эберхард фон Рохов, литератор, занимавшийся проблемами эстетики; Гете назвал как-то его работы «эмпирической пачкотней».

ПИСЬМО 64

¹ Окончание «Писем о нравственном воспитании человека» в шестом номере «Ор».

² В мае 1795 г. Фихте взял отпуск и на длительное время уехал в Османштедт.

³ «План лекций по истории» (Иена — Лейпциг, 1795).

⁴ Идиллия Фосса «Луиза» вышла в 1795 г. в Кёнигсберге.

ПИСЬМО 65

¹ Под этим названием Гердер выпустил в 1795—1796 гг. трехтомный сборник своих переводов стихотворений новолатинского немецкого поэта

XVII в. Якоба Бальде; в состав «Терпсихоры» были включены также статьи Гердера о жизни и творчестве Бальде и о принципах перевода стихотворных текстов с латинского на немецкий.

² Зингшпиль Гете «Клаудина из Вилла-Беллы» (1776) с музыкой Иоганна Фридриха Рейхардта был поставлен в веймарском театре 30 мая.

³ Парижская ежедневная газета.

ПИСЬМО 67

¹ Шиллер отметил в этой элегии строки 14—16 с намеками на распущенность нравов высшего духовенства в Риме как непонятный для немецкого читателя. Вначале Гете предполагал снабдить элегии примечаниями, но затем отказался от этой идеи.

² Знаменитый филолог Фридрих Август Вольф снабдил подготовленное им издание греческого текста «Илиады» и «Одиссеи» (Галле, 1795) обширным предисловием «Пролегомены к Гомеру, или О древнейшей и первоначальной форме Гомеровых поэм». Исходя из анализа текста поэм и ряда источников, Вольф обосновал концепцию, положившую начало новой эпохе в изучении «гомеровского вопроса», т. е. проблемы происхождения и авторства обеих поэм. Согласно Вольфу, в основе «Илиады» и «Одиссеи» лежат отдельные небольшие песни, сочиненные Гомером (по большей части) и другими рапсодами; при соединении их была проделана редакторская работа, однако окончательный свод возник лишь в эллинистическую эпоху. Работа Вольфа вызвала возражения не только у Гете, но и у Шиллера и Фосса; напротив, Фихте, Вильгельм Гумбольдт и Фридрих Шлегель безоговорочно поддержали Вольфа. См. примеч. 2 к письму 303.

ПИСЬМО 68

¹ Т. е. Якоб Бальде (см. примеч. 1 к письму 65).

² См. примеч. 3 к письму 44.

³ О ком идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 71

Этому письму предшествовал визит Гете в Иену (с 31 мая по 3 июня).

¹ Старший сын Шиллера.

² Гумбольдт сопровождал Гете при возвращении в Веймар 3 июня.

³ Мифическое животное (наполовину олень, наполовину козел). Гете именует так роман Жан-Поля «Геспер, или 45 дней собачьей почты» (Берлин, 1795).

ПИСЬМО 72

¹ Гете лечился в Карлсбаде в 1785 и 1786 гг.

² Замысел Гете написать несколько подобных писем не был осуществлен; черновики, присланные Шиллеру (см. письмо 74), не сохранились.

ПИСЬМО 73

¹ Источник муз на горе Геликон.

² Стихотворение было опубликовано впервые лишь в «Альманахе Муз на 1799 год».

³ Роман Теодора Готлиба Гиппеля «Жизнеописания по восходящей линии» (Берлин, 1778—1781).

ПИСЬМО 74

¹ См. примеч. 2 к письму 72.

² Т. е. со стихотворением «Поэзия жизни».

ПИСЬМО 75

¹ Эта идея не была осуществлена.

ПИСЬМО 76

¹ См. примеч. 2 к письму 55.

² Жан-Поль (см. письма 71 и 73).

³ Приложение не сохранилось; о каком произведении идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 78

¹ Фосс не напечатал в «Орах» ни одного произведения; указанные в письме Шиллера статьи вообще, по-видимому, не были написаны. Петухов посвящали, в частности, Асклепию в благодарность за исцеление.

² Статья Гердера «Гомер как любимец своей эпохи» («Оры», 1795, № 9).

ПИСЬМО 79

Гете провел в Иене несколько дней (с 29 июня по 2 июля) и оттуда уехал в Карлсбад.

¹ Шиллер получил 23 июня от Фихте статью «О духе и букве в философии». Прочитав ее в тот же день, он счел ее непригодной для журнала и постарался как можно деликатнее изложить причины отказа (см. три черновика и окончательный вариант письма к Фихте от 23—24 июня 1795 г.: Шиллер Ф. Собр. соч. в 8-ми т., т. 8, с. 476—482). Гете узнал об этом во время пребывания в Иене, однако письмо Фихте от 27 июня, содержание которого пересказывает здесь Шиллер, прибыло уже после отъезда Гете в Карлсбад.

² См. примеч. 3 к письму 63.

³ Т. е. Фихте. См. примеч. 2 к письму 64.

⁴ Роман Вольмана «Матильда фон Меерфельд» (Альтенбург, 1799).

⁵ Вильгельм Гумбольдт, получив известие о болезни матери, уехал 1 июля в Берлин.

ПИСЬМО 80

¹ Героиней этого романа была Марианна Мейер из Берлина.

² Гете иронически обыгрывает здесь свое собственное сопоставление романа и драмы как литературных жанров: «В романе должны по преимуществу изображаться чувства и события, в драме — характеры и поступки; роман должен двигаться медленно, и чувства главного героя должны во что бы то ни стало сдерживать стремление целого к развязке. Драма же должна спешить, и характер главного героя должен выражать стремление к развязке, сдерживаемое лишь извне. Герой романа должен быть пассивным; во всяком случае, он не должен быть деятельным в высокой степени; от драматического же героя требуются действия и поступки» («Годы учения Вильгельма Мейстера», кн. 5, гл. 7).

³ Роман Фридриха Максимилиана Клингера «История Джафара Бармекида» (Петербург, 1792—1794), действие которого происходит при дворе халифа Харуна аль-Рашида.

⁴ «Сказка» в окончательном своем варианте завершила «Беседы немецких эмигрантов» («Оры», 1795, № 10).

ПИСЬМО 81

¹ Поэтесса Фридерика Брун, салон которой в Копенгагене посещали немецкие и датские романтики. Из Карлсбада она направлялась в Рим.

² Т. е. со стилями произведений античного, готического и ренессансного искусства, сравнению которых была посвящена статья Фернова.

³ Имеется в виду эпизод с превращением жезла Аарона в змея перед фараоном, что должно было служить знаменем (Исход, 7, 10—12).

ПИСЬМО 82

¹ Шестой номер «Ор» (см. примеч. 3 к письму 44).

² Автором этого стихотворения, сохранившегося в архиве Шиллера, был Карл Людвиг Меффузалем Мюллер.

³ Статьи эти прислал Лазарус Бендавид («О греческой и готической архитектуре») и Карл Генрих фон Грос («Об идее судьбы у древних»). Шиллер опубликовал обе статьи в «Орах» в том же году, в № 8.

⁴ Это философское эссе Якоби было опубликовано в «Орах» в № 8.

ПИСЬМО 84

¹ Дата восстановлена по заметкам Шиллера в календаре, посвященным его корреспонденции (получение и отправление писем). Согласно этим заметкам, 7 августа он получил от Гете еще одно письмо, которое, однако, не сохранилось. Зная о скором возвращении Гете, Шиллер адресовал свое письмо в Веймар — и действительно, в тот же самый день, 11 августа, Гете сделал краткую остановку в Иене на пути домой из Карлсбада.

ПИСЬМО 85

¹ Цикл «Эпиграммы. Венеция, 1790» для «Альманаха Муз на 1796 год» (см. письмо 20). При публикации в альманахе цикл был снабжен двумя

эпиграфами из Марциала и Горация; в последующих изданиях Гете их снял.

² Эпиграмма, направленная против Ньютона. В 1790 г., когда создавались эпиграммы, у Гете сложилась своя концепция учения о цвете; в двух его статьях «Об оптике» (1 и 2, 1791—1792) уже содержались резкие возражения против теории Ньютона. В последующие годы Гете продолжал исследования в этой области, но ничего не публиковал, — этим и объясняются слухи, о которых он говорит здесь.

³ Все эти намерения не были осуществлены.

⁴ Причиной поездки был обвал штольни на одном из рудников.

⁵ «Беседы немецких эмигрантов» печатались в № 1, 2, 4, 7, 9 и 10 «Ор» за 1795 г.

⁶ «На рождение Аполлона. С греческого». Этот перевод первого из «Гермеровских гимнов» был опубликован в № 9 «Ор».

⁷ Неосуществленный замысел.

⁸ «Сказка», завершающая «Беседы немецких эмигрантов», была напечатана в № 10 (см. письма 94, 95 и 96).

⁹ К переводу записок Бенвенуто Челлини («Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции») Гете приступил лишь в феврале следующего года. Эта работа печаталась в «Орах» на протяжении двух лет (№ 4—7 и 9—11 за 1796 г. и № 1—4 и 6 за 1797 г.).

¹⁰ Ни один отрывок из «Фауста» в «Орах» не публиковался.

ПИСЬМО 87

¹ В начале октября Мейер уехал в Италию на длительное время.

ПИСЬМО 88

¹ См. примеч. 6 к письму 85.

² По поводу этих слов Шиллер написал Вильгельму Гумбольдту: «И тут я снова осознал, что с ним (с Гете.— И. Б.) можно быть очень откровенным» (письмо от 21 августа 1795 г.).

ПИСЬМО 89

¹ См. примеч. 2 к письму 78.

ПИСЬМО 90

¹ См. примеч. 6 к письму 85.

² Речь идет о толках в берлинском обществе, о которых Шиллеру сообщил Вильгельм Гумбольдт в письме от 15 августа 1795 г.

ПИСЬМО 91

¹ Т. е. 29 августа. Визит в Иену не состоялся, так как через три дня Гете пришлось уехать в Ильменау.

ПИСЬМО 94

¹ См. письма 95 и 96.

ПИСЬМО 95

¹ Не сохранился.

² В действительности — эпиграмма 102.

³ Шиллер предлагает исправить опisku с тем, чтобы третья строка эпиграммы 29 звучала таким образом: «Unverständlich jedoch, und nichts gelernt und geleistet» («Но, *неразумный*, ничему не научился и ничего не создал»). В ответном письме Гете просит заменить бессмысленное *unterständig* на *unbeständig* («Но, *непостоянный...*»).

ПИСЬМО 97

¹ В первом разделе сочинения Якоби («Случайные излияния одинокого мыслителя») сопоставлялись судьбы Людовика XVI, Эдипа и Лира; во втором речь шла о некоторых этических аспектах христианской религии.

ПИСЬМО 98

¹ Шиллер опубликовал в этом номере «Ор» статью «О необходимых границах прекрасного, в особенности при изложении философских истин». Позднее, в № 11 за тот же год, появилась и вторая часть этой статьи («Об опасности эстетических нравов»). При подготовке второго тома своих «Малых прозаических сочинений» (1800) Шиллер объединил обе статьи под новым названием «О необходимых пределах применения художественных форм».

² См. письмо 99 и приложение к нему.

³ См. примеч. 5 к письму 21.

ПИСЬМО 99

¹ Возможно, для элегии «Прогулка» (ст. 127—128: «...стрелы стрелительной арка // Круто перенеслась через ревуший поток» //).

² Статья Гете «Литературное санкюлотство» («Оры», 1795, № 5) была посвящена вопросу о том, при каких условиях формируется классическая национальная литература («Когда и где создается классический национальный автор? Тогда, когда он застаёт в истории своего народа великие события и их последствия в счастливом и значимом единстве; когда в образе мыслей своих соотечественников он не видит недостатка в величии, в их чувствах недостатка в глубине, в их поступках недостатка в силе воли и последовательности; когда сам он, проникнутый национальным духом, ощущает в себе благодаря врожденному гению способность сочувствовать прошедшему и настоящему; когда он застаёт свой народ на высоком уровне культуры и его собственное развитие дается ему легко; когда он имеет перед собой много собранного материала, совершенных и несовершенных попыток своих предшественников, и когда внешние и внутренние обстоятельства сочетаются так, что ему не при-

ходится дорого платить за свое учение, и уже в лучшие годы своей жизни он может задумать и создать большое произведение, подчинив его единому замыслу»). Непосредственным поводом к этому выступлению Гете послужила статья Даниэля Йениша «О прозе и красноречии у немцев» в журнале «Берлинский архив современной эпохи и современного вкуса» (1795, № 3); позиция Йениша, видевшего в современной французской литературе некий идеальный образец развития, была оценена Гете как «санкюлотство» в силу того, что подразумевала отрицание объективных исторических предпосылок. Шиллер сообщает здесь Гете об ответной реплике Йениша в сентябрьском номере того же «Берлинского архива».

³ Первая редакция стихотворения Шиллера «Идеал и жизнь».

⁴ Статья Мейера.

⁵ «Беседы немецких эмигрантов».

⁶ См. примеч. 6 к письму 85.

⁷ «Гомер как любимец своей эпохи».

⁸ Первая редакция философского стихотворения «Гений».

⁹ «Саисское извятие под покрывалом».

¹⁰ См. примеч. 1 к письму 98.

¹¹ Подборка эпиграмм из большого цикла, создававшегося Шиллером в 1795—1796 гг.

ПИСЬМО 100

¹ Т. е. Йениш. Гете называет его Терситом и в статье «Литературное санкюлотство».

ПИСЬМО 101

¹ Фридрих фон Гентц заметил в одной из своих статей в «Немецком ежемесечнике» (1795, август), что «Письма» представляют собой «самое глубокое и значительное из всего того, что можно было бы помыслить и сказать об этом предмете».

ПИСЬМО 102

¹ Первая редакция романа Иоганна Якоба Энгеля «Господин Лоренц Штарк» («Оры», 1795, № 10 и 1796, № 2; окончательный вариант — в отдельном издании 1801 г.). См. письма 131 и 132.

² В последних трех номерах «Ор» за 1795 г. было напечатано двенадцать стихотворений Гердера.

³ При этом, по словам Вильгельма Гумбольдта (письмо Шиллеру от 11 сентября), особым успехом пользовался восьмой номер.

ПИСЬМО 104

¹ Гете обыгрывает здесь анекдот о Диогене, рассказанный у Рабле: философ, увидев, с каким рвением его сограждане готовятся к отражению осады города, принял из всех сил катать и ворочать свою бочку. События, о которых идет речь ниже, связаны с возобновлением военных действий на Рейне: в августе — сентябре французы начали наступление и

взяли Дюссельдорф и Мангейм. Тем временем Гете заканчивал «Сказку», посылаемую Шиллеру в приложении к этому письму.

² Курфюрст Ашаффенбургский — архиепископ майнцский Фридрих Карл Йозеф фон Эрталь.

³ Гете цитирует свое стихотворение из «Сказки».

ПИСЬМО 105

¹ От Мейера, который по пути в Италию нанес Шиллеру прощальный визит (2 октября).

² См. письма 99 и 101.

³ Речь идет об элегиях Проперция в переводе Карла Людвига Кнебеля. Печатались в «Орах» в 1796 г. (№ 1, 3, 9 и 11).

ПИСЬМО 106

¹ См. примеч. 3 к письму 105.

ПИСЬМО 107

Этому письму предшествовал краткий визит Гете в Иену (4—5 октября).

¹ «Прощание с читателем». Стихотворение это предназначалось для «Ор», но было опубликовано в «Альманахе Муз на 1796 год».

² Речь идет о переводе небольшого эссе мадам де Сталь, опубликованном под названием «О поэзии» («Оры», 1796, № 2). Обещанное ниже предисловие не было написано.

³ Шиллер собирался сопроводить публикацию эссе мадам де Сталь своими заметками в виде небольшой рецензии; это намерение не было осуществлено.

⁴ Эта поездка во Франкфурт не состоялась из-за войны (см. письмо 108).

ПИСЬМО 110

¹ В письме Гердера Шиллеру от 10 октября говорилось о стихотворениях, напечатанных в девятом номере «Ор» (см. письмо 99 и примечания к нему).

² См. примеч. 3 к письму 107.

³ «Праздник Граций» («Оры», 1795, № 11). Вторая статья Гердера, «Идуна, или Яблоки бессмертия» (на темы скандинавской мифологии), появилась в № 1 «Ор» за 1796 г.

⁴ См. примеч. 5 к письму 21.

⁵ Шиллер приложил к этому письму стихотворения «Раздел земли» и «Мудрецы» (оба были напечатаны в ноябрьском номере «Ор»).

⁶ Улица во Франкфурте. Тема упомянутого стихотворения — участь поэта, обделенного при разделе земных благ; невеселая шутка Шиллера связана с тем, что родному городу Гете угрожал захват французскими войсками с неизбежными реквизициями и выплатами контрибуции.

ПИСЬМО 111

¹ Т. е. перевод эссе мадам де Сталь (см. примеч. 2 к письму 107).

ПИСЬМО 112

¹ См. письмо 109.

² См. примеч. 1 к письму 15.

ПИСЬМО 113

¹ Ф.-А. Вольф в чрезвычайно резком тоне обрушился на статью Гердера «Гомер как любимец своей эпохи» («Оры», 1795, № 9). Шиллера этот выпад возмутил, и он пытался побудить к участию в полемике не только Гердера (который предпочел игнорировать выпад Вольфа), но и Вильгельма Гумбольдта (в письме к последнему от 28 октября 1795 г.).

ПИСЬМО 114

¹ Христиана Вульпиус родила 1 ноября мальчика, умершего, однако, через две недели. См. письма 118, 119 и 120.

² Импульсом к этому послужили приготовления к отъезду Мейера в Италию (см. письмо 100). Гете жил в Италии в 1786—1788 гг. и в дни, когда писалось это письмо, вновь начал, по-видимому, вынашивать планы нового путешествия, так и оставшиеся неосуществленными. Записи, о которых идет здесь речь, послужили основой для книги «Путешествие по Италии», опубликованной только в 1816—1817 гг.

³ См. письмо 112 и примеч. 1 к письму 15.

ПИСЬМО 115

¹ Т. е. в упомянутом эссе мадам де Сталь. В оригинале употреблено слово *séduire* («соблазнять», «прельщать», «совращать»), которое Гете передает посредством адекватного глагола.

² Золотоносная река в Лидии, упоминаемая многими античными авторами.

³ «Гёттингенский Альманах Муз на 1796 год», переживавший период упадка после смерти Готфрида Августа Бюргера в июне 1794 г. (Бюргер был его издателем с 1779 г.), и очередной выпуск альманаха, издававшегося Фоссом в Гамбурге в 1776—1800 гг.

⁴ Гердер находился в Иене с 24 по 27 октября.

ПИСЬМО 116

¹ См. примеч. 1 к письму 15.

² Т. е. «Раздел земли» (см. письмо 110).

³ Т. е. Вольфа. Гете обыгрывает название статьи Гердера о Гомере в «Орах», послужившей объектом для нападок Вольфа.

⁴ В октябрьском выпуске журнала «Анналы философии и философского духа», издававшегося Людвигом Генрихом фон Якобом в Галле,

была помещена обстоятельная рецензия на первые три номера «Ор». Автор этой резко отрицательной рецензии неизвестен.

⁵ Гете намекает на евангельское изречение: «Соберите прежде плеве-лы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их» (Матф. 13, 30).

ПИСЬМО 117

¹ Иоганн Каспар Фридрих Манзо опубликовал в лейпцигской «Новой библиотеке изящных наук и свободных искусств» рецензию на первые четыре номера «Ор».

² Речь идет о книге Кристофа Фридриха Николаи «Описание путешествия по Германии и Швейцарии в 1781 году» (12 томов. Берлин, 1783—1796). Источником сведений Шиллера было письмо Гумбольдта от 23 октября. Нападки на «Оры» и на Канта содержались в т. 11 «Путешествия».

ПИСЬМО 118

¹ См. примеч. 1 к письму 114.

² Набросок статьи «Об архитектуре», сохранившийся в гетевском наследии.

ПИСЬМО 119

¹ Грос, статья которого была незадолго до того напечатана в «Орах» (см. примеч. 3 к письму 82), сообщил в письме к Вильгельму Гумбольдту об отзыве на гетевские элегии, принадлежавшем знаменитому филологу — латинисту Христиану Готлобу Гейне. Желание Гроса перейти из Эрлангенского университета в Иенский не осуществилось.

ПИСЬМО 120

Этому письму предшествовал визит Гете в Иену (с 6 по 11 ноября).

¹ По возвращении в Веймар Гете послал Шиллеру два письма (от 11 и 18 ноября), которые не сохранились. Настоящее письмо Шиллера — ответ на второе из этих писем с сообщением о смерти новорожденного сына Гете.

² Речь идет о статье Августа Вильгельма Шлегеля «О поэзии, просодии и языке» («Оры», 1796, № 1).

³ Речь идет не о рукописи, а о подарке: романтическая пьеса Юлиуса фон Зодена «Аврора» незадолго перед тем вышла отдельным изданием (Хемниц, 1795). «Бьондеттой» Шиллер называет роман французского писателя Жака Казота «Влюбленный дьявол» (1772, немецкий перевод 1792), в котором дьявол, пожелавший соблазнить главного героя, принимает облик юной красавицы Бьондетты.

ПИСЬМО 121

¹ См. примеч. 3 к письму 105.

² Фридрих Леопольд Штольберг опубликовал в 1796—1798 гг. в Кёнигсберге перевод избранных диалогов Платона в трех томах.

³ Лихтенберг выпустил в 1794 г. в Гёттингене шестое издание книги своего покойного коллеги Иоганна Христиана Эркслебена «Начальные основы природоведения».

⁴ 29 сентября. Гете имеет в виду осеннюю книжную ярмарку в Лейпциге, приуроченную к Михайлову дню; весенние ярмарки происходили на пасху.

⁵ Все эти намерения не осуществились. Лишь в 1816 г. Гете продиктовал небольшой отрывок, посвященный истолкованию «Сказки», — единственное свидетельство его обращения к этой теме.

ПИСЬМО 122

¹ Роман Энгеля.

² Статья Йениша «О гении Шиллера и об его эстетических письмах» не была напечатана. Вильгельм Гумбольдт воспрепятствовал ее появлению в «Немецком ежемесячнике», сообщив об этом Шиллеру в письме от 13 ноября.

³ См. примеч. 4 к письму 15.

⁴ Статья Иоганна Вильгельма Аркенхольца действительно была напечатана в № 12 «Ор» за 1795 год. Ян Собеский (1624—1696) — выдающийся полководец, польский король с 1674 г.

⁵ Статья «О наивной и сентиментальной поэзии» («Оры», 1795, № 11 и 12; 1796, № 1).

ПИСЬМО 123

¹ Т. е. первый том диалогов Платона в переводе Штольберга. Гете подчеркнул в возмущившем его предисловии переводчика (см. письмо 121) слова о том, что учение Сократа вполне согласуется с христианством. Сиятельным пустомелей Гете называет Штольберга, имея в виду его графский титул.

² Аврелия, персонаж романа «Годы учения Вильгельма Мейстера». Гете ссылается здесь на шестую книгу романа («Признания прекрасной души»), которую сам аттестовал в письме 56 как религиозную.

³ Толковый словарь греческого языка, составленный Бенямином Гедерихом и изданный в 1754 г. в Лейпциге.

⁴ «Тезисы и антитезисы к обоснованию новой системы философии». Вейсхун умер 21 апреля 1795 г., и его литературным наследием ведал уже упоминавшийся выше (см. письмо 51) профессор Фридрих Иммануил Нитхаммер, издатель «Философского журнала». Так, статью Вейсхуна, опубликованную до этого в «Орах» (1795, № 5), Шиллер получил от Нитхаммера взамен статьи Вейсхуна от синонимии, которую Нитхаммер напечатал в своем журнале (см. примеч. 6 к письму 47).

ПИСЬМО 125

¹ Несколько неопубликованных произведений Дидро («Племянник Рамо», «Жак-фаталист» и «Монахиня») получили ограниченное распространение в Германии еще в 1770—1780 гг. благодаря знаменитой «Литературной, философской и критической корреспонденции» барона Гримма. Этот рукописный журнал на французском языке велся для

некоторых европейских монархов, и в том числе для герцога Эрнста II Саксен-Готского, послом которого в Париже Гримм был в 1776—1790 гг.; именно поэтому Шиллер нуждался в разрешении принца Августа, брата герцога. «Жак-фаталист» вышел у Унгера в 1792 г. Получить «Монахиню» для «Ор» не удалось; ее перевод, о подготовке которого Шиллер узнал позднее (см. письмо 133), был опубликован отдельным изданием через несколько лет (Страсбург, 1797). «Племянник Рамо» (еще не изданный тогда на языке оригинала) появился в переводе Гете в 1805 г. См. письмо 984.

² Речь идет о подписке на журналы вскладчину. Шиллер имеет в виду следующие издания: «Клио. Ежемесячник современной французской истории» (Лейпциг, 1795—1796), «Европейские анналы» (Тюбинген, 1795—1806) и «Флора» (Тюбинген, 1792—1805).

³ Фридрих Вильгельм Фациус; веймарский художник-медальер.

⁴ Заключение статьи «О наивной и сентиментальной поэзии» действительно появилось в январском номере «Ор» за 1796 г., но под названием «Заключительная часть статьи о наивных и сентиментальных поэтах с приложением некоторых замечаний относительно одного характерного различия между людьми».

ПИСЬМО 126

¹ Беттина — уличная акробатка (эпиграммы 37—44 венецианского цикла). «Лацертами» (латин. *lascerta* — ящерица) Гете называет в эпиграммах 67, 68 и 70 публичных девиц в Венеции.

² Гастроли Августа Вильгельма Иффланда в веймарском театре были отложены до весны 1796 г.

ПИСЬМО 127

¹ Т. е. элегии Проперция в переводе Кнебеля (см. примеч. 3 к письму 105). Гете и в самом деле очень многое внес в эту работу.

² Имеется в виду Виланд.

ПИСЬМО 128

¹ Гете не раз иронизировал над убеждением Фосса в том, «что только он один может и должен создавать гексаметры» (письмо 434). Вместе с тем и он, и Шиллер всегда отдавали должное заслугам Фосса (и его школы) в обогащении немецкой метрики.

ПИСЬМО 129

¹ Намек на стихотворение Шиллера; в какой-то мере навеян репликой в письме 110.

² Роман Жан-Поля «Геспер, или 45 дней собачьей почты», о котором уже шла речь выше (письма 71 и 73); о нем одобрительно отзывались, в частности, Виланд и Гердер, а также многие из окружения Гете и Шиллера (например, Шарлотта фон Кальб). Жан-Поль в 1794—1796 гг. был домашним учителем в городке Хоф близ Байрейта.

³ Приложение не сохранилось; по-видимому, речь идет о стихотворении

Мюллера, уже известном Шиллеру (см. письмо 82 и примеч. 2 к нему).

⁴ Ср. Ев. от Луки, 8, 5—8.

⁵ Это издание не осуществилось.

⁶ Гете очень нравились рисунки Шарлотты Шиллер.

ПИСЬМО 130

¹ Роман Августа Лафонтена «Клара дю Плесси и Кларан» (Берлин, 1795).

ПИСЬМО 131

¹ У Энгеля. См. примеч. 1 к письму 102.

² Гете читал «Назидательные новеллы» Сервантеса во французском переводе.

ПИСЬМО 132

¹ Вильгельм Гумбольдт в письме к Шиллеру от 20 ноября сообщил, что роман Энгеля возник из набросков неосуществленной пьесы «Немецкий отец семейства».

² Шиллер имеет в виду книгу Вильгельма Готлиба Беккера «Зейферсдорфская долина» (Лейпциг — Дрезден, 1792). См. письмо 135 и примеч. 3 к нему.

³ Книга Йозефа Фридриха фон Ракница «Письма об искусстве» (Лейпциг, 1795).

⁴ См. примеч. 1 к письму 125.

⁵ Рецензия Августа Вильгельма Шлегеля вместе с другими (см. письмо 136) была напечатана в № 4—6 «Всеобщей литературной газеты» от 4, 5 и 6 января 1796 г.

ПИСЬМО 133

¹ Т. е. Шарлотте фон Кальб. Приложение не сохранилось.

² Первое конкретное упоминание о замысле, над воплощением которого Гете и Шиллер работали вплоть до августа следующего года. Ксении у греков и римлян — подарки, которые хозяин делает гостям (обычно — какие-нибудь изысканные лакомства); Марциал дал это название тринадцатой книге своих эпиграмм, соответственно включив в нее описание тех лакомств, которые он предназначает своим друзьям. Первоначальный замысел Гете был расширен, и в «Альманахе Муз на 1797 год» подобные «подарки» получили не только издатели, но и многие литераторы, ученые, критики. Следует отметить, впрочем, что в составе цикла имелись и безобидные, а порой и вполне дружелюбные ксении. Характерная особенность: практически все лица, упомянутые до этого времени в переписке Гете и Шиллера с иронией, осуждением или негодованием, оказались адресатами ксениев — от Рамдора с его «Харитой» (письма 8—11) в ксении 119 и до авторов, названных в предыдущем письме. См. ответ Шиллера (письмо 136).

³ Были посланы с письмом 135.

⁴ Точнее, Созий. Римских издателей братьев Созиев упоминает Гораций («Послания», I,20,2 и II,3,345).

⁵ Книга Луи Бертрана Кастеля «Оптика цвета» представляла собой пособие по хроматике для художников.

ПИСЬМО 134

¹ Приложение не сохранилось.

² Цитата из «Эгмонта».

³ «Цецилия» и «Судилище любви». Оба произведения не были напечатаны.

ПИСЬМО 135

¹ Ежегодник «Театральный календарь» издавал в 1775—1800 гг. в Гете литератор Генрих Август Рейхард; в ежегоднике печатались сведения о репертуаре немецких и зарубежных театров, об изменениях в составе трупп и т. д., а также рецензии и теоретические статьи. Какие другие издания были посланы при этом письме, неизвестно.

² Гете приложил к письму 12 ксений, посвященных журналам.

³ Владелица большого поместья под Дрезденом, графиня Христиана Брюль. В Зейферсдорфе находился один из первых немецких «естественных» парков, возникших в эпоху сентиментализма. Многочисленные сооружения здесь («Алтарь Истины», «Элизиум» и др.) отражали, кроме того, масонскую символику. Виланду, на рассказ которого ссылается Гете, был посвящен «Храм Муз» в центре парка.

ПИСЬМО 136

¹ Т. е. братья Христиан и Фридрих Леопольд Штольберги. Им было посвящено около десятка ксений.

² Уже упоминавшийся журнал «Новая библиотека изящных наук и свободных искусств» (Лейпциг, 1765—1805). Редактором его был Христиан Феликс Вейсе; в журнале активно сотрудничал Манзо (которому также было посвящено несколько ксений).

³ Георг Гёшен, крупный лейпцигский издатель, у которого печатались основные произведения Морица Августа Тюммеля.

⁴ См. примеч. 4 к письму 122.

⁵ Иоахим Дитрих Брандис издал в 1795 г. в Ганновере свой перевод книги Эрама Дарвина «Зоономия»; упоминание о работе Гете «Метаморфоз растений» (1790) содержится в предисловии Брандиса.

⁶ Карл Франц Романус издал свой перевод «Братьев» в 1761 г. в Дрездене. Шиллер имеет в виду отзыв Лессинга о переводе Романуса в «Гамбургской драматургии», где анализу пьесы Теренция посвящено несколько писем.

⁷ «Театральный календарь на 1796 год» открывала «Дидактическая рапсодия» в стихах, в которой упоминалось около четырехсот немецких писателей. В перечень произведений Гете, помещенный в другом разделе ежегодника, была включена драма «Юлий Цезарь».

ПИСЬМО 137

¹ Трактат Рамдора (см. примеч. 2 к письму 8).

² Роман Гёшена «Путешествие Иоганна» (Лейпциг, 1793).

³ «Опыт о жизненной силе» (Ганновер, 1795), где Брандис упомянул в одном из примечаний «остроумное объяснение метаморфоза растений, данное господином тайным советником Гете». В предисловии к «Зоономии» он отметил близость взглядов Гете и Дарвина (и, как и предполагал Гете, упомянул о поэтических произведениях Дарвина).

⁴ Трагедия Фридриха Циглера «Варварство и величие» (Вена, 1793).

ПИСЬМО 140

Письмо написано вслед Гете, пробывшему в Иене с 3 по 17 января.

¹ Уже 4 января Шиллер сообщил Вильгельму Гумбольдту о том, что у них с Гете готово более двадцати ксений. Эту совместную работу отмечает и Гете в своем дневнике (запись от 14 января: «Вечером Шиллер. Ксении»).

ПИСЬМО 141

¹ «Венецианские эпиграммы» Гете были напечатаны в конце альманаха на особых листах.

ПИСЬМО 142

¹ «Новые аркадяне» (либретто Христиана Вульпиуса, музыка Франца Кавера Зюссмайра), поставленная 2 февраля. Для этого спектакля Гете подготовил эскизы некоторых декораций.

ПИСЬМО 143

¹ В связи с военными действиями на Рейне в столице герцогства появились эмигранты (главным образом из Гессен-Дармштадта; см. письмо 104); многие из них были приняты при дворе и в обществе.

ПИСЬМО 144

¹ Опера Моцарта, поставленная 25 января.

² «Адвокаты» (Вена, 1796).

ПИСЬМО 145

¹ Речь идет о замыслах, связанных с продолжением «Бесед немецких эмигрантов», но так и не осуществленных.

² См. письмо 134 и примеч. 3 к нему.

ПИСЬМО 147

¹ Расхождения между Гете и Рейхардтом, наметившиеся в 1794—1795 гг., имели в своей основе политические мотивы (отношение к

Французской революции, которую Рейхардт приветствовал), однако немалую роль при этом сыграли некоторые черты характера Рейхардта, и Гете, неизменно отзывавшийся с уважением о нем как о композиторе, в конце концов прервал с ним всякие отношения.

² Рейхардт издавал в Галле два журнала: «Францию» (1795—1805 гг.) и «Германию» (1796; как «Лицей изящных искусств» — 1797). Его рецензия на «Оры» была опубликована в № 1 «Германии».

³ См. примеч. 1 к письму 30.

⁴ «Заметки к истории французского национального характера» («Оры», 1795, № 5).

⁵ В 1795 г. Фосс напечатал в «Орах» стихотворения «Посвящение красоте», «Награда певца» (№ 5) и «Искусство поэзии» (№ 7).

⁶ Статья Александра Гумбольдта «Жизненная сила, или Родосский гений» («Оры», 1795, № 5).

⁷ Эпистолярный роман Вильгельма Гейнзе «Хильдегард фон Хоэнталь» (в 3-х т. Вена — Берлин, 1795—1797).

ПИСЬМО 148

¹ Т. е. с первым актом празднеств по случаю дня рождения герцогини Луизы.

² Речь идет о статье Карла Августа Бёттигера «Новогодние пожелания у древних римлян» в веймарском «Журнале роскоши и моды» (1796, № 1). Бёттигер включил в статью два ксения Марциала в своем переводе. Ксений, адресованный Бёттигеру, остался в рукописи.

³ «Due trattati di Benvenuto Cellini scultore fiorentino, uno dell'oreficeria e l'altro della scultura» («Два трактата Бенвенуто Челлини, флорентийского скульптора, один о ювелирном искусстве, другой о скульптуре». Флоренция, 1731). Книгу эту по просьбе Гете взял в библиотеке Гёттингенского университета Лихтенберг. Трактаты нужны были Гете для работы над переводом записок Челлини (см. примеч. 9 к письму 85).

⁴ В письме Мейера к герцогине Анне Амалии содержался иронический намек на картину «Время и пространство» Якоба Асмуса Карстенса, работавшего в эти годы в Риме. Гете не обратил внимания на небольшую статью Фернова, посвященную этой картине и опубликованную незадолго до того в веймарском журнале «Новый немецкий Меркурий» (1795, № 6); получив ответ Шиллера (см. письмо 149), он в письме к Мейеру от 8 февраля попросил уточнить эти сведения, однако довольно скоро узнал от кого-то о статье Фернова (см. письмо 154). В итоге возник ксений «Новости из Рима» (№ 135 в «Альманахе Муз на 1797 год»).

⁵ См. примеч. 1 и 2 к письму 147. Рейхардту было посвящено около трех десятков ксений (в том числе ксении 208—210 и 223—224, направленные против его журналов).

ПИСЬМО 149

¹ Шиллер имеет в виду сцену появления в Аиде душ убитых женихов («Одиссея» XXIV, 1—190), действительно послужившую впоследствии основой для целого раздела ксений.

ПИСЬМО 150

Предшествовавшее этому письмо Шиллера от 1 февраля не сохранилось.

¹ Все те же «Новые аркадяне» (см. примеч. 1 к письму 142).

ПИСЬМО 151

¹ «Шевалье де Турвиль» Иоганна Фридриха Гербера («Оры», 1796, № 2 и 3).

² См. примеч. 3 к письму 105.

³ Август Вильгельм Шлегель, вернувшийся в Иену весной.

⁴ Давний друг Шиллера, офицер саксонской армии; Гете познакомился с ним в январе во время пребывания в Иене.

ПИСЬМО 152

¹ Письмо Шиллера к Гердеру; не сохранилось.

² Единственный существовавший к этому времени рукописный экземпляр полного собрания ксений; Гете и Шиллер попеременно вносили в него новые дистихи.

ПИСЬМО 153

¹ Т. е. 13 февраля (см. письмо 156).

ПИСЬМО 154

¹ Гете послал Шиллеру переработку своих писем к Шарлотте фон Штейн, представлявших собой дневник путешествия по Швейцарии, которое он совершил осенью 1779 г. с герцогом Карлом Августом и камергером Отто фон Веделем. Бумаг этих он не касался с весны 1780 г., когда, просмотрев рукопись, отредактировал и значительно дополнил несколько последних писем (за 7—13 ноября 1779 г.). Под названием «Письма о путешествии на Сен-Готард» они были опубликованы в «Орах» (1796, № 8). За «сказочку с пылкими страстями» Гете принялся вскоре после отсылки письма Шиллеру, продиктовав 18 и 19 февраля фрагмент, названный им «Путешествие Вертера» и основанный на заметках о более раннем путешествии в Швейцарию (летом 1775 г.). Однако эта попытка возвращения к своему старому герою, который должен был выступить в роли рассказчика в большом обобщенном повествовании, осталась неосуществленной. В 1808 г. Гете публикует в составе собрания сочинений «Письма из Швейцарии», разделы I и II (соответственно «Путешествие Вертера» и «Письма о путешествии на Сен-Готард»), никак, однако, не связав их между собой.

² Римская фреска I—II вв. н. э., изображающая, по-видимому, сцену приготовления к свадьбе. Обнаружена в 1606 г. и получила название по имени первого своего владельца, кардинала Альдобрандини.

³ См. примеч. 4 к письму 148.

ПИСЬМО 155

¹ Письмо Вильгельма Гумбольдта к Гете от 9 февраля, целиком посвященное «Сказке».

² С 1790 г. Шиллер издавал в Иене многотомное серийное издание «Собрание исторических записок», в котором публиковались воспоминания немецких и иностранных мемуаристов (соответственно I и II разделы), охватывавшие период XII—XVII вв. Хотя Шиллер передал руководство изданием профессору Генриху Паулюсу еще в 1794 г., имя его продолжало значиться на титульных листах последующих томов. «Мемуары» Брантома вышли в составе «Собрания» в 1795 г. (разд. II, т. 10).

ПИСЬМО 157

Записка относится ко времени пребывания Гете в Иене (с 16 февраля по 16 марта).

¹ О ком идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 158

¹ Замысел драмы о Валленштейне возник у Шиллера еще в 1790 г. Работа была начата весной 1796 г. и завершилась созданием драматической трилогии («Лагерь Валленштейна», «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна») весной 1799 г. См. письмо 233.

² Речь идет, по-видимому, о начале гастролей Иффланда в веймарском театре, послуживших поводом для приезда Шиллера в Веймар.

ПИСЬМО 159

В промежутке между этими письмами Шиллер жил в Веймаре (с 23 марта по 20 апреля).

¹ Первые главы гетевского перевода, печатавшегося в «Орах» начиная с № 4 за 1796 г. (см. примеч. 9 к письму 85).

² 25 апреля в веймарском театре состоялось представление «Эгмонта» в обработке Шиллера с Иффландом в главной роли.

ПИСЬМО 160

¹ Шиллер приехал в Веймар к спектаклю (25 апреля) и вернулся в Иену на следующий день.

ПИСЬМО 161

Записка написана во время пребывания Гете в Иене (с 28 апреля по 8 июня).

¹ Кёрнеру и графу Гесслеру, приехавшим в гости к Шиллеру в конце апреля.

² Бронзовая статуэтка римской богини победы, которую Гете приобрел через посредника при предварительной распродаже коллекции Иоганна Фридриха Ваккера в Дрездене.

ПИСЬМО 162

¹ Запись в дневнике Гете от 20 мая: «Поездка в Веймар и обратно».

² Речь идет об идиллии «Алексис и Дора», над которой Гете работал в Иене. Идиллия была напечатана в «Альманахе Муз на 1797 год».

³ Гете называл так Каролину Паулюс, жену профессора Иенского университета; ей предназначалась рукопись упомянутой выше идиллии (один из набело переписанных экземпляров).

⁴ Сын Гете.

ПИСЬМО 163

¹ Т. е. две музы. В Иене Гете занимался и хроматикой, о чем свидетельствует просьба, высказанная в первом абзаце письма.

² Восьмая книга романа «Годы учения Вильгельма Мейстера», законченная в июне.

³ Гете длительное время обдумывал план этого стихотворения, но затем, убедившись в том, что сюжет ему чужд, уступил его Шиллеру. Баллада Шиллера «Геро и Леандр» была написана в 1801 г.

ПИСЬМО 164

¹ «Алексис и Дора» и сатирически-пародийное стихотворение «Музы и Грации в Бранденбурге».

² Речь идет о предложении композитору Карлу Фридриху Цельтеру написать несколько романсов на тексты авторов «Альманаха Муз на 1797 год» (для специального нотного приложения). Цельтер ответил согласием и положил на музыку стихотворения Гете («Музы и Грации в Бранденбурге» и одна из песен Миньоны), Шиллера («Дифирамб»), Гердера («Волшебство звуков», «Сила любви», «Смена явлений») и Штейнгенша («Песня»).

³ «Жалоба Цереры».

⁴ Иллюстрации Гирта к его статье «Путешествие из Гроттафераты к озеру Фучино и в Монте Кассино в октябре 1794 года» («Оры», 1796, № 11 и 12).

ПИСЬМО 165

¹ Ксений под таким названием неизвестен.

² «Алексис и Дора».

ПИСЬМО 166

¹ См. примеч. 3 к письму 164.

² См. примеч. 2 к письму 161.

³ Седьмой и восьмой тома книги Гердера «Письма о поощрении гуманности» (Рига, 1796).

ПИСЬМО 167

¹ См. примеч. 1 к письму 164.

² С Августом Вильгельмом Шлегелем. Стихотворение Челлини (кн. 1, гл. СХІХ оригинала) переведено не было. Сонет Бенедетто Варки, приводимый Челлини (кн. 1, гл. ХХХІV), Шиллер сохранил в тексте (кн. 2, гл. 5, согласно разбивке Гете).

ПИСЬМО 168

¹ Поездка Фосса из Галле в Иену не состоялась (см. письмо 171).

ПИСЬМО 169

¹ В Гибихинштейне жил Рейхардт. Малепартус — замок Рейнеке-лиса в поэме Гете. Двустилишие это не предназначалось для печати; однако в «Альманахе Муз» фигурирует «злое насекомое из Г-б-на» (ксений 80).

² Т. е. Жан-Поль, только что приехавший в Веймар по приглашению Шарлотты фон Кальб. 17 июня он вместе с Кнебелем был приглашен к Гете на обед и, судя по всему, произвел довольно благоприятное впечатление («Клянусь небесами, мы еще полюбим друг друга!» — писал Жан-Поль 18 июня в письме к другу). Гете прочитал своим гостям «Алексиса и Дору».

ПИСЬМО 170

¹ Баронесса фон Штейн из Иены (тетка Шарлотты фон Кальб).

² Речь идет о предполагавшемся ранее ангажементе Иффланда в веймарском театре на длительный срок.

³ Вильгельм Гумбольдт написал Гете письмо, посвященное детальному разбору «Алексиса и Доры», лишь 25 июня.

⁴ См. примеч. 1 к письму 149. Позднее, однако, весь этот раздел был восстановлен в белой рукописи и завершил весь цикл ксений в «Альманахе Муз» (№ 332—414).

ПИСЬМО 171

¹ Девять муз. Шиллер обыгрывает начальную строку эпитафии 27 венецианского цикла: «Часто все девять манили меня (я муз разумею)...» (перевод С. Ошерова).

ПИСЬМО 172

¹ Запись в дневнике Гете от 20 июня: «Растения и семена под ящиком».

² См. письмо 164 и примеч. 2 к нему.

³ Песня Миньоны «Я покрасуюсь в платье белом...» (перевод Б. Пастернака), текст которой вначале был опубликован в «Альманахе

Муз», хотя только в нотном разделе, с музыкой Цельтера, однако затем был полностью воспроизведен и в романе (кн. 8, гл. 2). Разрыв с Унгером произошел позднее (около 1800 г.).

⁴ Анонимно изданный политический памфлет «Германия в 1795 году» (Штутгарт, 1796) австрийского публициста Карла Главе-Кольбельского.

ПИСЬМО 173

¹ По-видимому, Гете незадолго до этого переслал Шиллеру какое-то из несохранившихся писем Мейера.

ПИСЬМО 175

¹ См. примеч. 3 к письму 172.

ПИСЬМО 176

¹ Дух (латин.). Шиллер именует так Гейста, писца Гете (по-немецки Geist — дух).

ПИСЬМО 177

¹ Т. е. о Жан-Поле, нанесшем Шиллеру визит 25 июня. См. примеч. 3 к письму 71.

ПИСЬМО 179

¹ О критических замечаниях Вильгельма Гумбольдта см. письмо 181.

ПИСЬМО 181

¹ «Алексис и Дора», 13—14: юноша, которому предстоит долгая разлука с любимой, сетует на то, что их сердца по-прежнему будут биться «одно для другого», но не «одно о другое».

ПИСЬМО 182

¹ Речь идет о книге Карлуа «Жизнеописание Франсуа де Сепо, сеньора де Вьейвиля, графа Дюреталья» (Париж, 1757). Герой этой биографии — известный французский полководец XVI в.

² См. письмо 125.

ПИСЬМО 184

¹ См. ответ Гете в письме 185.

ПИСЬМО 186

¹ Имеется в виду многотомное собрание источников по истории средневековой Италии «Труды итальянских анналистов», выпускавшееся знаменитым ученым Лодовико Антонио Муратори (Милан, 1723—1751). Книга нужна была Функу, другу Шиллера, для работы над статьей «Роберт Гискар, герцог Апулии и Калабрии» («Орь», 1797, № 1—3).

² Намерение это не было осуществлено. См. письмо 188.

ПИСЬМО 187

¹ «Поучение» помещено в последней (девятой) главе седьмой книги: свиток, который аббат вручает Вильгельму в знак того, что годы его учения завершены.

² Все эти изменения были осуществлены. Так, в уста Лотарио вложена реплика о благе свободного выбора в браке, не стесняемого словесными соображениями (гл. 2); фраза о детях Вернера, на которую обратил внимание Шиллер (см. письмо 181), была переделана следующим образом: Вернер *мысленно* видит своих детей пристроенных к делу (гл. 1), и т. д.

ПИСЬМО 189

¹ По-видимому, речь идет о замечании относительно Вильгельма: «...ему захотелось узнать, как далеко может зайти человек в своих мыслях и насколько он может надеяться дать когда-либо в чем-то отчет себе и другим» (гл. 1).

² См. примеч. 3 к письму 99.

³ См. примеч. 1 к письму 182 и примеч. 1 к письму 186.

⁸ Август Вильгельм Шлегель женился 1 июля в Брауншвейге на Каролине Бёмер (урожденной Михаэлис) и приехал с ней в Иену 8 июля.

ПИСЬМО 190

¹ Эрнст Фридрих Вильгельм, второй сын Шиллера.

ПИСЬМО 191

¹ Т. е. 16 июля.

² Каролина Паулос, см. письмо 189. Беспокойство Гете вызвано наступлением французских армий в направлении Вюрцбурга и Байрейта, начавшимся в июне; см. письмо 196.

ПИСЬМО 192

¹ См. примеч. 4 к письму 164.

² Иоганн Петер Уц умер 12 мая 1796 г.

³ Шарлотта фон Кальб.

⁴ Т. е. имя героя гетевского романа.

ПИСЬМО 193

¹ Первое упоминание в переписке о Христиане Вульпиус как жене; Гете ведет счет с 13 июля 1788 г., со дня первой встречи с Христианой.

ПИСЬМО 194

Этому письму предшествовал визит Гете в Иену (с 16 по 19 июля).

¹ Судя по дневниковой записи от 20 июля, Гете обдумывал план статьи «О методе в физике». Замысел этот не был осуществлен.

² См. ответ Шиллера.

ПИСЬМО 195

¹ 15 июля Франкфурт подвергся бомбардировке и был взят французскими войсками под командованием генерала Клебера.

² Карл Теодор фон Дальберг, коадьютор (т. е. помощник и будущий наследник) архиепископа майнцкого; видный деятель эпохи Просвещения, друг Гете и Шиллера. Слухи о его пленении были необоснованными.

ПИСЬМО 196

¹ Письма Мейера из Рима и Флоренции от 15 и 24 июня; соотечественник Мейера — Иоганнес Эшер.

² Письмо министра Фойгта от 21 июня.

³ Успехи французских войск вынудили Вюртемберг и Баден заключить мир с Францией (7 и 22 августа) на условиях территориальных уступок. Дальнейшее продвижение французских войск было, однако, остановлено благодаря победам австрийцев под Амбергом (24 августа) и Вюрцбургом (3 сентября). В октябре французы ушли за Рейн. Основным театром военных действий стала Италия, где Бонапарт, уже нанеся австрийцам поражение в битве при Лоди в мае, одержал ряд побед осенью 1796 — зимой 1797 г. и овладел всей северной частью страны.

⁴ См. примеч. 1 к письму 104.

⁵ Корпус принца Конде был сформирован из французских эмигрантов на австрийской службе.

ПИСЬМО 197

¹ Фридрих Леопольд Штольберг. Слух этот, вероятно, не соответствует действительности.

² Книга духовных песнопений Иоганна Арндта (Лейпциг, 1612).

³ Стихотворение Баггесена «Шиллеровский Альманах Муз на 1796 год» впоследствии было напечатано, однако при этом заключительный выпад против венецианского цикла эниграмм был снят, так что перед читателями предстал лишь панегирик в честь Шиллера.

⁴ Инцидент с сожжением романа Гете не обрывается ни в одном из ксений, посвященных Штольбергу. Явный намек на Баггесена содержится в ксении, оставшемся в рукописи и принадлежащем, по видимому, самому Шиллеру.

⁵ Ксений, высмеивающий венскую цензуру, остался в рукописи.

⁶ Шиллер приложил к письму эпиграмму неизвестного автора:

Унгер о двух своих изданиях — «Вильгельме Мейстере»
и журнале «Германия»

«Чтоб публики узнать про новый шрифт сужденье,
Для первой пробы взял я Мастера творенье.

Вторая проба всех бесспорно убедит,

Что шрифту даже дрянь и та не повредит».

(Перев. Л. Цывьяна.)

⁷ В «Альманахе Муз на 1797 год» было напечатано двенадцать стихотворений Гердера (в том числе шесть переводных).

⁸ Цитата из Ювенала («Сатиры», I, 79—80): «Коль дарования нет, порождается стих возмущеньем».

ПИСЬМО 198

¹ Статья Канта «О некоем усвоенном ныне аристократическом тоне в философии («Немецкий ежемесичник», 1796, № 5) была направлена против писателя и публициста Иоганна Георга Шлоссера.

ПИСЬМО 199

¹ Намерение Гете не осуществилось; веймарская труппа, гастролировавшая в Лаухштедте с конца июня по начало августа, отправилась затем в Рудольштадт, где давала спектакли до самого конца сентября, после чего вернулась в Веймар.

² Пьеса Бомарше «Преступная мать» (Париж, 1792).

³ Первое из писем Элизабет Гете от 22 июля о событиях во Франкфурте. Второе было послано 1 августа.

ПИСЬМО 200

¹ Владельцем дома был профессор Иоганн Якоб Грисбах, в то время проректор университета.

² «Алексис и Дора».

³ Шестнадцать дистихов было напечатано в альманахе отдельно от цикла ксений под названием «Каток» (впоследствии — «Зима» в гетевском цикле «Четыре времени года»).

⁴ «Ньютониану» в альманахе составили ксении 164—175. Четыре предшествующих ксения (160—163) направлены против «вулканистов» в геологии.

ПИСЬМО 201

¹ В последней фазе редактирования первоначальный замысел всего цикла претерпел значительные изменения. Многие ксении были опущены по тем или иным причинам. Более сотни «серьезных» ксений Шиллер выделил в особый раздел, получивший название «Tabulae votivae» («Посвятительные таблички») в отличие от собственно «ксений». См. письма 202 и 203.

² Дневниковые записи Гете: «Утром наблюдения над растениями, выросшими в темноте» (25 июля) и «Наблюдения над ростом крыльев у бабочек» (30 июля). Ср. письма 172 и 206.

ПИСЬМО 202

¹ Фридрих Леопольд Штольберг опубликовал в 1788 г. в лейпцигском журнале «Немецкий музей» статью «Мысли о стихотворении «Боги Греции» господина Шиллера», расценив это произведение как апологию язычества. В ксении 117 («Замена») высмеивалось и это сочинение Штольберга:

«За поношение богов Аполлон тебя сбросил с Парнаса.

Что ж, тем легче войдешь в царство небесное ты».

² Ксений 76 («Дева») с легкой иронией по поводу чувствительности Виланда (не названного по имени). Прямое обращение к Виланду содержится в ксении 40, направленном против Манзо, который объявил себя последователем Виланда.

³ Диалог с Шекспиром образуют ксении 390—412. Шиллер сохранил здесь, однако, намеки на пьесы Иффланда. Другими адресатами этого раздела были драматурги Фридрих Людвиг Шрёдер и Август фон Коцебу, а также Иоганн Иоахим Эшенбург, издавший в 1775—1782 гг. первый полный перевод произведений Шекспира (в целом не слишком удачный), и Фридрих Шлегель (из-за его замечания о манерности Шекспира).

⁴ См. примеч. 1 к письму 176.

ПИСЬМО 203

¹ См. примеч. 1 к письму 201.

² Т. е. венецианский цикл эпиграмм.

ПИСЬМО 204

¹ Новое путешествие в Италию, от которого Гете пришлось отказаться из-за военных действий на севере страны (см. примеч. 3 к письму 196).

ПИСЬМО 205

¹ С 4 по 6 августа в Иене гостили свояченица Шиллера и ее муж — Каролина и Вильгельм фон Вольцогены.

ПИСЬМО 206

¹ Речь идет о «Tabulae votivae», предшествующих в альманахе «Ксениям».

² Гете приложил к письму заметку «Наблюдения над развитием крыльев у бабочки *Phalaena grossularia*».

ПИСЬМО 207

¹ Фридрих Шлегель приехал в Иену 7 августа и прожил там около года (до начала июля 1797 г.).

² В Эйтине жили Фосс, Фридрих Штольберг и Шлоссер, в Вандсбеке — Матиас Клаудиус и Фридрих Якоби.

³ Для стихотворения «Помпеи и Геркуланум», законченном в середине августа и напечатанном в «Альманахе Муз на 1797 год».

⁴ Путеводитель Иоганна Якоба Фолькмана «Историко-критические сведения об Италии» (3 т. Лейпциг, 1770—1771).

ПИСЬМО 208

¹ См. примеч. I к письму 206.

² Стихотворение «Китаец в Риме», опубликованное в «Альманахе Муз на 1797 год». Поводом к его написанию, как и указывает здесь сам Гете, послужило замечание Жан-Поля в письме к Кнебелю от 3 августа о том, что современная эпоха нуждается скорее в Тиртее, нежели в Проперции (т. е. в поэте битв, а не в элегике). Гете увидел в этом намек не только на перевод Кнебеля, но и на свои «Римские элегии».

ПИСЬМО 210

¹ «Помпеи и Геркуланум».

² «Алексис и Дора».

ПИСЬМО 211

¹ См. примеч. 3 к письму 200.

² В альманахе были напечатаны два стихотворения Софи Мерио — «Воспоминание» и «Пейзаж» (с. 57 и 147). Гете, получивший только три первых листа альманаха (с. 1—72), имеет в виду «Воспоминание».

³ Стихотворение Гердера «Различные методы морали».

⁴ «Музы» Карла Филиппа Конца (с. 42). Второе стихотворение Конца, «Дитя», было помещено ниже.

⁵ Стихотворение Фридриха Людвиг Мейера «Королева кобольдов».

⁶ Рассказ о явлении чудотворных образов, присланный Мейером.

⁷ Собственно, «Madonna della sedia» («Мадонна в кресле», картина Рафаэля в Палаццо Питти во Флоренции).

ПИСЬМО 212

¹ Сведения об этих трагических событиях содержались в письме сестры Шиллера Луизы Доротей Катарины. Младшая сестра (Каролина Нанетта) умерла 23 марта; отец Иоганн Каспар Шиллер умер 7 сентября.

ПИСЬМО 213

¹ См. примеч. 4 к письму 164.

² См. примеч. 2 к письму 199.

³ Принц Август Саксен-Готский прислал Гете свою сказку «Princesse regguche» («Принцесса Попугай»); Гете начал переводить ее для «Ор», но не закончил эту работу.

ПИСЬМО 215

В промежутке между этими письмами — с 18 августа по 3 октября — Гете жил в Иене.

Шиллер заказал Больту в Берлине гравюру с изображением Терпсихоры.

² «Алексис и Дора».

ПИСЬМО 216

¹ В ксении 43 упоминаются «лисы с горящими хвостами» (злобствующие филистеры).

² О каком предложении идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 217

¹ См. примеч. 1 к письму 215.

² Целтер прислал свои произведения для альманаха (см. примеч. 2 к письму 164) только 8 октября. Из-за этого опоздания тетрадка нот оказалась отдельным приложением к переплетенным книгам альманаха.

³ Первоначальное название стихотворения Шиллера «Дифирамб», под которым оно было напечатано в альманахе.

ПИСЬМО 221

¹ Т. е. 15 октября.

² Каролина Шлегель, которая поддерживала переписку с Луизой Готтер, жившей в Гете. В письме от 3 октября она привела два ксения против Манзо.

ПИСЬМО 222

¹ Гете обыгрывает евангельские слова: «...говорю Вам, что и в Израиле не нашел я такой веры» (Лука, 7, 9). Реплика эта тем более иронична, что Гете был осведомлен о неодобрительном отношении Каролины Шлегель к ксениям.

ПИСЬМО 224

¹ Шиллер ошибается: в Иену приехал не Иоганн Каспар Лафатер, а его брат, цюрихский врач Дитхельм Лафатер. Летом 1796 г. И.-К. Лафатер и Паулюс обменялись чрезвычайно резкими письмами (причиной столкновения послужило истолкование Паулюсом одного евангельского эпизода) Дитхельм Лафатер прибыл по поручению брата, желавшего уладить ссору.

ПИСЬМО 225

- ¹ Лафатер. Адресованный ему ксений 20 носил название «Пророк».
- ² Софи Мери (см. письмо 224).
- ³ 11 сентября в Иене Гете начал работу над поэмой «Герман и Доротея» и к 19 сентября закончил первые шесть песен. Закончена же поэма была лишь в марте — мае следующего года, причем также в Иене.
- ⁴ Limbo — первый круг ада у Данте.
- ⁵ См. примеч. 3 к письму 25.
- ⁶ Карл Август собирался поручить Рёшу привести в порядок свое собрание книг по военному делу.

ПИСЬМО 226

- ¹ Рейхардт, опубликовавший в своем журнале рецензию на «Оры». Насекомым Рейхардт назван в ксении 80 (см. письмо 169 и примеч. 1 к нему).
- ² Эссе мадам де Сталь в переводе Гете, опубликованном в «Орах» (1796, № 2). См. письмо 107.
- ³ Август Вильгельм Шлегель, печатавшийся в журналах Рейхардта.

ПИСЬМО 227

- ¹ «Герман и Доротея».

ПИСЬМО 228

- ¹ См. примеч. 2 к письму 202.
- ² Полное собрание сочинений Виланда в 36 томах, печатавшееся у Гёшена в Лейпциге в 1794—1802 гг. В действительности ксений 40, начало которого цитирует здесь Шиллер, был направлен против Манзо, не названного по имени и охарактеризованного в качестве пустого и пошлого порождения Виланда.

ПИСЬМО 229

- ¹ Рейхардт. См. примеч. 1 к письму 169.
- ² Гете намекает на известный рассказ о философе Диогене: «...когда кто-то утверждал, что движения не существует, он встал и начал ходить» (Диоген Лаэртский, VI, 39).
- ³ Отдельное издание перевода Гете вышло лишь в 1803 г. (у Котты в Тюбингене).
- ⁴ Перевод Ньюджента (Лондон, 1771), полученный Гете еще в мае. См. письмо 243 и примеч. 3 к нему.

ПИСЬМО 230

- ¹ Статья «Роберт Гискар, герцог Апулии и Калабрии» («Оры», 1797, № 1—3). См. письмо 186 и примеч. 1 к нему.

ПИСЬМО 233

¹ Кристоф Вильгельм Гуфеланд, медик.

² 22 октября 1796 г.— начало непосредственной работы над «Валленштейном» (см. примеч. 1 к письму 158).

³ См. примеч. 4 к письму 164.

ПИСЬМО 234

¹ Адольф Шлихтегрольд издавал с 1791 г. в Готе «Некролог выдающихся немцев». Отклик на смерть Морица в этом издании послужил поводом к написанию ксения 77 о некрологическом вороне, который выклевывает глаза у мертвецов. См. письмо 235.

ПИСЬМО 235

¹ Журнал издавался Нитхаммером в 1795—1800 гг. (вначале в Ней-стрелице, а с 1797 г.— в Иене и Лейпциге).

² К этим материалам Гете обратился лишь спустя двадцать лет; в 1816—1817 гг. он опубликовал первую часть своего «Путешествия в Италию» (в качестве продолжения книги «Из моей жизни. Поэзия и правда»).

ПИСЬМО 236

¹ Ксений 92, адресат которого не установлен в точности.

² Ксений 77, посвященный некрологическому ворону (Шлихтегрольду), следовал в альманахе за ксением, адресованным Виланду (см. примеч. 2 к письму 202). Бёттигер же, по-видимому, вообще не был задет в альманахе; один из ксений, который с большой долей уверенности можно отнести к нему, остался в рукописи.

³ Во «Всеобщем имперском вестнике» (№ 251 от 28 октября 1796 г.) была напечатана небольшая заметка, в которой осуждались ксении; неудачный дистих, о котором пишет Шиллер, завершал ее. Этот первый печатный отзыв о ксениях был вызван ксением 252, прямо адресованным «Имперскому вестнику».

⁴ Ситуация особенно комичная, поскольку под «юными племянниками» (ксении 341 и 342) подразумеваются как раз братья Шлегели, племянники драматурга и критика Иоганна Элиаса Шлегеля.

⁵ Шиллер имеет в виду статью неизвестного автора «О некоторых новых мошенничествах в нашей литературе», опубликованную в недавно основанном критико-библиографическом еженедельнике «Всеобщий литературный указатель» (№ 26 от 27 сентября). Рейхардту посвящен здесь обширный заключительный абзац.

ПИСЬМО 237

¹ Как и в августе 1795 г. (см. письмо 85), причиной поездки послужил обвал штольни на рудниках в Ильменау.

² Приложение это не сохранилось.

³ «Герман и Доротея»; см. примеч. 3 к письму 225.

⁴ См. примеч. 7 к письму 211.

ПИСЬМО 238

¹ Т. е. в Ильменау.

² Письмо Кёрнера от 28 октября было посвящено последнему тому романа. Гете особенно интересовало мнение Кёрнера (см. письмо 232).

³ От книготорговца Бёме, уже упоминавшегося выше (см. письмо 226).

⁴ Христиана Вульпиус, жена Гете; формально брак был заключен лишь в 1806 г.

ПИСЬМО 240

¹ Киммерия, согласно Гомеру («Одиссея», XI, 14), находится где-то на краю обитаемого мира.

² Т. е. Tabulae votivae и собственно ксении.

³ Иоганн Карл Фойгт, горный советник в Ильменау.

⁴ Экземпляр последнего тома романа «Годы учения Вильгельма Мейстера». См. письмо 233.

ПИСЬМО 241

¹ В письме от 6 ноября Дальберг поблагодарил Шиллера за присылку альманаха, упомянув при этом ксении. Смысл шутки в том, что Дальберг, лицо духовное, отпускает Шиллеру этот грех, поскольку считает его глубоко нравственным человеком. В этом отношении репутация у Шиллера была гораздо выше, чем у Гете, что и нашло отражение во многих салонных разговорах об альманахе (см., например, письмо 244).

² Книга Бёттигера «Об игре Иффланда в четырнадцать представлений на сцене веймарского придворного театра в апреле 1796 года» (Лейпциг, 1796). Бёттигер действительно привел в тексте записку «одной дамы» (Шарлотты фон Кальб) Иффланду с восторженным отзывом об исполнении им роли Франца Моора.

³ Приложение не сохранилось; о ком идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 242

¹ Письмо Дальберга и «листок с гекзаметрами».

² Намек на дистихи принца Августа (см. письмо 238).

³ Обстоятельный и довольно благожелательный разбор всего альманаха в № 132 упомянутой газеты от 4 ноября. Автор его неизвестен.

⁴ Книгу Бёттигера, о которой шла речь в предыдущем письме.

ПИСЬМО 243

¹ См. отзыв Шиллера о предыдущем выпуске альманаха Фосса (письма 115 и 117). Этому альманаху был прямо адресован ксений 248. Ниже Гете упоминает работы самого Фосса, опубликованного в альманахе перевод третьей идиллии Феокрита и нескольких изречений греческих философов.

² «Германа и Доротей».

³ За месяц до этого Гете уже обращался к Шиллеру с такой же

просьбой (письмо 229), на которую Шиллер по непонятной причине не откликнулся. Теперь Шиллер написал Бойе (23 ноября) и получил ответ в следующем месяце (см. письмо 262).

ПИСЬМО 244

¹ Шарлотта Шиммельман, жена датского министра. Никаких конкретных поводов для столь бурной реакции в Копенгагене ксении не давали, лишь ксений 275, адресованный некоему Б., мог быть с некоторой натяжкой отнесен к датскому поэту Баггесену (хотя, по всей видимости, здесь подразумевался философ Бутервек).

² Письмо от 5 ноября, на этот раз посвященное всему роману (см. примеч. 2 к письму 238). Обширные выдержки из него Шиллер опубликовал в «Орах» (1796, № 12) под названием «О романе «Годы учения Вильгельма Мейстера». Из одного письма к издателю «Ор».

³ См. примеч. 2 к письму 14.

⁴ Вильгельм фон Вольцоген безуспешно хлопотал о месте члена тайного совета, освободившемся со смертью Франца Гендриха; в 1797 г. он был принят на веймарскую службу камергером при некотором содействии Гете (см., например, письма 253, 256 и 258).

ПИСЬМО 245

¹ Гете, по-видимому, обратил внимание на абзац в письме, посвященный соотносительности судьбы и характера личности.

² Цитата из басни, которую приводит Гердер в «Письмах об Оссиане» (1773): реплика осла, призванного быть судьей в споре между соловьем и кукушкой.

³ Якоби (в письме от 9 ноября).

⁴ О ком идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 246

¹ Роман Каролины фон Вольцоген, печатавшийся в «Орах» (1796, № 10 и 12; 1797, № 2 и 5); вышел отдельным изданием в Берлине в 1798 г.

² Ответ Клопштока на эпиграмму 29 венецианского цикла.

³ Роман Ф.-Г. Якоби «Вольдемар» (1779; вторая редакция — 1794). Рецензия Фридриха Шлегеля, написанная в чрезвычайно резком тоне, появилась в связи с третьим изданием романа (1796). Письмо Якоби Гумбольдту не сохранилось.

ПИСЬМО 247

¹ Приложение не сохранилось.

² Письмо Вильгельма Гумбольдта от 24 ноября было посвящено «Годам учения Вильгельма Мейстера»; непосредственным поводом к его написанию послужило знакомство Гумбольдта с отзывом Кёрнера о романе. См. письмо 248.

ПИСЬМО 249

¹ Оттиски титульной гравюры (с изображением Терпсихоры) для второго издания альманаха.

² Берлинский друг Гумбольдтов, гостивший у них в Иене и нанесший визит в Веймар.

³ «О влиянии страстей на счастье людей и наций» (Лозанна, 1796).

ПИСЬМО 250

¹ Немецкий перевод сочинения мадам де Сталь вышел в Цюрихе в 1797 г.

² Анонимный стихотворный памфлет «Ответные подарки грязным поварам в Иене и Веймаре от некоторых благодарных гостей», опубликованный осенью 1796 г. без указания места издания. Авторами его были Манзо и лейпцигский издатель Дик, задетые во многих ксениях.

³ Начиная с 1797 г., в веймарском театре были заведены понедельные дежурства режиссеров, функции которых исполняли актеры Генрих Беккер, Антон Генаст, Карл Генрих Шалль.

⁴ Максимилиан Якоби (сын писателя), изучавший медицину в Иене.

ПИСЬМО 251

¹ Познакомившись с продолжением романа в декабрьской книге «Ор», Каролина Шлегель все же усомнилась в авторстве Гете.

ПИСЬМО 252

¹ Элегия «Герман и Доротея», написанная в начале декабря во время работы над одноименной поэмой. Намерение Гете создать новый цикл элегий не осуществилось; упомянутая элегия была напечатана только в 1800 г. См. письмо 254.

² Роман Энгеля (см. примеч. 1 к письму 102).

ПИСЬМО 253

¹ См. примеч. 4 к письму 244. Вольцоген состоял в это время на службе в Саксен-Мейнингене.

² Екатерина II умерла 6 (17) ноября 1796 г.

ПИСЬМО 254

¹ В третьем номере «Ученого приложения» к газете «Гамбургский беспристрастный корреспондент» (ноябрь 1796 г.) был напечатан анонимный иронический панегирик ксениям в том же стихотворном размере — с погрешностями в метрике и довольно плоский по тону. За подписью «Ф.» скрывался, возможно, гамбургский литератор Кристоф Даниэль Эбелинг.

² Письмо Фосса от 7 декабря, которым он сопроводил экземпляр своего альманаха, присланного в дар Шиллеру. Письмо не сохранилось;

судя по реплике Гете (письмо 255), Фосс доброжелательно отозвался о шиллеровском альманахе.

ПИСЬМО 255

¹ См. примеч. 1 к письму 250.

² «О живописи» (Париж, 1796). К переводу этого произведения Гете приступил лишь в сентябре 1798 г. (см. письмо 543 и примеч. 2 к нему).

ПИСЬМО 257

¹ Фридрих фон Бейльвиц, первый муж Каролины фон Вольцоген, автора «Агнес фон Лилиен».

ПИСЬМО 258

¹ Письмо 256 с характеристикой Вильгельма фон Вольцогена.

ПИСЬМО 260

¹ Первые разработки сюжета трагедии о Валленштейне были выполнены в прозе.

ПИСЬМО 261

¹ Бёттигер, издатель «Нового немецкого Меркурия», опубликовал в декабрьском номере журнала свою статью «Новое произведение госпожи де Сталь».

² См. примеч. 3 к письму 250.

ПИСЬМО 262

¹ См. письмо 243 и примеч. 3 к нему.

² Элегия «Герман и Доротея». Гете послал рукопись элегии Кёрнеру 8 декабря; Кёрнер откликнулся на это двумя восторженными письмами — к Шиллеру (15 декабря) и Гете (17 декабря).

³ Поэмы «Герман и Доротея», своеобразным уведомлением о которой служила элегия.

ПИСЬМО 263

¹ Речь идет о таблицах, предназначенных для исследования цветов спектра при помощи призмы.

² Набросок не сохранился.

³ Гете сделал это в июне следующего года (см. письмо 323).

⁴ Кроме четы Шлегелей на обеде у Гете присутствовали Гердер, Кнебель, Христиан Август Вульпиус. Каролина Шлегель рассказала

о нем Шиллеру 25 декабря (упоминание об этом содержится в ее письме к Луизе Готтер, написанном в тот же день). За обедом, в частности, обсуждалась — в ироническом тоне — эпиграмма Клопштока на Гете (см. письмо 246).

ПИСЬМО 264

¹ Шиллер имеет в виду чрезвычайно грубую статью Рейхардта «Обращение издателя к публике по поводу ксений в шиллеровском «Альманахе Муз на 1797 год» («Германия», 1796, № 12). Гете отсоветовал Шиллеру отвечать на этот выпад; черновик Шиллера, присланный с этим письмом, не сохранился. См. письма 265 и 268.

² Вильгельм Гумбольдт написал Гете 23 декабря и рекомендовал ему встретиться с молодым зоологом Готтхельфом Фишером, о котором Гете уже был осведомлен (см. письма 263 и 266).

³ Братья Макдональд, гостившие в Веймаре у Бёттигера, а затем отправившиеся вместе с ним и Кнебелем в Иену. Кнебель дважды был у Шиллера и подробно рассказал об опытах Гете, в которых он принимал деятельное участие (см. письма 261 и 263).

⁴ См. примеч. 2 к письму 263.

ПИСЬМО 265

¹ Окончание письма не сохранилось.

ПИСЬМО 266

Письмо это было написано во время поездки в Лейпциг и Дессау, в которой Гете сопровождал Карла Августа. В Веймар Гете вернулся 10 января.

¹ Т. е. ответ на статью Рейхардта (см. письмо 264 и примеч. 1 к нему). В конечном счете выпад этот был оставлен без внимания.

² См. примеч. 2 к письму 264.

ПИСЬМО 267

¹ Александр Гумбольдт в середине января провел неделю в Иене; о его желании увидеться с Гете сообщил Вильгельм Гумбольдт в письме к Гете от 10 января.

² В упомянутом выше письме Гумбольдт передал Гете просьбу Фридриха Гентца, нуждавшегося в нескольких сочинениях о Французской революции из веймарской библиотеки.

³ «Герман и Доротей». 8 января Гете отметил в дневнике: «На этих днях подготовил план завершения эпической поэмы».

⁴ Фридрих Шлегель привез Гете в декабре книгу Вакенродера «Сердечные излияния монаха — любителя искусств», вышедшую в конце 1796 г.

⁵ О ком идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 268

¹ См. примеч. 1 к письму 264.

² Шиллер имеет в виду статью Виланда «Альманахи Муз на 1797 год. Диалог между мной и одним моим другом» («Новый немецкий Меркурий», 1797, № 1).

ПИСЬМО 269

Гете провел в Иене весь день 13 января; письмо Шиллера по предложению Грефа и Лейтцмана написано в промежутке между двумя визитами Гете — утренним и вечерним.

¹ О каких изданиях идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 270

¹ «Алексис и Дора» и поэма «Герман и Доротея».

² Элегия «Герман и Доротея».

³ Гете располагал значительной частью рукописного наследия писателя Ленца, умершего в 1792 г. См. письмо 276 и примеч. 1 к нему.

⁴ См. письмо 235 и примеч. 2 к нему.

ПИСЬМО 271

¹ Ответ Рейхардту (см. письма 264 и 266).

ПИСЬМО 272

¹ 19 января родился Теодор Гумбольдт.

ПИСЬМО 273

Предшествующее этому письму Гете от 25 января не сохранилось.

¹ Иоахим Генрих Кампе опубликовал в издаваемом им филологическом обозрении («Сообщения о совершенствовании немецкого языка», 1796, № 7) статью «Заметки о стараниях господина тайного советника фон Гете очистить и облагородить наш язык». Некоторый консерватизм Кампе в вопросах, связанных с развитием языка, пополнением его словарного состава и т. д., послужил поводом для двух ксений, упомянутых ниже Шиллером (№ 87 и 152). Так, в ксении 152 («Пурист») адресату задавался вопрос: как перевести на немецкий язык слово «педант»?

² Шиллер имеет в виду реплики по поводу ксений в статьях Фридриха Людвиг Мейера («Берлинский архив современной эпохи и современного вкуса») и Августа фон Геннингса («Дух времени»).

³ Стихотворение Клаудиуса «Послание Уриана»; Клаудиусу был адресован ксений 18.

ПИСЬМО 274

¹ Драматическая актриса и оперная певица Каролина Ягеман; впоследствии — фаворитка Карла Августа.

² Гете вел переговоры об издании «Германа и Доротеи» с берлинским издателем Фивегом; он указал требуемую им сумму гонорара в запечатанном конверте, хранившемся у Бёттигера, который выступал в качестве посредника, и сообщил Фивегу, что если тот предложит сумму меньшую, то сделка не состоится, а если большую, то он откажется от разницы. Фивег в письме к Бёттигеру назвал точно ту сумму, которая была указана (1000 талеров).

³ Вильгельм Гумбольдт готовился к большому путешествию по Италии.

ПИСЬМО 276

¹ Из присланных рукописей Ленца Шиллер отобрал незаконченную повесть «Лесные братья» («Оры; 1797, № 4 и 5) и стихотворения «Сельская любовь» и «Тантал» («Альманах Муз на 1798 год»).

² Описка. Гете имеет в виду садовый дом профессора Карла Шмида. Шиллер осмотрел и этот дом, и дом тайного советника Иоганна Кристофа Шмидта (см. письма 277 и 281) и остановил свой выбор на втором.

³ Фридрих Мюллер, поэт и художник, известный как «Живописец Мюллер». Его статья «Письмо господина Мюллера, живописца в Риме, относительно сообщения господина Фернова о выставке господина профессора Карстенса в Риме», напечатанная в «Орах» (1797, № 3 и 4), представляла собой полемический разбор сочинений Фернова, в частности — уже упоминавшейся статьи «О стиле» (см. письмо 63 и примеч. 3 к нему) и работы «Введение в цикл лекций по эстетике, прочитанных в обществе немецких художников и любителей искусства в Риме» («Новый немецкий Меркурий», 1796, № 1).

⁴ Кёрнер по просьбе Гете прислал дуэт из оперы Чимарозы «Тайный брак», отсутствовавший в партитуре веймарского театра. Опера была исполнена 28 января.

ПИСЬМО 277

¹ См. примеч. 1 к письму 182. Выдержки из книги были напечатаны в «Орах» (1797, № 6—9, 11); публикацию подготовил Вольцоген, а Шиллер предварил ее кратким вступлением.

² Ходатайство Нитхаммера увенчалось успехом; возможно, Гете способствовал этому, однако о визите Нитхаммера к нему сведений не сохранилось.

ПИСЬМО 278

¹ На основании записи в дневнике Гете от 17 января («С Якоби об его поэме») можно предположить, что речь идет о фрагменте из произведения Максимилиана Якоби.

² Сказка «Новая Мелузина», опубликованная впервые в 1817—1819 гг. (в двух выпусках «Дамского альманаха», выходившего в Тюбингене) и вошедшая впоследствии в состав романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1829).

³ Гете завершил «Германа и Доротею» в марте, во время пребывания в Иене (см. письма 284—292).

ПИСЬМО 279

¹ См. примеч. 2 к письму 268.

² Элегия «Герман и Доротея». См. примеч. 1 к письму 252, а также письмо 254.

ПИСЬМО 280

¹ Т. е. 12 февраля. См. письмо 282.

ПИСЬМО 281

¹ Ни одно из писем Мейера в «Орах» напечатано не было.

² «Приложение к «Альманаху Муз на 1797 год» Фридриха Шиллера» (Берлин — Штеттин, 1797).

ПИСЬМО 282

¹ Цитата из Ювенала («Сатиры, XIV, 204), послужившая названием для ксения 206. Николаи был адресован цикл ксений со 184 по 206.

² К правоведу Готлибу Гуфеланду.

ПИСЬМО 283

Этому письму предшествовал визит Гете в Иену (12—13 февраля).

¹ Фивег издал «Германа и Доротею» осенью 1797 г. в своем альманахе («Карманная книжка на 1798 год»).

ПИСЬМО 284

¹ Титульная гравюра для «Альманаха Муз на 1798 год».

² Опера Пауля фон Враницкого.

ПИСЬМО 285

С 20 февраля по 31 марта Гете жил в Иене.

¹ Из-за сильной простуды Гете не выходил из дома с 27 февраля по 5 марта. До этого он, судя по дневниковым записям, каждый день посещал Шиллера. 22 февраля Шиллер познакомил Гете с подробным планом первых трех действий «Валленштейна».

ПИСЬМО 286

¹ «Опыт нового изложения наукоучения» («Философский журнал», 1796, № 7).

ПИСЬМО 287

¹ Дневниковые записи Гете с первого же дня болезни посвящены этим занятиям; Гете удалось даже проделать некоторые опыты 1 марта, когда была написана эта записка.

ПИСЬМО 288

¹ Речь идет о покупке садового дома; поскольку владелец его умер, купчая должна была утверждаться опекунским советом в Веймаре; обращение Гете к Фойгту (см. письмо 289) возымело действие, и 18 марта Шиллер и Гете отправились с утра осматривать дом и сад, чтобы обсудить необходимые нововведения.

ПИСЬМО 289

¹ Возможно, речь идет о комедии Фридриха Рамбаха «Эмигрант».
² См. письмо 283.

ПИСЬМО 293

¹ Гете уехал из Иены 31 марта. Одновременно с ним в недолгую поездку в Эрфурт и Веймар отправился Вильгельм Гумбольдт. Шарлотта Шиллер уехала в Веймар, чтобы помочь сестре в устройстве на новом месте.

² Здесь и ниже Шиллер называет трагедии Софокла. Это первое свидетельство возрождения давнего интереса Шиллера к греческой драматургии. В 1788—1789 гг. он с увлечением занимался переводом трагедий Еврипида и опубликовал перевод «Ифигении в Авлиде» («Талия», 1789, № 6 и 7) и сцен из «Финикиянок» («Талия», 1789, № 8).

³ Перевод начальных сцен «Лисистраты», выполненный Вильгельмом Гумбольдтом еще в 1795 г.

ПИСЬМО 294

¹ См. письмо 277 и примеч. 1 к нему.

ПИСЬМО 295

¹ Шиллер имеет в виду произведение Леона Еврея «Диалоги о любви» (1535). «Диалоги» были написаны на итальянском языке; Шиллер же познакомился с их латинским переводом, опубликованным в сборнике «Искусство кабалистики» (Базель, 1593). Сведения об астрологии нужны были Шиллеру для работы над «Валленштейном».

² Какие именно выписки Шиллер послал Гете, неизвестно. Несколько цитат подобного рода из второго диалога Леона Еврея содержится в письме Шиллера к Кёрнеру от 7 апреля (см. *Шиллер Ф.* Собр. соч. в 8-ми т., т. 8. М.—Л. 1950, с. 631—632).

³ Фридрих Шлегель закончил в эти дни перевод упомянутой трагедии Шекспира; 28 марта он читал его Гете и Гумбольдту.

⁴ Т. е. 12 апреля.

ПИСЬМО 296

¹ Вильгельм Гумбольдт писал в этот день своей жене: «Почти все это время мы занимались «Германом», и Гете проявил поразительное усердие в стремлении улучшить в нем еще какие-то детали».

² Каждая из девяти песен поэмы имеет два заголовка: имя музы и собственно название.

ПИСЬМО 298

¹ Гете действительно продиктовал в мае довольно обширную статью, опубликованную в 1819 г. под названием «Израиль в пустыне» в первом издании «Западно-восточного дивана» (в составе «Примечаний и исследований», развернутого авторского комментария в виде сборника научных работ по самому широкому кругу вопросов).

ПИСЬМО 299

¹ Шиллер имеет в виду статью Гете «Два важных, но до сих пор не исследованных библейских вопроса» (1773).

² Отправителем картины был дуисбургский фабрикант Бёнингер (при посредничестве директора дюссельдорфской картинной галереи Лангера, написавшего сопроводительное письмо). Шиллер использовал «Клио» как украшение экрана для камина. О методе фабрикации подобных картин см. письмо 304.

³ Речь идет о кратком паломничестве Челлини после торжественного открытия статуи Персея в апреле 1554 г. во Флоренции.

⁴ Незаконченная драма Гете (1773), в которой, однако, нет хоров. Речь идет, по-видимому, об одноименной оде, написанной примерно в то же время (монолог Прометея) и включенной в состав драмы в качестве третьего акта при ее первой публикации (1830).

ПИСЬМО 300

¹ От Александра Гумбольдта, который гостил в это время в Иене и написал Гете письмо (14 апреля), посвященное главным образом Шиллеру.

² Оратория Гайдна «Семь слов Спасителя на кресте» (1796).

³ Т. е. четыре первые песни «Германа и Доротеи» (см. примеч. 2 к письму 296).

ПИСЬМО 301

¹ «Введение в древнейшую историю человечества» (Иена, 1797).

ПИСЬМО 302

¹ Книга ориенталиста Иоганна Генриха Эйхгорна «Введение в Ветхий завет» (Лейпциг, 1790—1793, в 3-х т.).

² Резкое неприятие работы Вольфа (см. письмо 67 и примеч. 2 к нему) сменилось у Гете несколько настроенным интересом, вызванным преж-

де всего опытом работы над «Германом и Доротеей» и размышлениями о природе эпоса (см., в частности, письма 302 и 304). Во всяком случае, сама идея Вольфа показалась Гете достаточно плодотворной, о чем он писал в элегии «Герман и Доротея» и в письме Вольфу от 26 декабря 1796 г.

³ Речь идет о поэме «Охота», замысел которой возник у Гете весной этого года во время пребывания в Иене; дневниковая запись от 23 марта 1797 г. гласит: «Идея новой эпической поэмы. Вечером у Шиллера: беседа об этом». Вкратце сюжет поэмы должен был состоять в следующем: во время пожара на ярмарке на свободу вырываются тигр и лев; тигра убивает в лесу юноша, спасающий жизнь своей спутницы, льва же укрощает ребенок, сын хозяйки животных. В течение нескольких месяцев этот замысел детально обсуждается в переписке Гете и Шиллера (см. письма 304, 305, 307 и следующие); затем у Гете пропадает интерес к сюжету, в последний раз упоминающемуся в конце июня 1797 г. (см. письмо 335). В 1826 г. Гете вернулся к старому замыслу и разработал его в прозаической форме («Новелла», законченная в январе 1827 г. и опубликованная в 1828 г. в т. 15 последнего прижизненного собрания сочинений).

ПИСЬМО 304

¹ Гете имеет в виду работы Гердера «Древнейшие источники по истории человечества» (1774—1776) и «О духе еврейской поэзии» (1782—1783).

² См. письмо 299 и примеч. 2 к нему. Слова Гете о «Модном журнале» (т. е. о веймарском «Журнале роскоши и моды») не были простой шуткой: 26 апреля Гете в письме к Бёттигеру предложил ему написать соответствующую статью; никакой публикации на эту тему в журнале, однако, не было.

ПИСЬМО 305

¹ В «Охоте» (см. примеч. 3 к письму 303).

² Победы Бонапарта в Италии (см. примеч. 3 к письму 196) вынудили австрийцев пойти на переговоры. 18 апреля 1797 г. в Леобене было подписано перемирие, известие о котором дошло до Шиллера; мирный договор, положивший конец первой коалиционной войне против Франции, был заключен 17 октября 1797 г. в Кампо Формио.

³ Т. е. в «Комедии ошибок» (источником которой послужили «Близнецы» Плавта).

⁴ Вильгельм Гумбольдт отправился 19 апреля в длительное путешествие (в Берлин, Дрезден и Вену, а затем в Париж).

ПИСЬМО 306

¹ С Александром Гумбольдтом, пробывшим в Веймаре с 19 по 25 апреля.

ПИСЬМО 307

¹ Гете имеет в виду статью Фридриха Шлегеля «О поэзии в связи с исследованиями Вольфа» («Германия», 1796, № 11).

² Опубликовано лишь в 1827 г. под названием «Парк».

ПИСЬМО 308

¹ Александр Гумбольдт.

² Т. е. 30 апреля. Однако за день до этого Гете приехал в Иену.

ПИСЬМО 309

Этому письму предшествовал визит Гете в Иену (29—30 апреля).

¹ Речь идет, по-видимому, о либретто моцартовской оперы, написанном Лоренцо да Понте; «Дон Жуан» ставился в веймарском театре в 1797 г. (см., например, письма 144 и 398). Шиллер балладу не завершил.

ПИСЬМО 310

¹ См. письмо 298 и примеч. 1 к нему. Ранее предполагалось, что статья эта будет опубликована в «Орах», откуда и заботы о карте с обозначением пути евреев из Египта.

ПИСЬМО 311

¹ Шиллер читал «Поэтику» в переводе Михаэля Конрада Курциуса, опубликованном в 1753 г. в Ганновере. Перевод отличался большой точностью; противоречия, на которые обратил внимание Шиллер, были вызваны неудовлетворительным состоянием дошедшего до нас греческого текста.

² Согласно Аристотелю, сцепление событий есть важнейший элемент трагедии, поскольку «цель трагедии составляют действия, фабула, а цель важнее всего» («Поэтика», VI).

³ «Ибо историк и поэт... различаются тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй — о том, что могло бы случиться. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории: поэзия больше говорит об общем, история — об единичном» («Поэтика», IX).

⁴ Отрывок с изложением мифа о Фаэтоне в «Метаморфозах» (II, 1—339). Перевод Фосса был опубликован уже в майском номере «Ор».

⁵ См. примеч. 1 к письму 276. Гонорар за произведения Ленца мог быть использован в этих целях, так как автора уже не было в живых.

ПИСЬМО 312

¹ Гете вернулся к этой теме на следующий же день по приезде в Иену; дневниковая запись от 20 мая гласит: «Вечером у Шиллера; продолжение беседы о «Поэтике» и о трагедии вообще». Позднее имя

Аристотеля не раз встречается в переписке, а интерес к «Поэтике» не оставляет Гете до конца дней: в 1827 г. он публикует «Примечание к «Поэтике» Аристотеля», в котором предлагает свой вариант перевода аристотелевского определения сущности трагедии.

² В письме от 24 апреля Фосс обещал прислать Гете отрывки из своего перевода «Метаморфоз» (опубликованные полностью в 1798 г.) и составленные им карты древнего мира по представлениям Гомера. Пакет прибыл в Веймар лишь в конце мая.

³ В связи с перемирием в Леобене (см. примеч. 2 к письму 305).

ПИСЬМО 313

¹ См. письмо 311 и примеч. 4 к нему.

ПИСЬМО 314

¹ Письмо Вильгельма Гумбольдта от 6 мая, целиком посвященное первым четырем песням «Германа и Доротеи». См. письмо 296 и примеч. 1 к нему.

² Т. е. 15 мая.

ПИСЬМО 315

¹ Участок, приобретенный Шиллером, находился неподалеку от старого еврейского кладбища, — отсюда, по-видимому, и шутка.

² Фридрих Шлегель опубликовал в журнале «Германия» (1796, №10) статью «Новый Орфей», направленную против книги Шлоссера «Послание юноше, который собирается изучать критическую философию» (Любек, 1797). Шлоссер полемизировал с Кантом с позиций ортодоксального христианства. См. письмо 420 и примеч. 1 к нему.

³ См. письмо 251.

⁴ В мартовском номере этого журнала, издававшегося Августом Геннингсом в 1795—1801 гг. в Гамбурге, была опубликована статья «Новые альманахи муз».

ПИСЬМО 316

¹ Речь идет об Италии. См. письмо 312.

ПИСЬМО 317

Это и последующие письма (вплоть до 328) написаны во время пребывания Гете в Иене (с 19 мая по 16 июня).

¹ Гете — так же, как и в феврале — марте, — жил в иенском замке, где уже несколько лет помещался отставной гёттингенский профессор Христиан Вильгельм Бюттнер со своей библиотекой (одной из самых крупных частных библиотек Германии той эпохи).

² 21 мая Гете написал элегию «Новый Павсий и его цветочница» и на следующий день прочитал ее Шиллеру. Элегия была напечатана в «Альманахе Муз на 1798 год»; при этом в качестве вступления к ней

использовалась выдержка из «Естественной истории» Плиния Старшего, послужившая источником элегии: «Павсий из Сикиона, художник, будучи юношей, был влюблен в Гликеру, свою согражданку, которая обладала большим умением в плетении венков. Они соперничали друг с другом, и Павсий достиг в изображении цветов величайшего разнообразия. Наконец он написал свою возлюбленную, сидящую за работой над венком. Эта картина была признана одной из лучших его работ и названа «Цветочницей» или «Продавщицей цветов», так как Гликера, будучи бедной девушкой, кормилась этой работой. Люций Лукулл купил в Афинах копию с нее за два таланта (Плиний. *Naturalis historia*, XXXV, 11)».

³ Стихотворение «Кладоискатель», написанное в эти же дни и навеянное, судя по дневниковой записи от 21 мая, чтением Петрарки.

ПИСЬМО 319

¹ За день до этого Шиллера посетил Котта, выплативший, согласно условию (см. письмо 134), гонорар всех авторов «Ор». Вечером 27 мая Гете был у Шиллера и получил причитающуюся ему сумму.

ПИСЬМО 321

¹ Котта переводил часть гонорара Мейера в Цюрих (Иоганнесу Эшеру) для последующей пересылки в Италию.

² Предполагалось, что Гернинг будет спутником Гете в поездке в Италию.

³ «Лагерь Валленштейна», впоследствии превратившийся из пролога к драме в первую часть драматической трилогии. Шиллер читал его Гете дважды — 21 и 27 мая.

⁴ «К Миньоне», написанное в этот день и опубликованное в «Альманахе Муз на 1798 год».

ПИСЬМО 322

¹ Т. е. с девятой песней «Германа и Доротеи» (см. примеч. 2 к письму 296).

ПИСЬМО 323

¹ См. письма 229, 243 и 262.

ПИСЬМО 324

¹ Статья Августа Вильгельма Шлегеля «О «Ромео и Джульетте» Шекспира» («Орь», 1797, № 6).

² Баллада «Ныряльщик» (в переводе В. А. Жуковского — «Кубок»); Шиллер писал ее с 5 по 14 июня (Гете познакомился с ней 11 июня). Была опубликована в «Альманахе Муз на 1798 год».

³ Персонажи баллад Гете «Коринфская невеста» (написана 4—6 июня) и «Бог и баядера» (написана 6—7 июня). Гете читал их Шиллеру соответственно 6 и 7 июня. Обе баллады были опубликованы в «Альманахе Муз на 1798 год».

ПИСЬМО 325

Этим стихотворением Гете сопроводил посылку Шиллеру в подарок небольшой коллекции минералов.

ПИСЬМО 326

¹ Последнюю часть перевода, появившуюся в шестом номере «Ор». О времени публикации записок Челлини в «Орах» см. примеч. 9 к письму 85.

² Т. е. элегию «Новый Павсий и его цветочница».

³ Роман Антуана де ла Салья «История и забавная хроника маленького Жана де Сентре и юной дамы де Белье Кузин» (1456).

⁴ Стихотворение Шиллера в «Альманахе Муз на 1796 год». Смысл посылки не ясен.

ПИСЬМО 327

¹ См. примеч. 1 к письму 324.

² Гете собирался перевести из хроники Саксона Грамматика «Деяния датчан» (нач. XIII в.) отрывок, послуживший источником для трагедии Шекспира (предназначая, по-видимому, перевод для «Ор»), однако работу эту не закончил.

ПИСЬМО 328

¹ См. письмо 325.

ПИСЬМО 329

¹ Шиллер отметил привлекшие его места в книге и передал ее в тот же день гостившему в Иене Вольцогену, который и обработал текст для «Ор» (см. примеч. 1 к письму 277).

² Т. е. «Оры».

³ Баллада «Перчатка», законченная 19 июня и опубликованная в «Альманахе Муз на 1798 год». Источником для нее послужила история, рассказанная в книге Жермена Франсуа де Сен-Фуа «Очерк истории Парижа» (Лондон, 1759).

⁴ Кёрнер в письме к Гете от 29 мая рекомендовал его вниманию своего сослуживца.

⁵ См. примеч. 4 к письму 299.

ПИСЬМО 330

¹ Эту работу Гете начал в Иене; он проштудировал, в частности, книгу Филиппо Бонанни «История ватиканского собора» (Рим, 1686) и подготовил ряд черновых набросков, но далее этого статья не продвинулась.

² Виланд в 1797 г. переселился в Османштедт.

ПИСЬМО 331

¹ Гете не обращался к трагедии со времени выхода в свет ее первого печатного варианта («Фауст. Фрагмент», 1790). 23 июня он набросал подробную схему «Фауста», 24 июня написал «Посвящение» и начал работу над «Театральным вступлением» и «Прологом на небесах», однако уже в начале июля вновь отложил рукописи надолго — до 1800 г.

² Поэмы «Охота» (см. примеч. 3 к письму 303).

³ Старший сын Шиллера.

ПИСЬМО 332

¹ Баллада «Перстень Поликрата», законченная 24 июня и опубликованная в «Альманахе Муз на 1798 год».

ПИСЬМО 333

¹ Мейер заболел во Флоренции лихорадкой, вследствие чего вынужден был вернуться тем же летом в Швейцарию.

ПИСЬМО 334

¹ «Ивиковы журавли». Гете вначале сам собирался обработать этот сюжет в балладе, но затем уступил его Шиллеру.

. ПИСЬМО 336

¹ Стихотворения Фридриха Гёльдерлина «Странник» и «Эфиру», приланные с письмом от 20 июня. Первое из них было опубликовано в «Орах» (1797, № 6), второе в «Альманахе Муз на 1798 год» — в соответствии с рекомендацией Гете (см. письмо 337).

ПИСЬМО 337

¹ Речь идет о стихотворении «Странник» (строка 5). Шиллер заменил здесь образ «бесконечного леса, кипящего, подобно ручью» картиной «освежающей листвы волнующегося леса».

ПИСЬМО 338

¹ Эта встреча состоялась 3 ноября 1794 г. Гёльдерлин не расслышал имени Гете при представлении; сам же он, несмотря на все старания Шиллера, особого интереса у Гете, по-видимому, не вызвал (возможно, впрочем, что и Гете держался чересчур скованно из-за своей застенчивости). Несколько более теплый прием Гёльдерлин встретил у Гете в Веймаре, где он жил некоторое время в 1795 г. О последующем их свидании в августе 1797 г. см. письмо 359.

² «Письма Аманды и Эдуарда» («Оры», 1797, № 6, 7 и 10).

³ Христиан Вильгельм Альвардт издал перевод гимнов и эпиграмм

Каллимаха отдельной книгой (Берлин, 1794). В «Новом немецком Меркурии» публиковались его переводы из «Героид» Овидия (1794), «Медеи» Еврипида и «Лузиад» Камозенса (1797). В «Орах» Альвардт не печатался.

⁴ Поэма Мусея (вторая половина V в. н. э.).

⁵ Книга Томаса Карвера «Путешествие по центральным областям Северной Америки в 1766—1768 гг.» вышла в немецком переводе в 1780 г. в Гамбурге. Шиллер почерпнул оттуда сведения для законченной им 3 июля песни «Надовесский погребальный плач» (была опубликована в «Альманахе Муз на 1798 год»).

ПИСЬМО 339

¹ Т. е. Софи Мери, Каролина фон Вольцоген и Амалия фон Имхоф.

² Гирт, длительное время живший в Италии, приехал в Веймар 28 июня; Шиллер виделся с ним в Иене (см. письмо 340), а затем и в Веймаре, во время своего визита к Гете в середине июля (см. письмо 346).

³ Об Альвардте, см. примеч. 3 к письму 338.

⁴ Речь идет о книгах, взятых в библиотеке.

⁵ Пробные оттиски «Германа и Доротеи».

ПИСЬМО 340

¹ См. примеч. 3 к письму 276.

² «Надовесский погребальный плач» (см. примеч. 5 к письму 338).

³ Письмо Вильгельма Гумбольдта от 25 июня, посвященное художественным коллекциям в Дрездене.

ПИСЬМО 341

¹ Статья Гирта «О Лаокооне» была опубликована в октябрьском номере «Ор».

² Статья Гете «О Лаокооне», открывшая первый номер «Прописей» в 1798 г.

³ См. примеч. 1 к письму 330.

⁴ Т. е. драмы «Лагерь Валленштейна».

ПИСЬМО 342

¹ «Песнь о колоколе», завершенная лишь в сентябре 1799 г. и опубликованная в «Альманахе Муз на 1800 год».

² Шиллер изучал обширную статью «Колокола» в «Энциклопедии экономики и технологии» Иоганна Георга Крюнитца.

ПИСЬМО 343

¹ 30 июля Гете отправился в свое третье путешествие в Швейцарию; в Веймар он вернулся лишь 20 ноября 1797 г.

² Карл Август лечился в Тёплице и отсутствовал в Веймаре до 25 июля.

ПИСЬМО 344

¹ «Надовесский погребальный плач» остался единственным опытом Шиллера в этой сфере.

ПИСЬМО 346

Этому письму предшествовал визит Шиллера в Веймар (с 11 по 18 июля).

¹ См. примеч. 1 к письму 334. Именно в эти дни Гете уступил сюжет Шиллеру.

² Августу Вильгельму Шлегелю, с благодарностью за присылку стихотворения «Прометей» для «Альманаха Муз на 1798 год».

ПИСЬМО 347

¹ Цельтер и Цумштег, подготовившие музыкальное приложение к альманаху.

² См. примеч. 4 к письму 299.

ПИСЬМО 348

¹ Август Вильгельм Шлегель (см. примеч. 2 к письму 346).

ПИСЬМО 349

¹ Стихотворения, о присылке которых Гете просил в предыдущем письме.

² Баллада Гете, написанная в июне в Иене и опубликованная в «Альманахе Муз на 1798 год». Музыка к ней написал Цумштег, о котором и упоминает здесь Шиллер.

³ Шиллер одолжил у Бёттигера новое издание од Клопштока, выпущенное Гёшеном.

ПИСЬМО 350

¹ Письмо Гете с известием об этом, полученное Шиллером 25 июля, не сохранилось.

² Георг Конрад Хорст «Смерть Густава III. Психологическая и этическая картина заблуждений энтузиазма и страстей» (Лейпциг, 1797).

³ Зигфрид Шмид, с которым Гете увиделся во Франкфурте (см. письмо 355). Шиллер отобрал несколько его стихотворений для «Альманаха Муз на 1798 год».

⁴ Август Эрнст фон Штейгентеш, «Песня» которого была опубликована в «Альманахе Муз на 1797 год» и положена на музыку Цельтером.

ПИСЬМО 351

¹ См. примеч. 2 к письму 350.

² Распространенный в литературе XVIII в. жанр (подражание Лукиану).

³ Героиня карлсбадского романа Гете (см. письмо 80 и примеч. 1 к нему).

ПИСЬМО 352

¹ Шиллер прежде всего имеет в виду стихотворение Амалии фон Имхоф «Абдаллах и Бальзора» («Оры», 1797, № 8).

² Отдельное издание романа Каролины фон Вольцоген вышло в Берлине в 1798 г.

³ См. примеч. 2 к письму 346. Стихотворение все же было включено в альманах. Шиллер написал Шлегелю о своих сомнениях 27 июля и на следующий день получил ответ, который он и переслал Гете.

⁴ См. письмо 350.

⁵ См. письмо 350.

ПИСЬМО 353

¹ Строка 27 из «Перчатки». При публикации баллады Шиллер исправил смутившее Гете «und leckt sich die Zunge» («и облизывает себе язык») на «und gecket die Zunge» («и высовывает язык»).

² Т. е. письмо Шлегеля от 28 июля (см. примеч. 3 к письму 352).

³ См. письмо 323.

ПИСЬМО 354

¹ Т. е. к балладе «Бог и баядера» и к стихотворению «К Миньоне» для нотного приложения к «Альманаху Муз на 1798 год».

² Шиллер послал Гердеру две свои баллады («Перчатку» и «Нырляльщика») и две гетевские («Коринфскую невесту» и «Бога и баядеру»). Гердер в ответном письме (от 28 июля) был довольно сдержан. Он не обмолвился ни словом о «Перчатке», однако «Нырляльщику» посвятил несколько строк (посоветовав несколько изменить размер баллады) и добавил: «Меня очень обрадовал мой старый Николаус Пеше в этой облагороженной переработке». Что касается гетевских баллад, то в письме к Кнебелю (от 5 августа) Гердер выразил возмущение их «приапическим» характером. О Николаусе Пеше см. письмо 356.

³ См. письмо 255 и примеч. 2 к нему.

ПИСЬМО 355

¹ См. письма 350 и 352.

² Гете цитирует себя самого («Ифигения в Тавриде», вариант в прозе; акт 1, сцена 3). Имеется в виду некоторая ограниченность Шмида.

³ Краткая записка от Шмида о желании увидеть Гете (с приложенным стихотворением).

ПИСЬМО 356

Ответ на письмо 354.

¹ Гердера, который жил на площади Топфмаркт («горшечный ры-

нок»), расположенной на возвышенности, — отсюда и Топфберг, «горшечная гора».

² Поэт Козегартен, который в уведомлении о готовящемся издании своих стихотворений изложил свою эстетическую программу. См. письмо 358.

³ Гете намекает на задуманную им сказку «Новая Мелузина» (см. письмо 278 и примеч. 2).

⁴ Т. е. Каролину фон Вольцоген, которую Гете называет именем героини ее романа «Агнес фон Лилиен», и Амалию фон Имхоф.

⁵ Опера Сальери («Пальмира, царица Персии», 1795).

⁶ Ученик знаменитого Пьетро Гонзага, уже работавшего в это время в Петербурге.

⁷ Джокондо Альбертолли — миланский архитектор и живописец, автор многочисленных иллюстрированных пособий для начинающих художников в самых различных видах прикладного искусства.

ПИСЬМО 357

¹ Гете жил во Франкфурте в доме своей матери на площади Россмаркт.

² Описание владений деда по матери, Иоганна Вольфганга Текстора (шультхейса, т. е. главы имперского суда во Франкфурте), содержится в первой книге воспоминаний Гете («Из моей жизни. Поэзия и правда»).

ПИСЬМО 358

Ответ на письма 355 и 356.

¹ Шиллер, по-видимому, подразумевает ту социальную среду, в которой Гете оказался во Франкфурте (см. письмо 355).

² Баллада «Ивиковы журавли», создававшаяся 11—16 августа и опубликованная в «Альманахе Муз на 1798 год».

³ Фридрих Вильгельм Готтер скончался 18 марта 1797 г. Его «Остров духов» был опубликован в том же году в «Орах» (№ 8 и 9).

ПИСЬМО 359

Ответ на письмо 358.

¹ В присланных Шиллером двух первых листах альманаха были напечатаны, в частности, «Новый Павсий и его цветочница» и «Ученик чародея» Гете и «Перстень Поликрата» Шиллера.

² См. ответ Шиллера относительно этих замечаний Гете в письмах 360 и 362.

³ Речь идет о незаконченной работе «Рецензия на одну подборку французских сатирических гравюр».

⁴ Гете имеет в виду знаменитую работу Лихтенберга «Подробное объяснение гравюр Хогарта» (Гёттинген, 1794—1799), которую он очень высоко ценил.

ПИСЬМО 360

Ответ на письма 357 и 359.

¹ См. примеч. 1 к письму 342.

ПИСЬМО 361

¹ См. письмо 21 и примеч. 4 к нему.

² См. письма 341, 342 и 344.

³ Одно из самых крупных сражений в войне американских колоний за независимость (1775 г.); картина была написана Джоном Трамблом в 1786 г. Говоря о «новой» картине на этот сюжет, Гете имеет в виду широко известную в те годы картину Бенджамена Уэста «Смерть генерала Вулфа». Трамбл учился у Уэста, и его «Битва под Банкерхиллом» носит отпечаток подражания манере учителя.

⁴ «Подмастерье и мельничный ручей». Гете закончил эту песню 4 сентября (т. е. тогда же, когда и это письмо), но послал Шиллеру текст только в октябре (см. письмо 369). Песня была опубликована в «Альманахе Муз на 1799 год».

⁵ Рекомендательное письмо Шиллера, адресованное либо Даннекеру, либо Раппу.

⁶ К этому времени относится, в частности, набросок статьи «О живописи на стекле».

ПИСЬМО 362

¹ Письмо Шиллера к Бёттигеру от 6 сентября. Об ответе Бёттигера от 8 сентября см. письмо 364.

² Баллада Августа Вильгельма Шлегеля «Арион» («Альманах Муз на 1798 год»). Замысел написать балладу на сюжет драмы Калидасы «Сакунтала» не был осуществлен. См. письмо 846.

³ Иоганн Дитрих Грис, стихотворение которого «Фазтон» было опубликовано в «Альманахе Муз на 1798 год». Упомянутый Шиллером «Пигмалион» Августа Вильгельма Шлегеля был помещен в предыдущем выпуске альманаха.

ПИСЬМО 363

¹ Статья Канта, опубликованная в «Берлинском ежемесячнике» (1796, № 12).

² Стихотворение «Паж и мельничиха», написанное 26 августа и опубликованное в «Альманахе Муз на 1799 год».

³ Уже упомянутая песня (баллада) «Подмастерье и мельничный ручей» (см. примеч. 4 к письму 361), а также «Раскаianie мельничихи» (написана 6—7 сентября) и «Предательство мельничихи» (начата еще в июне, но закончена лишь в мае следующего года). Все четыре баллады были опубликованы в «Альманахе Муз на 1799 год» в качестве своеобразного цикла и имели следующие подзаголовки: «Паж и мельничиха» — «староанглийская [баллада]», «Подмастерье и мельничный ручей» — «старонемецкая», «Предательство мельничихи» — «старофранцузская», «Раскаianie мельничихи» — «староиспанская». В действительности же только третья баллада (перечень здесь соответствует порядку баллад в альманахе) восходила к средневековому французскому оригиналу.

⁴ «Рыцарь Тогенбург» — баллада Шиллера, законченная 31 июля и опубликованная в «Альманахе Муз на 1798 год». Гете познакомился с ее текстом у Котты.

ПИСЬМО 364

Ответ на письмо 361.

¹ Письмо Вильгельма Гумбольдта к Шиллеру от 4 сентября. На следующий день Гумбольдт написал Гете о своих планах.

² См. примеч. 1 к письму 342.

³ Помимо баллад Шиллер опубликовал в альманахе стихотворения «Элегия к Эмме», «Солдатская песня» (впоследствии включенная в «Лагерь Валленштейна»), «Слова веры», «Свет и тепло», «Ширина и глубина», «Тайна» и «Смешанные эпиграммы».

⁴ См. примеч. 1 к письму 362.

⁵ Смысл неясен.

ПИСЬМО 365

Ответ на письмо 363.

¹ Баллада «Паж и мельничиха».

² Непосредственным источником названной ниже баллады послужила новелла Ретифа де ла Бретона, однако сам сюжет — фольклорного происхождения и встречается у многих народов. Баллада была закончена 25 сентября и опубликована в «Альманахе Муз на 1798 год».

³ В «Путешествии на железный завод» добродетельный паж спасается от гибели в заводской печи; говоря о водной и воздушной стихиях, Шиллер имеет в виду баллады «Перстень Поликрата» и «Ивиковы журавли».

⁴ См. примеч. 1 к письму 363.

ПИСЬМО 366

Ответ на письмо 362.

¹ «Краткий отчет», приложенный к письму.

² Гете имеет в виду события на севере Италии в мае — июне 1797 г. — переворот в Венеции, провозглашение Лигурийской республики (Генуя) и т. д. В августе — сентябре 1797 г. в Париже происходили волнения, направленные против правительства Директории.

³ Руины крепости близ Иены.

⁴ Вместе с Вильгельмом Гумбольдтом и его семьей путешествовали Александр Гумбольдт, скульптор Христиан Фридрих Тик, Вильгельм фон Бургсдорф и другие.

⁵ Стихотворение Гриса (см. примеч. 3 к письму 362).

⁶ Стихотворение Августа Вильгельма Шлегеля (см. письма 346 и 352).

⁷ Т. е. дом, в котором Шиллер жил в Иене с 1795 г.

⁸ Цитата из «Ныряльщика» (ст. 31).

⁹ Шиллер был знаком с философом Готфридом Венцелем Пургшталем, посетившим его в 1795 г.

¹⁰ 18 фрюктидора (4 сентября 1797 г.) Директория подавила мятеж роялистов.

ПИСЬМО 367

Письмо это попало к Гете только в декабре (так же, как и приложенный к нему экземпляр альманаха; см. письмо 392).

¹ Цикл эпиграмм Гете, создававшийся в 1797 г. Позднее Гете включил его, как и писал Шиллеру в декабре (см. письмо 392), в состав «Фауста» с подзаголовком «Сон в Вальпургиеву ночь».

² В альманахе были напечатаны четыре элегии Генриха Келлера.

³ Статья Иоганна Якоба Хорнера, посвященная «Теэтету» Платона, была опубликована в июньском номере «Ор» за 1796 г.

⁴ Результатом этих поисков оказался сюжет «Мессинской невесты».

⁵ См. письма 341, 342 и 344.

ПИСЬМО 368

Ответ на письмо 366.

¹ «Одиссея», XII, 234 и след.

² Стихотворение Гриса.

³ Помимо уже упоминавшегося «Прометея» и «Ариона» Августу Вильгельму Шлегелю в альманахе принадлежали стихотворения «Песня и поцелуй», «Посвящение трагедии «Ромео и Джульетта» и «Похищенные боги».

⁴ Т. е. Амалии фон Имхоф. В альманахе было напечатано семь ее стихотворений.

ПИСЬМО 369

¹ Приложение это Гете не послал, а приобщил к своим папкам.

² Шарлотта Шиллер совершила путешествие в Швейцарию в 1783 г.

³ Письма 364 и 365.

⁴ Гете штудировал в это время «Швейцарскую хронику» Эгидия Чуди (XVI в.), в которой он и обнаружил историю Вильгельма Телля. Хроника Чуди стала основным источником Шиллера при работе над драмой о Телле.

⁵ Баллада «Паж и мельничиха», посланная с письмом 363.

⁶ «Подмастерье и мельничный ручей». Кроме того, Гете приложил к письму стихотворение «Швейцарские Альпы», также опубликованное в «Альманахе Муз на 1799 год».

⁷ Эти наброски легли в основу обширной статьи Мейера «О предметах изобразительного искусства», опубликованной в 1798 г. в «Пропилеях».

⁸ Копия римской фрески, выполненная Мейером (см. письмо 154).

ПИСЬМО 371

¹ Экземпляр альманаха, посланный Шиллером с письмом 367, попал к Гете только в декабре в Веймаре (см. письмо 392).

² Гефест пытался насильно овладеть Афиной; семя, извергнутое им при этом, оплодотворило Гею (Землю), и от этого родился Эрихтоний.

³ «Мифологический словарь» Бенъямина Гедериха, впервые опубликованный в 1724 г. в Лейпциге; именно это издание и имеет в виду Гете.

ПИСЬМО 372

Ответ на письмо 369

¹ «Швейцарские Альпы», см. примеч. 6 к письму 369.

² Описка. Речь идет о Румфорде.

ПИСЬМО 373

¹ Речь идет об экземплярах, полученных Коттой.

² Стихотворение Шиллера из числа тех, что были включены в альманах в сентябре (см. примеч. 3 к письму 364). С некоторыми из них Гете познакомился только теперь.

ПИСЬМО 374

¹ «Раскаяние мельничихи». Вторая упомянутая здесь баллада из этого цикла была завершена лишь в следующем году. См. примеч. 3 к письму 363.

² Гете цитирует «Зимнюю пирушку» Фосса из его альманаха на 1798 год.

ПИСЬМО 375

Этому письму предшествовал краткий визит Гете в Иену 20 ноября на пути из Нюрнберга в Веймар.

¹ Пейзаж Клода Лоррена, купленный Даннекером по просьбе Гете.

² Фридрих Циглер; 21 ноября ставилась его комедия «Светский тон и сердечная доброта».

³ Приложение не сохранилось; о чем идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 376

¹ Шиллер имеет в виду книгу Фридриха Эйнзиделя «Наброски теории актерской игры наряду с анализом комической и трагической роли: Фальстаф и Гамлет у Шекспира» (Лейпциг, 1797). Эйнзидель прислал свою книгу Шиллеру с дружеским письмом (от 11 октября).

² См. письмо 375 и примеч. 3 к нему.

ПИСЬМО 377

¹ Над «Валленштейном». Вначале Шиллер предполагал написать трагедию в прозе (см. письмо 260), но затем изменил свое решение. Этому, в частности, способствовала работа весной 1797 г. над прологом к трагедии (т. е. над «Лагерем Валленштейна»), написанным в стихах.

ПИСЬМО 378

¹ Значительная часть одного из писем Гарве была посвящена защите Манзо от нападок в ксениях.

² Элегия «Аминта», написанная в сентябре и опубликованная в «Альманахе Муз на 1799 год».

ПИСЬМО 379

¹ Драма Фридриха Рамбаха «Предательство по убеждению» (1795).

ПИСЬМО 380

¹ «Ричард II», «Генрих IV» (I и II части), «Генрих V», «Генрих VI» (I, II и III части) и «Ричард III». Шиллер читал эти пьесы в немецком переводе (преимущественно в старом переводе Эшенбурга; Виланд перевел только три первые пьесы).

ПИСЬМО 381

¹ О какой оде идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 382

¹ Т. е. драмы Рамбаха; см. письмо 379.

ПИСЬМО 384

¹ В письме Цумштега от 24 ноября упомянуты, в частности, почти все баллады Гете и Шиллера.

ПИСЬМО 385

¹ См. примеч. 1 к письму 331.

² Цитата из Горация («Послания», II, 3, 173).

³ Виланд сопроводил напечатанную в указанном номере «Нового немецкого Меркурия» оду Клопштока «Вино и вода» небольшой заметкой, в которой довольно резко отозвался о нынешнем состоянии немецкой литературы.

ПИСЬМО 386

¹ Т. е. между «Германом и Доротеей» и так и не написанной «Охотой» (см. примеч. 3 к письму 303).

² Давний (ср. письмо 14), так и не осуществленный замысел Шиллера. Трагедия посвящалась героической защите Мальты рыцарями ордена иоаннитов (Мальтийского ордена) во время вторжения турок в мае — сентябре 1565 г.

³ Молоденькая римлянка, на которой собирался жениться граф Гесслер (посол Пруссии в Дрездене), была натурщицей; Мейер, сообщивший Гете; а затем и Шиллеру эту историю, отзывался о ней как о весьма легкомысленном суеществе.

ПИСЬМО 387

¹ В ведении Шнауца находились веймарская библиотека и нумизматический кабинет.

² Речь идет не об объединении фондов, а о создании единого каталога, охватывающего упомянутые библиотеки. Замысел этот осуществить не удалось, однако некоторых нововведений (в частности, упорядочения закупок книг, генеральной инвентаризации и т. д.) Гете добился.

³ Речь идет об Иоганне Витцеле, только что выпустившем сборник своих стихотворений в Нюрнберге.

⁴ Намек на предстоящую свадьбу Кнебеля и певицы Луизы Рудорф (состоялась 9 февраля 1798 г.).

⁵ Речь идет, по-видимому, о какой-то статье Вульпиуса.

ПИСЬМО 388

¹ См. письмо 376 и примеч. 1 к нему.

ПИСЬМО 389

¹ О чем идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 390

¹ См. письмо 387 и примеч. 5 к нему.

² Гигин Младший (II в. н. э.), автор краткого справочника мифологических сюжетов.

³ Это произведение Элизы фон дер Реке не было напечатано и, по-видимому, не сохранилось.

ПИСЬМО 391

¹ Книга Эразма Роттердамского «Adagia» (Сентенции, 1500) представляет собой сборник античных поговорок и изречений с обширным комментарием. Из этого комментария Гете извлек к тому времени сюжет «Ивиковых журавлей», уступленный Шиллеру.

² См. письмо 369 и примеч. 7 к нему.

ПИСЬМО 392

¹ Гете узнал о нездоровье Шиллера из письма Шарлотты Шиллер к нему от 19 декабря.

² В письме Шарлотты Шиллер содержалась характеристика «Альманаха романтических сельских картин на 1798 год» (Берлин, 1797). Издателем альманаха был поэт Фридрих Вильгельм Август Шмидт, уже послуживший Гете мишенью в «Музах и Грациях в Бранденбурге».

³ Письмо 367.

⁴ См. примеч. 1 к письму 367.

⁵ Рецензия Августа Вильгельма Шлегеля во «Всеобщей литературной газете» (№ 393—396, 11—13 декабря 1797 г.).

⁶ «Об эпической и драматической поэзии». Впервые статья была опубликована только в 1827 г.

⁷ Генриха Келлера (см. примеч. 2 к письму 367).

ПИСЬМО 394

¹ Гете имеет в виду опубликованную в 1798 г. работу Мейера «Собрание терракотовых сосудов во Флоренции».

² В статье «Об эпической и драматической поэзии» Гете суммирует свои выводы следующим образом:

«Мне известны мотивы пяти родов:

1) устремляющие вперед, такие, которые ускоряют действие; ими преимущественно пользуется драма.

2) обращающие вспять, такие, которые отдалают действие от его цели; ими пользуется почти исключительно эпическая поэзия.

3) замедляющие, которые задерживают ход действия или удлиняют путь; этими мотивами, с великой выгодой для себя, пользуются оба жанра.

4) обращенные к прошлому, благодаря которым оживает происшедшее до эпохи этих стихотворений.

5) обращенные к будущему, предвосхищающие то, что произойдет в последующие эпохи. В обоих этих мотивах нуждаются как драматический, так и эпический поэты, чтобы сделать свои творения завершенными».

³ Первое упоминание о замысле эпической поэмы «Ахиллеида», над которой Гете работал в 1798—1799 гг. Поэма не была завершена.

ПИСЬМО 395

¹ В статье «Об эпической и драматической поэзии», присланной Шиллеру с письмом 392. Рапсод, согласно Гете, представляет собой мудреца, «в спокойной задумчивости обзирающего случившееся»; мим, напротив, взывает к непосредственному сопереживанию зрителей.

ПИСЬМО 396

¹ См. примеч. 7 к письму 369.

ПИСЬМО 398

¹ Шарлотта Шиллер гостила в Веймаре с 27 по 29 декабря; Гете послал ей приглашение, однако визит не состоялся.

² Новая постановка веймарского театра (29 декабря).

- Гете И.-В., Шиллер Ф.**
Г 44 Переписка: В 2-х т. Т. 1/Вступит. ст. А. А. Аникста; Пер. с нем. и коммент. И. Е. Бабанова.— М.: Искусство, 1988.— 540 с.— (История эстетики в памятниках и документах).

Свод писем, которыми обменялись выдающиеся немецкие поэты И.-В. Гете (1749—1832) и Ф. Шиллер (1759—1805) в 1794—1805 гг., представляет собой целостный и уникальный памятник мировой литературы. «Переписка Гете и Шиллера» в полном объеме публикуется на русском языке впервые. Первый том охватывает переписку 1794—1797 гг. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Г $\frac{0302060000-135}{025(01)-88}$ 15—88

ББК 84.(4Г)

И.-В. ГЕТЕ, Ф. ШИЛЛЕР

ПЕРЕПИСКА

т. I

История
эстетики
в памятниках
и документах

Редакторы
А. В. МИХАЙЛОВ, В. С. ПОХОДАЕВ

Художник серии
А. Т. ТРОЯНКЕР

Художник
В. М. МЕЛЬНИКОВ

Художественный редактор
И. В. БАЛАШОВ

Технический редактор
Е. З. ПЛОТКИНА

Корректор
Е. А. МЕЩЕРСКАЯ

И. Б. 2811. Сдано в набор 27.08.87. Подп. к печ. 16.08.88. Формат издания 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура типа таймс. Высокая печать. Усл. печ. л. 28,56. Усл. кр.-отт. 28,56. Уч.-изд. л. 30,151. Изд. № 17562. Тираж 25 000. Заказ 1770. Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3
Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054 Москва, Валовая, 28

В серии

«ИСТОРИЯ
ЭСТЕТИКИ
В ПАМЯТНИКАХ
И ДОКУМЕНТАХ»

В 1989 году выходит:

Стать Ж. де. О литературе: Пер. с фр. 30 л.,
2 р. 80 к., 1989 (II кв.).

Сборник эстетических работ талантливой французской писательницы конца XVIII — начала XIX века Ж. де Сталь открывается трактатом «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями». В этом аналитическом обзоре европейской литературы (от периода античности до эпохи Великой французской революции) Ж. де Сталь обращает внимание в первую очередь на взаимозависимость литературы и «общественных установлений» — политики, религии, нравов, рассматривает процесс развития литературы как аргумент в пользу теории о бесконечном совершенствовании человеческого разума. Этот трактат оказал огромное влияние на французскую и европейскую эстетическую мысль XIX века. В сборник вошли также статьи «О нравственной цели «Дельфины», «О духе переводов» и «Опыт о вымысле». Все работы переводятся на русский язык впервые.

* * *

Объем, цена и срок выпуска издания указаны ориентировочно.

В серии

«ИСТОРИЯ
ЭСТЕТИКИ
В ПАМЯТНИКАХ
И ДОКУМЕНТАХ»

В 1989 году выходит:

Либкнехт К., Люксембург Р. Избранное:
Пер. с нем. 30 л., 2 р. 60 к., 1989 (II кв.).

В книгу включены литературно-критические статьи, а также тексты речей и письма, освещающие вклад в марксистскую эстетику основателей Коммунистической партии Германии, единомышленников В. И. Ленина по вопросам строительства социалистической культуры К. Либкнехта и Р. Люксембург.

Публикуемые материалы (часть из них издается в русском переводе впервые) помогают лучшему пониманию эстетического наследия выдающихся деятелей немецкого и международного рабочего движения, дополняют общую картину развития европейской эстетической мысли предоктябрьской эпохи.

* * *

Объем, цена и срок выпуска издания указаны ориентировочно.

